Михаил Лост

КУЗНИЦА КАДРОВ

фантастический роман

© Авторские права защищены

Оглавление:

КУЗНИЦА КАДРОВ 3
– 1 – 3
– 2 – 39
– 3 – 85
– 4 – 134
– 5 – 183
– 6 – 236
– 7 – 280
– 8 – 324
– 9 – 374
– 10 – 417
– 11 – 462
– 12 – 506
– 13 – 560
– 14 – 608

Координаты для связи с автором:
E-mail: letter@imi.su
https://vk.com/mihail_lost

Михаил Лост

КУЗНИЦА КАДРОВ

Вы рождены, чтоб всех нас сделать былью.

– 1 –

Длинный прямоугольный зал озарялся холодным металлическим светом. Не существуя в природе, он, тем не менее, казался именно таким — колючим, леденящим, отчужденным. Столь странный эффект ему придавали незримые частицы, превращая ровное белое свечение в нечто неестественное и чужое. То сказывалось излучение, насыщавшее внутреннюю атмосферу, но оно вполне соответствовало всему остальному. Обшитые прочным сплавом, стены не были окрашены. Условный цвет им придавала лазерная гравировка, однако не для эстетической цели, а в силу технической обработки. Отливая серым, они иногда вспыхивали тусклыми искорками, когда по ним пробегало электрическое возмущение.

Пол был под стать стенам. Блекло-серый, он разделялся на правильные квадраты плит, очерченные тонкими темными дорожками. Разделялся не краями, а проложенными в нем линиями проводников, создававших незримое поле. Это поле насыщало и призрачно-бледный потолок, не имевший выраженных элементов освещения, однако озарявший зал вполне уверенно.

Шестиугольные колонны не были несущими, и лишь выглядели таковыми. Выстроенные в два ряда, они источали направляющее излучение, формируя в поле внутренние контуры. Это излучение проступало несколько ярче, чем на стенах, за счет скрытых потоков энергии, однако в остальном соответствовало общему интерьеру. Интерьеру, совершенно лишенному всякого декора и объектов. Зал пустовал. Казалось, в нем не было ничего, кроме монотонных поверхностей, выстроенных в правильных геометрических структурах. Он выглядел подсвеченной коробкой, лишенной окон и дверей, однообразной и без всяких признаков жизни. Он походил на пустовавшее помещение, созданное с какой-то целью, но не введенное в эксплуатацию. Но то было совсем не так.

Одна из стен распахнулась. Бесшумно, словно в немом кино, в ней появился проем. Металл, представлявшийся монолитом, раздался в стороны, образовав проход. Не слишком широкий, однако достаточный, чтобы через него неторопливо прошли четыре фигуры, сопровождавшие нечто похожее на медицинскую капсу-

лу. Двое мерно шагали по обе стороны от нее. Еще двое замыкали процессию, следуя в ярде друг от друга.

Пола капсула не касалась. Озаренная по периметру огнями, она плыла над ним как облачко, будто невесомая и не принадлежащая этому миру. Весила, однако, она явно немало, если судить по тихому шипению встроенного электромагнитного модуля. Ее белые бока, словно отлитые из белого пластика, холодили отблески металлического освещения. Оно же пробегало по ее голубоватому, в рост человека, верхнему колпаку ледяными крапинками. Колпак был непроницаем. Забранный зеркальным слоем, он не позволял рассмотреть, что скрывалось в капсуле.

Вошедшие не разговаривали. Сопровождая капсулу, они напоминали роботов, не нуждавшихся во взаимном общении. Они и держались так же — невозмутимо, безразлично, неэмоционально. Их движения казались механическими, повторявшимися в одной и той же заданной последовательности. Они словно передвигались из точки А в точку В, направляемые узлами бездушной машины. И все же машинами они не были. Подойдя к противоположной стене, процессия остановилась. Капсула замерла. Безмолвные человеческие фигуры проявили интерес к окружающему. Их лица, доселе будто высеченные из мрамора, отразили нехарактерную для роботов живую реакцию.

Наибольшее неравнодушие выразила крупная мужская фигура. Плечистая, с широкой шеей, она обладала не только атлетической грудью, но и крепкими руками. Ее строгий, но элегантный черный костюм резко контрастировал с невзрачными комбинезонами тех других, чей пол оставался визуально неопределен. Очертания их тел скрадывались в серых одеяниях, а лица, забранные масками, хоть и выражали эмоции, однако не позволяли наверняка установить, кому они принадлежали. Женщина, сопровождавшая мужчину, на их фоне тоже заметно выделялась, и особенно своим синим, до колен, шелковым платьем. Неопределенно приподняв тонкую бровь, она выжидающе уставилась на своего спутника. Весь его вид выражал нетипичное волнение.

— Третий случай за неделю, — мрачно изрек он, наблюдая, как стена впереди раздалась, открывая мерно светившийся зев. — Это уже за рамками всякой нормы.

Лакированная трость, вырезанная из подлинного черного дерева, гулко стукнула об пол. Опершись на ее платиновый, отполированный до зеркального блеска набалдашник, мужчина хмуро глянул в проем, похожий на короткий тупиковый тоннель. Затем перевел взгляд на капсулу. Очень тяжелый взгляд, в котором сквозило не только значительное неудовольствие, но также читалась и

тревога. Обычно его карие глаза источали ум, житейскую мудрость и несгибаемую волю, вот только там, наверху. Сейчас в напускной личине не было необходимости, и мужчина позволял себе выразить нечто совсем иное. Воля, сопряженная с властностью, никуда не делась, а от остального не осталось и следа. Всякие расположение и участие испарились. Теперь в глазах отражалось лишь то, что иные поэты назвали бы страстями, только это были не страсти. Во всяком случае, не типичные человеческие. Казалось даже странным, что горящий, обращенный на капсулу взгляд, не порождает язычки беспощадного пламени. Но пламя все же полыхнуло. Там, в проеме, когда взор мужчины скользнул туда с зеркального колпака. Дар пирокинеза тут был не при чем. Это приемник, запуская новый цикл, выплюнул остатки подготовительной смеси.

В окружающий интерьер мужчина совершенно не вписывался. Здесь, в холодной технологической обстановке, его облачение смотрелось более чем неестественно. Оно предполагало светский род занятий, может и не связанный с аристократическими раутами, но уж точно имевший подчеркнуто важный статус. На крупного бизнесмена мужчина не походил, хотя выражение его лица и хранило черты, присущие этой категории людей. При этом не походил он и на видного деятеля культуры. Слишком солидно он себя держал, и слишком много жесткости читалось в уголках его рта, отрывистых жестах и неторопливых движениях. Не походил он и на представителя власти, в том или ином ее воплощении. Он излучал уверенность, однако не ту, которой отличаются политики или влиятельные административные шишки. Это была другая уверенность. Такая, какая встречается у тех, кто стоит у руля образования или науки, определяя как их нынешнее, так и перспективное течение.

Мужчина определенно производил впечатление, только не губернатора или магната, а именитого профессора, по-своему также обличенного властью, однако отнюдь не законов или денег. Властью влиять на умы молодого поколения, формировать его в соответствии со своими представлениями о мире и своим же внутренним видением. Повелевая судьбами, ставя условия, кого-то принимая, а кого-то отталкивая, такие люди сами воспитывают будущих финансовых воротил, президентов и прочих сильных мира сего, прививая не только определенные устои, но взращивания в них и толику своего собственного я. Вот ему — профессору, подчеркнуто блюдущему внешний вид, — мужчина соответствовал. Строгие туфли, изготовленные рукой мастера, отлично дополняли черный костюм без изысков, но пошитый с тонким вкусом. От

гладко выбритого лица лишь немного, совсем чуть-чуть, угадывался запах редкого, на заказ, одеколона. Галстук, подобранный в тон костюму и бордовой рубашке, украшала простая и при этом алмазная булавка. Искусно ограненный камень, не отягощенный излишне вычурной оправой, загадочно сверкал идеально выверенными гранями.

Короткие седые волосы, зачесанные назад, открывали лоб, тронутый возрастными морщинами. Эти морщины угадывались и на лице, подбираясь к губам. Мужчина не приукрашивал свою внешность, хотя косметическая медицина творила настоящие чудеса, и это еще больше придавало ему сходство с почтенным профессором. На учащихся не произведет впечатление молодящийся дед, выглядящий как юнец. Они почитают умудренного годами старца, чьи морщины хранят больше мудрости, чем несколько библиотек вместе взятых. Один взгляд, брошенный из-под кустистых бровей — и даже самый дерзкий шалопай присмиреет, не осмеливаясь высказаться без разрешения. Безусловно, где-нибудь там, на кафедре обширной аудитории, этот мужчина был бы как главный колокол на старинной церковной колокольне — к месту и в свое время. Здесь же, в холодном металлическом свете, даже блеск его алмаза не столько радовал глаз, сколько усиливал неестественность.

Повинуясь командам техников — тех двух, облаченных в однообразные комбинезоны, — капсула медленно направилась в раскрытый стенной зев.

— Стойте! — внезапно поднял ладонь мужчина. — Я хочу еще раз взглянуть.

Техники удивленно переглянулись, но приказание выполнили. Капсула снова замерла, остановившись в каком-то дюйме от проема.

— Вергизий, так ли уж это необходимо? — поморщилась женщина. — Это совсем не по протоколу.

На деле невысокая, она производила впечатление длинноногой блондинки за счет искусно подобранных туфель и пышной, совсем не к странному месту прическе. Ее аккуратный макияж умел как скрывать эмоции, так и подчеркивать их по мере необходимости. Такая же властная, как спутник, женщина в синем платье умела сочетать ее с элегантностью и обаянием, от которых сейчас тоже не осталось и следа. В данный момент от женщины исходили только холод, жесткость и некоторая досада.

— А ты против, Мартьяла? — раздраженно осведомился мужчина.

— Не забывай, нам следует поторапливаться, — качнула головой женщина. — Нельзя нарушать установленные порядки. Какой это

будет пример? Ты сам назначил собрание, и опоздание даже на минуту недопустимо. По большому счету, нас вообще здесь быть не должно.

С одной стороны, женщина представляла собой полное соответствие мужчине, а с другой являла ему противоположность. Это было странное сочетание, когда двое вроде бы идеально дополняют друг друга, но при близком рассмотрении оказываются совершенно разными. Как и ее спутник, женщина подчеркнуто отличалась внешностью, в которой читалось благополучие, но не шик, общественное положение, однако без всякой примеси чванства. Казалось, женщина твердо сознавала, кто она, зная свою цену и при этом не тыкая ей в лицо каждому встречному. А еще она не отказывала себе в привлекательности. Предельно корректная, тщательно убранная и с иголочки одетая, она излучала особый шарм. Тот, который очаровывает не выставленным напоказ, а самой лишь мыслью о сокрытом; берет в плен не распущенными волосами, а жестами и силой ума, мерцавшей в ее синих, под цвет платья, глазах. Синих, как величественное озеро, чьи воды уходят глубоко в холодную мглу. И этим холодом женщина могла остудить любое неподобающее обращение, лишь на мгновение пролив его оттуда, из недр проницательных глаз.

Женщина была тех же лет, что и ее спутник, однако со своей внешностью обращалась иначе. Она тоже не молодилась, однако и не выставляла возраст напоказ. Кто бы ни заботился о ее макияже, коже и лице, он создал поистине настоящее произведение искусства; квинтэссенцию зрелой красоты, не ошарашивающей как модели на рекламных стендах, но при этом неизменно притягивающей взоры. Вне всякого сомнения, женщина подвизалась на том же поприще, что и похожий на профессора мужчина. При этом, даже окажись деканом, она явно полагала, что не стоит следовать стереотипам и оставаться чопорной ученой дамой, когда сама природа наградила ее в полной мере. Ум вполне может сочетаться с физической привлекательностью, и в умелых руках это превращается в невероятно сильное и поистине сокрушительное оружие. Особенно если воздействует на подрастающее поколение.

Как и ее спутник, женщина выглядела в пустом зале ни к месту, будто хозяйка бала, выдернутая посреди приема в операционную. Ее жемчужное ожерелье, обрамлявшее тонкую шею, поблескивало столь же неестественно, как и алмазная булавка мужчины. Металлический свет, сам по себе далекий от нормы, пробегал по нему какими-то пугающе абстрактными волнами, искажая не только цветовые оттенки, но и само их восприятие. Исказилось и лицо женщины. Пожелание спутника, высказанное отнюдь не в

виде просьбы, не нашло у нее понимания. И все же она ему не препятствовала. Легкий кивок технику это подтвердил. Зеркальный колпак, накрывавший капсулу, исчез. Опал, как уходящий туман; втянулся в борта водой растаявшего под солнцем ледника. Он только что был, а вот его уже нет, словно он держался из последних сил и стек в мгновение ока.

Лицо девушки хранило покой. Она была молода — от силы семнадцати лет от роду, а ее черты носили изящный и даже аристократический характер. Складывалось впечатление, будто она лишь уснула, устроенная на ложе медицинской капсулы. Ее золотистые, обрамлявшие лицо локоны рассыпались по мягкому изголовью, принявшему форму головы. Руки, открытые до локтя, мирно лежали на животе, отливая лаком ногтей на тонких пальцах. На щеках витал легкий румянец, присущий биению молодого сердца, а губы хранили коралловый цвет, несколько поблекший, но все же далекий от безжизненной бледности. Казалось, длинные смеженные ресницы трепетали, выдавая незаметное движение глаз, а грудь чуть-чуть вздымалась от слабого дыхания. Но то была иллюзия. Иллюзия, порожденная колыханием атмосферы в капсуле и воздействием электромагнитных полей. Девушка была мертва, и именно это привело сюда всех четверых, попутно вызвав нетривиальные эмоции.

— Проклятье. Я возлагал на нее большие надежды, — процедил мужчина.

Всматриваясь в лицо покойницы, он словно искал там ответ на терзавший его вопрос. Безразличное ко всему, оно может и хранило то, что ему так хотелось бы знать, однако уносило это знание в могилу.

— Мы все возлагали. Это естественная часть нашего проекта, — напомнила женщина.

— Третья, Мартьяла! Третья за неделю, а ведь она даже не кончилась! — гулко стукнул тростью мужчина.

— Я умею считать, Вергизий, — скривила губы женщина. — Иногда так бывает. Даже лучшая генетика не всегда предсказуема.

— Не при мне! Я возглавил программу не для того, чтобы она вдруг вернулась к прежним показателям! — скрипнул зубами мужчина.

Слегка желтоватые, они на мгновение показались изо рта, приоткрытого словно в волчьем оскале, но тут же скрылись.

— Ты слишком бурно реагируешь. Так бывает, — повторила женщина. — Я видала и похуже.

Спутник лишь раздраженно дернул плечом. Не спуская глаз с девушки, он долго не отрывал их от ее лица, будто притянутый к не-

му магнитом. Затем, негромко вздохнув, неторопливо осмотрел всю фигуру, покоившуюся внутри капсулы. Дотронуться до девушки он не мог, даже если бы вдруг захотелось. Исчез только отражающий слой, скрывавший любое содержимое. Непроницаемая оболочка осталась. Прозрачная оболочка, очень надежная и прочная, вдоль которой наслаивалось специальное защитное поле.

Время шло. В отличие от мужчины, женщина не увлеклась созерцанием покойницы и бросала куда больше взглядов на маленькие часы. Те, что виднелись у нее на руке, обрамляя правое запястье тонким бирюзовым ремешком. Узнать текущее время она могла и иначе, не пользуясь столь архаичным приспособлением, но то была своеобразная привычка. Часы соответствовали стилю, также нося и статусный характер. Их стрелки, движимые атомарно точным механизмом, заставляли женщину хмуриться.

— Ты насмотрелся? Нам уже пора, — обронила вдруг она с подчеркнутым нетерпением в голосе.

Мужчина свел кустистые брови, наполовину убранные сединой. Оторвав взор от девушки, он вперил его в спутницу, будто намереваясь сказать нечто резкое. Затем, видимо, передумал, и вяло махнул рукой. Зеркальный слой капсулы тут же восстановился, сомкнувшись над ее вместилищем. Облаченное в голубую тунику, тело умершей скрылось за непроницаемой оболочкой.

Тихо загудев, капсула проследовала в проем. Полностью туда зайдя, она опять остановилась, ибо дальше ей двигаться было некуда. Впрочем, и не нужно. Повинуясь техникам, стена снова сомкнулась, однако на этот раз не монолитом. В ней объявилось окошко, забранное прозрачной армированной субстанцией. Похожая на стекло, в целях безопасности она таковой не являлась, способная выдержать колоссальное давление и экстремально высокую температуру. Техники же продолжали свою работу. Они не нажимали кнопок, да и вообще не оперировали какой бы то ни было физической консолью. Они использовали интерфейс, встроенный непосредственно в глаза. Дополненная реальность отображала им все необходимое.

Завершив подготовительный процесс, техники ожидали последней команды. Женщина снова кивнула. За псевдостеклом тут же полыхнул яркий огонь. Несколько секунд он разгорался, а затем обратился в бурный вихрь. Раздался характерный гул, присущий мощному потоку плазмы. Через окошко хлынул слепящий лучистый свет. Выпущенной энергии хватило бы на целый учебный корпус, но это расточительство оправдывалось. Плазменная печь уничтожала любую субстанцию, попавшую в ее жерло. Даже такую, которая могла уцелеть в очень экстремальных условиях. Ведь

не случайно дорогостоящая капсула уничтожалась вместе с содержимым, а персонал соблюдал все меры предосторожности.

Плазма бушевала пять минут. Время, необходимое для завершения процесса, превышалось на порядок. И за это время в печи гарантированно не оставалось ни единого опасного атома, не говоря уже о молекулах. Любое соединение разрушалось. Никакая жизнь, никакие носители информации уже не покидали камеры сгорания, необратимо уничтоженные столь радикальным образом.

Лучистый свет погас. Окошко сомкнулось. Стена снова стала монолитной, будто в ней никогда ничего и не было. Лишь тихий гул сообщал, что внутри все еще продолжаются какие-то процессы. Включилась циркуляция. Камера опустошалась от продуктов распада, чем бы те ни оказались. Затем активировались циклы стерилизации и перезарядки. Когда они завершатся, печь снова будет готова к работе, с которой в последнее время что-то зачастили.

Утратив всякий интерес, мужчина и женщина направились к выходу. Техники остались, отслеживая автоматические операции. В отличие от приметной пары, они куда больше соответствовали этому месту, а эмоции проявили лишь ввиду непривычного инцидента. Обычно сюда никто не приходил, да и капсулы не открывал. Саму-то печь они видели не впервые и обращались с ней как пекарь, который годами закладывает туда противни поутру. Только вместо противней у них были медицинские капсулы, раз и навсегда исчезавшие в стенном зеве. Там, в плазменном огне, не оставлявшим от них даже воспоминания.

Техники по-прежнему не разговаривали, хотя теперь они могли переговорить. А вот прежде молчание диктовалось не только вежливостью к сопровождающим. Обслуживающий персонал не вступал в разговоры с лицами иного круга, а те, в свою очередь, без необходимости не обращались к нему. Дело было не в одном лишь кастовом различии. Каждая структура занималась сугубо своим делом и не лезла в дела других. Их объединяла общая цель, ради которой они все здесь находились — и только. Техники не вели диалоги с менеджерами, а менеджеры никогда не указывали техникам. Они не обменивались даже приветствиями, соседствуя бок о бок, но так, словно друг друга не видели. Всякое перекрестное общение происходило только в силу служебной необходимости. Разумеется, такие порядки царили лишь здесь, в этом заведении, но их диктовали строгие правила безопасности.

Появление тех, кого именовали Вергизий и Мартьяла, техников если и удивляло, то они держали это при себе. При них они не обменивались даже сообщениями, выводимыми на экраны допол-

ненной реальности. Впрочем, не обменивались сообщениями сторонними. Все, что относилось к должностным обязанностям, отображалось там вполне привычно, а именно техническая информация, сопровождаемая лаконичными дежурными репликами. В частности, показатели процессов, текущие параметры печи и ее сопутствующих узлов. "Давление в норме", — констатировала одна из надписей. "Открываю внутренний контур. Начинаю выброс", — тут же известила другая. И все остальные по сути соответствовали этим.

Лишь раз техники отвлеклись, посмотрев в направлении непривычных гостей. Тогда, когда они миновали зал, возвращаясь тем путем, откуда пришли. "Думаешь, все в порядке?" — выскочило озабоченное сообщение. "Аномалий не выявлено. Это все, что нам нужно знать", — высветился сдержанный ответ. "Если что не так, лучше бы нам быть в курсе", — выразил сомнение собеседник. "Теорию предоставь этим двоим. Давай уже заканчивай цикл", — отозвался его напарник.

Внутри печи что-то щелкнуло. Изменившись, гудение приняло несколько иной характер, а затем последовал такой звук, будто выстрелило пневматическое орудие. "Сброс завершен", — пиликнула на экране надпись. "Запускаю продув системы", — вторила ей следующая. Снова раздался щелчок, и снова изменилось гудение. По стене пошла легкая вибрация, но тут же унялась, поглощенная амортизаторами. Цикл был завершен. Где-то там, глубоко в стене, изоляционная камера выпустила отработанное вещество.

Уходившая пара не обращала на техников внимания и вообще не оглядывалась. Покидая неприветливое, пронизанное металлическим светом место, женщина бросила лишь единственный взгляд — оценивающий, на своего спутника.

— Мне кажется, ты ищешь проблему там, где ее нет, — сухо заметила она. — Что ты надеялся увидеть?

— Ты знаешь, — отозвался мужчина.

Стена за ними сомкнулась.

Освобожденная взвесь побежала по трубам. Похожая на дым, она и была своеобразным дымом, просто состоявшим не из сажи, паров воды и различных окислов. Изоляционная камера обеззараживала то, что выходило из плазменной печи. Обеззараживала избыточно, ибо оно по определению никакой угрозы нести уже не могло, но это соответствовало протоколу утилизации. Каждая частичка как бы заключалась в кокон, из которых получался микроскопический порошок. Настолько невесомый, что он и напоминал обычный дым, и развеивался в атмосфере не хуже обычного дыма. Уносясь по трубам, он клубился, подгоняемый нагнетаемым

потоком воздуха, и стремился к далекому выходу.

Одна за другой открывались герметичные заслонки. Поочередно пропуская взвесь, они замыкались обратно, как делали уже много-много раз, но никто никогда этого не замечал, хотя рядом бурлила жизнь. Трубы не шли в пустоте. Вокруг тянулись многочисленные залы и переходы, сбивавшиеся в обширные корпуса, располагались жилые секции и аудитории, сочились энергией лабораторные комплексы и технические хитросплетения. Там слышался многоголосый говор, улаживали различные заботы и строили грандиозные планы. Там росли, учились и созидали, ставили опыты, дружили, ссорились, мирились и грезили о будущем. И просто жили, порой глядя в стену, но не ведая, что проносится в ее незримой толще. А дым бежал все дальше, мимо крытых садов и длинной анфилады комнат, внутри перекрытий и вдоль магистральных коммуникаций. Он следовал возле тоннелей, поднимался параллельно лифтам, сопровождался гомоном голосов и тонул в гудении автоматических машин. Затем он нырнул в очередную камеру, выскочил из ее сот и устремился вертикально вверх — туда, где его ждала долгожданная свобода, озаренная лучами солнца. Взметнувшись до конца трубы, дым наконец-то покинул стальное узилище и заструился в пустоту.

Это было очень красивое зрелище, приковывавшее к себе неискушенные взгляды. Обширный купол здания отливал золотым в свете розовеющего небосвода. Кружа и волнуясь, дым поднимался над ним шлейфом, переливаясь мимолетными цветастыми искорками. Насыщенный лазурным, он выглядел так, будто вот-вот появится сказочный джинн, покидающий узилище своей утлой бутылки. Но джинн, разумеется, не появлялся, как бы завораживающе ни выглядела вздымавшаяся из трубы взвесь. Вот только вздымалась она отнюдь не для красоты, ибо даже древние технологии вполне позволили бы сокрыть ее с глаз долой. Это был своеобразный сигнал для посвященных.

Взвиваясь над куполом, дым оповещал об определенном событии, уподобляясь древней ватиканской традиции. Но к ней он, разумеется, не имел какого-либо отношения, тая совершенно иной смысл. Пока одни, ничего не ведавшие, отмечали красочность зрелища, другие внутренне хмурились, отлично зная, что бы это значило. Дым появлялся не просто так. Он давал понять, насколько еще далека всеобщая работа от совершенства, и что поставленная цель отнюдь не проста. Он служил напоминанием, как важно не допускать даже малейших ошибок, минимизируя все риски и добиваясь максимально эффективного результата. Лаская взоры одних, другие он неприятно бередил самим фактом своего появле-

ния. Свидетельством того, что еще одна нить оборвалась, и кто-то очень значительный не получит уготованного ему места. А это все больше откладывало конечную цель на неопределенный срок.

Удаляясь за пределы комплекса, дым устремлялся в небо, наведенное защитным полем, и выходил за границу искусственной атмосферы. Рассыпаясь лучистыми искорками, он миновал технологичный слой, способный отображать облака и солнце, и улетучивался в открытый космос. Улетучивался свободно, но не абы куда, отнюдь не предоставленный сам себе. Утилизация продолжалась, сменив лишь форму на поистине абсолютную. Едва покинув орбитальную станцию, дым тут же подхватывался могучим гравитационным полем и выстраивался в длинную тонкую струйку. Вокруг уже не было ни неба, ни облаков, никогда не шел дождь и не сияла, горя всеми цветами, иллюзорная радуга. Вытягиваясь все дальше, струйка улетала прочь, направляясь прямиком к темно-желтому свечению — горизонту событий, обрамлявшему непроницаемый мрак громадной черной дыры.

* * *

Моросило. Унылое небо давило своей непроглядной белесой мглой. Блуждая у горизонта, свинцовые тучи не приближались, будто не осмеливаясь потревожить исполинский город, но оттуда временами налетал порывистый штормовой ветер. Проносясь по лужам, он рябил их по мостовой, подхватывал водную взвесь и обдавал ей прохожих. Мерно журчали водостоки. Насыщая их желоба, текли вдоль бордюров мутноватые ручейки, сливаясь порой в замусоренные водовороты. Промозглая сырость властвовала повсюду. Казалось, она проникала даже сквозь герметичную одежду, напичканную всякими технологиями. Собираясь в клубы тумана, она ползла над тротуарами, взбиралась по фонарным столбам, стелилась по карнизам и вилась у освещенных витрин. Заглядывая в окна, сырость по-хозяйски осматривалась и норовила войти в малейшую щель.

Над улицей, жужжа турбинами, сновали аэромобили. От их разгоряченных двигателей вились дымки, а капли воды на капотах испарялись быстрее, чем успевали наливаться. Непогода была им нипочем, однако они невольно усиливали ее самим своим появлением. Шлейфы, образованные движением воздуха, накатывали на пешеходов дыханием водяного, заключали их в мокрые объятия мелкого дождя. Стараясь не обращать внимания, те шагали по своим делам. Иные даже не теряли настроения, умудряясь улыбаться всей этой гнетущей мороси. Шлепая по лужам, они не реа-

гировали даже тогда, когда их стегал порыв насыщенного влагой ветра. Впрочем, их настрой наверняка порождался не философским складом ума. Как правило, он диктовалось развлекательными услугами. Контактные линзы, подключенные к портативному транслятору, дополняли реальность практически чем угодно, включая просмотр видео и построение сложных иллюзий. Разговаривая вслух, пешеходы могли обращаться не к кому-то через коммуникатор, а видимому лишь им собеседнику, якобы шагавшему где-то рядом. Увлеченные чем-то виртуальным, они банально не замечали погодных невзгод и на внешние раздражители не реагировали.

Очередной аэромобиль пронесся совсем низко, обдав все вокруг брызгами луж. Эрвина поморщилась, мысленно прошипев ему вслед ругательство. С тех пор, как транспорт переместился в небо, земля стала принадлежать пешеходам. Наземные улицы оказались в их полной власти, но машины все еще пребывали по соседству. Просто теперь они сновали над головами, выдерживая положенную дистанцию, откуда гудели, жужжали и шипели разномастными двигателями. И иногда эту дистанцию нарушали.

Владелец ярко-красного аэромобиля посыла Эрвины не услышал. Герметичная кабина не пропускала звуки, как не пропускала дождь и холодный ветер. Залихватски пролетев вперед, он резко осадил перед поворотом, взвыл движком и стремительно нырнул за угол. Вздыбленная им вода окатила ближайший навес, доставшись на долю и парочке прохожих. Вероятно, спорткары продавали исключительно для того, чтобы на них могли выделываться такие вот придурки. Поежившись, Эрвина снова выругалась. Кутаясь в непромокаемую накидку, она пересекла улицу и зашла в кафе.

Негромко мурлыкало радио, выполненное в стиле ретро. Из цветочных кадок тянули свои игольчатые ладошки декоративные кактусы. Мягкие кресла, расставленные поодиночке и попарно, устилали однотонные, полосатые и клетчатые пледы. Приглушенно освещенный зал наполняли запахи выпечки. Между столов с немногочисленными посетителями сновал расторопный робот-официант. Разнося заказы, он дежурно осведомлялся, не желают ли гости чего-нибудь еще, и бодро ускользал за стойку.

Сев у окна, вспотевшего крапинками воды, Эрвина запросила большую чашку кофе и хмуро уставилась наружу. В помещении было тепло, однако она до сих пор не могла избавиться от ощущения сырости. Мегаполис привычно сиял огнями, хорошо различимыми и сейчас, но ее взор они ничуть не радовали. Созерцая расплывчатые силуэты, игравшие красочными вывесками, она вор-

чала по адресу непогоды нелестные замечания. Настроение у Эрвины было так себе. Казалось бы, оно и понятно, тем паче когда тебя обрызгают с ног до головы, однако противный дождь, как и унылое небо, не служили тому причиной, а лишь усиливали своей меланхолией.

Эрвину снова не приняли. Напрасно она надеялась, что на сей раз все будет по-другому. Ей снова не хватило жалкой пары баллов, выстраданных бессонными ночами. Теряя присутствие духа, Эрвина кляла себя за тупость, ощущая подступавшую пустоту. Похоже, она так и не выберется из этой дыры. Забегаловка на углу окраинных улиц — вот и все ее будущее, несмотря на прежние успехи. Передник станет ей деловым костюмом, сеточка для волос — форменной фуражкой, а зачуханный прыщавый менеджер — важным генералом, распоряжавшимся судьбами отверженных. Эрвина перечитала столько учебников, просмотрела столько курсов, вызубрила на память целые страницы, старательно изучила материал — и все бесполезно. Не иначе, она и впрямь не была рождена для чего-то большего. Природная бездарность, проблемы с концентрацией и отсутствие развитого мышления отливались в неподъемный якорь, не позволявший ей подняться от илистого дна. Вырваться из повседневного болота, где безнадежно погрязли не преуспевшие слои общества.

Горячий кофе, не очень ароматный, зато воистину крепкий, придал утраченных сил. Сил, правда, не для борьбы, а для самобичевания. Поглядев на свое отражение, красовавшееся в декоративном кофейнике, Эрвина совсем себе не понравилась. Вот же рыжие завитки, непокорно лезущие во все стороны! Ну разве может на умной голове царить такой бедлам? А эти веснушки? Настоящие оспины, словно черти горох молотили! И нос такой, будто по нему кто кулаком заехал. Настоящая деревенщина, законное место которой на конюшне. Что, пухломордая губошлепка? В университет собралась? Держи карман шире! Там только таких щекастых бестолочей и не хватало! Не бюстом единым!.. Зеленые глаза Эрвины наполнились слезами. Подперев рукой подбородок, также охаянный добрым словом, она принялась изобретать себе уничижительные эпитеты.

Эрвина была к себе слишком строга. Даже несправедливо строга. Ее щеки выглядели мило, и впрямь немного округлые, но отнюдь не раздутые как у хомяка. Веснушки смотрелись еще милее, особенно вкупе с действительно строптивыми прядями — настоящим испытанием парикмахера. Вздернутый носик казался большим именно в кофейнике, гротескно искажавшим реальность. Губы отличала чувственность, а вовсе не чрезмерный объ-

ем. Что же касалось бюста, то иные идут на операции, лишь бы заполучить доставшееся ей от природы, и стыдиться тут было совершенно нечего. Кроме того, не стоило стыдиться и своего ума, и уж тем более обзывать себя чертовой бестолочью. Баллов для поступления и впрямь немного не хватило, однако не потому, что Эрвину обделили извилинами.

С годами менялось многое, в том числе образовательные стандарты. Буквально лет пять назад все было иначе, но время шло, неумолимо вторгаясь во все сферы жизни. С некоторых пор университеты подняли вступительный балл. Подняли довольно значительно. Более того, задания серьезно усложнились, став не столько мудренее, сколько изощреннее и запутаннее. Казалось бы, это означало, что университеты хотели принять только лучших из лучших. Была, однако, и альтернативная точка зрения. Поговаривали, что такой подход был внедрен с иной целью. Он позволял отсеивать очень многих, при этом создавая видимость равных условий. Условий, в которых оказывались все формально не прошедшие. Именно что формально, ибо их дальнейшая судьба целиком и полностью зависела от приемной комиссии.

Весь фокус заключался в законе, который учебные заведения были обязаны соблюдать. В известной степени, так и происходило, однако имелся немаловажный нюанс. Тот, кто законодательно терял право на поступление, оказывался во власти внутренних правил университетов. Они же регламентировались исключительно их собственными прихотями.

Абитуриентам, попавшим в пограничное значение баллов, назначались дополнительные испытания, и эти испытания были сугубо на усмотрение университетов. Разнились они чрезвычайно, иной раз представая в виде заумного экзамена, а иной — простого собеседования. Справедливо? Вряд ли, только приемная комиссия свои решения никому никогда не объясняла. Одного, так и не сумевшего пробиться через тесты, она отсеивала, а другого, всего-то и сказавшего пару слов, внезапно принимала. Эта схема автоматически предполагала корыстный умысел; принцип аукциона, кто больше заплатит. Такое предположение казалось самым логичным, если бы не жирное "НО". В университеты сплошь и рядом проходили те, кому дополнительная мзда была очевидно не по карману, в то время как более состоятельные абитуриенты оставались не у дел. Злые языки гадали, в чем же здесь подвох, но какой-либо системы в странном распределении мест упорно не находили.

Эрвина была в курсе, что попасть в университет отныне не так-то просто, однако по-прежнему винила в своей неудаче исключительно себя. Ей надо было сразу набрать нужный балл, и то-

гда не пришлось бы сегодня тащиться на собеседование. Туда, в офис выездной приемной комиссии, где ей задавали какие-то дурацкие, совершенно непонятные вопросы. И мурыжили с добрых полчаса, прежде чем озвучили вежливый, но твердый отказ. Стараясь сохранить достоинство, Эрвина спокойно ушла, а затем брела по промозглым улицам, игнорируя любой транспорт. Падая на лицо, дождь скрывал ее слезы, катившиеся по щекам, а сырость холодила и без того студеющее сердце.

Пригубив четвертую кружку кофе, Эрвина взъерошила волосы и тем убедилась, что они просохли. Просохла и одежда, состоявшая из пористой толстовки и эластичных джинсов. Кроссовки же всегда оставались сухими. Встроенная система регуляции позволяла им поддерживать надлежащий микроклимат. Это была дорогая покупка, едва ли по карману двадцатилетней разнорабочей, однако Эрвина старалась носить только хорошую обувь. Остальное — еще ладно, но обувь у нее обязательно должна быть на уровне. Она даже транслятором пожертвовала, приобретя чего попроще, лишь бы ноги у нее оказались одеты подобающе. Тем самым транслятором, который неожиданно ожил, передавая в дополненную реальность сигнал входящего вызова. Увидев, кто звонит, Эрвина протяжно вздохнула. Поколебавшись, она подавила первичное желание не отвечать. Поведя глазами, она установила соединение.

Лицо молодого человека выражало озабоченность. Узрев Эрвину, он тут же осведомился, как все прошло. В запоздании такого интереса винить его не приходилось. С того момента, как собеседование провалилось, минуло уже три часа, однако Джейми не мог позвонить раньше. Его звездолет проходил таможню, а в этот момент исключались любые контакты с внешним миром. И уж тем более у механика-стажера, не относившегося к офицерскому составу.

— Как прошло? Паршиво. Иначе и не скажешь, — скривилась Эрвина.

Подробностей она не озвучила, но бойфренд и так все понял.

— Не унывай, все образуется. Эка невидаль. На следующий год повезет! — подбодрил он с киноэкранной уверенностью.

— Следующего года не будет! — вспыхнула Эрвина. — Мне исполнится двадцать один! Льготный учебный кредит для меня закроется, а полную ставку я уже не потяну!

— Да брось! Это еще не конец света! Мы что-нибудь придумаем! — казалось, Джейми олицетворял позитивный настрой, усердно внушаемый типовыми психологами.

И этим раздражал Эрвину еще больше. Сейчас она предпочла бы

побыть в одиночестве или, хотя бы, не слушать пустых заверений.

Джейми был славным парнем, однако в последнее время Эрвина задумывалась, действительно ли он ей подходил? Какой-то он уж слишком позитивный. Просто сверх всякой меры, до абсурдного идиотизма. Такие, пожалуй, и на гильотину пойдут с улыбкой, радуясь уникальному, раз в жизни выпадающему событию. Эрвина же — и особенно сейчас, — куда больше нуждалась в реализме. Не надо заверять ее, что через год обязательно случится чудо. Просто пообещай, что скоро они увидятся, и она ощутит себя в его крепких объятиях. Лежа под уютным пледом, она станет слушать его занятные истории, перемежаемые дурацкими шуточками, вдыхать аромат мужской футболки и ощущать себя защищенной, даже если там, за пределами комнатушки, ее никто и ничто не ждет. Увы, именно этого Джейми ей и не посулил. Упорствуя в утешении, он всячески подбадривал Эрвину, чем окончательно вывел ее из себя.

— Ладно, мне пора! Я перезвоню! — стараясь держаться в рамках, свернула разговор она.

И тут же, оборвав вызов, включила имитацию нестабильной связи, вроде бы и не исчезая, но при этом оставаясь недоступной. Полезное, надо сказать, приложение, когда ты не хочешь, чтобы тебя беспокоили.

Вечерело. Впрочем, в мегаполисе, непрерывно озаренном огнями, времена суток давно перемешались. Кроме того, для людей ночь утратила прежнее значение. Биологически они по-прежнему сохраняли циркадные ритмы, но их астрономические границы стерлись. Колонизация космоса и расселение по звездам просто не могли соответствовать одному и тому же часовому измерению. Жизнь теперь бурлила всегда. Пока одни спали, другие бодрствовали, и больше не делились на сов или жаворонков. Не делились они и на прежние рабочие смены, вроде дневной, ночной и вечерней. Теперь человеческий социум насчитывал их множество — просто по числу часов в сутках, которые разнились от планеты к планете. Для Эрвины, однако, вечер имел значение. Близился ее выход на работу. Плату за жилье никто не отменял, да и продукты сами по себе не материализуются. Недопив пятую кружку кофе, она стала расплачиваться и неожиданно выяснила, что ее счет обнулен.

Остатки средств съела автоматическая оплата. Подписка на программу-репетитора, которую Эрвина, впопыхах, совсем позабыла отменить. Теперь в ней и надобности-то никакой не было, а вот потраченные деньги не вернешь. И что прикажете объяснять роботу-официанту? Сумма была небольшой, но сам факт неплате-

жеспособности вызывал чувство нестерпимого стыда. Понимая, как сейчас выглядит, Эрвина аж покраснела, налившись румянцем до ушей.
— Если позволите, я могу предложить альтернативный вариант, — любезно произнесла машина.
Хоть и одетая по форме, она нарочно была непохожа на человека, выполненная в виде миловидного глазастого устройства.
— Это еще какой? Перемыть всю посуду? — буркнула Эрвина, отчаянно жалея, что вместе с кофе перехватила и бутерброд.
— У нас партнерская программа. Станьте донором. Вам за это заплатят, а ваш счет автоматически нивелируется, — сообщил, предъявляя электронную листовку, робот.

Над столом, не существуя в реальности, объявился буклет, призывавший сделать доброе дело. Простая картинка с простыми надписями, без какой-либо конкретики. За последней предлагалось заглянуть в виртуальный кабинет некоего учреждения.
— Донором? Разве кровь уже столетия не делают искусственно? — удивилась Эрвина.
— Другим донором, — уточнил автоматический официант.
— Почку хотите вырезать? — притворно насупилась Эрвина.
Притворно — потому что органы тоже давным-давно выращивали, причем как индивидуальные, так и универсальные.
— Никоим образом, — не понял шутки робот. — У вас возьмут пробы тканей. Чем выше окажется их медицинская востребованность, тем больше вам заплатят.
— А. Я что-то такое слыхала, — теперь уже всерьез помрачнела Эрвина. — Какая-то новоявленная программа. Кажется, раньше такое было запрещено.

Программа и впрямь была новоявленной. Закон не позволял собирать генетические образцы людей при их рождении. Когда-то не позволял. Затем все изменилось, и государство стало формировать всеобщий банк, содержащий сведения о каждом человеке. Цель подавалась благой — блюсти генофонд и упреждать болезни, хотя оппозиционно настроенные партии усматривали в этом инструмент тотального контроля, не говоря уже о вторжении в частную жизнь. Как бы там ни было, программа уверенно функционировала, однако внезапно наткнулась на подводный камень. Она не то чтобы не оправдалась, только и эффективность ее оказалась далеко не идеальной.

На поверку, ДНК младенца частенько разнилось с ДНК выросшего человека. Сказывались возраст, среда, питание и другие факторы. Возникали и накапливались мутации. Прежде надежные цепочки оказывались повреждены и признавались нежелательны-

ми, а порой и наоборот — обретали новую, ранее отсутствовавшую ценность. Медицинские прогнозы становились недостоверными и расплывчатыми, а иногда и полностью ошибочными. Трансплантация тканей требовала дополнительных анализов. Генная терапия и вовсе утратила безупречность. Разумеется, все это было поправимо при регулярных обследованиях, позволявших корректировать базу данных, но в этом заключалась другая сложность.

Сдача биоматериалов. В отличие от новорожденных, законодательно принудить к ней взрослых людей было довольно проблематично. Любой гражданин имел право как на медицинское вмешательство, так и на отказ от него. В этом заключался один из принципов общественной свободы. Один из немногих уцелевших принципов, за которые боролись тем сильнее, чем меньше их оставалось.

Власти решили не перегибать почем зря палку и пошли иным путем. Они объявили добровольный сбор, суливший некоторые привилегии. Осуществлялся он в прекрасных медицинских клиниках, куда обычный гражданин попасть, как правило, не мог. И там он проходил полное обследование. Вот только затея эта у населения особого энтузиазма не вызывала. В мире видеокамер и роботов, клонирования и всеобъемлющей компьютерной сети, собственная генетика оставалась практически единственным, что еще делало людей уникальными. Хранило толику их собственного Я, отличало от искусственного интеллекта и не выставляло напоказ. Очереди у клиник не выстраивались, ибо избытка желающих не находилось.

Эрвина нахмурилась. Предложение робота ей не очень-то понравилось, хотя в нем вроде бы не было ничего крамольного. И все же… Куда-то и кому-то отдавать частичку себя? И что потом с этим сделают? Когда пожертвуешь кровь или даже орган — там все заранее ясно. С безликими же пробами все выглядело подругому.

— А вам с этого какая выгода? — колеблясь, протянула Эрвина.

Колеблясь не из-за сомнений. Она собиралась сказать "нет", но не хотела рубануть вот так сразу, пока не придумает, как выкрутиться из положения.

— У нас партнерская программа, — напомнил робот. — Наши расходы будут компенсированы.

— Даже так? — хмыкнула Эрвина.

— Вас счет погасит клиника, — подтвердил робот. — Вам даже не придется по нему платить.

Первым порывом было позвонить Джейми. Порывом совер-

шенно логичным, только, увы, не в данный момент. Как раз сейчас меньше всего на свете Эрвине хотелось с ним связаться, да еще по такому вопросу. Сумма была небольшой, однако загвоздка была не в ней, а самом прецеденте вкупе со стечением обстоятельств. Нет уж, так Эрвина поступать не станет.
— Вы предлагаете это всем клиентам? А если их счет окажется большой? — спросила она, продолжая выигрывать время.
— Это ничего не меняет, — отозвался робот. — Клиника берет на себя все расходы.

Вторыми на ум пришли родители. Пришли совершенно машинально, просто потому, что они были родителями. И этот вариант Эрвина забраковала еще быстрее, нежели мысль о Джейми. Мама и папа, конечно, хорошие люди, и никогда не бросили бы ее в беде, только в этом, как ни странно, и заключалась проблема. Эрвина перебралась в мегаполис вопреки их чаяниям. Они ей не препятствовали, однако не скрывали своего разочарования. Тихий пригород, без всяких новомодных штучек, размеренная жизнь и спокойная работа в семейном магазинчике — вот каким они представляли себе будущее любимой дочери. И брак с достойным человеком, из их среды, без всяких взбалмошных идей о звездах. Но именно такого будущего для себя Эрвина и не желала, переехав в огромный город и начав самостоятельную жизнь. Да, родители немедленно переведут ей пустяковую сумму, и дадут даже в сто раз больше. Только вместе с деньгами они отправят и порцию нотаций. Вот, мол, не послушала родительского совета, а теперь аж побираться приходится. И где же твоя блестящая карьера и университеты?.. Эрвина закусила губу. Дочь-неудачница? Нет уж, увольте!

Робот терпеливо ожидал. Вероятно, его программа надлежаще оценила посетительницу и не видела в ней коммерческой угрозы. Иными словами, мошенницы, желавшей изыскать возможность уклониться от оплаты.
— А если я соглашусь, но никуда не пойду? — резонно поинтересовалась Эрвина.
— Мы не станем заявлять в полицию, если вы об этом. Однако обман не в ваших интересах. На вашей социальной карточке появится соответствующая пометка. На слово вам впредь уже никто не поверит, а счет все равно придется оплатить. Он будет выслан почтой, и ввиду накладных расходов сумма увеличится, — степенно разъяснил робот.

Ох уж эти социальные карточки! Когда-то, в былые времена, они именовались номером социального страхования или же индивидуальным номером налогоплательщика. Затем, по очередной

правительственной инициативе, базы данных стали расти и объединяться. Удобства удобствами, но привело это к тому, что означенное социальное страхование привело к чертовым карточкам. Коротко говоря, это был цифровой портрет гражданина, который содержал в себе его общественный статус. Кредитная история, образование, интересы, привычки, семейное положение, щедрость на чаевые и даже любимый цвет — там могло оказаться все. Формально, тайна личной жизни соблюдалась. Какие-то сведения гражданин мог запретить к публичному разглашению, но именно что "какие-то". Если на социальной карточке объявится пометка об отрицательной платежеспособности или запись о нарушении взятых на себя обязательств, это будет совершенно законно, и избавиться от такого клейма окажется весьма непросто.

Эрвина не желала попадать в черные списки. Пусть даже на время. Пожалуй, нет ничего крамольного попросить немного взаймы у подруги. У одной или у другой — кто-нибудь выручить да согласится.

— Значит, я буду обязана стать донором всего за несколько чашек кофе? — фыркнула Эрвина.

Она по-прежнему тянула время, силясь дозвониться до своих подруг, благо что интерфейс дополненной реальности это вполне позволял. Вот только ничего не выходило. Эрвина нервничала, отвлекалась на робота, и как-то упустила из виду, что всему виной она сама. На трансляторе оставался активным режим нестабильной связи, о котором из-за волнения она банально забыла.

— Ничего подобного, — спокойно ответил робот.

От неожиданности Эрвина даже захлопала ресницами, чья тушь слегка пострадала от дождя и недавних слез.

— Чего? — удивленно переспросила она.

— Никаких обязательств на вас не налагается, — пояснил автоматический официант. — Никаких, кроме обязательства явиться в клинику и переговорить с консультантом.

— Гм. А в чем тогда смысл? — Эрвина озадаченно потерла нос.

— Все просто. Вы прослушаете небольшую презентацию. Конечно, это можно сделать и виртуально, даже прямо здесь, через подключение к Пространственной сети, однако живое общение с человеком признано более эффективным, — поведал робот. — Вам расскажут, в чем состоит донорство, как проводится процедура, и обрисуют вашу личную выгоду. После презентации — выбор за вами. Если вы уйдете, вы никому ничего не будете должны. В чем смысл? Простая психология. Некоторые не уходят. Мол, раз уж все равно пришли, да и предложение вроде бы неплохое. К тому же эти консультанты, порой, бывают чертовски убедительными.

Робот и сам звучал убедительно. Эффект, в расчете на массы, именно так и работал. Каким бы по факту ни оказалось предложение, пусть даже совсем далекое от того, что в рекламе, хоть кто-нибудь на него да согласится. Просто потому, что уже пришел. Чем ловкие продавцы, разумеется, и пользовались.

— А знаете что? Я согласна! — вдруг выпалила Эрвина.

Психология, говорите? Что ж, сами напросились. Полчаса болтовни она уж как-нибудь выдержит, а затем сделает заведению ручкой. И пусть попробуют ее удержать!

— Только у меня есть пожелание! — воздев палец, тут же добавила Эрвина.

— Слушаю, — вежливо произнес робот.

— Вы же сказали, сумма в счете не имеет значения? — напомнила Эрвина. — Ну так вот. Я хочу три куска вашего фирменного пирога, еще кофе и двойную порцию премиального мороженого. Да побольше шоколадной крошки и взбитых сливок.

Урчание в животе подсказало, что нахальная идея не так уж и плоха. Сегодня Эрвина даже не завтракала. Экономия средств наложилась на спешку, с которой она покидала квартиру. Сказывались бессонные часы, проведенные за учебниками. Эрвина едва не проспала. Она только и успела, что наведаться в душ и выпорхнуть в промозглую морось, торопясь на провалившееся, в итоге, собеседование. Обед она, понятное дело, пропустила, а такими темпами ей было не видать и ужина.

Против всяких ожиданий, к пожеланию клиентки робот отнесся совершенно спокойно.

— Сейчас все принесу, — и не подумал возразить он.

Проворно удалившись, он исчез в глубине кафе, откуда источались щекочущие обоняние ароматы.

Не прошло и трех минут, как заказ Эрвины очутился перед ней на столе. Соглашение скрепили в дополненной реальности. Автоматический официант послал запрос, присовокупив к нему информационную листовку, а Эрвина дала свое информированное согласие. В углу интерфейса тут же включился напоминающий таймер. Цифры обратного отсчета побежали с шестидесяти часов до нуля. Именно за это время она обязалась посетить любой из филиалов указанной медицинской клиники. Смахнув таймер с экрана, Эрвина приступила к трапезе, ощущая поистине волчий аппетит.

Непосредственно в приготовлении еды персонал участия не принимал. По большому счету, ее даже не готовили, а просто разогревали или комбинировали по отработанной рецептуре. И все эти нехитрые манипуляции проделывали роботы. Они забирали замо-

роженные продукты из холодильника, укладывали их в печи и кухонные комбайны, обрабатывали, а затем сервировали и упаковывали. Заказы клиентам отправляли тоже именно они, используя для этого транспортировочные ячейки. Такие, что позволяли обходиться вообще без всякого контакта между заказчиком и персоналом. И вовсе не из-за каких-то предрассудков, вроде личного контакта или передачи инфекции. Так получалось банально быстрее.

Дешевый фастфуд был поставлен на поток. Располагаясь на двадцать восьмом ярусе — одном из тех, что опоясывали небоскребы, — забегаловка обслуживала аэромобили. Формально все, но обычно из той категории их владельцев, что довольствовались чем попроще. Цена соответствовала качеству, то есть насыщала уверенно, но без изысков и тем более диетической пользы для здоровья. Только много ли надо работяге, спешившему на смену, простому клерку, выскочившему на обед, или же курьеру, несущемуся сквозь череду кварталов? Живот набивался дешево и сердито, а для гурманов и более состоятельных клиентов предполагались иные заведения. Те, о которых Эрвине, учитывая ее материальное положение, покамест оставалось только мечтать.

Несмотря на роботизацию, человеческий персонал обычно присутствовал везде, составляя хотя бы несколько единиц на комплекс. "Забегаловка", где работала Эрвина, называлась таковой по старинке. Никто в нее с парковки не забегал, и даже зал для посетителей отсутствовал. Возле внешней стены выстраивалась очередь из аэромобилей, куда выдавался заказ. Внутри же заведение состояло из множества секций, где круглосуточно сновали туда-сюда многочисленные автоматические устройства. Командовал всем этим хозяйством менеджер — типичный неудачник, только и сумевший, что дослужиться до столь высокого поста. Он выполнял административные функции, а для всего остального в его распоряжении имелся пяток сотрудников. Как правило, молодежи, согласной трудиться за невысокую зарплату в расчете устроить свое будущее. Не здесь, разумеется, а где-то еще, и пока это "где-то еще" не наступило, каждый рассматривал свое положение как временное. Частенько, увы, превращавшееся в перманентное.

Эрвина была далека от иллюзий. Означенная перманентность дышала ей в затылок, холодила спину и подбадривающе толкала под руку, увещевая смириться со своей долей. Мол, простота звезд с неба не хватает. Не лезь с суконным рылом в калачный ряд. Достоинство твое не в том, чтобы карабкаться наверх, а стоически принять горькую правду и занять пусть и ничтожное, зато исконно присущее тебе общественное положение. Стоя у контрольного окна, Эрвина смотрела на вереницу роботов, но видела не их, а

очертания своего разрушавшегося будущего.

— Что-то ты сегодня не в форме, — раздался чей-то знакомый голос.

— А? — порывисто обернулась Эрвина.

Машинально себя оглядев, она не увидела несоответствия в служебной одежде. Белый комбинезон дополнялся белым же, в красную полоску, передником, округлой шапочкой и тонкими перчатками с раструбами.

— Я не про внешний вид, — улыбнулся подошедший парень. — Ты уже третьего робота пропускаешь.

В обязанности Эрвины входил присмотр за пищевым конвейером. Все операции выполняли машины, которых контролировал искусственный интеллект, однако супервайзинг осуществлял человек. Компьютер старательно соблюдал программу и техпроцесс, но эстетические вопросы давались ему менее эффективно. Роботам надлежало быть безупречными, начиная от идеальной раскладки еды, без пятен соуса или следов от газировки, и заканчивая собственной стерильностью. Задумавшись о своем, Эрвина не заметила крошки салата, очутившиеся в упаковке, и уже дважды мимо нее проехал робот, на чьи манипуляторы попало брызнувшее масло. Как контролер, она была обязана зафиксировать недочет, чтобы система определила источник погрешности и приняла меры к ее устранению. И вот уже трижды она этого не сделала.

Румянец, вызванный неловкостью от сложившегося положения, Эрвине определенно шел. Порозовев до корней рыжих волос, она тут же попыталась реабилитироваться, но не смогла определить, что и где поставить на контроль.

— Я уже все сделал, не волнуйся, — успокоил парень. — Только ты будь внимательнее. Если Хоботогоблин заметит, неприятностей не оберешься.

Рассмеявшись зелеными глазами, Эрвина одарила коллегу благодарной улыбкой.

Хоботогоблином именовался менеджер. Никто уже и не помнил, чья именно острота породила это прозвище, ибо персонал в забегаловке довольно часто менялся. Незыблемой фигурой был лишь менеджер — шестидесятилетний неудачник, только и преуспевший до того, чтобы занять столь почетное место. Его подчиненные приходили и уходили, и надолго обычно не задерживались. А вот прозвище осталось. Прилипло намертво, да так, что его, в отличие от манипуляторов, не отмоешь. Чья бы фантазия ни придумала словцо, она попала в цель. Менеджер и впрямь смахивал на гоблина — низкорослый, волосатый, с узловатыми пальцами и весьма специфической физиономией. При этом его нос был не

только мясистым, но и крючковатым, отчего не совсем уж облыжно нарекся хоботом. Вероятно, бросая передник, то есть увольняясь не слишком-то корректно, некий юнец в сердцах и объединил эти две характеристики, пожелав Хоботогоблину пойти куда подальше. Тот, увы, никуда не ушел, но Хоботогоблином с тех пор остался.

Кенжи работал в забегаловке механиком. В отличие от Эрвины, он уже был студентом, только не университета, а колледжа. Учась на последнем курсе, он имел достаточную квалификацию, чтобы присматривать за роботами. Само собой, серьезный ремонт, тем паче здесь и сейчас, он в принципе не осуществлял. В его обязанности входил общий мониторинг, сервисные процедуры и мелкая отладка. Кенжи симпатизировал Эрвине, однако близкого знакомства не заводил. Она, впрочем, тоже. Их круг общения серьезно разнился, как разнились и интересы. Они относились к той породе людей, которым хорошо работать вместе, но за пределами этой работы их пути никак не пересекались. Что, впрочем, не мешало им иногда о чем-нибудь поговорить.

— Что тебя так гнетет? — осведомился Кенжи, когда встретил Эрвину во время короткого перерыва.

Работали они в разных секциях, однако помещение для отдыха было единым для всех сотрудников. Незатейливое, оно не отличалось роскошью, щеголяя, в основном, стеклом и пластиком, зато обладало мини-кухней и там было тихо.

— А что, так заметно? — вздохнула Эрвина, нажимая кнопку на кофейном автомате.

В стаканчик хлынул на удивление приличный кофе. Типовой для всего заведения, он все-таки был создан не для того, чтобы отпугивать клиентов. Даже дешевой забегаловки.

— Это еще мягко сказано, — развел руками Кенжи. — Приговоренный к пожизненному заключению — и тот выглядит бодрее.

— Вряд ли. Потому что меня, видимо, именно к нему и приговорили. Провалила я собеседование. Не видать мне универа как Хоботогоблину повышения, — мрачно пояснила Эрвина.

— Сочувствую, — искренне сказал Кенжи. — Но не все еще потеряно. Подай документы в колледж. Тебя примут с распростертыми объятиями.

Эрвина не ответила. Она лишь искоса наблюдала, как коллега намазывает синтетическую булочку синтетической же дрянью. Вот именно поэтому они и вращаются в разных кругах. Кенжи не хочет большего. Он довольствуется тем, что точно получит. Парень он, без сомнения, толковый и трудолюбивый, однако настоящие мечты уж точно не по нему. Эрвина и впрямь могла устроиться в

колледж, но тогда ее ресурсы окажутся брошены именно на него. Все ресурсы — средства, время и даже возраст. Тот самый возраст, который уже угрожал лишить ее планки повыше. Выбрав задачу попроще, она утратит шанс на нечто большее. Да и потом, стоило ли так стараться, чтобы оказаться там, где знания Эрвины были заведомо не нужны?

Тему следовало перевести. Заявлять Кенжи, что колледж отнюдь не предел ее мечтаний, Эрвина не хотела. Зачем попусту задевать хорошего человека? Он же, похоже, всерьез вознамерился порекомендовать, куда ей следует направить стопы. В дополненную реальность поступило несколько сообщений, содержавших ссылки на обучающие программы. Мысленно поморщившись, Эрвина не стала их блокировать, но и получать новые желания не испытывала. Озабоченно поискав глазами, она наткнулась на бежавший таймер, припомнила, от чего он, и отправила в ответ сегодняшнюю листовку, полученную от робота-официанта.

— Что ты про это скажешь? — спросила она для того, чтобы просто спросить.

Внимание Кенжи это переключит наилучшим образом. Он любил высказываться по всяким вопросам, особенно когда его просили.

— Ты что, на мели? — внезапно осведомился Кенжи.

Эрвина насупилась. Свое финансовое положение, каким бы то ни было, она предпочитала не обсуждать даже с Джейми.

— С чего бы такое предположение? — прохладно отозвалась она.

— Ну, я сам с год назад попал в трудную ситуацию. И выпутался как раз благодаря этим ребятам, — сообщил коллега.

— Ты стал донором?! — невольно удивилась Эрвина. — Не расскажешь?

— Как раз и не стал, — усмехнулся Кенжи. — У меня взяли какие-то анализы, а потом прислали вежливый ответ, что использовать мой биоматериал нигде не будут. Однако мне выплатили небольшое вознаграждение. Просто за участие. И оно, признаться, меня тогда здорово выручило.

— Сколько? — машинально спросила Эрвина.

— Здесь нечего стыдиться, если ты на мели, — заверил Кенжи. — Сходи. Ничего страшного там с тобой не сделают.

Глаза Эрвины недобро вспыхнули. Кенжи проявлял несомненное участие, однако выходило это довольно грубо и неуклюже, хуже пресловутого слона в посудной лавке. Задев ее за живое, он рисковал нарваться на грубость. Вскинув голову, Эрвина уже хотела что-то сказать, когда в помещении для отдыха раздалась дребезжащая трель звонка. Тот напоминал сотрудникам, что перерыв окончен. Возблагодарив бдительную программу, Эрвина

поспешила на свое рабочее место. И кто ее только за язык тянул?..

Фешенебельная клиника располагалась в отдельном здании. Невысокое, по меркам небоскребов мегаполиса, оно целиком было выстроено под ее нужды. Стильно оформленное снаружи, оно еще лучше смотрелось внутри. Спокойный дизайн, обошедшийся в солидную сумму, сочетался здесь со всеми достижениями техники, стоившими еще больше. Интерьер создавал приятный психологический эффект. Персонал выглядел безупречно. Особый упор делался на людей, которым лишь помогали роботы, а никак не наоборот. Состоятельные клиенты предпочитали иметь дело не с бездушной машиной, а настоящим врачом, медбратом или администратором. Впрочем, сотрудники не делали разницы между VIP-ами, прибывавшими через отдельный холл, и всеми остальными. Они всегда вели себя корректно и профессионально, даже если посетитель не походил на состоятельного гражданина. Предполагалось, что любой, кто ступил в клинику "Баргезе", сделал это явно не просто так.

Едва Эрвина вошла, как ей немедленно уделил внимание предельно корректный администратор. Она и до середины холла не добралась, а один из дежурных уже направлялся ей навстречу. Одетый как на картинке, он осведомился, что привело сюда столь достойную молодую особу. Эрвина, наряженная довольно блекло, прищурилась, подозревая насмешку, однако дежурный и не думал шутить. Глядя на посетительницу, он не улыбался показной улыбкой и при этом выглядел весьма радушно.

— Донорство тканей. Я пообещала зайти и прослушать презентацию, — изложила Эрвина цель своего визита.

Она сформулировала ровно что, что собиралась сделать. Именно прослушать презентацию — и ничего больше.

До истечения срока оставалось немногим более пяти часов. Таймер, изначально зеленого цвета, заметно поалел. Система дополненной реальности напоминала о взятом на себя обязательстве. Не желая пятна в социальной карточке, Эрвина заскочила закрыть должок.

— Рад слышать, что вас это заинтересовало, — одобрительно кивнул дежурный. — Я отчего-то верю, что именно ваш вклад принесет огромную пользу людям.

Похожий на врача из рекламы, он выглядел так, словно вот-вот проведет операцию века, при этом позируя как на обложку модного журнала.

— Со вкладом давайте не торопиться, — напряженно заметила Эрвина. — Итак, я пришла. Что дальше?

— О. Прошу за мной. Вас примет один из наших лучших консуль-

тантов, — повел рукой дежурный.
Он, несомненно, заметил, насколько прохладно клиентка отнеслась к перспективе сдачи биоматериала, но и бровью не повел. Поправив за спиной рюкзачок, Эрвина неторопливо проследовала за ним.

Комнаты для индивидуальных консультаций напоминали кабинет психотерапевта. В профессиональном смысле. Рассчитано было все — объем, освещенность, интерьер, дизайн и даже расположение дверей. Клиент попадал в офисную, но при этом весьма приятную обстановку. Она не навевала домашний уют, исключающий всякую деловую продуктивность, однако заставляла чувствовать себя уверенно и комфортно. Клиенту тут нравилось. Удобно усевшись, он ощущал себя так, словно все вокруг и впрямь обустроили для него. Сейчас он был звездой. Важной особой, которой вот-вот сделают выгодное предложение. От него не требовали откровений. Откровениями сыпал консультант, умело и красочно расписывая программу донорства.

На Эрвину все эти штучки-дрючки не действовали. Лапша к ее ушам не приставала, а красноречие продавцов оказывало не большего эффекта, чем трескотня попугая. Ни у кого никогда не получалось ей что-либо всучить. Эрвина не покупала то, что ей было не нужно, какими бы заманчивыми скидками на нее не обрушивали сказочные возможности. Если ей ни к чему эта ваша ультрасовременная панацея, какая разница, что здесь и сейчас на нее скидка в целых девяносто процентов? Да хоть даром отдайте — куда она этот хлам денет? Изощренная реклама, воздействовавшая на большинство умов, против нее была бессильна.

Слушая консультанта, Эрвина помалкивала, сохраняя нейтральное выражение лица. Голос жужжал в ушах как муха, мерно кружащая по комнате, и навевал дремоту. Она не грезила наяву, чтобы ее не обвинили в подчеркнутом невнимании. По сути, она слышала и понимала каждое слово, только все это ей было до лампочки.

Пауза, внезапно повисшая в кабинете, выдернула Эрвину из состояния безразличия. Консультант прервался на полуслове, оценивающе изучая черты ее лица. Эрвина напряглась, подозревая неладное.
— Я полагаю, мне нет смысла распинаться дальше, — совершенно спокойно изрек консультант. — Ваш ответ мне заранее известен. Это ответ "нет". Вы с ним пришли, и вы с ним уйдете, что бы я вам ни наговорил. Я прав?

От удивления Эрвина аж рот приоткрыла, и не сразу нашлась, что сказать. Поставив на стол бокал, откуда потягивала на-

туральный, предложенный ей сок, она ощутила, что краснеет.
— Можете не отвечать, — улыбнулся консультант. — Чтобы не терять ваше и мое время, я отброшу всю эту мишуру и перейду сразу к делу. Выражу саму суть, которая может вас заинтересовать.
— Это вряд ли. Если вы, конечно, сходу не предложите мне миллион, — не удержалась Эрвина.
— Я могу предложить вам нечто иное. Нечто, что вы примете куда охотнее денег, — загадочно прищурился консультант.
— Да неужели? И что же это? — недоверчиво осведомилась Эрвина.
— Возможность поступить в университет, — неторопливо, глядя прямо в глаза, изрек консультант.

Эти слова прозвучали будто рев приземлявшегося звездолета. Брови Эрвины изогнулись дугой. Забравшись высоко на лоб, они застыли там в ошарашенном изумлении. Затем резко ринулись вниз и сошлись к переносице.
— А с чего бы вдруг такое предположение? Почему вы решили предложить мне именно это? Вы что, за мной следили? — холодно осведомилась Эрвина.
— Никоим образом. Мы так не работаем, — заверил консультант. — Однако, когда вы вошли в этот кабинет, наш компьютер уже сообщил о вас кое-какие сведения. И дополнил в процессе презентации.

Все оказалось прозрачно и законно. Установив личность Эрвины, компьютер клиники поднял по ней всю информацию в Пространственной сети, начиная с социальной карточки и заканчивая закрытыми профилями в различных приложениях. Эти профили он не взламывал. Компьютер всего лишь поискал, кто контактирует с Эрвиной, и достал оттуда всю публичную информацию. Фотографии, видео, тематические записи, комментарии… Тут бы и самый тупой детектив сопоставил, что она мечтает поступить в университет, однако ничего не получилось.

Уяснив, насколько все прозаично и открыто, Эрвина сменила гнев на милость.
— Допустим, — процедила она. — И что? Вы позвоните в приемную комиссию и скажете, чтобы меня приняли?
— Ничего подобного, — улыбнулся консультант. — Все куда проще. Вам не хватает всего нескольких баллов. Наши партнерские связи довольно обширны. Если вы примете участие в программе, то получите бонусные баллы и пройдете заветный порог. Автоматическое зачисление вам гарантировано.
— Откуда вы знаете, сколько мне не хватает?! — вспыхнула новыми подозрениями Эрвина.

— Это легко определить из записей ваших друзей. Они относятся к недавнему собеседованию, — пояснил консультант. — Вот, например: "Не переживай, это еще не конец света". Или: "Ерунда. Бывает и похуже. Все образуется". А вот еще фотоколлаж с логотипом университета и выставленным средним пальцем. Согласитесь, об успехе так не говорят. При этом сам факт собеседования подсказывает, что баллов вам не хватило совсем чуть-чуть.

Эрвина здорово рассердилась, но выплеснуть свой гнев ей было решительно не на кого. Ничего крамольного консультант не совершил. Ни он, ни кто бы то ни было еще. Искусственный интеллект собрал все открытые данные и сопоставил их воедино. Это оказалось жутко неприятно, словно Эрвина внезапно выяснила, что переоделась в купальник на публике, однако совершенно законно. Более того, без всякого нарушения этики.

— Какое университету дело, стану я у вас донором или нет? — помолчав, осведомилась Эрвина.

— Эта программа поддержана властями и признана полезной для всего человечества, — степенно разъяснил консультант. — Формально, университеты могли отказаться, но ведь и государство не обязано выписывать им всякие там гранты.

— Допустим, — снова сказала Эрвина. — Тогда почему у вас не толпится очередь из желающих? Очень многие абитуриенты не прошли заветный порог.

— Потому что для каждого находится своя цена. Мы предлагаем то, что больше всего нужно конкретному человеку, — без обиняков заявил консультант. — В вашем случае это баллы. Поставьте свою подпись — и место в университете вам обеспечено.

Эрвина уже попалась на крючок. Попалась прочно, необратимо, наглухо. Она уже дала свое согласие, даже если еще и сама этого не осознала. Консультант наблюдал за ней как акула в открытом океане, сокращающая круги вокруг добычи. Он не спешил. Он знал, что жертве некуда деваться, и готовился атаковать наверняка. Атаковать одним точным и молниеносным броском, чтобы получить желаемое с минимальным сопротивлением.

— Что от меня требуется? — поджала губы Эрвина.

Это был прямой вопрос, без всякой уже слышанной в рекламе мишуры.

— О, ничего особенного, — заверил консультант. — Всего несколько простых анализов. Минутное дело.

— И только-то? — удивилась Эрвина.

— Да, если вдруг ваш биоматериал не вызовет интереса, — кивнул консультант. — А если вызовет, мы попросим вас прийти еще раз и сдать совсем немножко ваших тканей. Тоже ничего особенного.

Простой забор клеток разных типов.
— Зачем это вообще нужно? Разве медицина не научилась изготавливать универсальные ткани на все случаи жизни? — напомнила Эрвина.
Вопрос задавался так, для проформы. Она уже сдалась и теперь хотела, чтобы ее окончательно убедили. Убедили фактами, а не какой-то рекламной болтологией.

Донорство имело серьезную научную подоплеку. Шагнув далеко вперед, цивилизация давно уже решила проблему трансплантации. Кровь, органы и ткани выращивались в лабораториях, причем довольно быстро и эффективно. При этом потребность в оригинальном биоматериале сохранялась. За астрономическим исключением, человеческие клетки имели ограниченный срок жизни, то есть не могли делиться бесконечно. Донорскую базу требовалось обновлять. Кроме того, медицина искала более генетически подходящие варианты. Человечество продолжало эволюционировать. По статистике, в живой популяции всегда присутствовали самые настоящие мутанты, в количестве порядка двух процентов. И иногда среди этих мутаций встречались действительно ценные. Они не награждали крыльями, дыханием дракона, телекинезом или ясновидением, зато могли сделать устойчивее к заболеваниям, перепадам температур или увеличить продолжительность жизни. Собирая донорские ткани, ученые, с одной стороны, регулярно пополняли клеточную базу данных, из которой выращивали все для трансплантологии. С другой, они получали полезный материал для исследования и улучшения человеческого генофонда.

Эрвину и впрямь не задержали. Сбор анализов занял всего четверть часа, и то в основном за счет путешествия по огромному зданию. Скоростной подъемник, транспортные поэтажные капсулы — и вот уже она сидит в стерильном кабинете, порученная заботам опытного специалиста. Пробирка с кровью, маленький срез волос и немного слюны, а также крохотный соскоб с кожи… Ко всем манипуляциям Эрвина относилась с напускным безразличием, хотя все происходящее ей не очень-то нравилось. Она все ожидала, когда же объявится зловещего вида зонд, имеющий умысел проникнуть куда-нибудь во внутренности, однако ничего такого не произошло. Закончив свои манипуляции, специалист в герметичном комбинезоне объявила, что сбор биоматериалов завершен.

Домой Эрвину отвозило такси, из тех дорогих аэромобилей, которые предназначались для состоятельных людей. Сама она не стала бы швыряться своей скромной зарплатой, однако все по-

крывала клиника. Покрывала сверх обещанного вознаграждения. Консультант не обманул. Эрвина и здание не успела покинуть, как ей пришло сообщение о пополнении счета. Довольно приличном пополнении, несмотря на всю простоту взятых анализов. Получается, не обманул и Кенжи, рассказав, как сильно его это выручило. Теперь Эрвина сумеет внести квартплату без задержки, погасить несколько умеренных долгов и не думать о насущных расходах ближайшие три месяца. Невольно дивясь, зачем бы все клинике это было надо, она стала ожидать, когда же исполнится и главное обещание консультанта. А именно, начисление заветных баллов.

Время шло. Прием в университет близился к концу. Проверяя корреспонденцию, Эрвина все больше нервничала, не находя заветного извещения. Не выдержав, она даже написала в клинику, откуда пришел лаконичный ответ: про вас не забыли, ожидайте. Эрвина ждала, но когда срок почти истек, она написала снова. А заодно и позвонила. И снова ее заверили, что томления не напрасны. Бюрократические процессы иногда вызывают задержку, однако на конечное исполнение обещаний это никак не повлияет. Вся как на иголках, Эрвина уже не очень-то всему верила, соображая, хватит ли у нее возможности подать в суд. И вдруг извещение действительно пришло. Извещение от самой клиники "Баргезе", приглашавшей ее на дополнительный забор биоматериала.

Возмущенная неожиданным поворотом, Эрвина хотела было отказаться. Снова позвонив, она сообщила оператору, что ожидала приема в университет, а не вторичного визита в медицинское учреждение. На это оператор вежливо напомнила про соглашение. Мол, клиника несоответствий не допускала, ибо срок зачисления еще не вышел. Эрвина же нарушит исходное соглашение, ежели не явится, и тогда клиника ей ничем не будет обязана. Увы, оператор оказалась права. Информация об этом содержалась в письме, ссылавшимся на базовый, заключенный при первом визите договор. Временные рамки и обязательства сторон излагались там хоть и витиевато, но достаточно конкретно. Мысленно выругавшись, Эрвина прикинула суточный график и опять отправилась в то же здание, за пару часов до своей рабочей смены.

На сей раз кабинет был совсем другой. Этаж, коридор и персонал — вообще все было другим. Если прежняя обстановка напоминала типичный медпункт, то здесь все смахивало на кабину пилотов звездолета. Кресла, похожие на амортизационные, внушительные панели управления, множество разбегавшихся огоньков, тихий гул громоздких тумб аппаратуры и масса контрольно-следящей электроники. Ложе выглядело удобным, однако его техническое обрамление доверия не вызывало. Во всяком случае, у

Эрвины, явившейся сюда скорее принудительно, нежели добровольно.
— На атомы разобрать хотите? — хмуро осведомилась она.
Большая волновая пушка, подозрительно маячившая возле кресла, топорщила свое жало явно не для красоты.
— Все это лишь выглядит необычно. Чем сложнее техника, тем все проще для пациента, — вежливо ответила оператор. — Прошу сюда.
Приглашающий жест указал на посадочное место, однако Эрвина не торопилась. Застыв столбом, она исподлобья осматривала недружелюбную комнату. И вдруг отступила назад. Приняв жесткое выражение, ее лицо олицетворяло собой ответ.

Зашелестев, входная дверь уползла в стену. На пороге объявился консультант, столь ловко нашедший подход к Эрвине.
— Прошу прощения, — тут же сказал он. — Возникла досадная ошибка.
— А? — обернулась на него Эрвина.
— Вам не сюда. Здесь проводят совсем другие исследования, — пояснил он. — Ваше недовольство вполне понятно. Позвольте проводить вас куда следует.
Эрвина сменила гнев на милость. Уже готовая послать все к черту, она ухватилась за подвернувшуюся возможность, позволявшую остаться в программе и при этом не отдаться во власть космических аппаратов. Милостиво кивнув, она проследовала в транспортный модуль.

Другой этаж, другая комната. Обстановка оказалась не чета предыдущей. Скорее, она подходила для комнаты отдыха, нежели месту, где берут какие-то дополнительные анализы. Мягкие, присущие гостиной кресла, лакированные десертные столики, фарфор, вазочки на этажерках и забранная хрусталем старомодная люстра. По углам, в золоченых кадильницах, курились благовония, ласкавшие даже самое взыскательное обоняние. Где-то в неопределимой дали играла тихая расслабляющая музыка. Большое голографическое панно демонстрировало умиротворяющие виды водопада. Казалось, вот-вот подойдет слуга и подаст на подносе бокал винтажного вина, либо же стаканчик изысканного виски. Ничего такого не произошло. Вместо этого объявилась ласковая докторша. Устроив Эрвину в кресле, она захлопотала рядом, проверяя основные показатели: пульс, температуру, давление, зрачки…

Консультант еще раз извинился и ушел. Не препятствуя докторше, Эрвина молча полулежала, уйдя затылком глубоко в изголовье. Так глубоко, что податливая конструкция стала доставать ей едва ли не до лица. Пребывание в кресле оказалось приятным.

Легкая вибрация отдавалась в теле нараставшей негой, а его обволакивающая мягкость расслабляла нервную систему. Как объяснила докторша, кресло было массажным, отчего Эрвина и не думала что-либо подозревать. Благовония же навевали на нее добродушие и дрему. Щекоча в носу, они сладко убаюкивали, будто материнская колыбельная, и звали хорошенько вздремнуть. Она и клевала носом, ожидая, когда же и как начнется забор биоматериала. И дождалась. Бросив на нее оценивающий взгляд, докторша повела рукой где-то у комфортного ложа. Изголовье тут же прострелил гудящий зеленоватый разряд. Пройдя через виски Эрвины, он мгновенно вверг ее в забытье.

Комната была та же. Космическая аппаратура тихо жужжала, наливаясь скрытой энергией. Возле консолей колдовал уже не один, а три оператора. В потолке раздалось круглое окно. Оттуда, миновав лепестки диафрагмы, опустилось кресло с Эрвиной. Доставив ее вниз, подъемник обождал, пока два робота переложат девушку на ложе, а затем взмыл обратно.

— Состояние? — осведомился старший оператор.

— Стабильное. Все показатели в норме, — доложил второй.

— Концентрация летучего анестетика выше порога на четырнадцать процентов. Она хорошо им надышалась, — сообщил третий.

— Разряд активировал девяносто шесть процентов нанотел.

— У нас полчаса. Начали, — велел старший.

К Эрвине, приглушенно гудя, придвинулась волновая пушка. Уставившись ей в лоб, она слабо осветилась, а затем исторгла невидимое глазу излучение. Многочисленные приборы ожили множеством побежавших цифр. Внимательно отслеживая процесс, операторы принялись за дело.

Очнувшись, Эрвина увидела обеспокоенное лицо докторши. За ней, с виноватым выражением лица, маячил знакомый консультант.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросила докторша.

— Тысяча извинений! — оттеснил ее консультант. — Сегодня явно не наш день. Два прокола, один хуже другого. Это же надо!..

Захлопав глазами, Эрвина провела рукой по лицу, а затем приподняла голову и огляделась. Она лежала в прежней комнате отдыха, только уже не в массажном кресле. Стоя поодаль, оно пустовало, испуская тонкий сизый дымок. Вместо благовоний в воздухе теперь слегка тянуло паленым. Эрвина же оказалась на диванчике, с комфортом устроенная у стены.

— Что произошло?! — тут же вскочила она.

Небольшое головокружение заставило ее пусть и не лечь, но плюхнуться на диванчик обратно.

— Массажное кресло вышло из строя, — смущенно пояснил консультант. — Вас ударило разрядом. Ваше здоровье в безопасности, но инцидент, безусловно, неприятный.

Вторичный взгляд на дымившуюся конструкцию сопоставил услышанное с увиденным.

— Ну, знаете!.. — возмущенно воскликнула Эрвина.

Держась за виски, она ощущала, как все вокруг слегка плывет. Пытаясь вернуть себе привычное равновесие, она соображала, что к чему.

— Если хотите, мы проведем серию тестов, чтобы удостовериться в вашем добром здравии, — любезно предложил консультант.

— Ну уж нет! С меня хватит! — тут же осерчала Эрвина. — Никаких больше тестов! И никаких анализов! Я отказываюсь что-либо сдавать! И только попробуйте настоять!

— Это само собой, — с готовностью закивал консультант. — От вас больше никто ничего не потребует.

— Неужели? — ожидая совсем иного, невольно удивилась Эрвина.

— Ладно. А как насчет ваших обещаний? Из университета мне ничего не приходило.

— Все будет исполнено до конца суточного цикла. В этом вы можете не сомневаться! — твердо заверил консультант.

Взвесив все за и против, Эрвина решила, что судебный иск ей банально не по карману. Результаты выглядели туманно, зато расходы более чем реалистично. В итоге она сочла, что все обернулась к лучшему, а кресло шарахнуло ее очень даже кстати. Ничего не сдавая, она все равно получит обещанное, и на этом ее знакомство с клиникой "Баргезе" закончится. Ну, если, конечно, получит. Поглядывая на вереницу роботов, сновавших мимо ее контрольного окна, Эрвина поглядывала и на часы. Слова консультанта звучали уверенно и сомнений не вызывали, но не вызывали их ТОГДА. Теперь же, чем больше проходило времени и чем ближе становился крайний срок, она все больше беспокоилось. Поднимаясь глубоко в душе, волнение нарастало, переходя в открытую тревожность. Нервы шалили, заставляя допускать промах за промахом. В прошлый раз Эрвина прозевала трех роботов. В этот она уже четырежды забраковала ни в чем не повинные машины.

На пятый раз явился Хоботогоблин. Остановившись возле Эрвины, он уставился на нее с подчеркнуто-осуждающим выражением. Вероятно, он полагал, что выглядит сейчас начальственно и грозно, хотя на деле напоминал сварливую бабку, желавшую устроить скандал из-за забытой на столе чашки. Думая о своем, Эрвина не сразу его заметила, чем усугубила назревающий скандал.

Распаляясь, Хоботогоблин постепенно распалил и Эрвину. Гордая и смелая от природы, она не давала себя в обиду. Провинившись, она могла выслушать выговор, если тот был по делу, однако всему имелся предел. Переходить определенную черту она не позволяла никому. Что бы ни произошло, культуру взаимоотношений между сотрудниками никто не отменял. Не стерпев высказываний Хоботогоблина, Эрвина стала колко отвечать, и чем дальше, тем больше. Хоботогоблин воспринял ее реакцию как откровенную дерзость и посягательство на свой авторитет, что, разумеется, его отношения ничуть не улучшило.

На шум перепалки прибежал Кенжи. Побагровев, Хоботогоблин грозился немедленным увольнением. Эрвина, бледная от ярости, вовсю и сама об этом подумывала, соображая, как эффективнее всего влепить ему в физиономию передник. Появление механика несколько разрядило накал страстей. Придя в себя, Эрвина немного остыла. Скандалить на публике она не любила, предпочитая не выставлять свои проблемы напоказ. Поубавил ретивости и Хоботогоблин. Позиционируя себя полновластным властителем, он таковым все же не был. Не был даже здесь, работая менеджером, но отнюдь не судьей последней инстанции.

Правила компании незыблемо соблюдались. За свой просчет Эрвина заслужила предупреждение, однако его одного для увольнения считалось недостаточно. Все же сказанное ей в адрес менеджера компанию вообще никак не касалось. Если тот хочет — пусть подает жалобу, обращается в суд или защищает свое оскорбленное достоинство уж как ему заблагорассудится. Грозя выкинуть Эрвину на улицу, прямо здесь и сейчас Хоботогоблин сделать этого не мог. Во всяком случае, без веских оснований, и появление Кенжи его образумило. Затягивая скандал, Хоботогоблин сам становился причиной того, что на роботов уже никто и не смотрел, и тому объявился нежелательный свидетель.

Оставаясь пунцовым, менеджер насупился, стараясь вернуть себе начальственный вид. Отсутствие всевластия не означало безвредность. Его выпады не сулили немедленную погибель, однако были опасны как укусы ядовитой змеи. Яд этот убивал медленно, но верно. Заимев на сотрудника зуб, Хоботогоблин уж найдет, к чему придраться, и превратит его жизнь в сущий ад. А там уж либо уйдет сам сотрудник, либо Хоботогоблин накопит к тому должностных зацепок.

Относительное спокойствие воцарилось ненадолго. Стараясь урезонить менеджера, Кенжи в какой-то момент лишь усилил его недовольство. Ощущая себя капитаном, у которого назревал бунт на корабле, Хоботогоблин обратил свой гнев уже на механика. При

этом его слова — и слова весьма неприятные, — опять задели Эрвину. Возможно, целенаправленно. Высказываясь в адрес Кенжи, менеджер допускал уничижительные замечания о его бестолковой подружке, перед которой тот надеялся предстать супергероем. Расчет был прост. Взбешенная, обуянная эмоциями Эрвина уйдет сама. Распаленная, в сердцах она бросит заветное слово, автоматически расторгающее контракт.

Понимая, к чему идет дело, Кенжи старался этого не допустить. Понимала все и Эрвина, только терпение ее было на пределе. Да и у кого вообще его хватит, слушать заявления, что она никто и звать ее никак, и что она должна молиться на эту дыру, дабы не очутиться на улице, в зловонной сточной канаве. Ей, видите ли, оказали великую милость, приютив в столь дивном месте, иначе она давно бы уже пошла побираться, а то и загнулась от голода. Держась лишь усилием воли, Эрвина сохраняла остатки благоразумия, но они таяли как фантомы в солнечных лучах.

— Дзинь! — мелодично пропел интерфейс.

В дополненной реальности объявился индикатор, сообщавший о поступившей корреспонденции. Приготовив для Хоботогоблина убийственную тираду, Эрвина придержала ее на языке. Поведя глазами, она открыла письмо и сердце ее забилось как у атлета, первым финиширующего изнурительный марафон. Это было долгожданное извещение. Извещение из университета, в хорошо знакомом стиле оформления. Красные цвета традиционно означали отказ, но это письмо отличали зеленые, овевавшие зеленую же лаконичную надпись. Эрвина и прочесть-то ничего не успела. Взбудораженный рассудок только и уловил, что ее приняли, чем мгновенно спровоцировал закономерную реакцию.

— На-ка, выкуси! — выпалила она.

Глаза Хоботогоблина скосились к носу, созерцая подсунутый туда кукиш. До броска передником не дошло. Сорвав его резким движением, Эрвина помедлила, а затем, вытянув руку, разжала пальцы. Влекомый силой тяжести, передник картинно упал к ногам менеджера. Упал бесшумно, но при этом заглушив в его сознании всякие слова о немедленном увольнении.

Такие моменты торжества случаются нечасто. У кого-то всего раз в жизни, а у кого-то не случаются вовсе. Окрыленная восторгом, Эрвина не удержалась и отправила сообщение на общий экран. Не в дополненную реальность, ибо Хоботогоблин, опасаясь оскорбительных изображений, сообщения от Эрвины не принимал — на экран комнаты контроля. Голографический, он позволял отображать различную информацию. Как правило, технического характера, однако сотрудники могли вывести туда что угодно. И те-

перь там объявилось письмо, выставленное на обозрение Эрвиной.

Первым подал голос Кенжи. Уяснив, чем именно вызван жест коллеги, теперь он был ошеломлен еще больше.

— Что за ерунда? — протянул он. — Это же не твой университет.

— ЧТО?! — обомлела Эрвина.

Вытаращившись во все глаза, она вчиталась в текст и вздрогнула. Вздрогнула сильно, всем телом, будто ее ударило электрическим разрядом. Эмоциональная пелена, окутывавшая разум, спала. Ведь только ей и объяснялось, что Эрвина умудрилась не заметить герб, красовавшийся в углу письма, да и текст откровенно проигнорировала.

— Либератика! — выпучил глаза Хоботогоблин. — Тебя приняли в Либератику?..

Тут было чему поражаться. Так именовалось высшее учебное заведение, единственное в своем роде. Элитных насчитывалось немало, но конкретно это отличала примечательная особенность. Его выпускники занимали значимые посты, начиная от муниципальных глав и заканчивая членами сената. Они возглавляли офисы прокуроров, заседали в судейских коллегиях, контролировали биржевую деятельность и становились губернаторами. Самые значимые роли в политических партиях отдавались им. Они заправляли в федеральной резервной системе, формировали экономическую повестку, влияли на принятие законов и ведали вопросами промышленности, образования и науки. "Либератикой" назывался не просто престижный университет — это было место, откуда выходили исключительно выдающиеся представители общества. Но в том заключалась лишь одна оглушительная странность. Имелась и вторая. Не строя напрасных иллюзий, никаких документов Эрвина никогда туда не подавала.

– 2 –

Натужно пыхтя, громоздкий аэробус отчалил от парковочного пандуса, куда высадил единственного пассажира. Это был частный аэробус. Более того, не имевший никакого отношения к общественному транспорту, а лишь называвшийся так из-за конструкции и габаритов. По факту же в небо поднимался лимузин, чей владелец счел недостаточно комфортными размеры какого-то там аэромобиля. С иголочки одетый, этот владелец неторопливо огляделся. Холодно, пренебрежительно, свысока. Огляделся не столько для того, чтобы посмотреть вокруг, сколько показать себя. Затем неторопливо двинулся к зеркальным дверям. На его лице незыблемо царило выражение надменности. С этим выражением он про-

следовал в здание, даже не взглянув на портье, и с ним же прошел через обширный холл, небрежно кивнув лишь старшему администратору. Всех остальных владелец аэробуса просто не замечал. Не замечал нарочито, поскольку со зрением у него все было в порядке. Общение с простонародьем подобной особе просто не по статусу.

Путешествие на подъемнике не затянулось. От парковки на крыше небоскреба до нужной остановки насчитывалась всего дюжина ярусов. Выйдя в фойе, владелец аэробуса приблизился к стойке дежурного, но посмотрел не на него, а в огромное, до пола, зеркало. Оттуда глянул худощавый, коротко стриженый блондин, довольно высокий и болезненно бледный. На вытянутом лице особенно выделялся жилистого вида нос. Острые скулы подчеркивали впалые щеки. Казалось, из тонких губ ушла вся жизнь, сделав их пустыми и бесцветными. Пустыми казались и серые глаза, которые блондин, в конце концов, обратил на дежурного.

— Пришлите ко мне моего секретаря, — как бы снисходя до разговора, совершенно безэмоционально произнес он.

Увы, по долгу службы даже небожителям приходится общаться и с низшими мира сего.

— Слушаюсь, сэр, — кивнул дежурный, потянувшись к кнопке вызова. — Что-нибудь еще?

Ответом блондин уже не удостоил, лишь слабо мотнув головой. Не говоря более ни слова, он двинулся по коридору, держа в руке черный, с золотом, портфель. Отполированный пол отражал его отполированные же туфли из натуральной кожи. В мутноватом отблеске стен плыло пятно дорогого темно-синего костюма. Дойдя до ореховой двери, украшенной именной табличкой, блондин скрылся в отдельном кабинете.

Явился секретарь, застав своего босса за вдумчивым чтением документов. Это был отчет о недавнем заседании совета директоров. Остановившись возле стола, исполненного под классику из черного дерева, секретарь молчал и не шевелился, пока хозяин кабинета не соизволил обратить на него свой царственный взор.

— Вы разобрали мою корреспонденцию? — небрежно осведомился он.

— Разумеется, сэр, — кивнул секретарь, протягивая планшет, где был представлен подробный отчет. — Несколько деловых писем, подборка запрошенных вами сведений, отредактированные доклады начальников подразделений. Да, еще вот здесь, отдельно, коммерческие предложения и приглашения прибыть с визитом. Деловые я отделил от частных, и распределил их в порядке убывания значимости. Все, как вы указали.

Секретарь и впрямь исполнил все в точности. Привыкнув к капризам блондина, он учитывал каждую мелочь, крайне редко допуская промашку. И сегодня он наверняка не оплошал, однако по лицу блондина было заметно — что-то не так. С туповатым, невольно появившимся выражением, тот бегло просмотрел документы. Его взгляд скользил по ним так, будто смотрел и не видел, а пальцы листали страницы не иначе как для проформы. Исподтишка наблюдая за боссом, дополнительных комментариев секретарь не отпускал. Молчание нарушил сам босс, завершив изучение поданных материалов.

— И это все? — напряженно осведомился он.

— Да, сэр, — кивнул секретарь.

— Но этого не может быть! Сегодня же последний день!.. — порозовел обычно бледный блондин.

Не договорив, он порывисто вскочил и стал вышагивать по кабинету.

Секретарь стоял на месте, украдкой кося за боссом глазами. Он прекрасно знал, о чем идет речь, однако не подавал и виду. Блондин же не осмеливался озвучить свое беспокойство словами. Ведь по факту получилось бы позорное признание, самое настоящее жизненное фиаско. Такое, в котором он не желал признаваться и самому себе.

— Моя мать здесь? — прекратив беготню, взволнованно осведомился он.

— Да, сэр, — снова кивнул секретарь. — Она в конференц-зале. У нее совещание с представителями поставщиков.

Сжав кулаки, сопевший блондин выскочил из кабинета. Секретарь его не останавливал. Тот ведь все равно его не послушает, хотя мешать означенной женщине не стоило. Будучи председателем совета директоров, она и впрямь занималась важным делом, которых ее сын, двадцатидвухлетний недоросль, отродясь не знавал. В компании он занимал свой пост лишь благодаря родству, и все его самодовольные фантазии были крайне далеки от реальности. В отличие от матери, он даже насущных задач толком не понимал, что не мешало мнить себя пупом земли и наследником империи. Вот только, на беду блондина, кое-кто его иллюзий не поощрял. Не мать, разумеется, ибо уж кто уродился, тот уродился, и не простые сотрудники, в душе презиравшие этого чванливого юнца, а некие третьи лица. Те самые, от которых он ждал письмо, и упорно не получал.

Материнские чувства — это одно, а бизнес — совсем другое. Лицо Аделаиды Честерсайд выразило неудовольствие, когда в конференц-зале объявился ее единственный отпрыск. Вернее ска-

зать, вломился туда, пренебрегая предупреждениями охраны.
— Прошу меня извинить, — поднялась эта степенная, в летах, суховатая женщина. — Я ненадолго.
Присутствующие вежливо кивнули. Сидя напротив, они вели важный разговор, однако проявили сдержанность. Сообразив, в общих чертах, что происходит, они из тактичности не подали и виду.

Проследовав к сыну, Аделаида схватила его за локоть и увлекла в дальний конец зала. Там, втолкнув его в уединенную комнату, она вошла туда сама и притворила дверь. Железная хватка ослабла. Освобожденный блондин попробовал возмутиться ее бесцеремонностью, но тут же притих, осаженный блеском в глазах матери.
— Что тебе надо на этот раз, Сайлус? Почему ты прерываешь столь важные для меня переговоры?! — раздраженно вопросила та. — Опять обещал миллион до полуночи?!
В ее устах фраза стала нарицательной. Живущий на широкую ногу, сын регулярно становился испытанием для материнского бюджета и материнского же терпения. С легкостью швыряясь деньгами, кредитованными под честное слово, он явно не понимал, насколько непросто эти деньги зарабатываются.
— Либератика, мама! Они до сих пор мне не отвечают! — пожаловался сын.

Наступило молчание. Утратив свой надменный вид, Сайлус часто моргал, не спуская глаз с матери. Та же помрачнела, машинально покручивая обручальное кольцо. Вдовье обручальное кольцо, то есть надетое на соответствующий палец. Минуты шли, а она стояла как влитая, глядя куда-то в сторону.
— Мам? — утомленный затянувшимся ожиданием, робко протянул Сайлус.
— Почему ты МЕНЯ об этом спрашиваешь? — послышался глубокий вздох. — Это же твоя затея.
— Н-ну… Ты же обещала похлопотать, — осмелился напомнить сын.
Снова глубокий вздох. Да, обещала. И напрасно — чего уж говорить, — обещала.

Сайлус упорно игнорировал реальность. Чем бы ни руководствовались в Либератике, абитуриентов они выбирали не только по размеру кошелька. Аделаида Честерсайд давно предположила, что ее сыну не светит туда попасть. Три отказа за три года выглядели более чем красноречиво. И вот он сунулся в четвертый раз, рассчитывая козырнуть авторитетом компании. Не случайно он отправил заявление со штемпелем штаб-квартиры. Он хотел пока-

зать, кем является, ибо кого же принимать в Либератику, если не таких молодцов? Этим и объяснялось, что ответ должен был поступить именно в офис, а не на его личную почту. Заодно этим объяснялось и вторжение Сайлуса в конференц-зал. Крайний срок истекал сегодня. Для Аделаиды, впрочем, ничего нового это не означало, и по очень простой причине.

— Ма-ам? — снова подал голос Сайлус.

Дольше тянуть не получалось. Нахмурившись, Аделаида, не глядя, запустила руку в ридикюль и выудила оттуда плотный конверт. Несмотря на повсеместную цифровизацию, подобные документы все еще оставались востребованы. В том числе тогда, когда адресат никаких электронных контактов не оставил. Используя имя компании, но так, чтобы письмо пришло лично ему, именно к такому варианту Сайлус и прибег.

— Это что? — спросил он, и тут же глаза его загорелись, узрев логотип Либератики.

Двойная галактическая спираль была достаточно узнаваема. Синяя шла в одну сторону, красная в другую, и обе переплетались как нити в тканом ковре.

— Когда доставили? — выхватывая конверт, жадно осведомился Сайлус.

— Вчера, — коротко ответила мать.

— Вчера?! — опешил сын. — И ты мне не сказала?! Погоди, а почему это вообще у тебя?!

Ответ тут же стал очевиден. Еще не развернув извещение, Сайлус уже сообразил, что там увидит. Красные тона письма опалили его сознание жестоким огнем, сообщив все и без текста. Это был отказ. Перехватив корреспонденцию, мать просто не знала, как сообщить сыну о крушении его надежд.

Оставалось лишь порадоваться, что последующую сцену никто не увидел. Вот вышло бы зрелище для гостей или сотрудников!.. По большому счету, Сайлус все-таки не был ни тряпкой, ни нюней, ни беспомощным дитя. Да, он в жизни палец о палец не ударил, и делать особо ничего не умел, только и плаксой не считался. Однако на сей раз расклеился он знатно. Это была натуральная истерика, ошеломившая даже видавшую виды мать. Своеобразная, конечно, истерика, без катания по полу и горючих рыданий, но истерика однозначно.

Зная Сайлуса, его можно было понять. Он причислял себя к элите. К пресловутой золотой молодежи, которая якобы составляет сливки общества — подрастающее поколение, идущее на смену его нынешним столпам. Отказ, пришедший из Либератики, прямо указывал на иное. Во всяком случае, в глазах Сайлуса. В мире хва-

тало людей, которые никогда не переступали порог этого учреждения, и все равно занимали высочайшие посты. Сайлус это знал, однако упрямо желал получить свое. Обрести официальное признание, что он лучший из лучших, а не среднестатистический никто. Такое, каким можно было бы козырнуть будто удостоверением, и козырнуть здесь и сейчас, а не спустя десятилетия, самостоятельно став уважаемым членом общества. Надменный, но все же не дурак, Сайлус прекрасно понимал, ЧТО о нем могут поговаривать за глаза, и зачисление в Либератику гарантировало ему общепризнанный статус. Отказ же становился настоящей катастрофой. Тумаком, сшибавшим его с заоблачного трона. Едва не разревевшись, Сайлус заламывал пальцы, апеллируя к влиянию матери.

Говорят, обмануть можно кого угодно, но только не самого себя. Сайлус себя и не обманывал. Наплевать, если он добьется желаемого исключительно за счет протекции — это будет их семейная тайна. Маленький секрет, известный лишь немногим посвященным, о котором те не будут упоминать. Зато в глазах остальных он станет тем, кем себя давно уже позиционировал, и уже никто не сможет поставить его статус под сомнение. Ни одна душа, начиная от сверстников и заканчивая личным секретарем, которого Сайлус подозревал в тайном к себе презрении.

— Мам, ну сделай что-нибудь! — терзал он свою последнюю надежду. — У тебя же такие связи! Ты сама сколько раз говорила!

Последняя надежда и впрямь терзалась. Не всякое материнское сердце откажет единственному сыну, и даже такое закаленное, как сердце Аделаиды Честерсайд. Жесткая и холодная в бизнесе, она регулярно таяла и давала слабину, когда дело касалось прихотей Сайлуса. Дрогнула она и сейчас, хотя придержала письмо не просто так. Доселе она соображала, как бы потактичнее донести до сына, что Либератики ему не видать, и вот уже она прикидывает, как и к кому обратиться, чтобы исполнить его навязчивую мечту.

— Успокойся! — грянула Аделаида. — Возьми себя в руки, и чтобы я таких сцен больше не видела! Подбери сопли и возвращайся к себе! Я сделаю, что смогу! Дерну за пару ниточек… Но даже напоминать мне не смей, пока я сама об этом не заговорю!

Грозный, но столь многообещающий голос привел Сайлуса в чувство. Проглотив комок, он утер глаза и рассыпался в выражениях сыновней любви. Мать это тронуло, однако суровости она не растеряла. Дела не ждали, а к ним теперь добавилось и еще одно. Велев Сайлусу замолчать, она выпроводила его через боковую дверь. Сама же вернулась в конференц-зал, на ходу соображая,

каким именно образом попробует достучаться до Либератики.

Деньги решают все — одни это отрицают, другие даже не ставят под сомнение. Выяснять, кто из них прав, можно сколько угодно, опираясь на верных единомышленников и сталкиваясь с непримиримыми противниками. Философская суть сочеталась здесь и с воздействием общества, и с самим восприятием человеческой натуры, проходя через призму индивидуального мировоззрения. Универсального ответа, вероятно, не существовало, ибо к каждой личности применялись конкретные предложения и конкретные же обстоятельства. Объективно верно выходило только одно. Деньги расширяли доступный набор возможностей, позволяя хотя бы попытать удачи там, где без них путь был заказан. Аделаида Честерсайд это знала. Не всякие врата в итоге откроются, но за определенную цену в них удастся постучать.

Даже очевидная цель не обязательно достигается напрямую. Порой стоит подергать за окольные нити, чтобы там, в центре хитросплетенной паутины зазвенел заветный колокольчик. Зазвенел тихо и мелодично, словно тронутый случайным дуновением ветра. Поразмыслив и подключив доверенных людей, Аделаида вышла на заместителя министра образования. Одного из заместителей, оказавшимся знакомцем бизнес-партнера ее покойного супруга. Небольшой, но ценный презент открыл ей приватную информацию о жизни этого человека. Второй подарок, пришедшийся ко двору — и вот она уже сидит за столиком в ресторане, где высокопоставленный сановник изволил обедать. Время поджимало, и Аделаида не поскупилась заплатить за свободное место. Забронированные заранее, те обычно не пустовали, и попасть туда с улицы нечего было и думать. Если, конечно, речь не шла о действительно солидном вознаграждении. Получив серьезную мзду, метрдотель изыскал возможность уплотнить клиентов, и Аделаида очутилась по соседству со своей целью.

Якобы случайная, встреча началась хорошо. Просто изумительно. Узнав, кто эта достойная женщина, замминистра стал чрезвычайно любезен и с удовольствием согласился распить с ней бутылочку изысканного вина. Вот дальше, увы, дело пошло не столь благоприятно. Аделаида умела изъясняться как подобает. Не оскорбив собеседника предложением взятки, она лишь тонко дала понять, насколько велика будет ее благодарность. Та, что она проявит, если сын осуществит свою давнюю мечту.

— Боюсь, ничего не получится, — неожиданно мотнул головой замминистра. — Либератика вне моей компетенции.

— Да как же так? — искренне изумилась Аделаида, не преминув подчеркнуть это на фоне достоинств столь высокопоставленного

человека.
Ему, мол, и не доверили? Да как такое вообще возможно!

Лесть Аделаиды сработала, только толку с того не особо вышло. Замминистра был с ней совершенно согласен — если и не он, то кто, однако тут-то и выяснилось, что никто. Никто в прямом смысле слова.

— Мне непросто это признавать, но министерство образования никакого влияния на Либератику не имеет, — не без затаенной неприязни сообщил сановник.

В его голосе также скользила досада, и не в последнюю очередь от того, что заманчивый посул собеседницы промелькнул будто мираж в пустыне. Благодарность не получают за то, чего не в состоянии исполнить.

— А как же сам министр? — невольно спросила Аделаида. — Мне просто не верится, что он не контролирует это заведение. Ну, в той или иной степени.

— В этом и загвоздка, — негромко, словно нехотя, сообщил заместитель. — Он один из выпускников Либератики. Он создал такую ситуацию намеренно.

Не веря своим ушам, Аделаида несколько раз вопрошала то так, то эдак. Лишь на третьей бутылке вина, каждая в годовую зарплату чернорабочего, она осознала поразительную реальность. Хоть и следуя нормативам и предписаниям, издаваемым министерством образования, Либератика ему вообще никак не подчинялась. В этом отношении она была как государство в государстве, обладая поистине феноменальной независимостью.

— Но ведь кто-то же ей управляет? — допытывалась Аделаида. — Кто-то же проверяет? Такое заведение просто не может существовать само по себе!

— Попечительский совет, — как-то странно усмехнулся заместитель.

— А кто эти люди? Можно с кем-то из них переговорить? — блеснула глазами Аделаида. — Продуктивно переговорить, — добавила она с особым, вполне понятным акцентом.

— Не выйдет. Попечительский совет состоит исключительно из членов сената, — качнул головой замминистра.

— Простите меня за прямоту, но мне уже случалось находить общий язык с сенаторами, — не удержавшись, откровенно высказалась Аделаида.

— Вы меня не поняли, — неторопливо произнес заместитель. — Как и министр образования, все эти сенаторы — выпускники Либератики.

Огромный жизненный опыт, обширные связи, подкованность

в переговорах и настоящий талант добиваться своего внезапно дали сбой. Аделаида растерялась. Или заместитель министра чего-то не договаривал, или она поняла его вполне себе правильно. Либератику никто не контролировал. Точнее, она контролировала сама себя. Какие бы правила ни устанавливались в этой игре, их диктовали те, кто стал ее исходной частью, и посторонним туда доступа не было. Или все-таки был?

— Моя признательность окажется велика, если кто-то устроит мне встречу с кем-нибудь из попечителей, — многозначительно сказала Аделаида. — Очень велика.

— Встречу устроить можно, да только признательной за нее вы вряд ли будете, — скривился замминистра. — За бесплодное рандеву наград не выдают.

— А вот об этом не беспокойтесь, — прищурилась Аделаида. — Дальнейшее — это уже моя забота.

Заместитель министра ожил. Уразумев, что его отблагодарят в любом случае, просто за само содействие, он тут же посерьезнел, но по-деловому. Держа бокал промеж пальцев, он неторопливо потягивал вино и размышлял, как лучше подступиться.

Аделаида не понимала, чем вызвано это глубокое раздумье. Организовать обычную встречу, что может быть проще? Друзья, знакомые, родственники — подходов просто уйма. Дети, в конце концов. Те дети, которые поддерживали контакт с НУЖНЫМИ детьми. И в первую очередь выпускников Либератики. Она вполне могла бы их мотивировать. Например, пристроить в свою компанию, предложив недурное место и соответствующее жалованье. Это же отличный старт для деловой карьеры! Пожалуй, задумчивому сановнику стоит дать небольшую подсказку, что Аделаида, будто невзначай, и сделала.

— К сожалению, тут все не так просто, — как-то не оценил ее идеи замминистра.

— Это почему же? — подняла брови Аделаида. — Через детей я даже в бизнесе частенько добивалась чего угодно.

По челу заместителя пробежало облачко. Казалось, он хотел что-то сказать, но эти слова так и замерли у него на устах.

— Дети детям рознь, — помолчав, только и ответил он.

И большего Аделаида от него не добилась. Пообещав скоро с ней связаться, замминистра откланялся и отбыл.

Предложенным путем сановник попробовал пойти только раз. Уже вечером, навскидку опробовав и забраковав несколько собственных вариантов. Попробовал так, на всякий случай, не столько надеясь на результат, сколько желая окончательно убедиться в обратном.

— Рита, дорогая, можно тебя на минуточку? — позвал он, останавливаясь у закрытой двери.
В ответ, через интерком, раздалось приглушенное ворчание. Затем послышался громкий звук, будто кто-то увесисто спрыгнул на пол, а затем еще серия звуков, характерных для шлепков босыми ногами по полу.
— Чего? — объявилась на пороге молодая особа лет шестнадцати.
Все остальные дети уже разъехались кто куда, начав самостоятельную жизнь. В родительском особняке проживала только младшая дочь, пока еще не желавшая расставаться ни с папой, ни с мамой.
— Как твои дела? У тебя все хорошо? — ласково спросил отец, маскируя цель своего визита.
— Выкладывай, чего надобно, — буркнула дочурка, прекрасно понимая, что он явился не просто так. — Меня друзья ждут.

Сановник знал, что в своей огромной комнате дочь совершенно одна, однако ее словам не удивился. Она подразумевала виртуальный мир, где у нее, в виде голограмм, собралась целая компания. А еще он знал, что теперь прикинуться заботливым родителем не получится.
— Ты все еще общаешься с Генри? — осведомился замминистра.
— Папа! Я же просила о нем больше не упоминать! — вспыхнула младшая дочь.
— Просто я подумал, вдруг вы снова начали сближаться, — развел руками отец.
— С тех пор, как этот козел вернулся, он и знать меня не желает! — лицо дочери отразило сильнейшую экспрессию. — Тебе, вообще, не все ли равно?! Какое тебе дело?!

Дело у замминистра очень даже было. С пресловутым "козлом" его младшая дочь очень близко дружила, и дружба эта внезапно прервалась, когда тот закончил университет. Дочь очень переживала. Настолько, что даже в слезах поведала обо всем отцу и матери. Ее Генри был таким хорошим, а всего пара лет обучения — и его как подменили. На последнем курсе он едва удостаивал девушку сеансами видеосвязи, а по возвращении и вовсе отказался с ней встречаться. Утешая дочь, замминистра не считал произошедшее из ряда вон. Утрата живого общения, необходимость разъехаться по учебе разлучила не одну молодую пару, и ситуация была, в общем-то, житейская. Совершенно рядовая, если бы не одно жирное но. Генри учился в Либератике.
— Просто я за тебя волнуюсь, — не соврал, однако конкретно сейчас слукавил отец. — А Стейси? Она-то хоть тебе пишет?
Яростно сверкнув глазами, дочь резко захлопнула дверь. На ответе

отец не настаивал — он его получил. Стейси была ее подругой, прямо не разлей вода. Когда-то была, пока между ними не объявилась все та же Либератика.

— Что ж, ожидаемо, — пробормотал, удаляясь к себе, замминистра, ибо сталкивался с таким не впервые. — Однако надо поспешить. Не хотелось бы потерять щедрость Честерсайд.

Драгоценное время уходило. Не растрачивая его понапрасну, Аделаида не ставила лишь на одну лошадь, в ожидании, придет ли та первой. Иными словами, она рассчитывала не только на заместителя министра образования, но и ряд других контактов. Узнав про попечительский совет, она стала подбираться к нему дюжиной разных способов, справедливо полагая, что где-нибудь да преуспеет. Не скупясь на подарки и обещания, она быстро повышала ставки, давая понять, что готова заплатить любые деньги. Аделаида не считалась одной из богатейших женщин на свете, однако ее банковские счета удовлетворяли любую прихоть. И раз уж таковой стала мечта ее сына, она была готова существенно их опустошить. Настолько, что известие об этом наконец-то достигло нужных ушей.

Заседание походило на встречу заговорщиков. Фигуры присутствовавших не озарялись, словно нарочито спрятавшись в тени. Свет, слабый, но ровный, разливался вокруг, насыщая каждый атом окружающего пространства, а они сидели в конусах темноты. Над каждым из них была установлена лампа, из которой струился поток сгущавшихся сумерек. Очертания фигур были различимы, но ровно настолько, чтобы указать на их присутствие посвященным. Непосвященные же не смогли бы даже разобрать, мужчины перед ними или женщины. Любые личностные признаки не определялись. Неопределенно звучали и голоса. С металлическими нотками, они обрабатывались техникой, из-за чего вся уникальность полностью терялась. Их речь напоминала речь робота, однако только напоминала. Искусственные копии на заседании исключались. Похожие на оригинал и управлявшиеся оригиналом, они были полезным инструментом, но не при личной встрече в таком формате.

Собрание проводилось раз в месяц, исключая сбор по срочному поводу. Происходило оно всегда единообразно и всегда в одном и том же месте. Это была круглая, наглухо изолированная аудитория. Выполненная в серо-бежевых тонах, она смахивала на бункер, приспособленный для общественных мероприятий. Присутствующие размещались в креслах, выстроенных в три яруса кругами. Обрамленный перегородкой, каждый ярус поднимался выше предыдущего, и за самым верхним была лишь сплошная

стена, где не угадывалось даже малейшего изъяна. Монолитным выглядел и потолок, вздымавшийся полусферой. Проходы и ступеньки отсутствовали. Кресла разделялись промежутками, но только между собой. Непосвященному наблюдателю было бы неясно, как участники попадают на свои места. Межъярусные перегородки составляли неразрывные кольца, и самое первое из них окружало центральную площадку. Там, в сетке переплетавшихся лучей, бурлило серое облако. Доходя до его массы, красно-синие лучи исчезали в непроглядной завесе, непрерывно менявшей свою и без того невнятную форму. В известном смысле, завесы не существовало. Это было квантовое поле, проявлявшееся из-за возмущения пространства.

Замкнутая аудитория могла бы вместить многих. В трех ярусах насчитывалось полсотни кресел, однако почти все они пустовали. Помещение создавалось на перспективу, чтобы по мере достигаемого прогресса число присутствующих росло. Кроме того, иные встречи требовали дополнительных участников, однако обычно они проводились в стандартном формате. Тогда в креслах появлялись только главные фигуры, управлявшие реализацией проекта. Как маршалы родов войск, они отвечали каждый за свою область, координируя общее взаимодействие друг с другом. Они принимали ключевые решения, ставили грядущие задачи, корректировали текущую деятельность и вносили изменения в генеральный замысел, если таковое требовали обстоятельства. А они как раз того требовали. Шесть фигур, сокрытых конусами сумерек, были вызваны по срочному вопросу.

Заслушав докладчика, сидевшего в первом ряду, присутствующие выразили беспокойство. Если проникновение и впрямь имело место, его канал необходимо обнаружить и перекрыть. В противном случае ситуация грозила выйти из-под контроля. Если, конечно, все так серьезно, как было озвучено.

— Биологические потери, безусловно, прискорбны, но это еще не повод для созыва руководства Астробиона, — неторопливо, обращаясь к докладчику, изрекла одна из фигур. — Не забывайте, каждая такая встреча требует огромного расхода энергии, не говоря уже о носителях. Для экстренного сбора у вас должны быть весьма серьезные основания.

— Мне это прекрасно известно, Тредалиур, — произнес докладчик. — Без них я бы не отправил сигнал вызова.

— Однако до сих пор я не услышал ничего, что оправдало бы такую срочность, — раздался сдержанный ответ.

— Все это были лишь слова. Где доказательства? — поддакнул сосед Тредалиура слева.

— О, сейчас я их представлю, уважаемый Винтомаар. Вы все увидите их собственными глазами, — заверил докладчик.
— Тогда не тяни, — заявил сосед справа. — Экстренный контакт нестабилен. Нам только выброса антиматерии не хватало. Или ты забыл, что случилось четыре синхронизации назад?
— Передаю поток данных, — коротко изрек докладчик.

В центре аудитории, где бурлило серое облако, пошли разноцветные переливы. С одной стороны, оно ничуть не изменилось, продолжая клубиться на прежний манер. С другой, присутствующие узрели в нем объемное изображение. Оно выглядело как портал, как глаз в иной мир, причем каждый видел в нем свою собственную трансляцию. Так или иначе, у всего есть лицевая сторона, а есть обратная. Находись в облаке человек, одни глядели бы на него спереди, другие сбоку, а третьи сзади, то есть с принципиально отличных ракурсов. Казалось, они физически не могли видеть нечто идентичное, однако именно это и происходило. Все шестеро смотрели с разных сторон, но позиционно наблюдали одно и то же.

Это была лаборатория. В шкафах, разложенные по контейнерам, покоились многочисленные образцы. Облаченный в герметичные комбинезоны, персонал привычно занимался своей работой. Операционные столы, напичканные техникой, не простаивали. У каждого вились механизированные помощники и сновали проворные манипуляторы. Мерно жужжала и перемигивалась автоматизированная аппаратура. Прибывали и убывали вспомогательные роботы. Мощные атомарные микроскопы изучали подложенный материал. Работа кипела, и при этом протекала рутинно и неторопливо. Казалось, все шло обыденно, не предвещая какой-либо инцидент.

Даже внимательный, цепко ищущий взгляд примечал не сразу, что у одного из столов лаборант не шевелится. Остальные, так или иначе, двигались, то нагибаясь, то разгибаясь, поправляли что-то руками, подстраивали аппаратуру и совершали иные телодвижения. Этот же застыл, пребывая в неизменной позе. Немного наклонившись, он уставился в одну точку, да так и замер, будто увидел нечто ошеломляющее. Минуты шли, а он все не двигался, хотя замереть в таком положении было весьма непросто. Впрочем, само по себе это ни о чем не говорило, и ничего особенного в поведении лаборанта не наблюдалось, как вдруг…

Рывок назад был настолько резким, что выглядел неестественно. Даже не рывок, а падение, словно лаборанта оттолкнула незримая сила. Грохнувшись навзничь, он проехался по полу, уперся в соседний стол и забился в конвульсиях. Обернувшись на

шум, другие лаборанты на мгновение остолбенели, а затем бросились к нему. Пиликнул сигнал тревоги, оповещавший о внештатной ситуации. Подбежав к упавшему, коллеги присели рядом, стараясь придержать бившие ходуном конечности. Кликнули роботов. Поспешая со всех сторон, они готовились помочь лаборанту, сраженному каким-то недугом, но не успели.

Все произошло молниеносно. Вот только что несчастный содрогался, будто поражаемый током, а вот он уже вцепился в одного из коллег. Рука, схватившая за основание шеи, сдавила так, что лопнул герметичный комбинезон. Схваченный закричал, стараясь вырваться, и тут же был отброшен прочь. Отлетев назад, он кувырнулся через стол, врезался в шкаф и с грохотом обрушил стеклянные полки. Через секунду его судьбу разделил другой лаборант. Снесенный ударом, он пролетел футов двадцать, прежде чем столкнулся с роботом. Раздавшийся хруст говорил, что это столкновение не прошло для него безвредно.

Третий лаборант успел отпрянуть. Вскочив, он избежал грядущей участи, но лишь сменил ее на другую. Тут же вскочил и нападавший. Распрямившись, он очутился лицом к лицу с коллегой и ударил его головой. Защитные экраны комбинезонов разлетелись вдребезги. Брызнула кровь, окрашивая заостренные края. Третий лаборант закричал, но крик тут же прервался. Нападавший швырнул его так, словно он ничего не весил. Пролетев, будто мяч, он ударился об автоклав, свалился у его основания и более не двигался.

Взвыла сирена. Это был уже не внештатный сигнал, а самая настоящая тревога. По лаборатории пробежали красные огни. В их свете все приняло зловещий, предвещавший нечто дурное оттенок. Дурное даже больше, нежели уже случилось. Напуганный происходящим, персонал бросился врассыпную, однако убежать успели не все. Двери закрылись. Колотить в них было бесполезно, хотя именно это лаборанты и делали. Включившись, протокол безопасности обеспечивал полную изоляцию. Раздался еще один крик. Обернувшись, они увидели, как нападавший подскочил к четвертой жертве и кинулся на нее будто дикий зверь.

Подоспели роботы. Казалось просто невероятным, что они не в состоянии удержать обычного человека. Весьма увесистые, они обхватили его манипуляторами, но тот вырывался настолько яростно, что роботы шатались, грозя не устоять и опрокинуться. Возможно, так бы и произошло, не сверкни трескучий разряд. Затем еще один и еще один. Хватка нападавшего ослабла. Хрипя и содрогаясь, он вырывался уже не столь интенсивно, однако окончательно не затих. Это произошло лишь позднее, когда на подмогу

научным роботам поспели роботы безопасности. Их грозный вид соответствовал начинке. Лабораторию озарила яркая вспышка. Электромагнитный импульс вырубил львиную долю оборудования. Вслед за этим включился генератор блокирующего поля. Направив орудия на цель, роботы выпустили в нее расщепляющие лучи. В следующее мгновение камера отключилась.

Увиденное присутствующих впечатлило. Не сговариваясь, они перестали пенять докладчику на неоправданность вызова. И все же вопросы у них оставались.

— Подобное случалось и раньше, — заметил один из тех, кто до сих пор молчал. — Человеческие тела способны и не на такое. Стимуляторы, выброс адреналина, воздействие нанотел… Эксперименты идут давно, и не все абсолютно гладко. Причин может быть много.

— Ты совершенно прав, Гекталистрат, — согласился докладчик. — Именно поэтому я сейчас покажу кое-что еще.

В центре зала снова возникло изображение, на сей раз иного рода.

— Это запись с робота, — пояснил докладчик. — Смотрите внимательно.

Обвитый манипуляторами, крупным планом появился взбесившийся лаборант. Он бился и рычал. Его лицо исказилось, практически утратив все человеческое. Из ран, откуда торчали осколки, сочилась кровь, капая с подбородка и брызгая на роботов. Затем сверкнула зеленоватая вспышка и воцарилась сплошная пелена.

Не дожидаясь вопросов, докладчик запустил короткую трансляцию снова. В определенный момент он замедлил демонстрацию, а потом сменил ее плавной сменой кадров.

— Ничего не замечаете? — осведомился он.

— Что мы должны заметить? — вопросил четвертый из собравшихся.

— Какого цвета кровь, Песпектур? — уточнил докладчик.

Изображение приблизилось. Капли, стекавшие по лицу лаборанта, стали видны гораздо отчетливее. Тогда же присутствующим почудилось, что они имеют изумрудный оттенок. Имеют только там, в нескольких последовательных кадрах, однако и это выглядело тревожно.

— Это отсвет, — напряженно предположил пятый из присутствующих. — Отсвет от блокирующего поля.

— Поле включилось чуть позднее, Анджей, — парировал докладчик.

— Тогда дефект изображения. При мощном электромагнитном излучении это и не удивительно, — высказался Тредалиур.

— Что показали анализы?! — пресекая домыслы, громко вопросил

шестой.
— Ничего, — помрачнел докладчик. — Зачем бы я иначе показывал эти картинки, уважаемый Крестергратикус? Я бы начал с неопровержимого.
— Следовательно, прямых доказательств у тебя нет? — уточнил Винтомаар.
— Зато косвенных предостаточно, — выразительно подчеркнул докладчик.

Потери биоматериала необъяснимо возросли. Ценнейший ресурс необратимо утрачивался, без всяких видимых к тому предпосылок. Более того, ресурс, считавшийся надежным и многократно проверенным. Естественный отсев происходил и прежде за счет случайностей, недоработок, погрешностей при анализе и прочих физически адекватных причин. Сложнейшая работа, многолетняя и кропотливая, постепенно улучшала ситуацию, позволяя надеяться на сведение отбраковки к минимуму. Кривая эффективности уверенно ползла вверх, куда недавний провал никак не вписывался. Пусть и находясь в пределах допустимого, однозначного истолкования он не имел. Само по себе это выглядело не слишком тревожно, но только если не увязывать с инцидентом в лаборатории. А были ведь и другие.

Фиксировались клеточные аномалии. Те самые аномалии, заставлявшие поеживаться в изумрудном свете. Хорошо знакомые Астробиону, они были частью всего проекта, опасной, но неотъемлемой. Фиксировались они при различных опытах, где нечто подобное происходило регулярно. Это подразумевал сам характер исследований. И все же в них наблюдался некий всплеск, весьма подозрительно совпадавший с потерей биоматериала. Установить, что его вызывало, на данный момент не удалось.

Утечки бывали и раньше. Так или иначе, они случаются в любой, даже самой защищенной вирусной лаборатории. Исследовательский центр никогда не страдал, однако некоторые его сотрудники временами оказывались на карантине. Как правило, без всяких последствий для себя, но только не на этот раз. В шести случаях из восьми заражения удалось избежать. Два других закончились полной аннигиляцией. Хуже того, один из этих сотрудников имел доступ за пределы центра, включая учебный комплекс. Общая проверка ничего не выявила, однако карантинные меры были ужесточены, а их период увеличен.

Следовало отметить и пертурбацию. Поддерживая канал Астробиона, аппаратура чутко фиксировала даже малейшие, недоступные большинству измерений колебания. Микроскопические сдвиги были налицо, а внешнее воздействие исключалось. И тут

либо виновата погрешность самой техники, либо через канал проходило что-то еще. К сожалению, одновременно задействовалось слишком много разных процессов, что затрудняло их индивидуальное отслеживание. Колоссальный расход энергии вызывал мощные возмущения в пространстве. Физические законы накладывали определенные, пока еще не всегда обходимые ограничения. Кроме того, даже у лучших специалистов ресурсы все-таки не безграничны. Проверить и откалибровать все установки разом было просто невозможно, поэтому на сегодняшний день причина пертурбации оставалась не выявленной.

Изложив косвенные доказательства, докладчик умолк. Руководство Астробиона молчало, напряженно размышляя. Следовало признать, что такие совпадения и впрямь настораживали.

— Чего ты от нас хочешь? — сказал, наконец, Крестергратикус.

— Нам нужен новый биоматериал. Во-первых, чтобы восполнить потери. Отставание от графика недопустимо. Во-вторых, чтобы провести больше опытов, — озвучил докладчик. — В программу Астробиона требуется внести некоторые изменения. Я надеюсь, что вы их санкционируете.

— Для исследований у вас достаточно обширная база, разве нет? — напомнил Анджей.

— В сложившихся обстоятельствах я считаю, что нам нужны полноценные образцы для полноценного же наблюдения и экспериментов. Непригодные для конечной цели, они могут быть полезны на определенном этапе своего присутствия, — пояснил докладчик. — Согласно расчетам, это позволит улучшить общую выборку и снизить потери среди ценного материала.

— Иными словами, как там выражаются, ты предлагаешь разбавить зерна плевелом? — скривился Перспектур.

— Совсем немного, — кивнул докладчик. — Их доля будет незначительна.

— Ты понимаешь, что дополнительные потери могут нести угрозу? — заметил Гекталистрат. — Как минимум, репутационную. Чем меньше смертей, тем лучше, а идеально бы и вообще без них. Тебе и так приходится изворачиваться, чтобы сгладить каждый инцидент.

— Это уж предоставьте мне, — твердо заявил докладчик. — Я знаю, что делаю.

— Мы должны посовещаться, — заключил Крестергратикус.

Докладчик остался в аудитории, но перестал видеть других присутствующих. Его взору представали лишь темные конусы, без каких-либо фигур. Дело тут заключалось не в маскировке, ибо скрываться друг от друга членам Астробиона просто не имело

смысла. Так воплощалась сама суть физически не существующего помещения. Виртуальным, однако, оно тоже не являлось, то есть к компьютерной симуляции не относилось. В грубом приближении, это было возмущение квантового поля, которому придали несколько упорядоченный характер. Еще недостаточное, чтобы материализоваться физически, оно позволяло контактировать энергетически. Остальное же было инструментарием, удобной производной от необходимой базы. Конусы включали и выключали личное присутствие, передавая его на грани возможного. Они же позволяли это присутствие отфильтровывать. Никуда не удаляясь, руководство Астробиона могло обменяться мнениями, и при этом не отключать докладчика. И появилось оно столь же внезапно, как и исчезло, чтобы сообщить о своем решении.

Все-таки сумев сделать одолжение Аделаиде Честерсайд, замминистра был вне себя от радости. Порождали ее, разумеется, не сугубо джентльменские чувства, вызванные отрадой от помощи ближнему. Его банковский счет, оформленный для пожертвований на благотворительность, приятно пополнился. Небрежно коснувшись планшета, Аделаида подтвердила транзакцию, вызванную в интерфейсе дополненной реальности. Узрев ее результат, замминистра с готовностью распахнул перед ней заветную дверь.

— Вас ждут, — заговорщицки прошептал он, и тут же удалился.

Согласно уговору, он больше ничего не обещал, и становиться свидетелем фиаско ему не хотелось. Заместитель министра был уверен, что у Аделаиды ничего не выйдет, а люди не любят свидетелей своих неудач. Особенно люди гордые и состоятельные. Находя Аделаиду потенциально полезной в будущем, замминистра не желал оставить о себе неприятное впечатление.

Глядя, как быстро исчезает этот трусоватый сановник, Аделаида лишь усмехнулась. Он ее явно недооценивал. С сенаторами она встречалась и прежде. Разумеется, неофициально, и обычно добивалась своего, а тогда речь шла о крупном бизнесе, то есть материях весьма значительных. Так неужели она не преуспеет в таком пустяке, как зачисление сына? Поправив прическу, Аделаида решительно, однако не вызывающе прошла в комнату, предназначенную для отдыха узкого круга лиц.

Попечительский совет представляли двое мужчин и одна женщина. Не весь, разумеется, а только ту его часть, что согласилась выслушать Аделаиду Честерсайд. Расположившись в креслах у большого камина, пылавшего самым настоящим огнем, они пригласили присесть и гостью, указав на пустующее рядом место. Аделаида уселась, поставив на колени ридикюль. Одетая строго по-деловому, она знала, что выглядит безупречно, но испытывала

легкое смятение, ощущая, что ее изучают. Исподтишка изучала сенаторов и она, и приходила в некоторое замешательство.

Аделаида заведомо знала, с кем ей предстоит переговорить. Она навела справки через доверенных людей, состоявших у нее на содержании кто адвокатом, кто частным детективом, а кто и обыкновенным шпионом. Частная жизнь нужных сенаторов оказалась тем еще орешком, настоящей тайной за семью печатями, однако и общественная позволяла узнать достаточно. Например, о привычках, деловых контактах и возрасте. С первыми все выглядело более-менее нормально, но вот последний казался недостоверным.

Троица попечителей была старше Аделаиды, кто лет на десять, а кто и на двадцать. Она ожидала увидеть солидных сановников, а перед ней предстали люди средних лет. В Пространственной сети, где соединялись все компьютеры, и старики прикидываются юнцами. Графические редакторы и преобразователи данных творили чудеса, но эти-то трое сидели перед ней вживую! Чудеса, разумеется, творили и клиники по омоложению, однако даже с современными технологиями их возможности были не безграничны. Сенаторы выглядели естественно — уж наметанный взгляд Аделаиды это примечал. Казалось, старение попросту обходило их стороной, если и наведываясь в гости, то исключительно ненадолго, раз в год на Рождество.

Гадая, чем вызвана столь завидная молодость, Аделаида затянула с началом беседы. Между тем троица ожидала, что первой заговорит именно она.

— Мы слушаем, — подчеркнул это высокий мужчина, когда пауза что-то слишком затянулась.

— Прошу прощения. Я просто думала, с чего начать, — спохватилась Аделаида.

— Начните с главного. Мы знаем, зачем вы здесь, так что ходить вокруг да около не имеет смысла, — неторопливо произнесла смуглая, до черноты, женщина.

— Мой сын очень расстроен отказом из Либератики. К сожалению, в нем не указана причина, — несмотря на приглашение, все же не зашла в лоб Аделаида. — Если вы сможете это прояснить, я сумею исправить все недостатки и добиться необходимого соответствия.

Ее слова прозвучали аккуратно, без грубо предлагаемого подкупа, но смысл в них вкладывался вполне конкретный. Скажите, что нужно сделать — и я это сделаю.

— Причина проста. Он не подходит физически, — сказал другой мужчина, обладавший длинными пальцами пианиста.

Аделаида ожидала услышать что угодно, но только не это. Не-

достаток образования, манеры, изъяны во внешности, проблемы с воспитанием, психологические отклонения, какие-то былые инциденты молодости… Физически? Серьезно?!
— Но как же! — невольно удивилась Аделаида. — У него отменное здоровье! Он регулярно проходит медицинское обследование и его анализы безупречны!
— Для обычной жизни — да, — кивнула женщина. — Однако для приема в Либератику установлены пороговые показатели, и он до них не дотягивает.
— Простите, но ведь у вас же не галактический спецназ, — недоумевала Аделаида. — В чем именно он недотягивает?
— Как раз в спецназе нагрузки меньше, — невозмутимо сообщил высокий мужчина. — У нас нагрузки несравнимо выше. Умственные нагрузки. Либератика — не просто университет. Она раскрывает максимальный потенциал человеческого разума. И не все это выдерживают.
— В каком смысле, не выдерживают? — осторожно спросила Аделаида.
— В прямом, — ответил "пианист". — Поступая в Либератику, абитуриент дает информированное согласие, что осознанно принимает потенциальный риск на себя. Ведь он может оттуда и не вернуться.

Аделаида растерялась. Она не подала и виду, однако услышанное застало ее врасплох. Значит, все слухи, ходившие об этом заведении, как минимум частично правдивы. В частности, о том, что иные студенты возвращаются домой только для того, чтобы родные проводили их в последний путь.
— Теперь понимаете? — произнес высокий мужчина. — Вот почему установлен определенный порог. Для тех, кто его не проходит, шансы пострадать слишком велики.
— Насколько велики? — закусила губу Аделаида.
— Это конфиденциальная информация, — качнула головой женщина. — Скажем так, достаточные для того, чтобы мы принимали их во внимание. Нам необходимо беречь репутацию. Либератика растит лучшие умы на свете, а не задается целью извести молодое поколение. Туда берут только тех, у кого наибольшие шансы справиться.

Кажется, ситуация начала проясняться. Так вот откуда берутся все эти странности с зачислением, когда одних внезапно отсеивают, а других необъяснимо принимают. Что ж, теперь оставалось выяснить, есть ли какая-нибудь лазейка. Ведь наверняка же есть, иначе на кой вообще ляд затевать весь разговор.
— Этот порог когда-нибудь пересматривается? — поразмыслив,

спросила Аделаида. — Существуют какие-то градации? Выполнение каких-либо условий, специальные программы?
— Нет, — коротко ответил "пианист". — Никогда и ни при каких обстоятельствах. Принцип приема в Либератику остается неизменным.
— Тогда я не понимаю, — нахмурилась Аделаида. — Зачем вы согласились со мной встретиться, если заведомо приготовили отказ?
— Нам сообщили, что вы готовы сделать крупное пожертвование, — спокойно сказала женщина. — Попечительский совет счел нецелесообразным отказываться от дополнительного финансирования.

Это было уж слишком. Сенаторы что, всерьез воображали, что им преподнесут огромную сумму просто за честь короткой аудиенции? Ты нам денежки, а мы тебе фигу? И еще спасибо скажи, что вообще удостоили вниманием? Ну уж нет!..
— Я не делаю пожертвований просто так! — довольно резко произнесла Аделаида.
Поднявшись, она собралась было откланяться и с достоинством удалиться.
— Мы на это и не рассчитывали, — отозвалась женщина. — Мы предупредили вас о риске. Вы должны понимать, что для вашего сына все может сложиться неблагоприятно. Пошатнувшееся здоровье и тяжелое нервное потрясение — еще не самое худшее, что потенциально ему грозит. Решение за вами. Если вы согласны, попечительский совет сделает для Сайлуса исключение.
— Ах, вот оно что… — протянула Аделаида.
Изменившись в лице, она окинула троицу внимательным взглядом и призадумалась.
— Не торопитесь с ответом прямо сейчас, — предложил высокий мужчина. — Езжайте домой, переговорите с сыном. О вашем решении сообщите по этому номеру в Пространственной сети. Сейчас я его отправлю. У вас есть время до конца грядущих суток.
Все трое кивнули, как выражая общее согласие, так и давая понять, что аудиенция окончена. В дополненную реальность Аделаиды поступил упомянутый набор цифр. Совершенно безликий, он принадлежал неизвестно кому, но тут же включил обратный отсчет, появившийся в углу интерфейса. Часы, отведенные на размышление, побежали к нулю. Мешкать явно не стоило. Поблагодарив за уделенное внимание, Аделаида удалилась.

Материнское сердце никак не могло определиться. Выбирая между сыновней мечтой и благоразумием, оно взволнованно трепыхалось, заставляя кидаться из крайности в крайность. Возвращаясь домой, Аделаида несколько раз меняла решение, то собираясь обрадовать Сайлуса, а то намереваясь скрыть от него сам

факт появившейся лазейки. Штука ли: на кону стояло не только его будущее, но не исключено, что и сама жизнь. Не лучше ли прикинуться, будто ничего не вышло? Сказать, ни одна попытка не увенчалась успехом? Сайлус, конечно, воспримет это очень болезненно, однако успокоится и переживет. Переживет в прямом смысле слова, ибо не подвергнется некой опасности. Да, но вдруг он узнает, что мать его обманула? Он же ей никогда не простит!..

Переступая домашний порог, Аделаида все еще колебалась, не осмеливаясь взять на себя такую ответственность. В конце концов, она надумала поступить справедливо. Опуская лишние детали, она расскажет сыну обо всем и сделает как тот захочет. Это ведь его жизнь. Значит, и выбор должен быть тоже его. Он уже большой мальчик и вправе принимать столь судьбоносные решения. Узнав у прислуги, у себя ли Сайлус, Аделаида, для храбрости, выпила бокал вина и отправилась в его часть дома.

Ожидая вестей от матери, Сайлус весь извелся. Совершенно забросив дела, он просиживал в своей спальне. Всклокоченный и помятый, он то сидел неподвижно, уставившись в одну точку, а то нервозно принимался бродить по комнате, наматывая многие мили по пышным дорогим коврам. Его взгляд беспокойно метался, перескакивая с большого голографического экрана на коллекцию теннисных трофеев и драгоценные безделушки. Интерфейс дополненной реальности то и дело моргал. Туда регулярно поступали сообщения, чередуясь с бесплодными вызовами. Сайлус никому не отвечал. Просто не зная, что вскоре будет говорить, и что вообще думать, он отгородился от мира, не блокируя внешнюю среду, но и не выходя хоть с кем-нибудь на контакт.

Появление матери едва не повергло Сайлуса в обморок. Он ждал ее несколько часов, а дождавшись насилу совладал с нахлынувшими эмоциями. Сперва озарившись радостью, он внезапно подумал, что мать принесла дурные вести. Ведь только этим, должно быть, и объяснялся ее визит — чтобы лично поддержать и успокоить. В противном случае она могла бы прислать ему долгожданное извещение на личный номер. Уже бросившись к матери, Сайлус остановился на полпути, ощутив сильное головокружение. Его мятущийся взгляд, дрожавшие пальцы и пылающее лицо сказали Аделаиде больше, чем множество слов самой проникновенной речи.

— Успокойся. Возьми себя в руки или не поймешь, какие я принесла вести, — ничуть не сердито, однако нарочито твердо сказала Аделаида.

— А есть что понимать? — тоскливо, хватаясь за виски, выдавил Сайлус.

— Есть. Тебя примут, но только если ты сам этого захочешь, — решив не тянуть резину, сообщила мать.

Округлив глаза, Сайлус заморгал, соображая, верно ли он расслышал. На его лице, доселе искаженном предчувствием фиаско, росло и ширилось глубочайшее недоумение. Он? Сам? Захочет?! Конечно захочет! Что это еще за бред?! С чего бы ему вдруг передумать?! В чем, собственно, подвох?! Взвившись в горячечном хороводе, эти мысли вихрем отразились в его глазах. Прочтя их, как в зеркале души, Аделаида тут же ответила на все беззвучно сыпанувшие вопросы.

Семейное совещание не затянулось. Уяснив, что к чему, Сайлус ни мгновения не колебался. Более того, отступить именно теперь он уже не мог. Не мог ни под каким видом, даже если бы и в самом деле передумал. Оказывается, в Либератику его не хотели принять, ибо находили недостаточно стойким! Что ж, ему придется доказать, насколько там ошибаются! А как иначе? Если он вдруг откажется, то свое несоответствие де-факто признает самому себе, и не забудет об этом до конца своих дней. Каждое утро из зеркала на него станет смотреть человек второго сорта, и каждую ночь, беспокойно ворочаясь в постели, Сайлус будет вновь и вновь переживать этот поворотный момент. Момент, когда он заклеймил себя обыденным ничто. Не видя для себя иного пути, он объявил матери, что согласен.

Положа руку на сердце, Сайлус побаивался неведомой опасности. Нутром он ощущал некую угрозу, таившуюся за какими-то там чрезмерными нагрузками. Ему тоже доводилось слыхать, будто из Либератики, порой, возвращаются вперед ногами. Слухи об этом ходили давным-давно, еще со времен основания этого элитного учреждения. И все же они блекли перед блестящим будущим; общественным признанием, дарующем выпускникам высший эталонный статус. Что бы там ему ни грозило, Сайлус пойдет в Либератику! Пойдет, даже если его захотят выкинуть в открытый космос!

Аделаида выждала отведенный срок. Переживая за сына, она внутренне, втайне от себя надеялась, что тот передумает. Откажется от своей упрямой идеи, и тем самым не пойдет на какой-либо риск. Сайлус не отступился. Он терзался волнением, но не сомнением, переживал за будущее, однако то, которое избрал. Аделаида сдалась. Утвердившись в намерении оставить выбор за сыном, она сделала весьма внушительный денежный перевод, а затем послала по заветному номеру одно-единственное слово. Это было слово "Согласен". Спустя всего минуту по дому разнесся громкий вопль Сайлуса. В его дополненную реальность поступило

извещение, отмеченное двухцветными галактическими спиралями. И на сей раз это было извещение в зеленых тонах.

* * *

Дельце не выгорело, и это было еще мягко сказано. Прожужжавшая пуля напомнила о том, что преследователи не дремали. Не первая прожужжавшая пуля и вряд ли последняя. Рысью подбежав к ограде, Руберт подпрыгнул и ухватился за ее вершину. Сетка рабица затряслась, прогибаемая ногами. Насилу подтянувшись, он закинул тело на верхнюю перекладину и грузно завалился на другую сторону. Вовремя! Еще три пули разорвали прочный металл. В рабице, лопнув сразу дюжиной ячеек, образовалась внушительная дыра. Звеня, будто натянутая тетива, сетка продолжала рваться, терзаемая ударной нагрузкой. Спрыгнув на каменистую почву, Руберт кувырнулся через голову, вскочил и припустил пуще прежнего.

Треклятый склад не пустовал. С одной стороны, наводчик не обманул, и охраны там не было. С другой, не было охраны ОЖИДАЕМОЙ. Современными системами в этой дыре и не пахло. Просканировав местность, Руберт не нашел ничего подозрительного. Проблема оказалась в том, что владелец склада припрятал там не только товар, но и несколько особенных роботов. Древние, замаскированные в груде утиля, они укрылись от идентификации, что едва не стоило Руберту жизни. В отличие от прогрессивных машин, присущих современной эпохе, эти роботы не пытались задержать нарушителя — они его уничтожали. Ну так чего и взять с наркокартеля, чье хранилище Руберт решился обнести. Поручить охрану роботам-убийцам, когда-то созданным для кровопролитных войн — это было как раз в его духе. Запрещенные в цивилизованных мирах, они высоко ценились на черном рынке и отлично служили своим хозяевам. И в первую очередь из преступной среды. Не обремененные всякими ограничителями, они исполняли любой приказ и убивали без колебаний.

Склад не был заброшен. Он лишь производил видимость такового, в чем Руберт и убедился на своей шкуре. Шкуре, в которой еще несколько пуль едва не проделали несколько же дырок. Чертыхаясь, Руберт нырнул за ржавую бочку, в которую немедленно забарабанила грозная дробь. Плюхнувшись на карачки, он пополз за бетонным парапетом, достиг осыпавшегося угла кирпичного пакгауза и снова пустился наутек.

В принципе, замысел был хорош. Сложив голову в междоусобицах, местный криминальный босс не оставил преемника, и сре-

ди его приближенных воцарился управленческий хаос. Взаимная грызня, передел сфер влияния и непомерная алчность заставили преступные группировки позабыть о многом. В том числе об одном хранилище, о котором знал только узкий круг приближенных, да несколько случайных лиц. Тех, кто волею судьбы оказался в курсе, что сокрыто на заброшенном складе. Прежде эта информация не носила сколь-нибудь полезный характер — желающих обокрасть картель просто не было. Однако, когда внезапно выяснилось, что про склад все позабыли и его никто не охраняет… Да, замысел был хорош, и сулил поистине фантастические барыши. Вот только с отсутствием охраны вышел прокол, ибо в груде металлолома, круглосуточно наблюдая за товаром, притаились грозные военные роботы.

В известном смысле, Руберту повезло. Препятствия сводились к минимуму, позволяя удирать со всех ног. Ту же сетку рабицу не увенчивала колючая проволока или что похуже, усложняя путь к стремительному отступлению. Мудреные изгороди отсутствовали и электричество никуда не подавалось. Это объяснялось просто. Владелец склада не хотел привлекать внимание. Видеофиксаторы, патрульные машины, барражирующие дроны, орудийные башни и прочие сторожевые системы даже дураку подсказали бы, что установлены явно не просто так. Но кому нужен заброшенный, обросший бурьяном, изъеденный ржавчиной сарай? Кому вообще придет в голову, что в этой техногенной дыре, пропахшей мазутом и напичканной отходами, сокрыт дорогущий груз? Только тому, кто уже о нем знает, а для случайных гостей и воришек предназначались смертоносные роботы.

Пожалуй, впервые в жизни Руберт обрадовался бы полицейскому патрулю. Объявись в поле зрения угловатый катер, отличавшийся характерной полосатой расцветкой — и он ринулся бы к нему не раздумывая. Никогда и ни при каких обстоятельствах от полиции он помощи не ждал, но сейчас всякие предубеждения просто меркли в сравнении с подступавшими роботами. К сожалению, рассчитывать на служителей закона не приходилось, и поговорка "когда надо — их нет" была совершенно не при чем. Здесь, на запущенной окраине, среди руин старинных заводов и дюн техногенных свалок, патрульные катера в принципе не объявлялись. Там, в городе, в свете сияющих витрин и оживленных улиц, они сновали в изобилии, поддерживая надлежащий порядок. Здесь же, за редким исключением, не было даже видеокамер. Иной раз какой-нибудь дрон, оснащенный выпуклым глазом, быстро проносился в вышине, вскользь оглядывая окрестности — и только. Подобные места, напоминавшие о язвах прошлого, власти

никоим образом не интересовали. И по этой причине они интересовали картель.

Не будь дураком, Руберт явился сюда отнюдь не на своих двоих. Тогда он банально не сумел бы утащить добычу. Он, конечно, мог прихватить роботов-носильщиков, только караван, почем зря мозолящий глаза, был ему ни к чему. Окраина считалась заброшенной, однако отнюдь не безлюдной. Руберт поступил просто. Одолжив старый аэромобиль, он приземлился поодаль от склада, на заросшей бетонной площадке. И увидь его кто, он бы решил, что некий старатель ищет пригодный, еще не совсем сгнивший металлолом. Несмотря на дряхлость, аэромобиль все еще мог поднять не только Руберта, но и тяжелый груз. Вот чего он, увы, не мог, так это противостоять орудиям военных роботов. Упредив намерение беглеца, те взяли найденную цель в оборот.

Смертоносные машины не слишком усердствовали. Способные разнести тяжелый танк, они не проявляли чрезмерное рвение и не пускали в ход разом весь арсенал. К тому же ракеты были наиболее ограниченным боезапасом и расходовались только по необходимости. Гражданский аэромобиль оказался легкой мишенью. Неподвижный, он идеально подходил под обстрел из плазменных орудий, отличавшихся высокой мощью, но посредственной скоростью.

Руберт только и успел пригнуться. Сердито жужжа, плазменные заряды пронеслись у него над головой. Достигнув аэромобиля, они в мгновение ока проели хлипкий корпус, оставив зияющие, сочившиеся расплавленным металлом дыры. Чтобы вывести транспорт из строя этого было достаточно, однако атакующие действовали наверняка. Второй залп вызвал детонацию водородных батарей. О термоядерном взрыве, разумеется, не шло и речи, но шарахнуло все же знатно. Руберта опахнуло жаркой ударной волной. Детонировав изнутри, аэромобиль превратился в груду пылавших обломков. То, что не сгорело налету, просвистело в стороны брызгами жалящих осколков. Не упади Руберт ничком, его бы наверняка изрешетило. Вот только разлеживаться не стоило, хотя аэромобиль, полыхая, продолжал постреливать нутром. Уничтожив летательный аппарат, военные роботы снова переключили внимание на воришку.

Руберта спасала медлительность. Не собственная, разумеется, а преследователей. Боевые машины подразделялись на множество видов, и конкретно эти не предназначались для погони за юркими целями. В их задачу входила оборона заданного объекта либо же атака вражеских позиций. Таким образом, Руберт выдерживал некоторую дистанцию, позволявшую ему оставаться в живых. К

сожалению, само по себе это спасения ничуть не означало. Роботы не настигали его, однако и не отставали. По большому счету, Руберт лишь затягивал свою агонию. Один неловкий прыжок, случайное падение, внезапная непреодолимая преграда — и его беготня закончится ожидаемым исходом. Разрывные пули, регулярно свистевшие над головой, не уставали об этом напоминать. Игра в кошки-мышки хоть и затягивалась, однако предполагала победу кошки.

Напрягая извилины, Руберт старался придумать, как уцелеть в этой передряге. Взбудораженное, охваченное паникой сознание сейчас и дважды два не смогло бы посчитать. Действуя на одних инстинктах, Руберт удирал как заяц, прыгая и петляя, и все же он сумел совладать с полыхнувшей психикой. В уме, продравшись сквозь пожар отчаяния, промелькнуло спасительное озарение. У него так бывало. В самой тяжелой ситуации будто некий внутренний голос подсказывал возможное решение. Совершив ложный маневр, Руберт круто развернулся и опрометью бросился к отвалу.

Не иначе сработало подсознание. Предварительно изучая карту местности, куда ему надлежало наведаться, Руберт бегло изучил и окрестности. Так, мельком, прикидывая, где окажется. И сейчас это пришлось весьма кстати. Дополненная реальность дала сбой. Военные роботы подавляли электронику, как подавляли и всякую связь. Гражданские контактные линзы противостоять их воздействию не умели. Руберт лишился привычного инструментария и сейчас смотрел на мир так, как смотрели его далекие предки, то есть без всяких интерфейсов, напоминаний, информационных сообщений, маркеров и указателей. Маршрут ему никто не прокладывал. Ориентируясь по памяти, Руберт чуть шею не свернул, сиганув на шлаковый отвал, и тут же покатился по нему вниз.

Позади, взрывая фонтаны жженой пыли, строчили сердитые очереди. Заподозрив неладное, роботы добавили пылу, пальнув для верности из волновых орудий. Раскаляя гранулы, поражающий луч скользнул по сыпучему гребню, однако Руберта не достал. Лавиной слетев с откоса, тот резво вскочил, черный с головы до ног, но только для того чтобы прыгнуть в старый дренаж. Его бетонные, обросшие кустами борта мелко крошились, ржавея под небом фрагментами арматуры. Потревоженные Рубертом, кусты сердито затрещали, и вдруг наполнились грохотом, когда в них ударили пушки роботов. Стараясь не думать о бурой воде, по привлекательности сравнимой с коллектором, Руберт плюхнулся в нее по пояс, и тут же, подняв зловонные брызги, был подхвачен течением. Роботы не успели совсем чуть-чуть. Объявившись у русла дренажа, они увидели цель только мельком, когда ее уносило в

большую подземную трубу.

Внешний вид доверия не внушал. Хоть и просохнув, Руберт походил на бездомного, несколько суток кряду проведшего в грязной канаве. Помятый, ободранный, в невообразимых пятнах, с блуждающими глазами да еще дурно пахнущий, он распугивал даже тех прохожих, которые и сами выглядели отнюдь не на парад. Дополненная реальность по-прежнему не работала. Судя по всему, электромагнитная атака роботов вывела ее из строя. К счастью, платежный модуль оставался исправен. Руберт выяснил это когда зашел в ломбард, наверняка промышлявший скупкой краденого. Зарешеченный и обшарпанный, он был одним из тех заведений, которые на окраине не закрывались круглосуточно, и куда пускали даже таких неопрятных посетителей.

С сомнением повертев платежный модуль, выполненный в виде старинной монеты, дюжий детина положил его на считыватель. Похоже, ему и впрямь было все равно, украден этот кошелек или нет. Транзакция подтвердилась. Коротко кивнув, детина выдал оборванцу новые контактные линзы дополненной реальности. Установив их как подобает, Руберт покинул ломбард и свернул в ближайший переулок. Там, среди мусорных баков, он подключился к Пространственной сети и авторизовал свой профиль. И тут же опешил от вала входящих сообщений.

— Где ты?! Что случилось?! Тебя все ищут! — сбивчиво заговорила знакомая рябая физиономия.

Весь ее вид выдавал шельмовство, однако сейчас его пересиливала неподдельная тревога, смешанная с заячьей пугливостью. Это был тот самый наводчик, присоветовавший выгодное дельце. Его непомерная алчность спасовала перед непреодолимой трусостью. Решив обогатиться не самостоятельно, он сообщил своему приятелю о заманчивой и никем не охраняемой добыче. Приятелем этим оказался Руберт, который, судя по всему, знатно облажался. Картель гудел, как потревоженный улей, и рябой наводчик дрожал за свою шкуру.

— Ты говорил, склад не охраняется! — в сердцах выпалил Руберт. — Что б тебе холерой подавиться, Гивиль!

Перспектива подавиться холерой наводчика не пугала, а вот очутиться в промышленной микроволновой печи, неторопливо поджариваемым до хрустящей корочки, очень даже. С картелем шутки плохи.

— Где ты сейчас? — жарким шепотом повторил он.

— Кто меня ищет? — ответил вопросом на вопрос Руберт.

Худшие подозрения подтвердились. Атаковав нарушителя, роботы передали сигнал тревоги, а что еще паршивее, они переда-

ли изображение самого нарушителя. Там фигурировал невысокий молодой брюнет, худой, будто щепка, и гибкий подобно ласке. На его выразительном лице блестели большие, до черноты, карие глаза, а несколько крупноватый нос выдавался над дорожками коротких усиков. Волосы на висках упрямо вихрились, как вихрились и у затылка. Одетый в неброский комбинезон, брюнет был на складе очевидно впервые, однако при этом явно знал, что искать. Роботы не знали личности этого человека, зато ее быстро установили те, кто изучил присланную запись. И они не теряли времени даром.

Домой возвращаться не стоило. Туда теперь сунется только самоубийца, и то желающий расстаться с жизнью каким-нибудь особо болезненным способом. Жилища друзей также исключались. Все контакты Руберта станут проверяться, и даже его случайные знакомые окажутся под прицелом. К счастью, он не успел обзавестись семьей, а о родителях и слышать не слыхивал. Воспитанник детского интерната, он с ранних лет привык рассчитывать лишь на себя, и теперь, в двадцать три года, ничего не изменилось. Постоянной подруги у Руберта тоже не имелось. Нынешняя особа, с которой он крутил мелкие шашни, не то что в супруги — в домработницы не годилась. Размалеванная дура, о жизни она знала лишь то, какими способами можно расплатиться в магазинах, и не обязательно деньгами. Еда же, с ее точки зрения, произрастала на деревьях, причем в готовом виде: суповыми наборами, рыбными филе и всякими полуфабрикатами. Если картель ее прихватит, Руберт уж точно не побежит совать голову в петлю. Но именно поэтому, скорее всего, дуре ничего и не угрожало. Мечтая добраться до Руберта, даже самые тупоголовые боевики сразу поймут, на кого он согласится обменять свою жизнь, а на кого точно нет.

Долго размышлять не пришлось. Здесь, в этом душном и недружелюбном городе, Руберта ничто не держало. Собственно, не держала и вся планета, где его несомненно станут разыскивать и почти наверняка найдут. Ввиду ее сельскохозяйственной направленности, картель глубоко пустил везде свои корни, выращивая продукцию в естественных условиях. Без денег и надежного прикрытия долго скрываться от него не получится. Следовательно, надо убираться с этой планеты, и чем скорее, тем лучше. Придя к столь нехитрому выводу, Руберт не стал продолжать разговор с Гивилем. Отключив все входящие запросы, он углубился в темный переулок, соображая на ходу, где переодеться и отмыться.

Приобрести билет на межзвездный лайнер было не так уж и сложно, особенно одинокому путешественнику без багажа. Дорого, но несложно. Предъявив документы, Руберт прошел в зал ожида-

ния. До вылета оставалось четыре часа. Коротая время, он заглянул в кафе и уселся на верхнем ярусе, возле прозрачных перил балюстрады. Большой сэндвич неплохо утолил волчий голод. Потягивая энергетический напиток, приятно щипавший язык ароматными пузырьками, Руберт оглядывал огромный зал. Оглядывал так, между прочим, не столько ожидая погони, сколько от нечего делать. Дополненная реальность, лишенная авторизации, сокращала доступный набор услуг. Привычные развлекательные каналы не работали. Онлайновые ресурсы также функционировали с ограничениями. Постукивая пальцами по губам, Руберт переводил взгляд с яруса на ярус, мельком рассматривая пассажиров.

Волнение, терзавшее нервную систему, несколько улеглось. Руберт не то чтобы успокоился, однако находил ситуацию сносной. Пускай его ищут. Когда до картеля дойдет, что птичка упорхнула, он будет уже далеко. Главное — не появляться в Пространственной сети и ничем другим не выдавать свое местопребывание. У картеля, конечно, повсюду свои люди, однако не настолько, чтобы шпионить в каждом кафе. Чувствуя себя в безопасности, Руберт хотел было заказать еще энергетика, как вдруг его сердце екнуло, а по спине пробежал холодок. Одного пассажира — там, внизу — он узнал. Да и не пассажир это был. Крутя татуированной головой, мордатый мужик кого-то высматривал, подавая знаки трем спутникам, и Руберт сразу догадался, кого. Не будучи знаком лично, он видел этого мужика прежде, когда перед тем заискивал Гивиль. Мордатый работал на картель, и ничего хорошего встреча с ним не предвещала.

Монета, она же индивидуальный кошелек, не подвела. Положив ее на столик, где красовался платежный символ, Руберт оплатил счет и поспешил к выходу. Уютное кафе превращалось в ловушку, из которой следовало поскорее выбираться. Точнее, выбираться из космопорта вообще. О звездолете уже не шло и речи. Где бы Руберт ни спрятался, его наверняка найдут. Пока одни головорезы станут обшаривать терминал, другие преспокойно дождутся его в зоне посадки.

Стараясь оставаться неприметным, Руберт обогнул ярус по периметру, направляясь к дальней лестнице. Пользоваться лифтами было слишком опасно. Уже покидая этаж, он обернулся, высматривая преследователей, и вздрогнул. Там, у балюстрады, где он только что сидел, объявилась какая-то женщина. Смуглая и подтянутая, заказывать она ничего не собиралась, ибо оживленно глазела по сторонам, и наверняка не в поисках официанта. Руберт сглотнул. Задержись он хотя бы на пять минут, знакомство с этой особой было ему обеспечено. Стараясь не думать о последствиях,

он смешался с толпой людей и так, лестница за лестницей, благополучно добрался до выхода из космопорта. С толпой же он его и покинул, не поднимая лицо во избежание бдительных наблюдателей.

Деньги за билет вернуть не удалось. Приобретая его незадолго до вылета, Руберт лишался возможности это сделать. Полетит он или нет — его личный выбор, но обратно билет уже не принимался. И плохо, что не принимался. Уплаченная сумма была довольно велика. Речь шла о межзвездном рейсе, места на который стоили недешево, а излишками средств Руберт не располагал. Будь это иначе, он бы вообще не ввязывался в авантюру с хранилищем. Хотя… Ради такого куша, пожалуй, в любом случае стоило бы рискнуть. Там, на заброшенном складе, картель не прятал наркотики, которые Руберт просто не знал бы, как реализовать. В ящиках лежала наличность, в том ее виде, что позволял не связываться с банковскими счетами. В частности, слитки из драгметаллов, денежные купюры с различных планет, а также иные финансовые активы, не отслеживаемые властями. Преуспей Руберт в своей затее, он был бы обеспечен до конца жизни, и уже не скитался по дешевым мотелям наподобие того, в котором очутился сейчас. Скрываясь от преследователей, он остановился в той еще дыре, соображая, как поступить дальше.

Появление головорезов в космопорту вызывало массу вопросов. Как они объявились настолько быстро? Совпадение, или же кто-то Руберта узнал? А может, у картеля были свои люди на таможне? Не обладая поддельными документами, Руберт купил билет на свое имя. Картель, все-таки, не спецслужба, и моментально его не вычислит. С другой стороны, его сегодняшняя оперативность настораживала, если не сказать пугала. Лежа на мятой постели, от волнения Руберт и глаз не мог сомкнуть. Уставившись в темный потолок, он слышал каждый шорох, раздававшийся с улицы. Это его и спасло.

Усиленные манией преследования, чьи-то тихие, по-кошачьи крадущиеся шаги прогремели колокольным набатом. Соскользнув с кровати, Руберт шмыгнул к завешенному окну и бросил взгляд в прореху между жалюзи. Снаружи, на галерее, виднелся какой-то небритый тип. Чутье подсказало, что это не случайный выпивоха, а под одеждой у него топорщится отнюдь не бутылка. Охваченный мелкой дрожью, Руберт подхватил дорожную сумку и скрылся в ванной комнате. Там, забравшись на унитаз, он открыл небольшое окно и ужом протиснулся наружу.

Тихий щелчок прозвучал смертным приговором. Поднимаясь на ноги, Руберт увернулся не иначе как чудом. Скользнув по оде-

жде, что-то стукнулось в стену и рассыпалось хрупкими осколками. Вскинув глаза, он увидел смуглую женщину. Ту самую женщину, которая была в космопорту. Наведя на Руберта пистолет, она готовилась вторично спустить курок. Грохота выстрелов она не опасалась, и не потому, что пользовалась глушителем. Намереваясь захватить беглеца живым, она пустила в ход нервнопаралитические ампулы. Промах ее раздосадовал, но следующий выстрел она собиралась всадить точно в цель.

В распоряжении Руберта осталась какая-то секунда. Мгновенно сориентировавшись, он швырнул свою сумку в нападавшую. Ампула вонзилась в нее прямо в воздухе, а в следующее мгновение сумка ударилась в женщину. Чертыхнувшись, та машинально отступила, и тут же на нее ястребом налетел Руберт. Не будь идиотом, он не убегал от своего врага, лишаясь всякой надежды на спасение. Он напал сам, и тем ненадолго обескуражил видавшую виды киллершу. От неожиданности та оступилась и упала, увлекаемая телом Руберта. Пистолет со стуком свалился на пол. Это был единственный шанс, поскольку борьба с профессионалом закончилась бы предсказуемо. Схватив оружие первым, Руберт всадил третью ампулу практически в упор. Женщина дернулась и обмякла, округлив удивленные глаза. Скользнув по одежде беглеца, ее пальцы бессильно царапнули пол. Она была не мертва, а лишь парализована, но Руберт и не хотел ее убивать. Вскочив, он сунул пистолет за пояс, подхватил сумку и ринулся наутек.

Сбежав в туманную ночь, Руберт силился понять, каким образом его выследили в мотеле. Неужели у картеля есть доступ к городской системе охраны? Той, что фиксирует каждую мелочь и распознает людей в режиме реального времени? Если так, его дела плохи. В пользу этой версии говорили кафе и захудалый мотель. Скверик, однако, в нее не вписывался. Тот скверик, где Руберт проторчал битый час, соображая, куда податься. В камеры видеонаблюдения он точно попал, однако головорезы картеля не объявились. Не объявились они и на аэробусной остановке, где Руберт укрылся от дождя. Так никуда и не отправившись, он пошел пешком, стараясь избегать людных кварталов. Пытаясь уяснить, откуда грозит опасность, он брел по окраинным закоулкам, не решаясь снова найти себе пристанище.

Ответ пришел сам собой. Документы! Картель являлся по его душу всякий раз, когда он их предъявлял! Ну, если так, то Руберт в состоянии себя обезопасить. Без удостоверения личности его возможности, конечно, ограничены, но только до тех пор, пока он не придумает, как это обойти. По крайней мере, ему больше не придется скитаться по улицам, опасаясь любой крыши над голо-

вой.

Подходящая ночлежка отыскалась довольно быстро. Бородатый тип, стоявший за утлой конторкой, согласился не выяснять личность постояльца, но за тройную плату вперед. Руберт, не торгуясь, согласился. Получив ключи, он проследовал в свои апартаменты, которые предстояло делить с клопами, однако из предосторожности въехал в них не сразу. Притворив дверь, он вышел через черный ход. Перейдя улицу, он устроился под аркой дома напротив и принялся терпеливо ожидать.

Минуты томительно тянулись. Тело наливалось усталостью, призывая покинуть свой пост и отправиться в кровать. Поддаваясь этому зову, Руберт подумал, что с него достаточно, когда поодаль приземлился неприметный аэромобиль. Оттуда вышло четверо. Не разговаривая и не озираясь, они быстро прошли к ночлежке и скрылись внутри. Скрылся и Руберт. Стряхнув накатившее оцепенение, он уносил ноги куда подальше.

Под мостом было не столько холодно, сколько сыро. Решив не испытывать судьбу, Руберт забился в нишу между опорами и там провел бессонную ночь, иногда проваливаясь в беспокойное забытье. Наутро он понял, что долго так не протянет. В висках стучала кровь, разгоняемая неспокойным сердцем. Поясница ныла, протестуя против жестокого обращения. Желудок напоминал о своих правах громким урчанием. Руберт привык обходиться малым, однако скитаться без крова ему пока не приходилось. И рыться в помойках — тоже. Выбрав дешевый гипермаркет, он собрался закупить провизии впрок. Что-нибудь такое, что можно носить с собой, и что не испортится еще долго. Консервы, саморазогревающиеся пакеты и шоколадки очень для этого подходили.

Уже стоя на кассе, Руберт определил, каким станет его следующий шаг. Поддельные документы! С планеты следовало убираться, однако под своим именем это исключалось. Вот под чужим — другое дело. Тогда, глядишь, он сумеет проскользнуть под носом у картеля, особенно если использует подходящий грим. На новый билет у него точно хватит. Другой вопрос, где взять достаточно денег на липовое удостоверение личности? Удовольствие это было не из дешевых, а финансы Руберта переживали не лучшие времена. Взвесив все за и против, он счел необходимым наведаться к Гивилю. Не домой, разумеется, а перехватить его где-нибудь на парковке, где тот частенько промышлял мелким воровством. У Гивиля имелась заначка, и Руберт ей воспользуется, если приятель не хочет, чтобы картель узнал о его соучастии.

План был хорош, пусть и не без некоторого риска. Утвердившись в своем замысле, Руберт проследовал на аэробусную оста-

новку и присел в ожидании транспорта. Тот что-то запаздывал, а вот головорезы картеля ждать себя не заставили. Пугливый, наметанный глаз Руберта безошибочно определил их у гипермаркета, где он прикупил продукты. Несколько человек торопливо зашли внутрь. Другие остались дежурить у выхода, пристально поглядывая по сторонам. Еще один, покрутив головой, направился к остановке. Руберт похолодел. Расположившись особняком, та была как на ладони. Стоит только высунуться — и его не заметит лишь незрячий. Сглотнув, он почувствовал, как страх цепкой рукой лишает его подвижности. Должно быть, так ощущает себя кролик при виде удава.

Замерев, Руберт панически соображал, что же теперь делать, как вдруг на него упала большая тень. Подошел аэробус. Номер у него был не тот, но в данный момент это волновало Руберта меньше всего на свете. Прошмыгнув в салон, он спрятался за пассажирами и затих, как загнанный заяц. Отчалив от остановки, аэробус неторопливо взмыл и направился по маршруту, оставив позади ничего не заподозривших головорезов.

Безбилетников не жаловали. Под арест их, конечно, не отправляли, однако пятно в социальной карточке незамедлительно появлялось. Штрафная сумма ежедневно увеличивалась, так что экономить на проезде не стоило. Руберт вспомнил об этом тогда, когда его перестало лихорадить. Спохватившись, он достал платежный модуль, чтобы рассчитаться за билет. Стоп! Рука, уже собиравшаяся приложить монету к считывателю, замерла будто парализованная. Вот она — связь! Картель нападал на его след не тогда, когда Руберт показывал документы, а когда пускал в ход свой кошелек. Каким образом отслеживалось движение по счету — это уже отдельный вопрос, и исходная суть от этого не менялась.

Проверить догадку оказалось проще простого. Не желая обзаводиться штрафом, способным осложнить и без того непростую жизнь, Руберт расплатился за аэробус и тут же выскочил через закрывавшиеся двери. Отойдя на пару кварталов, он облюбовал приметную забегаловку, чей интерьер хорошо просматривался даже издали. Сделав заказ, он приложил монету, однако забирать купленное не собирался. Укрывшись поодаль, он стал внимательно наблюдать.

Долго торчать столбом не пришлось. Не прошло и четверти часа, как в забегаловке объявился подозрительный тип, заявившийся туда в компании дюжей бабищи. Не обращая внимания на меню, эта парочка принялась обходить посетителей, недвусмысленно всматриваясь в их лица. Руберт понял все. А еще он понял, что остался без гроша, ибо иных финансовых активов, кроме элек-

тронных кошельков, у него не имелось.

Идея с Гивилем отпала сама собой. За ним был хвост, и в этом не оставалось никаких сомнений. Знал об этом рябой наводчик или нет, однако Руберт увидел предостаточно, чтобы держаться от него подальше. Что дома, что на улице, что даже при промысле на парковках за ним незаметно наблюдал какой-нибудь тип. Незаметно для Гивиля, но не для настороженного Руберта. Удаляясь, он клял себя за неосмотрительность, что так и не сподобился отложить на черный день пару слитков какого-нибудь драгметалла. Тогда бы ему не пришлось сейчас гадать, чем оплатить жизненно важные вещи. Ну да что уж теперь поделаешь...

Продукты из гипермаркета пришлись весьма кстати. Наскоро утолив голод, Руберт понуро брел по улицам, мучительно соображая, где бы раздобыть денег. Не просто денег — таких, которые тут же не привели бы к нему. Не банк же ему грабить?.. Ощущая усталость, он присел в маленьком сквере, оформленном под старину, и уставился в пространство. Огромный, безразличный к его проблемам город жил своей жизнью. Кругом, сколько хватало глаз, сновали потоки аэромобилей. Солидно гудели большегрузы, неторопливо следовали своей дорогой аэробусы. Шагали, кто куда, деловитые пешеходы, перемежаясь с курьерами и праздношатающимися. Россыпями горели бесчисленные огни. От мостовых и до вершин небоскребов сияли многочисленные вывески и мелькала с исполинских экранов цветастая реклама. Она сулила здоровье и долголетие, домашний уют, всяческие удобства и реализацию мечтаний. А еще она сулила вознаграждение. Вознаграждение в любой форме оплаты — заходи и бери. Невольно зацепившись за броский слоган, Руберт заморгал и внимательно вчитался в предложение от клиники "Баргезе".

Потасканного вида клиента в элитном заведении встретили без предубеждений. Несмотря на впечатление, которое наверняка производил Руберт, администратор был с ним предельно любезен. Узнав о цели визита, он отвел его к не менее обходительному консультанту. Руберт не стал тянуть резину. Слушая презентацию, он нетерпеливо постукивал пальцами по губам, а по ее окончании изложил свои пожелания: оплата только наличными, ликвидными купюрами или металлическими унциями. И деньги вперед. Тогда — делайте что хотите.

— Как вам будет угодно, — и не подумал возразить консультант. — Для информированного согласия нам лишь понадобятся ваши данные: удостоверение личности и способ с вами связаться.

— Исключено! — отрезал Руберт. — Я не желаю раскрывать свое инкогнито! Какая вам разница, как меня зовут?

— Но помилуйте, мы уже знаем, кто вы, — развел руками консультант.
Поведя пальцами, он вывел на большой голографический экран сведения о фамилии Тейдлиц. Оттуда на Руберта глянула его собственная физиономия с публичными данными социальной карточки.

Стул шумно откатился прочь. Изменившись в лице, Руберт вскочил и затравленно оглянулся, готовый сорваться к выходу.
— Здесь вам ничего не угрожает, — заверил консультант.
— А с чего вы взяли, что мне кто-то грозит?! — потемнев, вскинулся Руберт.
— Это простое предположение, учитывая, как вы сейчас выглядите со стороны, — пояснил консультант. — Не беспокойтесь, наши базы данных сугубо конфиденциальны, — добавил он. — Даже если сейчас вас разыскивает вся галактика, о том, что вы в нашей клинике, третьим лицам неизвестно. Врачебная тайна у нас неукоснительно соблюдается.
— А она еще существует? — усомнился Руберт, неоднократно слыхавший обратное.
— У нас — да, — твердо заявил консультант.
— Есть люди, которые проникают в любые тайны, — мрачно процедил Руберт. — И им не требуется решение суда.

Неожиданное разоблачение уверенности ничуть не прибавляло. Учитывая обстоятельства, появление головорезов картеля могло быть лишь вопросом времени. Очень скорого, между прочим, времени. Руберт не убежал лишь потому, что бежать ему было особо некуда, а речи консультанта вселяли некоторую надежду.
— Вероятно, вы подразумеваете тех людей, которые неоднократно интересовались вашим цифровым профилем, — прищурился консультант.
— О чем это вы? — опешил Руберт.
— За минувшие сутки интерес к вашим сетевым данным вырос на три порядка, — неторопливо сообщил консультант. — Запросы постоянно поступают. Ваша нервозность, желание получить наличные и стремление сохранить анонимность наверняка с этим связаны.
— Допустим. И что? — недружелюбно осведомился Руберт.
Осведомленность и логика собеседника ему решительно не нравились. Откуда тот вообще в курсе, сколько раз интересовались его данными?
— Позволю себе повторить: здесь вам ничего не угрожает, — ободряюще улыбнулся консультант. — Но вы, конечно, вольны немедленно удалиться. Полагаю, ваши друзья доставят вас куда поже-

лаете.
— Какие друзья? — заморгал Руберт.
— Те самые, что сейчас о вас справляются, — еще шире улыбнулся консультант.

Сменив социальную карточку, на экране объявился холл. Руберт узрел у стойки какую-то парочку. Татуированный мужчина, под руку с увешанной пирсингом дамой, о чем-то оживленно толковал с администратором. Тот качал головой и вежливо разводил руками. Ощутив сухость в горле, Руберт нервно сглотнул. По пути сюда он нигде не расплачивался. Как же его выследили? Будто проглотив язык, он молча наблюдал за колоритной парой, опасаясь худшего. Ничего не произошло. Явно не найдя понимания, мужчина и женщина отошли к выходу.
— Ну так что? — любезно спросил консультант. — Вы согласны сдать анализы?
— Деньги вперед! — нервно хрустнул пальцами Руберт.

Сбор анализов не затянулся. Медицинский персонал действовал быстро и профессионально. Получив обещанную плату, Руберт позволил взять у себя кровь, образец слюны, волос и соскобы кожи. Ну, теперь ему точно хватит на поддельные документы. Качество будет низкое, и обман вскоре раскроется, однако для межзвездного перелета этого вполне достаточно. Полагая, что здесь его дела закончены, Руберт соображал, как безопасно покинуть клинику. Существовала серьезная вероятность, что снаружи его кто-нибудь поджидает.
— Если хотите, можете обождать в комнате отдыха. В данный момент все наши машины заняты, но через час в ваше распоряжение будет предоставлен комфортабельный аэромобиль. Пилот доставит вас, куда укажете, — словно угадав его мысли, предложил консультант.
Руберт не заставил себя упрашивать. Даже если здесь крылась ловушка, персонал, так или иначе, уже давно мог сдать его картелю.

К уютному помещению прилагался бесплатный обед. Истосковавшись по нормальной еде, Руберт выбрал сразу несколько заманчивых блюд, не обременительных для желудка и при этом питательных.
— Приятного аппетита, — удаляясь, пожелал ему консультант. — У вас ровно час! Поспешите! — жестко добавил он кому-то, удаляясь по коридору. — И придержите ту парочку из холла. Эти бестолковые туристы объявились весьма кстати.

Предложение поступило неожиданно. Недурно перекусив, Руберт направлялся к обещанному аэромобилю, когда на его пути снова возник консультант.

— Позвольте отнять еще минутку вашего времени, — вежливо попросил он.
Руберт милостиво кивнул.
— Анализы показали высокую востребованность вашего биоматериала, — сообщил консультант. — Если вы станете донором, клиника проявит надлежащую щедрость. Вас это не слишком обременит. Потребуется сдать несколько образцов.
— Каких образцов? — придержал шаг Руберт.
— Биопсию некоторых тканей. Нервной системы, нейронов, внутренних органов. Звучит немного пугающе, однако это недолго и совершенно безопасно, — заверил консультант.
— Сколько? — лаконично осведомился Руберт.
— В десять раз больше того, что вы уже получили, — выразительно произнес консультант. — Наличными.
— Куда идти? — только и спросил Руберт.

Помещение смахивало на кабину космического корабля. Три кресла будто бы предназначались для первого и второго пилотов, а также помощника или стажера. Возле них тянулись внушительные панели управления, озаренные множеством разбегавшихся огоньков. Тихо гудели громоздкие тумбы аппаратуры. Многоголосо перекликалась контрольно-следящая электроника. Около кресел, возвышаясь над ними указующим перстом, маячила большая волновая пушка. Переходя с места на место, возле техники хлопотали три оператора.
— Внушительно, — усаживаясь, куда указано, только и сказал Руберт.
За предложенные деньги он был готов ко всему, и даже глазом не моргнул, когда волновая пушка уставилась ему прямо в лоб.

Операторы точно знали, что делали, и явно не в первый раз. Несмотря на зловещую обстановку, их манипуляции оставались совершенно безболезненными. Руберт напрягся только раз, когда узрел в пробирке какое-то инопланетное существо. Похожее на креветку, оно извивалось, поблескивая чешуйками металлического панциря.
— Это еще что? — хмуро спросил он, когда пробирка очутилась в неприятной близости от его лица.
Развернувшись, креветка изогнула тельце и зашевелила цепкими лапками.
— Роботизированный зонд, — пояснил старший оператор.
— Вы собираетесь засунуть эту штуку в меня? — обеспокоился Руберт.
В него уже проникали тончайшие длинные иглы, и всякие хитроумные устройства совались куда ни попадя, но это…

— Нам надо взять образец нейронов головного мозга. Самый безопасный способ — это пробраться к нему через носовые пазухи, — пояснил оператор.

Слова звучали не так неприятно, как выглядели на деле. Руберт закусил губу. Креветка ему решительно не нравилась, однако остаться без денег нравилось еще меньше. Согласившись стать донором тканей, он должен был сдать или все, или ничего. Пальцы Руберта вцепились в подлокотники. Скосив глаза, он не без содрогания наблюдал, как оператор извлекает креветку из пробирки и как подносит к его носу. Шустро крутанувшись, та выскочила из хватки пинцета и нырнула в ноздрю.

На удивление, Руберт ничего не почувствовал, хотя на слизистой оболочке давала себя знать каждая пылинка. Продвигаясь к цели, зонд распылял анестетик, блокирующий нервные рецепторы. Оператор не солгал. Несмотря на жутковатость процедуры, это и впрямь был наиболее безопасный способ взять нужный образец. Трепанации, равно как и медицинские сверла, остались в прошлом. Подобравшись к мозгу изнутри черепа, зонд проделывал микроскопический канал, куда запускал тончайший щуп. Он не вырезал серое вещество и никак его не кромсал. Действуя с ювелирной точностью, он захватывал несколько нейронов и затягивал их в свое герметичное хранилище. Затем, запечатав канал, выбирался обратно, возвращаясь с добычей к оператору.

Эпизод с креветкой стал последним. Отведя волновую пушку, операторы заглушили оборудование. Гул заметно поутих, продолжая исходить лишь из глубины массивных тумб. Огоньки на панелях успокоились и уже не носились туда-сюда как ошпаренные.

— Благодарим за участие, — сделал выразительный жест старший оператор. — На этом все.

Выбравшись из кресла, Руберт машинально ощупал свое тело, словно проверяя, не отхватили ли от него кусок. Потом вышел в коридор и проследовал к ожидавшему аэромобилю.

Тусклый блеск драгоценного металла сразу сделал умельца сговорчивее. Располагая средствами, Руберт решил не скупиться, и поступил очень даже правильно.

— Ты в курсе, что тебя ищут? — вкрадчиво осведомился умелец, чьи глаза вспыхнули непомерной алчностью.

Не говоря лишних слов, Руберт выложил перед ним еще четыре унции. Пробежав по ним дрогнувшими пальцами, умелец одобрительно кивнул.

— Обожди на диване, — мотнул он головой в сторону видавшей виды мебели. — В холодильнике есть пиво, угощайся. Документы будут готовы через час.

Сказав так, он тут же исчез в глубине своего темного, заставленного всякой всячиной логова.

Руберт уселся, куда предлагали, однако пить не стал. Ему требовалась ясная голова. Дожидаясь заказа, он постукивал пальцами по губам и коротал время в дополненной реальности, пользуясь линзами из клиники "Баргезе". Провожая до аэромобиля, консультант вручил ему небольшой бонус, который Руберт благосклонно принял. Когда-то, в стародавние времена, у людей в ходу были одноразовые телефоны. В современном обществе их заменили такие же контактные линзы. Позволяя оставаться инкогнито, они ограничивались по сроку службы, зато предлагали широкий набор предоплаченных услуг.

Радуясь удачному подарку, Руберт воспользовался им без опасений. Если бы в клинике захотели, вместо сервисного аэромобиля его поджидал бы аэромобиль картеля. Того же, однако, на горизонте не наблюдалось. Обретя финансовую незаметность, Руберт явился за незаметностью личности, и теперь лишь дивился тому, как гладко все вышло с "Баргезе". Что ж, дареному коню в зубы не смотрят, и для успешного бегства все было готово. Усы он уже сбрил, нацепив взамен фальшивую бороду, а косматый парик дополнил преображение, равно как и подушечки под щеками. Округлое, за счет накладки, брюшко прекрасно сочеталось с косолапой походкой. Немного косметики — и Руберт перестал узнавать в зеркале сам себя. Получив документы, он отправится прямиком в космопорт и покинет планету первым же рейсом.

Умелец не подкачал. Он вышел ровно через час и протянул Руберту новое удостоверение личности. Трехмерное изображение на нем полностью соответствовало измененной внешности, а тончайшие накладки на пальцы преобразили их отпечатки. Подделка была высшего качества, ибо Руберт за ценой не постоял. С такой хоть сейчас через любой контроль.

— Молчание — золото, — многозначительно произнес умелец.

Мысленно обругав жадюгу, Руберт положил перед ним еще две унции драгметалла. Вручив щедрому клиенту документы, умелец проводил его сожалеющим взглядом. Сожалеющим о том, что выудить еще больше не получится. Он знал, что уже никогда его не увидит, и отнюдь не потому, что тот улетал. Сделав кое-кому звонок, умелец прекрасно понимал, что до космопорта клиент не доберется.

Испуская характерный свист, лихо пролетел в трубе скоростной поезд. Гася вибрацию, амортизаторы частично поглотили ее сами, а частично передали в грунтовую насыпь. Та же, в свою очередь, мелко задрожала, заставляя вздрогнуть и опоры векового

моста. Налившись солидным гулом, они удержали на плечах торопившийся состав, а затем проводили его протяжным низким перекатом. Глубокие, отбрасываемые опорами тени сдвинулись, лениво переползая с места на место. Поезд, правда, тут был не при чем. Это под мостом, где пролегала старая дорога, неторопливо проехал обшарпанный мусоровоз. Освещая путь, его огни ненадолго озарили неприметный пассажирский минивэн. Приткнувшись у одной из опор, он укрылся в ее полумраке, едва различимый от мостовой. Той, что шла мимо ряда подряхлевших зданий, теснившихся под мостом еще в незапамятные времена. Приземистые, закопченные, в трещинах и с просевшими крышами, они были все еще обитаемы. Низкая ликвидность считалась по-своему привлекательной, и дурная окружающая среда сочеталась здесь с такой же средой социальной. Добропорядочные граждане сюда обычно не заходили. Этот квартал посещали те, кто нуждался в довольно сомнительных услугах. Например, купить или сбыть краденое, раздобыть оружие, заполучить наркотики, наведаться в гнусный притон или обзавестись поддельными документами.

В минивэне томилось четверо. Подойдя с погашенными огнями, они бесшумно приземлились, заглушили двигатель и торчали под мостом уже более получаса. Водитель не спускал глаз с проезжей части, не желая, чтобы выезд внезапно перекрыл какой-нибудь осел. Глаза остальных были прикованы к ничем не примечательной двери такого же непримечательного дома.

— Какого дьявола мы тут пасемся? — проворчал гориллоподобный мужик, чьи надбровные дуги далеко выдавались на массивном черепе. — У меня уже копыта затекли.

Выражаясь без всяких изысков, он разбавлял свою речь безвкусным сквернословием, удлиняя сказанное примерно вдвое.

— Это бизнес. Мы уважаем интересы людей, которые уважают наши интересы, — поморщившись, ответил другой мужчина.

Невысокий, но мускулистый, он выглядел куда эстетичнее, а в его глазах читалось заметно больше ума, нежели в бычьих глазках бранившегося.

— Ничего не понял, — пробубнил тот.

— Вот поэтому не ты и главный, — усмехнулась болезненно-худощавая и такая же нездорово-энергичная девица.

Горилла насупилась. Окинув соседку неприветливым взглядом, она хотела сказать грубость, но промолчала. Девица отличалась вспыльчивостью и недоброй репутацией. Поигрывая ножом, чья острота конкурировала с атомным резаком, она в любой момент могла пустить его в ход. Впрочем, сейчас ее интересовала только дверь, от которой она не отрывала глаз. Тонированные ок-

на минивэна были наглухо зашторены, однако обзор прекрасно обеспечивался через голографические экраны.
— Кто придет раскошеливаться за документы, если там поднимают шум и хватают людей? — снисходительно пояснила девица. — Все должно пройти тихо. Мастер позвонил нам не для того, чтобы мы испортили ему бизнес. Он получит свое, а мы свое. Сиди и не рыпайся. Недолго уже. Возьмем нашего птенчика на улице.
— Он точно не ускользнет другим путем? — озабоченно осведомился водитель.
— Точно. Мастер выставит его через этот вход, — заверил главный. — Т-ш-ш-ш! Кто-то идет…

Головорезы картеля никого не боялись, исключая, разве что, спецназ и особые подразделения полиции. Они затихли, чтобы не выдать свое присутствие. Мало ли кого там несет? Вряд ли того, кого они поджидали, но лишнее внимание им всяко ни к чему. И уж тем более шум, если его поднимет кто-нибудь снаружи. Не говоря ни слова, они прислушивались к доносившимся шагам. Те приближались. Приближались неторопливой, слегка неуверенной походкой. Мелькнула чья-то тень. Всматриваясь в экраны, куда выводились задний и бортовые виды, четверка в минивэне никак не могла разобрать, кого к ним несет.

Закутанная в накидку, женщина возникла как из-под земли. Вот только что никого рядом не было, а вот уже она объявилась из-за опоры моста и стоит у раздвижной двери минивэна. Четверка по-прежнему молчала, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Раздавшийся стук прозвучал для нее грохотом кувалды.
— Хелло, народ! Звиняйте, где я нахожусь? — слегка заикаясь, вопросила женщина.
Четверка растерянно переглянулась.
— Эй, але! — снова постучала женщина. — Скажите уже, вам сложно, что ли?!
Характерно покачиваясь, она явно набралась спиртного, и ее адекватность оставляла желать лучшего. Стиснув кулаки, главный отпустил беззвучное ругательство. Девица сделала такое лицо, что могла бы сняться в фильме ужасов.
— Эй, чего молчим?! Я знаю, вы там! — стук в дверь становился все навязчивее и сильнее. — Что, язык проглотили?!

Минивэн, до сих пор незаметный, грозил стать известным на всю округу. Четверка внутри побагровела от злости. Вот же черт принес эту пьянь! И что теперь прикажете делать?! В ином другом случае они накостыляли бы ей сполна или припугнули так, что та сама бы убралась восвояси. Увы, сейчас эти действенные методы не годились. Пьянчужка же, тем временем, распалялась. Не соби-

раясь отступать, она все стучала в дверь, испытывая терпение боевиков. Те по-прежнему молчали, надеясь, что незваной гостье надоест, и она уйдет. Положение, однако, становилось только хуже.

— Значит так, да?! — шлепнув ладонью о дверь, оскорбленно воскликнула женщина. — Стоите, да?! Меня игнорируете?! А здесь, кстати, вообще стоять нельзя! Умные нашлись! Стойте дальше! Я звоню в полицию!

Покачнувшись, она схватилась за виски, будто пыталась сфокусироваться на интерфейсе дополненной реальности. Не иначе, и впрямь собралась вызвать патруль, и теперь, с пьяных глаз, вспоминала, как это делается.

Дольше тянуть было нельзя. Цель вот-вот объявится, и все могло закончиться катастрофическим провалом.

— Пристрели ее, — шепнула девица. — Открой, грохни чертову дуру и затащи сюда. Сама напросилась.

Главный уже и сам пришел к такой же мысли. Щелкнула кнопка разблокировки. Боковая дверь пошла в сторону, открывая взору назойливую пьяницу. Вытаскивая оружие, он подался вперед и тут же замер, узрев дуло пистолета. Появившись как по волшебству, оно уставилось ему прямо в лоб. В следующее мгновение чихнул выстрел.

Глушитель сработал безотказно. Закатив глаза, главный завалился на спину. Остальные не сразу поняли, что произошло, хотя характерный звук они за свою преступную карьеру слышали не единожды. Та пара секунд, что они промешкали, стала роковой. Убитый еще падал, мешковато заваливаясь на пол, а пистолет уже чихнул снова. Дважды, выпустив пули в гориллоподобного мужика. Одна воткнулась ему в мясистую грудь. Другая угодила прямо в сердце. Смерть наступила почти мгновенно. Возможно, его застывшие глаза еще что-то различали, но тело уже не повиновалось. Проваливаясь во мглу, он не издал даже хрипа.

Девица вскрикнула. Пуля обожгла ей плечо. Левая рука повисла, утратив всякую дееспособность. Убийца не промахнулась, хотя метила совсем в другое место. Девицу, не иначе употреблявшую стимуляторы, спасли болезненно обостренные рефлексы. Что бы она ни принимала, это существенно сокращало ей жизнь, хотя в данном случае внезапно продлило. Правда, ненадолго.

Следующие пули ушли в водителя. Сидя к салону спиной, он представлял самую уязвимую цель, отчего и был оставлен напоследок. Девица, сумевшая отпрянуть вглубь минивэна, несколько изменила очередность. Не дожидаясь, пока водитель пригнется, выскочит наружу, а то и достанет оружие, убийца изрешетила его на

месте. Три пули пробили сиденье, поражая задергавшееся тело на излете. Четвертая ударила в затылок, поставив кровавую точку в жизни жертвы. Свесившись на бок, водитель еще раз дернулся и обмяк.

Пространство резанул надсадный визг. Обезумев от боли и ярости, раненая девица ринулась в атаку. Левая рука ей не повиновалась, но правая оставалась в строю. Та, что зажимала дьявольски острый нож. Скорость ее выпада напоминала бросок змеи. Казалось поистине удивительным, что клинок не достигнул своей цели. Блеснув разящей молнией, он был просто обязан напиться крови убийцы, и все же остался сухим. Женщина не выстрелила. Угол атаки был слишком крутым, да и времени на это не оставалось. Отпрянув, она перехватила запястье девицы и дернула на себя. Затем вывернула ей руку и нанесла удар. Нанесла ее собственным ножом, крепко зажатым пальцами хозяйки. Вонзившись в глаз, лезвие вошло в него по рукоятку. Девицу свела судорога. Забившись, она заелозила ногами по полу, куда ее и уложила убийца. Там, на полу, она и осталась, затихнув в растекавшейся луже крови.

Пистолет чихнул еще четырежды. Изначально пораженному в лоб, главному досталась пуля в сердце. Трое других получили контрольные выстрелы в голову. Убийца не стала перезаряжать оружие. Бросив его в салон, она прикрыла дверь, поставив изнутри какое-то плоское, похожее на шайбу устройство. У минивэна она не задержалась. Не оборачиваясь, она удалилась так же внезапно, как и появилась, растворившись в тени опоры моста.

Выйдя на улицу, Руберт внимательно осмотрелся по сторонам. Затем, подняв воротник, быстро пошел по улице, то и дело оглядываясь. Умельцу, изготовившему поддельные документы, он не доверял. С того, пожалуй, станется не только ободрать его как липку, но и сообщить картелю. Одно другому не мешает. Всерьез опасаясь преследования, Руберт торопился покинуть сомнительный район, отчего не замедлял шаг и аэробусов не дожидался. Любое промедление могло оказаться смерти подобно.

По мере того, как мрачные улицы сменялись более освещенными, менялась даже атмосфера. Тягучие запахи, с примесью прогорклого масла и дегтя, вытеснялись ароматами выпечки и намытых шампунем витрин. От зданий, вместо затхлой сырости, веяло свежестью смогоуловителей. Мост остался далеко позади, и Руберт наконец-то успокоился. За ним никто не шел. Его не выслеживал хвост, не подкарауливали подозрительные типы, и рядом не притормозил ни один аэромобиль. Им вообще никто не интересовался.

Миновав, для верности, еще квартал, Руберт наконец-то остановился. Аэробусы не принимали оплату наличными, но он в них больше и не нуждался. Пользуясь своей новой личностью, он вызвал такси. Присев на скамеечке, Руберт дождался, когда оно подлетит, забрался в салон и отправился на другой конец города. Там он снова заказал такси и, прежде чем направиться в космопорт, проделал этот маневр еще раз. Так, на всякий случай, сбивая со следа гипотетических преследователей. Вот только сбивать ему оказалось некого, и совсем не по той причине, о которой он мог бы подумать. Преследователи были мертвы. Расстрелянные убийцей, они лежали в минивэне, который Руберт, выходя, даже не заметил.

Посадка прошла благополучно. Предъявив поддельные документы, Руберт миновал контроль, не обративший на него внимания. Не обратили внимания и остальные. Встречающим, провожающим, прибывавшим и отбывавшим, случайным посетителям и персоналу не было до него никакого дела. Не было дела и картелю. В данный момент его заботил не столько Тейдлиц, сколько гибель шестерых боевиков. Четверых, посланных взять его живым, нашли убитыми в минивэне. Точнее, нашли их обугленные тела, после того, как минивэн взорвался, когда еще двое попытались его открыть.

Мечтая добраться до Тейдлица, картель, тем не менее, в смерти своих людей его не подозревал. Видеозапись, сделанная камерой у моста, показывала, как тот вышел на улицу и удалился. Кто бы ни расправился с командой в минивэне, он сделал это профессионально, но кто именно — картелю, преисполненному бешенства, оставалось только гадать. Вероятно, тот же, кто застрелил мастера, изготавливавшего поддельные документы, а заодно уничтожил и его базу данных. Новая личность Тейдлица осталась картелю неизвестной.

Проследовав в звездолет, дремавший на взлетном поле, Руберт так и не увидел ничего подозрительного. Экипаж, состоявший из людей и роботов, привычно помогал пассажирам найти свои места. Одни обходились навигатором, выводившим подсказки в дополненной реальности, другие нуждались в непосредственном сопровождении. Симпатичный дроид помог и Руберту. Проводив его до каюты, он осведомился, не нужно ли чего еще, и проворно упорхнул.

Первый класс, безусловно, отличался комфортом, набором услуг и обслуживанием. А еще он обладал еще одним важным преимуществом. Руберт летел один, без всякой случайной компании, куда мог затесаться и человек картеля. Заперев дверь, он осмотрел

каюту и удостоверился, что в ней никто не притаился. Только тогда, устроившись на ложе, Руберт ощутил, как волнение окончательно отступает. Вытянув ноги, он наслаждался покоем, которого не испытывал уже давно. А еще он наслаждался сознанием, что у него есть деньги. Новая личность позволила завести новый счет, куда он поместил половину оставшихся наличных. Платежная монета, оформленная на имя Адама Стравински, приятно тяжелила нагрудный карман рубашки. Она же позволила рассчитаться за дополненную реальность, также авторизованную на липовую фамилию.

Покидая планету, Руберт уже не делал шаг в пустоту. Неизвестность, прежде сулившая лишь тоскливый мрак, теперь прояснялась светающим горизонтом надежды. На первое время денег ему хватит. Скитаться по ночлежкам и побираться абы чем не придется, ну а потом и видно будет. Молодой и полный сил, Руберт уж точно не пропадет. Слушая, как звездолет оживает, прогревая двигатели и готовясь к скорому старту, он прикидывал, чем займется. Главное — правильно выбрать, где обосноваться, а там уж что-нибудь да подвернется. Теперь, оставив позади все тревоги, Руберт был совершенно в этом уверен, но даже не предполагал, что это "что-нибудь" подвернется настолько быстро.

Дзинь! В интерфейсе дополненной реальности отразился индикатор входящего сообщения. Должно быть, очередная реклама или случайная отправка не по адресу. Как Адам Стравински, Руберт существовал совсем недавно. Со своими прежними контактами он на связь благоразумно не выходил, а обзавестись новыми еще не успел. Иными словами, целенаправленно ему не могла писать ни одна душа. Не обременяя себя догадками, что бы это могло быть, Руберт ознакомился с содержанием письма. Так, между прочим, не ожидая чего-то необычного. Сюрприз, однако, получился из ряда вон.

Поначалу Руберт даже не понял, в чем тут соль. В силу невероятности и даже невозможности события, он просто отказывался принимать реальность. Видимо, это какая-то ошибка или глупый розыгрыш, либо же уловка сетевых мошенников. Лишь спустя несколько минут, раз десять перечитав сообщение, он убедился, что это не сбой и не шутка. Письмо было адресным и пришло целенаправленно. Самое поразительное заключалось в том, что имя в нем указывалось настоящее. Интерфейс Адама Стравински получил корреспонденцию Руберта Тейдлица. Все идентификаторы совпадали, и нигде, ни в одной мелочи не было допущено даже малейшего несоответствия. Послание направили именно тому, кто его прочел, и в этом не оставалось никаких сомнений. Зеленоватое

письмо, украшенное двухцветными спиралями галактик, само по себе шокировало, но смысл его был совершенно ясен. Руберта Тейдлица извещали, что его кандидатура одобрена высшим учебным заведением, носившим небезызвестное название "Либератика".

– 3 –

Терминал космической станции пустовал. Это был один из пассажирских терминалов, предназначенный для особо важных персон. Сама же станция служила пересадочным узлом, уединенно серебрясь промеж двойной звездной системы. Располагаясь в точке Лагранжа, она идеально подходила для швартовки кораблей, одни из которых высаживали пассажиров, а другие забирали. По разным причинам, межзвездные перелеты не всегда осуществлялись напрямую. Кроме того, станция выступала своеобразным накопителем. Прибывая в разное время, люди ожидали общего для них рейса, в случае необходимости останавливаясь в гостинице. Ведь иногда это ожидание затягивалось на дни и даже недели. Все зависело от звездолета. Тот, кому предназначался ВИП-терминал, вообще не следовал расписанию. Это было частное судно, не имеющее отношения к общественным перевозкам. Не вылетая за каждым пассажиром в отдельности, оно забирало их со станции, куда те добирались самостоятельно. Схема была не нова, позволяя в одном месте брать на борт множество людей. Тем страннее представлялась пустота ВИП-терминала. В обширном зале, оборудованном по последнему слову техники, пассажиров было всего ничего. Учитывая свободное пространство, они не сидели друг возле друга, а расположились в отдельных секциях.

Высокий блондин держался подчеркнуто высокомерно. С иголочки одетый, он всем своим видом демонстрировал богатство и связанное с этим превосходство. Птица высокого полета, он в принципе не мог иметь ничего общего с теми, кто находился сейчас в терминале. Как они вообще тут оказались? Кто их сюда пустил? Вероятно, этот зал обслуживает еще какой-нибудь звездолет, помимо того, который ожидал сам блондин. Туристический, должно быть. Забирает победителей лотереи, в чьей никчемной жизни случилось хоть одно яркое событие, или что-то вроде того. Недоумевая, блондин и хотел бы об этом спросить, но было не у кого. Персонал в терминале отсутствовал, информационные экраны такой информации не выдавали, а до общения с соседями он не снисходил. Те же один другого краше! Интересно, из какой дыры они вообще вылезли?..

По мнению блондина, более-менее прилично выглядела только молодая, лет двадцати, шатенка. Она хотя бы имела представление о стиле, не злоупотребляя косметикой, да и парфюм ее не терзал обоняние. Одетая просто, но не безобразно, она чинно сидела поодаль, сохраняя невозмутимое выражение лица. Его черты выглядели на удивление благородно для особы явно низшего сословия, ибо дорогими вещами она похвастаться не могла. Разве что туфли походили на очень известную марку, доступную немногим, но это наверняка была подделка. В остальном же шатенка ничем не отличалась от двух других пассажиров терминала.

Рыжая, усыпанная веснушками девица щеголяла в мешковатом комбинезоне. На два размера больше, он подходил для похода по дикой планете или строительных работ, но уж точно не приличного общества. Правда, хорошие кроссовки в этот образ не вписывались, зато дорожный мешок соответствовал ему полностью. Вероятно, рыжая упаковала туда все свое имущество, ибо, судя по выпуклостям, он был набит разнородной всячиной. Запасная одежонка наверняка соседствовала там с бытовым примусом, столовыми приборами и портативным сушуаром. К услугам последнего девица точно регулярно прибегала, бесплодно пытаясь выпрямить свои раздражающе вьющиеся волосы.

В отличие от рыжей, вполне себе простяцкой обывательницы, ничем не выдающейся, но очевидно безобидной, невысокий брюнет доверия вообще не вызывал. Его внимательные, карие до разбойничьей черноты глаза исподтишка сновали по сторонам. Проворные пальцы на худых руках нет-нет, да будто искали, что стащить. Гибкое, как у горностая, тело отлично подходило не столько для спортивных состязаний, сколько для преступных дел. Его вороватый вид прямо-таки говорил о том, что брюнет имел темное прошлое. Облаченный в дорожный костюм, он старался ничем не привлекать к себе внимания, и тем, наоборот, выделялся еще больше.

Основания подозревать брюнета в чем-то дурном очень даже имелись. Проведя на станции четыре дня, блондин уже встречал всех троих, неоднократно прогуливаясь в рекреационной зоне. Двое из них выглядели так же, как и сейчас, и лишь брюнет изначально предстал совсем в другом облике. Прежде он был косматым бородачом, похожим на отпрыска необразованного фермера. Его округлые щеки лоснились, а полное брюшко покачивалось в такт разлапистым шагам. Преображение наступило здесь, в терминале, куда он вошел в своем подлинном виде. Блондин узнал его по одежде, оставшейся неизменной, и привычке постукивать пальцами по губам. Эта привычка раздражала его еще там, в рекреа-

ционной зоне, когда брюнет-бородач оказывался где-нибудь неподалеку. Здесь же она выдала его с головой, равно как и пятно на левом рукаве пиджака. Ну и кому, скажите на милость, понадобится так менять свою внешность? Честному человеку — вряд ли.

Послышался мелодичный сигнал, предвещавший объявление. Огромный голографический экран обновил информацию. Там, золотясь на черном фоне, объявилась одна-единственная строка. Приятный голос, раздавшийся на весь терминал, озвучил ее содержание. Прибытие корабля ожидалось через семнадцать минут. Войдя в звездную систему, он включил планетарные двигатели и брал курс на станцию.

Блондин выказал некоторое оживление. Сидеть почем зря ему уже надоело, особенно после нескольких суток в гостинице. К его великому недоумению, оживление выказали и остальные, как будто тоже ожидали именно этот рейс. Неприязненно скривившись, блондин посмотрел на экран, рассчитывая увидеть там сообщение о еще каком-нибудь звездолете. Его ожидания не оправдались. Строка была одна, и вторая появляться не торопилась. Да это просто ерунда какая-то! Рыжая простушка, которой только фартука закусочной не хватает, и хмырь с бегающими глазками летят вместе с ним? Быть того не может!

Потирая переносицу, блондин недружелюбно поглядывал, как соседи готовились к грядущему отлету. Рыжая рылась в мешке, проверяя, все ли она взяла. Брюнет разминал конечности, затекшие за время ожидания. По-прежнему невозмутимо вела себя лишь шатенка, не сделав ни одного вульгарного движения, однако блондину от этого легче не становилось. Он все не мог уразуметь, что за причуда судьбы свела его с этой компанией в ВИП-терминале. Представители разных классов, они просто не могли находиться тут по одной и той же причине, если только... Точно! Озаренный догадкой, блондин едва не хлопнул себя по лбу. Его лицо прояснилось, и он смотрел на соседей уже не раздраженно, а снисходительно. Звездолет забирал всех скопом. ВИП-пассажиром был только блондин, а вместе с ним летела и прислуга, ради которой отдельный транспорт уж точно не станут посылать.

Каюты не резали глаз излишней роскошью, однако могли удовлетворить даже самого придирчивого ценителя комфорта. Отдельные для каждого пассажира, они предоставляли все удобства, идеально прибранные и прекрасно оформленные. Выкладывая вещи, блондин нашел свое пристанище вполне достойным. Вот чего он не оценил, так это того, что каюты оказались на одной палубе. Выйдя прогуляться, он обнаружил своих соседей по терминалу. Зона отдыха была общей. Это относилось и к мини-

ресторану, где пассажирам предлагалось обширное меню. По мнению блондина, прислуге надлежало лететь другим классом, то есть на другой палубе звездолета. И уж тем более принимать пищу в своем кругу.

— Здесь нет прислуги, — сообщил робот, когда блондин выразил ему свое неудовольствие.

Выполняя функции бортпроводника, он и раскрашен был как бортпроводник. Темно-синий тон сочетался у него с белым, оформленным под человеческую униформу. В последней он не нуждался, обходясь полировкой и красками, однако фуражка на его глазастой голове была настоящей.

— Как это нет? — опешил блондин. — А они кто?!

Вопрос сопровождался красноречивым жестом в сторону троицы. Выбирая себе столики, та рассматривала интерьер ресторана.

— Посадка посторонних исключена. На борту только студенты "Либератики", — тем же тоном ответил робот.

Блондин часто-часто заморгал. Силясь уразуметь услышанное, он уставился на спутников, будто видел их впервые.

— Если что, ты мне тоже не понравился, — сообщила рыжая девица. — Строишь из себя!..

Все трое прекрасно разобрали каждое слово из его общения с роботом, и оценили по достоинству.

— Надо же, какой мажор выискался, — подал голос брюнет. — Куда нам до него!

— Не обращайте внимания, — предложила шатенка. — Если наше общество его не устраивает, пусть летит в одиночестве.

Поведение блондина внезапно сработало катализатором. Доселе державшиеся разрозненно, трое молодых людей почувствовали симпатию друг к другу. Брюнет приблизился к рыжей девушке. Та встретила его улыбкой и предложила сесть за ее стол. Подошла и шатенка, вежливо спросив дозволения присоединиться к их компании. Ей, разумеется, не отказали, а общение тут же перешло на "ты".

— Эрвина, — представилась рыжая. — Просто Эрвина, без всяких там.

— Адам. Тьфу ты!.. Руберт, — сказал, и тут же поправился брюнет. — Тоже просто Руберт.

— В "ПРОСТО" даже не сомневался, — во всеуслышание обронил блондин, выразительно подчеркнув это слово.

— Очень приятно, — не поведя и ухом, улыбнулась шатенка. — А меня зовут Элеонора. Элеонора Дивенхайм, баронесса фон Геннингшафт.

Лицо блондина вытянулось. Бросаясь издевкой, он никак не ожи-

дал услышать такое!
— Ты баронесса?! — опешила Эрвина.
Руберт тоже выглядел безмерно удивленным.
— Для друзей — ПРОСТО Элеонора. Баронесса — для остальных, — выразительно произнесла шатенка.
И тут же стало ясно, зачем она явила свой титул. Тот адресовался исключительно невежливому блондину. Который, между прочим, продолжал демонстрировать свои не лучшие манеры.
— Баронесса?! В таком дешевом прикиде?! Не может этого быть! — уверенный, что его обманывают, возмущенно заявил он.
— Достаток, выставленный напоказ, еще не означает благородство. Обычно бывает как раз наоборот, — спокойно, не поворачивая головы, заметила Элеонора.

Щеки блондина покраснели, будто ему влепили пощечину. Влепили очень звонко, отчего даже зашумела голова. Взбешенный и растерянный, он вспомнил про интерфейс дополненной реальности. Галактическая энциклопедия всегда была под рукой. Один короткий запрос — и вот он уже видит общедоступную информацию по аристократическому роду фон Геннингшафт. Оттуда, с официальной семейной фотографии, на него глянуло лицо этой самой шатенки. Конфуз получился хуже некуда. Налившись краской донельзя, блондин готов был сквозь землю провалиться.

Устроившись за совместным ужином, троица разговорилась. Тарелки давно опустели, а она все болтала, укрепляя спонтанно завязавшееся знакомство. Затем примеру тарелок последовали и бокалы. Еда и напитки, причем отменного качества, не ограничивались, но ни в кого уже банально не лезли. Выйдя из-за стола, троица переместилась в кают-компанию, где продолжила вести не прекращавшийся разговор. На уме у всех сейчас была одна Либератика, куда они дружно летели, и каждый делился своей историей, включая приведшие на борт обстоятельства.

Желая поступить в другой университет, Эрвина не бросилась сразу же собирать вещи. Сперва она вообще подумала, что здесь какая-то ошибка, ибо никаких заявлений в Либератику не подавала. Позвонив туда, она всего лишь хотела прояснить ситуацию. В приемной комиссии с ответом не затянули. Проверив данные Эрвины, секретарь сообщила, что ее действительно готовы зачислить. На вопрос, каким образом это произошло, и откуда в Либератике вообще знают про ее существование, секретарь разъяснила про межуниверситетское сотрудничество. Мол, у них свои методы отбора абитуриентов. Главное сейчас не то, каким образом Эрвина получила приглашение, а согласится ли она его принять.

Вопрос и впрямь оказался краеугольным. Имея вполне опре-

деленные планы, Эрвина не была готова к такому развитию событий. Она собиралась не только учиться, но и работать, к тому же продолжать встречаться со своим парнем и друзьями. Их, конечно, разделило бы расстояние, однако оно позволяло видеться хотя бы иногда. С Либератикой же все будет по-другому. Это заведение представляло собой интернат. Оказавшись в его стенах, Эрвина сможет покидать их лишь раз в году, на один-единственный месяц между курсами. Во все остальное время ее жизнь ограничится территорией университета. Так гласили правила, и Эрвина, наведя справки, узнала, что они никогда не нарушались.

Выбор был, ибо облюбованный Эрвиной университет тоже дал добро. Опасаясь совершить ошибку, она колебалась и решила узнать мнение близких ей людей. Доселе она и думать не думала о Либератике, как о чем-то принципиально недостижимом, но теперь… Теперь, когда это заведение само открывает ей объятия! Быть может, его приглашение и впрямь стоит принять?

Родители, как обычно, оказались в своем репертуаре. Не препятствуя дочери, они давали понять, что ей бы вообще ни к чему вся эта суета. Возвращалась бы она лучше домой, к уютному очагу и тихому семейному бизнесу. Увы, ничего другого от них слышать не приходилось. Понадеявшись, что на этот раз они отреагируют иначе, Эрвина только вздохнула, ощутив тоскливую непонятость и даже одиночество.

Джейми, парень Эрвины, воспринял идею весьма прохладно. Продолжительный разрыв ему решительно не нравился. Встречаться раз в год, все остальное время общаясь лишь по видеосвязи, да и то исключительно по выходным — не так он представлял их совместное будущее. Отношениям это на пользу точно не пойдет. Они и без того мало видятся, ибо Джейми регулярно уходит в рейс, а теперь и вовсе перестанут. Лишенная полноценного живого контакта, Эрвина компенсирует это кем-то в Либератике, из своего нового окружения. Обычно именно так все и происходит. Отпустив Эрвину, Джейми почти наверняка ее потеряет, и одна мысль об этом выводит его из равновесия. Что он, не сумеет ее обеспечить? Да, сейчас тяжело, но вскоре все наладится. Конечно, если Эрвину не устраивает их скромная жизнь, и она непременно желает променять ее на соблазны Либератики — это вполне понятно. И это, конечно, ее дело, но Джейми не станет такую затею поощрять. Пусть она взвесит все за и против, а не принимает скоропалительных решений. Кроме того, предложение, свалившееся как снег на голову, само по себе выглядит сомнительно и заставляет придумываться. Кому Эрвина вообще нужна? С чего бы вдруг элитному заведению приглашать ее по собственной инициативе?

Слушая Джейми, Эрвина начинала заводиться, и чем дальше, тем больше. Изначально не склонная пойти в Либератику, теперь она подумывала сделать это из принципа. Она и не знала, какой Джейми, оказывается, эгоист и собственник. Все его рассуждения сводились к одному: я, я, я и еще раз я. Он говорил только о себе. Их совместное будущее его волновало тоже применительно лишь к нему. Он говорил не о том, что хорошо для Эрвины, а как выйдет лучше для него самого. И вот эти его слова: "что он, не сумеет ее обеспечить?" Она, между прочим, в содержанки и не набивалась. Хотя больше всего, конечно, Эрвину задела фразочка: "кому она вообще нужна?" Значит, нужна, и побольше, чем возомнившему о себе парню!

Масла в огонь подлил Кенжи. Тот вообще заявил, на кой Эрвине сдались все эти снобы? Из Либератики, мол, выходят те еще умники. Для кого-то это высшая лига, а для простых людей — моральные уроды. Неужели Эрвина и впрямь хочет стать одной из них? Жила бы она спокойно, да звезд с неба не хватала. Пусть себе сияют вдали. Тянуть к ним руки — только обожжешься. Хороший муж, надежная работа, размеренная жизнь, стабильность и уверенность в завтрашнем дне — не это ли нормальному человеку надо? Рассуждая в таком духе, Кенжи и впрямь полагал, что дает Эрвине полезный совет, и этим выбесил ее окончательно. Вот уж менталитет лягушки, считающей свое болото лучшим местом на свете. А Эрвина вот не боится улететь, пусть даже и крыльев у нее нет, и пусть даже она тоже лягушка. Она заарканит аиста. Она не станет прятаться от него в тине и не даст себя сожрать. Она схватит его за шею, оседлает, и улетит на нем в небеса.

Разозленная позицией Джейми, закипая от увещеваний Кенжи, Эрвина сделала свой выбор. Его мог поколебать лишь финансовый вопрос, а то и вовсе свести на нет, однако здесь как раз проблемы и не наблюдалось. Платить не требовалось. Это в другом университете Эрвине пришлось бы взять учебный кредит, залезая в многолетние долги. Либератика принимала ее бесплатно, включая проживание и стол. На самом деле, именно это поразило Эрвину больше всего. По идее, обучение в таком заведении стоило космическую сумму. Ища подвох, она неоднократно туда звонила, чтобы прояснить детали. Секретарь все подтвердила. За все время в Либератике Эрвине ни за что платить не придется.

Всякие колебания тут же прекратились. Упаковав свои скромные пожитки, Эрвина оставила записку Джейми, сделала ручкой Хоботогоблину и отправилась в космопорт. Билет, забронированный на ее имя, обеспечил рейс до пересадочной станции. Там, согласно инструкции, она ожидала звездолет до Либератики,

и там же встретила своих новых знакомых.

Ощущая взаимное расположение, Руберт горел желанием рассказать девушкам все. Вот только их доброжелательность наверняка испарится, доведись им узнать о его прошлом. Он не был закоренелым преступником, однако биография оставляла желать лучшего. Особенно недавняя, связанная с картелем. Не состоя в нем напрямую, Руберт иногда получал предложения через Гивиля: что-то куда-то отвезти, кого-то встретить, кому-то передать... Что именно, он не знал, однако вряд ли речь шла про подарки от Санта-Клауса, да и на эльфа Руберт не походил. Он был похож на взломщика.

От природы ловкий, Руберт обладал отличной сноровкой и чрезвычайно чувствительными пальцами. В свои двадцать три года он вскрыл столько замков, сколько не каждый зрелый вор. Механические, электронные, комбинированные, термические, лазерные — его умению и чутью сдавалось практически все. Двери, хранилища, ячейки, запертые столы, заблокированные терминалы, аэромобили и типовые сейфы становились для Руберта задачками из учебника жизни, которые он почти всегда решал. А если не решал, то извлекал надлежащий урок, чтобы в следующий раз подойти к делу более подкованным. Получая наводки, он мастерски проникал в различные хранилища и офисы, добывая сокрытые там секреты. Сдавая добычу, он получал свое вознаграждение и отваливал.

Соблазнов вокруг прибавлялось, как прибавлялось и финансовых проблем. Иной раз Руберт понимал, насколько легко сумел бы завладеть тем или иным кошельком, обокрасть зажиточного ротозея или обнести чей-нибудь особняк. И все же он не решался, не переступая некую незримую черту. Хоть и ведя определенный образ жизни, на имущество обычных граждан Руберт никогда не посягал. Возможно, только до поры, однако история не знает сослагательного наклонения. Свое будущее он определил. Неудавшаяся кража у картеля стала поистине судьбоносной. Ударившись в бега, он вдруг получил приглашение из Либератики, и в итоге принял. Закрытость университета играла ему на руку. Там Руберта никто не найдет, а полный пансион исключал заботы о хлебе насущном.

Разумеется, Руберт не сразу бросился в объятия Либератики. Изумленный и напуганный, он начал разбираться, кто и почему прислал ему извещение. Вот вам и новая личность! Если о том, что Адам Стравински на деле Руберт Тейдлиц знает университет, об этом может знать и картель. Деваться с борта звездолета все равно было некуда, поэтому он не побежал, куда глаза глядят, а свя-

зался с Либератикой. Там подтвердили, что приглашение действительно адресовано ему. А еще там намекнули, что игра в поддельную личность не только для них не секрет. Фактически, у Руберта было два пути. Он мог сойти со своего рейса и пересесть на другой, который доставит его в Либератику, а мог лететь до конца, где его тоже встретят, но уже не из университета.

Никто ничего прямо не упоминал. Человек, говоривший с Рубертом, был предельно корректен и выражался иносказательно. Сомнений, тем не менее, не оставалось. Картелю известно о преображении беглеца, и он уже послал людей, чтобы обеспечить ему надлежащую встречу. Руберт, конечно, может бежать самостоятельно, только как долго он протянет? Даже скройся он сейчас, ему нигде не будет покоя. Либератика же гарантировала убежище. Элитное учебное заведение пользовалось покровительством сильных мира сего. Какие-то там бандиты с провинциальной планеты страшны ему не больше чем звезде метеорит. Университет не просто дарил билет в будущее — он преображал саму жизнь, полностью нивелируя прошлое. Поступив в Либератику, Руберт Тейдлиц сможет забыть о своих проблемах раз и навсегда.

Кое-что прояснилось, однако вопросы оставались. И самый главный из них — на кой все это надо самой Либератике? Им Руберт задавался с тех пор, как очутился на пересадочной станции. Он не отпускал его и сейчас, в разговоре с двумя милыми девушками, одна из которых была простой служащей, а другая оказалась баронессой. Выслушав историю Эрвины, Руберт усвоил, что необъяснимое предложение поступило не ему одному. К сожалению, учитывая свои криминальные подвиги, он не сумел ответить ей той же искренностью. Пришлось сочинять на ходу. Руберт не лгал, но не сказал и всей правды. Представившись обычным сиротой, хватавшимся за любую работу, он тоже выразил удивление, зачем кому-то оплачивать его обучение в Либератике. Туда что, всех берут бесплатно? А принцип отбора? Ведь ни он, ни Эрвина заявок не подавали. Слепая лотерея?

Ответ на последние вопросы дала Элеонора. В отличие от своих новых знакомцев, она поступала в Либератику целенаправленно. Подумывая о ней не первый год, она собрала достаточно информации, которой охотно поделилась с Эрвиной и Рубертом.

Нет, Либератика не занималась сплошной благотворительностью. Как и у многих учебных заведений, у нее существовала квота на бесплатные учебные места. Эти расходы компенсировались меценатами, спонсорами, а также министерством образования. Не испытывая дефицит финансирования, обеспеченный многочисленными преимуществами и налоговыми льготами, этот уни-

верситет мог позволить себе такое, о чем другим не приходилось и мечтать. Тут как раз не было ничего особенного. Удивлял разве что принцип отбора. Такой, который и впрямь вызывал недоумение у непосвященных.

Многих абитуриентов Либератика и впрямь подыскивала сама, совершенно не беспокоясь об их платежеспособности и социальном статусе. Она искала одаренных молодых людей. Тех, кому необходимо дать шанс во благо развития всего общества. Потенциальные Шекспиры, Эйнштейны, Лейбницы, Моцарты и Менделеевы не должны оставаться в забвении просто потому, что им не улыбнулась удача, не приняла окружающая среда. Разумеется, это не означало, что за деньги поступали исключительно бездари. В Либератику в принципе не принимали тех, кто ей не соответствовал. Там подходили к вопросу рационально. С состоятельной семьи взимали надлежащую плату, не требуя ни гроша с того, кто заплатить за себя физически не мог.

Семья Элеоноры была достаточно состоятельной, чтобы не поскупиться на обучение в Либератике. Геннингшафты владели имуществом на многих планетах, разбросанных по всей галактике, а еще им принадлежали акции разных компаний. К вопросу образования в этом роду подходили очень щепетильно. Для всех именитых отпрысков выбирались солидные учебные заведения, подходящие им как по статусу, так и предрасположенности. Особое внимание уделялось их репутации, истории и традициям.

Как правило, дворянские семьи отдавали предпочтение университетам своего круга. Многими поколениями они заканчивали одни и те же учреждения, подходившие им по духу, и демократичная Либератика не была для них приоритетом. С другой стороны, следовало признать, что и этот университет не принимал фон Геннингшафтов только лишь потому, что они фон Геннингшафты. Элеонора, аристократка в сто двенадцатом колене, оказалась первой из своей фамилии, кто подал в Либератику заявку и не получил отказ.

Университет никогда не объяснял причин, по которым принимал или не принимал абитуриентов. Догадываться о них приходилось самому. Элеонора надеялась, что не последнюю роль сыграло ее отношение к обществу. В отличие от многих других, она не выставляла себя напоказ, не кичилась именем и богатством. Одеваясь довольно скромно, она не вела себя с людьми как с прислугой. Хорошо воспитанная, она распространяла свои манеры одинаково на всех, а не только на неких избранных. Безусловно, сам факт приема в Либератику означал, что Элеонора от природы чем-то наделена, но здесь, быть может, все-таки сказалось ее мировоз-

зрение; набор принципов и убеждений, оказавших влияние на развитие личности.

Чем больше Элеонора узнавала о Либератике, тем сильнее у нее зрело желание туда поступить. Пользуясь своими связями, она даже встречалась с выпускниками, принадлежавшими к именитым фамилиям. Ее поразила особенность, с которой те относились к прежней жизни. Некогда эгоцентричные, высокомерные и заносчивые, они дистанцировались от укоренившихся предрассудков. Они и впрямь вели новую жизнь, поддерживая отношения со своим былым окружением постольку поскольку. Иные же не поддерживали вовсе. Их занимали иные материи — глобального характера. Уйдя от суетных мелочей и личного успеха, они сосредоточились на преобразованиях в обществе, чтобы вывести его на новый уровень. Они не просто так занимали важные посты, чтобы обеспечить собственное богатство и процветание. Денно и нощно они трудились там по призванию, подлинно и достойно реализуя взятые на себя обязательства. По тому призванию, которое изначально, одобряя кандидатуру, увидела в них Либератика.

Выпускники одобрили идею Элеоноры. Сперва отнесясь к девушке довольно прохладно, в какой-то момент они переменились. Узнав, что та подумывает об их университете, они заверили, что ей и впрямь следует туда податься. У нее, мол, хорошая генетика, и не потому, что она знатного рода. Элеонора идет своим путем, не принимая чужие убеждения только потому, что так исконно принято. Ее никто не призывает отказаться от друзей и родных, и уж тем более бросить вызов обществу. Наоборот — Либератика обществу служит. Она поощряет быть собой, помогает раскрыть свою личность и стать тем, кем ты рожден. Ведя привычную жизнь Геннингшафтов, Элеонора останется в истории сто двенадцатой баронессой — и только. Закончив Либератику, вершить историю станет она сама.

Вступительных экзаменов не проводили, ограничившись собеседованием. В университете учли все успехи Элеоноры и подтверждать их не потребовалось. Медкомиссия была формальностью. Согласно фамильному правилу, Элеонора ежегодно проходила диспансеризацию, и все данные об этом содержались в семейной клинике. Она была абсолютно здорова. Довольствуясь выпиской, приемная комиссия не настаивала на дополнительных анализах, хотя частенько требовала их для подстраховки, чтобы избежать потенциальных неприятностей. Студенты Либератики подвергались серьезным умственным нагрузкам, и ее руководство желало удостовериться, что они выдержат. Об этом, в том числе, сообщили бывшие выпускники. Поддерживая контакт с Элеоно-

рой, те даже не сомневались, что она подходит, и официальный бланк стал тому подтверждением. Получив "зеленое" письмо, Элеонора уладила свои дела и отправилась в Либератику. Семья не возражала. Как наследница состояния, двадцатиоднолетняя баронесса имела полное право им распоряжаться. И поступать она могла туда, куда хотела, даже если это обходилось в кругленькую сумму.

Бессовестно подслушивая, блондин ощутил некоторое облегчение. А он уж было подумал, что один заплатил за допуск в Либератику. Туда, куда его без денег и брать-то не хотели. Так вот в чем, оказывается, дело! Рыжей и хмырю просто повезло. Чем-то таким они пришлись ко двору. Заполняя квоту, университет прислал им приглашение, однако поступить — это одно, а закончить — совсем другое. Рыжая наверняка не сдюжит. Это вам не посуду мыть в забегаловке. Хмырю также вряд ли что-то светит. Какое-то время он, может, и сумеет обманывать всех вокруг, но однажды его подлинная натура возьмет верх. И тогда он покажет, для чего ему проворные ручки и бегающие глазки.

Рассуждая таким образом, блондин, однако, помалкивал. Его смущало присутствие баронессы. Язык у него аж чесался, готовый отпустить уйму ядовитых комментариев, только недавний конфуз все еще напоминал о себе болезненными уколами уязвленного самолюбия. Разок опозорившись, блондин не хотел столь быстро повторить это снова. Стараясь сохранять невозмутимость, он чинно сидел с таким выражением, будто ему ни до чего не было дела.

Подслушивать позволяло расстояние. Оживленно беседуя, голоса троица не понижала, а кают-компания не была размером со стадион. Рассчитанная на сотню человек, она предоставляла им надлежащий комфорт, однако не за милю друг от друга. Отдельные каюты, расположенные на одной палубе, все остальное имели только общее. Блондин, конечно, мог удалиться к себе, однако намеренно остался, желая узнать какие-нибудь подробности о соседях. Троица же от него не сбегала, не считая подобное целесообразным. Пусть себе сидит, если ни к кому не цепляется. Столов и кресел хватит. Кают-компания — она ведь для всех.

Тема о деньгах, а именно той ценности, которую блондин понимал и разделял, позволила ему обрести утраченную было самоуверенность. До голодранцев вроде рыжей и хмыря он бы не снизошел, однако произвести впечатление на баронессу фон Геннингшафт стоило. Или, хотя бы, восстановить пошатнувшееся достоинство. Финансовый вопрос был затронут очень кстати. Недолго думая, блондин решил, что нашел отличный повод вклиниться в разговор. Поднявшись, он неторопливо приблизился,

будто бы проходя по своим делам, а затем остановился возле притихшей троицы.

Рыжая наморщила носик. Покручивая локон, она бросила на блондина сердитый взгляд. Хмырь скривился, будто перекусил лимоном. Пробежав пальцами по губам, он нарочито смотрел куда-то в сторону. Не выказала неудовольствия только баронесса. Повернувшись к подошедшему, она осведомилась, чем с друзьями может быть ему полезна.

— Прошу прощения, я случайно слышал ваш разговор, — выложил преамбулу блондин, полагая, что следует тону хороших манер.

У Элеоноры, вероятно, впечатление сложилось совсем другое, но виду она не подала. Ни дрогнув ни единым мускулом, она ожидала продолжения фразы.

— Н-ну, касательно условий приема в Либератику, — пояснил блондин, теряя уверенность под ее взглядом.

— Все верно, мы говорили об этом. С ними что-то не так? — спокойно произнесла Элеонора.

— Признаться, многое для меня оказалось внове. До сих пор я полагал, что это заведение только для обеспеченных людей, — начиная сбиваться, продолжил блондин. — "Стоимость обучения договорная" — так гласят официальные источники Либератики. Это ввело меня в заблуждение, чем и была вызвана моя недавняя, признаю, некрасивая реакция.

Похоже, речь блондина никого особо не впечатлила. Приподняв бровь, Эрвина переглянулась с Рубертом. Блондин так извиняется или же оправдывает свою надменность? Лицо баронессы оставалось непроницаемым. Сохраняя вежливое выражение, оно не позволяло распознать, какие мысли таятся в ее голубых глазах.

— Все, порой, совершают ошибки, — уклончиво произнесла Элеонора. — Мы не беремся за них судить.

Менее знакомые с дипломатией, Руберт и Эрвина не поняли, к чему это было сказано. Элеонора не выражала мнение и не протягивала блондину руку дружбы. Раз уж явившись, пусть говорит, зачем пришел, ибо до сих пор именно этого и не прозвучало. Задавать ему вопрос было неприлично, но и молчать тоже. Чего, правда, не сообразили ее новые друзья.

— Неужели кто-то снизошел до нашей компании? — усмехнулась Эрвина.

— Из Либератики еще не поздно уйти, раз туда принимают кого-то вроде нас, — веско обронил Руберт.

Баронесса мысленно закатила глаза, однако о своем новом знакомстве не пожалела. Было бы странно требовать от этих двоих определенных манер, особенно по отношению к оскорбившему их

человеку. Тот же заслуженно получил от нее урок, поскольку позиционировал себя пупом земли, которым никак не являлся. Желая сгладить эффект, Элеонора хотела вызвать огонь на себя, но было поздно.
— Я заплатил миллиард не для того, чтобы откуда-то уходить! — вспылил, багровея, блондин.
— Ты или твоя мамочка? Как удачно, что она председатель совета директоров, — выразительно подчеркнул Руберт. — Да брось! — прибавил он, ибо ошеломленный собеседник до сих пор не представился. — Не ты один умеешь пользоваться Пространственной сетью.

Лицо Сайлуса Честерсайда вторично налилось краской. Стерпеть туше от баронессы фон Геннингшафт было одно, а подобную наглость со стороны какого-то хмыря — совсем другое. Пожалуй, кое-кому здесь и впрямь стоит преподать урок хороших манер. Стиснув кулаки, Сайлус тяжело задышал, оценивая ситуацию. Оценила и Элеонора. Ей претили подобные выходки, до которой вот-вот был готов опуститься Сайлус. С другой стороны, нельзя утверждать, что его не спровоцировали.
— Не стоит так говорить, Руберт, — мягко произнесла она. — Вынуждена признать, что я своих денег тоже не заработала. Они достались мне по наследству. В известном смысле, за меня тоже заплатила мама. Нет ничего плохого, чтобы что-то от кого-то получать. Вопрос лишь в том, что и кому ты сам намерен взамен отдать.

Руберт притих. Сделав выпад против Сайлуса Честерсайда, избалованного сынка богатенькой мамочки, он невольно попал и в Элеонору, чего никак не желал. Засопев от смущения, он уже не стремился к стычке с наглым блондином. Засопела и Эрвина. Она тоже растерялась, но по-своему.
— Ты заплатила миллиард?! — ахнула она.
— М-м-м… Н-нет, — неохотно произнесла Элеонора. — В моем случае это обошлось в двадцать миллионов.
— Ничего не понимаю! — всплеснула руками Эрвина. — Почему один платит миллиард, а другой в пятьдесят раз меньше?!
— Я же говорила, в Либератике свой подход. Там берут столько, сколько абитуриент в состоянии заплатить, — напомнила Элеонора.

И действительно! Спохватившись, Эрвина кивнула, получив ответ на свой вопрос. Получил его и Сайлус, хотя ни о чем таком не спрашивал. В отличие от нищебродов или баронессы, его мать выписала чек на миллиард, и причина крылась отнюдь не в семейном благосостоянии. Ей пришлось раскошелиться, чтобы Сай-

луса вообще взяли в Либератику. Рыжую и хмыря приняли бесплатно, за какие-то якобы особые таланты. Неким талантом обладала и Элеонора фон Геннингшафт, хотя и заплатила двадцать миллионов. Это было ей вполне по карману. Миллиард Честерсайдов играл совсем другую роль. Он, и только он позволил поступить туда, куда изначально и принимать-то не хотели. Следуя собственной логике про избранных, Сайлус осознал, что из четверых человек в кают-компании именно он таковым и не являлся. И что его допустили только для того, чтобы оплатить обучение тех двоих. Сраженный этой шокирующей мыслью, Сайлус не продолжил конфликт, хотя минуту назад был готов наброситься на хмыря с кулаками. Смертельно побледнев, он быстро удалился, не произнеся более ни слова.

Полет до Либератики занял несколько дней. Звездолет, забравший новых студентов, был очень быстроходным, но немалая продолжительность пути объяснялась просто. Университет располагался на уединенной планете Гальтенуза, находившейся в стороне от оживленных магистралей. Далеко, в необжитой части галактики, где только изредка встречались небольшие колонии, и где все еще царил первозданный природный хаос. Путеводные маяки были там большой редкостью, и туристические лайнеры не залетали в те края, оставляя цветастые шлейфы и сияя увеселительными огнями.

Место подходило идеально. Единственную планету, чей пейзаж составляли дремучие леса и необъятные прерии, освещала теплая звезда, светившая с небосвода большую часть суток. Погодные условия курорту не соответствовали, но и экстремальных проявлений обычно не наблюдалось. Порой здесь, конечно, проносились ураганы, а черные тучи исторгали тяжелый грохочущий ливень, однако чаще сияло солнце, играя в прятки с белоснежными пушистыми облаками. Очутившись вне стен Либератики, студенты не рисковали замерзнуть насмерть, отравиться атмосферой или загнуться от голода. Даже заплутав, они наверняка протянули бы достаточно, чтобы их обнаружила самая неспешная спасательная экспедиция. Не претендуя на райский уголок, планета предлагала вполне сносные условия, способные порадовать любителей дикой природы. И все же студенты наружу не выходили. Уединенность, ради которой был выбран столь отдаленный уголок, составляла неотъемлемую часть обучения.

Местонахождение Гальтенузы старательно скрывалось. Информация о ней отсутствовала в большинстве источников, и в первую очередь координаты. Даже галактическая энциклопедия, подробная и всеобъемлющая, предоставляла о ней лишь общие

сведения, без указания важных подробностей. Гальтенуза не фигурировала в навигационных картах, и к ней не пролегал ни один транспортный маршрут. Пересадочные станции использовались не случайно, чтобы исключить прямые планетарные рейсы. Куда лететь, знали только экипажи частных звездолетов, принадлежавших самой Либератике. Ну, в основном знали только они, ибо шила, конечно, в мешке не утаишь. Это же не сверхсекретный военный объект. Кому надо, тот все разведает, тем более что там не содержались опаснейшие преступники, равно как не проводились запрещенные эксперименты. Так или иначе, отыскать путь к Гальтенузе могли довольно многие, однако изоляция и скрытность достигали свою основную цель.

Уединенность. По мнению руководства Либератики, ей только и не хватало, что кружащих на орбите кораблей, назойливо запрашивающих посадку. Что хуже, посадку осуществляющих, в надежде непременно повидать свое оторванное от мира чадо. Правилами Либератики это строжайше запрещалось, однако с родных и близких чего только ни станется. Не все ведь пренебрегают судьбой своих детей. Кто-то рвется за ними и через всю галактику, а такие могут не только прилететь, но и разбить палаточный лагерь. Большой лагерь, где-нибудь вблизи от университета, и рано или поздно тот разрастется в настоящий город.

Не пускать родителей к детям — это одно, а вот удерживать детей от контакта с родителями — совсем другое. Либератика ведь не тюрьма. Да, ее правила не позволяли покидать университет в любое время, исключая один месяц в году, однако и насильно студентов не удерживали. Те были вольны уйти когда захотят. По факту это означало расторжение договора и автоматическое отчисление. Нарушитель получал билет в одну сторону, без права на восстановление, но в том, собственно, и заключалась проблема. Университет этого совсем не хотел. Уединенность позволяла студентам не впадать лишний раз в соблазн, если где-то там, снаружи, рвался к ним любящий родитель, близкий родственник, или, что вероятнее, пассия. Прекрасно понимая силу чувств, Либератика ограждала студентов от всего, что могло помешать учебному процессу. Они поступили для того, чтобы обрести новую жизнь, максимально раскрыть свои природные данные. Что ж, именно так все и будет, и руководство Либератики исключит любые к тому препятствия.

Посадка прошла штатно, однако просторы Гальтенузы новым студентам не открылись. Несколько дней пути сменились несколькими днями карантина. Это была обычная процедура, призванная обеспечить безопасность учащихся и персонала. А жаль. Наслу-

шавшись Элеонору, Эрвина очень хотела увидеть бескрайние прерии, чьи травы колыхались будто океанские волны. Простираясь от стен университета, они докатывались до подножия дремучих лесов, где перекликались невидимые птицы и журчали прозрачные ручьи. Устав от техногенных городских джунглей, насыщенных выбросами аэромобилей, она хотела вздохнуть полной грудью и ощутить настоящий, ничем не ограниченный простор.

Ожидания Руберта также не оправдались. Всю жизнь проведя на родной планете, он только и видел, что мегаполисы, запущенные пригороды да типовые пашни, перемежаемые гигантскими теплицами. Лесами там и не пахло, как не пахло и дикими прериями, чьи травы щекотали обоняние терпким букетом неизведанного. Все это, конечно встречалось в кино, да и в виртуальных путешествиях, создававших иллюзию присутствия. За умеренную плату, иные развлекательные комплексы дарили эффектное погружение, позволяя бывать в других мирах. И все же реальность несравнима с цифровой подделкой, призванной обеспечить потребности малоимущих слоев населения. Надеясь увидеть траву, не скошенную автоматическими комбайнами, густые зеленые моря и волнующую воображение даль, Руберт ощутил некоторое разочарование, однако ничего не попишешь.

Не расстроилась только Элеонора. Где только ни побывав, она не испытывала трепета при созерцании очередной неосвоенной планеты. Кроме того, она заведомо подозревала, что на взлетное поле их не выпустят. Безопасность Либератики обеспечивалась на должном уровне. Бродить по планете, где вздумается, равно как и занести туда инвазивную органику никто не позволит. Да, красивые постеры сулили волнующие виды, являя мечтательному взору, как новые студенты идут от космических кораблей в свое блестящее будущее. По факту же идти пришлось через герметичные тоннели.

Звездолет пришвартовался в строго отведенном месте. Пассажирский шлюз распахнулся, но вел он не наружу, а в другой шлюз, принадлежавший посадочной зоне. Эта зона представляла собой целый комплекс, расположенный не то на взлетном поле, не то вообще под землей. Определить это не получалось, поскольку вокруг была только сталь, характерная для космических станций. Бетонные, деревянные и натяжные конструкции не наблюдались. Расчерченные дорожки тянулись через тоннели, а те, в свою очередь, соединяли обширную сеть помещений. Естественное освещение отсутствовало, поскольку отсутствовали окна. Его замещали осветительные панели, озарявшие техногенный пейзаж ровным безликим излучением.

Долго идти не пришлось. Прибывших ожидала пассажирская капсула — симпатичный овальный транспорт, чьи полированные бока таинственно серебрились, обрамленные декоративными огоньками. Приподнятый в хвостовой части, овал немного напоминал улитку, собравшуюся куда-то ползти. Рядом стоял какой-то смуглый человек, одетый в черный деловой костюм. Как выяснилось, уполномоченный по встречам новых студентов. Звали его Карлерих, хотя Руберту отчего-то показалось, будто имя это ненастоящее. Мускулистый и по-военному стриженый, он походил на офицера, заправлявшего прибытием рекрутов.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил он всех четверых, указывая на распахнутые двери капсулы.

Рассчитанная на две дюжины пассажиров, она с легкостью вместила не только сдружившуюся троицу, но и Сайлуса, занявшего отдельное кресло поодаль. Интерьер овального транспорта радовал глаз и тело, хотя выбирать, конечно, не приходилось. Пешая прогулка исключалась. Заслон, перекрывавший дальнейший путь, открылся только тогда, когда двери капсулы сомкнулись. Тихонько загудев, она приподнялась над полом и заскользила в глубину тоннеля.

Карлерих был эмоционально сдержан, но при этом словоохотлив. Соблюдая официальный тон, разбавленный долей приветственного дружелюбия, он вводил новичков в курс дела. Извиняясь за прохладный прием, без музыки, флагов и транспарантов, он объяснил, что того требует безопасность Либератики. Все прибывающие извне проходят недельный карантин, после чего обычно допускаются до университетской жизни. На время изоляции им предоставляются уютные жилища, спортивный зал и развлекательный комплекс. В целом, все то, что у них появится и впоследствии, только в уменьшенном размере и с некоторыми ограничениями.

— С какими ограничениями? — озаботилась Эрвина.

— Никаких контактов с внешним миром, — пояснил, сидя в голове салона, Карлерих. — Общение друг с другом — пожалуйста, но никакой Пространственной сети. Ее возможности будут ограничены исключительно локальными ресурсами университета.

— А какой смысл? — пожала плечами Эрвина.

— На случай, если в ваши персональные интерфейсы затесалось что-нибудь вредоносное, — уточнил Карлерих. — Во время карантина проверят не только ваше здоровье, но и электронику.

— Так наше здоровье уже проверяли. Зачем это делать еще раз? — обеспокоился Сайлус.

Причины для волнения у него имелись. По физическим показате-

лями он уже и так не проходил. Еще не хватало, чтобы его отсеяли прямо здесь.

— Пока вы сюда добирались, с вами многое могло случиться, — очень серьезно сказал Карлерих.

Карантин позволял выявлять биологическую угрозу, и делать это до того, как пострадает весь университет. Случаи, увы, бывали, причем ставившие под угрозу общий учебный процесс. В отличие от больших городов, в замкнутой среде иные инфекции представляли особую опасность. Редкие, завезенные откуда-нибудь с периферии, они становились настоящим троянским конем. Неделя, в течение которой все прибывшие оставались под наблюдением, позволяла избежать осложнений почти на сто процентов. Конечно, за это время они испытывали некоторые неудобства, но это с лихвой компенсировалось грядущими возможностями Либератики.

Болезни — естественная часть жизни человека, но только тогда, когда она именно естественная. Иными словами, университет опасался не столько природных, циркулирующих в обществе инфекций, сколько завозимых целенаправленно. Биотерроризм, увы, никто не отменял, и грязную игру в бизнесе — тоже. Галактические корпорации регулярно совершали диверсии в отношении друг друга, а Либератика, по-своему, была корпорацией в сфере образования. Недруги у нее тоже водились, причем такие, какие предпочли бы добиться закрытия этого учреждения.

Встречались и случаи цифрового заражения. В персональный интерфейс, частенько без ведома жертвы, внедрялся хитроумный код. До поры не активируясь, в лучшем случае он пытался собрать информацию об университете. В худшем — проникнуть в его управляющие ресурсы, чтобы нанести им максимальный ущерб.

Отдельно стоило упомянуть Гальтенузу, куда вновь прибывших даже не пустили. Инвазивные виды были настоящей угрозой девственных планет, начиная от домашних животных и заканчивая бактериями. История знавала немало случаев, когда целые миры превращались в пустыни, страдая из-за неконтролируемого изменения биосферы. В иных же появлялись невообразимые мутанты, впоследствии становившиеся угрозой уже для других миров. Просвещенная Либератика вреда для своего дома не желала. Обеспечивая безопасность себе, она обеспечивала безопасность и ему.

Пока Карлерих говорил, капсула уверенно плыла через тоннель. То и дело поворачивая, она петляла в хитросплетении переходов, чем основательно запутала новичков. Они уже не понимали, где именно находятся, а навигаторы не функционировали.

Частично карантин ввели еще на борту звездолета, где пассажирам заменили контактные линзы интерфейсов дополненной реальности. Сейчас же он распространился на все электронные устройства. Глушащая аппаратура подавляла работу техники. Новые студенты могли обмениваться сообщениями, но Пространственная сеть или навигационные модули молчали. Впрочем, тут и без них становилось понятно, что капсула проехала не менее двадцати миль. Это означало, что звездолеты приземлялись вдали от университета, который и сам отличался внушительной площадью.

Карантинная зона размещалась под землей, однако не вся, а только та часть, что вела к Либератике от посадочной площадки. Все ее узлы, секции и переходы пребывали в строгой изоляции, но при этом не обязательно представляли собой глухой забетонированный бункер. Руководство университета не хотело, чтобы новички почувствовали себя как в тюрьме. Пройдя первичный медосмотр, они побывали в обеззараживающем душе и переоделись в типовые комбинезоны. Разумеется, до поры, прежде чем им вернут личные вещи. Затем, поднявшись на лифте, они вышли в жилую зону. Обширный медицинский блок возвышался большой зеркальной башней. У его подножия проходила стена, отделявшая обжитую часть планеты от первозданной, и за ней вновь прибывшие увидели то, чего оказались лишены сразу по прилету. За огромным панорамным окном расстилались просторы Гальтенузы.

Обласканные золотистым солнцем, по лазурному небу плыли неторопливые перистые облака. Колыхаясь густыми травами, под их воздушной сенью тянулись величественные океаны прерий. Задували привольные ветра. Налетая из неведомых далей, они дышали свежестью, упоительно опахивающей все живое, и шелестели бескрайними волнами. Вздымая белые барашки цветов, они перекатывали валы зеленой полыни, гнали медно-желтые стремнины сорговника и разбивали их о вересковые островки. Сиреневые среди желтизны и зелени, те казались архипелагами средь широких вод, выделяясь среди них своей причудливой формой и таинственной красотой.

На взлетном поле мирно покоился звездолет. Золотясь в солнечных лучах, он напоминал исполинского бизона, прилегшего отдохнуть среди высоких трав. Обрамляя жаропрочные плиты, они подступали к нему со всех сторон, шурша и перешептываясь длинными сочными стеблями. Убаюканный их колыбельной, космический корабль отложил все дела на потом. Выключив двигатели, он погрузился в глубокую дрему, не торопясь возвращаться в звездные просторы.

Вдали, с одной стороны горизонта, прерии упирались в лес.

Его замшелые стволы теснились настоящей стеной, перемежавшейся зарослями кустарника. Запутанные будто заграждения, они представляли собой настоящие дебри, уходившие вглубь на тысячи миль. Даже с огромного расстояния было различимо, насколько могучие там растут деревья, и как раскидисты их исполинские кроны.

Завороженные созерцанием, вновь прибывшие ненадолго позабыли, где находятся. Даже видавшая виды Элеонора и надменный, обычно игнорировавший все прекрасное Сайлус. Рассматривая пейзаж, они по достоинству оценивали его красоты, сохранившие нетронутость уединенной планеты. К действительности их вернул Карлерих. По-прежнему сопровождая всех четверых, он предложил им пройти в свои комнаты. Располагались они на этом же ярусе. Обзорных окон там, увы, не было, однако новичкам никто не мешал возвращаться сюда и наслаждаться открывавшейся панорамой. В разную погоду она преображалась. Яркое солнце подсвечивало травы, пробуждая в них скрытую энергию жизни. Чашечки цветов горели удивительным огнем, а вереск преумножал звездный свет мириадами своих сиреневых веточек. В шторма же черные тучи неслись дикими мустангами, гонимыми по небу зовом грохочущих молний. Тяжелые ливни осыпались на прерии алмазными каплями, а затем над ними протягивалась огромная, пламеневшая всеми цветами радуга. Уходя за горизонт, она указывала, где зарыл свои сокровища Лепрекон, и стелила небесную дугу для воздушных, бежавших туда облачных колесниц.

— Еще насмотритесь, — подытожил Карлерих красоты Гальтенузы. — Вы в Либератике надолго.

Комнаты походили на номера в отеле, совмещенные с медицинскими боксами. Удобства сочетались здесь с аппаратурой, снимавшей телеметрические показания, а воздух фильтровался как в каюте звездолета.

— Не беспокойтесь, за вами никто не подсматривает, — пояснял новичкам Карлерих, поочередно вселяя их в свои жилища. — Все данные фиксируются только цифрами, никаких оптических глаз и сквозных сканирований.

Помимо него, каждого из новоприбывших сопровождал и медицинский работник, которому, в свою очередь, помогал робот. Точнее, мобильная станция, умевшая не только возить багаж, но и оказать первую помощь. Смахивающая на тумбу, она чинно следовала за медиком, пока тот устраивал новичков и рассказывал про распорядок дня.

В целом, карантинный блок напоминал санаторий, только для тех гостей, которые нуждались в серьезном лечении. Он не тяго-

тил, однако нарочито не походил на курорт, как бы подчеркивая, что гости здесь не для развлечения, а для дела. И первые процедуры не заставили себя ждать. Разведенные по боксам, новички прошли очередной этап обеззараживания, а потом и еще одну проверку. Она последовала в виде аэрозоли, распыляемой по всему помещению. Дышать ей было безопасно. Насыщая кровь, она помогала просвечивать ее излучением, выявлявшим определенные маркеры. Такие маркеры сверкнули бы яркими искорками, наткнись на них невидимые лучи.

Зеленый свет, зажегшийся под потолком, возвестил о благополучном прохождении контроля. Не выявив у новичков ничего подозрительного, им предложили легкий ужин, где сочетались вкусовые и диетические качества. Блюда предоставлялись на выбор, и все только на натуральной основе. Это же относилось и к напиткам. Любая синтетика исключалась, чему Эрвина, уставшая от промышленных полуфабрикатов, невероятно обрадовалась. Оценила это и Элеонора. Она-то уж знала толк в продуктах, и меню Либератики соответствовало самым высоким стандартам.

Закончив трапезу, все четверо почувствовали сильнейшую усталость. Накопившись за долгие сутки, она трансформировалась в неодолимую сонливость. Удобные кровати, оснащенные убаюкивающей вибрацией, так и звали прилечь. Устроившись на мягких изголовьях, новоприбывшие и не заметили, как провалились в сон.

Вторая порция аэрозоли последовала спустя полчаса. Это была другая аэрозоль, более густая и насыщенная. Заполонив все комнаты, она клубилась в них непроглядным туманом, в котором едва угадывались очертания интерьера.

— Все данные в норме, — доложил чей-то голос. — Уровень мозговой активности минимальный.

— Они точно не проснутся? — сурово осведомился Карлерих. — Я не желаю, чтобы получилось как в прошлый раз.

Стоя в контрольном центре, похожем на рубку флагманского корабля, он изучал информацию с десятков различных экранов. Одни показывали лица спящих, на другие выводились диаграммы и цифры их жизненных показателей.

— Причина была установлена. Больше такого не повторится, — заверил голос.

Как бы подтверждая его слова, центральный компьютер бодро пиликнул, докладывая об отсутствии аномалий. Бдительные сканеры выдавали положительное заключение.

— Тогда начинайте, — велел Карлерих.

В боксах раздался тихий гул, будто заработал грузовой лифт. Сквозь туман аэрозоли было не видно, что там происходит, однако

когда он развеялся, стало ясно, кто каждая из кроватей пуста.

Наутро Эрвина проснулась заметно посвежевшей. Каждая ее клетка словно налилась новой энергией, а тело едва ли не подпрыгивало от жажды деятельности. Удивляясь своим ощущениям, она с аппетитом позавтракала, а затем покинула бокс, благополучно пройдя утренний контроль. Первым, кого она увидела, был Руберт. Пройдя в коридоре колесом, он подпрыгнул и сделал сальто, закончив его идеальным приземлением. Этого ему показалось мало. Опершись на руки, он исполнил ногами несколько кульбитов, вращая ими как залихватский танцор.

— Что, и тебя распирает? — сообразив, что к чему, осведомилась Эрвина.

— Меня будто стимуляторами накачали, — сообщил, усмиряя пыл, Руберт.

— Нет, дело в другом, — пояснила объявившаяся Элеонора. — Это очистка на клеточном уровне. В нашем организме, так или иначе, накапливаются токсины. Во время сна они выводятся, однако не полностью и не у всех. Специальные процедуры позволяют максимизировать этот процесс, что и вызывает этот эффект бодрости.

— А ты откуда знаешь? — удивилась Эрвина.

— Во-первых, я уже проходила такую в семейной клинике, — улыбнулась Элеонора. — Во-вторых, я успела кое-что изучить. Если вы не заметили, наши интерфейсы теперь подключены к местной сети. Там отвечает дежурный оператор, а также хватает множества интересной информации.

Элеонора оказалась права. Пока все четверо спали, их дополненную реальность перенастроили. Теперь там появлялись извещения от медперсонала, а также обновился список контактов, где фигурировали ответственные сотрудники и Карлерих. А еще там размещался небольшой справочник, содержавший сведения о карантинном блоке, а также Либератике и Гальтенузе. Заработал и навигатор. Разумеется, исключительно в пределах яруса, подсказывая, где и что находится.

— Идем в обзорный зал, — предложил, осваиваясь, Руберт. — Согласно прогнозу погоды, там ожидается проливной дождь. Это обещает радугу, а до сих пор я видел ее только в рекламе на небоскребах. На моей планете весь климат подчинен сельскому хозяйству. Чего-либо природного там и в помине не осталось.

Девушки ничего не имели против. Обсуждая новые впечатления, все трое прошли туда, где вчера созерцали просторы прерий. Там они встретили Сайлуса. А еще они встретили троих новичков. Ночью прибыл второй звездолет, видневшийся теперь неподалеку от первого. Пройдя первичный карантин, его пассажиры были рас-

пределены кто куда, и трое из них очутились на этом ярусе.

Сайлус наконец-то обрел свою компанию. Один из новеньких, двадцати одного года от роду, оказался богатеем, прямо под стать ему. За Либератику его родители заплатили огромную сумму, и Сайлус не просто так проникся к нему душой. Сопоставив цифры, он справедливо предположил, что и здесь дело не обошлось без покупки места. Вздорный юнец, отличавшийся нездоровой худобой, тоже признал в Сайлусе своего, нарочито держась отдельно от остальных. Те же представляли собой довольно примечательную пару.

Девушка выделялась вьющимися волосами. Ее золотистые кудряшки рассыпались по плечам, давая фору любой химической завивке. Странно расставив руки, одну она держала вытянутой, а другой водила туда-сюда, будто зажимая нечто трепетное и неугомонное. Косые взгляды богатеев ее не волновали. Погруженная в свой мир, она прислушивалась только к его таинственным голосам.

Соседом кудрявой девушки был молодой человек, стриженый под боксера. Не иначе держа подмышкой что-то бесплотное, он перебирал в воздухе пальцами, а его губы странно шевелились, не то беззвучно насвистывая, не то обращаясь к невидимому собеседнику. Его отсутствующий взор выражал концентрацию, но при этом абстрагированность к окружающей реальности.

Первое впечатление складывалось таково, будто парочка чокнулась, а в медицинский блок попала на лечение. Ее поведение, однако, носило вполне адекватный характер.

— Робертола. Робертола дель Ностро. Довольно необычное произведение, из непризнанной классики. Исполняется редким сочетанием скрипки и волынки, — уяснила, что к чему, Элеонора. — Прямо скажем, на любителя, ибо многие волынку вообще не переносят. Но лично мне нравится. Похоже, эти двое знают толк в музыке.

Дополненная реальность позволяла многое, в том числе игру на музыкальных инструментах. Оперируя виртуальной скрипкой, видимой только самому исполнителю, можно было водить по ней виртуальным же смычком. Профессионалы, конечно, безоговорочно предпочитали подлинники, однако у цифровых копий имелись свои преимущества. Они использовались где угодно, в том числе в карантине, а извлекаемые звуки не докучали окружающим, раздаваясь исключительно для музыканта. Волынка от этого выигрывала в особенности, ибо многие и впрямь были от нее не в восторге. Образовав дуэт, молодые люди самозабвенно предавались своему занятию и при этом никого не раздражали. Особенно богате-

ев, которые их увлечения явно не разделяли.

Дождавшись, когда парочка доиграет, Элеонора завязала с ней непринужденный разговор. Пользуясь своей осведомленностью в музыке, она быстро нашла общий язык, и столь же быстро установила дружеский контакт. Затем представила Эрвину и Руберта.

— Сильвертина, — сделала реверанс кудрявая девушка.

— Джеральд, — приветливо кивнул молодой человек.

— На самом деле его зовут Годрициан, — хихикнула девушка. — Просто он стесняется.

— Сильви, я же просил… — с досадой поморщился ее компаньон.

— А что не так? — улыбнулась Элеонора. — Имя как имя.

— Да ладно! Какой нормальный родитель вообще назовет сына Годрицианом?! От него же за милю несет манией величия! — фыркнул стриженый парень. — Нет уж, я предпочитаю быть Джерри!

— Да, Джеральд Инглтон, — кивнула Сильвертина. — Так он и назвался, когда мы познакомились по пути сюда. Он прекрасно играет на волынке, а я давно искала себе подходящего партнера. Мы сразу подружились, чему я очень рада.

Сильвертина с детства увлекалась музыкой. Увы, в какой-то провинциальной дыре, где ее таланты оставались не востребованы. От природы открытая, она жила бесхитростной жизнью, глядя на мир распахнутыми глазами, и довольствовалась тем, что имела. Она не рвалась за достатком, не грезила о карьере и даже в отношениях не искала каких-то несбыточных идеалов. И все же у нее была большая мечта. То, к чему она по-настоящему стремилась, и ради чего могла пожертвовать тем немногим, что имела. Мечта о настоящих выступлениях на большой сцене. Только ради нее Сильвертина, когда ей исполнилось девятнадцать, решилась пойти в музыкальное училище, однако, к своему несказанному удивлению, получила приглашение в Либератику. Простая в общении, она регулярно подвергалась насмешкам. Нервозный худой парень, что летел с ней сюда на корабле, даже назвал ее блаженной. Сильвертина не обижалась. Она никому не навязывалась, и могла часами упражняться на скрипке, отрешенная от всего земного. Знакомству с Джерри она очень обрадовалась. Тот разделял ее самозабвенное увлечение музыкой, и они отлично дополняли друг друга манерой игры.

Джеральд, он же Годрициан Инглтон, был человеком другой породы. Это чувствовалось во всем, и казалось странным, чего он нашел в компании Сильвертины. Уверенный в себе, он не хлопал на мир ресницами, а в его фигуре сквозила скрытая энергия.

Энергия хищника, терпеливо поджидающего добычу. В свои двадцать два года он уже точно знал, что хотел, и намеревался получить это любой ценой. А хотел он совсем не того, чего желали от него другие. Волынка была его неразделенной страстью. Пренебрегая многим, он отдавался ей сполна, отчего и ощущал особую близость с Сильвертиной. В Либератику он не поступал — он туда сбегал. Сбегал от своей семьи, непременно желавшей видеть в нем достойного наследника. Оплатив ему университет, та рассчитывала на результат. Джеральд тоже на него рассчитывал, пользуясь возможностью пойти своим путем.

Уясняя, что к чему, Руберт нашел в истории пару несоответствий. Кто мешал Джерри послать всех куда подальше? Зачем такие сложности? Занимайся тем, к чему душа лежит, и всего делов.

— Не тогда, когда твоя семья владеет галактической корпорацией, — пояснила простодушная Сильвертина.

Вздохнув, Джеральд только рукой махнул, сожалея о своей былой откровенности. Проникнувшись к одаренной скрипачке, он наболтал ей гораздо больше, чем стоило.

— Погоди-погоди! — уцепилась Эрвина. — Инглтон мехатроникс инкорпорейтед. Не о ней ли речь?

Это название было ей хорошо знакомо. Да и не только ей. Означенная корпорация поставляла промышленную технику на уйму планет.

— Она самая, — проворчал Джерри.

— Ого! — присвистнул Руберт. — Тогда почему ты не с ними? — невольно кивнул он в сторону парочки богатеев.

— У Фростера с головой не в порядке. Вон у того желчного парня. Только и думает о биржевых спекуляциях, в которых, между прочим, мало что смыслит, — скривился Джерри, подразумевая попутчика со своего звездолета. — Что же касается Сайлуса, то мне и пяти минут хватило, чтобы понять, какой это редкостный козел.

Рекомендация, отпущенная в адрес надменного блондина, пролилась Эрвине бальзамом на душу. Ощутив к новому знакомцу расположение, она перестала поглядывать на него с затаенным недоверием. С ее точки зрения, это парень был очень даже ничего. Надо же, оказывается, и в такой среде встречаются приличные люди.

— А они знают, кто ты? — осведомилась Эрвина.

— Нет, — усмехнулся Джерри. — По мнению Фростера, я такой же придурковатый чудак, как и Сильвертина. И Сайлус, кажется, его разделяет. Представься я им, то-то бы у них рожи вытянулись.

— Одна уже вытягивалась, когда Сайлус узнал, что Элеонора — баронесса фон Геннингшафт, — ляпнул Руберт.

Ляпнул — ибо потому, что та сейчас свой титул не раскрывала.
— Что, правда? — настал черед Джерри удивляться.
— Отпираться не стану, — усмехнулась Элеонора. — Да и смысла нет. В конце концов, в Либератике все узнают, кто есть кто.

Вскоре музыканты вернулись к игре, однако на сей раз им внимала небольшая аудитория. По просьбе баронессы, они подключили к своим интерфейсам новых знакомцев, которым и исполнили Робертолу дель Ностро. Элеонора оказалась права. В том смысле, что это произведение и впрямь было на любителя. Эрвина дослушала из вежливости, стараясь не выдать себя выражением лица. К счастью, другие композиции понравились ей куда больше, в том числе и Руберту. Догадавшись, о чем они думают, Джерри и Сильвертина сыграли менее экстравагантные мелодии. Получалось у них действительно здорово, заставляя пересмотреть взгляды на дуэт скрипки и волынки.

День прошел под медицинским присмотром, перемежаясь на какие-то процедуры, трапезы и досуг. К услугам будущих студентов были спортивный зал, бассейн и интерактивный павильон, позволявшие с пользой провести время. Кроме того, в их распоряжении имелись аудиовизуальные развлечения, а также столы для тенниса и бильярда, не говоря об изобилии прочих неазартных игр. Умеренная физическая нагрузка всячески приветствовалась. Отдавая приоритет здоровью умственному, в Либератике не забывали и о здоровье телесном.

Технически, наука шагнула далеко вперед. Людям больше не требовалось регулярно тренироваться, чтобы поддерживать спортивную форму. С другой стороны, людям обеспеченным. Малоимущим биопрограммирование было банально не по карману. Страдая лишним весом, одышкой и прочими недугами, они вроде бы и жили в развитую эпоху, но при этом не пользовались многими ее благами. Подход Либератики, поощрявшей физкультуру, объяснялся рациональностью. За здоровьем студентов тщательно следили, однако без веских причин вмешательство в их естественные данные не допускалось. Введение препаратов, корректировавших вес и обмен веществ, считалось крайне нежелательным. Как дурное и питание, оно потенциально влияло на генетику, а к ней в Либератике относились весьма щепетильно.

Когда суточный цикл подошел к концу, теперь уже пятеро новых знакомцев разошлись по своим боксам. Троица сдружилась еще сильнее. Двое новичков неплохо с ней поладили, но во многом оставались на своей волне. Увлеченные музыкой, они постоянно находились вместе и выпрашивали у медперсонала настоящие инструменты. Их просили обождать до окончания карантина, ссыла-

ясь на устоявшиеся правила.

Кое о чем просил и Сайлус. Стараясь выделиться перед Фростером, он желал получить операционные данные из своей компании. Фростер жаждал биржевых сводок, и Сайлус тоже хотел явить деловую активность. Обоим было отказано. Доступ в Пространственную сеть исключался, без каких-либо оговорок. Хоть обрушение фондового рынка — никаких контактов с внешним миром. Цифровая безопасность Либератики охранялась точно так же, как безопасность биологическая. Сайлус и Фростер не скрывали неудовольствия, однако скорее для вида, чтобы показать свою важность и ущемление обстоятельствами. Эти двое не забывали подчеркивать, что не имеют с пятью другими ничего общего. И все же кое-что их объединяло. Неодолимая усталость, навалившаяся после ужина и очередной аэрозольной обработки. Не сговариваясь, все семеро отправились в кровать и заснули так же быстро, как и накануне.

Изучая поступавшие данные, Карлерих выглядел удовлетворенным. Недвижные лица спящих были для него как открытая книга. Не они сами, конечно, а цифры и диаграммы, бежавшие на многочисленных экранах. Стоя будто старший офицер на командном посту, Карлерих слушал доклады подчиненных и сравнивал их с компьютерными сводками.

— У двоих фиксируются недопустимые отклонения. Далеко за пределами погрешности. Их кривая растет, — озабоченно доложил мужской голос.

— Все правильно. Это непригодный материал. Так и должно быть, — невозмутимо отозвался Карлерих.

— Один объект демонстрирует высокую восприимчивость. Заметно больше обычного, — доложил женский голос. — Вероятно, какая-то ошибка. Рекомендую запустить цикл вторичной проверки.

— Выполняйте, — одобрил Карлерих. — Объект взять на дополнительный контроль.

Приказы выполнялись незамедлительно. Иерархическое подчинение не подразумевало дискуссий, хотя и не исключало выражение мнений. В частности, основанных на профессиональной квалификации.

— Психологическая совместимость оценивается как плохая. Прогноз на продуктивные отношения отрицательный, — судя по тембру, сообщил не то человек, не то компьютер. — Две ярковыраженные группы с условно определившейся третьей. Конфликтные ситуации неизбежны. Рекомендуется разделение по психотипам.

— Это не имеет значения, — отрезал Карлерих. — В перспективе.

Для тех, кто пройдет отбор.
— Возможны нежелательные осложнения, — осмелился заметить чей-то обеспокоенный баритон. — Прежде мы исключали подобные обстоятельства.
— Потому что прежде их не было, — напомнил Карлерих. — Внесены изменения. План адаптирован под текущие реалии. Руководство дало добро — это все, что вам нужно знать. Делайте свою работу. Решать предоставьте мне.
Сомнений больше никто не выражал. Голоса сообщали информацию, докладывали о готовности или же запрашивали подтверждение какой-либо операции. Карлерих продолжал лично просматривать вереницы данных. Он покинул свой пост лишь тогда, когда будущие студенты вернулись в боксы, даже не подозревая, что они вообще их покидали.

Сайлуса откровенно задевало, что баронесса отчего-то снизошла до простолюдинов, в то время как ей больше пристало бы общаться с крупными бизнесменами. Фростер тоже этого не понимал. Сперва он вообще усомнился, что Элеонора та, за кого себя выдает. Сокрушенно качая головой, Сайлус подтвердил ее личность. Он успел покопаться в Сети до карантина, и баронесса была настоящая, в полном соответствии со своим цифровым профилем. Фростер хмурился, желая понять, где тут собака зарыта. Строил предположения и Сайлус. Казалось бы, какая им вообще разница, но к этому их подталкивало уязвленное эго.

Поразмыслив, оба вообразили что разгадали, в чем тут дело. С их точки зрения, Элеонора Дивенхайм просто красовалась. Лебедь в стае лебедей ничем не выделяется, зато выглядит настоящим королем в обществе серых уток. В компании Сайлуса и Фростера баронесса не сияла бы ослепительной звездой, каковой она представляется тем убогим. Следовательно, ничего особенного в ее поведении нет. Элеонора не пренебрегает золотой молодежью — она наслаждается вниманием простолюдинов.

Рассудив таким образом, Сайлус и Фростер успокоились. Рассудили они, конечно, на основе своего мировоззрения, весьма далекого от реальности, зато позволяющего не ощущать себя какими-то недостойными.
— Она типичный маргинал, — умозаключил Фростер. — Необразованные люди постоянно интерпретируют это слово неправильно. Оно не означает странный, отверженный или чудаковатый, как та кудрявая, уже доставшая меня своей скрипкой дура. Это человек находящийся на стыке двух слоев общества. Принц крови, веселящийся в компании портовых грузчиков — маргинал просто эталонный. Баронесса фон Геннингшафт, видимо, совмещает ценно-

сти своей среды с противоречащими им ценностями чужой, и это доставляет ей особое удовольствие.

Думая, что выказывает эрудированность, Фростер аж раздулся от самодовольства, особенно когда заметил, что просветил Сайлуса. Исходя из собственного менталитета, он даже не подумал, насколько проще могла быть истина. Элеонора ни перед кем не красовалась и не желала стать звездой в окружении почитателей. Будучи порядочным человеком, она искала общества себе подобных, к которым самозваная золотая молодежь не относилась.

Третий цикл в карантине ничем не отличался от предыдущих, если не считать налаживания отношений. Ну или абстрагирования от них, учитывая разделение на "наших" и "не наших".

Ядром троицы становилась Эрвина. Бойкая и энергичная, эта целеустремленная девушка очень понравилась Руберту и производила хорошее впечатление на Элеонору. Манеры бы ей, конечно, получше, ну да это дело поправимое. Баронесса поможет ей обрести качества настоящей леди, а взамен получит хорошую подругу. Такую, с которой вполне можно провести несколько лет в Либератике. Что же касалось пары музыкантов, то они пребывали на своей волне, охотно общаясь с троицей, но предпочитая общество друг друга.

По-прежнему держались друг друга и "бизнесмены". Вот только у них назревала не дружба, а крысиная грызня. Скрытная, конечно, однако по сути неизменная. Мало-помалу они начинали выяснять, кто из них альфа, то есть превосходит другого в положении, и перспектива их отношений теплоты не предвещала. Все это Карлериху доложили подчиненные, а их прогнозы подтвердили аналитические компьютеры. Изучив суточные сводки, он уже хотел отдать приказ о ночной обработке, как вдруг в командном центре прозвучал сигнал тревоги.

Вызов поступил извне. В исследовательском комплексе Либератики возникла нештатная ситуация, требовавшая его личного присутствия.

— Это не может подождать? — поморщился Карлерих. — У меня адаптация новичков. Пошлите за моим заместителем.

— Уровень опасности одиннадцатой категории. Ваше участие необходимо, — твердо сообщил дежурный.

— Сколько?! — опешил Карлерих. — У вас там что, пробоина в наружном периметре?!

Его удивление было вполне объяснимо. Согласно шкале, высшим значением считалась цифра пятнадцать. Она означала прямую угрозу уничтожения Либератики.

— В каком-то смысле, — кивнул дежурный. — Генетическое зара-

жение второй степени. Действия объекта потенциально осмысленны. Он избежал изоляции и скрылся в технической зоне.
— Сейчас буду! — коротко отозвался Карлерих.
Чертыхнувшись, он велел подчиненным не начинать запланированных процедур. Сегодня новички остаются в боксах. Затем сел в транспортную капсулу и выдвинулся к месту происшествия.

Исследовательский комплекс был перекрыт. Полная изоляция не вводилась, однако вся активность тщательно отслеживалась. Блочная структура позволяла отделять проблемные участки, не нарушая функционирования всего научного центра в целом. Карантин объявлялся только там, где происходила утечка, зато объявлялся абсолютный. Все шлюзы герметично смыкались, перемещение персонала или грузов не допускалось. Коммуникации, не относившиеся к элементам безопасности, отключались и даже физически отсоединялись. Вторичные системы выводились из обращения. Все проходы непрерывно сканировались, улавливая самое незначительное движение. Секции и узлы просматривались как под микроскопом. Прибыв на место, Карлерих убедился, что все протоколы исполняются на должном уровне. Войдя в курс дела, он быстро сориентировался в обстановке и стал отдавать приказы.

Потенциальному заражению подвергся один из контролеров. Тех сотрудников, что выполняли надзор над процессами, лично проверяя возможные недочеты и уязвимости. Точная причина все еще была неясна. Безусловным считалось только следствие. Когда система распознала угрозу, он покинул секцию до того, как ее полностью изолировали. В данный момент он находился где-то в технической инфраструктуре, куда проник через аварийный люк. Разделенная на сегменты, та располагалась ярусом ниже и сейчас была заблокирована. Это позволяло гарантировать, что контролер не выберется за ее пределы. К сожалению, на этом хорошие новости заканчивались. Специфика инфраструктуры подразумевала ограниченные возможности мониторинга. В ней были слепые зоны и укромные уголки, не позволяющие решить проблему удаленно. Ситуация осложнялась излучением, вносившим помехи в работу автоматических устройств. Иными словами, справиться типовыми роботами, нажимая на кнопки из командного центра, возможным не представлялось.

Связи с контролером не было. Его персональный интерфейс не отслеживался, и сам он ничем не выдавал своего присутствия. Неавторизованное использование ресурсов не фиксировалось. Маячок, имевшийся у всех сотрудников Либератики, молчал, что наводило на определенные размышления. Сам по себе он обычно не деактивировался. В тех местах, где пространство не просмат-

ривалось напрямую, контролер мог находиться где угодно. Выполнить тотальную зачистку было проще простого, только ущерба инфраструктуре следовало избегать. Также стоило учесть, что контролера требовалось захватить если уж и не живым, то хотя бы достаточно пригодным для взятия анализов. Обдумывая стратегию, служба безопасности основывалась на этих двух важных обстоятельствах.

Четыре группы зашли одновременно с разных сторон. Размыкаясь, герметичные шлюзы пропускали их внутрь изолированной зоны, после чего немедленно смыкались вновь. Снаружи дежурили отряды зачистки, обеспечивающие нерушимость периметра. Любой, кто попытался бы несанкционированно выйти обратно, был бы уничтожен на месте. Распределив сектора, группы принялись методично проверять секцию за секцией.

На всех перекрестках, стыках и промежуточных выходах устанавливались контрольные пирамиды. Казавшиеся литыми, их многогранники обладали внушительным запасом энергии. Отслеживая окружающее пространство, они служили как форпостами, так и ретрансляторами. Связываясь друг с другом, они формировали устойчивые соты. Это позволяло передавать информацию за периметр, превозмогая помехи и блокирующее излучение. Через них же управлялись дозорные боты. Распределяясь кто куда, эти маленькие круглые машины неторопливо плыли в воздухе. Ощупывая все вокруг лучами, они отрисовывали объемную картинку, проверяя, не отличается ли она от заведомо известной. Это позволяло выявлять те объекты, которые умели маскироваться под другие или наводить дезориентирующее поле.

В каждой группе лично присутствовали два сотрудника безопасности. Любая техника считалась уязвимой для взлома и постороннего вмешательства. Утечка предполагала такую угрозу, особенно с учетом поведения контролера. Живые сотрудники обеспечивали лояльность машин, отслеживая их поведение в режиме реального времени. Также они принимали самостоятельные решения, если по какой-либо причине связь с командным центром прерывалась. Окруженные роботами, сотрудники составляли ядро группы, осуществляя общую координацию. На рожон они не совались, но и без них продвижение далеко не осуществлялось.

В проверенных областях, посреди тоннелей, узких коридорчиков и всевозможных проемов разворачивались отражатели. Это были гибкие, принимающие форму ландшафта рамы, генерировавшие тончайшее и при этом непроницаемое поле. В пространстве оно проявлялось в виде плоской сизой дымки, непреодолимой для физического тела. Его можно было только отключить, зная

импульсный код, либо пробить, приложив гораздо больше энергии, нежели содержалось в источнике питания. Прикосновение к полю вызывало разряды, расходившиеся по плоскости. Слабое прикосновение, ибо чем сильнее производилось давление, тем значительнее получалось противодействие. Объект не просто блокировался — он отбрасывался. В этом и заключался принцип работы отражателя, выраженный в соответствующем названии. Фонили они знатно, порождая сбои в чувствительной научной технике, отчего и применялись только по необходимости, когда того требовали обстоятельства.

Биологическая угроза роботам была нипочем, чего никак не скажешь о сотрудниках. Герметичные костюмы несколько сковывали их движения, зато обеспечивали надежную защиту. Защиту от того, чего они искали и очень надеялись не найти. Проверяя сектор за сектором, они непрерывно собирали образцы. Для этого их сопровождали специальные автоматические станции. Пропуская воздух через фильтры, они получали результат в режиме реального времени. Быстро анализировались и пробы с различных поверхностей, забираемые контактным способом. Конечно, проверить каждую плоскость было невозможно — во всяком случае, оперативно, — однако такой контроль позволял исключить активно распространяющееся заражение.

Методично проверяя все вокруг, какой-либо опасности станции не отмечали, что позволяло группам уверенно продвигаться вперед. Мало-помалу неисследованная зона сокращалась. Осмотренные и изолированные, ее секции оставлялись под надежным контролем, а количество слепых областей обнадеживающе стремилось к нулю.

Группы обыскали больше половины секторов, когда один из дозорных роботов засек какое-то движение. Сканирующие лучи уловили чью-то тень, нехарактерную для технического окружения; мимолетную, едва заметную, но все же достаточно различимую, чтобы летающий шар доложил об этом роботу-оператору. Тот, в свою очередь, проанализировал входящие данные и немедленно известил все четыре группы.

Глядя на карту, сотрудники безопасности быстро скоординировали действия. В подозрительную область тут же направилось кратно увеличенное число дозорных. Следом за ними выдвинулись и медлительные роботы, способные устанавливать отражатели. Пока еще не меняя маршрут, группы ожидали результатов, и те не заставили себя ждать. Ошибка исключалась. Движение фиксировалось вполне отчетливо, позволяя определить целевой сектор. Получив приказ из командного центра, группы выдвинулись на пе-

рехват.

Несмотря на полную готовность, первый контакт произошел неожиданно. Третья группа продвигалась по тоннелю, перекрывая боковые ходы, когда впереди что-то стремительно пронеслось. Освещение сбоило, частично отключенное, частично нарушенное мощным излучением. В этом спонтанном, призрачном мигании, перемежаемом провалами в кромешный мрак, видимость была далека от удовлетворительной. Группа едва зафиксировала чье-то появление, но она вообще ничего бы не заметила, не будь оснащена надлежащим образом.

Сотрудники и роботы пользовались волновыми сканерами, инфравизорами и лазерной подсветкой. Их дополняли ультразвуковые радары, установленные на отдельных машинах, а видеоизображение моделировалось компьютером. Не получая достаточно оптических данных, он как бы формировал их сам, основываясь на разнородной информации. Итоговая картинка транслировалась сотрудникам безопасности, в результате чего те могли видеть происходящее будто собственными глазами. А еще они могли просматривать запись. И запись эта внушала тревогу. Скорость, с которой пронесся объект, совершенно не соответствовала человеческому телу. Роботу или животному — да, но не ему. Даже накачанное стимуляторами, оно было не в состоянии обойти физиологический предел, если его, конечно, что-то не изменило.

Область поисков сокращалась. Продолжая отсекать подходы, отряды преследовали цель, и вскоре произошел второй контакт. На сей раз сомнений не оставалось — это был пропавший контролер. Дозорные роботы уловили его приближение заранее, что позволило группам сконцентрировать свое внимание на одном участке. Контролер пролетел гепардом, преследующим жертву. Впрочем, те бегать по стенам не умеют, и уж тем более по потолку. Контролер не цеплялся к ним как паук. Он просто пользовался скоростью. Совершая интенсивные скачки, он перепрыгивал с плоскости на плоскость, отталкиваясь от них не только ногами, но и руками. И скрылся быстрее, чем роботы успели выстрелить.

Это было скверно. Биологический анализ еще не проводился, однако и без него становилось ясно, что модификация человеческого тела налицо. Но только ли тела? Носиться как обезьяна и прыгать подобно гепарду — это еще полбеды. Вопрос заключался в осмысленности действий, в той или иной их степени. Отдавая приказы, Карлерих хмурился, и ответ вскоре получил. Преследуя контролера, группы сжимали вокруг него кольцо, пока не столкнулись с серьезным препятствием. В визорах роботов нарастало слепое пятно, походившее на засвет в приборе ночного видения.

Сперва возникшее как помехи, оно наливалось и ширилось, пока не стало очевидно, что это единый интенсивный процесс.

Приборы тревожно пиликнули, фиксируя лучевую аномалию. Уровень жесткого излучения резко подскочил, внося серьезные перебои даже в защищенную аппаратуру. Мощным машинам, обладавшим множеством степеней защиты, такое было бы нипочем, однако габариты не позволяли использовать их в столь ограниченном пространстве. Здесь, в техническом ярусе, использовались роботы поменьше, и возможности у них уступали непрошибаемым исполинам. Докладывая о помехах, они не утратили дееспособности, однако их эффективность несколько снизилась. Роботы могли продолжать операцию, вот только с живой материей все обстояло по-другому.

Сотрудники безопасности, следовавшие в составе групп, получили красное извещение. Выведенное прямо в зрительный нерв, оно звучало отнюдь недвусмысленно. Дальнейшее продвижение грозило им тяжелым повреждением тканей. Медицинские капсулы, разумеется, полностью их восстановят, но не тогда, когда излучение убьет тела до того, как подоспеет помощь. А именно к этому все и шло.

— Он повредил контур стабилизирующего реактора, — заключил Карлерих.

— Но это невозможно! — воскликнул кто-то из подчиненных.

— Возможно. Если знаешь как, — мрачно произнес Карлерих.

Сама по себе эта диверсия ничему не угрожала. Стабилизирующих реакторов было много. Распределенные по всей Либератике, они поддерживали необходимое квантовое состояние. Излучение также не представляло опасности. Во всяком случае, здесь и сейчас. Все сектора надежно изолировались, а многослойные защитные контуры блокировали и не такое. Осложнялось лишь выполнение задачи. Не желая рисковать дефицитным персоналом, Карлерих приказал остановиться. Сотрудники дальше не пошли. Заняв позиции там, где излучение оставалось приемлемым, они направили вперед только роботов.

Круглые разведчики, не без труда летевшие через слепое пятно, неожиданно стали выходить из строя. Мало что различая, они только и успевали зафиксировать какое-то движение, после чего безвозвратно отключались. Последним, что они успевали передать, был сильный удар. Кто-то из них резко крутанулся, прежде чем связь прервалась, иных отбрасывало прочь, а кто-то сразу обрушивался на пол, не иначе сраженный наповал.

— Он их сбивает, — разобравшись, констатировал Карлерих.

— У него же нет оружия, — растерянно напомнил один из опера-

торов. — Где бы он его взял?
— Гайки. Болты. Вентили. Любой металл. Он швыряет их с такой силой, что те разят как пули, — процедил Карлерих.
Обрывки видеозаписи, смоделированной компьютером, подтвердили его догадку. Дозорных поражали стальные элементы, сорванные откуда придется. Счет пошел на третий десяток, когда Карлерих решил не терять технику понапрасну. Дозорные боты остановились. Выстроившись заслоном, на контролера выдвинулись крупные роботы.

Попытка прорваться не стала сюрпризом, однако едва не увенчалась успехом. Подбежав с невероятной скоростью, контролер избегал попаданий, но заслон все же не миновал. Отражатель не подвел. Мгновенно развернутый прямо за роботами, что стало сюрпризом уже для контролера, он не позволил ему проскочить. Сизая плоскость отбила его как ракетка теннисный мяч. Как мяч он и отрикошетил, поистине чудом уворачиваясь от множества выстрелов. Это, впрочем, имело под собой логическую подоплеку. Чтобы не разнести все вокруг, роботы ограничивали поражающую мощь, ограничивая и расход энергии. К сожалению, из-за этого они контролера и упустили. Отброшенный отражателем, он сделал несколько скачков, восстанавливая равновесие, поднырнул гудящий выстрел и унесся в слепое пятно.

Доложив руководству Либератики, Карлерих все еще считал ситуацию подконтрольной. Неспешно тесня объект, роботы, в конце концов, загонят его в тупик, где и обезвредят. Одиночный, он не представлял чрезмерной угрозы. Автоматические станции по-прежнему не фиксировали активного заражения. Что бы ни поразило человеческое тело, оно оставалось в нем, ограниченное его хоть и изменившимися, но все же не бесконечными возможностями. К сожалению, все резко изменилось, когда приборы зафиксировали еще одну аномалию. Температура в тоннелях стала возрастать. В воздухе появились примеси, говорившие о выбросах из различных контуров. Затем, один за другим, запиликали сигналы тревоги. Их подавала аппаратура ближайшего энергетического узла.
— Что происходит? — спросил кто-то из старших сотрудников.
— Опустить аварийные заслонки! Откачать атмосферу! — резко приказал Карлерих.
— Но это его убьет! Образец надлежит взять живым! — опешил его помощник.
— Он сейчас взорвет энергоузел! — рявкнул Карлерих. — Исполнять! Живо!

Тоннели заполонил резкий свист. Заполонил в один миг, ог-

лушительно и повсеместно. Утягиваемый в трубы, воздух улетучивался с огромной скоростью. Фактически, его просто вырвало, едва не посбивав с ног сотрудников безопасности. Их удержали магнитные захваты и сопровождающие роботы. Всего несколько секунд — и в заблокированной зоне воцарился вакуум. Сотрудникам он не угрожал. Их герметичное облачение позволило бы находиться и в открытом космосе, чего никак не скажешь о контролере. Карлерих достаточно его рассмотрел, чтобы принять такое решение. Лицевой экран беглеца был поврежден, то ли в процессе скачков, то ли в результате исходного инцидента. В комбинезоне также наблюдались бреши. Лишенный воздуха, он быстро задохнется, чем автоматически решит назревавшую проблему. Вот только она, вопреки этой логике, не решилась.

Ожидая неминуемой асфиксии, Карлерих не удивлялся движению цели, только оно что-то затягивалось, да еще принимало более интенсивный характер. Прошло несколько минут, прежде чем стало очевидно — что-то здесь не так. Продолжая наступать, роботы внезапно показали контролера. Тот носился с головокружительной скоростью, ничуть не утратив прежней прыти.

— Быть того не может! — теперь воскликнул уже сам Карлерих.

— Как же он дышит?! — поразился, разделяя его изумление, помощник. — Он же не может не дышать!

Сигналы тревоги с энергоузла пошли лавинообразно, говоря о том, что может, да еще как. Замыкая силовые контуры, контролер фактически направлял его мощность обратно, то есть вызывал замыкание и общий перегруз. Аварийный сброс помог бы избежать худшего, только он был недоступен из-за полной изоляции. Концентрация свободной энергии резко нарастала. Начиная разрушать оболочки, спонтанные выбросы зашкаливали. До катастрофы остались считанные минуты.

— Протокол один! Полное обеззараживание! — громыхнул Карлерих.

Пламя, ударившее в тоннели, не щадило никого. Сотрудники безопасности едва успели спастись, пользуясь защитным колпаком роботов. Разработанный как раз на такие случаи, он расправлялся подобно палатке и надежно защитил их от экстремальной среды, бушевавшей в окружающем вакууме. Те же, кто не располагал таким убежищем, шансов уцелеть не имели.

Поражающий эффект обеспечивала особая смесь. Распыляемая повсеместно, она заполоняла пространство, а затем единовременно воспламенялась интенсивным излучением. Температура горения была такова, что это обеспечивало уничтожение любой органики. Защитные комбинезоны выдерживали всего несколько

секунд, а потом вспыхивали как свечки. Тело, находившееся внутри, сгорало заживо. Сектор налился свечением, похожим на то, что порождается атомным взрывом. Оно не просто выжигало все подряд — оно пропекало и прокаливало. Те органические соединения, что не воспламенялись, испарялись и распадались. Живые клетки, бактерии и даже вирусы — слепящий огонь пожирал абсолютно все.

Неорганика тоже страдала. Высокие температуры разрушали изоляцию и оплавляли металл. Тугоплавкий вполне выдерживал такое испытание, однако он присутствовал не везде. Многочисленные элементы технической инфраструктуры просто не могли состоять исключительно из него. Полное обеззараживание наносило им ущерб, иной раз довольно серьезный, однако из двух зол выбирают меньшее. Предотвращая взрыв энергоузла, Карлерих предпочел умеренное разрушение разрушению более масштабному. Такому, что затронуло бы сразу несколько блоков научного центра и даже сказалось на всей Либератике.

Протокол один не подвел. Цель была уничтожена, и грядущую катастрофу удалось предотвратить. К сожалению, побочным эффектом стало то, что для анализа почти ничего не осталось. Обугленные останки не представляли научной ценности. Ведь именно ради нее Карлерих избегал кардинальных мер. Захваченный живым, контролер был бы уникальным образцом, способным дать множество важнейших ответов. Мертвым он тоже пригодился бы, хотя и в куда меньшей степени. А вот из пепла уже ничего особо не выжмешь. Так, несколько разрозненных молекул и малозначимых образцов. Не стесняясь в выражениях, Карлерих убедился, что опасность миновала. Лишь тогда, передав командование заместителю, он покинул пост и отправился лично доложить обо всем руководству Либератики.

Один пропуск ночных процедур — это еще куда ни шло, но два подряд осложняли адаптацию новичков, ставя ее под угрозу. И все же их опять пришлось отложить, поскольку на все подобные действия был наложен временный запрет. Не зная, в чем точно дело, экспертная комиссия ввела мораторий на любое биологическое вмешательство, к каковому относилась и адаптация. Пока инцидент с контролером не получит внятного объяснения, она не желала рисковать. Новые вспышки были ни к чему, особенно если они произойдут в куда более уязвимой зоне Либератики.

Обитатели боксов ничего не заметили. Они ведь даже не подозревали, что во время сна покидали свои постели, отчего распорядок в карантинном блоке выглядел привычным. Немногочисленный медперсонал не вмешивался в их досуг, приглашая только

на очередной скрининг. Роботы и вовсе пациентов не беспокоили, выступая исключительно в качестве сервисных машин. Новички, разумеется, не знали, что автоматические уборщики, носильщики и официанты сканируют их практически непрерывно. Сбор данных велся настолько искусно, что ему могли бы позавидовать лучшие сыщики в галактике. Не мешая новичкам вести обычную, в рамках карантина, жизнь, автоматическая аппаратура накапливала об этой самой жизни максимум информации. Любой жест, слово или эмоциональная реакция становились предметом тщательного изучения. Еще внимательнее изучался биоматериал, попадавший в накопители уборщиков. Волосы, частички кожи и слюны имели огромное значение, поскольку служили дополнительными маркерами эффективности процедур. Прежде чем допустить новичков до обучения, в Либератике точно хотели знать, не будет ли в том ошибки.

Процедуры удалось возобновить лишь в последний день из минимальных семи. За процессом, как обычно, присматривал лично Карлерих. За ним же оставалось последнее слово, выпускать новичков из карантина или же принять какое-то иное решение.

— Выпускаем, — велел он, вдумчиво изучив поступившие сводки.

— Адаптация едва ли проведена наполовину, и то с большим перерывом, — осмелился напомнить старший оператор.

— Я это помню, — прохладно отозвался Карлерих. — Я лишь не нахожу достаточно оснований для задержки. Новички здоровы. За исключением уже известных, никаких недопустимых отклонений не выявлено.

— Но они не прошли полный курс, — поддержал оператора его собственный помощник.

— Это не критично, — повел ладонью Карлерих. — Вся суть первого года обучения в том, что мы уже начали здесь. Ничего, наверстают.

Согласны были не все. С научной точки зрения, недостаточно заложенная база могла породить серьезное и не сразу распознаваемое отклонение. При иных обстоятельствах подчиненные возразили бы более настойчиво, а то и вовсе апеллировали к руководству Либератики, однако на сей раз они промолчали. Они знали, чем диктовался приказ Карлериха. Инцидент с контролером изрядно потрепал ему нервы. Ответственный за безопасность, с одной стороны он не хотел допустить еще одного прокола. С другой, ему еще меньше хотелось сорвать глобальный график. Взамен утраченных, Либератике требовались новые кадры, причем значительнее, чем прежде. Притормозить процесс их восполнения было бы крайне нежелательно.

Решение экспертной комиссии позволяло Карлериху допустить нестандартное прохождение адаптации. Комиссия выявила, что стало причиной поведения контролера. Точнее, она определила, что точно к ней не относилось, а это существенно уменьшало круг затронутых процессов. Пребывая в карантинных боксах, новички в принципе следовали особым стандартам Либератики. Многое из того, с чем постоянно имели дело студенты, сотрудники и преподаватели, их вообще никак не затрагивало. Иными словами, если внутри и была какая-то проблема, она точно не приходила извне. Вводить избыточные ограничения для прибывавших не имело смысла. Интегрируя определенные новшества, руководство Либератики остро нуждалось в дополнительном материале, отчего Карлерих наверняка действовал с его ведома и одобрения. Сотрудники изоляционного блока не стали оспаривать приказ. Выполняя свои обязанности, они запустили финальные протоколы адаптации. Наутро обитателям боксов объявили, что карантин благополучно завершен.

Ворота медицинского изолятора открылись не сразу. Сначала всем новичкам вернули их одежду и личные вещи. Досконально проверенные, те содержали не больше угрозы, чем мороз для снеговика, и выдавались по прямому назначению. В Либератике не требовали единого стандарта в униформе. Во всяком случае, на первом курсе. Студентам дозволялось носить что угодно, в рамках отсечения совсем уж вопиющего. Дефицит гардероба им не грозил, отчего малоимущим волноваться не приходилось. Специальный каталог предлагал довольно широкий выбор одежды. Расширяясь по мере необходимости, он становился доступен сразу же по вселению в жилые корпуса Либератики.

Облачившись кто во что желал, новички прослушали заключительную лекцию о правилах поведения в университете. Вкратце, они сводились к тем же, что и в одежде: живи и дай жить другим. Всячески поощряя индивидуальность, Либератика никому не позволяла ее нарушать. Для шумных развлечений существовали отдельные часы и отдельные же места, равно как для сна и спокойного досуга. Предоставляя все для обучения, развития и отдыха, в университете следили, чтобы на личное пространство студентов никто не посягал. Травля и дискриминация также не допускались, и вполне себе на деле, а не на словах, в отличие от многих других учебных заведений. Либератика оставляла за собой право определять, что является свободой самовыражения, а что оскорблением и ущемлением других.

Заключительным действием стал легкий перекус в духе раннего, наступившего до обеда полдника. Это наводило на сообра-

жения, что новичкам какое-то время будет не до приема пищи, о чем их, в общем-то, и предупредили вежливые сотрудники. Тяжелых блюд не предлагали, зато чая, кофе, тостов и салатов имелось в изобилии. Основы диетического питания голодания не подразумевали.

И вот, наконец, настала минута расстаться с изолятором. Красную дорожку, правда, не расстилали, и бравурная музыка не играла. Новичков поджидала овальная капсула, до мелочей похожая на предыдущую. А может, это и была она, только на сей раз возле нее не стоял Карлерих. Эрвина, Руберт и Элеонора уселись вместе. Оживленные, они блестели глазами и негромко делились впечатлениями от грядущего. Рядом, но все же отдельно, устроились Джерри и Сильвертина. Кажется, на обоих накатило вдохновение, и оба сочиняли присущую случаю мелодию. Это заставляла предположить их некоторая — больше, чем обычно, — оторванность от реальности.

Поодаль, нарочито особняком, расположились Сайлус и Фростер. Лица у них были как на парад — кисловатые, с примесью плохо сдержанного раздражения. Открытие врат в Либератику им отравило собственное чванство. Выделываясь, Фростер чувствительно задел Сайлуса, причем намеренно, пытаясь доказать свое превосходство. Тот в долгу не остался и оскорбительно — это он умел — поддел своего тощего приятеля. Оба едва не сцепились, если уж и не на кулаках, то в словесной дуэли, однако посадка в капсулу прекратила занимавшийся конфликт. И все же пресловутые врата не открылись. Сомкнув раздвижные двери, капсула ушла в тоннель.

Как оказалось, путешествие на малом транспорте было в Либератике обычным делом. Поистине огромная, она состояла из нескольких смежных комплексов, между которыми в принципе не ходили пешком. Обитая в жилой зоне, студенты отправлялись на занятия в пассажирских капсулах. На них же они прибывали в зону отдыха. Научный комплекс университета учащиеся посещали куда реже, особенно на первых порах, а в служебных, посвященных исключительно функционированию заведения, не бывали вовсе. Большие и малые, капсулы доставляли их куда угодно, в рамках установленных ограничений. Проходя через шлюзы и ныряя в тоннели, подчас они носились с огромной скоростью, позволяя преодолевать и впрямь внушительные расстояния Либератики. Покинув карантинный блок, капсула с новичками, петляя, летела довольно долго, прежде чем вокруг полился яркий свет.

Центральную часть университета занимал огромный парк, предназначенный для эстетического наслаждения и отдыха. Рас-

кинувшись на несколько миль в поперечнике, он состоял из различных, искусно оформленных и ухоженных зон. Здесь росли многие хвойные деревья, у чьего подножия стелились белый мох и сиреневый вереск. Преимущественно вечнозеленые, они тянули корни среди опавших шишек и источали неповторимый аромат свежей смолы. По соседству, разделенная журчащей речкой, шелестела березовая роща. Задорная будто юная дева, она весело белела стволами и шуршала множеством сережек, встряхивая ими в беззаботном воздушном танце. Над рядами кленов задумчиво возвышались могучие дубы. С их высотой соперничали лишь секвойи, тянувшиеся к небу из хвойного леса, да отдельные представители джунглей, чьи лианы свисали в противоположной части парка.

Нашлось место и лугу. Просторный, изобилующий цветами, он разделялся только дорожками, проложенными для удобства отдыхающих. Через ручейки, звеневшие в травах, были перекинуты мостки. Миниатюрные прудики, окруженные камышом и осокой, полнились кувшинками и радужными рыбками. На отдельных полянках колосились злаки, растущие исключительно для разнообразия. Здесь же радовались солнцу незабудки, образуя иной раз целые лазурные полянки. Полянками встречались и колокольчики, цветущие гораздо чаще, нежели положено в природе. Цветение васильков, маков, клевера и ромашек тоже отличалось от обычного, причем как частотой, так и количеством.

Для садовых растений были выделены газоны и клумбы. Они составляли обособленную часть парка, где били многочисленные, не присущие дикой природе фонтаны. Порой, очень большие фонтаны, в чьих водах привольно ощущали себя крупные рыбы. Безобидные, они отливали плавниками и чешуей, смахивая на пресловутую Золотую рыбку. Исполнять желания они, конечно, не умели, зато эстетическое удовольствие очень даже приносили, особенно когда изволили показываться из плескавшихся вод.

Рыбы водились и в каналах, выполнявших ту же разделительную функцию, что и речки. Склоняясь к бегущей ряби, плакучие ивы купались в ней огромными шатрами. В их густой тени находили пристанище не только стайки мальков, но и важные речные исполины. Там, в глубине тихого омута, сокрытые не только ветвями, но и темной водой, обитали сомы, и там же таились несметные, иногда завораживающе мерцавшие сокровища. Разумеется, ненастоящие, а услаждавшие взор точно так же, как услаждали его декоративные фонари, подсвеченные фонтаны и гроздья гирлянд, вплетенные прямо в ветви деревьев.

Скамеечки, автоматы с напитками, информационные терминалы и прочие блага цивилизации предлагались в парке повсеме-

стно, но были искусно вплетены в его живую структуру. Павильоны выстраивались так, чтобы гармонично вписываться в окружающую среду, а различные площадки еще больше дополняли этот замысел, позволяя сочетать урбанизацию с природным великолепием. Там, где горизонтальное озеленение становилось невозможным, наступал черед висячих садов, навесных кадок и засаженных лоджий. Скоростные лифты проносились через вереницы кустарников и цветочных посадок. Низвергаясь с высоты, шумели в стеклянных трубах искусственные водопады, наполняя прохладные, дарившие живительную влагу бассейны. Впрочем, вертикальные конструкции относились к зданиям, видневшимся по периметру парка. Многочисленные и разнообразные, они также производили достойное впечатление.

Каждый комплекс университета граничил с парком в своей стороне. Жилой располагался на западе, выстроенный в виде серии небольших корпусов. Небоскребов здесь в принципе не было. Либератика предпочитала ширь, раскинувшись далеко окрест, а также глубь, куда забиралась сонмом технических помещений. Высотные здания ограничивались парой десятков этажей, одним из которых была южная башня карантинного изолятора, а в ее соседке располагались обычные палаты. Башен жилого комплекса также насчитывалось две. В первой обитали студенты предпоследнего курса обучения. Во второй — последнего. Остальную жилую площадь составляли двухэтажные дома, упорядоченные в тихие, обсаженные зеленью кварталы. Напоминая старинные городские пригороды, они и впрямь имитировались под таковые.

Учебный комплекс раскинулся на востоке. В нем было три высотных здания, зато этажностью несколько поменьше. Приземистость корпусов компенсировалась их шириной. Иные представляли собой целые мини-города, соединенные множеством внутренних двориков, аллей и улочек. Там ездили миниатюрные машинки, похожие на кары для гольфа, и даже ходил свой поезд, соединявший учебный комплекс с научным. В отличие от парка или жилищ, аудитории не изобиловали зеленью и нашпиговывались техникой. Она была здесь повсюду, в виде камер, сенсоров, умных дорожек, проекторов и голографических экранов. А еще здесь были роботы. Множество роботов самых различных форм и модификаций, иной раз удивлявших даже видавших виды студентов. Это машинное изобилие встречалось повсеместно, присутствуя, в том числе, и в воздухе. Дроны и коптеры свободно летали между корпусами, приземляясь и взмывая по каким-то своим делам. Появляясь из труб и тоннелей, они туда же и уносились, хотя временами кружили и зависали будто без всякой причины. Искус-

ственная жизнь здесь поистине кипела, но вся она была посвящена жизни настоящей, а именно процессу ее умственного роста и обучения.

В южной части Либератики возвышались не только медицинские высотки. Этот комплекс посвящался более широким задачам, нежели здоровью студентов и персонала. Серебрясь внушительными куполами, там располагались павильоны, где содержались разные животные. Правда, представленные не великим многообразием, а только определенными, выбранными по неким соображениям видами. В отличие от коммерческого зоопарка, в университете был скорее виварий, нежели полноценная коллекция фауны. Биология была неотъемлемой наукой Либератики, внимания которой уделялось не меньше, чем квантовой физике. Здешние ученые постоянно совершенствовали свои познания в генетике. Пока студенты любовались на приматов, кабанов, рептилий и дельфинов, специалисты делали свою работу. Размещенные с комфортом, животные чувствовали себя хорошо, однако о конечной цели их содержания никто не распространялся. Научная часть Либератики вообще была под секретом. Туда допускались только студенты последних курсов, а для остальных существовал южный комплекс, где они имели дело с биологией и медициной.

Северная, научная часть университета, отличалась центральным, увенчанным шпилем зданием. Остальные стояли вокруг как дети, подступая к родителю в несколько возраставших ярусов. Их зеркальные, порой причудливо витые стены не позволяли рассмотреть, что творилось внутри, зато главный шпиль хорошо просматривался со всех сторон. Это была самая высокая точка Либератики, где все время кружили облака. То белые, то сизые, они периодически меняли цвет, а воздух вокруг дрожал, словно там нарушалась ткань самой реальности. Иногда, без какой-либо закономерности, через них пробегали молнии, спрайты и эльвы, и тогда возле шпиля создавалась иллюзия космического пространства. Там, среди зданий научного комплекса, также сновали роботы, но обычно очень громоздкие, похожие на погрузочные модули космопортов. Маленькие же не объявлялись, как будто опасаясь, что их затянет туда, в разноцветные облака, порой и впрямь напоминавшие засасывающий водоворот.

В центральной части парка раскинулось круглое, с бухточками, озеро. Обрамленное деревьями и дорожкой, оно еще раз обрамлялось технологическим поясом, на поверку оказавшимся транспортным узлом. Оттуда, выныривая из шлюзов, появлялись пассажирские капсулы. Оттуда появилась и капсула с новичками, доселе следовавшая через подземные туннели. Жадно рассматри-

вая окрестности, Эрвина и остальные внезапно поняли, что оказались не единственными, кого сегодня приняли в Либератику. Скорее, последними. Поднимаясь над шлюзами, капсулы делали круг возле озера, а затем, выстраиваясь в цепочки, везли своих пассажиров в одно место. Этим местом была прямоугольная площадь для собраний, проводившихся в присущей случаю обстановке.

Новичков оказалось довольно много — около двух тысяч человек. Впрочем, в масштабах обитаемого космоса это выглядело каплей в океане. Прибывая разными рейсами, до поры все они находились в карантинном блоке, просто в разных секциях и на разных ярусах. Звездолеты Либератики собирали их по всей галактике, забирая с пересадочных узлов и доставляя к началу учебного года, кого-то раньше, кого-то позже. Эрвина и компания прилетели под самый конец, отчего едва успели пройти карантин. Внезапная многолюдность стала для них сюрпризом, хотя и так было ясно, что в университете они станут обучаться не одни.

Озираясь, новички глазели друг на друга и по сторонам. Площадь, вымощенную розовым мрамором, окружали кусты сирени, жасмина и жимолости. Промеж них, одетые в лиственное убранство, выглядывали искусные изваяния, словно нарочно расположенные таким полускрытым образом. За кустарником, поодаль, тянулись кроны деревьев, а над их кромкой виднелись купола нескольких крупных зданий.

С одной стороны площади располагалась парковка, где приземлялись пассажирские капсулы. С другой она упиралась в возвышение, похожее на театральную сцену, только открытую и без декораций. Перед ним, выстроившись стройными рядами, стояли молодые люди в форменных двухцветных — синий с красным — костюмах. Как оказалось, студенты последнего курса, пришедшие поприветствовать новичков Либератики. Их лица озаряли приветливые улыбки, но уста хранили молчание.

Жадно изучая окрестности, Эрвина невольно отметила возраст новичков. Выглядели они, конечно по-разному, иные стараясь добрать солидности за счет бороды, а другие нарочно прикидываясь моложе, нежели есть на самом деле. И все же это была иллюзия, косметическая и напускная, которую наметанный взгляд Эрвины неплохо распознавал. Сказывалась работа в общепите, где от совершеннолетия клиента порой зависело довольно многое. Обернувшись к Элеоноре — этому ходячему справочнику по Либератике, — она задала вопрос и получила на него содержательный ответ.

Как правило, высшее образование не привязывалось к количеству лет. Его получали все, всегда и везде. Конечно, львиную до-

лю абитуриентов составляла взрослеющая молодежь, но встречались и дети-вундеркинды, поступавшие совсем юными. Поступать доводилось и старшему поколению, по разным на то причинам. Иначе говоря, соседством малых и зрелых в ВУЗах было никого не удивить. Здесь же удивляло обратное — его отсутствие. В Либератику принимали только юношей и девушек от семнадцати до двадцати трех лет, никогда и ни для кого не делая исключений.

Гадая, чем вызвана такая особенность, смахивавшая на дискриминацию, Эрвина хотела задать еще один вопрос, но в этот момент заиграла музыка. Посмотрев на сцену, она увидела, что вдоль нее заискрили дорожками фейерверки, а наверху появились какие-то люди. Как и студенты последнего курса, они были облачены в красно-синие костюмы, только подчеркнуто делового фасона, с черными вставками и оторочкой. Отличались они и возрастом, в большинстве своем выглядя весьма почтенно. Поднявшись откуда-то из-за сцены, они расположились разделенным полукругом, в центр которого вышла небольшая группа. В ее движениях сквозило достоинство, а в облачении не доминировали фирменные цвета. Дополненная реальность, включенная в режим справки, подсказала новичкам, что это руководство Либератики.

Первым заговорил Карлерих, появившийся вместе с центральной группой. Новичкам он уже был известен, поскольку лично встречал их со звездолетов и провожал в медицинский изолятор. Исполняя роль конферансье, он вкратце напомнил, что отвечает здесь за безопасность, всего университета в целом и каждого его обитателя в отдельности. Поздравив собравшихся с тем, что отныне они стали первокурсниками, Карлерих начал знакомить их со своими коллегами.

В полукруге собрался основной преподавательский состав. Здесь были заведующие кафедрами, профессора и доценты. Они выходили по очереди, и каждый обращался к новичкам, хорошо слышимый во всех уголках площади. Чинно представляясь, они приветствовали будущих учеников, с которыми совсем скоро увидятся, и давали им напутствие с оттенком своей специальности. Приветливые, но сдержанные, они были немногословны. Более пространно выражался только руководящий состав. Познакомив первокурсников с преподавателями, Карлерих оставил его напоследок. Каждый из руководства отвечал за один из комплексов Либератики, и каждый произнес свою объемную речь.

Жилым комплексом заведовал невысокий мужчина по имени Остиан Брегоунт. Его темные волосы были зачесаны назад, а вокруг тонких губ красовалась аккуратно подстриженная эспаньолка. Вкрадчиво-обходительный, он был одет в серый костюм, до-

полненный коричневыми туфлями. Расписывая будни студенческого быта, свои слова он дополнял выразительной жестикуляцией. Он обещал комфорт и уют, решение любых вопросов и лучшие годы, на которые Либератика станет студентам настоящим домом. Неискушенный взгляд находил его приятным и явно нестрогим человеком, однако Элеонора так не считала. Поднаторевшая в светском обществе, она за версту чуяла жесткий типаж, умело производивший обманчивое впечатление. В случае чего, рассчитывать на снисходительность Брегоунта наверняка не стоило.

Медицинский комплекс возглавлял степенный седой муж. Не просто седой — белый, будто его волосы обесцветили при помощи химии. Его светлый костюм походил на больничный халат, не то покроем, не то длинными полами. Тонкие ухоженные пальцы отличала чувствительность нейрохирурга. Хотя все операции давно выполняли роботы, он и впрямь был практикующим врачом. Он даже представился именно как доктор Стефано Ярколич. От лица своего ведомства он обещал всем новичкам здоровье и долголетие, гарантируя неусыпную заботу и самое искреннее внимание. Руберт отчего-то поежился. Этот доктор напомнил ему врачей картеля. Те и впрямь гарантировали пациентам здравие, однако временами оно достигалось за счет здравия других. Донорство тканей, практикуемое клиниками вроде "Баргезе", и выращивание органов не всем было по карману. Черная трансплантология не утратила своей актуальности, предлагая то же самое по более сходной цене.

Научным комплексом заправляла степенная зрелая женщина, чьи волосы были заколоты под нечто среднее между большой пилоткой и военным беретом. От ее строгого лица прямо-таки веяло умом, а от крепкой фигуры энергией. Это было и неудивительно, учитывая, что она имела звание академика, отмеченного несколькими мировыми премиями. Имя Юбеллы Аперхоун хорошо знали в ученых кругах, и оно обладало достаточным весом, чтобы к нему прислушивались. Ее фиалковый костюм больше походил на лабораторный комбинезон, перешитый для официальных встреч. Слова она произносила без всяких любезностей и только по существу. Приветствуя новичков, она сказала, что будет ждать их с нетерпением, когда однажды те переступят порог ее вотчины. На первых порах они нечасто станут видеться, но однажды их жизнь изменится раз и навсегда. Эрвина отчего-то ей верила. Эта женщина явно знала, что говорила, и словно заранее видела будущее каждого ученика.

Предпоследней выступила декан университета, Мартьяла Дормербруг, возглавлявшая старейший из его факультетов. Био-

физика стала основой Либератики, положив начало изучению и других наук. Квантовая физика, биология, астрофизика, химия, информатика — их перечень постоянно расширялся. Не так давно к ним присоединились медицина, астрономия, нанотехнология и робототехника, а также добавились другие, более общественные специальности. С некоторых пор Либератика стала готовить не только ученых и врачей, но и юристов, экономистов, психотерапевтов, политологов и искусствоведов, стараясь охватить все сферы общественной жизни. По этой причине она начала растить и деятелей культуры. Прославленная успехами выпускников, отличившихся на самых разных поприщах, Либератика по праву ими гордилась, но своими корнями по сей день уходила в биофизику. Этот факультет оставался фундаментальным, а его глава неслучайно занимала пост проректора.

Декан Дормербруг выделялась на фоне своих коллег. В отличие от степенной ученой или седовласого врача, прямо-таки олицетворявших свой род занятий, она выглядела утонченной леди. В реальности невысокая, она казалась длинноногой блондинкой за счет элегантного платья и мастерски подобранных туфель. Ее макияж выглядел безупречным, а черты лица обладали неповторимым обаянием. В то же время в них читалась власть. Твердая власть и неколебимая решимость. Эта женщина точно знала себе цену, и та была высока. Обещая первокурсникам великое будущее, она обещала и тяжкий труд, через который те обязательно пройдут до самого конца. Ей поверили все, включая Фростера и Сайлуса. Эта леди заставит каждого выпить свою чашу сполна, чтобы однажды они стали достойными выпускниками Либератики.

Заключительное слово взял ректор, доселе хранивший непроницаемое молчание. Представленный Карлерихом, он шагнул вперед, привлекая к себе общее внимание. Впрочем, он и так его привлекал. Его крупная фигура обладала атлетической крепостью, и от нее веяло силой не столько спортсмена, сколько хищника. Лицо хранило житейскую мудрость и несгибаемую волю. Левая рука, украшенная единственным перстнем, опиралась на трость из черного дерева. Черным был и строгий костюм, отражавшийся в ее платиновом, отполированном до зеркального блеска набалдашнике.

Вергизий Дель Годро возглавил Либератику относительно недавно, всего четырнадцать лет назад. За это время, однако, он изрядно преуспел. Ежегодная численность выпускников почти удвоилась, и он обещал не останавливаться на достигнутом. Нынешние первокурсники станут первыми, кто принят по расширенной

программе, и ректор приложит максимум усилий, чтобы все они достигли успеха. Каждый — КАЖДЫЙ из здесь присутствующих наделен особым талантом, о котором, вероятно, не знает и сам. Но в том и заключается задача ректора, чтобы его раскрыть. Раскрыть во всей полноте, приводя внешне обычного человека к невиданным высотам своего развития. Неслучайно о выпускниках поговаривают, будто они выходят из Либератики другими людьми. Это чистейшая правда. Нынешние первокурсники еще не знают, насколько по-другому станут мыслить; как преобразится их привычная личность. Все, что их нынче волнует, покажется сущими пустяками в сравнении с тем, что откроется им за время обучения. Тогда, выпускаясь, они и впрямь станут другими людьми, которым нет дела до их мелочного прошлого, а есть только перспектива блестящего будущего.

Любой, кто входил во врата Либератики, оставлял прежнюю жизнь за ее порогом. Это касалось не только социального круга, насущных забот и каких-то незавершенных дел. Долговые обязательства, недоразумения с законом и былые прегрешения отныне не имели никакого значения. Либератика защищала своих студентов, и ее броня была нерушимой. Пока они находились здесь, ни одна государственная структура, ни одна коммерческая организация и ни один криминальный синдикат не приблизятся к ним и на пушечный выстрел. Окончание же университета гарантировало новую жизнь и абсолютный иммунитет. И в эту новую жизнь выпускники пойдут с гордо поднятой головой, неся на просторы Вселенной ее невиданное прежде будущее.

Заключительные слова ректора подхватили студенты последнего курса, стоявшие перед сценой сине-красными рядами. Они не говорили. Под раздавшуюся музыку они запели, исполняя гимн Либератики. Это были величественные строки, возвещавшие о пути из одной Вселенной в другую, о преображении всего человечества и о разумной жизни, делающей гигантский скачок вперед. Исполнителей озаряли огни, наводимые на них искусно размещенной подсветкой. Музыка играла безупречно. Голоса звучали поистине волшебно. Джерри и Сильвертина замерли как завороженные, внимая каждому тембру, каждому аккорду. Если Либератика и впрямь раскрывала такие таланты, о большем им не приходилось и мечтать.

— Как красиво! — воскликнул вдруг чей-то бархатистый голос.

Эрвина обернулась. Рядом с ней стояла русая девушка, чьи волосы были заплетены в две средней длины косички. Привлеченная неким зрелищем, она смотрела не на сцену, а в сторону. Там, за

кромками деревьев, виднелся обширный купол. Отливая золотым в свете розовеющего небосвода, он казался сошедшим со страниц романа. Над ним, кружа и волнуясь, поднимался шлейфом лазурный дым. Переливаясь многоцветными искорками, он выглядел так, будто вот-вот появится сказочный джинн, покидающий зачарованную лампу. Взмывая над куполом, он неторопливо стремился ввысь. Туда, к защитному полю, отделявшему Либератику от нетронутой природы Гальтенузы. Миновав его прозрачный контур, искрящийся дым расходился в стороны и улетучивался в далекие небеса.

Зрелище и впрямь было красивым. Своевременно поданное, оно очень подходило гимну, и новички не преминули это оценить. В их глазах лазурный дым стал такой же иллюминацией, как дорожки фейерверков и подсветка поющих старшекурсников. Завершающей иллюминацией, поскольку приветственное собрание подошло к концу. Преисполненные чувств, новички желали достойно встретить грядущие испытания. Искрящийся шлейф стал для них своеобразным сигналом, усилившим подступившую эйфорию. Руководство Либератики тоже смотрело на это зрелище, но отнеслось к нему более сдержанно. Каждый из шестерых видел его не впервые и отчего-то хмурился, как будто дым возвещал не о новом учебном году, а о чем-то тревожном.

– 4 –

Типичные студенческие общежития в Либератике не практиковались. Здесь вообще не понимали, как можно навязывать соседа по комнате. О каком личном пространстве идет речь, если постоянно зависеть от прихотей и самого присутствия другого, совершенно постороннего человека. Социализация и интеграция в общество — это одно, а возможность спокойно побыть в своем жилище — совсем другое. Впрочем, желание делить комнату с кем-то еще не возбранялось. Заполняя анкету, новички указывали, в каких условиях хотели бы проживать. На этом основании их селили в ту или иную зону, подбирали дом, а также особенности интерьера.

Эрвина не возражала жить с соседкой, но только если той окажется Элеонора. Транспортная капсула доставила ее в квартал, предназначенный для первокурсников. Точнее в один из кварталов, поскольку тех начитывалось три. Декорированный в стиле пригорода, этот был густо усажен зеленью, подсвеченной столбами уличных фонарей. Ряды деревьев отлично сочетались с подстриженными газонами, а земельные участки разделялись между собой

изгородями кустов.

Двухэтажные дома выглядели похожими, однако не настолько, чтобы смахивать на клоны. Внутри они отличались еще больше. Студентам позволялось декорировать свое жилище, как они сочтут нужным. Воодушевленная этой перспективой, Эрвина прошла через холл и свернула налево. Там, в коротком коридоре, она увидела свою дверь, расположенную также по левую руку, и ступила в просторную комнату. Прежде, работая в забегаловке, она ютилась в утлой комнатушке, и на ее фоне здесь были царские хоромы. Мечтая, как все тут преобразит, давая волю желаниям и фантазии, она воодушевилась еще больше, когда узрела Элеонору.

Сдавая анкету, врученную в администрации жилого комплекса, баронесса фон Геннингшафт выразила свои пожелания ясно. Ей было все равно где поселиться, если соседкой станет Эрвина. Прибыв в этот дом первой, она как раз распаковывала вещи, когда явилась ее новая подруга, таща свой скромный, упакованный в дорожный мешок багаж. Выразив взаимную радость, девушки сначала болтали, обсуждая последние события, а затем начали обживаться, не преминув изучить каждый дюйм своих совместных апартаментов.

Дневной свет поступал через большие окна, оснащенные карнизом с плотными шторами. Одно располагалось на фасаде. Из него виднелась подходная дорожка и улица. Другое смотрело в живую изгородь, тянувшуюся мимо него футах в двадцати. На широких подоконниках можно было сидеть, вытянув ноги и созерцая, что происходит снаружи. Устроиться там в дождь, уткнувшись в страницы книги, представлялось отличным времяпрепровождением.

Температуру и влажность поддерживала система климат-контроля, искусно замаскированная под архаичную паровую батарею. Она работала почти бесшумно, не нарушая сон завыванием или гулом. Столы, комоды и прочая мебель также были сделаны под старину. Материал использовался синтезированный, но выглядел он как натуральный, и в особенности атласная, расшитая цветами обивка стульев. Каждая кровать комплектовалась двумя подушками и прекрасным матрасом, умевшим принимать форму тела. В изголовье имелся светильник, управляемый регулятором, а подле лежал ворсистый ковер, куда было очень приятно ставить босые ноги.

Дверей насчитывалось три. Помимо той, что выходила в коридор, еще одна вела в кладовку, совмещенную с гардеробом. Внутри находились полки, крючки и вешалки, способные вместить гораздо больше вещей, чем у той же Эрвины вообще было в

жизни. Там же располагался шкаф, предназначенный для химчистки и работавший в полном автоматическом режиме. За третьей дверью обнаружилось настоящее святилище чистоты.

Кто бы ни проектировал студенческие жилища, он подошел к делу основательно и со вкусом. Стены ванной, облицованные технологичной плиткой, умели менять цвет и узор, в соответствии с индивидуально заданным. Освещение также менялось как по яркости, так и оттенку. В его лучах взору представали большая ванна, душевая кабина, раковина и унитаз, сиявший стерильностью автоматически очищаемых стенок. Все перечисленное отличалось отделкой и размахом.

Над раковиной, умевшей подавать не только воду, сверкало подсветкой огромное раздвижное зеркало. За ним, обустроенная весьма удобно, располагалась уйма всяких полочек. Зеркало совмещалось с экраном, куда, при необходимости, выводилась информация из персонального интерфейса. Полочки программировались, не забывая напоминать об отсутствии того или иного предмета.

Ванна, чья поверхность казалась совершенной, оснащалась подогревом и гидромассажем, то есть представляла собой технологичное джакузи. Ее возможности поражали неискушенное воображение, позволяя комбинировать различные эффекты. Душевая кабина умела лить воду не только сверху, но и с разных сторон, следуя либо стандартной, либо заданной вручную программе. Это создавало очень необычное и весьма приятное ощущение, способное потягаться с тем же джакузи.

Керамический пол, разумеется, был с подогревом. Более того, он светился, по желанию заменяя собой освещение потолка. Набор полотенец, роскошных самих по себе, дополнялся сушилкой для рук и даже роботизированным сушуаром, расположенным над специальным креслом. Это же кресло становилось удобным ложем, если жилец включал в ванной режим сауны.

Учитывая всякие нюансы, в комнате отыскался и второй санузел, на случай, если один жилец принимает душ, а другой захочет пройти в удобства. Он, разумеется, был куда проще, состоя только из самого необходимого, зато позволял избежать неловких ситуаций. Скрытая за портьерой, его дверь не сразу была замечена, зато отлично дополнила восторженное, сложившееся от комнаты впечатление.

В отличие от Элеоноры, Эрвина никогда не видела такого великолепия. Во всяком случае, вживую, да еще в собственном распоряжении. Она с трудом подавила желание немедленно освоить все эти роскошества, и то лишь потому, что подруга потащила ее

осматривать дом.

Двухэтажное здание стилизовалось под старинный особняк. Полы были паркетными, имитировавшими ценные породы дерева. Лестницу на второй этаж устилала ковровая дорожка, а ее перила покрывала тонкая резьба. Потолки украшала лепнина, выполненная в духе упрощенного барокко. Высокие окна, со вставками из цветного стекла, дарили ощущение света и простора. Стены покрывали обои, созданные настолько мастерски, будто и впрямь были родом из старинных времен. Их выпуклый узор играл живыми красками, словно только сейчас нанесенными на свежий фон. Этот эффект дополняли светильники, равномерно озарявшие лестницу и коридоры.

На каждом этаже располагалось четыре личных комнаты, по две в крыле. Кухня или столовая отсутствовали, следуя правилам питания в Либератике, зато у жильцов был широкий холл и большая гостиная. В холл вели двери с улицы, открывавшиеся за латунные фигурные ручки. Гостиная находилась над ним, и туда подводила устланная ковром лестница.

Первый этаж ничем особенно не выделялся, если не считать зеркал, обрамленных в золоченые рамы, и автоматов, расположенных при входе. Последние выдавали бутилированную воду, на случай если жильцов одолеет жажда, и диетические шоколадки в качестве экстренного утоления голода. Пейзажи на стенах, безусловно, заслуживали внимания, однако не настолько, чтобы оставаться возле них надолго.

Поднявшись на второй этаж, Эрвина и Элеонора оглядели витражное окно, через которое заглядывало расцвеченное солнце. Озаряя лестницу, оно скакало по ней проворными бликами, разбегавшимися при малейшем отражении. Оценив игру света, подруги осмотрелись по сторонам и раздвинули ореховые двери гостиной. Та не пустовала. На диване, побалтывая ногой, полулежала на подушках какая-то девушка, одетая в светлую футболку и черные, в цветочных узорах, штаны. Ее лодыжки выглядывали из темных, с зелеными вставками, кроссовок. Заслышав, что кто-то вошел, она повернула голову, и Эрвина узнала ее русые косы. Это была девушка с бархатистым голосом, давеча стоявшая рядом с ней на площади.

Серо-голубые глаза окинули вошедших проницательным взглядом. Они не излучали настороженность или неприязнь. Они просто пытались распознать, с кем именно имеют дело. И, кажется, распознали, причем несомненно в их пользу, раз девушка озарилась приветливой улыбкой.

— Руслана, — представилась она. — А вас как зовут?

— Это моя подруга Эрвина, — сообщила Элеонора, чуть наклоняя голову и делая изящный жест рукой.
— А это моя подруга Элеонора, — подхватила Эрвина, в точности повторяя ее движения.

Русоволосая девушка прибыла в дом первой. Она вселилась на второй этаж, как раз над комнатой подруг, и отныне проживала там одна. Согласно интерактивной табличке, имевшейся на каждой двери, соседей у нее действительно не было. Отсутствие второй кровати подтверждало этот факт, чему русоволосая ничуть не огорчалась.
— С меня хватит! Я росла в комнате с сестрой. Мы постоянно были вместе. Я ее очень люблю, но теперь наконец-то могу побыть в одиночестве! — проникновенно заявила Руслана.
— Могу тебя понять, — раздался чей-то голос. — Я рос в интернате, с целой толпой таких же ничейных оболтусов. У меня в принципе не было ни минуты покоя. Даже в туалете, рассчитанном на множество человек.
Обернувшись, Эрвина и Элеонора увидели Руберта. Возникнув на пороге гостиной, тот с интересом обозревал ее интерьер и слышал последнюю часть разговора.
— Ты в гости или как? — обрадованно помахала ему Эрвина.
— Живу теперь здесь. Напротив этой хвостатой симпатяжки, — пояснил Руберт, подразумевая подтянутую девушку с косичками.
Руслана лишь усмехнулась, ничуть не обидевшись на фамильярность. В конце концов, ей сделали пусть и грубый, но комплимент.
— А вот у моей сестры хвостов не было, — невозмутимо подхватила она. — Мы с ней вообще не похожи, будто и не родственники. Что у меня общего с полноватой круглолицей брюнеткой, носящей большие очки? Она вся в мать, а я… Я вот такая.
— И очень милая, — заключила Элеонора.

Гостиная была оформлена в таком же старинном стиле, что и весь дом. Пышные кресла и диваны, обитые атласом, сочетались со столами на витых ножках. Торшеры, расположенные по углам, ниспадали бархатными кистями. Застекленные шкафы таили коллекционные книги и различные артефакты. На полках и этажерках примостились фарфоровые вазочки и безделушки. Обои золотились художественным тиснением. Пол украшал большой ворсистый ковер. На потолке играла светом внушительная, вся в хрустальных каплях, люстра. Промеж двух огромных окон стояли внушительные напольные часы, отбивавшие такт тяжелым медным маятником.

Отдельного внимания заслуживал буфет. На нем серебрился чайник с изогнутым носиком и блестел бортами высокий кофей-

ник. Снять их с места было невозможно, а вот налить себе в чашку напиток — очень даже. Для этого служила кнопка на корпусе, запускавшая подачу содержимого. Судя по конструкции, оно поступало не иначе как откуда-то из стены, к которой и примыкал буфет. Чашки же, сделанные из тонкостенного фарфора, ниоткуда не поступали. Как и блюдца, их можно было взять на полках, стоило лишь открыть стеклянные дверцы, а ложечки и прочая мелочевка находились в ящиках. Грязная посуда, если верить подсказке, складывалась в основании буфета, и ее дальнейшая судьба пока оставалась неизвестной.

В левой стене, по центру, зиял большой, забранный витой решеткой камин. Увы, ненастоящий, зато выполненный столь искусно, что он умел создавать не только объемную иллюзию горения, но и воспроизводить сопутствующие запахи. По центру правой стены ниспадал водопад. Тоже поддельный, зато при включении журчавший очень даже натурально. Его подсветка, запускавшаяся отдельно, смотрелась поистине волшебно. Хоть и под старину, дом не исключал технологические изыски, и становился от этого ничуть не хуже. Устроившись, кто куда, новые соседи завязали оживленный разговор.

Чай и кофе оказались кстати. Элеонора, придирчиво изучившая буфет, пришла к выводу, что тот весьма недурен. Встроенная, не сразу заметная консоль позволяла выбирать сорта и приготовление, причем из очень широкого диапазона. Запросив свой любимый чай, Элеонора сделала глоток, и уголки ее губ тронула удовлетворенная улыбка. Кто бы ни сконструировал эту штуковину, ему следовало отдать должное. Недолго думая, она предложила этот чай и остальным, взяв на себя труд сервировать подходящий столик.

Эрвина предпочитала кофе, но отказываться не стала, чтобы не задеть свою новую подругу. Та уже дала ей несколько полезных советов, и останавливаться явно не собиралась. Например, Элеонора похвалила ее кроссовки, сказав, что настоящая леди может одеваться совсем уж скромно, но обувь обязательно должна быть приличной. Также она одобрила минимализм Эрвины в косметике, только набор и марки решительно забраковала, обещав научить, что к чему. Приняв чашку чая, Эрвина оценила его по достоинству, однако выпила будто стакан молока. Укоризненно качнув головой, Элеонора налила ей еще, тихонько подсказав, что такое употребление не слишком прилично. Потерев веснушчатый нос, Эрвина спохватилась и попробовала вести себя более сдержанно.

Чаепитие было в разгаре, когда из дома донеслись пронзи-

тельные, не каждому отрадные звуки. Руслана, как раз завершавшая свою историю с Либератикой, прервалась и удивленно посмотрела на двери.
— Кому-то на горло наступили? — озадаченно произнесла она.
— Это волынка, — пояснила, прыснув в ладонь, Элеонора. — И, кажется, я знаю, кому она принадлежит.
Звуки оборвались совсем уж резким визгом. С лестницы донесся грохот, будто на ней оступился дикий мустанг. Затем, судя по всему, кто-то опробовал нетрадиционное путешествие по ступенькам и завершил его где-то в холле. Выразительные проклятия сопровождал чей-то звонкий смех.
— Может, помочь? — привставая, обеспокоилась Руслана. — Похоже, там какой-то бегемот шею себе свернул.
— Тогда бы она не смеялась, — махнула рукой Эрвина. — Она, конечно, та еще простушка, но над чужой бедой потешаться не станет. А он ее намеренно веселит.
— Кто он? Кто она? — не поняла Руслана.
— Сейчас сама увидишь, — усмехнулся Руберт.

Долго ждать не пришлось. Второе восхождение по лестнице оказалось более удачным. Ореховые двери раскрылись, и в гостиную вошли двое. Стриженый молодой человек, со следами падения на одежде, держал подмышкой волынку. Рядом с ним, бережно придерживая скрипку, следовала усыпанная кудряшками девушка.
— Бременские музыканты? — подняла бровь Руслана.
— Это Сильвертина и Джеральд. Мы познакомились с ними в изоляторе, — оценила шутку Эрвина.
Девушка с косичками нравилась ей все больше.
— Нам, наконец, выдали настоящие инструменты! Мы потому и задержались! — подходя, выпалила Сильвертина.
— По-моему, вы задержались потому, что кто-то на лестнице свалился, — напомнил, дрожа от смеха, Руберт.
— А. Это Джерри, — мотнула головой скрипачка. — Топать по ступенькам, когда уткнулся в инструмент, так себе идея.
Представив Руслану, Элеонора осведомилась, куда именно въехала музыкальная парочка.

Обосновавшись на первом этаже, Сильвертина и Джерри заняли дальнюю комнату справа. Иначе говоря, они поселились по диагонали от Эрвины и баронессы. Их разнополость не послужила тому препятствием, хотя в Либератике не царили фривольные порядки. Оба сумели настоять на своем, требуя проживания в одном помещении. Мол, это очень важно для их дуэта, и только так они смогут плодотворно практиковаться. Дополненная реальность по-

зволяла транслировать виртуального компаньона, отображая его как живого, однако упрямую парочку такая техническая подделка не устраивала. Просмотрев личные дела, куда собирались все данные о студентах, администрация жилого комплекса пошла навстречу. Джерри и Сильвертина пообещали соблюдать все установленные приличия. Взамен им выдали разрешение поселиться в одной комнате, куда они и прибыли, не забыв обрести по пути долгожданные инструменты.

— Гварнери! — с жаром подытожила Сильвертина, подразумевая раздобытую скрипку. — Реплика, конечно, но качество изумительное!

— Волынка как волынка, — пожал плечами Джерри, подразумевая свой инструмент. — Я не гонюсь за эталонами классики. Лишь бы хорошо играла, а у этой со звучанием все в порядке.

— Хотите что-нибудь исполним? — пробуя смычок, с надеждой вопросила Сильвертина.

Лицо Русланы отразило смешанные чувства, говорившие о том, что обидеть она никого не хочет, однако предложение вызывает у нее сомнения.

— Они и впрямь хорошо играют, — заверила ее Элеонора. — Только давайте что-нибудь простое, что нравилось нам всем, — добавила она, обращаясь к музыкантам.

Те согласились, и вскоре гостиную наполнило их ожившее нотами мастерство.

В перерыве на чай Руслана вторично поведала свою историю, раз уж двое новых соседей припозднились. Она происходила из обычной семьи обычного же среднего класса. Ее родители не были богатыми, но не были и бедными. Стесненное проживание, когда приходилось делить одну комнату на двоих, объяснялось астрономическими ценами на недвижимость. Проживая в большом городе, Руслана уезжала на выходные с матерью и сестрой, пользуясь наличием собственного сельского домика. Отец их не сопровождал, принадлежа к той породе папаш, которые свой родительский долг считают выполненным самим фактом появления детей на свет. В семье он присутствовал на манер прожорливой мебели, но финансовый вклад вносил исправно. Мать же окружала дочерей заботой. К счастью, умеренной, не переходящей в назойливость и в итоге вызывающей отторжение.

Семнадцатилетняя Руслана действительно не походила на сестру, и не только внешне. Планы на будущее у них серьезно разнились, в том числе мечты об университетах. Сестра считала себя умнее, из-за чего, не иначе, и носила большие очки, но она точно была менее амбициозна. Выбирая себе учебное заведение, она да-

же не замахивалась на Либератику. Руслана же не исключала такой вариант. Более того, прослышав, что туда можно попасть по квоте, она стала наводить справки, хотя особой надежды, конечно, не лелеяла. Обделяя одну дочь, ради другой семья уж точно не стала бы залезать в долги, а на бесплатные места наверняка была огромная очередь.

Судьба явила своего посланца в виде клиники. Проходя медкомиссию, обязательную для любого университета, Руслана услышала довольно интригующее предложение. Мол, если она примет участие в какой-то там программе — так, ничего особенного, — ее, возможно, и впрямь примут в Либератику. Якобы ее физические данные потенциально подходили. Недолго думая, Руслана согласилась. Она ведь ничего не теряла. В клинике у нее взяли анализы и на разные лады сканировали так и эдак, чего выискивая — кто ж их там знает. Ответ обещали дать позже, и он действительно пришел. Отмеченное двуцветными спиралями, официальное письмо гласило, что Руслану приглашают в Либератику. Оплаты с нее не потребовали, гарантируя не только обучение, но и полный пансион. Только сроки поджимали, ибо близилось начало учебного года. Руслана не колебалась. Тепло распрощавшись с родными, она села на звездолет и полетела через полгалактики. Достигнув пересадочной станции, она дождалась обещанный рейс и в итоге очутилась тут, в гостиной с другими первокурсниками.

Пользуясь всеобщим радушием, Сильвертина исполнила скрипичное соло, к которому Руслана относилась более снисходительно. Впрочем, она не стала возражать, когда Джерри, не удержавшись, добавил несколько вставок от себя, а затем полноценно заиграл и сам. Увлекшись, парочка снова выступила дуэтом, и выступила хорошо, чем вполне заслужила аплодисменты. Правда, вместо них прозвучало нечто совсем другое.

— Да вы издеваетесь! — выразительно заявил чей-то знакомый голос.

Сидевшие в гостиной, как по команде, посмотрели на вход. Тех, кто там стоял, не знала только Руслана, и потому только она не выразила неудовольствие. Элеонора сдержанно поджала губы. Эрвина скривилась, будто увидела помойный бак, а Руберт негромко сплюнул в воздух. Джерри тоже не выказал радости, заметно нахмурив брови. Помрачнела даже простушка Сильвертина, которой было так хорошо на душе, пока не объявились эти двое.

— Поверить не могу, — подтвердил второй голос, такой же известный, как и первый.

На пороге гостиной, преисполнившись неприятного изумления, застыли Фростер и Сайлус.

Торжество на площади заставило надменную парочку позабыть о начинавшихся трениях. Правда, недостаточно для того, чтобы мечтать о соседстве. И Сайлус, и Фростер пожелали жить отдельно, без кого бы то ни было. Их желание исполнили. Сайлус въехал на второй этаж, в комнату правого крыла с окнами на улицу. Фростер поселился напротив, с видом на задний двор. Встретившись в коридоре, оба еще не знали, радоваться этому или огорчаться, но от старой компании в лице тех, кто обнаружился в гостиной, они восторга уж точно не испытывали. Настолько, что пообещали этого так не оставить, и тут же отправились в администрацию.

Не найдя понимания у сотрудников, Фростер и Сайлус добились встречи с руководителем комплекса, но это им не помогло. Остиан Брегоунт был непреклонен. Напрасно молодые люди уверяли, что с остальными жильцами совершенно несовместимы. Вкрадчивый и обходительный, Брегоунт выразил понимание и даже сочувствие, однако в итоге отказал. Мол, нет такой возможности. Обычно в Либератике идут навстречу адекватным пожеланиям студентов, и особенно новичков, только в данном случае у Брегоунта связаны руки. Мест больше нет. Просто нет, а переселять одних студентов в угоду другим означало бы нарушить очередность права. То есть права тех, кто прибыл раньше, и уже распределен в порядке естественного приоритета.

Брегоунт не лгал. Расширенный набор привел к тому, что жилые места в Либератике заполнились под завязку. Резервный фонд был полностью исчерпан, в том числе из-за непредвиденных потерь. Каждая утрата воспринималась очень болезненно, а внезапная и подозрительная вынуждала принимать меры предосторожности. Многие — слишком многие жилища оказались опечатаны до выяснения обстоятельств. В совокупности с избытком новичков это сделало невозможным переселение студентов. Во всяком случае, без веских на то оснований, а недовольство соседями таковым не считалось.

Все семеро, что пребывали вместе в изоляторе, очутились в одном доме не случайно. Другого просто не осталось. Их распределили лишь согласно пожеланию, отчего Эрвина стала соседкой Элеоноры, а Джерри очутился в обществе Сильвертины. Первый этаж предназначался для совместного проживания. Для раздельного отводился второй. Именно поэтому туда попали Руберт, Фростер и Сайлус, а также единственная не из их компании Руслана. Две комнаты еще пустовали, и на них, теоретически, можно было претендовать. Вот только надменной парочке не имело смысла менять шило на мыло. Она хотела сменить дом, а не этаж, однако

не вышло.

Преисполненные раздражения, Сайлус и Фростер вернулись в свои комнаты, где и заперлись, обдумать создавшееся положение. Обдумывал его и Остиан Брегоунт. Отказать студентам по объективной причине — это одно, а что с этим делать самому — совсем другое. Проблема-то и впрямь существовала. Либератика не резиновая, обзавестись новыми корпусами на раз-два не могла. Просторы Гальтенузы были хороши, чтобы ими любоваться, но и только, зато прибывавшие звездолеты становились реальностью.

* * *

Шахтерский городок тихо спал у подножия холма, в ожидании скорого рассвета. Его притушенные огни были едва видны, протянувшись цепочками пустынных улиц. Дремали колесные вездеходы, приткнувшись на безлюдных парковках; ненадолго забыли про небо коптящие аэромобили. Кругом витал полумрак, уверенно властвуя над запыленными кварталами. С холма хорошо просматривались только вышки, расположенные на другой возвышенности, да небольшой космопорт. Вышки обеспечивали связь. Как высотный объект, они в принципе озарялись огнями, и не только габаритными. Там, среди них, размещалась и подстанция, обеспечивавшая городок энергией. Что же касалось космопорта, то его посадочные площадки подсвечивались круглосуточно, хотя туда нечасто заглядывали межзвездные суда. В это захолустье даже планетарных катеров прибывало маловато.

Космопорт предназначался для гражданских судов, редких транзитов и почтовых служб. Грузовые обычно приземлялись возле шахт, поближе к накопителям. Так поступил и Лоуди. В том смысле, что услугами космопорта он не воспользовался. Опустив свой корабль у старой штольни, он терпеливо ожидал, когда появится груз, но тот что-то запаздывал. Не прибегая к экстренной связи, как того требовала конспирация, Лоуди прошел по темной аллее, пересекавшей вершину холма, и остановился у склона, глядя на шахтерский городок. Надеясь увидеть катер, летящий в его сторону, он напряженно всматривался в темноту, однако в воздухе было пусто, как пусто и на вьющихся к холму дорогах.

Причин соблюдать радиомолчание хватало. Во-первых, Лоуди использовал поддельную личность, которую понапрасну светить не стоило. Любой контакт, так или иначе, фиксировался терминалами ретрансляторов, а на такой планетке все они были как на ладони. Во-вторых следовало из во-первых. Лоуди прибыл сюда отнюдь не за тем, что значилось в его путевом листе. Там фигуриро-

вал отвал, сгружаемый за бесценок. На деле же ему надлежало забрать неучтенный товар. В частности, партию руды, добытую ушлыми шахтерами там, в подземных лабиринтах. Минуя всякий контроль, сначала она накапливалась в тайниках, а затем поднималась через заброшенную штольню. Курьер всегда ожидал возле нее, и он всегда был один.

Экипаж отсутствовал. Автоматическим перевозчикам он не требовался, а наличие капитана обусловливалось практической необходимостью. Незаконный промысел требовал нестандартного подхода, с каковым лучше справлялся опытный курьер, а не бездушный компьютер. Забирая груз, Лоуди доставлял его куда указывали, получал свою плату и отчаливал. Вот только на этот раз забирать оказалось нечего. В штольне было тихо как склепе, а вокруг ни единой души. Никто не вывозил в ночь контейнеры, набитые ценной рудой, и вообще не подавал признаков жизни.

Оставаясь безразличным к курьеру, городок утомленно спал, словно осев на землю своими старыми, видавшими виды домами. Побродив по аллее, Лоуди решил, что пора сделать вызов. Он должен был улететь до рассвета, а время поджимало. Случилось что или нет — а ему следовало об этом знать. Дополненная реальность работала в автономном режиме, то есть никаких сигналов не принимала и не передавала. Поведя взором по интерфейсу, Лоуди собрался активировать портативный ретранслятор, как вдруг заметил катер. Промелькнув у аллеи, тот резко замедлился и пошел на посадку.

Ну, наконец-то! Так и не включив передачу, Лоуди зашагал к цепочке деревьев, за которой скрылась посудина. Он уже различал очертания катера, когда вдруг понял, что тот открыт, а рядом никого нет. И это было странно, поскольку навстречу ему никто не выступил. Замедлив шаг, Лоуди остановился. Затем, охваченный всколыхнувшимся подозрением, внимательно огляделся по сторонам. Полицейской засады он не боялся. Если бы лавочка прикрылась, его бы взяли там, еще у штольни, а не заставили ожидать битый час. Конкуренты — другое дело. Покончив с остальными, у них дошел черед и до курьера. Характерный звук подтвердил худшие опасения. Это был звук взводимого затвора. Лоуди плюхнулся на землю, и заряд пронесся у него над головой. Откатившись вбок, он нырнул за дерево, вскочил и ринулся наутек.

Бежать наугад не имело смысла. Более того, бежать вообще не имело смысла! Того, кто подставляет спину, кратно проще поразить, нежели дающего отпор. Лоуди был тертый калач. В свои двадцать три года он чего уже только ни повидал, и выходил не из таких передряг. Он слышал тихие, шелестевшие гасителями вы-

стрелы, и это окончательно доказало, что нападавшие — не полиция. С чего бы той соблюдать тишину? Она бы уже орала из мегафонов, сияя цветомузыкой и возвещая о своем служебном рвении всему городку. Нет, здесь явно что-то другое. Что-то, что хотело добраться до курьера не привлекая внимания. С последним Лоуди был солидарен. Начинать беспорядочную пальбу он тоже желания не испытывал, для чего и не забывал про глушитель. Выхватив пистолет, он занял подходящую позицию и перешел в контратаку.

Освещение оставляло желать лучшего. Фонари на дряхлой аллее не горели, а ночное время к созерцанию врага не располагало. Дополненная реальность умела многое, однако прибором ночного видения сама по себе не выступала. И все же Лоуди не оплошал. Он был хорошим стрелком, отчего первый же выстрел угодил в цель. Ударив в плечо, пуля заставила нападавшего покачнуться, и вторая тут же клюнула его в корпус. Нападавший согнулся, не издав ни звука, и упал. Вероятно, был убит, хотя Лоуди показалось, что его выстрел не смертелен. Зато таковым точно получился третий. Еще один нападавший выскочил из-за дерева, и пуля влетела ему прямо в лоб. Он так и свалился как подкошенный, будто в роботе выключили питание. Жаль, что следующие выстрелы ушли в молоко. Мигом став куда осторожнее, оставшиеся враги шмыгнули в стороны, отчего Лоуди почем зря опустошил обойму.

Быстрая перезарядка вернула боеспособность. 2:0 в пользу курьера — это неплохое начало, это уже кое-что. Впечатление портила общая неопределенность. Было заведомо неизвестно, сколько в катере прибыло пассажиров. Его размеры позволяли перевозить и дюжину. Уложив двоих, Лоуди выиграл себе время, но, вероятно, не больше. Что ж, этим временем он и воспользовался. Отступив в укрытие, враги автоматически потеряли его из виду, и Лоуди тут же припустил прочь.

Бежать без оглядки по-прежнему не стоило. Об этом напомнили два выстрела, чихнувшие в ночной тишине. В Лоуди не попали только чудом. Плохо разбирая в темноте, он оступился, из-за чего едва не упал. Удерживая равновесие, он резко пошатнулся из стороны в сторону, отчего враг и промахнулся. Не дожидаясь точного попадания, Лоуди плюхнулся в поперечную канаву, вероятно, служившую для отвода воды. Последней там не было, но ее в избытке заменяли сухие листья, в которые он нырнул с головой. Взметнувшись, они сослужили ему неплохую службу, сбивая наведение преследователей. Тут же высунувшись над канавой, Лоуди выпустил сразу пять пуль, чтобы уж наверняка. Ближайший враг задергался, поражаемый куда пришлось, и наискось рухнул на землю. Стрельбу Лоуди не продолжал, поскольку тут же стал ми-

шенью для других. Канава была небольшой, однако достаточной, чтобы по ней ползти, причем шустро. Стараясь не высовываться, Лоуди шуршал листьями, надеясь укрыться за склоном, но судьба оказалась к нему добра. Его укрытие внезапно закончилось ржавым водосборником. Сорвав решетку, давно уж ничем и не закрепленную, Лоуди ужом скользнул в дыру и очутился в старой сточной трубе.

Сердце бешено стучало. Несмотря на передрягу, Лоуди даже не успел испугаться. Он просто реагировал, движимый инстинктами и адреналином. Его мозг не затуманился паникой, а соображал довольно остро. Карауля у трубы, Лоуди наверняка прикончит любого, кто сунется сюда за ним, но враги могут зайти и сбоку. Более того, именно это они и сделают, если и не сразу, так погодя. Труба была не одна, соединяясь отводами с параллельной, идущей вдоль аллеи. Решение пришло мгновенно. Метнувшись в темноту, рассекаемую лишь светом портативного фонаря, Лоуди углубился в подземный сток. Пока враги, проявляя осторожность, попробуют его обложить, он будет уже далеко.

Конечной и единственной целью оставался корабль. Сбегать на захолустной планете, где поблизости не было ничего кроме шахтерского городка, представлялось скверной идеей. Шатаясь абы где, долго Лоуди не протянет, особенно когда его ищут и наверняка найдут. Спасение заключалось в собственном судне, куда он должен добраться раньше преследователей. Именно поэтому он не удирал по трубе куда глаза глядят. Сообразив, что отклоняется от курса, проложенного навигатором в дополненной реальности, он воспользовался первым же люком, чтобы выбраться на поверхность.

Преследователи поотстали, но требовалось задержать их еще больше. Оставив решетку приоткрытой, Лоуди сунул под нее небольшой цилиндр, предварительно выдернув из него колечко. Колечко полетело в одну сторону, он побежал в другую. Вот только не к кораблю — такой маневр был бы слишком очевиден. Оставив на земле четкие следы, он взял влево, сделал крюк и вернулся назад. Присев за раздвоенным камнем, он устроил отличную засаду на тех, кто бежал за ним, и долго подкарауливать не пришлось.

Приглушенный хлопок возвестил о том, что детонировала слезоточивая граната. Лоуди криво улыбнулся, представляя, каково сейчас его врагу. Хорошенько хлебнув этой жгучей смеси, тот должен был поутратить гончий пыл, на время озабоченный лишь собственной персоной. Он изрядно удивился, услышав торопливые шаги. Складывалось впечатление, что заряд вообще не оказал на преследователя никакого действия, если, конечно, это был именно

тот преследователь. Но — да, он самый. Его одежда, вся в свежих разводах, служила лучшим доказательством. Они хорошо различались даже в неровном свете звезд, настолько обильно брызнула граната. Торопясь по следам, враг не видел Лоуди, притаившегося за камнем, как не замечали его и двое других, спешивших рядом. Лоуди же очень хорошо их видел. Не забывая, сколько в обойме патронов, он навел пистолет и, выждав момент, нажал на спуск.

Головной преследователь вышел из игры сразу. Одна из пуль угодила ему в голову, не оставив даже шанса на выживание. Его спутники успели огрызнуться. Очутившись на открытой местности, они попробовали лавировать, одновременно ведя огонь. Технически, это у них получалось, но у Лоуди было неоспоримое преимущество. Раздвоенный камень надежно закрывал его от обстрела, позволяя беспрепятственно разряжать обойму. Правда, ее все же не хватило, однако за перезарядкой дело не стало. Боеприпасы стремительно кончались, и все же Лоуди преуспел до того, как выпустил последнюю пулю.

Фиксируя движение, дополненная реальность показывала нулевую активность. Бездыханные, враги лежали на земле, даже не хрипя. Убедившись, что ему ничто не угрожает, Лоуди осторожно вышел из своего укрытия. С одежды посыпались какие-то хрупкие осколки. Это что, стекло? Чем в него вообще стреляли? Стряхнув их на землю, он одернул рукав и огладил пальцами плечи. Враги не шевелились, замерев там, где упали. Лоуди не стал выяснять, придет по его душу кто-нибудь еще или нет. Попятившись, он развернулся и был таков.

Засады у корабля не оказалось. Решив отсечь от него цель, пассажиры катера по-своему рассчитали верно, но явно не учли, какой она даст отпор. С их точки зрения, перехватить курьера до того, как тот попытается взойти на борт, было вернее всего. Об их ошибке говорили тела, бездыханными лежавшие на темной аллее. Корабль же остался нетронутым, и возле него не дежурил еще один отряд убийц. В этом Лоуди убедился сразу, едва просканировал окрестности. Вероятно, так будет недолго, только и дожидаться новых гостей он не собирался. Контур безопасности работал исправно, не пуская чужаков на борт. Разблокировав шлюз, Лоуди взбежал по короткому трапу и направился прямиком в кабину.

Грузовоз дремал в ожидании хозяина. В его полумраке моргали немногочисленные огоньки, а в недрах, ожидавших погрузки, вполглаза спали планетарные двигатели. Межзвездные, заглушенные, ждали своего часа, который настанет уже на орбите. Запрыгнув в кресло пилота, Лоуди принял управление. Корабль тут же ожил, всячески демонстрируя, что готов к отлету. Правда, бор-

товой компьютер выразил сомнение, точно ли следует отправляться, ибо трюмы все еще пусты. Технический протокол был нарушен, и автоматику беспокоило неожиданное вмешательство. Приказ капитана был яснее некуда — ключ на старт! И не помышляя спорить, компьютер лишь велел пристегнуть ремни. Нашарив рукой замок, Лоуди зафиксировал себя на амортизационном ложе. И тут же получил укол в шею. Из подложки кресла высунулась игла. Коротко прошипев, коварный механизм опустошил целую ампулу. Лоуди и пикнуть не успел. Он только и дернулся, скованный ремнями, после чего обмяк и потерял сознание.

Спустя четверть часа дюзы корабля осветились. Оторвавшись от поверхности, он быстро взмыл в светлеющее небо, оставив позади заброшенную штольню. К звездам его уводили совсем другие лица.

— Как объект? — коротко спросил один, выводя судно на орбиту.

— Все показатели в норме. Готовим перевод в медицинскую капсулу, — сообщил второй.

— Следов не оставили? — подумав, уточнил первый.

— Наземная команда все зачистила, — доложил третий. — Группа биодроидов задачу выполнила.

— Она полегла подчистую, — нерешительно напомнил второй. — Хорошо хоть с машин кровь не течет, а то залили бы всю аллею.

— В этом и был смысл, — снисходительно пояснил первый. — Обманный маневр. Отбившись и преуспев, объект не стал проверять корабль досконально. И достался нам как на блюдечке.

Содрогаясь от поступавшей энергии, межзвездные двигатели вышли на полную мощность. Не встретив на пути помех, таинственная троица покинула планету и скрылась в глубинах космоса.

В отличие от курьера, подвергшегося нападению, Табия готовила нападение сама. Имя Лоуди было ей неизвестно. Она вообще не слишком интересовалась именами, если того не требовала прямая необходимость. Табия предпочитала работать с безликими целями, чтобы не ощутить к ним предательское сочувствие. Она не знала даже как зовут по-настоящему ее помощников, хотя проворачивала с ними отнюдь не первое дело. Ее устраивала анонимность, что выражалось и в собственном, позаимствованном из шахмат прозвище. Руководя своей группой, она также играла главную роль, отвлекая на себя внимание гостей.

Прием вышел что надо. Скучающие аристократы и богатые бездельники собрались тремя дюжинами, если не считать их спутников и спутниц. Табия хорошенько расстаралась. За хозяйку особняка она себя не выдавала, ибо этот подлог раскрылся бы слишком быстро. Другое дело — ее двоюродная сестра, на которую

никто никогда не обращал внимания. Якобы двоюродная сестра, поскольку эту личину Табия и примерила на себя. Легенда была сногсшибательной. Пройдя через психокоррекцию и биопрограммирование, странноватая дурнушка вернулась в свет утонченной красавицей. На званом вечере она блистала, пользуясь расположением сестры, ради нее же этот вечер и устроившей. Формально устроившей, ибо в действительности все организовала Табия. Она же нашла и подход к хозяйке, позволявший быть уверенной в ее лояльности.

У Дормиолы Хатчинг нашлась неприглядная тайна. Будучи обнародованной, она поставила бы крест не только на ее положении в обществе, но и грядущем браке. Табия умела добиваться своего, втягивая в свои криминальные затеи почти кого угодно. И втягивая на совесть. Дормиолу даже уговаривать долго не пришлось. Против всяких ожиданий, ее сопротивление быстро прекратилось. Складывалось впечатление, будто ей и самой захотелось участвовать в хитроумном замысле. Она старалась от души, раздаривая гостям улыбки и комплименты. Помимо молчания, Табия посулила ей то, что сейчас принадлежало недругам Дормиолы, и никогда бы не попало в ее руки. Во всяком случае, законно. А еще она обещала дать и то, что сделает Дормиолу привлекательнее в глазах будущего супруга. У него ведь тоже были секреты, и достаточно значимые, чтобы на них сыграть.

Табия была убедительна и очаровательна. Сперва воспылав гневом, Дормиола в итоге стала соучастницей, преследуя собственную выгоду. Согласно замыслу, она выйдет сухой из воды; предстанет обманутой жертвой коварных мошенников. Табия же... Ее интерес заключался не только в драгоценностях, сверкавших как на выставке, и не в одних лишь банковских счетах, вполне доступных для опустошения. Ее привлекали активы. Неучтенные активы, управлявшиеся тайно, которые представляли огромную важность для третьих лиц. Завладев этими активами, Табия передаст их заказчикам и получит огромное вознаграждение, приятно дополняющее стоимость ювелирных побрякушек.

Место выбрали безлюдное. Отдаленный особняк представлял собой идеальный вариант, позволяя видеть все как на ладони, причем не только внутри, но и снаружи. Расположенный в горах, он возвышался над пологим склоном, у подножия которого текла прозрачная река. Облизывая замшелые валуны, она стремилась в далекую рощу, подступавшую из долины. Слева и справа тянулись вересковые пустоши. Выше было только небо.

Из больших, забранных шторами окон лился яркий свет. С просторной террасы слышался звон бокалов и многоголосый смех,

становившийся тем громче, чем больше поддавали гости. Идея была в том, чтобы довести их до кондиции, параллельно усыпив бдительность охраны. Обретение контроля над электроникой требовало времени. Веселясь и расслабляясь, гости подключались к зараженным источникам, крупица за крупицей предоставляя доступ к своим ресурсам. Теряли бдительность и охранники, изначально, из-за репутации Дормиолы, немногочисленные.

Лобовую атаку засекла бы любая система безопасности, равно как и открытый взлом. Исключение составляла среда, в которой было инфицировано решительно все. Проникновение ощущалось мягко, незаметно, фактически с одобрения самих гостей, опрометчиво допускавших то или иное действие, и чем дальше, тем больше. По мере того, как действовали напитки, хмелившие самодовольный мозг, а это усугубляли препараты, принятые совершенно добровольно, помощники Табии времени зря не теряли. Не теряла его и сама Табия. Обхаживая гостей, она умудрилась с каждым побыть наедине, и от каждого добиться чего-то такого, чего бы тот лучше не делал. Шелестя полами красного платья, эта обворожительная брюнетка была звездой вечера, который сама же тщательно и организовала.

Дормиоле Хатчинг требовалось обеспечить алиби. Это было одним из условий, чтобы ее никто не заподозрил. Таким образом, она и сама становилась целью, но с таким расчетом, чтобы обойтись минимальными последствиями. Табия не практиковала массовое убийство, однако и совсем уж без вреда для здоровья не обходилось, тем более в особых случаях. Для этого требовались специфические знания, коими и обладал один из двух ее помощников. Сведущий в медицине, он контролировал состояние объектов, своевременно внося в него коррективы. Другой помощник занимался транспортом, андроидами и прочим, что условно именовалось "наземной командой". Закончив свои дела, криминальная троица растворялась на звездных просторах, унося добычу и оставляя законникам безликую технику. Посмотрев на часы, Табия подала Дормиоле условный сигнал. Мол, готовься, твой черед уже скоро.

Мало-помалу гостей овеял дурман. Это была эйфория, постепенно переходящая в утрату ощущения реальности. Предвидя побочные эффекты, технический помощник направлял, куда следует, персонал, упреждая агрессию и потенциально членовредительские действия. Персонал, разумеется, роботизированный, поскольку живые люди уже выбыли из игры. Обезвреженные кто где, они пребывали в беспамятстве, надежно уложенные в глубинах особняка. Там же складывалась и охрана. Этого никто не за-

мечал. Одурманенные гости видели изображение, подделанное весьма искусно, и дополненная реальность обернулась против них. Создавая иллюзии, технический помощник обеспечивал присутствие отсутствующих, и все шло хорошо, пока в какой-то момент он и сам не обнаружил подделку. Подделку, которой быть не могло.

Исчезли не только слуги и охранники. Внезапно, к полнейшему изумлению помощника, выявилось исчезновение и его собственных роботов. Расставленные по периметру, они исправно несли дежурство, а также приглядывали за порядком в особняке. Визуально все было в норме, пока случайно не вскрылось отсутствие физического контакта. Шатаясь, нетрезвый гость потерял равновесие и свалился на робота, а тот и не подумал его поддержать. Наоборот — он попытался уклониться, словно бы избегая удара, но не успел. Падая, гость прошел сквозь него и ткнулся плечом в стену. Озадаченный, технический помощник решил удостовериться лично. И удостоверился, подойдя и протянув руку. Робота не было, а его роль играла старательно наведенная иллюзия.

О проблеме технический помощник доложил не сразу. Предполагая, что сам где-то допустил ошибку, он стал выявлять, куда подевался реальный робот. Распутывая сигналы, он отметил момент, когда, вероятно, произошла подмена. Ее выдавала незначительная, но все же рассинхронизация данных из различных источников. Запустив ее в поиск, помощник рассчитывал наткнуться на другие аномалии, откуда-нибудь поступающие до сих пор. То, что он в результате увидел, заставило его обомлеть.

Машины исчезали. Исчезали одна за другой, и продолжали это делать прямо сейчас. Андроиды, расставленные по особняку, докладывали о нормальной обстановке, а сервисные роботы отчитывались об исправном следовании программе. И это была ложь. Перекрестное наложение реальности, то есть быстрая смена позиционирования вкупе со встречным вычислением, немедленно выявили несоответствия. Иными словами, роботов на постах просто не было, причем уже какое-то время. Оставшиеся же продолжали отключаться. Они выдавали ту самую первичную аномалию, после чего становились призраками.

Сообразив, что дело дрянь, технический помощник вызвал Табию. Причин происходящего он не знал, но в них точно не было ничего хорошего.

— В чем дело? — отозвалась Табия.

— Все в порядке, — раздался в ее интерфейсе голос технического помощника. — Отклонений не зафиксировано. Готов приступить к последнему этапу плана.

— Будь на месте! Ничего не предпринимай, я иду к тебе! — в свою

очередь, услышал помощник ее приказ.
И он, недоумевающий, остался ждать там, где его получил, в небольшой комнате контроля.

Табия объявилась спустя пару минут. Взволнованная донельзя, она миновала зеркальную дверь и направилась прямо к помощнику. Ее лицо выражало сильнейшую тревогу, а палец прижимался к губам. Ожидая, что она скажет, помощник внезапно заметил, что на красном платье нет небольшого пятна, оставленного одним из гостей. Дополненная реальность подернулась. Фигура Табии исказилась, пойдя рябью и полосами. Перед помощником, внезапно, объявилась совсем другая женщина. Ее рука подняла сумочку, и скрытое в ней дуло выстрелило дротиком с ампулой. Тихо охнув, помощник закатил глаза и обмяк.

Сигнал тревоги Табия не получила. Наоборот, сообщение от помощника говорило о готовности к финалу. Она даже не подозревала, что в данный момент якобы находится в комнате контроля. Флиртуя с одним из гостей, она накачивала его наркотиком, вдыхаемым через специальную трубочку. Сама Табия тоже вдыхала, только ее защищал установленный фильтр. Пребывая в эйфории, гость полностью утратил над собой контроль, чем и воспользовалась инфицированная система. Не отделяя реальность от галлюцинаций, он не протестовал, когда вся безопасность полностью отключилась. С его же безвольной подачи, интерфейс перешел под чужое управление. Гость по-прежнему видел Табию, представавшую как в сладком бреду, хотя той уже и рядом не было. Ему транслировалась иллюзия. Сама же Табия видела все как есть, ибо дополненной реальностью не пользовалась. Куда подевались роботы, она не слишком беспокоилась, поскольку о тех заботился доверенный помощник. Табию волновали только гости и Дормиола Хатчинг. Закончив с первыми, она поспешила ко второй.

В условленном месте хозяйки особняка неожиданно не оказалось. Удивленная, Табия обошла будуар, зовя ее по имени, а потом запросила обоих помощников. В заключительной фазе Дормиоле требовалось обеспечить алиби, а она свое слово держала.
— Хатчинг вышла из игры. Наглоталась препаратов, переусердствовала, — разъяснил помощник-медик. — Я погрузил ее в катер.
— Почему сразу не доложил?! — сердито осведомилась Табия.
— Это произошло только что. Я отреагировал и как раз собирался сообщить, — пояснил медик.
— В следующий раз говори сразу! — велела Табия. — Не люблю сюрпризы!
— У нас запасным вариантом инсценировка похищения. Все в пределах плана, — напомнил помощник.

— Ладно. Ты с ней? Пришла пора финальной сцены, — не стала наседать Табия.
Медик подтвердил, выразив готовность. С финальной сценой и впрямь следовало поторапливаться. Правда, на самом деле он находился в другом месте, уже не способный что-либо предпринять, но в этом отношении тоже все шло по плану, пусть и не их собственному. Не по плану оказался катер, прибывший к особняку как раз тогда, когда Табия готовилась его покинуть. Выходя к террасе, откуда открывался изумительный вид на горы, она внезапно столкнулась с Дормиолой.
— Погоди! Мне сказали, ты отключилась! — опешила Табия.
— Что здесь происходит?! — воскликнула Дормиола, обводя свои владения ошарашенным взглядом. — Что за бардак?!
— Ты чего несешь?! — округлила глаза Табия. — Все, как мы договаривались!
— О чем договаривались?! — всплеснула руками Дормиола. — Леди, я вижу вас впервые!

Мгновение истины настало чуть позже, пока Табия силилась уразуметь услышанное. По-змеиному зашипев, отовсюду ударил газ. То началась заключительная стадия, валившая с ног даже самых крепких людей, а не то что накаченных всякой наркотический дрянью. Все гости, еще сохранявшие подвижность, тут же стали оседать кто куда. Особняк наполнился зеленоватым дымом. Он не першил и не вызывал обильное слезотечение, не заставлял задыхаться и утрачивать ориентацию в пространстве. Он действовал куда проще, зато мощно и неотвратимо. Табия почувствовала это сама, когда ее окутали зловещие клубы. В ее крови циркулировал антидот, дополнявший ноздревые фильтры, вот только толку от него внезапно не оказалось. Газ, который должен был сработать лишь на гостей, подействовал и на нее. Упала и хозяйка особняка, так и не успев разобраться, что же здесь происходит. Успела, гаснущим уголком сознания, только Табия. Она вдруг поняла, отчего Дормиола Хатчинг проявила такую сговорчивость. С самого начала это была подделка, и лишь теперь она увидела ни о чем не подозревавший оригинал. Кто-то переиграл Табию на ее шахматной доске, но кто и почему — об этом она подумать уже не смогла.

План ограбления был доведен до конца, в той его части, что касалась личного имущества. Лишившись драгоценностей, гости отправились почивать по соседству с охраной и персоналом. Роботов преступной троицы, к тому моменту уже выведенных из строя, отправили в металлолом. Так, для надежности, как для надежности полностью зачистили и систему безопасности. В ней не

осталось ни единой целой ячейки памяти. Все видеозаписи были уничтожены, а любые электронные журналы перестали существовать. На долю потенциальных ищеек только и перепадали, что свидетельские показания, весьма расплывчатые и запутанные. Накачанные препаратами, гости вообще едва понимали, что произошло, а Дормиола Хатчинг не знала вовсе. Это прекрасно вписывалось в запутывание следов, причем не только для пострадавших, но и самих преступников. Их ведь в особняке не оставили. Погруженные на борт, они продолжали играть свои роли. Спектакль требовалось довести до конца.

Заняв посты, экипаж действовал слаженно и безукоризненно, как прежде действовал и в особняке. Приказы не обсуждались. Любые этапы операции сомнению не подвергались. Удивление у пары исполнителей вызывала лишь ее сложность. Неужели нельзя было придумать что попроще? На кой ляд такие хитроумные ходы, когда один — признаться — весьма недурной замысел превращали в другой, по сути изощренную ловушку. Но потому они и были только исполнителями, а не мозгом и даже не промежуточными начальниками.

Вычислить Табию само по себе становилось той еще задачей, не говоря уже о том, чтобы к ней подобраться. Она же считалась достаточно ценным объектом, чтобы пойти ради нее на такие хлопоты. Соблюдая конспирацию, она даже с помощниками никогда не допускала раскрытия реальных данных. Пользуясь подменными личностями, она то появлялась, то исчезала в разных уголках галактики. Понадобилось немало усилий, чтобы ее выследить, и еще больше — чтобы захватить живой и невредимой, да так, чтобы даже у ее сообщников не возникло подозрений. Отключив дополненную реальность, Табия не оставляла цифровых следов, но тем значительно осложнила задачу. По этой причине ее исполнение затянулось, вплоть до визита подлинной хозяйки особняка. Сбивать Дормиолу не стали, решив обернуть ситуацию в свою пользу. В итоге так вышло даже лучше, и ее личное присутствие окончательно запутает концы.

Помощников Табии ждал небольшой корабль. Полностью автономный, он доставит их куда угодно, когда оба придут в себя. Придут и обнаружат, что живы и здоровы, а в их распоряжении все похищенные драгоценности. Пораскинув мозгами, они придут к выводу, что Табия задумала это с самого начала. Завладев тем, чего желала, она избавилась от помощников, но оставила их с утешительным призом. Достаточно ценным призом, что автоматически делало ее преследование не в их интересах. Получив свой куш, помощники пойдут своей дорогой, в то время как Табия… Ее

передадут кому следует, и дальнейшая судьба этой особы исполнителей операции уже не касается.

Обладая завидной сноровкой, Табия мастерски проворачивала свои затеи, однако иметь дело со звездолетами ей не приходилось. С большими звездолетами, чьи палубы перевозили несколько сотен пассажиров. Каждому таланту — своя стезя, и пока одни обчищали богачей, хитроумно находя к ним подход, другие действовали в иных масштабах. Их добыча также разнилась. Будучи искусной охотницей, Табия сама стала жертвой, однако на этом история не кончилась.

В зависимости от расстояния, пересадочных узлов, груза и скорости, какие-то межзвездные перелеты занимали часы, а какие-то — недели и даже месяцы. Продолжительность пребывания на борту накладывала определенный отпечаток. На круизном лайнере веселились, для того на нем и находясь, чтобы хорошенько провести время. Обычное же путешествие в удаленную часть галактики особой радости не доставляло. Торчать в каюте по сотне дней — так себе развлечение, а транспорты не всегда оснащались средствами досуга. Во всяком случае, те, что предназначались для рабочего люда, малоимущих семей и других неизбалованных представителей общества. Выход был проще некуда. Он позволял избегать не только скуки, но и всякого удовлетворения даже базовых потребностей. Пребывая в криогенных камерах, пассажиры добирались куда надо, и никаких хлопот со своим содержанием не доставляли. Так отправлялись в дальние края переселенцы, искавшие лучшей жизни. Так летали те, кто работал в несусветной глуши вахтовым методом.

Старый, видавший виды звездолет роскошествами не баловал. Забрав людей, скопившихся на пересадочной станции, он обязался доставить их в пункт назначения — и не более. Каюты в нем предназначались только для экипажа. Пассажиры обходились лишь общими помещениями, предоставлявшими насущный минимум, да и то недолго. Их ждали криокамеры. Уложенные должным образом, они подключались к системе жизнеобеспечения и погружались в искусственный анабиоз. Это касалось всех — мужчин, женщин, детей, разного происхождения и разного возраста. Звездолету было все равно, кого перевозить. Его капитан занимался этим уже тридцать лет, транспортируя людей в захолустные части галактики. Туда, куда иной раз и сам-то лететь не хотел, настолько далекая и гнилая это была дыра. Случись там что — и помощи придется ждать так долго, что она вряд ли поспеет. У каждого, однако, своя работа. Взяв пассажиров, капитан Холинджер привычно вывел звездолет на курс и отправился в глубокий кос-

мос.

Экипажа требовался минимум, да и то лишь на время прибытия и отлета. Удостоверившись, что все идет как полагается, он и сам отправлялся в криокамеры, чтобы не растрачивать биологическое время. Тело ведь старело, и старело почем зря, если не находилось продуктивное занятие. Так зачем же терять его попусту, коротая дни, месяцы и годы в созерцании пустоты.

Космические волки, ведавшие дальними перелетами, обычно принадлежали к той породе, которую никто не ждал. Одиночки, мизантропы, угрюмые профессионалы, потерявшие близких и просто немного чокнутые, они на годы уходили в глубокий космос, и никто по ним особо не скучал. А они ни по кому не скучали. Подолгу пребывая в криокамерах, они старели куда медленнее своего поколения, и порой переживали его вдвое. Конечно, таковыми были не все. Многие экипажи менялись, и кресла звездолетов занимали вполне жизнерадостные семейные люди. Но — не всегда, и особенно в зависимости от капитана.

Капитан Холинджер улыбками не лучился. Его домом был открытый космос, а планеты и станции — лишь временным пристанищем. Экипаж он набирал себе под стать, и с ним флегматично бороздил просторы галактики. Это были одинокие, ни к кому особо не привязанные люди. Мастера своего дела, они полжизни провели в скитаниях, и в оставшуюся ее часть ничего менять не собирались. Выполнив рутинные обязанности, они получили разрешение капитана и отправились в криосон. Сам же капитан спать не пошел, взяв на себя добровольное дежурство. Оставшись в рубке, он молча смотрел на экраны, где плыли искаженные перелетом звезды. Аппаратура работала штатно. Приборы тихо жужжали, а их стрелки и индикаторы демонстрировали полную исправность. Все, кроме одного. Заморгав, одинокий огонек показал размыкание замка криокамеры.

Налицо был технический дефект. Открыть камеру изнутри пассажир просто не мог, в том числе потому, что пребывал в анабиозе. Нарушение процедуры грозило ему последствиями для здоровья и даже гибелью. Огонек на панели говорил, что замок открылся, но больше никаких тревожных сигналов не поступало. Следовательно, пассажир вряд ли подвергался опасности. Скорее всего, вышел из строя датчик, однако капитан, следуя долгу, от предупреждения не отмахнулся. Вызывать бортмеханика он не стал, поскольку тот уже отправился в криосон. Запустив штатную проверку, он удостоверился, что иные неисправности отсутствуют, а датчик по-прежнему хандрит. Поднявшись с кресла, капитан привычно заблокировал управление и отправился на грузовую па-

лубу.

Кругом было тихо. То царила тишина, присущая космическому перелету, когда в звездолете не раздается ни единого постороннего звука. Лишь в его глубине мерно гудели огромные двигатели, да палуба едва заметно вибрировала, отражая их незримую мощь. Отдаваясь в ребристом металле, шаги капитана разносились далеко окрест. Покинув лифт, с жужжанием растянувший двери, они простучали по коридору, миновали ряд цистерн со сжиженным газом, и остановились возле длинной череды криокамер. Тех было много, по две сотне на каждой палубе, выстроенных у левого и правого борта. Установленные в специальных боксах, они обладали запасом автономности и механизмом аварийного катапультирования в случае угрозы для корабля. Обрамленные светящимися полосками, они таинственно перемигивались контрольными огоньками. В каждой из них, исключая запасные, спал криогенным сном пассажир.

Ориентируясь на показания датчика, капитан прошел вперед, выискивая нужный бокс, и вскоре остановился возле криокамеры с номером двести шестьдесят пять. Точнее, он остановился несколько не доходя, поскольку увиденное заставило его замереть. Камера была открыта. Ее поднятая крышка озарялась свечением, исходившим от технологичного ложа, и на нем отсутствовал пассажир, живой, мертвый или нуждавшийся в помощи. Камера была пуста, источая слабые остатки холодного газа. Не веря своим глазам, капитан стряхнул оцепенение и приблизился, силясь уразуметь реальность. Даже если человек проснулся штатно, он не мог сразу взять и уйти, некоторое время пребывая в состоянии дезориентации. А пробуждение не было аварийным, судя по показателям аппаратуры. Никакой опасности для жизни она не зафиксировала.

Послышался тихий звук, как будто кто-то задел ногой кабель. Капитан обернулся и успел заметить тень, метнувшуюся к нему из-за шкафа с аппаратурой. В следующее мгновение сильный удар швырнул его в беспамятство.

Пробуждение было тяжелым. Нашатырный спирт, сунутый под нос, вышиб сознание из забвения столь же жестко, как его туда отправили. Приоткрыв глаза, капитан Холинджер поморщился и застонал. В затылке, полыхнув злым пожаром, растеклась свинцовая боль. Пошевелившись, он попытался дотронуться до него рукой и не сумел, поскольку выяснил, что сидит в кресле связанным. Сидит в своем собственном кресле, на мостике своего же корабля, а перед ним стоят какие-то люди.

— Рад, что вы очнулись, — сказал крупный, выделявшийся среди

остальных бородач. — Не соблаговолите ли оказать нам небольшую помощь?
Говоря так, он любезно улыбался, однако в глазах его сверкала холодная сталь.
— Вы кто? Что случилось? Почему я связан? — болезненно щурясь, коротко вопрошал капитан.
— Мы те, кто захватил ваш корабль. По этой причине вы и лишены подвижности, однако не языка, — пояснил бородач. — Будьте добры разблокировать управление, чтобы мы не теряли времени на взлом. Вмешиваться в работу систем, когда корабль в режиме межзвездного перелета, нам бы очень не хотелось.

Капитан Холинджер откровенно опешил. До него не сразу дошло, что судно и впрямь захвачено некими лицами, хотя именно об этом ему и говорили. Когда же реальность все-таки заиграла своими неприглядными красками, от всякого содействия он отказался. Что эти наглецы о себе возомнили? У них даже оружия не было, поскольку багаж досматривался, и пронести хотя бы лом они не могли. Ну, пусть попробуют сотрясать воздух словами и кулаками. На большее, чем избить его, они просто не способны.
— Напрасно, — подытожил бородач. — В таком случае, к вашему экипажу наведается Лаура.
— Что еще за Лаура? — процедил капитан, к которому, на удивление, не применяли пыток и даже зуботычин.
— Наш андроид, — заботливо сообщил бородач, указывая на стоявшую рядом женщину. — Это она вскрыла капсулу изнутри, а затем треснула вас по голове.

Капитан Холинджер заморгал. Означенная особа выглядела как человек, лет примерно тридцати пяти, и ничем не походила на машину. Вообще ничем, не только для людей, но и для техники. Иными словами, искусственную начинку не распознавало даже сканирование. Об этом капитан тут же и заявил. Будь эта женщина роботом, система заметила бы обман при активации криокамеры. Аппаратура подключалась к живым телам, а их показатели тщательно контролировались. Да, она и впрямь могла прикидываться спящей, а затем взломать замок и выбраться, только это невозможно.
— Не для нашей Лауры, — усмехнулся бородач. — Это особенный андроид. Она на многое способна.
— Таких технологий не существует! — упрямился капитан.
— До недавнего времени мы тоже так думали. Хотите, устроим демонстрацию? — недобро осклабился бородач.
— Катитесь вы к дьяволу с вашей Лаурой! — наливаясь краской, запальчиво бросил капитан.

— Покатимся, но не мы, — зло прищурился бородач. — Лаура!..

Обуреваемый гневом и болью, капитан не сразу понял, зачем ему включили трансляцию с палубы экипажа. Там он увидел эту женщину, стоявшую возле криокамеры младшего помощника, а затем ему повторили требование. Капитан отпустил ругательство, и Лаура тут же нанесла удар. Казалось просто невероятным, что она пробила особо прочный колпак, чьи стенки пасовали разве что перед пулей. Пробила не чем-то, а кулаком. И это прошло для нее без последствий. Разгерметизированная, криокамера выбросила клубы ледяного пара, ничем ей не навредившие. Получается, она и впрямь в них недавно лежала, сохраняя полную дееспособность.

Оставалось неизвестным, как этот якобы андроид вытворял такое без ущерба для себя. Очевидным было лишь то, что к младшему помощнику его неуязвимость не относилась. Затрезвонила, заиграла красными огнями аварийная сигнализация. Громкая трель возвестила об угрозе для члена экипажа. Его жизненные показатели затрепетали, демонстрируя экстремальное состояние, и обнулились. Нарушение криогенной процедуры убило младшего помощника в считанные секунды.

Бородач терпеливо ожидал, пока пленник, сотрясаясь от эмоций, закончит изрыгать проклятья. Потом, не говоря ему ни слова, снова обратился к Лауре. Перейдя к другой криокамере, та опять ударила кулаком. И орудуй она молотом, эффект вряд ли получился бы сильнее. Протяжно шипя, клубы ледяного пара покидали ложе, где стремительно умирал спящий человек. Капитан и опомниться не успел, как навсегда потерял второго пилота, а Лаура уже подходила к криокамере бортмеханика. Убийство людей этого непостижимого андроида явно не беспокоило.

— Стойте! — заорал капитан. — Стойте, проклятые выродки!

Бородач велел Лауре обождать. Терпеливо выслушав поток сквернословий, он в очередной раз осведомился, не угодно ли будет пленнику разблокировать управление. Пленник сообщил, что не угодно, однако он подчиняется против своего желания.

Обретя контроль над звездолетом, бородач передал управление своим людям. Оставленный на мостике, капитан Холинджер наблюдал, как они прерывают полет, а затем переводят двигатели на холостой ход.

— Зачем вам все это? — только и спросил он. — У меня на борту нет ничего ценного.

— Это уж как сказать, — неопределенно отозвался бородач, и больше с ним не говорил.

Он сделал исключение только раз, когда на мостик, спустя пару часов, поступил запрос по межзвездной связи. Заметив дрейфую-

щее судно, офицер галактического патруля интересовался, все ли в порядке.
— Я советую вам быть очень убедительным, — холодно заявил бородач. — Если что-то пойдет не так, будет куда хуже.
Хуже чего именно, он тут же продемонстрировал. Звездолет пронзил резкий сигнал, повторившийся несколько раз. Это был сигнал аварийного сброса. С левого борта, через открытые шлюзы, в космос вылетело пятьдесят криогенных камер.

Ужас, сковавший капитана Холинджера, сменился эмоциональным взрывом.
— Убийцы! — задохнулся он слепящей яростью. — Вы что творите?!
— Мы выбросим в космос всех! Решение за вами! — отчеканил бородач.
Мечтая разорвать ему глотку, и желательно собственными зубами, капитан подчинился. Насилу владея собой, он заверил офицера, что на борту все хорошо, и помощь не требуется. Потом, когда тот отключился, стал вырываться так, что едва не полопались ремни.
— Утихомирьте его. Он больше не понадобится, — заключил бородач.
— Кто вы, отродья сатаны?! Скажите, чтобы я знал, кого проклинать! — неистовствовал капитан Холинджер.
Ответ на его вопрос появился на экранах мостика. К звездолету приближалось неопознанное, не числившееся ни в одном реестре судно. Пиратское судно, о чем говорили его хищные, по-военному боевые надстройки. Затем свет в глазах снова померк.

Капитан очнулся еще раз. Увы, по злой иронии судьбы, ибо лучше бы он в сознание уже не приходил. Надежно прикованный, сделать он ничего не мог, а прямо по курсу на его звездолет стремительно надвигался исполинский астероид. Старый корабль пиратов не интересовал, как не интересовал и его экипаж. Свое же, однако, они забрали. Это были криокамеры. Две тысячи криокамер, перегруженные на их судно. План сработал как часы. Освободившись сама, изображавшая человека Лаура освободила и абордажную команду. Та же, взяв капитана в оборот, без труда исполнила задуманное. Прервав полет, они передали координаты на свое судно, куда и забрали пассажиров. Захваченный же звездолет, заметая следы, пустили в расход. Запрограммированный, он пошел таким курсом, что столкновение с астероидом становилось неизбежным. В этом столкновении он и погиб, разнесенный на мелкие куски. Последним, что увидел капитан Холинджер, был расколотый ударом мостик, откуда мгновенно вылетел воздух. Затем все поглотила яркая вспышка.

Среди галактических просторов, сонма космических станций и бесчисленных звездных систем преступления не были редкостью. Как и в стародавние времена, люди совершали их постоянно, ибо цивилизация хоть и развивалась, но особо лучше они както не становились. Менялись только масштабы и методы, а сама суть оставалась неизменной. Кражи, похищения, убийства, грабежи, шантаж, вымогательство, наркоторговля — этот список никогда не иссякал. Он разве что дополнялся новыми вариациями, что человечество ничуть не красило. Оно совершенствовало полицию, бросало в бой спецназ, вооружало спецагентов, внедряло новые технологии, содержало армию детективов, судей и прокуроров, но в целом ситуация не менялась. Экспансия к звездам выводила преступность на новый уровень, и порой ее с трудом удавалось сдерживать. Благополучные центральные планеты резко контрастировали с периферийными, где иной раз всем заправляли преступные кланы. И даже когда там удавалось навести порядок, гдето возникали новые, а затем еще и еще, поскольку колонизация продолжалась. Верховный прокурор хорошо это знал. Ежесуточно он просматривал уйму запросов, поступавших со всех концов галактики, и принимал решение о возбуждении дел. Разумеется, дел очень серьезных, требовавших его личного внимания, ибо для остального существовала служебная иерархия.

Вопросами продуктов питания ведало министерство здравоохранения. Оно разрабатывало стандарты, которым производители должны были следовать, и оно же осуществляло контроль за их соблюдением. Разумеется, всегда находились те, кто их нарушал, преследуя коммерческую или иную выгоду. К таким применялись санкции, однако редко уголовные, если не выявлялось чего-то уж совсем из ряда вон. Исключения, однако, бывали, особенно когда они перекликались с министерством образования. За здоровьем учащихся внимательно следили. Гораздо тщательнее, нежели за здоровьем населения в общем. Исполняя собственную программу, власти заботились о подрастающем поколении и тех, кого считали будущим нации. Приняв звонок, верховный прокурор открыл небольшой файл, доставленный по зашифрованной почте. Просмотрев его содержание, он вызвал к себе двух доверенных заместителей.

Работа подчиненных требовала некоторой коррекции. Их рвение сейчас было направлено совсем не туда. Кому какая забота до ограбления богатых бездельников, у которых денег меньше не стало? Пусть этим занимается местная полиция. Уж как умеет, так и занимается, а если не может, так это ее проблема. Жалкие воришки, исподтишка вывозящие руду, особого внимания также не

заслуживали. Таких по всей галактике пруд пруди, вот еще за ними гоняться! Тут никаких сил не хватит! Армию за ними, что ли, посылать? Есть таможенный контроль, есть звездные патрули — они пусть и отдуваются. И с каких это пор обычная катастрофа привлекает внимание прокуратуры? Звездолеты разбиваются едва ли не каждый день. Их же миллионы! Хоть какой-то да терпел крушение либо при неудачном маневре, либо банально выходил из строя, после чего вполне себе запросто сталкивался с астероидом. Нет, вот на все это внимания обращать не стоило. Другое дело — возможная фальсификация документов, из-за которой в учебные заведения могло попасть некачественное питание. Вот это требовало внимания, и вот на это следовало бросить лучшие ресурсы. Пока — негласно, поскольку информация сперва должна получить подтверждение.

Прокурорская проверка носила особый характер. Ни на места, ни куда-либо еще не направлялись группы захвата и прочие силовые соединения. В работу вступали корректные специалисты, ничем не выделяясь из бюрократической толпы. Степенно, аккуратно, не привлекая внимания, они собирали информацию, действуя так, чтобы не обеспокоить потенциальных нарушителей. Входя с ними в контакт, они никоим образом не давили, запрашивая нужные документы для какого-то там формального дела. Они никогда не угрожали. Они вызывали расположение и просто делали свою нудную работу, каковое впечатление успешно и производили. Между тем это были матерые профессионалы. Крупица за крупицей, они разбирали даже самую запутанную документацию, и если хоть что-то в ней содержалось — они обязательно это находили. От их внимания не ускользала любая мелочь. Утаить от них незаконные махинации было практически невозможно. Напав на след, они с него уже не сходили до победного конца. Их цель даже не подозревала, что над ней сгущаются тучи, и не подозревала до последнего, когда уже ничего не могла с этим поделать.

Проверка крупной компании имела свои сложности. Владея серьезными ресурсами, такие надежно защищались, выстраивая стену из бюрократии, законных зацепок и адвокатов. И это уже не говоря о неприкосновенной частной собственности, порой охраняемой маленькой наемной армией. Такими случаями и занимался верховный прокурор. Сам обладая огромным весом, он обладал и связями. Один звонок — и к вопросу подключались судьи, шефы полиции, спецслужбы или другие министерства. В том числе министерство обороны, с которым нарушители хотели связываться еще меньше, чем с секретными агентами. Действуя официально, верховный прокурор дергал и за невидимые нити, подчас прино-

сившие куда больший результат.

Заместители усвоили задачу хорошо. Удалившись, один тут же стал усмирять лишний пыл, проявленный в отношении малозначимых дел. Все эти кражи, контрабанды и катастрофы пусть расследуют на местах. Неоправданная ретивость тут совершенно ни к чему, о чем каждому следует помнить. Второй организовал прокурорскую проверку. Точнее, начал организовывать, собирая надежную группу. Верховный прокурор был спокоен. На этих двоих он всегда мог положиться, лично контролируя лишь общий ход порученных задач. Это позволяло ему заняться и другими вопросами, требующими его участия.

Перебрав на столе папки, верховный прокурор вытащил одну, с проставленным на ней именем. Изучив комментарии, он нажал кнопку вызова по шифрованной связи. Тихонько пиликнув недрами, терминал автоматически связал его с ответственным лицом.

— Слушаю, — раздался женский голос.

В нем сквозила почтительность. Видеоизображения не было, однако коммуникатор показывал, от кого именно поступил вызов.

— Руберт Тейдлиц. Вы ведете его дело? — коротко осведомился верховный прокурор.

— Так точно! Мелкий преступник с богатым послужным списком. В розыске, за недавнюю подделку документов. Есть предположение, что устранен картелем Одулоа, с которым у него возникли какие-то неприятности, — вкратце, доложил по форме женский голос.

— С этого момента дело передаете лично мне! — приказал верховный прокурор. — Вам же поручается выяснить, что предпринял картель в адрес Тейдлица. Но только это! Вы меня поняли?

— Так точно! — и не подумал возразить женский голос.

С верховным прокурором никто не спорил. Упрямцы на должностях не засиживались, зато покладистые сотрудники шли на повышение, и их уж точно не переводили во всеми забытую дыру. Жаловаться на него тоже не стоило, даже если иной раз и казалось, что он неправ. Свой пост верховный прокурор занимал уже шестнадцать лет, и его связи на верхах служили ему непрошибаемой броней. Фактически, было чистейшим идиотизмом подавать рапорт тем, чьи интересы он явно и представлял. И представлял добросовестно, о чем говорили упомянутые годы.

Довольный результатом, ибо статус дела надлежаще поменялся, верховный прокурор, однако, не успокоился. Он сделал еще один звонок, по той же части. С тем, кто ему ответил, он разговаривал уже на равных. Беседа продлилась недолго, и услышанное

его удовлетворило. В данный момент все находилось под контролем, а ситуация сложилась благоприятным образом. Даже благоприятнее, нежели предполагалось. Придя к такому выводу, верховный прокурор отправил папку Тейдлица в личное хранилище, оставив на нем активную пометку. Оно находилось под его присмотром. Узнай об этом Руберт, он бы тут же утратил покой. Он бы и вовсе посадил себе нервы, кабы выяснил, что верховному прокурору известно, кто такой Адам Стравински, и что в данный момент он находится в Либератике.

* * *

Исключая надменных зазнаек, обитатели дома №26 по Двенадцатой авеню неплохо сдружились. Руслана пришлась ко двору, отлично дополнив компанию Эрвины, Руберта и Элеоноры. Как оказалось, она интересовалась медициной и хотела стать врачом. В частности, психотерапевтом, к чему у нее были определенные задатки. Она хорошо налаживала контакт и умела поддержать практически любую беседу. Ее не чурались даже Сайлус с Фростером. Дружить не лезли, но и не чурались, снисходительно кивая и при встрече обмениваясь парой реплик. Остальных ведь они не удостаивали даже этим, а от музыкантов и вовсе шарахались как от зачумленных. Увы, те не нарушали правила, по совету Элеоноры не давая повода для жалобы. Оставаясь на своей волне, они прекрасно ладили со всеми, кроме упомянутой пары, и вполне себе разбавляли общество, даже когда не замечали никого кроме своих инструментов и друг друга. А еще его разбавили новые соседи в лице тех, кто въехал на первый этаж, поселившись напротив Сильвертины и Джеральда.

Листас и Шелли объявились в первый учебный день. Они задержались в медицинском изоляторе, умудрившись подхватить простуду. Иммунитет у них был невероятно схож, поэтому заболевали они обычно вдвоем. Оттуда их вместе и выпустили, прямиком в двадцать шестой дом по Двенадцатой авеню. Вместе обоих и поселили, только случай, в отличие от музыкантов, у них был другой. Листас и Шелли приходились друг другу родными братом и сестрой. Они не стали требовать раздельные комнаты, поэтому одна так и осталась пустовать. Побросав вещи, они убежали на занятия, а знакомиться с соседями отправились уже вечером.

Первый день получился вводным. Разделенных на группы, новичков водили по учебному комплексу, внутри оказавшемуся еще больше, нежели он представлялся снаружи. Все эти здания, аудитории, фойе, лестницы и переходы, лифты, транспортные ос-

тановки и терминалы — они сплетались в настоящий город, где без навигатора вполне можно было заплутать. К счастью, тот вполне себе работал, интегрированный в дополненную реальность. Отключенная от Пространственной сети, она не имела связи с внешним миром, зато на уровне университета функционировала исправно. На знакомство с учебным комплексом у первокурсников ушел весь день, завершенный лекцией о грядущей программе обучения. Затем их отправили домой, где они принялись делиться полученными впечатлениями. Ну, и знакомиться, если с кем-то еще не довелось.

Листасу и Шелли было по восемнадцать лет. Они родились в один день и час, поскольку шли на свет комплектом, то есть двойней. Но не близнецами. Во всяком случае, не настолько близнецами, чтобы походить друг на друга как клоны из инкубатора. Они отличались как внешностью, так и характером.

Листас был тот еще непоседа. Он даже сидел как на иголках и обожал всякого рода физическую деятельность. Какое-то время у него подозревали СДВГ, то есть синдром дефицита внимания и гиперактивности, но в результате выяснилось, что он просто подвижный. Не находя себе занятия, он изнывал от скуки или отправлялся в спортзал, где, будто хомяк, мог бежать по дорожке до изнеможения. Собранные на затылке в хвост, его светлые волосы завивались от влаги, когда он приходил весь взмокший от усердия. Круглое лицо краснело, а полноватые пальцы утирали с широкого лба катившиеся капли пота. Особой сообразительностью Листас не отличался. Проявляя некоторый талант в рисовании, он был разговорчив, весел и сыпал шуточками, однако оставалось неясным, за что именно его приняли в Либератику.

Шелли, брюнетку от рождения, отличала немногословность. Невысокая, она обладала худощавой фигурой и математическим складом ума. По крайней мере, вычислительным, способным неплохо оперировать формулами и логикой. Спорт она не любила, предпочитая тратить энергию на более продуктивные занятия, либо же не тратить ее вовсе. Не любила она и пребывать в центре внимания, посмеиваясь над выходками брата, но сама клоуном не выступая. При этом Шелли не держалась и отчужденно. Она с удовольствием проводила время в компании, внимательно слушая и порой вставляя дельные комментарии. Ее интерес к науке был вполне выражен. В отличие от брата, который и сам толком не знал, зачем поступил в Либератику, Шелли надеялась найти свое призвание на факультете биофизики.

Брат и сестра происходили из простой трудолюбивой семьи. Их отец работал продавцом в мегамаркете, где за день бывало до

полумиллиона человек. Порядочный мужчина, он не страдал дурными привычками и вел примерный образ жизни. Мать трудилась на фабрике, командуя бригадой механизаторов. Она была строга, но справедлива, хозяйство вела рационально и детей вниманием не обделяла. А их было четверо, ибо у Шелли и Листаса имелись старший брат и младшая сестра. Сестра училась в школе, а брат перебивался случайными заработками, пытаясь найти свое место в жизни.

С Либератикой вышло неожиданно. Скромные доходы семьи университетов не предполагали. Как максимум, родители надеялись пристроить детей в колледж, и то если повезет. Шелли, конечно, демонстрировала приличные успехи, однако на бесплатные места был сумасшедший конкурс. Она старалась, но без фанатизма, прекрасно понимая расклад, отчего и документы подавать никуда не торопилась. Приглашение в Либератику свалилось как снег на голову, поступив одновременно не только Шелли, но и Листасу. А вот другие дети его не получили. Впрочем, сестренка была еще мала и не подходила по возрасту, зато старший брат сильно возмущался. Мол, чем это он хуже? Хорошие идеи приходят в голову ему, а награждают почему-то других!

Под идеями подразумевалась программа донорства тканей. Ища, где бы разжиться деньгами, старший брат заглянул в какую-то элитную клинику, и там, внезапно, ему выплатили приличную сумму. Удивленный, он сдал расширенные анализы, а заодно позвал туда брата и сестер. Те не отказались, решив не лишать семью финансового вливания. Их ожидания оправдались сторицей. Получив обещанное вознаграждение, они получили несравнимо больше, когда их дополнительный биоматериал заслужил высокую оценку. Тогда старший брат обиделся в первый раз. Ему никаких увеличенных выплат не перепало. На приглашение в Либератику, поступившее через неделю, он обиделся во второй. Он, конечно, поздравил Шелли и Листаса, однако был очень сердит, ворчлив и разочарован.

Сборы не затянулись. На семейном совете было решено благословить двойняшек на отъезд в университет. Родители вынашивали на них другие планы, однако отказываться от подарка фортуны не стали. Такой шанс выпадает раз в жизни, да и то не каждому, и было бы просто грешно им пренебрегать. Шелли, обрадованная поддержкой отца и матери, собралась в тот же вечер. Колебался только Листас. Он не ожидал приглашения в университет, в том смысле, что просто не знал, зачем ему это все. Сына убедили родители. Тот звезд с неба не хватал. И сами безмерно удивленные, на кой он понадобился Либератике, они велели ему не валять

дурака и складывать вещи. Мол, не знаешь, как поступить сам — посмотри на сестру и просто следуй за ней. Листас согласился. Подгоняемый Шелли, он уложил свой незатейливый гардероб, и на следующее утро двойняшки покинули родительский дом. Расставание омрачили только слезы младшей сестры. Она очень горевала, что долго их не увидит, и просилась лететь с ними. Увы, это было невозможно, в том числе потому, что пятнадцатилетних в Либератику не принимали.

Поделившись друг с другом историями, новоиспеченные соседи и первокурсники невольно призадумались. Все они принадлежали к разным социальным слоям, с разным же уровнем дохода, культуры и образования. Они отличались родством, воспитанием, составом семьи, увлечениями, образом жизни, внешностью и вообще всем, чем только можно было отличаться. Их ничто не связывало, и при иных обстоятельствах они вряд ли составили бы единую компанию. И все же они сидят здесь, в гостиной одного из жилых домов Либератики, невероятно престижного учебного заведения. Бывает же такое! Вероятно, тут и впрямь раскрывают некие скрытые таланты, о которых студенты и сами не подозревают. Вот только какие? Найдя эту тему весьма интригующей, вся компания принялась гадать.

Наиболее очевидной представлялась одаренность Шелли. Интересуясь науками, она действительно достигла определенного прогресса в биофизике. По крайней мере, заметного для своих лет и чисто любительского подхода. В таком случае, старейший факультет Либератики подходил ей как нельзя лучше, а его декан, Мартьяла Дормербруг, примет ее с распростертыми объятиями. Шелли очень надеялась, что это так. Экскурсия по учебному комплексу развеяла всякие сомнения, где ее подлинное место. Завороженная стендами и голограммами, она утвердила заявку и с трепетом ждала распределения.

Одаренность Русланы тоже сомнений особо не вызывала. Ее увлечение медициной в общем, и психологией в частности, служили вполне наглядным доказательством. Она читала много тематической литературы, смотрела образовательные фильмы и в целом была весьма толковой девушкой. Своих надежд она не скрывала, рассчитывая стать хорошим психотерапевтом, и вряд ли в Либератику ее пригласили ради чего-то другого. Руслана, конечно, волновалась, однако новые друзья заверили, что ей бояться нечего. Она получит то, к чему стремится, и все у нее будет хорошо.

Логика подсказывала, что простушка Сильвертина с науками вряд ли подружится. Судьи или адвоката из нее тоже не выйдет, как не выйдет психолога или инженера. Вслух ей об этом, конеч-

но, не говорили, однако она и сама что-то такое понимала. Значит, все дело в игре на скрипке, от которой кудрявая девушка была без ума. Но разве Либератика готовила скрипачей? Артистами она пока не славилась, и ее выпускники с гастролями по галактике не разъезжали. Впрочем, что там говорили на торжественном собрании в парке? С недавних пор, университет начал осваивать и новое для себя поприще, открыв факультет культуры. Возможно, Сильвертина станет одним из его первопроходцев. Ну а специализаций бывает много, как на сцене, так и в шоу-бизнесе. Кто знает, вдруг из нее получится именитый преподаватель музыки, артистка или композитор?

С Джерри все выглядело сложнее, в первую очередь потому, что в действительности его звали Годрициан. Джерри был музыкантом, обожающим играть на волынке. Годрициан наследовал семейный бизнес, в котором, необходимо признать, разбирался. Не любить не значит не уметь. Хорошенько обученный в университете, он занял бы достойное место в "Инглтон мехатроникс инкорпорейтед", а со временем сменил на посту отца. Таким образом, его одаренность могла относиться как минимум к экономике, в разных ее воплощениях, а также социологии и математике. Финансист, предприниматель или специалист по работе с персоналом — кто знает, что именно увидела в нем Либератика. Сам Джерри хотел верить, что музыку. При этом, увы, он подозревал, насколько сильно отстает в игре на волынке от игры в акулу бизнеса. Инструментом он владел хорошо — это подтверждали Сильвертина и Элеонора, но семейными делами он владел еще лучше. Теряясь в догадках, Джерри даже боялся предполагать, что в итоге выйдет.

Элеонора затруднялась сказать, чем обратила на себя внимание Либератики. Именно как баронесса фон Геннингшафт она вряд ли здесь кого-то интересовала. Аристократическими вопросами в университете не занимались, геральдику не практиковали, а генеалогию изучали постольку поскольку, применительно лишь к генетике и медицине. Элеонора справедливо не считала себя дурой, однако серьезные науки вроде физики или биологии ей были явно не по плечу. Социология? Возможно. Она интересовалась проблемами в обществе и находила его устройство не слишком-то справедливым. В этом отношении ей подошла бы политология. Элеонора не откажется стать серьезным политиком. Она была бы не первой аристократкой, кто отстаивает интересы простого народа. Чисто теоретически тут мог сыграть и ее интерес к астрономии. Элеонора призналась, что любит звезды, только смотреть на них в телескоп у нее обычно не хватает времени.

Наморщив носик, Эрвина открыто заявила, что ничем особо

не одарена. Она, конечно, собиралась поступать в университет, рассчитывая выучиться на инженера, но на обычного, а не создателя новых двигателей или планетарных лифтов. Иными словами, ничего выдающегося она в себе не замечала. Девушка как девушка. Таких, как она, миллионы, и живут они ничем не примечательной жизнью. Эрвина желала для себя большего, не собираясь довольствоваться малым, только не смешивала фантазии с реальностью. Она не могла взойти на трон, будучи рождена простолюдинкой. Ей не удастся прыгнуть выше головы, как бы она ни старалась. Схватить звезду с неба — возможно, даже если придется обжечься, но отрастить себе нечто уникальное — вряд ли. Слушая возражения друзей — мол, она себя недооценивает, — Эрвина пожимала плечами. Элеонора корила ее за низкую самооценку, однако Эрвина возражала, что самооценка — это одно, а приписывание себе талантов — совсем другое.

Постукивая пальцами по губам, Руберт поддержал рыжеволосую подругу. Разумеется, мысленно. Он же не мог сказать, что в жизни преуспевал исключительно вскрытыми замками. На кой он вообще сдался Либератике? Тут что, готовят взломщиков галактического масштаба? Вряд ли, как вряд ли готовят и воров экстракласса. Нет, где-то, конечно, их готовят, например, в академиях спецслужб или агентствах промышленного шпионажа, но явно же не в элитном университете! Выслав приглашение Руберту, его руководство, вероятно, сделало ошибку, которую вскоре и обнаружит. Тогда — как знать, не придется ли отправиться обратно, чему будет очень рад картель Одулоа. С другой стороны… Эту идею Руберт высказал уже вслух. Теоретически, его призвание могло заключаться в робототехнике, электронике, электромеханике или типа того; везде, где использовались блокирующие контуры и системы. Их ведь кто-то производил, обслуживал, ремонтировал и даже изобретал. Если у кого-то неплохо получается их взламывать, его талант авось и лежит где-то в этой области, просто надо посмотреть на него под другим углом.

Листас отделывался шутками. Последовав за сестрой, он в принципе не знал, что здесь делает. Бегал он неплохо, однако спортсменов Либератика не готовила. Листас плыл по течению, направляясь туда, куда подсказывали обстоятельства. Университет? Хорошо, пусть так, но пусть тогда он сам и скажет, чего ему надобно. Факультет культуры? По словам Шелли, это вполне себе его стезя — стать конферансье, сценаристом или юмористом. А может и комедийным актером, если таких здесь начнут выпускать. В последнее, конечно, плохо верилось, однако болтовня Листаса, пожалуй, и впрямь была его единственным талантом. Увы,

ни адвокатом, ни прокурором за счет одного лишь подвешенного языка не станешь. Тут бы и в голове что-то иметь, а у Листаса с этим оказывалось туговато. Оставалась еще версия с художником, в том или ином его воплощении, только тут сомнения вызывали сами работы. Так-то неплохие, на уровень выраженной одаренности они все же не тянули.

Сайлус и Фростер в обсуждении не участвовали. Они даже в гостиную не приходили, стараясь избегать всякого контакта с неприятной им компанией. Компания же не удержалась, чтобы не высказать предположения на их счет, и делала это даже активнее, чем рассуждала о себе. То сказывалась неприязнь, вполне закономерно вызванная двумя снобами. Правда, открыто в этом никто не признавался, однако не отказывал себе в удовольствии немного пройтись по надменным персонам.

— Медицина! — с деланным убеждением заявила Эрвина. — По профилю психиатрии. Тут же нарциссизм прямо зашкаливает!

— Нарциссизм — это не специализация, это диагноз, — хихикнула Руслана.

— А это уже неважно! — подняла палец Эрвина. — Мы же рассуждаем про таланты, и другого я просто не вижу!

— Политология, увы, тут тоже подходит, — вздохнула, говоря вполне серьезно, Элеонора. — Там таких персонажей хватает. Мой прапрадедушка чуть не стал главой партии и заседал в планетарном парламенте. Избиратели его уважали и даже любили, но в нашей семье прекрасно знали, что все общественное благо он делал исключительно из самолюбования.

— Да ты что?! — ахнула такому откровению Эрвина.

— Увы, — кивнула Элеонора. — К счастью, я пошла не в него, иначе мое место было бы в компании тех двоих.

Догадки продолжались. Наиболее логичную высказала Шелли, разобравшись, что за персонажи эти Фростер и Сайлус.

— Экономика. Менеджмент. Маркетинг. Что-то в этом роде, — перечислила она, апеллируя к действительности, а не шуткам.

— Сомневаюсь. По крайней мере насчет Фростера, — мотнул головой Джерри. — Пару раз я навострил уши, когда он рассуждал про игру на бирже. Подавиться мне волынкой, но большей ахинеи мне нечасто доводилось слыхать. Если он реализует свои слова на практике, их семейному состоянию кранты.

— Я тоже так считаю, — кивнула Элеонора. — На бирже я не играю, но акции у меня есть. Кое-что мне о них известно, и тут либо в моей семье не знают, что это за активы, либо таланты Фростера точно в чем-то другом.

Успев покружить по комнате, Листас сделал стойку на руках.

Кровь тут же прилила к голове, что, вероятно, способствовало активации мышления.
— Животноводство! — выдвинул он свою версию.
— А?! — удивились все.
— Ну, скотоведение, свинобразие и агро… агро… Кто там спец по навозу? — пояснил Листас, нарочито искаженно подразумевая специалиста по удобрениям.
Руберт вульгарно захохотал. Элеонора отвела глаза, шуточку вполне понимая, однако находя ее грубоватой.
— Так животноводство же в Либератике не проходят, — недоуменно потерла нос Сильвертина.
Руберт упал с дивана, содрогаясь от неудержимого смеха. Краснея веснушчатым лицом, прыснула Эрвина. Это оказалось заразительным. Сработала психологическая цепная реакция. Не прошло и минуты, как смеялись решительно все — даже Элеонора, отбросив всякие приличия. Она только и успела показать скрипачке, что потешаются не над ней, после чего закрыла лицо ладонями и затряслась. Тогда, начиная прозревать, всеобщее веселье подхватила и Сильвертина.

Свои версии выдвигала и надменная парочка. Только порознь. Гостиная была занята, и разделять общество тамошнего контингента ей не хотелось. Уединившись по своим комнатам, Сайлус и Фростер не очень-то горели желанием видеть и друг друга. Пытаясь освоиться в Либератике, они искали здесь свое место, в прямом смысле этого слова, отчего кидаться абы кому на шею не торопились. Недавнее знакомство в дальнейшем могло оказаться нежелательным, если в кругах университета сыщется более достойный контингент.

Тоскуя по биржевым сводкам, Фростер был абсолютно уверен, что его место на факультете экономики. Родом из банкирской семьи, он желал преумножить семейный капитал и влияние игрой с активами. Одной лишь брокерской компании ему было мало. Его амбиции простирались на собственный инвестиционный фонд. Фростер считал эту область своим коньком и выстраивал теории, зачастую идущие вразрез с классическим учением и приемами. Он выводил собственные формулы, оперировал психологическими эффектами и разрабатывал хитроумные стратегии. Начинаясь от единичных спекуляций, иной раз они достигали финансовых интервенций межзвездного масштаба. Регулярные просчеты Фростера ничуть не обескураживали. Он просто корректировал свои вычисления, учитывая каждый новый случай. Он искренне полагал, что таким образом совершенствует свою схему, которая однажды станет универсальной и непогрешимой. В реальности же он был

силен лишь задним умом, то есть подгонял объяснения под свершившийся факт. На прогнозирование будущего это ничуть не влияло.

Самовлюбленный и эгоцентричный, Фростер не понимал всей глубины своих заблуждений, или не хотел, зато понимали родители. На свои эксперименты он уже потратил около ста миллионов семейных денег, забравшись в серьезные долги. Разумеется, он обещал все возместить с процентами, только мать и отец иллюзий не строили. Доверить ему управление активами означало финансовую катастрофу. Фростер очень гордился тем, что его отправили учиться в Либератику. В его глазах это означало признание собственных заслуг. На деле же родители надеялись, что хотя бы там его научат уму-разуму.

Соседей по дому Фростер презирал, исключая разве что Элеонору, Сайлуса и Руслану. Породистую аристократку, владевшую внушительным капиталом и солидным пакетом акций, было сложно недооценивать. Молодой Честерсайд симпатий у него не вызывал, однако они находились примерно в одной весовой категории. Фростер полагал, что тот слишком высокого мнения о себе. Выставляя себя крупным бизнесменом, ничего примечательного он еще не сделал. Руслана… Она ему просто нравилась. Как девушка, с которой он хотел бы свести знакомство и окружить своим высоким покровительством. Раздумывая, как подступиться, пока Фростер никаких шагов не предпринимал, однако, при встрече, не забывал обмениваться с Русланой парой слов. На фоне игнорирования остальных это выразительно подчеркивало его отношение. Их-то он за достойных людей не считал, искренне недоумевая, за какие заслуги всей этой шайке довелось очутиться в Либератике.

Сайлус мыслил схоже, но с некоторыми отличиями. Фростера он считал несведущим в биржевой игре, ощущая собственное превосходство. Когда дойдет до серьезного дела, он оставит нервозного приятеля за кормой. К Руслане же Сайлус относился двояко. Он не мог игнорировать эту девушку, раз уж Фростер выказывал ей симпатию, но и его чувств не разделял. Скорее, он здоровался с ней в пику остальным, чтобы еще больше подчеркнуть их незначимость. Элеонора же неизменно вызывала у него раздражение, основанное на глубочайшей уязвленности. Сайлус просто видеть ее не мог, но не мог и оскорбить, опасаясь получить очередной болезненный щелчок. Он, конечно, предпочел бы ее общество тому же Фростеру, только баронесса его словно и не замечала. А это задевало Сайлуса дальше некуда. Желая попасть на факультет юриспруденции, он полагал, что увидит Элеонору политологом, и заведомо радовался, что им не придется встречаться еще и в

учебном комплексе.

На всех других соседей Сайлусу было наплевать. Пусть болтаются где угодно — лишь бы от него подальше. Клоунами они там станут, торговцами звездной пылью или искателями вселенской истины — он верил, что Либератика найдет подходящую дыру, где пригодятся их специфические таланты. Время покажет, благо что ждать оставалось недолго. После вводной недели начнется распределение, и тогда уже точно станет известно, кто есть кто.

Все разговоры, все предположения о скрытой одаренности имели под собой важную подоплеку. В Либератике студенты не выбирали, на каком факультете станут учиться, и по какой специальности. Заполняя анкету, они могли выразить свои пожелания, но распределением занимался сам университет. Его решение обсуждению не подлежало, как не подлежало и пересмотру. Об этом говорилось в документах, подписанных абитуриентами при поступлении. Это было одним из фундаментальных правил, на которых стояла вся Либератика. Если уж она бралась раскрыть индивидуальный талант, то бралась самостоятельно, даже студента ни о чем не спрашивая. Таким образом, юноша, мечтавший стать экономистом, вполне мог оказаться среди адвокатов, а девушка, желавшая открыть для себя стезю юриспруденции, зачислялась в квантовые физики. Отказ подчиниться означал немедленное отчисление, автоматически считавшееся тем еще позором. Сомневавшимся открывали двери психотерапевты. Они убеждали принять выбор университета, и приводили примеры, как их именитые выпускники когда-то колебались сами, зато впоследствии ни о чем не жалели.

Размышления о том, кто где окажется, прервал мелодичный сигнал, громко прозвучавший в холле, а также дополненная реальность, куда поступило уведомление. Близилось время ужина. Отложив разговоры на потом, студенты принялись выбирать, какую еду желают видеть на своем столе. Кухни в домах отсутствовали не случайно. Всякая самодеятельность исключалась. Питание целиком и полностью находилось в ведении университета. Предоставляя широкий выбор, он, тем не менее, контролировал и продукты, и способ их приготовления. Не считая воду, в постоянной доступности были только чай, кофе да диетические батончики, имевшиеся в каждом доме. Все остальное учащиеся получали только централизованно.

Либератика придерживалась пятиразового режима питания. Между завтраком и обедом был второй завтрак — исключительно легкий прием пищи, как и полдник между обедом и ужином. С точки зрения биофизики, это помогало совместить кратковремен-

ный отдых с энергетической дозаправкой, благоприятно воздействующей на желудок. Биофизика рекомендовала есть меньше, но чаще. Таким образом, плотность завтрака и тяжесть обеда распределялась на промежуточные порции, что позволяло студентам всегда ощущать себя бодрыми и не осоловевшими. Когда наступало время, условный сигнал раздавался по всему университету, напоминая о важности соблюдения режима. Он звучал повсеместно, и без веских оснований никто не имел права помешать учащимся подкрепиться.

Формально, о принудительном питании не шло и речи. Любой студент мог пропустить обед или ужин, да и вообще не есть, если не хотел. В разумных, конечно, пределах, поскольку голодовка приравнивалась к угрозе жизни и заканчивалась медицинским вмешательством. Технически же учащиеся старались прием пищи не пропускать. Хитрость заключалась в баллах. Поощрительных баллах, зачислявшихся каждому на индивидуальный счет университета. И снимавшихся, за проступки, плохую успеваемость или нарушение режима.

Система была по-своему гениальной. Она отражалась на всем, что окружало студентов в Либератике. Ноль баллов не ограничивал образовательную программу или базовый уровень комфорта, но многие вещи становились доступны только за определенную плату. И очень соблазнительные вещи, ради которых стоило и постараться. К примеру, каталог одежды поражал своим разнообразием. Способный удовлетворить любые вкусы, он предлагал даже вещи на заказ и пошив их в элитном ателье. Все упиралось лишь в стоимость. Каждый студент мог регулярно обновлять гардероб, если не прогуливал занятия, выполнял медицинские предписания, вел себя прилично и не забывал правильно питаться. Каталог мебели был устроен по той же схеме. Новые обои? Нет проблем. Хрустальная люстра? Да пожалуйста. Раритетный столик, точная копия столика короля Луи XV? Сейчас будет. Если на вашем счету достаточно баллов. Если же нет, возможно, вам есть смысл пересмотреть свой образ жизни, чтобы получать желаемые поощрения.

Обратная связь тоже работала эффективно. Выбирая, чего бы они хотели поесть, "нулевики" довольствовались хорошим, но ограниченным меню. На вкус, питательность и консистенцию жаловаться не приходилось — все готовилось достойно, однако меню за баллы поражало воображение. Ассортимент был настолько огромен, что иные студенты тратили многие месяцы, стараясь перепробовать все, и у них это не получалось. Отсюда и формировалась обратная связь. Тот, кто не соблюдал дисциплину в питании,

лишался широты этого питания, что автоматически стимулировало его не пропускать.

Зависел от баллов и досуг. Парк, спортивные площадки и многие другие развлечения были открыты для всех, однако изысканные развлечения вроде гонок на электрокартингах или пребывание в полноценной виртуальной реальности требовали оплаты. "Нулевик" не мог претендовать на некоторые аттракционы, рыбную ловлю, стрельбу в настоящем тире и ряд других увеселений, очень даже востребованных.

Обманывать систему не стоило. Если студента уличали, что он заказал еду, а потом выбросил ее в мусорный бак, то есть имитировал соблюдение режима, штраф был суровым. Пропущенный завтрак снимал немного баллов, которые всегда восстанавливались при наличии уважительной причины. Пища, нарочно спрятанная от глаз, наказывалась несравнимо сильнее. Это относилось ко всему, включая регулярные посещения врачей, здоровый образ жизни, соблюдения режима и правил университета. Студентов никогда ни к чему не принуждали. Их лишь стимулировали придерживаться рекомендованных рамок, зато стимулировали на совесть.

Сделав выбор, студенты просто дожидались, когда прибудет еда. Готовые блюда, личные вещи и предметы обихода доставлялись автоматически, исключая нечто крупногабаритное. Гостиная и личные комнаты оснащались специальными нишами. Туда, через хитроумную систему труб, поступали подносы с едой, новая одежда и украшения. Туда же складывались грязные тарелки или ненужные вещи. Открывая или закрывая нишу, студенты тем самым включали программу, и все операции выполнялись с точностью хронометра.

Новички, только начинавшие свою учебную жизнь, обладали стартовым запасом баллов. Они, однако, не отнимались на досуг и питание. Первые две недели им дозволялось все, а стоимость фигурировала лишь на будущее, в качестве предупреждения. Ограничение было только одно — общая питательность набора. Она высчитывалась автоматически, с точным указанием калорий, витаминов и микроэлементов. Сделать заказ выше предельного порога не получалось, причем у каждого студента он был индивидуальным, рассчитанным по его медицинской карте. Излишне калорийное блюдо заменяло три-четыре других, и любителям попробовать всего понемногу следовало это учитывать.

Даже точный математический расчет не учитывает множество нюансов. Какой-нибудь завсегдатай баров, привыкший проглатывать по бутылке спиртного, иной раз изрядно хмелел от пары

шотов. Эрвина объелась. Объелась так, что аж тяжело дышала. Привыкнув питаться полуфабрикатами, она дорвалась до внезапного изобилия и явно перестаралась. Ограничение не учло ее неподготовленный желудок, который реагировал не столько на сытность, сколько на объем. Плюхнувшись на кровать, она лежала животом кверху и тихонько стенала, сетуя на свою невоздержанность.

— Надо быть осторожнее, — корила ее Элеонора.

Поднеся подруге холодной воды, она придерживала стакан, пока та пыталась напиться. Затем, спустя немного времени, повторила эту незатейливую процедуру.

Обжоре немного полегчало. Отдуваясь, Эрвина завалилась на подушку, ощущая себя уже не преисполненной до краев бочкой с отрубями.

— Если хочешь, я буду советовать, что попробовать, — предложила Элеонора. — У меня довольно большой опыт по этой части. Однажды на моего дядюшку накатил бзик. Он потребовал от повара каждый раз подавать что-нибудь новенькое. И целый год, на завтрак, обед и ужин, это правило соблюдалось неукоснительно. Блюда никогда не повторялись. Под конец я взбунтовалась и потребовала самый обычный бифштекс с жареной картошкой. Но опыт был интересный и незабываемый.

Эрвина обеспокоилась. До сих пор она была рада всем наставлениям подруги, однако ее воображение тут же нарисовало всякую дрянь, которую употребляют пресытившиеся аристократы.

— Тут уж на вкус и цвет, — осторожно заметила она. — Признаю, твои советы очень ценны, и я тебе за них признательна, только еда — это другое.

— Не бойся, я не стану подсовывать тебе эскарго или запеченного в ферментах паука, — догадавшись, откуда ветер дует, рассмеялась Элеонора. — Я познакомлю тебя с прекрасными образчиками гастрономических чудес. Даю слово, ты не пожалеешь!

— Ладно, уговорила, — вздохнула, поворачиваясь на бок, Эрвина.

Время близилось ко сну, и сегодня она решила с кровати уже не вставать.

— Интересно, — добавила она, когда свет в комнате уже был погашен, — чего это здесь так возятся с едой? Не меньше, чем с учебой.

— Здоровье студентов — один из китов Либератики, — пояснила, тая зевоту, Элеонора. — А его залог — правильное питание. С этим я совершенно согласна.

— Прямо сакральный ритуал. Первый раз вижу, чтобы оно так ко-

го-то заботило, — пробормотала, проваливаясь в сон, Эрвина.
И тут же засопела носом, даже не подозревая, какие силы и впрямь может это заботить, и заботить очень серьезно.

В круглой, наглухо изолированной аудитории присутствовали все те же шестеро, плюс традиционный докладчик. Квантовое поле в центре привычно бурлило серым. Красно-синие лучи плавно перемещались, словно ведя неторопливую, одним лишь им ведомую игру. Серо-бежевые ярусы выглядели неизменными, освещаясь невесть откуда. Исключая центр, источников света в аудитории не наблюдалось, а конусы над сидящими, против всех законов природы, источали сумерки. На сей раз все проходило штатно. Руководство Астробиона собралось на ежемесячную встречу. Озвучив повестку дня, оно пожелало заслушать докладчика.

Хорошие новости заключались в том, что причина биологических потерь наконец-то была найдена. Кропотливая, всесторонне проведенная работа позволила установить это с полной уверенностью, исключая вероятность ошибки. Учитывая сложность задачи, было вполне простительно, что расследование так надолго затянулось.

— Продукты питания не были поддельными, — пояснил докладчик. — Была нарушена заявленная технология. При производстве негласно использовались гормоны и генная модификация. Это дало скрытый, не сразу выявленный эффект. В обычных условиях никто бы ничего и не заметил, но в нашем случае это сыграло роковую роль.

— Так-то вы проверяете все продукты, — холодно сказал Гектали-страт. — И где же ваша хваленая безопасность?

— Мы проверяем их очень тщательно, — ответил докладчик, которого, судя по тону, услышанное весьма задело. — Первые партии исследовались досконально. К сожалению, впоследствии сработало то, что мы называем бизнесом по-человечески.

Озвучивая простую истину, никто никому пресловутую Америку не открывал. Завоевав себе репутацию, многие производители пускались на хитрости и ухудшали товар, если и не напрямую, то скрыто. В самых грубых вариациях это означало откровенную фальсификацию качества, но она довольно быстро выявлялась. Потребители замечали обман, а уж профессиональный контроль и тем более. Различные заменители, создававшие нужный эффект, определялись уже сложнее, как и упрощение техпроцесса, заметное отнюдь не сразу. Они приводили к тому, что покупатели частенько вообще не замечали разницы, а на чистую воду производителя выводили эксперты. Труднее всего обнаруживалось искусное замещение технологии. Такое, которое выдавало вроде бы ту же

продукцию, но менее затратным методом. Например, прибегая к гормональной терапии и генетическому вмешательству. Это позволяло снижать издержки и выигрывать на себестоимости. Конкурентоспособность повышалась, доходы росли. Если же компанию уличали в нарушениях, обычно ей грозил только штраф. Даже крупный, он с лихвой покрывался прибылью, ради которой стоило пуститься на манипуляции с качеством.

— Годами убеждаясь, что все в порядке, мы перестали проверять каждую партию под микроскопом. Как оказалось, напрасно, — подытожил докладчик.

— А следовало бы! — воскликнул Тредалиур. — Ваша беспечность стоила нам множества потерянного биоматериала! Ценнейшего биоматериала!

— Избыточный анализ отнимает много ресурсов и вызывает немалую задержку в производственной цепочке. Если процесс поставлен на поток, это весьма критично, — возразил докладчик. — Позволю себе подчеркнуть, что мы еще недостаточно развились для столь затратных перманентных операций.

— Изыщите ресурсы! Подобное повториться не должно! — велел Песпектур.

— Минутку. Разве вы не сами производите необходимые продукты питания? Разве все эти компании, в конечном счете, принадлежат не вам? — озаботился Анджей.

— Цикл еще не замкнут, — пояснил докладчик. — Компании действительно контролируются нами, но сами они имеют дело с поставщиками. Те продают нам недостающие ресурсы и компоненты. С одним из таких поставщиков и произошла накладка.

— Требуется полное самообеспечение! Без всякого стороннего вмешательства! — твердо заявил Винтомаар.

— Рад, что вы об этом заговорили, — едко сказал докладчик. — Если вы припомните, я с самого начала на этом настаивал, но руководство Астробиона расставило другие приоритеты. Разорваться, делая все и сразу, мы не можем.

— Довольно! — резко произнес Крестергратикус. — Нападки неприемлемы! В потере биоматериала вины членов Астробиона нет! Но постарайтесь принять меры, чтобы такая ситуация не повторилась!

— Уже принимаем, — заверил докладчик. — Виновные понесут суровое наказание. Чтобы другим была наука.

Следующим вопросом повестки стало расширение исходного биоматериала. Само по себе полезное и необходимое, оно сопровождалось массой сопутствующих осложнений. Например, все процедуры были отточены на привычных типажах. Нестандарт-

ные и реагировали нестандартно, зачастую не лучшим образом. В замкнутой среде появились инфекции, прежде пресекаемые на корню. Так, ничего серьезного, но примечательным стало само их наличие. Кроме того, жизненная среда трещала по швам. Наплыв оказался столь велик, что до предела выбрал все имевшиеся резервы. Это привело к чрезмерной нагрузке на многие службы, вплоть до аврального режима работы. К сожалению, быстро нарастить имеющиеся мощности не получалось, а в перспективе нагрузка будет лишь возрастать.

— Это проблему создали вы сами, — сухо напомнил Тредалиур. — Руководство Астробиона удовлетворило ваш запрос, а вы теперь ему же и жалуетесь?

— Я не жалуюсь! Я констатирую текущее положение дел! — сердито возразил докладчик.

— Вы констатируете проблему, — поддержал коллегу Анджей.

— Полезный эффект перевешивает сопутствующие сложности. Мы должны работать на опережение. Разве не об этом нам говорят последние сводки? — веско произнес докладчик. — Я правильно понимаю, что ситуация развивается неблагоприятно?

— Да, — нехотя кивнул Перспектур.

Положение и впрямь оставляло желать лучшего. Светила гасли быстрее, чем ожидалось. У многих нарушалась активность, вызывая осложнения в обеспечении жизнедеятельности и снижение мощности в эшелонах обороны. В зоне энергетической турбулентности реакции протекали нестабильно. Вероятно, из-за этого и был потерян крупный аванпост. Казавшийся таким надежным, он пал совершенно неожиданно, что немедленно сказалось на всем секторе. Положение там резко ухудшилось. Введение дополнительных сил не исправило ситуацию — оно лишь позволяло совершить полноценную эвакуацию.

Контролируемый периметр сжимался. Сжимался медленно, но верно, усыхая словно озеро под натиском засухи. Безопасный периметр сокращался еще быстрее. Хуже того, он и вовсе мог перестать быть таковым. Последние сводки говорили о том, что надежность даже полностью изолированных мест может оказаться под вопросом.

Проникновение Ила носило тревожный характер. Тревожнее, чем когда-либо. Поражение периферийных систем фиксировалось уже давно. Оно-то и заставляло в итоге отступать, концентрируя силы вокруг оставшихся светил. Тотальная зачистка приносила свои плоды, однако злоупотребление ей грозило полным самоуничтожением. К тому же ликвидация периферийной системы — это одно, а внутренней, густонаселенной и считавшейся безопасной —

совсем другое. Массовое инфицирование вспыхивало уже дважды. Удар наносился без колебаний, без малейшего промедления. Полная аннигиляция не оставляла Илу шансов, но его неожиданное вторжение пугало самим своим фактом. Высказывались версии, что он адаптируется быстрее, чем совершенствуются системы защиты. Лучшие аналитики делали весьма неблагоприятные прогнозы. О победе давно не шло и речи, но финал мог наступить прежде, чем удастся достаточно его оттянуть.

Отдельную проблему представляло то, что Ил, вероятно, каким-то образом узнал про Астробион. До сих пор его проникновения носили спонтанный характер. Он был как вода — просачивался в любую щель, прорывал любую давшую слабину плотину. К этому уже все привыкли, однако если его атаки становились целенаправленными, их опасность кратно возрастала. Появляясь сам не знамо где, Ил просто пытался захватить все подряд. Если же он поймет, куда попал, он станет лезть осознанно, и тогда все может закончиться катастрофой. Нанеся удар по Астробиону, он замедлит всю программу. Если же он им завладеет, де-факто это будет означать конец.

Глобально, ситуация все еще оставалась под контролем, в том его виде, который означал медленное предсказуемое угасание. И все же последние новости ничего хорошего не внушали. Их еще анализировали, прежде чем сделать какие-то выводы, но в целом эксперты уже рекомендовали пересмотреть динамику развития к худшему.

— В таком случае программу Астробиона требуется расширять и ускорять. Следовательно, я поступил верно, — заявил докладчик.

Ознакомившись с предоставленными сводками, он обрел полную уверенность.

— Мы не против расширения и ускорения, — заметил Крестергратикус. — Мы не одобряем излишний риск, способный поставить программу под угрозу.

— Чем больше биоматериала, тем быстрее мы добьемся прогресса. Это же математически очевидно, — пожал плечами докладчик. — Даже непригодного биоматериала, — добавил он. — Это позволит проводить дополнительные исследования.

— Мы предоставим вам все, что необходимо, — заверил Перспектур. — Но вы не должны злоупотреблять нашим доверием. Особенно пользуясь ситуацией и ради личных амбиций.

— К чему это сказано? — не без напряжения спросил докладчик.

— Вы пользуетесь единоличной властью. По ту сторону все вынуждены подчиняться вам, — пояснил Крестергратикус. — А ничем

не ограниченная власть способна натворить бед.
— Здесь каждый делает свою работу, — огрызнулся докладчик. — Я лишь управляю самым ценным активом и координирую общие действия для общего же блага.
— Которые вы не всегда согласуете с руководством Астробиона, — подчеркнул Анджей. — Мы не санкционировали массовое изъятие биоматериала. Вы приказали сделать это по своей воле.
— Я не могу согласовывать каждую мелочь, — возразил докладчик. — В противном случае мы бы до сих пор топтались в самом начале программы. А насчет изъятия не беспокойтесь. Биоматериала никто не хватится, да и следы как следует замели. У меня все под контролем.
— Надеюсь, что так, — очень выразительно произнес Гекталистрат. — Мы отправляем вам лучших. Помните, что многие из них вам даже не ровня. Они подчиняются вам вынужденно.
— Я помню. И здесь мы прилагаем все усилия, чтобы сделать их еще лучше, — заверил докладчик.
— Кстати об этом! — оживился Винтомаар. — Как обстоят дела с модернизацией?

Дела обстояли не очень. Точнее, были хорошие новости, а были и плохие. К хорошим относилось то, что экспериментальные модели по характеристикам демонстрировали настоящий прорыв. И это только начало, спустя годы кропотливой работы. Плохие оставались все теми же. Для конечной цели они были по-прежнему непригодны, из-за чего программа Астробиона продолжала зависеть от качественного биоматериала.
— Какие плюсы? — коротко вопросил Винтомаар.
— Скорость. Живучесть. Сила. Регенерация, — выразительно перечислил докладчик. — Способность обходить сканирование. В перспективе то, что здесь называют паранормальными способностями.
— Давайте без сказок, — поморщился Тредалиур.
— Речь не о сказках, а о том, что действительно существует, — заметил докладчик. — О тех возможностях, что известны нам. В новой реальности они могут обрести новое же, прежде невиданное воплощение.
— Это уже интереснее, — заинтригованно придвинулся Перспектур. — Есть какие-то подробности?
— Пока только теоретические выкладки, — уклончиво ответил докладчик. — Мне не хотелось бы их озвучивать без более наглядного подтверждения.
— Тогда нечего об этом и говорить! — раздраженно заявил Крестерграти кус.

Докладчик явно не любил, когда его одергивали. Особенно тогда, когда чувствовал правоту. Он и впрямь ощущал свою власть, но вполне на законных основаниях.
— Возможно, подтверждение не за горами, — гордо сказал он, вскидывая голову. — Эксперимент уже в процессе. О результатах я сразу же доложу.
— Даже так? — смягчился Крестерграти кус.
— Да. И есть неплохие шансы, что он увенчается успехом, — кивнул докладчик. — Тогда мы сделаем колоссальный задел на будущее, а на данный момент как минимум получим феноменальных исполнителей.
— Только смотрите, чтобы ваши исполнители не засветились, — покачал головой Анджей. — Надеюсь, вы понимаете, что будет, если хотя бы одного из них препарируют и результаты станут достоянием общественности?
— Даже если такое произойдет, наш контроль уже достаточен, чтобы замять скандал и уничтожить все следы, — уверенно возразил докладчик.
— Надеюсь, вы себя не переоцениваете, — протянул Гекталистрат.
— Давайте уже заканчивать, — предложил Винтомаар. — Время нашего сеанса на исходе.

Ежемесячное собрание подошло к концу. Обсудив все насущные вопросы, руководство Астробиона удалилось, разрешив докладчику несколько инновационных мер. Удалился и сам докладчик. Аудитория перестала существовать. Впрочем, она и так никогда не существовала, а лишь условно воссоздавалась исключительно внутри канала Астробиона. Этот канал требовал чрезвычайных энергозатрат, отчего не мог функционировать постоянно. Всего лишь затянувшись, собрание истощало энергетические ресурсы, выжимая реакторы на полную мощность, а это считалось нежелательным. Энергия и так постоянно уходила на поддержание пространственной стабильности. Лишнее потрясение было ни к чему, особенно тогда, когда находишься вблизи от огромной черной дыры.

– 5 –

Распределение задержали на три недели, сверх первой вводной. Ректор объяснил это наплывом первокурсников, принятых в рамках расширенной программы. Чтобы лучше оценить новичков, университету требовалось дополнительное время, а также ряд подготовительных мероприятий. Однако беспокоиться не стоило. На качестве образования это никоим образом не скажется. Эти три

недели будут заполнены общеобразовательным курсом, присутствующим на всех факультетах. По большому счету, было совершенно неважно, где именно первокурсники станут его проходить. Знания давались одинаково, и методика их преподавания также не отличалась. Разнились только группы. Временные, как заверяла администрация, в которых новички посещают аудитории, тематические залы и практические павильоны.

Эрвина ворчала. С ее точки зрения, эта методика заключалась скорее в посещении медицинского комплекса, нежели учебного. Ее слегка раздражало регулярно наведываться туда в транспортной капсуле. Отправляясь со всей группой, она строила кислую мину. Зачем все эти осмотры бдительной аппаратурой, чрезмерное внимание заботливых врачей и мягкое, но обязательное сканирование? Делать им, что ли, нечего, по полчаса возиться с каждым студентом? Тут и в кресле посиди, набитом хитроумной аппаратурой, и в трубе полежи, где делали нечто похожее на МРТ. Самой впечатляющей, конечно, оставалась волновая пушка. Когда она включалась, Эрвине чудилось, будто в ее сознание проникает самый настоящий зонд, внимательно изучающий, чего в нем поделывается. Сообщив об этом впечатлении врачам, она заметила на их лицах промелькнувшее удивление. Эрвину заверили, что это всего лишь персональная реакция, и ничего плохого с ней не происходит. Она не очень-то поверила, и рассказала друзьям. Врачи оказались правы. Никто ничего подобного не испытывал, так что в данном случае, вероятно, речь и впрямь шла о чем-то сугубо индивидуальном.

Персонал был обходителен, но настойчив. Он изрядно докучал не столько самими манипуляциями, сколько затраченным временем. Эрвина полагала, что нашла бы ему более достойное применение, и не скрывала своих мыслей вслух. Пользуясь выдававшимися паузами, она изучала интерьер и заглядывала в разные помещения, не особо беспокоясь, можно это или нет.

Судя по всему, вопрос о чрезмерном медицинском внимании возникал у многих. Его пришел разъяснять лично глава комплекса, Стефано Ярколич, также заведующий кафедры. Как и Юбелла Аперхоун, он тоже имел звание академика. Когда-то он даже заседал в академии наук, до тех пор, пока полностью не посвятил себя работе в Либератике. Забота о здоровье студентов для него стала высшим и единственным приоритетом. Готовя ценнейшие поколения в галактике, университет был обязан проявить максимальную ответственность, которая выражалась и во врачебном сопровождении.

Первокурсникам предстоял долгий путь. Долгий и трудный, в

течение которого их тело и мозг станут подвергаться колоссальной нагрузке. Именно поэтому они должны быть абсолютно здоровы. По этой причине им надлежит соблюдать режим дня и правильно питаться, равно как заботиться о своем досуге и психологическом комфорте. Оттого динамика их самочувствия и отслеживалась, чтобы отсекать естественную усталость от потенциальных патологий. Индивидуальные браслеты, выданные каждому студенту, носились на запястье исключительно для этого. Разумеется, ответственность за наблюдение и профилактику возлагалась на медиков. Все процедуры, сканирования и мониторинг только выглядели излишними. Врачи, вооруженные новейшей аппаратурой, примечали каждую мелочь, и заведомо были способны многое упредить. Студенты находились в надежных руках. Выполняя все предписания, они будут максимально готовы к нагрузке, последствия которой минимизируются. Без ложной скромности, профессор Ярколич заявил, что студенты Либератики — наиболее здоровые молодые люди в галактике, и внимание им уделяется больше, нежели самым богатейшим людям в мире.

Медкарты всех студентов корректировались на основе регулярных осмотров и с учетом их поведения. Эрвину внезапно похвалили за подвижность, однако попеняли ей за излишнее чревоугодие. Мол, такую серьезную нагрузку на желудок давать не стоит. Эрвина насупилась, интересуясь, откуда это известно, но врачи в ответ вежливо рассмеялись. Мол, они не первый день работают, чтобы выявлять такие характерные маркеры отклонений. Формально Эрвина ничего не нарушила, поэтому ни о каком снятии баллов не шло и речи. Просто впредь ей советовали быть воздержаннее в трапезе, чтобы не очутиться на больничной койке из-за переедания. Среди первокурсников такие случаи, увы, не редкость, и она станет не первой. А очень бы хотелось, чтобы последней.

— Тогда почему вы вообще это допускаете? — резонно осведомилась Эрвина.

Выслушав предоставленные объяснения, она усмотрела в них некоторые несоответствия.

— Все просто, — ответил ей лично профессор Ярколич. — Многие и так считают, что у нас тут излишне строгие порядки. Даже сродни тюремным. Однако университет — не тюрьма. Мы не позволяем лишь того, что очевидно скажется на учащихся пагубным образом. В остальном у них достаточно свободы, чтобы поступать как заблагорассудится. Система баллов корректирует излишнюю опрометчивость, но не пресекает. Кстати, вам начислена премия в размере двадцати процентов от имеющихся. Потратьте ее с умом.

— Это еще за что? — искренне удивилась Эрвина.
— За физическую активность и за любознательность, — очень серьезно произнес Ярколич, хотя глаза его лукаво улыбались. — Вы обегали половину комплекса, заглянув даже туда, куда не положено. И вопросы задаете такие, от которых обычно воздерживаются. По-своему, это заслуживает похвалы. Только впредь постарайтесь не заходить туда, где висит предупреждение "Только для персонала".

Эрвина порозовела. Она и впрямь сунула нос везде, где только успела, не особенно заботясь о предупреждениях. Как будто выискивая вселенский заговор, она не находила ничего, кроме работающих людей, роботов и аппаратуры. Правда, чертовски интересных роботов и еще более интригующей аппаратуры.
— В свое время вы ВСЕ увидите, — заверил Ярколич, сделав особое ударение на слове "все". — От студентов последнего курса у Либератики секретов нет. Таким образом, нам не имеет смысла что-либо скрывать. Просто придержите свою любознательность и потерпите. Вы должны быть готовы к тому, что увидите.
Стоило ли говорить, что после этого любопытство Эрвины разгорелось еще сильнее, растревоженное как у кошки.

Руберт своего удивления не скрывал. Узнав, что Эрвине начислили премию, он сообщил, что ему — наоборот — вынесли предупреждение. Штрафовать не стали, однако уж точно не поощрили. А он ведь проделывал лишь нечто подобное, в том числе на пару с рыжей подругой.
— Это потому что ты взломал пару замков. Чему ж тут удивляться, — резонно заметила Руслана. — Ты чем вообще раньше промышлял?
Руберт смутился, отводя глаза. Когда Руслана ему подмигнула, он зарделся еще больше и отошел якобы по срочной надобности.
— По-моему, Ярколич на тебя глаз положил, — заметила Элеонора.
— В хорошем смысле. Его серьезное лицо выражало скрытый интерес. После светских вечеринок я в этом разбираюсь, уж поверь.
— С чего бы вдруг? — пожала плечами Эрвина, когда они вместе садились в транспортную капсулу.
И ох как она бы удивилась, доведись ей услышать подтверждение из уст самого профессора.

Некоторых сотрудников жест Ярколича тоже озадачил. За то, что обычно наказывалось, рыжая студентка умудрилась получить поощрение. Не удержавшись, один из операторов задал недоуменный вопрос.
— Она у меня на особом контроле, — неторопливо ответил профессор. — Ее показатели подтверждаются, и они весьма интригу-

ют. Вопрос психологии. В таком случае лучше поощрять, чем наказывать. Я дал ей понять, что ее поведение не осталось незамеченным. Посмотрим, что она будет делать дальше. Обо всей динамике ее развития докладывать лично мне.
— Принято, — сообщил начальник смены. — Что-нибудь еще?
— Я составлю ряд дополнительных тестов. Персонально для нее. Изыщите способ, чтобы она их прошла, — подытожил глава медицинского комплекса и удалился.

Спала Эрвина неважно. Трижды она просыпалась, с трудом вспоминая, где находится, и снова ложилась на подушку, силясь вернуться обратно в сон. Беспокойный и абстрактный, он ускользал от понимания, а также и от памяти. Эрвина мгновенно забывала, что ей сейчас пригрезилось, однако сновидение продолжалось, стоило погрузиться в него вновь, и развеивалось будто без следа, едва она опять открывала глаза. Голова потяжелела. Веки налились и припухли. В висках неприятно постукивало, словно чьи-то пальцы их не то разминали, не то беспокоили. Связанный с наручным браслетом, интерфейс дополненной реальности отобразил подсказку. Браслет круглосуточно измерял жизненные показатели, и в данный момент, озабоченный состоянием владелицы, рекомендовал прием легкого успокоительного.

Чувствуя себя неважно, Эрвина решила последовать рекомендации. Отчаянно зевая, она прошла в ванную и открыла зеркальный шкафчик с традиционным красным крестом. Внутри, помимо обычного набора, нашелся рекомендуемый пузырек. Взяв пару капсул, Эрвина проглотила их, запив водой из маленькой аптечной бутылочки. Вернувшись в комнату, она легла в постель и через десять минут заснула как убитая.

Утро сотряслось серией коротких толчков. Землетрясение, нарушившее покой, грозило растревоженному сознанию неминуемыми бедами. Расклеив один глаз, Эрвина промычала нечто нечленораздельное и поняла, что ее тормошит Элеонора.
— Вставай, соня! — говорила она. — Вставай давай скорее!
Убедившись, что конца света пока не предвидится, Эрвина расклеила второй глаз и осведомилась, какого, собственно, происходит.
— На занятия опоздаешь, вот что происходит! — обрисовала ситуацию Элеонора. — Вставай давай, полуночница! Двадцать минут до выхода!
Вскочив, как ужаленная, Эрвина заметалась, хватая вещи и пытаясь заправить постель одновременно. Затем унеслась в ванную, на ходу пытаясь скинуть ночную футболку. Через минуту оттуда донеслись звуки хлынувшей воды и прочувственный визг. Впопы-

хах да спросонья Эрвина напортачила с регулятором и окатила себя холоднющим душем.

Завтракать пришлось на бегу, жуя заказанный Элеонорой сэндвич. Не добудившись подругу сразу, та сначала сама отправилась умываться и лишь затем принялась поднимать ее всерьез.

— Меньше надо по ночам скакать, тогда и просыпать не будешь, — сердито сказала Элеонора.

— О чем это ты? — не поняла, доедая сэндвич, Эрвина. — Я встала-то всего разок. Принять успокоительное.

— Ты издеваешься? — нахмурилась Элеонора. — Погоди-погоди! — внезапно добавила она, отметив выражение лица подруги. — Ты что, и правда ничего не помнишь?

— А что я должна помнить? — обеспокоилась Эрвина.

Удивленная и озадаченная, Элеонора объяснила. Ночью она проснулась от странных звуков. Приглушенные, те вряд ли выходили за пределы комнаты, однако в спящее сознание все же проникали. Открыв глаза, она посмотрела на постель подруги и увидела, что та пуста. Эрвина обнаружилась у окна, через которое, в проем между шторами, лился мягкий свет уличного фонаря. Она не стояла там столбом и не глядела наружу, высматривая неизвестно что. Будто невесомая, она едва слышно порхала в каком-то завораживающем и даже пугающем танце. Ее движения были и быстры, и плавны, чередуясь в сменявшихся тактах. Она то кружила, как балерина, а то металась бабочкой из стороны в сторону, всякий раз возвращаясь в полоску бледного света.

Элеоноре стало не по себе. Она словно наблюдала призрака, явившегося из числа прежних жильцов. Старинная атмосфера дома очень тому соответствовала. Неожиданная ночная сцена выглядела жутковато, будто в подступающем кошмаре.

— Ты что? — негромко, ощущая мурашки, осведомилась она. — С тобой все порядке?

Услышав голос, Эрвина замерла, словно застигнутая врасплох. Струясь через окно, свет озарял половину ее фигуры, оттеняя другую в полумрак.

— Ложись давай, — не зная, что и сказать, предложила Элеонора.

Эрвина молча развернулась. Пройдя к своей постели, она забралась под одеяло и затихла, так и не произнеся ни слова.

Расскажи все это кто другой, вроде того же Руберта или Листиана, Эрвина подумала бы, что ее разыгрывают. Такие шуточки, однако, были совсем не в духе Элеоноры. Пораженная дальше некуда, она чуть не споткнулась, выходя из дома к транспортной капсуле. Приняв ночью пилюли, она крепко заснула и больше, как сама думала, не просыпалась.

— Ты, часом, не лунатик? — подумав, осведомилась Элеонора.
Эрвина отрицательно помотала головой. Прежде за ней подобного не замечалось. Браслет, однако, доказывал — ночью и впрямь что-то было не так. Записывая жизненные показатели, он отметил изменение пульса, давления и температуры тела, позволявшие сделать вывод о физической активности.
— Ну, дела, — только и пробормотала Эрвина, даже не зная, чему больше удивляться.
Танцами-то она особо не увлекалась. Доведись ей и впрямь покружить в полумраке, она бы взяла в партнеры оконные шторы, с которыми и отправилась на шумное свидание с полом. Пытаясь представить, что же такое происходило, она отдала бы все баллы, чтобы это увидеть. К сожалению, это было невозможно. Записи не осталось, и не потому, что оторопевшая Элеонора забыла ее сделать. В стенах Либератики эта функция была отключена.

Общеобразовательный курс состоял из типичного набора предметов, утвержденных министерством образования. В Либератике он отличался лишь глубиной, несколько большей, чем в любом другом университете. Вероятно, тут считали, что расширенный кругозор полезен не только сам по себе, но и для умственного развития в целом. Вот только программу для этого составили так себе. Эрвина, давя зевоту, находила ее изобретением дьявола. Математические формулы вызывали в ее голове недружелюбный хоровод, откуда торчали колючие иглы переменных. Философские темы порождали логический конфликт промеж закипавших извилин. История казалась скукой смертной, придуманной исключительно для уничтожения назойливых мух. Космография звучала так, что Эрвине хотелось придушить докучливого лектора. Пребывая не в духе, она ощущала жжение в коре головного мозга, как бывает у не опохмелившихся выпивох.

Полуторачасовой обеденный перерыв стал для Эрвины настоящим спасением. Поспешно покинув аудиторию, она соображала, куда податься.
— Давай махнем в парк, — предложила Элеонора, оценив состояние подруги.
— Я только "за", — поддержала Руслана. — Мы же там толком еще и не были. А там, говорят, просто великолепно.
Руберт молча кивнул. Не удержавшись, он только что вскрыл панель, закрывавшую какую-то стенную нишу, и теперь желал побыстрее покинуть место преступления. Он и сам не знал, зачем это сделал. В него словно шаловливый бес вселился, непременно желавший найти выход своим проказам.

Выбор был велик, но друзья быстро пришли к общему согла-

сию. Транспортная капсула зависла над березовой рощей. Неторопливо снизившись, она опустилась на круглую, покрытую пористым материалом площадку.
— Что-то я не вижу дорожек, — мрачно заметила Эрвина. — Пойдем прямо по траве?
Намереваясь последовать своему же предложению, она подступила к краю и ойкнула. Травяной ковер пришел в движение, разворачиваясь обратной стороной. Вместо него, протянувшись вперед футов на пятнадцать, объявилась мощеная камнем дорожка.
— Неплохо придумано, — одобрила, изучая карту, Руслана. — Природа выглядит нетронутой, а технологии проступают лишь там, где находится человек.

В роще отыскался пруд, берега которого окружали замшелые валуны. С одной его стороны березы теснились вплотную, протянув над тихой водой гибкие ветви. С другой они расступались, образуя аккуратную, обрамленную шелковистой травой полянку. Среди ее стебельков виднелись бледные лесные цветы, источавшие едва уловимый аромат. На кустах, густевших промеж черно-белых стволов, алели продолговатые ягоды. Где-то в высоких кронах щебетали невидимые с земли птицы, которым, рассевшись на большой кувшинке, раскатисто вторила лягушка.

При приближении друзей полянка преобразилась. Растительность сменилась очередной пористой площадкой, позволявшей не топтать свежую зелень. Подведя прямо к ней, дорожка включила сопроводительные надписи, подсказывавшие, что это место интерактивно. В рамках существующего набора его можно было изменять по своему желанию. Сам набор отображался в дополненной реальности, помаргивая появившейся опцией. Экспериментируя, Руслана пробежала его глазами, и тут же произошло нечто удивительное. Площадка ожила. Следуя ее выбору, в заданном месте началось интенсивное движение. Пористая структура устремилась вверх и буквально за минуту сформировала стул. Он даже цвет изменил, став весьма похожим на настоящий. И его можно было двигать. Округлив глаза, Руслана переставила его туда-сюда, а затем уселась, как бы проверяя прочность конструкции. Остальные тут же последовали ее примеру, и вскоре они уже расположились у круглого стола, возникшего таким же образом, как и стулья.

Смена обстановки подействовала на Эрвину благоприятно. Слушая щебет птиц, она помаленьку успокоилась и более не напоминала хмурую тучу. Вероятно, за этим и воссоздавалась здешняя природа. Она позволяла студентам расслабиться и дарила естественную психологическую разгрузку.
— Кто-нибудь знает, зачем сегодня ночью выходил Сайлус? — ос-

ведомился вдруг Руберт.
Подняв маленький камешек, лежавший у края площадки, он размахнулся и бросил его в пруд. Раздался тихий плеск, сопровожденный поднятой круговой рябью. Прервав свою руладу на полутоне, лягушка возмущенно квакнула и спрыгнула в воду.
— А? — навострила уши Элеонора, поглядев на вздрогнувшую Эрвину. — Куда выходил?
О танце в полумраке никто из них никому пока не рассказывал. Известие о том, что ночью чудил кто-то еще, автоматически привлекло к себе повышенное внимание.
— Знал бы, не спрашивал бы, — заметил Руберт.
Он поведал, что встал напиться воды. Спускаясь в холл, где стоят автоматы, он услышал, как щелкнули входные двери. Выглянув через боковое окошко, он увидел Сайлуса. Тот уходил куда-то по улице, и скрылся быстрее, чем Руберт успел что-либо разглядеть или понять.

Это было странно, и никто из четверых не знал, какая нелегкая понесла Сайлуса в ночь. Даже не догадывался. Впрочем, Эрвина больше волновалась о собственном поведении, да и Элеонора тоже. Обе размышляли, имеет оно какую-то связь или приключилось само по себе. Хотя если имеет, то какую? Новоявленную привычку ходить во сне? Эрвина озадаченно крякнула, потирая веснушчатый нос. Жужжание дрона, доставившего обед, отвлекло ее от беспокойных мыслей. Объявившись над березами, он снизился и опустил контейнер с едой на новоявленный стол.

Идея трапезничать в парке явно приходила многим, и очень давно. Об этом говорила численность дронов, шустро проносившихся в небе. Доставив свою ношу заказчику, они отбывали, спеша на другое задание. Небольшая круглая машина, прилетевшая к четырем друзьям, не стала исключением. Вручив им заказанное, она поджала манипуляторы, взмыла в небо, и упорхнула прочь.
— Э, а забирать кто будет?! — крикнул ей вслед Руберт. — Мусорить же нельзя!
— Судя по подсказке, все можно оставить прямо здесь, — сообщила Элеонора. — Вот кидать в траву нельзя, а оставить на столе можно.
Она подразумевала дополненную реальность, отображавшую пометку в виде значка переработки. Та извещала, что стол принадлежит к системе мусоросборника, наподобие бачков, установленных в зданиях и на улицах. Такие бачки располагались и перед домом, где проживали друзья, серебрясь своими псевдоалюминиевыми боками. Сдвинуть их было нельзя, а положить туда мусор — очень даже, что наводило на мысль об автоматической системе

отведения. Такой же, как трубопроводы в домах, доставлявшие заказы и забиравшие отходы.

Отобедав, четверка проверила функционал боем. Оставив на столе контейнер с одноразовой посудой, она отошла по дорожке в сторону и принялась наблюдать. Перейдя в сервисный режим, площадка тут же ожила. Стол и стулья, прежде выстроенные как по волшебству, таким же образом и распались. Они осели, словно осыпавшийся песочный замок, а вместе с ними осел и мусор. Площадка поглотила его как зыбучие пески, и тут же сомкнулась, обретя прежнюю пористую твердь. Затем произошла обратная трансформация, и глазам друзей вновь представилась шелковистая трава.

— Чудеса, — прошептала Руслана.

— UMC. Универсальный Молекулярный Конструктор, — сообщила Элеонора. — Из однотипных частиц составляется практически любая форма, умеющая менять текстуру и цвет. У нас в родовом гнезде есть один такой. Выполнен под фонтан, чей вид можно перепрограммировать. Ультрадорогая штуковина. Технология не нова, но из-за стоимости массового распространения не получила. Да и эффективности. Она работает довольно медленно и неуклюже. Для большого фонтана сгодится, когда хочешь удивить гостей раз в неделю, а быстро создать себе партию мебели не получится. По крайней мере, я так думала. Я никогда не видела, чтобы это происходило настолько быстро и качественно. Похоже, в Либератике наука действительно не стоит на месте.

— Мне интересно другое, — выслушав ее, заметил Руберт. — Почему такой штуки нет больше нигде в галактике? Это же настоящий прорыв в технологии. Коммерческий успех гарантирован. Опытный образец, еще не запущенный в серию? Допустим. Но мне очень хотелось бы знать, какие тут еще сыщутся уникальные образцы.

Занятия традиционно завершались визитом в медицинский комплекс. Он был настолько огромен, что группы, прибывавшие туда одновременно, практически не встречались. Они распределялись по ярусам и секциям, и каждой занималась своя команда персонала. Состоя из людей и машин, эти команды привычно делали свою работу.

— Вы мне что за таблетки подсунули?! — зайдя в диагностический кабинет, тут же взяла быка за рога Эрвина. — Я после них лунатила как ненормальная! Вы давайте с этим завязывайте!

— Какие таблетки? — озадачился врач, собиравшийся провести положенную серию тестов.

— Давайте не будем придуриваться, — нахмурилась Эрвина. —

Проверьте мою карточку, или что у вас там. А если не знаете, тогда позовите того, кто знает!
— Тот, кто знает, уже здесь, — раздался знакомый голос.
Обернувшись, Эрвина увидела входящего в кабинет Ярколича.

Появление главы комплекса стало неожиданностью. У Эрвины даже промелькнула мысль, что он ее подкарауливал, однако лишь на мгновение. Зачем бы она ему сдалась? Объявившись из внутренней двери, Ярколич подошел прямо к ней и вежливо поздоровался.
— Что со мной ночью было? — из уважения к профессору, Эрвина сдержала тон, стараясь открыто не грубить. — Я свою подругу до чертиков перепугала.
— Вы не хотите со мной поделиться? — предложил Ярколич. — Я же понятия не имею, о чем вы говорите. В личных комнатах видеонаблюдение не ведется.
— Вы только что заявили, будто знаете, — напомнила Эрвина.
— Я абсолютно уверен, что дам исчерпывающее объяснение. Однако сначала мне надо услышать вашу историю, — пояснил глава медицинского комплекса.
Сдержав раздражение, Эрвина нашла его просьбу логичной и вкратце пересказала ночной инцидент со слов Элеоноры.

С объяснениями Ярколич и впрямь не затянул. Внимательно выслушав, он кивнул, словно отмечал для себя какой-то факт, и в долгие размышления не ударился.
— Вы никогда не пробовали заниматься танцами? — внезапно осведомился он.
— Чего? — опешила Эрвина.
— Ваша реакция говорит о скрытом потенциале, — уточнил Ярколич. — Такое в Либератике не впервые, хотя встречается нечасто.
— Вы что, хотите из меня балерину сделать?! — возмутилась Эрвина. — Мы так не договаривались! Да у вас и кафедры такой нет!
— Говоря о скрытом потенциале, я подразумеваю ВСЕ, что вы на самом деле можете, но никогда по-настоящему не делали, — очень серьезно сказал профессор. — Проблема нашего общества в том, что большинство людей даже не догадываются о своей предрасположенности. Прирожденные пилоты работают в забегаловках, ученые умы прозябают без образования, а прекрасные юристы возят контрабанду, только и умея, что нарушать закон. И даже состоятельные граждане, способные выбрать себе любое образование, сплошь и рядом идут учиться не по своему истинному призванию. Финансистом оказывается тот, чье подлинное место в конструкторском бюро, а космические станции проектирует инвестиционный гений. Согласитесь, это крайне расточительный рас-

ход человеческого потенциала.

Ярколич пел соловьем, чьи тяжеловатые трели содержали научный оттенок и философские рассуждения. От его словоохотливости в голове у Эрвины зашумело. Медицинские запахи, витавшие в кабинете, очень тому способствовали.

— Вы это к чему? — немного запутавшись, потерла она веснушчатый нос.

— Либератика взяла на себя труд раскрывать в молодых людях их истинные таланты, — степенно подытожил Ярколич. — Не волнуйтесь, ваши ночные танцы имеют очень простое объяснение. Так проявляется ваш подсознательный стресс от перемены обстановки и сомнений. Сомнений, справитесь ли вы? Покажете ли себя достойной? У вас другие задатки — и прекрасные, я вам скажу. Но скажу не сейчас. Подождите распределения. Чтобы не допустить ошибки, мы должны расставить все точки над i.

— Но танцы тут при чем? — вконец запутанная, настойчиво вопросила Эрвина.

— А вы попробуйте записаться в танцевальную секцию. В Либератике они есть на все вкусы, — предложил Ярколич. — Возможно, результат вас приятно удивит. Об этом я вам и толкую.

Эрвина снова потерла нос. Она никак не могла понять, получила ответ на свой вопрос или нет. Спрашивать опять не хотелось, чтобы не показаться академику полной дурой.

— Ваши слова и Сайлуса касаются? — кстати нашлась она. — Сайлуса Честерсайда, моего соседа по дому. Один мой друг видел, как тот ночью куда-то ушел. Он тоже скрытые таланты раскрывает?

— О, нет, — улыбнулся профессор. — Тут все куда прозаичнее. Только мне нельзя вам об этом говорить.

— Это еще почему? Что вы скрываете?! — тут же напряглась Эрвина. — Какие-то дурные секреты?

— Если и секреты, то не свои, — усмехнулся Ярколич. — Видите ли, Сайлус, он… Он просто ушел на свидание.

— На свидание?! — опешила Эрвина, явно ожидая услышать что-то другое.

— Да. Но я вам этого не говорил, — поднял палец Ярколич. — И не спрашивайте, с кем. Я и так сболтнул лишнего. Личная жизнь студентов конфиденциальна. Я сказал это для того, чтобы унять ваше излишнее беспокойство. Надеюсь, это останется между нами.

Немного смущенная, Эрвина кивнула. Откланявшись, глава комплекса удалился, а она, чувствуя некоторую неловкость, смиренно выдержала все последующие процедуры.

Вернувшись к подчиненным, Ярколич стал куда менее любе-

зен. Вызвав ответственных специалистов, своего раздражения он не скрывал.
— Какого черта здесь происходит? — хмуро вопросил он. — Почему студентка знает и говорит такие вещи? Почему у нас студенты вообще разгуливают среди ночи? Да ладно бы разгуливают! Почему они все видят и запоминают? Им же положено крепко спать! Вы что, совсем мышей не ловите?!
— Должно быть, накладки с модифицированной смесью. Много нестандартного материала. Не на всех подействовало, — оправдывался ответственный за ночные процедуры.
— Так почему мне сразу не доложили?! — возмутился Ярколич. — Почему я узнаю об этом из уст студентки? Причем той, которая тем более ни о чем таком и знать не должна!
— Вы же просматривали отчеты. Там все есть, — осмелился напомнить специалист по наблюдению.
— Да, просматривал, ибо она у меня на особом контроле. ОНА! А не целая толпа! — гневно заявил Ярколич. — Кстати об отчетах, раз уж вы о них заговорили. Я требую выяснить все об ее неожиданной реакции. Девушка не знает, что произошло с ней ночью, и это ее очень беспокоит. Я вполне могу ее понять, потому что я тоже не знаю! И это беспокоит меня гораздо больше!

Обычно сдержанный, глава медицинского центра распалялся все сильнее. Желая сосредоточиться на важных вопросах, он терпеть не мог, когда ему досаждали обыденной рутиной. Для нее существуют помощники, профильные специалисты и операторы. Предполагая, что заполучил весьма интересный и, быть может, уникальный объект, он не желал и слышать о каких-то там осечках, накладках и прочих отговорках, пусть даже на фоне наплыва первокурсников. Чрезмерная загруженность персонала не означает некомпетентность.
— Сейчас я повесил ей лапшу на уши. Девчонка сообразительная, но вроде бы сработало. Однако не факт, что это сработает и в следующий раз. Так что извольте контролировать ситуацию! — пристукнул ладонью по столу Ярколич.
— Принято! — коротко отозвались ответственные специалисты.
— Имейте в виду, если она взбунтуется и захочет уйти, вы все отправитесь вместе с ней! — грозно предупредил Ярколич. — Я лично прослежу, чтобы вас самих запихали в капсулы на нижнем ярусе!

Вечером, в гостиной, Джерри и Сильвертина попросили исполнить всем новую мелодию. Они так упрашивали, что ни у кого язык не повернулся им отказать. Обрадованные общей благосклонностью, музыканты тут же принесли инструменты, и это был

первый сюрприз. Вместо волынки Джерри вооружился клавишным синтезатором. Сильвертина, помимо скрипки, принесла еще и флейту. Заметив удивленные лица слушателей, музыканты воодушевились и начали играть, что породило второй, уже настоящий сюрприз.

Джерри порхал по клавишам не хуже заправского пианиста. Сильвертина, начав со скрипичного вступления, переключилась на флейту, которой, как оказалось, также владела мастерски. И в дальнейшем она меняла один инструмент на другой, в зависимости от того, какой фрагмент исполнял на синтезаторе партнер.

Мелодия и впрямь заслуживала того, чтобы ее послушать. Она впечатляла и очаровывала. Она то лилась неторопливо, напоминая вариации классической музыки, а то стремительно неслась, будто течение реки, проходящее бурные пороги. Она гремела и затихала, пробуждала чувства и уводила куда-то в неведомые дали. Туда, где над бескрайними просторами Гальтенузы проносились радужные шторма, и где над всем царила таинственная, нетронутая первозданная красота, таившая в себе неведомые чудеса и неведомые же страсти.

Дуэт превзошел сам себя. Музыка уже доиграла, а все в гостиной продолжали сидеть неподвижно, продолжая слышать ее отголоски. Прошла пара минут, прежде чем они встрепенулись и заговорили.

— Вот это да, — сдержанно произнес Руберт.

— Изумительно! — более эмоционально выдохнула Руслана.

Эрвина, Шелли и Листиан энергично закивали.

— Великолепно! — согласилась со всеми Элеонора. — Что это за произведение? Я никогда его прежде не слышала.

— Это мы сочинили. Мы с Джерри, — скромно потупилась Сильвертина.

— Правда?! — поразилась Элеонора. — Когда?!

— Сегодня ночью, — зарделась Сильвертина.

— Да вы двужильные! — удивился Листиан. — Всю ночь не спали, и до сих пор в такой отличной форме! Даже у меня так не получается!

— Ну, не совсем так, — замялся Джерри. — На самом деле мы проспали до утра.

— Ничего не понимаю, — удивилась Элеонора. — Тогда как вы это сочинили?

— Нам это приснилось, — пояснила Сильвертина. — Нам обоим. Когда мы проснулись, то сразу поделились друг с другом и поняли, что слышали во сне одно и то же. Мы тут же записали ноты и весь день урывками репетировали. А теперь вот вам сыграли.

Забыв про приличия, Элеонора разинула рот. Эрвина тоже отвалила челюсть, а Шелли озадаченно закряхтела. Руберт почесал в затылке, не зная, что и сказать. Листиан и тем более недоумевал. Обычно ему снились простые, не требовавшие всякого толкования сны. Он в принципе не представлял, как в них можно что-то такое придумать. Элеонора же не представляла совсем другое. Обменявшись с Эрвиной взглядом, она поняла, что подруга думает о том же.

— Я так рада, что вам понравилось! — просияла Сильвертина.

— М-м-м, а тебе не кажется странным, как именно родилась ваша мелодия? — стараясь не задеть исполнительницу, спросила Элеонора.

— Н-нет. Я часто слышу во сне музыку, а потом ее наигрываю. Что здесь особенного? — развела руками Сильвертина.

— Она не об этом. Тебе не кажется странным, что вы оба увидели одинаковый сон? — уточнила Эрвина. — Точнее, услышали. Это не в ресторан вместе на свидание сходить. Такое и впрямь иногда приснится какой-нибудь увлеченной паре. Вы же создали нечто уникальное. У вас телепатическая связь?

— Может и так, — подал голос Джерри. — Мы с Сильви все время на одной волне.

Одаренный ее улыбкой, он смутился и научные рассуждения опустил.

Ограничиваясь похвалами, в остальном Шелли скромно помалкивала, хотя ей было что сказать. И отнюдь не насчет того, как появилось музыкальное произведение. Ей тоже кое-что приснилось. До сих пор она не придавала этому особого значения, однако теперь, после откровения дуэта, все предстало в новом свете. Во сне она мучительно, до головной боли, решала какую-то физическую задачу. С Шелли так иногда случалось. Ей и шахматные партии, доводилось, снились, от которых изрядно тяжелела голова. Играть, когда спишь, это то еще испытание. Вот и на сей раз она, помнится, ломала извилины над какими-то формулами, выводя их в заумный ряд. Проснувшись, она почувствовала себя лучше и вскоре обо всем забыла. Вспомнила же только сейчас.

Внезапно, на фоне удивительного озарения музыкантов, Шелли поняла, что в ее сновидении был смысл. Уравнения не представляли собой абстрактные закорючки, характерные для этого состояния. Там ведь и коробка может представиться домом, а детская лоханка аэромобилем. Нет, все оказалось по-другому. Формула была настоящей, и в ней заключался какой-то очень важный смысл; нечто из физики, до сих пор ускользавшее от понимания науки. Изрядно озадаченная, Шелли никому ничего не

сказала. Вместо этого она целиком ушла в дополненную реальность, позволявшую заниматься вычислениями даже здесь, в уютной гостиной. Отобразив виртуальные грифельные доски, она принялась заполнять их математическими строчками.

Своим сновидением Руберт похваляться не стал. Он все-таки обчистил хранилище картеля, которым оказался сейф. Огромный, толстенный, со множеством степеней защиты сейф, один из лучших в галактике. Он вскрывал его долго, но все же вскрыл, не потревожив сигнализацию. Военные роботы не шелохнулись. Торжествуя, Руберт вошел внутрь, собираясь изучить добычу, и обнаружил, что очутился в реакторном отсеке. Соображая, как такое возможно, он стал осматриваться и проснулся. По понятным причинам, сообщать об этом друзьям он не хотел, стараясь ничем не выдавать свое криминальное прошлое. Баронесса от него тут же отвернется, да и Эрвина вряд ли сохранит расположение. Держа свои тайны при себе, Руберт предпочитал слушать остальных и временами вставлял безобидные реплики.

Как обычно, ни Фростер, ни Сайлус участия в посиделках не принимали. Их и дома-то не было. Фростер отправился на факультет экономики, рассчитывая выяснить, имеется там доступ к галактическим биржам или нет. Должен быть. Просто обязан! Другое дело, удался ли им воспользоваться. Запрет, установленный на взаимодействие с внешним миром, подразумевал исключение только для общения с родственниками. И то лишь один раз в неделю. В Либератике считалось, что доступ к Пространственной сети снижает эффективность обучения.

Сайлус тоже ушел. Против обыкновения, его физиономия не выглядела кислой или угрюмой. Он словно был чем-то доволен, что старательно скрывал. Фростера разбирало любопытство, но до прямых расспросов он опускаться не стал, к тому же занятый своей идеей. Он только и видел, что Сайлус сел в пассажирскую капсулу и куда-то отбыл. Узнай он, куда, Фростер удивился бы до глубины души, а зачем — так и вовсе почернел от зависти.

Науками Сайлус не интересовался, в том смысле, что научный комплекс Либератики его совершенно не волновал. И все же он отправился именно туда. Внутрь его конечно, не пустили. Этот комплекс открывал двери только для студентов последних курсов. Прибыв на транспортный узел, Сайлус прошел в зеленую зону и принялся бродить среди пальм, опоясывавших внешнюю стену здания. Огромная и зеркальная, она отражала окрестности Либератики. Пальмы, густо высаженные рядами, накрывали прогулочную дорожку лиственной тенью. У их подножия росла мягкая трава, среди которой встречались настоящие ананасы.

Виды, как и деревья, Сайлусу были безразличны. Вышагивая по каменным плитам, он скользил вокруг небрежным взором, игнорируя всякие красоты. Он оживился лишь тогда, когда заслышал чьи-то шаги. Обернувшись, он увидел ту, кого ожидал, и его лицо растянулось в глупой улыбке. Показавшись из-за поворота, к Сайлусу быстро подходила эффектная молодая женщина.

Алия Ферран была выпускницей Либератики. Она завершила обучение год назад и осталась на кафедре, поступив в аспирантуру. Ее интересовала психология, в экономическом смысле применения. Серьезный бизнес, которым владела ее семья, накладывал определенные обязательства. Алия собиралась заняться им, когда придет время, но под своим углом зрения, со своим подходом и методикой. Оплатив обучение в Либератике, она истратила часть своего наследства и собиралась возместить все сторицей. В аспирантуре она пробудет еще три года, а затем, вероятно, отправится в большое бизнес-плавание. Получать докторскую степень она станет уже в процессе работы в своей корпорации.

Грациозные руки, лежавшие на плечах Сайлуса, казалось, приподнимали его над землей. Они окрыляли. У него аж голова шла кругом, когда он смотрел в глаза Алии. Его так распирало, что он мог уподобиться лягушке из пресловутой басни. Гордость за свой успех, раздувавшая его самолюбие, вызывала чувство всеобъемлющей эйфории.

Алия была красива. Чертовски красива, с этими ее идеальными ногами, талией, бюстом и прочими волнующими прелестями. Ее длинные, забранные алмазной заколкой волосы ниспадали блестящим водопадом. Густые ресницы взмахивали словно пышное опахало. На точеном, без единого изъяна, лице выделялись чувственные губы.

Алия была умна, ибо в научный комплекс Либератики бестолочей не берут. Ум читался в ее голубых глазах, мерцавших таинственной глубиной. Он сквозил в суждениях, которые Алия позволяла себе высказывать, и оценке вещей, находившей в ее устах какую-то особую прелесть. Свободно поддерживая беседу, она умела направлять ее русло и никогда не говорила глупостей, хихикая как последняя дурочка.

А еще Алия была богата. По-настоящему богата, без всяких дальних родственников и зависимости от чьих-то милостей. Ее состояние оценивалось в несколько миллиардов, и то выражавшихся в личной доле. Весь же семейный бизнес тянул на сумму кратно большую. Корпорация ее родителей занималась чем-то очень секретным, о чем она вот так сразу рассказать не могла. Что-то связанное с военными звездолетами и поставками для министерства

обороны. Это был очень крупный и очень прибыльный бизнес, чей оборотный капитал составлял поистине заоблачные цифры.

Скрытая рядами пальм, парочка оставалась недоступна посторонним взорам. Улыбаясь Сайлусу, Алия сверкала жемчужными зубами и порой, игриво, проводила по его щеке изящными пальцами. Сайлуса едва ли не трясло. Казалось, к нему снизошел ангел, чей чарующий голос предлагал снова встретиться грядущей ночью. Бархатистый, с легкой хрипотцой, он лился в уши песней сирены, и он был готов последовать за ним хоть на край света. Но следовать предлагалось всего лишь в парк. Алия сетовала, что допоздна занята, однако потом она обязательно придет к водопаду, если, конечно, туда придет и Сайлус. Тот клятвенно обещал. Если понадобится, он туда приползет из последних сил, даже если к нему прикуют самую большую гору в галактике.

Рассыпаясь в заверениях, Сайлус ничуть не лгал. Он был бы полным идиотом упустить такой шанс, который сам шел к нему руки. Сперва он вообще не мог поверить своему счастью, свалившемуся как снег на голову. Алия подошла к нему в учебном комплексе, в перерыве между занятиями. Будучи аспирантом, она помогала преподавателю, чередуя это занятие с работой в научном комплексе. Приметив Сайлуса, она проверила его фамилию по списку и решила познакомиться, сочтя его весьма достойным молодым человеком.

Разговорились они тогда быстро. Усвоив, с кем имеет дело, Сайлус вел себя как глупый юнец, смущаясь и идиотски смеясь. Ничего этого Алия не замечала. Она видела лишь перспективного мужчину и весьма сведущего в делах бизнесмена. Напыжившись от самодовольства, Сайлус успел посетовать на своих соседей — тех еще пустышек — и основательно полил грязью Фростера. Так, на всякий случай, чтобы Алия не вздумала завязать знакомство и с ним. Однако она и не собиралась. Пообещав, что вскоре снова его найдет, она упорхнула по делам, поскольку занятия возобновлялись. Очарованный, Сайлус даже позабыл, где его аудитория, куда опоздал на добрую четверть часа.

Сильное первое впечатление развеялось, но общее осталось. Немного придя в себя, Сайлус счел внимание Алии закономерным, вполне достойным своей выдающейся персоны. В отличие от других, она явно разбиралась в людях и не желала упускать своего. Впрочем, принять ее как должное не означало ничего не делать, ожидая лишь ленной дани. Обратив на Сайлуса внимание, Алия способна обратить его и на кого-то другого, если не встретит надлежащего отношения и отдачи. А он просто не выдержит удара, окажись этим человеком какой-нибудь Фростер. Тогда хоть ве-

шайся, такое получится фиаско. Нет уж! Алия, безусловно, достойна его, однако и он должен быть достоин Алии!

Взаимный интерес следовало сохранять в тайне. В Либератике не препятствовали романам между студентами, вот только Алия Ферран студенткой уже не была. Она была сотрудницей, а это налагало на нее определенные обязательства. Всякие личные отношения с учащимися в университете не допускались, и уж тем более выходящие за рамки дружеских. А они еще как стали выходить. На первом же свидании, прошедшим под покровом ночи, Алия подарила Сайлусу поцелуй, и тот прочно попал к ней на крючок. Он уже только и думал, что о следующей встрече, и убегал среди ночи, едва наступал урочный час. Отходя подальше от дома, он вызывал транспортную капсулу и летел в парк. Там, среди гранитных скал, гремел искусственный водопад, и там он виделся с Алией. За водопадом, в расселине, скрывался уютный грот, известный лишь посвященным. Его слюдяные стены таинственно переливались, отражая огоньки настенных ламп. В этом гроте они встречались, не видимые системе безопасности, и там могли не опасаться бдительного ока Либератики.

Пытаясь произвести впечатление, Сайлус нес околесицу. Доведись его матери услыхать эти речи, она сняла бы с поста собственного сына, который и так его занимал, в общем-то, для мебели. Алия же благосклонно слушала, вставляя разумные реплики. В отношениях она не торопилась, прочертив определенную границу. Сайлусу позволялось распускать руки до известной степени. Ни ему, ни ей изгнание из Либератики ни к чему. Она обязательно придумает, как им дальше быть, но пока забывать про все на свете не стоило. Сайлус не возражал, хотя в присутствии Алии еле сдерживался. Воображая, что доминирует в отношениях, он впал от нее в зависимость и фактически делал как она скажет. Покинув научный комплекс, он отправился домой и якобы лег спать. Но лег только для того, чтобы подняться в час ночи и выскочить на улицу, на ходу вызывая пассажирскую капсулу.

Алия была в гроте. Ее наряд, состоявший из облегающих шортов и топа, произвел на Сайлуса сногсшибательно впечатление. Сглотнув пересохшим ртом, он приветствовал ее голосом молодого осипшего петуха. Чарующие интонации Алии, прозвучавшие в ответ, отдались в его сознании ангельским пением. Сайлус и опомниться не успел, как они уже устроились на шезлонгах, раздобытых смекалистой аспиранткой. Сидя вплотную друг к другу, они смотрели на водопад и мило беседовали. Сайлус, впрочем, смотрел только на Алию, а в милую беседу привносил лепту самодовольного бреда. С его уст, однако, срывались и комплименты,

причем более-менее недурные, учитывая скверный опыт и необычные обстоятельства. И впрямь очарованный, он пустил в ход все слова, на которые только был способен, и Алия это явно ценила.

Как по волшебству, рядом с шезлонгами появился небольшой столик. Возможно, он стоял там с самого начала, просто не замеченный горячечным воображением Сайлуса.

— Не желаешь глоточек? — осведомилась Алия, плеснув что-то в стакан.

Удовлетворяя его любопытство, она протянула бутылку, оказавшуюся бутылкой виски. Дьявольски дорогого виски столетней выдержки, который в принципе нельзя было приобрести даже в элитном магазине. Такие продавались только на заказ и раскупались на годы вперед.

— А ты знаешь толк в напитках, — протянул впечатленный Сайлус.

Бутылка стоила тысяч пятьдесят. Бренд, известный на всю галактику, поставлял свою продукцию в основном коллекционерам. Сайлус всего трижды угощался этим прекрасным виски, да и то по случаю. Еще бы он не желал глоточек, да при таких обстоятельствах! Вернув бутылку Алии, Сайлус протянул было руку за стаканом, но тут же отдернул.

— Эй, минуточку! — спохватился он. — Здесь же пить нельзя! В Либератике это запрещено!

— Мы совсем немножко. Мы же не жалкие пьяницы из придорожного бара, — взмахнула ресницами Алия.

— Я не об этом, — мотнул головой Сайлус. — Чертовы врачи выявят. Не знаю, как тебя, а нас же обследуют каждые сутки. Да и эта штуковина может заметить.

Последние слова относились к наручному браслету, который вряд ли останется безучастен к порции спиртного.

Как оказалось, Алия все предусмотрела. Устроив ночное свидание, она позаботилась и о грядущем дне.

— Не волнуйся, я все улажу, — улыбнулась она.

Взяв Сайлуса за руку, Алия провела по его браслету пальцем, сделав замысловатое волнистое движение.

— Все, теперь он в тестовом режиме. Выдает стандартные показатели, — пояснила она. — Никто никаких отклонений не заметит. А всякие последствия виски мы ликвидируем. Видишь эти таблетки? С их помощью можно выпить хоть бутылку, и ни один анализ ничего не выявит.

Сайлус узрел предъявленный ему пузырек. Да, он хорошо знал, что это такое. Обычно подобным средством пользовались спецагенты

и богатые бездельники. Стоило оно тоже прилично и открыто не продавалось.
— А ты неплохо подготовилась. И как только у тебя это получилось? — заметил Сайлус, ощущая занимавшееся подозрение.
— Я же чертовски богата, забыл? — бархатисто рассмеялась Алия. — И я здесь работаю. Я бы давно сдохла от скуки, если бы не позволяла себе иногда расслабиться.
А ведь и правда! Не успев сформироваться, подозрения Сайлуса тут же развеялись. С жаром отхлебнув виски, он осведомился, не научит ли его Алия фокусу с браслетом. Увы, это оказалось невозможно. Его отпечатки отсутствовали в базе данных, и браслет просто не станет ему подчиняться.

Не прошло и часа, как Сайлус изрядно набрался. Общество Алии, тепло ее тела, запах ее волос опьянили его и без виски, которого он выпил несколько добрых порций. В голове у него зашумело, а конечности налились приятной истомой. Обмякнув на шезлонге, он слышал чарующий голос спутницы. Он убаюкивал сладкой сказкой, звал в чудесный мир грез, и веки сами собой слипались. Размеживая их, Сайлус видел над собой лицо Алии. Склонившись к его губам, она приникла к ним долгим трепетным поцелуем. Почувствовав себя как в раю, Сайлус попробовал ее обнять и провалился в глубокий сон.

Водопад мерно шумел, наполняя грот неизменно монотонными звуками. Безразличный к происходящему, он не интересовался ни парочкой на шезлонгах, заявившейся в середине ночи, ни ее самочувствием. Им интересовалась только Алия. Отпрянув от Сайлуса, она внимательно оглядела его лицо и проверила закатившиеся глаза. Пульс щупать не пришлось. Браслет по-прежнему функционировал, просто его показатели поступали непосредственно ей. Убедившись, что достигла желаемого эффекта, Алия встала. Улыбка покинула ее губы, словно никогда их и не посещала. Страстный румянец, столь подогревавший чувства Сайлуса, исчез будто выключенный рубильником. Глаза утратили всякую живость, став безразличными и холодными. Грациозные движения сменились резкими и отрывистыми.

Алия не носила контактные линзы дополненной реальности. Она была подключена к ней напрямую. Используя интерфейс, она подала сигнал. Стена в дальнем конце грота бесшумно разошлась. В открывшийся проход полился свет. Оттуда же появилась медицинская капсула, плывущая над полом в сопровождении двух операторов. Отступив в сторону, Алия молча наблюдала, как Сайлуса грузят на ложе. Так же беззвучно она смотрела, как операторы увозят капсулу в проход и как тот закрывается.

Стена сомкнулась, обретя прежний вид. Утратив к ней всякий интерес, Алия Ферран развернулась и уставилась на водопад. В шезлонг она не садилась и к виски более не притрагивалась. Она просто стояла как часовой на посту, ничего не говоря и даже не шевелясь, будто высеченная из камня.

* * *

Компания "Агрикультуры Мердалис" была очень крупным производителем сельскохозяйственной продукции. Одним из крупнейших, чьи акции котировались весьма высоко. Ей принадлежали не просто обширные угодья — ей принадлежали планеты. Какие-то находились в ее полной собственности, какие-то арендовались на длительный срок, с правом последующего продления контракта. Как бы там ни было, компания распоряжалась ими по собственному усмотрению, то есть исключительно к своей коммерческой выгоде. Это означало, что все города и села по-своему также принадлежали ей и жили исключительно по ее правилам. В них, конечно, поддерживался общегалактический закон и действовала официальная администрация. По факту же теневым правителем была "Агрикультуры Мердалис" в лице своего совета директоров. Без ее плантаций, полей, ферм и парников все жилые поселения превратились бы в города-призраки. Коммунальные службы, сфера услуг, коммерческий сектор и даже малые производства — все это, конечно, присутствовало и принадлежало частным лицам, но без "Агрикультур Мердалиса" просто перестало бы существовать.

Городов и сел было не так уж много. Компанию интересовала максимальная площадь посадок, а не индустриализация или рост населения. Ей требовалась рабочая сила в лице дежурного персонала и квалифицированных специалистов, однако в ограниченном количестве, ибо львиную долю операций выполняли машины. Они готовили почву, добавляли удобрения, распахивали новые земли, контролировали состояние освоенных, осуществляли полив, уход, сбор урожая и так далее, и так далее. Люди за ними лишь присматривали, а также осуществляли управленческий контроль. Машины были руками; люди были мозгом и способом помочь им в нестандартной ситуации. Поставленное на поток, дело процветало, в прямом и переносном смысле. "Агрикультуры Мердалис" производила самую разную сельскохозяйственную продукцию, начиная от цветочных луковиц и заканчивая экзотическими фруктами.

В техническую эпоху, когда люди расселились по звездам и

худо-бедно освоили термоядерный синтез, традиционное выращивание овощей могло показаться пережитком прошлого. Используя исходные составляющие, заводы были способны штамповать пищевую массу, а в точках распространения ей придавали бы любую консистенцию, цвет, вкус и форму. Порой так и происходило, чтобы обеспечить минимальные потребности населения. Формально, вопрос голода разрешился раз и навсегда. В реальности же все получилось несколько иначе.

Коммерция подразумевает прибыль и минимизацию затрат. Термоядерный синтез позволял делать что угодно почти из чего угодно, однако внезапно выяснилось, что зачастую традиционное изготовление продукции оказывалось выгоднее. Все упиралось в расход энергии. Кому нужен слиток золота, вышедший из жерла реактора, если он добывался куда дешевле из какого-нибудь астероида? Зачем синтезировать помидоры, затрачивая на них ценное топливо, если они прекрасно росли в естественных условиях? Огромные плантации, где овощи вызревали круглогодично, обеспечивали спрос, и при этом не требовали дорогостоящих процедур. Дюжина планет, превращенных в сельскохозяйственные угодья, позволяла "Агрикультурам Мердалис" преспокойно выращивать деньги прямо на грядках. Забирая урожай, их грузовозы и рефрижераторы развозили его по всей галактике, обращая натуральную продукцию в цифры на банковских счетах. С другой стороны, вопрос натуральности этой продукции стоял особо.

С давних времен люди занимались генетическим модифицированием. Прививая пшенице ген свиньи, они рассчитывали получить прогрессивный результат. В целом, научный подход и вывел человечество из пещер к далеким звездам, однако применять его бездумно и неосмотрительно означало рыть себе потенциально бездонную яму. Создавать холодостойкую культуру, способную давать повышенный урожай даже в неблагоприятных условиях — это одно. Получить безумный гибрид, чьи питательные свойства уже под вопросом, а его воздействие на организм и вовсе непредсказуемо — совсем другое. Человечество это проходило. Оно неоднократно сталкивалось с агрессивными культурами, чьи отрицательные качества в итоге перевешивали положительные. Иные такие культуры захватывали целые планеты, становясь настоящим бичом природы. Упреждая подобные случаи, за органической экспансией следили профильные ведомства, чтобы по всей галактике не расползлось какой-нибудь дряни. Санитарный контроль соблюдался неукоснительно. Прекращения модифицирования, однако, это не означало. Научные работы, выводившие улучшенные культуры, официально никогда не останавливались. Велись они и не-

официально, позволяя добиваться незаявленного, но эффективного и вместе с тем более экономичного результата.

Штаб-квартира "Агрикультуры Мердалис" располагалась на большой планете, покрытой лоскутами полей и шеренгами исполинских парников. Она обосновалась в единственном мегаполисе, куда прибывали многочисленные звездолеты и откуда во все стороны света уносились скоростные поезда. Небоскреб компании сиял огнями и претенциозной вывеской. Как символ процветания, он доминировал над городом роскошью, расположением и архитектурой. Видимый из любой точки, он словно напоминал, кто здесь главный, о чем повсеместно — даже на дорожных люках — напоминал и логотип компании. Там, в его вышине, собирался совет директоров, и там же он подсчитывал прибыль.

Затея удалась. Гормональная прикормка оправдала себя в полной мере. Генетически модифицированные, овощи поглощали ее как губка и наливались сочной спелостью куда быстрее, сокращая срок вызревания урожая на четверть. Простая математика говорила, что эта четверть приносила на столько же увеличенный доход, однако была математика и сложнее. Рост производства при том же уровне затрат позволял снижать цену, и снижать значительно. Это наносило серьезный удар по конкурентам.

Стратегические планы компании носили амбициозный характер. Часть других производителей испытает огромные трудности и будет вынуждена пойти на переговоры. Еще часть она и вовсе намеревалась выкинуть с рынка, кого заставив закрыться, а кого доведя до банкротства. При мощном демпинге цен многие конкуренты сводить концы с концами просто не смогут. Некоторых "Агрикультуры Мердалис" намеревалась поглотить, скупая их акции по бросовой цене. С иными же, более стойкими и перспективными, заключить торговый альянс. К тому моменту, когда уцелевшие компании сумеют дать отпор, "Агрикультуры Мердалис" захватит не менее половины рынка, а тогда ее позиции окажутся сильны и без хитрости. Той хитрости, которая обязательно станет достоянием общественности, но потом, когда она максимально использует свое стратегическое преимущество.

Компания не собиралась утаивать генетическую модификацию вечно. Как говорится, шила в мешке не утаишь, да и смысла в этом не было. Она лишь придерживала ее, как козырь в рукаве. Впоследствии, оформленная по всем правилам, заявка пройдет одобрение в министерстве и получит всеобщую известность. ВПОСЛЕДСТВИИ. До поры же никто об изменении техпроцесса не знал, что позволяло "Агрикультурам Мердалис" пожинать плоды во всех смыслах этого слова.

Совет директоров нечасто собирался в личном формате. Как правило, члены правления присутствовали через дополненную реальность, в действительности находясь на других планетах, в офисах, домах, а то и кораблях. Это было удобно, и так поступали многие. Развитие технологий позволяло людям мгновенно перемещаться по разным частям галактики, только не физически, а проекцией. Шифрованный канал обеспечивал безопасность, а бдительная охрана обеспечивала неприкосновенность и пресекала вторжение извне. Времена, когда руководство слеталось по каждому вопросу, давно канули в лету. Дополненная реальность позволяла контактировать как друг с другом, так и с подчиненными, обсуждая насущные вопросы и отдавая приказы. За редким исключением, в физическом присутствии смысла просто не было.

Сегодняшнее собрание не стало исключением. Зал для совещаний выглядел довольно людно, хотя по-настоящему в нем находился только один человек. Кроме председателя, по долгу службы проживавшего при штаб-квартире, все остальные пребывали в разных звездных системах. За столом они отображалась как живые, лишь иногда искажаясь и подергиваясь из-за погрешностей в передаче. В остальном же встреча выглядела совершенно естественной. Звук транслировался в оригинале. Проекции людей формировались в реальном времени, но с отсечением окружающего пространства.

На повестке дня стоял один вопрос — сколько именно планет перевести на новую технологию. Опытные партии оправдали себя в полной мере. За целый год ни потребители, ни службы министерского контроля ничего не заметили. Продукция "Агрикультур Мердалис" пользовалась неизменным спросом, как натуральная, качественная, и при этом финансово доступная. Варьируясь в разных ценовых сегментах, она удовлетворяла практически всех потребителей. Торговые точки делали заказы на полгода вперед, оптовики заключали с компанией долгосрочные контракты, и решительно никто не заметил даже незначительных отличий.

Правление спорило лишь о том, оставить ли на прежней технологии несколько планет, одну, или только ее часть, чтобы выращивать партии для прохождения всяких тестов. В случае необходимости это позволяло поставлять неизмененный оригинал. Жадность и амбиции подстегивали членов правления перейти на модифицированные культуры, оставив прежним малую толику. Так, исключительно для контроля, предполагавшего углубленную проверку. Пройдя убедительную разведку боем, достижения генетики сулили заманчивые перспективы.

Разоблачение ничем особенно не грозило. Даже если все от-

кроется, пройдет немало времени. Компания, безусловно, заплатит внушительный штраф и подвергнется избыточному контролю. Она вернется к прежней технологии до поры, пока не сертифицирует новую, да только разорившиеся конкуренты на рынок уже не вернутся. Репутационные издержки окажутся незначительными в сравнении с завоеванным преимуществом и экономической прибылью. Даже при наихудшем развитии событий особого риска просто не было, а польза очень даже была. Как ни крути, расклад получался к выгоде "Агрикультур Мердалис", отчего совет директоров и желал максимально увеличить оборот производственной подделки. В конце концов, они же не отраву на рынок поставляли. Они всего лишь опередили ход событий, внедрив генетическую модификацию прежде ее обнародования. И только. Ну а гормональная прикормка — всего лишь способ ускорения созревания. Прикидывая цифры, совет директоров уже собирался принять решение, когда секретарь доложил о визите каких-то людей.

Это было неожиданно. Без веской причины, обычно заседание никогда не прерывалось, о чем секретарь прекрасно знал. Все посетители, службы и даже сам мэр могли подождать, пока деловые люди закончат важный разговор.

— Шлите всех к черту! Мы заняты! — велел председатель.

— К сожалению, это невозможно. Я лишь извещаю, что к вам идут, — сбивчиво произнес секретарь. — Я пробовал их остановить, но ничего не вышло.

— Что значит, пробовал?! — возмутился председатель. — А охрана на что?! Пусть их выкинут на улицу!

— У охраны связаны руки. У этих людей судебный ордер, — торопливо сообщил секретарь.

— Да у каких людей?! Говорите толком! — потребовал председатель.

Двери неожиданно открылись. В зал, уверенно ступая, вошло несколько человек. Одетые в гражданское, они выглядели несколько по-военному. Оглядевшись, они определили, где тут голограммы, и прошли прямиком к председателю.

Члены правления загудели. В гомоне голосов суть звучала одна: кто это такие и чего им надо? Бесцеремонность вторжения переходила всякие границы. Богатые люди, привыкшие, что им все дозволено, крайне болезненно воспринимали нарушение этой иллюзии. Перекрывая общий гвалт, председатель грозным голосом осведомился, что происходит.

— Я — Ада Берг, полноправный представитель верховного прокурора, — сообщила высокая подтянутая женщина. — Вот судебный ордер. На деятельность "Агрикультур Мердалис" наложен запрет до

завершения расследования. Извольте ознакомиться.
Сказав так, она протянула председателю сложенный лист. Ошеломленный услышанным, тот взял его, пробежал глазами и опешил еще больше.
— Как это понимать?! — резко спросил он.
— Так, как написано! — жестко заявила Ада Берг. — Деятельность вашей компании остановлена. ВСЯ деятельность. Отгрузка и производство продукции запрещаются. Все финансовые операции заморожены. Любая активность, вплоть до чартерных рейсов, исключена. Руководство и все топ-менеджеры находятся под следствием.
— Вы соображаете, что несете?! — всплеснул руками председатель. — Остановить производство! Это же агрокультуры! Фрукты, бобовые, овощи!.. Их нельзя просто поставить на паузу! Мы понесем колоссальные убытки! Люди не получат продукты! Компания разорится!
— Это ваши проблемы, — холодно ответила представитель верховного прокурора. — Об этом надо было думать прежде, чем отправлять в продажу несертифицированный товар.

Слова о сертификации прозвучали раскатом пушечного залпа. Уже разразившись угрожающими выкриками, члены правления невольно притихли.
— О чем это вы? — закусил губу председатель.
— Не надо прикидываться. Вам прекрасно известно, о чем, — невозмутимо произнесла Ада Берг. — Вы изменили техпроцесс и поставляли на рынок генетически модифицированный товар.
— Где доказательства?! — без обиняков потребовал председатель.
— Их оказалось достаточно для предварительного решения суда. Остальные добудет следствие, — в глазах Ады Берг сверкнула сталь.
— Вы это серьезно? — помедлив, зло усмехнулся председатель.
Уняв всколыхнувшееся волнение, он вернул самообладание, а вместе с ним и наглость.

Кем бы ни воображала себя эта женщина, она отнюдь не всесильна. Хотя бы потому, что действует по закону, однако закон работает в обе стороны. Особенно если ты богат и влиятелен. Здесь собрались не какие-то сошки, у которых и на юристов-то денег нет. Их так просто не возьмешь, и плясать под свою дудку не заставишь.
— Этой своей бумажкой вы ничего не добьетесь, — презрительно изрек председатель. — Свою деятельность компания не прекратит. Даже не надейтесь. Мы немедленно натравим на вас лучших адвокатов. Если вам и удастся начать свое расследование, никаких

доказательств вы в жизни не получите. Это если гипотетически предположить их наличие. И сторицей возместите нам все убытки, да еще извинитесь!
— Кажется, вы не понимаете всю серьезность ситуации, — Ада Берг улыбнулась так, что председателю стало не по себе. — Мы не требуем от вас остановить деятельность компании. Мы извещаем вас, что она УЖЕ остановлена.

Силясь переварить услышанное, председатель заморгал. Члены правления замолкли, соображая, к чему это было сказано. Чтобы до них лучше доходило, штаб-квартиру "Агрикультур Мердалис" окружили вооруженные роботы. У всех входов и выходов объявились тяжелые машины, недвусмысленно предлагавшие не оказывать сопротивления. Их внушительные пушки выглядели весьма убедительно, а полицейская раскраска не советовала вступать в конфликт с правоохранителями. Крышу заблокировали хищного вида суда, чьи пулеметы велели никому не взлезать и не приземляться. Проворные дроны сновали возле ярусов по всей вышине небоскреба. Они образовали настолько огромную стаю, что производили впечатление смерча, старавшегося затянуть здание. В коридорах, на перекрестках и лестничных площадках объявились андроиды, державшие оружие явно не для красоты. Их форма и значки представляли маршальский департамент. Хватало и людей, предъявлявших удостоверения и опечатывающих рабочие места.

Охрана компании и не думала сопротивляться. В случае огня на поражение ее просто сметут превосходящие силы законников, чей ордер был таким же непрошибаемым, как танковая броня. Она сдавала оружие по первому требованию, а системы безопасности либо отключались, либо переходили под контроль силовиков. Наблюдая на экранах это зрелище, члены правления окаменели.
— Эй, что происходит! — внезапно воскликнула пожилая, в бриллиантах, женщина.
Но адресовала она это кому-то другому. Кому-то, кто был там, где она в данный момент находилась. Послышался нараставший гомон, резкие крики, и связь неожиданно прервалась. Пойдя полосами, женщина в бриллиантах задрожала и исчезла.
— Какого черта?! Вы кто?! — поворачиваясь, крикнул другой член правления.
И тут же исчез точно так же, как и его соседка.
От голограммы третьего раздался громкий шум и еще более громкий треск.
— Это спецназ! Они ломают дверь! — вытаращил он глаза.
Вскочив, он исчез из поля зрения, однако трансляция все еще

продолжалась. В зале правления было слышно, как он кричит и мечется, как что-то с грохотом обрушивается и как раздаются множественные голоса. Потом сигнал пропал.

У четвертого члена правления что-то случилось с трансляцией. Аппаратура, не иначе поврежденная, стала воспроизводить не только его, но и окружение. Зрителям представилась часть роскошно обставленного пентхауса. Накладываясь на реальность, она искажалась и подергивалась, однако суть передавала очень хорошо. Грянули выстрелы. Там, за дверью, сторожевые роботы оказали сопротивление и были немедленно уничтожены. Иные хозяева, страдая паранойей, настраивали технику так, что она не реагировала на значки и форму. Вдруг поддельные? Она атаковала все подряд, за что и поплатилась.

Пули не прошили разукрашенную бронированную дверь, однако оставили на ней глубокие отметины. Застучала турель, отражая нападение, и ее тут же разнесли выстрелом из чего-то тяжелого. Чего-то такого, что разнесло и часть стены, осыпав ее вместе с искореженным металлом. Дверь и вылетела, сорванная с петель, и рассыпалась одновременно. Из образовавшейся бреши повалил густой дым, вызванный не то занимавшимся пламенем, не то специальными гранатами. Обломки двери еще падали, а в пентхаус уже врывались роботы, прощупывая пространство лазерными лучами. Насмерть перепуганный, член правления плюхнулся на пол. К нему, держа на прицеле, приблизилось несколько андроидов. За ними объявились люди в форме. Один из них произвел арест. Другой очень громко и отчетливо зачитывал права.

Председатель застыл в полном оцепенении. Члены совета директоров исчезали один за другим. Оставшиеся начали паниковать, сообразив, что они на очереди. Зал правления внезапно наполнился звонками. От лавины входящих вызовов начинала сбоить принимающая техника. На голографических экранах появлялись разные люди. Это были начальники высшего и среднего звена, инспекторы, координаторы, а также курирующие специалисты. Волнуясь и сбиваясь, они торопливо сообщали чрезвычайные вести со всех планет компании.

Везде, вплоть до последнего городка, приземлялись звездолеты, на чьих бортах горели эмблемы министерства внутренних дел. Утробно рокоча двигателями, они исторгали внушительные отряды силовиков. Координационные узлы и административные центры захватывал спецназ. Его усиленные подразделения действовали жестко и оперативно. Менеджеров и управляющих арестовывали. Их контакты с внешним миром полностью прерывали. Охрану повсеместно обезоруживали. Ко всем, кто пытался оказать

сопротивление, немедленно применяли силу. В небе сновали многочисленные планетарные катера, порой составлявшие целые флотилии. Поля, фермы и парники наводнили инспектирующие роботы. Анализируя каждый ярд, они сканировали окрестности и брали под контроль ключевые узлы. Все агротехнические комплексы останавливались и опечатывались. Производственные цеха и конвейеры обесточивались. Вся хозяйственная деятельность компании была парализована.

Звездолеты задерживались прямо в космопортах. Уже взлетевших принудительно сажали, а дальние рейсы перехватывались и брались под сопровождение. По нарушителям открывали предупредительный огонь. Несколько кораблей, чьи капитаны, видимо, были нечисты на руку, попытались улизнуть. Последствия не заставили себя ждать. Силовики не церемонились. Заговорившие пушки подбивали двигатели и дырявили корпуса, грозя превратить суда в груду дрейфующих обломков. В особенно юрких выпускались ракеты. Тогда последствия становились наиболее фатальными. Два звездолета разнесло прямо на форсаже, и лишь немногие из их экипажей успели забраться в спасательные капсулы.

Лавина звонков усилилась. Финансовые работники и банковские служащие сообщали, что счета "Агрикультур Мердалис" заморожены, а все платежи приостановлены. Это касалось и частных счетов, принадлежавших руководящему составу, причем не обязательно аффилированных. Биржа уже реагировала, живо уловив, куда ветер дует. Акции компании быстро пошли вниз. Брокеры массово сбрасывали ее активы, чем еще сильнее провоцировали падение. В новостях появились первые слухи о задержании членов правления и повальных обысках. Министерство юстиции подготовило заявление, предназначенное для ведущих СМИ. Официально оно еще не озвучивалось, однако комментарии в Пространственной сети в большинстве сводились к одному. Гадая о причинах, они предвещали крах "Агрикультур Мердалис".

Маклеры изъяснялись сдержанно и лаконично. До того, как не будут улажены все недоразумения с законом, запросы от компании не принимаются, чего бы они там ни касались. Без официального разрешения министерства юстиции никакие деловые операции даже рассмотрению не подлежат.

Гвоздями в крышку гроба стали сообщения от партнеров. Они извещали, что приостанавливают с компанией всякие деловые отношения. Все договоры замораживаются, поставки прекращаются, а финансовые операции отзываются. Любые вопросы по урегулированию будут направлены в арбитражный суд, куда переадресуются и все претензии, если "Агрикультуры Мердалис"

вознамерится их предъявить. В кратчайшие сроки, словно по мановению руки, компания неожиданно осталась одна, абсолютно изолированная в мире рассыпавшегося для нее бизнеса.

В посланиях от агентов, внедренных в соперничающие компании, сквозило нечто сверхъестественное. Конкуренты, словно заведомо сговорившись, стали выводить на рынок новые контракты. Они предлагали увеличенный объем продукции, заполняющий грядущий дефицит. Или они держали в штате ясновидящих, или заранее знали о том, что она окажется востребована. В последнее просто не верилось, однако вряд ли это было простое, пусть даже очень невероятное совпадение. Отреагировать настолько оперативно не успел бы и самый быстрый искусственный интеллект.

Председатель потерял дар речи. Его полубезумный взгляд перескакивал с экрана на экран, пока в зале, один за другим, исчезали члены совета директоров. Он просто отказывался верить в происходящее. Как? Почему? Что это за кара небесная?! Банки захлопнули двери, мгновенно утратив к солидному клиенту всякое расположение. Конкуренты ринулись в атаку, словно спущенная с цепи свора псов. Спецназ вышибал двери и хватал всех подряд, не стесняясь открывать огонь. Ощерясь пушками, галактические патрули перехватывали звездолеты. В частные дома грозно стучалась полиция, предъявляя жетоны и ордеры. Переворачивая все вверх дном, в офисах командовали прокуроры. Да где это видано, чтобы за такие, в общем-то, незначительные проступки на тебя натравливали целую армию силовиков?

— Если вы не поняли, вы тоже арестованы, — невозмутимо сказала Ада Берг. — Вы, разумеется, немедленно свяжетесь со своим адвокатом, а тот подаст ходатайство. Его удовлетворят, но частично. Забегая вперед, я сообщаю, что вы под домашним арестом. Вам запрещено покидать личные апартаменты, которые, как известно, находятся здесь, при штаб-квартире компании. Сейчас вас туда проводят. Ваших родных и близких известят. Исключая доступ к адвокату, ваша Пространственная сеть будет отключена.

Взгляд председателя потух. Удар был настолько сокрушителен, что он как-то враз постарел, прибавив годов двадцать. Он не кричал и не спорил. Все выглядело как в бреду. Он все еще не верил в происходящее, однако глаза и уши говорили, что оно действительно свершилось. И это была настоящая катастрофа. Даже если ее удастся минимизировать, даже если удастся как-то выкрутиться, последствия уже необратимы. Захватив освободившийся рынок, конкуренты сделают то, что собиралась сделать сама "Агрикультуры Мердалис".

— Почему? — только и спросил председатель. — Что мы такого сделали? В бизнесе так поступают сплошь и рядом. Почему мы? Почему вы спустили на нас всех собак?
— Чтобы другим было неповадно, — сверкнула глазами Ада Берг. — Люди должны получить урок.
— Неповадно — что?! — мучительно воскликнул председатель.
— Вам не стоило поставлять в учебные заведения тайно модифицированные продукты питания, — холодно отчеканила представитель верховного прокурора. — И вам уж точно не стоило поставлять их Либератике.

Верховный прокурор не зря беспокоился, проявляет ли картель Одулоа интерес к Руберту Тейдлицу. Как оказалось, очень даже проявлял. Поразмыслив, его боссы пришли к выводу, что потерю отряда боевиков просто так игнорировать нельзя. Отправленные схватить Тейдлица, они все были убиты, причем явно профессионально. Игнорировать подобную выходку не стоило, чтобы не уронить репутацию картеля. Демонстрация слабины и попустительство подорвали бы ее весьма серьезно. Другое дело, кто именно осмелился столь нагло перебить его людей? Вряд ли сам Тейдлиц. Он был взломщиком и мелким жуликом, но не киллером. Уложить оптом нескольких боевиков ему просто не по зубам. Это, однако, не означало, что с ним совсем нет никакой логической связи. Помогал ли ему кто, или же он кому-то заплатил — за эту ниточку в картеле и решили потянуть. Искать не только Тейдлица, но и тех, кто его потенциально сопровождал, и из-за чего вполне мог где-нибудь засветиться. Камеры, установленные по всему городу, и свои люди на местах очень такой идее способствовали. Не забывая разыскивать беглеца, чьи концы основательно затерялись, картель проверял и свое предположение. И вскоре это принесло плоды.

Установить личности исполнителей не удалось. Их словно не существовало. Судя по всему, это были профессионалы, перелетавшие из одной звездной системы в другую. Таким все равно кого убивать — лишь бы платили, и в картеле Одулоа это по-своему уважали. Как правило, без необходимости на них охоту не открывали. Хорошие киллеры требовались всем. Другое дело — заказчики. Те, кто отдал приказ и заплатил. Вот с ними следовало разобраться, а одна из ниточек привела к человеку прямо здесь, на планете картеля Одулоа.

Какую роль играл во всем этом Люстен Грай, помощник мэра — еще предстояло выяснить. Его выявили случайно, по стечению обстоятельств. Работал ли он на конкурентов, был законспирированным спецагентом или же имел личный интерес — боссы поня-

тия не имели. Им удалось узнать одно: приказ отдал именно он. Возможно, он тоже исполнял чье-то распоряжение, только дальше него цепочка не выявлялась. Улики были косвенные, но картель — не суд и не прокуратура. Ему достаточно и слов, оброненных несколькими людьми, и даже не знавшими, в чем тут дело. Помощник мэра соблюдал предельную осторожность, однако и на старуху бывает проруха. Как говорится, о чем знают двое, знает и свинья. Посовещавшись, боссы велели схватить его и доставить к ним, чтобы выяснить всю подноготную. Ну а если это не удастся, тогда убить на месте, да так, чтобы стало ясно, кто именно совершил месть.

Бригада боевиков выдвинулась сразу, как только получила приказ. Это были не какие-то наркоманы и не жалкие уголовники, промышлявшие как стая шакалов. Для дел, затрагивавших честь картеля, отряжалась серьезная команда, отлично вооруженная и умело сработанная. Получив координаты цели, она тут же взяла ее в оборот.

Ночная пора подходила как нельзя лучше. Формально, активность мегаполиса не прекращалась круглые сутки, однако затемно многое удавалось успешнее. Свет от фонарей проникал не везде, особенно если его отключали, да и люди вели себя несколько по-другому. Прибыв на место тремя группами, посланцы картеля принялись за дело. Одна зашла через главный вход, другая использовала служебный, а третья воспользовалась парковкой на крыше.

Помощник мэра был дома, а именно в одной из квартир люксовой многоэтажки. Прикинувшись людьми из клининговой компании, вызывавших неизменное доверие, боевики легко проникли в здание. Чтобы избежать осложнений, администратора пришлось обезвредить. Охранников, на всякий случай, тоже. Одного застрелили на месте, поскольку иначе не получалось. Еще шестерых разоружили и оглушили. Установив контроль над системой безопасности, боевики оставили на постах своих людей, а сами направились на нужный этаж.

Вежливый, но настойчивый, полуночный стук в дверь оправдывался проще некуда. Мол, на стойке администратора сработала пожарная сигнализация. Предполагая, что речь идет о явной неисправности, тревогу никто не поднимал, а служащий пришел убедиться, действительно ли все в порядке. В его роли, разумеется, выступал боевик. Одетый в надлежащий комбинезон, он держал в руке чемоданчик с инструментами. Другую же руку он завел за спину, готовясь пустить в ход пистолет-автомат. Другие боевики расположились неподалеку, готовые ринуться по первому сиг-

налу.

Дверь открыла какая-то женщина. Вероятно, служанка, но скорее любовница. Уж точно не андроид, ибо делать таких до сих пор не научились. Она выглядела невероятно привлекательно и по-настоящему живо. Наметанный взгляд боевика, к тому же поднаторевшего и в любовных утехах, распознавал роботов безошибочно. Он даже подумал, что было бы неплохо прихватить эту дамочку с собой. Странно только, что ее одежда выглядела буднично, словно принадлежала не подружке владельца квартиры, а дежурной по ночной смене.

Рассматривая женщину, боевик встрепенулся, вспомнив, зачем пришел. Корректно улыбаясь, он встретился с ней взглядом и невольно вздрогнул. У женщины были большие красивые глаза, однако смотрели они как у машины, будто пронизывали его насквозь. Желая избежать разборок в коридоре, лже-служащий изложил цель своего визита.

— Ложная тревога, — твердо сказала женщина. — Никакого пожара у нас нет. Я бы об этом знала.

— И все-таки разрешите войти. Я должен проверить, — настаивал боевик, раздосадованный ее несговорчивостью. — В противном случае, по протоколу я должен включить пожарную тревогу. Зачем вам такое беспокойство? Подумайте и о соседях.

— Включайте, — пожала плечами женщина. — Но в квартиру вы не войдете.

— Да чтоб тебя! — скривился боевик.

Ну, раз уж по-другому нельзя… Шагнув ей навстречу, он выхватил из-за спины пистолет-автомат. Сама напросилась! Жаль, конечно, такую красотку, но свидетели все равно ни к чему, а щадить чьи-то жизни указания не было.

Глушитель не подвел. Вооруженные до зубов, люди картеля не собирались поднять на уши все здание. Вместо грохота выстрелов раздалось отрывистое чихание. Вот только пули внезапно ушли в пустоту. Поднырнув под руку боевика, женщина перехватила ее в мгновение ока. Тот даже опомниться не успел, как пистолет-автомат прочихал снова, только на сей раз в него самого. Изрешеченный в упор, боевик рухнул навзничь, частично оказавшись в коридоре. Собираясь ворваться в квартиру, его подельники на секунду ошалели, узрев плечи и голову убитого. Заняв позиции по сторонам, они вытаращились на струйку крови, стекавшую у него изо рта, и тем подписали себе приговор. Выпав в коридор, женщина расстреляла двоих боевиков слева. Затем, молниеносно крутанувшись, изрешетила еще двух справа. В третьего, стоявшего поодаль, улетела лишь одна пуля. Его спасла опустошенная обой-

ма. Швырнув разряженное оружие, женщина исчезла в квартире быстрее, чем люди картеля успели отреагировать.

Теперь было не до церемоний. Потеряв пятерых, боевики озверели. Они жаждали крови, за которой немедленно и ринулись. Ринулись, позабыв про все на свете, и тут же за это поплатились. Женщина высунулась снова, на сей раз вооруженная двумя собственными пистолетами. Голова ближайшего боевика лопнула как гнилая тыква. Разрывные пули большого калибра разили с ужасающей мощью. Второму боевику повезло чуть больше. Ему всего лишь пробило шею, и он свалился на пол, заливая все вокруг хлынувшей кровью. Третий, можно сказать, и вовсе легко отделался. Пораженный в сердце, он рухнул как подкошенный.

Реакция последовала незамедлительно. Держа пальцы на курках, боевики разразились очередями, изрешетив часть стены и дверной косяк. Женщину они не достали. Двигаясь с умопомрачительной скоростью, та исчезла в мгновение ока. И вдруг снова высунулась у самого пола, развоторив грудь еще одного боевика. Всякие церемонии кончились. Заорав от ярости, остальные открыли интенсивный огонь.

Простреливая все пространство у двери, люди картеля приближались, не позволяя женщине высунуться. Они уже поняли, что имеют дело с профессионалом, шутки с которым плохи, и больше ошибаться не собирались. Во всяком случае, они так думали. В коридор, мелькнув из квартиры, упало нечто похожее на металлический цилиндр. Звук удара тоже был металлическим. Затем последовал взрыв. Мощный взрыв, выщербивший стены и оставивший в полу изодранную воронку. Ближайших боевиков изрешетило осколками. Убило не всех, но ударная волна отшвырнула их назад, попутно еще и оглушив. В завесе, преисполненной взметнувшейся крошки, снова объявилась женщина. Разряжая пистолеты, она вертелась во все стороны, то падая на колено, а то отскакивая прочь. У тех, кто еще сохранил возможность стрелять, попасть в нее никак не получалось.

Ряды боевиков стремительно таяли. Грохот взрыва перебудил весь дом, отдавшись в самых дальних его уголках. Очнувшись, заверещала пожарная тревога, извещая жильцов о чрезвычайной ситуации. В коридорах, полыхнув зловещей иллюминацией, завертелись оранжевые огни. Женщина продолжала стрелять. Пол, раскуроченный взрывом, усеивали тела, живые и мертвые. Мертвые лежали неподвижно, неестественно заломив конечности. Живые истошно орали, чем только увеличивали шум и сумятицу.

Было бы странно, не последуй за всем этим соответствующая реакция. Из квартир стали выскакивать жильцы, желавшие либо

выяснить, что происходит, либо эвакуироваться на улицу. У большинства убежать вполне получилось, исключая тех, кто проживал на пострадавшем этаже. Завидев настоящую бойню, они тут же юркали обратно. Страх перед пожаром пересиливался страхом от жуткого зрелища. Стены, забрызганные кровью, растекавшиеся алые лужи и множество тел заставляли забыть и об огне, и вообще обо всем. А женщина все стреляла, сокрушая людей картеля, и оставалась невредимой. Скорость ее движений не поддавалась рациональному объяснению, да и не только она. Боевики были уверены, что им все-таки удалось в нее попасть, но толку с того особо не наблюдалось.

Время поджимало. Правильнее сказать, оно горело синим пламенем. Поднятые по тревоге, скоро прибудут все городские службы, а за ними, уразумев обстановку, объявится и полицейский спецназ. Боссы послали боевиков за конкретным человеком, а никак не начинать войну с правоохранителями. Выбора не оставалось. Изрыгая проклятья, люди картеля пустили в ход тяжелую артиллерию. После взрыва, криков и пожарной сигнализации таиться просто не имело смысла. Да, о захвате цели живьем приходилось забыть, только это лучше, нежели отступление. Женщина была невероятно быстра, однако против гранатометов бессильна. Выстрелы последовали сразу с двух сторон. Двигаясь поистине поразительно, она почти успела скрыться в квартире, но все-таки ее накрыло взрывной волной.

От двери не осталось даже фрагмента. Вместо нее в стене зияла дыра, края которой лизало пламя. Надрываясь, пожарная сигнализация включила разбрызгиватели. Проливаясь с потолка, вода заполонила коридоры частым искусственным дождем. Следуя через его струи, в тенях от огня и дрожании дыма, боевики приблизились к квартире, но сразу внутрь не пошли. Вместо этого они шарахнули туда еще пару раз, разряжая гранатометы. Под жуткий грохот изнутри вылетели клочья мебели, звенящие осколки и целое облако штукатурки, пронизанное огненными искрами. В это облако нырнуло сразу несколько ручных гранат, чтобы уж наверняка. Этаж сотрясся так, словно здание вот-вот обрушится. Потолок пошел глубокими трещинами, а в стенах показались деформированные коммуникации.

Держа оружие наперевес, боевики проникли в дыру. Мало что видя, они то и дело стреляли, выпуская очереди как перед собой, так и вообще куда попало. После взрывов вряд ли кто-то выжил, — даже та невообразимая чертовка! — но рисковать они больше не желали. Лучше изрешетить пулями шкаф или напичкать свинцом ковер, нежели самому получить смертельное угоще-

ние.

Квартиру разворотило изрядно. Заряды из гранатомета были кассетными. При первичной детонации они распадались на несколько блоков. Разлетаясь и рикошетя, те распределялись по площади, после чего следовала вторая детонация, полноценная и сокрушительная. Кругом поднимался дым. Искореженная мебель горела, распространяя едкий запах. Раскуроченная электроника искрила, свисая оборванными проводами и оплавленными осколками экранов. Проникая через выбитые окна, в квартире свистал высотный ветер. Везде царил разгром и хаос, уцелеть в котором никто не мог. Подтверждением тому служила женщина, обнаруженная у остатков дивана. Опаленная, она лежала на боку, засыпанная пеплом и тлеющими обломками. Ее тело было сильно деформировано, что говорило о мощи взрыва. Приблизившись, один из боевиков ткнул ее носком ботинка, желая удостовериться, что она мертва. Как будто это и так не было понятно… И все же, как оказалось, не было.

Женщина открыла глаза. Мутные, с обожженной роговицей и сгоревшими ресницами. В следующее мгновение боевик истошно завопил и рухнул на пол, разряжая в потолок свой автомат. Схватив его за лодыжку, женщина сломала ее резким движением пальцев. Атаковать как и прежде она уже не могла, отчего только и пыталась дотянуться до врага. Зато как! Ее невероятная сила даже не шокировала — она пугала! Было вообще непостижимо, как ей удалось нанести такое увечье, когда по всем законам природы полагалось лежать бездыханной. Выяснять это посланцы картеля не собирались. Ощущая суеверный страх, они навели на женщину оружие и разрядили по обойме сразу из нескольких автоматов. Они даже думать не хотели, кем она была. Боевики стреляли снова и снова, пока не убедились, что на сей раз она действительно мертва. Фактически, пули рассекли ее на части. Крови показалось на удивление мало, только боевики на таких деталях не зацикливались. Им и без того хватало забот, чтобы играть в патологоанатома или детектива.

Помощник мэра отыскался неподалеку. Похоже, в момент атаки он кому-то звонил. Удалось ему связаться с адресатом или нет, а если да, то что он успел сообщить — определить не удалось. Боевики нашли его подле терминала, уничтоженного взрывом. Люстен Грай еще дышал, однако для боссов был явно бесполезен. Он и ближайшие несколько минут вряд ли переживет, не говоря уже о транспортировке для допроса. И все же его взгляд выражал остатки угасавшего сознания.

— Картель Одулоа передает привет, — хмуро сказал боевик, и раз-

рядил оружие ему в лоб.
Помощник мэра скончался, и интереса более не представлял. Задание, однако, было еще не выполнено.

Используя плазменные распылители, боевики выжигали на стенах знаки, говорившие о том, кто все это учинил. Знак следовало оставить и на трупе. Для этого предназначалось клеймо, раскалявшееся автоматически. Похожее на фирменную печать, его было достаточно плотно прижать. Потянув за одежду, всю в обугленных дырах, один из боевиков обнажил плечо убитого. Достав клеймо, он поднес его к телу и замер. На опаленной коже виднелась татуировка в виде двух разноцветных, вложенных друг в друга галактических спиралей.
— Проклятье! Это скверно! — встревоженно воскликнул он. — Я слыхал про такую штуку! С теми, кто ее носит, лучше не связываться!
— С картелем Одулоа тоже лучше не связываться. Делай, что велено, — узнав, в чем дело, хмуро предложил другой. — Его все равно уже не воскресишь.
— Вот сам и делай! — отказался обеспокоенный боевик.
Бормоча ругательства, его более смелый приятель забрал клеймо и вжал его в плечо Люстена Грая. Туда, где виднелась спиральная татуировка. Послышалось мерзкое шипение, словно на раскаленную сковородку бросили ломоть сырого мяса. Перекрывая другие запахи, в воздухе тут же потянуло жженой плотью.
— Все, уходим! — крикнул боевик, оставив метку картеля Одулоа.
Подельники ждать себя не заставили. Завывая сиренами, к высотному зданию слетались полицейские аэромобили.

* * *

Долгожданное распределение по факультетам как подтвердило многие предположения, так и принесло массу неожиданностей. У иных первокурсников оно вызвало настоящий шок, поскольку те желали одного, а в результате вышло совсем другое. Настолько, что некоторые протестовали против зачисления, хотя это было заведомо бесполезно. К ним не применяли политику кнута. Наоборот, их мягко увещевали. С каждым недовольным администрация беседовала индивидуально. Тем, кого не удавалось переубедить сразу, предлагали пройти в медицинский комплекс. На этот случай был предусмотрен двухнедельный курс психотерапии. Если по его окончанию новичок все еще не желал согласиться на распределение, он мог покинуть Либератику. Отказавшихся принять ее выбор никто не неволил.

Протестовавших было незначительное меньшинство — не более пяти процентов от общего числа поступивших в университет. Тех, кто категорично не хотел учиться там, к чему совсем душа не лежала. Среди друзей из дома №26 по Двенадцатой авеню таковых не нашлось, хотя они и пребывали в серьезном недоумении. Выражая его друг другу, они взволнованно обсуждали объявленные результаты.

Из всей компании больше всего повезло Шелли. Она, как и надеялась, попала на факультет биофизики, чему была несказанно рада. Ее склад ума вряд ли выдержал бы что-то другое, отчего она испытала колоссальное облегчение. Объявившись в дополненной реальности, извещение от администрации окрылило ее почище всяких стероидов. На фоне остальных Шелли даже стеснялась говорить о своей удаче, и лишь выражение лица выдавало обуревавшие ее чувства. Успев пообщаться с деканом, Мартьялой Дормербруг, она была полна надежд на будущее. Грядущие годы сулили ей увлекательную теорию и еще более захватывающую практику.

На втором месте шла Руслана. Ей и впрямь предложили стать врачом, только не психотерапевтом, а психиатром. Для несведущего человека это казалось практически одним и тем же, однако для тех, кто разбирался, разница была большая. Руслана хотела заниматься адекватными людьми, которым требовалась психологическая помощь. Она представляла, как станет принимать семейные пары, консультировать будущих и состоявшихся родителей, оказывать профессиональную поддержку отчаявшимся и открывать людям глаза на их подлинные, глубоко сокрытые проблемы. Возиться с настоящими сумасшедшими, которых одними разговорами не исцелишь, она желанием не горела. С другой стороны, она не жаловалась, ибо не попала куда-нибудь к юристам или экономистам.

Неофициальное третье место досталось Элеоноре. Тут, не иначе, и впрямь сказался ее интерес к звездам, поскольку на долю баронессы выпала астрофизика. Это вам, конечно, не любительская астрономия, однако известное сходство все же наблюдалось. Одним телескопом отделаться не удастся, да и обучение предстояло более чем серьезное, но трудности ее не пугали. Элеонора достойно приняла свое зачисление. Уж чему-чему, а ее интеллекту научное образование не помешает. Политиком можно стать и с ним, ибо какими там только дипломами ни козыряли. В перспективе, для ее репутации это может оказаться солидным плюсом. Астрофизик будет внушать уважение, как человек явно неглупый и весьма ученый.

Четвертую строчку занял Руберт, очутившись на факультете машиностроения. Вскрытием замков, хакерством и прочими такими штучками там и не пахло. К его известным талантам, с натяжкой, только роботы и относились, как оснащенные либо автономной программой, либо искусственным, подлежащим коррекции интеллектом. На этом всякие параллели заканчивались. Машиностроение подразумевало станки, исполинские автопогрузчики, краны, конвейеры, транспортировочные платформы и шасси для различных модулей, включая танки и самоходные установки. Последнее Руберта более-менее утешало. Продукция военного назначения всегда востребована, а специалист, разбиравшийся в производстве бронированных чудовищ, ценился достаточно высоко.

Дальнейшие места если и распределялись, то разве что по степени изумления, а не профессионального ожидания. Годриц-ан, он же Джерри, обнаружил себя в стане нанотехнологов. Мечтая попасть к искусствоведам, он не удивился бы и зачислению в экономисты, однако нанотехнологии его никогда особо не привлекали. Пораженный этим известием, он всерьез подумывал об отказе, но в итоге доводить все до крайности не стал. Отчисление из Либератики означало возвращение в родные пенаты на условиях родителей и под родительским же управлением. А этого Джерри хотел еще меньше, нежели обучаться нанотехнологиям.

Прочитав свое извещение, Эрвина была поражена. С точки зрения университета, ее скрытый талант заключался в квантовой физике. Они это что, серьезно?! Да, Эрвина неплохо ладила с техническими науками. Она надеялась стать инженером или кем-то в этом роде, но квантовая физика!.. Тут же нужен особый склад ума и знания, которых у нее отродясь не бывало! Решив, что здесь какая-то ошибка, Эрвина отправилась в администрацию, где ее сомнения развеяли. Ошибки нет, и зачисление сделано очень даже правильно. Это подтвердил и Ярколич. Пользуясь его расположением, Эрвина пришла в медицинский комплекс, где услышала то же, что и прежде. Ее призвание — квантовая физика, даже если она сама сейчас этого не понимает. Ярколич был предельно серьезен и уверял, что именно на этом поприще она покажет себя поистине блестяще. Не верить седому академику Эрвина не могла, хотя такое распределение казалось ей настоящим бредом. С другой стороны, распределение Сильвертины и Листиана выглядело бредом поистине феерическим.

Сильвертина, только и умевшая, что музицировать, была зачислена на факультет политологии. Туда, куда так хотела попасть Элеонора, и куда даже не помышляла попасть сама. Политология!

Простушка Сильвертина! Она и на выборах-то голосовала за самого обаятельного кандидата, не особо задумываясь о его программе. Узнав о ее зачислении, вся компания пребывала в настоящем шоке, исключая саму Сильвертину. По простоте душевной она переживала только за то, что ее призвание, оказывается, не в музыке. Факультет искусств, такой многообещающий и заманчивый, не стал открывать двери ее игре на скрипке, да и флейту проигнорировал. Огорченная до слез, Сильвертина тяжело вздыхала, однако распределение даже и не думала оспаривать; особенно когда уяснила, что играть в свободное время ей и дальше никто не помешает.

Листиан оказался юристом. Во всяком случае, так думала Либератика, ибо по мнению друзей юрист из него был такой же, как из Сильвертины политолог или как из грузчика балерина. Отлично бегая до изнеможения, он обладал впечатляющей физической энергией, только много ли с нее пользы в зале суда? Сопровождение договоров и консультации клиентов на одной лишь физкультуре тоже не выстроишь. Юрист, конечно, не ученый, однако мозги ему еще как нужны, а с ними у Листиана было, прямо скажем, туговато. Даже если он каким-то чудом вызубрит весь свод галактических законов, а заодно и абсолютно все судебные прецеденты, что он станет с ними делать? Как ходячая энциклопедия, он выдаст любую информацию на-гора, да только вот сам банально не сообразит, где ее применить. Глуповато улыбаясь, Листиан отшучивался, ловя ошарашенные взгляды друзей. Сам он был поражен не меньше, однако ему очень льстило такое внезапное решение Либератики.

Традиционно, Фростер в гостиной не присутствовал, однако его распределение секретом ни для кого не осталось. Во-первых, все списки вывешивались на кафедрах, доступные и в режиме дополненной реальности. Во-вторых, об этом сообщил он сам. Точнее, проорал.

— Искусствоведение?! Да вы издеваетесь! — разнеслось по всему дому весьма эмоциональное выражение экспрессии.

В глазах Фростера, этот факультет предназначался для всяких убогих вроде Сильвертины. Отправку к его адептам он счел настоящим оскорблением. Взбешенный, он отправился скандалить в администрацию, где добился не большего успеха, чем остальные недовольные. Вот только он, в отличие от многих других, ни на какой психологический курс соглашаться не стал. Не желая и слышать о всяких там талантах, принятию себя и профессиональной помощи, де-факто он предъявил ультиматум. Или университет пересматривает свое решение, или же он немедленно покидает это

нелепое учреждение! И плевать, что деньги за обучение уже заплачены! Лучше остаться никем за миллиард, чем стать представителем богемы хоть даром! Отказываясь от диалога, Фростер требовал разрешить ситуацию немедленно. Отчисление так отчисление, но здесь и сейчас, иначе он подаст в суд за незаконное лишение свободы и принудительное медицинское вмешательство.

Ознакомившись со своим извещением, Сайлус также не нашел там того, чего желал. Из наук он признавал лишь экономику, политологию и юриспруденцию. Остальные же, вроде биологии, физики или химии, были ему безразличны. Не презираемы, а именно безразличны, поскольку их заслуги для бизнеса он не отрицал. И все же Либератика определила его в биологи. Сайлус не протестовал. Он даже не скривился и не выругался. Наоборот, на его лице появилась довольная ухмылка, причиной которой служил личный успех.

О зачислении похлопотала Алия Ферран. Его особенности позволят им видеться постоянно, причем не только в учебном комплексе, но и в научном, куда она сделает ему доступ. Встречаться в парке тайком им более не придется, и они сумеют позволить себе что угодно. Ну а через несколько месяцев, когда все будет налажено, Сайлуса переведут туда, куда он сам пожелает — уж Алия об этом позаботится. Слушая вопли Фростера, он прямо-таки нежился от своего превосходства. Он знал, что получит желаемое и возьмет от Либератики максимум. Накося выкуси! И Фростер, и вся эта нелепая, возомнившая о себе в гостиной компания!

У Сайлуса была причина прислушиваться к идеям Алии. Прислушиваться более проникновенно, нежели обычно. Вспоминая об их встречах, он нет-нет, да и испытывал смущение. Он уже несколько раз напивался так, что потом решительно ничего не помнил. Возвращаясь в сознание, он неизменно видел рядом лицо подруги без капли какого-либо неудовольствия. Алия все понимала. Нагрузка, усталость давали свое, и Сайлус, расслабившись в приятной обстановке, ненадолго засыпал. Защитные барьеры падают не просто так. Это подчеркивало, насколько ему с ней комфортно, и Алия это очень ценила. Такое отношение ценил и сам Сайлус, находя ее поведение не наивным, а обстоятельным и поистине достойным.

Ночные встречи в гроте происходили минимум дважды в неделю. Сайлус был на вершине блаженства и в компании Алии терял голову. Ослепленный победой, он упивался ей, слушая рассказы о своих достоинствах. Тех мнимых достоинствах, которые он считал не просто подлинными, а уникальными. Подтверждая их устами Алии, Сайлус становился податливой глиной в ее руках, и

регулярно, летя как мотылек на огонь, наступал на одни и те же грабли. Каждый раз он давал себе зарок больше не позориться, напиваясь до беспамятства, и каждый же раз, убаюканный элитным виски и речами Алии, отправлялся в объятия Морфея. Истома, охватывавшая все тело, звала его отдаться этому чувству и не оказывать сопротивления. Чувство неловкости, однако, оставалось. В том числе, поэтому Сайлус одобрил затею Алии, когда речь зашла о факультете и дальнейших планах. Биолог так биолог. Временно. Он как бы делал широкий жест, предоставляя ей право поступить как лучше. Лучше для него.

Когда Фростер, пунцовый от гнева и унижения, вернулся в дом, Сайлус встретил его гаденькой улыбкой. С первого же взгляда было ясно, что администрация Либератики навстречу приятелю не пошла. Сообразив, откуда ветер дует, Фростер злобно осведомился, куда зачислили самого Сайлуса. Узнав, он надсадно расхохотался.

— Не понимаю причин твоего веселья. Ты за меня радуешься или как? — картинно пожал плечами Сайлус, делая вид, что издевку не замечает.

— Чему ж тут радоваться? — не ожидая такой реакции, невольно удивился Фростер. — Они и тебя ни во что не ставят! Тоже мне элита галактики! Давай улетай со мной! Покажи им средний палец, и пусть нянчатся со своими недоумками!

— Зачем? Меня переведут. Через полгода я буду на экономическом факультете, — отлично разыгрывая невозмутимость, небрежно обронил Сайлус.

И объявись сейчас дракон, извергающий плазму из шести голов, реакция и то была бы попроще. Фростер аж рот разинул. Изменившись в лице, он вытаращился на приятеля, соображая, шутит тот, издевается или же говорит правду. Забегавшие глаза, ловившие мимику, подсказывали ему последнее.

— Не валяй дурака! Кто тебя переведет? Это они тебе так сказали? Они просто хотят, чтобы ты остался, а потом, глядишь, и смирился, — нервно предположил Фростер.

Силясь уразуметь, что тут к чему, он выискивал черную кошку в темной комнате. Ему очень хотелась, чтобы эта кошка там была. Принять удачу приятеля он физически не мог.

— Я уже договорился. Меня точно переведут, — наслаждаясь своим превосходством, степенно молвил Сайлус.

— Как?! С кем?! — закусил губу Фростер.

— У меня тут свои связи, — уклончиво отвел глаза Сайлус.

Отвел выразительно, неторопливо, показательно, ясно давая понять, кто тут главный, и с кем считаются.

— Дурак! Тебя надуют! Ты ошибаешься! — выхватывая слова, отрывисто бросал психанувший Фростер.
— Никто меня не надует. А в Либератике, кстати, не ошибаются, — с оттенком презрения изрек Сайлус. — Просто это не понимают неудачники.

Фростер потемнел. Это был тяжелый удар. Удар ниже пояса. Сайлус окунул его в чан с нечистотами, сообщив, что никакой ошибки ни в распределении, ни в отчислении нет. Каждый получал то, чего заслуживал. Либератика — и впрямь элитнейшее учреждение, и тут просто не выдерживают те, кто ей не соответствует. Заскрежетав зубами, Фростер едва не кинулся на Сайлуса с кулаками, однако вовремя притормозил. Нарушить правила он не боялся, ибо собирался распрощаться с этой клоунадой для избранных. Он просто сообразил, что Сайлус сильнее, и что к победе моральной сейчас добавится и победа физическая. Изрыгая сквернословия, Фростер шумно удалился к себе и стал ожесточенно собираться.

Пассажирские рейсы из Либератики не отправлялись и к ее стенам также не прибывали. Сюда летали только ее собственные звездолеты, причем исключительно по необходимости. Космопорт, как таковой, отсутствовал. Его заменял космодром, то есть специально оборудованное поле, предназначенное для взлета и посадки разнокалиберных кораблей. Ни зала ожидания, ни — тем более — расписания там не имелось. Все вылеты осуществлялись лишь по хозяйственной и служебной надобности. Просто сесть на корабль и улететь, когда вздумается, ни один студент физически не мог. Желавшим покинуть Либератику требовалось официальное разрешение.

Как правило, студенты прибывали только перед началом учебного года, а отбывали по его окончанию. Приказом ректора они отправлялись на каникулы, и приказом же начинали новый курс. Во все остальное время никаких перелетов не осуществлялось, за редкими обоснованными исключениями. К таковым относились серьезные семейные обстоятельства или же отчисление. Каждый случай руководство университета рассматривало отдельно.

Заявление Фростера вынуждало уделить ему должное внимание. Удерживать кого-либо силой означало нарушить закон, а Либератика его чтила, и особенно в глазах собственных студентов. Это относилось и к медицинскому вмешательству. Не сумев убедить Фростера остаться, она не могла принудительно отправить его к психотерапевту. Требование пришлось удовлетворить. К сожалению, с новичками такое иногда случалось, и каждый год хоть

кто-нибудь да желал бросить все и уйти. Ректору это не нравилось, но тут уж ничего не поделаешь. Хмуря брови, он подписал приказ об отчислении, и тот немедленно вступил в силу. Исполняя кадровые корректировки, тут же активировались надлежащие протоколы Либератики.

Из высотных зданий, чьи окна смотрели на прерии, было отлично видно, как прогревает двигатели один из звездолетов университета. Готовясь к отлету, его капитан ждал на борт отчисленных студентов. Помимо Фростера, таковых оказалось еще семеро, не пожелавших мириться с неприемлемым для них распределением. Собрав личные вещи, они поодиночке прибыли на площадь, где совсем недавно им произносили напутственные речи. Та была пуста, исключая овальную пассажирскую капсулу, возле которой стоял Карлерих. Как и прежде, он сопровождал новичков, только на сей раз не в Либератику, а обратно.

Карлерих был неприветлив и молчалив. Отчисленные, впрочем, тоже. Они замкнулись в себе, не разговаривая ни с персоналом, ни друг с другом. Делиться своим гневом, унижением и фиаско никому не хотелось. Что толку ругать всех и вся? Сто раз повторить, какие тут все уроды, и шли бы они куда подальше? Проблема заключалась в том, кто еще урод: восемь непризнанных звезд, презирающих тысячи неудачников, или лучшая в галактике молодежь, с недоумением и жалостью смотревшая на восьмерых отверженных. Отчисленные не желали признаться в очевидном, отчего не желали и увидеть себя как в зеркале. А ведь именно так они себя и увидят, начав излагать друг другу одно и то же. Усевшись порознь, они сгорали от эмоций, однако хранили полное молчание, не шевелясь и отводя глаза.

Покидая центральный парк, капсула опустилась в коммуникационную шахту. Не въехала, а именно отпустилась. Открытого сообщения между комплексами университета не было. Забирая и выгружая пассажиров, транспорт двигался через хитроумную систему, состоявшую из множества тоннелей, колодцев и пересечений. Управляемая искусственным интеллектом, она без труда обслуживала многотысячный трафик, петлявший в огромном лабиринте. Никто никогда не пересекал границу комплексов напрямую. Они разделялись стенами, сделанными из прозрачного сплава в обрамлении силового поля. Из соображений изоляции от планеты, всякие шлюзы в них отсутствовали, и они сообщались исключительно через подземные структуры. Взяв курс за пределы Либератики, капсула ушла в глубину под парком и повезла своих угрюмых пассажиров к ожидавшему их звездолету.

Поездка, на удивление, не затянулась. В прошлый раз она

проходила как-то дольше, учитывая расстояние до космодрома. От университета до звездолетов было несколько миль, ибо именно такое впечатление производила открывавшаяся с высоток панорама. Капсула, однако, проехала гораздо меньше, да и маршрут у нее выглядел странно. Она двигалась не столько вперед, сколько вниз, опускаясь все глубже и глубже. Не слишком петляя, в конце концов она остановилась у какой-то станции, освещенной холодными, с примесью металлического блеска огнями. На шлюз к космодрому это было совершенно не похоже; на карантинные боксы тоже, заезжать в которые все равно отсутствовала всякая надобность. Невольно удивленные, отчисленные студенты посмотрели в окна, стараясь определить, где и зачем они находятся.

Дверь открылась. По-прежнему не говоря ни слова, Карлерих вышел на платформу из рифленой стали, после чего капсула снова затворилась. Впервые переглянувшись, отчисленные стали спрашивать, в чем дело и что, собственно, происходит. Ожидание? Пересадка? Технические неполадки в пути? Карлерих молчал, не видя смысла вступать в диалог. Как отсеянный материал, бывшие студенты превратились в груз, за который он переставал нести прямую ответственность. Он просто передавал его, кому надо. Оглядывая лица, смотревшие в круглые окна, он сделал кому-то знак. В капсуле раздалось змеиное шипение. Проливаясь из скрытых отверстий, сокрытых под элементами декора, в салон стал поступать зеленый газ. Поступать очень быстро и очень обильно, в считанные секунды насыщая все внутреннее пространство. Вырываясь в атмосферу, его густые клубы растекались бурлящими бурунами. Овеивая корпус, кресла и пассажиров, газ прокатывался волнами, стремительно наращивая объем и концентрацию.

Почуяв беду, отчисленные студенты закричали и хотели было вскочить, однако ремни безопасности не отстегивались. Они держали крепко и неумолимо, пресекая все попытки вырваться. Пойманные в ловушку, пассажиры бились, царапали замки ногтями и бешено извивались, сотрясая капсулу отчаянными воплями. Созерцая происходящее, Карлерих оставался безучастен. До его слуха доносились лишь негромкие постукивания и будто бы далекий гул невнятных голосов. А газ тем временем подступал. Он окутывал тела и погружал их в непроглядную зеленую пучину. Он пробивался в нос, проникал в горло и заполонял легкие. Он кружил голову, мутил сознание и вызывал дезориентацию. Отчисленные студенты задержали дыхание, инстинктивно пробуя не дышать, но это им не помогло. До отказа наполненная газом, капсула недвижно стояла, изолированная от окружающего мира, пока все они, не выдержав, не сделали глубокий вздох и не затихли, пере-

став подавать признаки жизни.

Мутный свет, забрезживший после кромешной тьмы, еще ни о чем не говорил. Не понимая, что произошло, Фростер не осознавал, видит ли он загробное свечение или же испытывает предсмертные галлюцинации. Шипящий газ, пущенный столь неожиданно, вызвал неконтролируемую панику, основанную на сюрреализме происходящего. Рационального объяснения просто не имелось. Ведь не считать же таковым предположение, будто в Либератике решили казнить отверженных студентов в назидание другим. Проблема заключалась в том, что именно на это все и походило. Странная поездка, поведение Карлериха, зеленая, коварно ударившая смесь, неумолимо державшие ремни безопасности… Это и впрямь смахивало на архаичную газовую камеру, когда приговоренных к высшей мере умерщвляли примерно таким образом.

Вторично ощутив леденящий ужас, Фростер попробовал пошевелиться. Мутный свет тут же расширился, проникая через смеженные веки. Теперь он не маячил впереди слепым пятном, а начал обретать более всеобъемлющий характер. Застонав, Фростер сделал над собой усилие и открыл глаза. В висках, наливаясь тяжестью, заныли растревоженные сосуды. От этого внезапно стало легче. Легче потому, что покойники боли не испытывают. Еще раз поднапрягшись, Фростер заморгал и стал приходить в себя.

Вопрос о жизни и смерти всколыхнулся вновь. Худо-бедно, тело ощущало себя живым. В нем угадывалось сердцебиение и дыхание. Оно испытывало болезненные симптомы и реагировало на раздражители. Вместе с тем, еще не умерших обычно в гроб не кладут, пусть даже большой и прозрачный. Неспособный сдвинуться с места, Фростер обнаружил, что покоится на каком-то ложе, частично утопленный в него телом. Покоится как в мавзолее, выставленный на обозрение посетителям. Вокруг, футах в четырех, виднелась гладкая оболочка, за которой разливался тот самый мутный свет. Заполоняя все внешнее пространство, он не позволял что-либо рассмотреть. Он лишь дал понять, что Фростер находится внутри вместительной цилиндрической капсулы. Находится весь, с руками и ногами, пошевелить которыми так же не в состоянии, как и словно приклеенной головой.

Двигались только глаза. Округлившиеся от страха, они таращились туда-сюда, впиваясь в узилище так, будто надеялись прожечь его насквозь. Узилище не реагировало. Как пленник ни пытался освободиться, оно оставалось безразличным, храня его подобно высокотехнологичному саркофагу. В третий раз ужаснувшись, Фростер опять было решил, что мертв. Тело ему уже не подчинялось, но дух его еще не покинул, оставаясь в бренной оболоч-

ке причудой взбалмошной судьбы. Или же… Или же он парализован, накачанный какой-то гадостью, и теперь его хотят распотрошить на органы. Вконец ужаснувшись от этой мысли, Фростер заорал. Оказывается, глотка, язык и губы ему тоже повиновались. Издав ряд истошных воплей, он осознал сей очевидный факт и стал использовать свое открытие более продуктивно.

Судя по всему, потуги уходили в никуда. Переходя с хрипа на визг, облизывая пересохшие губы и заикаясь, Фростер выкрикивал отдельные слова и наспех слепленные фразы. Сначала он пронзительно звал на помощь; потом горячо просил его освободить; затем мучительно спрашивал, где он, и что происходит. В конце концов, он устроил настоящую истерику, умоляя ответить хоть что-нибудь. Мутный свет безмолвствовал. Он не издал ни единого звука, и в нем даже мимолетно не промелькнула тень.

Истерика сменилась неистовством. Дико рыча, Фростер забился, пытаясь вернуть себе контроль над телом. Мысленно забился, ибо результата это не приносило, отчего он зверел еще больше, впадая в настоящее безумие. У его рта выступила пена, глаза порозовели. Тяжело дыша, задыхаясь, он стал напоминать дикое животное, ополоумевшее от страха. И все равно ничего не происходило. Как Фростер ни старался, он не смог пошевелиться и не сумел навредить себе, чего иногда бывало с буйными сумасшедшими. Держало ли его ложе, или же разбил паралич, он оставался неподвижным, а все вокруг безразличным.

На смену бешенству пришла злоба. Тоже бешеная, но более осознанная. Фростер сыпал проклятьями. Срываясь на нецензурную брань, он грозил разорвать пленителей в клочья, перегрызть им аорты голыми зубами и умыться их дымящейся кровью аки родниковой водой. Он обещал насладиться хрустом их костей, истошными воплями изувеченных тел и предсмертным хрипом вскрытых глоток. Расколотые черепные коробки, сочащийся из них мозг и выдавленные глаза проносились в его воображении сладким и упоительным наваждением. Мечтая, как расправится с обидчиками, Фростер даже забыл про свои беды и сконцентрировался исключительно на жажде мести. Он изобрел много новых выражений, которых устыдился бы и извозчик, и целый ряд изощренных пыток. Дойдя до потрошения в уксусе, наполненном ядовитыми рыбьими костями, он сделал паузу, задыхаясь от энтузиазма, и внезапно услышал чей-то голос.

Уже уверившись, что он в этом чистилище один, Фростер растерянно заморгал, не сразу разобрав слова. Обращенные к нему, они фактически повторяли его собственные вопросы. Первые вопросы, задаваемые в надежде обрести хоть какую-то ясность.

— А?! Что?! Кто вы?! — отрывисто пролаял Фростер.
— А кто ВЫ? И где вы? — испуганно вопрошал мутный свет, поди пойми откуда.
— Я — здесь! — поистине гениально разъяснил Фростер. — А вы? Кто вы такой? Я вас не вижу!
— Где — здесь? — как-то даже растерялся мутный свет, постепенно принявший очертания мужского голоса. — Я в какой-то прозрачной трубе. Или банке. Точнее не скажу — не могу пошевелиться.
— Я тоже! — воскликнул Фростер, уразумев, что так неизвестный описал его капсулу. — Вы в какой стороне?
Этот вопрос был не менее гениален, чем предыдущий.
— Я не знаю, — не без досады произнес мужской голос. — Зачем бы я тогда вас звал? С кем я вообще говорю? Кто вы, и как здесь оказались?

Взвинченное ошеломление постепенно проходило. В смятенный разум Фростера проникло понимание, что разговор следует вести конструктивнее. Кое-как взяв себя в руки, он представился и сообщил, что был отравлен газом, когда ехал на космодром.
— На меня тоже напали. Я отстреливался. Думал, что отбился. Потом мне вкололи какую-то дрянь. В моем собственном корабле, — посетовал незнакомец. — Меня зовут Лоуди. Вы, случайно, не занимаетесь контрабандой?
— Что за нелепое предположение! — возмутился Фростер. — Я состоятельный бизнесмен, студент… Гм… А вы, часом, не студент Либератики?
— А при чем тут Либератика? — невольно изумился Лоуди. — Это же вроде какой-то… университет?
— А при чем тут контрабанда? — парировал Фростер.

Ненадолго забыв про свои узилища, оба препирались минут пять, прежде чем уяснили простую вещь. Как контрабандист, Лоуди подумал, что его схватили конкуренты или силы правопорядка. Отсюда он предположил, что его товарищ по несчастью пребывает в схожей ситуации. Фростер следовал той же логике, заподозрив в другом узнике отчисленного из Либератики.
— Ничего не понимаю, — даже растерянее, нежели прежде, произнес Лоуди. — Что все-таки произошло, и где мы находимся?
— Они называют это нижними ярусами, — внезапно раздался женский голос.
Донесшись невесть откуда, он звучал достаточно громко, чтобы разобрать каждое слово.
— Кто — они?! — тут же вскинулся Фростер.
— Те, кто держит нас здесь, — мрачно ответил голос.

Фростер и Лоуди притихли, аж поежившись от пробежавшего холодка.
— Так кто же — ОНИ? И кто вы? — проглотив комок, воззвал к неизвестной Лоуди.
— Меня зовут Табия. А про них я знаю не больше вашего, хотя я тут уже какое-то время. Не знаю, сколько. В этой чертовой капсуле не поймешь. Может быть, дни, может быть, недели, — еще мрачнее сообщила женщина.
— Какое-то время? А почему вы не ответили, когда я кричал и звал на помощь?! — возмутился Фростер.
— Я крепко спала, а когда проснулась, думала, мне мерещится. Теперь я не всегда отличаю наваждение от яви, — тоскливо пояснила Табия.
— Вы можете сообщить какие-то подробности? — пытливо осведомился Лоуди.
— Я обтяпывала славное дельце, когда кто-то поймал меня в мои же сети, — вздохнула Табия. — Вот уж не думала, что кому-то удастся меня выследить, да еще и схватить. Знать бы еще, КОМУ?..
— Я не о том! — воскликнул Лоуди. — Я об этом месте!
— Скоро сами все узнаете, — невесело усмехнулась Табия.
— Это как понимать? — струхнул, предвидя неладное, Фростер.
— Так и понимать, — отозвалась Табия. — Они держат нас здесь для каких-то опытов. Наши тела искусственно парализованы. Они вводят нам что-то в кровь, вводят в мозг. Так удобнее, если жертва не может пошевелиться. Не испортит эксперимент, когда ей приставят к голове волновую пушку. А они приставят, поверьте. Они регулярно так делают.
— Откуда вы это знаете? — похолодел Лоуди.
— Я уже много раз через это проходила. Они оставляют нас в сознании. Иначе как бы мы сейчас разговаривали? — пояснила Табия.
— Зачем? Какой смысл? — застучал зубами Фростер.
Он спрашивал не из любопытства. Цепляясь за несоответствие, он пытался отгородиться от подступавшего ужаса.

Талия неторопливо объяснила. Она не испытывала удовольствия, стращая товарищей по несчастью. Она просто поделилась наблюдениями и выводами, наслаждаясь возможностью хоть с кем-то поговорить. Ведь это было единственное, что ей, несчастной парализованной пленнице, оставалось.

Те, кто сюда приходил, не иначе проводили какие-то опыты над разумом. Именно поэтому они парализовали тела, однако не усыпляли свои жертвы. Им требовалось наблюдать результат. К нему относилась и функция речи, как часть осознанной человече-

ской активности. Чтобы жертва себе не навредила или не помешала постижению науки, ее надежно обездвижили. Вероятно, в мозг был вживлен какой-то зонд, или же нервные импульсы перехватывались и глушились. В конечном счете, это ничего не меняло. Суть сводилась к тому, что она оставалась неподвижной, но ощущала абсолютно все, и это тоже наверняка было частью эксперимента.

Хоть и скрытые тусклым светом, экспериментаторы особо не таились. Никогда не видя их вживую, Табия слышала, как они общаются. Это пугало еще больше, нежели любые зловещие манипуляции. Разговаривая открыто, они вели себя так, словно знали, что жертва уже все равно никому ничего не расскажет. Из этих разговоров Табия и узнала про нижние ярусы. Из них же она узнала, что здесь таких капсул много. Очень много, раздобытых в самых разных местах. Например, Лоуди схватили на одной планете, ее саму на другой, а Фростера вообще при отъезде из Либератики. Последнее заставляло призадуматься, зачем университет его кому-то отдал, и в чем тут была выгода. Суть, правда, от этого не менялась. Подопытных похищали по всей галактике и свозили на эти самые ярусы. Вот только по какому принципу происходил отбор — Табия понятия не имела. Кто-то приложил немало усилий, чтобы вычислить ее и схватить. Неужели нельзя было раздобыть кого попроще? К сожалению, ей оставалось лишь гадать. Экспериментаторы не объясняли друг другу им и так известное, а персонально жертв никто не просвещал.

С Табией вообще не разговаривали. Она пробовала задавать вопросы, рыдать и умолять. Реакция отсутствовала. К ней относились как к неодушевленному предмету, хотя именно она и становилась центром внимания. Возможно, это делалось нарочно, чтобы не проникнуться сочувствием к жертве. Табия грозила себе навредить, но ее по-прежнему игнорировали. Однажды она попыталась воплотить угрозу и откусить себе язык. Не вышло. Ее челюсти тут же парализовало, из чего последовал вывод, что тело и впрямь кем-то контролируется. При этом сильной боли она ни разу не испытала. Как максимум — дискомфорт и всякие неприятные ощущения. Чего бы ни добивались экспериментаторы, они явно не хотели, чтобы подопытная умерла от болевого шока. С другой стороны, образованным людям известно, что мозг боли не испытывает, а ведь именно ему и посвящалась львиная доля экспериментов. Табия это и чувствовала, и понимала. Происходящее с ней служило лучшим тому доказательством.

Однажды Табия вдруг осознала, что умеет говорить на неизвестном языке. Слова приходили сами, будто из ниоткуда. Их за-

пас был огромен и намного превосходил любую знакомую ей речь. Они ассоциировались с образами, складывались в конструкции и будоражили воображение невиданными воплощениями. Пока Табия соображала, как такое возможно, и поражалась формулировкам в новом восприятии, язык в ее разуме бесследно исчез и более не появлялся.

В другой раз в памяти Табии проявились необъяснимые данные. Она никогда не интересовалась наукой и многих вещей знать просто не могла. Тем не менее, ей откуда-то стали известны параметры уймы звезд и планет. Масса, состав, наклон оси, скорость вращения, траектория орбиты, пространственные координаты и прочее в том же духе, в чем разбирался разве что очень подкованный астрофизик. Это знание вскоре пропало точно так же, как и неизвестный язык, оставив по себе лишь ощущение пустоты.

В ходе экспериментов, суть и методы которых она объяснить не бралась, Табия часто видела разные вещи. Галлюцинации это были или же прямое следствие воздействия — поди тут разбери. В ее сознании всплывали какие-то образы, чьи-то фигуры, места, и даже действия. Порой, очень динамичные действия, сопровождавшиеся диалогами. Какие? Она не помнила. Она помнила лишь то, что это вообще было, однако без всякой конкретики. Это походило на кино, которое ей сперва показали, а затем стерли память, оставив о нем лишь смутные проблески в сознании.

Самым, пожалуй, пугающим было чувство, будто в голове Табии кто-то сидит. Не устройство, засунутое туда экспериментаторами, и не органический паразит. Нет, это было как раздвоение личности, только такой, которая вообще не имеет к тебе отношения. В какой-то момент все выглядело так, будто в разум Табии заглядывают извне; изучают его, сканируют и словно бы подстраиваются под выявленные особенности. Иной раз это происходило уже изнутри, напоминая дерево, пускающее корни в землю. Но корни не приживались, и оно отступало, поскрипывая стволом и осыпая увядавшие листья. Разумеется, никакого дерева не было. Его навеяло лишь ощущение; аналогия, порожденная воспаленно разыгравшимся воображением. Бесплотный спрут, проникавший в сознание своими холодными щупальцами, происходил из той же категории.

Иногда Табия ощущала в себе странную силу. Ей казалось, что сейчас она может согнуть стальной прут или же пробить кулаком кирпичную стену. Ее восприятие реальности ускорялось, как будто в минуте становилось не шестьдесят секунд, а на порядок больше. Преисполненной неведомой легкости, Табии чудились исполинские прыжки. Она была уверена, что сможет перепрыгнуть

огромную яму и даже перемахнуть с небоскреба на небоскреб. Вера в собственную живучесть, уникальную и немыслимую, открывала ей невиданные возможности. Проверить это, увы, не удавалось. Паралич никогда ее не отпускал, а уж как было бы здорово расколоть ко всем чертям ненавистную капсулу. Расколоть, а затем выбраться и посворачивать шеи всем здешним любителям науки.

Однажды Табия вдруг почувствовала, что за пределами капсулы лежит какой-то предмет. Маленький предмет, сродни зажигалке — там за вечно непроницаемым мутным светом. Не понимая, чем это вызвано, она отчетливо ощущала его в своем сознании. Настолько, что прямо-таки улавливала физическую форму, ее плотность, температуру, поверхность... И в какой-то момент подняла. Именно, к собственной неожиданности, подняла, как бы стараясь получше рассмотреть. Движение вышло спонтанным и неуклюжим. Предмет немедленно выпал из сознания и тут вдруг раздался тихий стук. Там, где-то за оболочкой капсулы, словно он и впрямь упал на пол. Поразившись такому совпадению, Табия напряглась, пытаясь уяснить, что происходит, но так и не поняла. Она даже не могла определить, было ли то наваждение, навеянное очередным экспериментом, или же искаженным восприятием реальности.

Слушая неторопливые откровения, Фростер и Лоуди молчали, охваченные смесью интереса и ужаса. Они не прерывали Табию вопросами, словно завороженные ее речами, но та внезапно прервалась сама. Вроде бы собравшись продолжать, она вдруг затихла, будто к чему-то прислушиваясь.

— Так что? Что с вами происходило еще?! — не выдержав, воскликнул содрогавшийся Фростер.

— А вы сейчас сами все узнаете, — изменившись в голосе, глухо ответила Табия.

Послышались чьи-то шаги. Завибрировало, наливаясь мощью, какое-то оборудование. Словно возвращаясь из небытия, капсулы заполонил мерный гул. По их периметру пробудились, замерцали искорками крошечные огоньки. Воздух внутри уплотнился, став непривычно осязаемым. В пространстве, визуально проявляясь неведомо как, поплыли волны электромагнитного излучения.

— О. Они уже в сознании? Прекрасно, — сказал чей-то бесцветный голос. — Ну что, приступим? У нас много работы. Астробиону нужны результаты.

Угрюмо принимая реальность, Табия не произнесла ни звука. Фростер и Лоуди истошно закричали, но их вопли утонули в басовитом рокоте огромной волновой пушки.

– 6 –

Три месяца, прошедшие со дня распределения первокурсников, по меркам учебной программы были просто ничто. За этот срок получить серьезные знания считалось объективно невозможно. Университеты не творили чудес. Любое образование предполагало несколько лет, за которые студенты худо-бедно проходили материал. Базовый материал, дополнявшийся умением самостоятельно искать и осваивать новую информацию. Развитие этого умения преподаватели считали одной из своих главных задач. Иной раз, даже главнейшей. Получая диплом, новоиспеченные специалисты приступали к реальной работе, где им предстояло совершенствоваться всю жизнь. Так считали многие, ибо это утверждала сама реальность. Так считала и Эрвина, пока не обнаружила, что в Либератике все совсем по-другому.

Курс, названный общеобразовательным, не исключал и профильных предметов. Четыре недели, потраченные на распределение, с лихвой компенсировались впоследствии. Скорректировав часы, факультеты стали отдавать приоритет собственной направленности. Каждый начал готовить своих специалистов, и каждый рванул с места в карьер. Не заметить это было невозможно, причем не по нагрузке, а результатам.

Эрвина и прежде разбиралась в математике, иначе как бы она сдавала экзамены, чтобы поступить в изначально намеченный университет. Она хотела выучиться на инженера, для чего подолгу просиживала над учебниками. Вот только уровень у абитуриента и у специалиста, мягко говоря, разный. Три месяца никак не могли дать ей то, что люди постигают годами. И, тем не менее, дали. Как минимум, частично, поскольку Эрвина легко оперировала разделами, которых прежде и вовсе не знала. При этом уже известные открылись ей очень глубоко. Выражаясь количественно, Эрвина улучшила свое владение математикой в несколько раз. Как — она не понимала. Она лишь констатировала факт, нагляднее всего выражавшийся в общении с Шелли. Прежде Эрвине было невдомек, чего та рисует на виртуальной грифельной доске. Половину она просто не разбирала. Теперь же смысл этих закорючек, громоздившихся в несколько этажей, внезапно прояснился. Более того, она наловчилась рисовать их и сама, вступая с Шелли в оживленный научный диалог.

По-своему, это шокировало. Это было все равно как проснуться однажды утром и осознать, что ты умеешь пилотировать звездолет. Разум Эрвины полнился новыми знаниями, и с каждым

днем их прибавлялось. Поразительнее того — прибавлялось и мастерство, с которым она ими оперировала. Недоумевая, Эрвина рисовала формулы и производила заумные вычисления, стараясь определить, как далеко простираются ее нынешние границы и на что она вообще способна.

В сравнении с математикой, настоящие чудеса творились в физике, и особенно квантовой. На момент поступления, в первой Эрвина более-менее соображала, прилично освоив абитуриентский курс. Вторая же была для нее темным лесом. Она ее не знала и не понимала, как и большинство людей, никогда не связывавших свою жизнь с этой наукой. Три месяца изменили все. Открывшись с новой стороны, физика поражала воображение прежде недоступными горизонтами. Эрвина проникла в устройство вещей, о которых прежде даже не задумывалась. Квантовая же физика начала переворачивать для нее саму суть окружающего мира. Ошеломленная собственными успехами, Эрвина гадала, как такое вообще возможно, и объясняла их только одним — в Либератике и впрямь разбирались, у кого какие таланты. Они знали, как их раскрыть, и делали это поистине феноменально. Доказательства тому были повсеместно. Невероятный прогресс наблюдался у всех первокурсников.

Листиан по-прежнему носился как заведенный. Не ограничиваясь бегом, он выполнял различные упражнения, чем занимался и в компании друзей. В течение разговора он вполне мог пройтись на руках или провернуть что-нибудь в таком роде. Спокойно ему в принципе не сиделось, однако за три месяца это приняло двоякий характер. Листиан стал сыпать юридическими терминами. Доселе в них не смысля, он говорил отнюдь не бездумно, будто нахватавшийся слов попугай. Он приводил примеры и делал выводы. Его речь, присущая типичному балагуру, приобрела более интеллектуальный характер. Приседая или отжимаясь, он преспокойно говорил о том, о чем прежде даже не догадывался. И, кажется, ничуть по этому поводу не удивлялся. Открыв для себя нечто новое, он просто им пользовался, не ломая голову, откуда что берется.

Никто не знал, зачем Листиану математика. Не знал этого и сам Листиан, что не помешало ему освоить довольно сложные вычисления. Конечно, в них он уступал сестре и Эрвине. Юристам углубленный курс не требовался, однако в сравнительном отношении это были день и ночь. Когда-то он с трудом запомнил таблицу умножения, которую регулярно забывал. Теперь же он оперировал производными и усматривал пользу в теории вероятности. Листиан делал это машинально. Найдя поутру крылья, он не удивился, а просто полетел по своим делам, находя это куда удобнее, нежели

тащиться пешком по земле. Фигурально, разумеется, выражаясь, хотя даже по факту именно окрыление ума это и напоминало. Недалекость Листиана обретала поразительный характер. Она была сродни гению, который лепит из глины лошадку, глупо хихикает, производя впечатление идиота, и при этом умудряется изобрести новый термоядерный реактор.

Преображение Листиана относилось и к Сильвертине. Увлеченно музицируя, она не забывала про скрипку, но при этом рассуждала о сложных материях, и рассуждала здраво. Однажды, пользуясь случаем, она заявила, что современная политическая система себя изжила. За этим последовала череда весьма интересных аргументов. В другой раз Сильвертина сочинила мелодию и посвятила ее какому-то историческому, когда-то очень видному деятелю. Друзья о нем слыхом не слыхивали. Она же заявила, что этот человек недооценен, а его идеи просто обязаны обрести воплощение; идеи и методы, которая она обязательно хотела бы практически реализовать. Вкратце, она даже стала раскрывать, где тут собака зарыта, но отвлеклась и умолкла, к великому облегчению собеседников.

Словарный запас Сильвертины вырос многократно. Изменился и образ ее мышления. Общалась она в своей прежней манере — легко, простодушно и непринужденно. При этом простушкой, как таковой, ни у кого уже язык не поворачивался ее назвать. Частично оставшись, кем была, частично Сильвертина и переменялась, выходя на принципиально иной уровень развития. И это сейчас, спустя всего три месяца обучения в Либератике. Предстоявшие годы невольно наводили на мысль, что все легенды и слухи об этом заведении отнюдь не безосновательны.

Элеонора, и прежде отличавшаяся умом, также демонстрировала необычные способности. Астрофизика затронула ее куда серьезнее, чем она могла бы предположить. Однажды, прямо в парке, она начала заниматься вычислениями. Ей вдруг пришло в голову, что в необитаемой части галактики должна находиться звездная система. До сих пор не открытая, она пряталась в туманности, а свечение ее звезды скрывало наличие соседних светил. Гравитационное же возмущение терялось под воздействием черных дыр. Элеонора не знала, зачем ей сдалась эта звездная система, да и вообще та неосвоенная область космоса. Ей просто стало любопытно. Взаимодействие небесных тел всегда укладывалось в уравнения. Обнаружив незначительное несоответствие, она заполнила его неизвестной системой, уравновесила ее переменные и всячески старалась это доказать. Так, из охотничьего азарта первооткрывателя, имевшего право дать звезде имя.

К политике Элеонора начала охладевать. Она не то чтобы утратила к ней интерес, передумав стать видной общественной фигурой, но теперь упоминала об этом все реже, словно между прочим. В ее голове звучало все меньше речей, программ и обещаний, а закулисная борьба и партийные интриги утрачивали прежнюю привлекательность. По большей части, там теперь сияли звезды и вращались планеты, проносились пышнохвостые кометы и падали пылающие астероиды. Покрывала туманностей, горя и переливаясь, таили в себе тайны Вселенной. Черные дыры, разрастаясь, пожирали окружающую материю и манили к себе загадками непознанного. Существуя вместе и по раздельности, ведя самостоятельную и одновременно взаимосвязанную жизнь, все это сливалось для Элеоноры в чарующий унисон, охватывая бескрайние просторы космоса. Его величие и дали, значение и перспективы не шли ни в какое сравнение с суетными человеческими проблемами.

Раздумывая о своей карьере, Элеонора внезапно замечала, будто стоит уже не на трибуне, а на мостике космического корабля. Вокруг, вместо моря электората, волнуется море туманности, а огни транспарантов сменились огнями звезд. И уже не победа на выборах ее интересует, и не кресло в парламенте, а открытие и преобразование очередной планеты. Планеты, которая станет очередной колонией для высокоразвитой, невиданной прежде жизни.

В отличие от остальных, с удивлением постигавших свои открывшиеся таланты, Руслане приходилось несладко. По уровню развития она не отставала, являя удивительные успехи, а многих даже превосходила, однако у этого обнаружился побочный эффект. Руслана страдала от ночных кошмаров. Психиатрия задела ее глубже, нежели ожидалось. Ее сны были тяжелы, томительны и пугающи. Наваливаясь с удручающей регулярностью, они изматывали ее сознание видениями одно хуже другого.

Руслане снились диагнозы. Так, во всяком случае, ей объясняли в медицинском комплексе, когда прописывали препараты. Легче от них особо не становилось. В Либератике старались избегать воздействия всякой химии. Глотая пилюли, Руслана не избавлялась от жутких сновидений, а начинала относиться к ним более флегматично. Мол, что будет, то будет. Сновидения же и впрямь давили на психику, иной раз не отличаясь от фильма ужасов.

Обычно, все образы были абстрактными или нечеткими. Они походили на волны электромагнитного излучения, внезапно ставшие видимыми. Пронизывая пространство, они обретали форму, сгущаясь в объекты и даже фигуры. Из них формировались очертания местности; из них состояли воплощавшиеся кошмары. Ра-

зумные, наливавшиеся бурлением пятна, они подступали из непроглядного мрака и проникали прямо в сознание. Подыскивая себе жертву, они выбирали людей, подкрадывались к ним, настигали и вторгались в мозг. Они поселялись там как опухоль, пуская корни и разрастаясь. Они обретали силу. Изначально ведя себя как захватчик, они полностью вытесняли хозяина и занимали его место. Занимали раз и навсегда, поглощая нейронную массу и адаптируясь к ее форме.

Сны очень выматывали. Обычно оживленная и общительная, Руслана все чаще молчала, переживая душевный диссонанс. Психиатрия совсем не радовала ее перспективой, если она ТАК воспринимала страдания несчастных сумасшедших. Все их недуги, все загадки помраченного разума представали перед ней чудовищами. Поглощая саму суть несчастных, они оставляли от них лишь оболочку, где не угадывалось даже искры прежней жизни. Это ей предстояло лечить, и это был дар. Так считал Стефано Ярколич, объясняя ее ночную жуть. Тот, кто улавливает воплощение недуга, сумеет совладать с ним лучше, чем любой другой. Кошмары пройдут. Сны вернутся в норму, а понимание останется. Сознание Русланы адаптируется к тому, что она изучает, и что сейчас оказывает на нее столь тяжкое воздействие. И тогда сновидения вновь станут светлыми. Руслана же никогда уже не утратит способность чувствовать своих пациентов.

Джерри был единственным, кто совместил приятное с полезным. Не забывая про волынку, он использовал нанотехнологии, изучаемые вполне себе добросовестно. Применив их на практике, он усовершенствовал свой инструмент, добившись улучшенного звучания. Уж как он это сделал — лучше бы никто не спрашивал. Джерри пустился в такие заумные объяснения, что у всех мозги закипели. Друзья усвоили лишь то, что волынка стала играть эффектнее, а сам исполнитель ощущал ее на уровне нервной связи. С первым они могли бы поспорить. Пронзительнее — да, и как-то по-особому, не слишком-то радужно вонзаясь в сознание. Если Джерри добивался именно этого, тогда он, безусловно, преуспел. Насчет второго они просто не знали. Насытив микрочастицами инструмент, Джерри насытил ими и себя. Не всего, конечно, а только определенные нервные окончания. Это позволило ему слышать инструмент иначе — не только ушами, но и так, словно тот был частью его самого.

Эксперимент, проведенный Джерри, друзей немало обеспокоил, но тот уверял, что все в порядке. Ничего особенного он не натворил. Нанотехнологии окружают их повсюду. Как волновое излучение, Пространственная сеть и даже радиация, они давно

присутствуют повсеместно, затрагивая каждый аспект человеческой жизни. Их используют в лекарствах, адресно доставляя активные компоненты; они формируют дополнительный иммунитет и заживляют раны; к ним прибегают при восстановлении материалов и создании новых. Улучшение восприятия для специалистов давно уже обыденный инструмент. Джерри связал себя с волынкой, но это было студенческое баловство. Серьезные профессионалы подключают себя к серьезным же системам, чтобы определить даже малейший сбой в работе реактора или межзвездного двигателя. Они не просто обретают с ними связь — они их чувствуют, позволяя точно уловить те или иные процессы. Нанотехнологии помогают усовершенствовать конструкцию или выявить ее микродефекты, недоступные самому глубокому сканированию. Бездумно, конечно, их применять нельзя. Не ведая, что творит, непосвященный человек и впрямь может себе навредить, с абсолютно непредсказуемым результатом. Вот только к Джерри это уже не относится.

Не обошли пресловутые три месяца и Руберта. К результату он относился специфически. С точки зрения профессии, он занимался какой-то ерундой. Машиностроение, как таковое, было неотъемлемой частью прогресса и само по себе вопросов не вызывало. Другое дело, при чем тут исполинские конструкции, летящие в черноту безжизненного космоса? На орбитальные станции они не походили, к грузовозам не относились, а для тягачей были слишком велики. И все-таки они существовали, представая студентам как набор из множества сложных узлов и хитросплетения мудреных технологий. Согласно теории, эти конструкции давались оторванными от реальности. Так, мол, студентам будет проще осваивать материал, если их сознание не станет его привязывать к каким-то уже известным объектам. Руберт бы с этим поспорил, однако учебную программу составлял не он, да и ее эффективность была налицо. Освоение шло быстро, хотя и складывалось впечатление, что машиностроение изучается только ради самого машиностроения. Его собственное предположение уж точно выглядело безумнее.

Однажды Руберту подумалось, будто все эти конструкции созданы лишь с одной целью — экспансии в пустоту, где нет ни звезд, ни планет, ни вообще чего бы то ни было. Странные машины формировали экзомир. Увеличенные в миллион раз, они, гипотетически, способны захватывать и передвигать целые миры, как обитаемые, так и нет. Преподаватель, услышав его соображения, над ними не посмеялся. Он сообщил, что подобные возможности были бы не так уж и ни к чему, приключись во Вселенной какой-

нибудь катаклизм. Спасти от гибели весь город не всегда удастся, а вот увезти из него отдельный фрагмент вполне реально. Вселенная — естественный дом для всякой жизни, но это не означает, что она не способна существовать за ее пределами. Когда дом погибает, разумная жизнь должна уметь найти себе новый.

По зрелому размышлению, Руберт так и не понял, что ему тогда сказал преподаватель: подтвердил его догадку, опроверг или же запутал еще больше. Друзья не знали. Сама эта мысль представлялась им диковатой, хотя Элеонора, со своей астрофизикой, заявила, что это гипотетически осуществимо. Если изменить орбиту планеты, а затем и вовсе направить ее по линейной траектории, та полетит туда, куда указывают. С ней согласилась Шелли. Биофизические процессы, протекавшие в телах людей, не требовали обязательного наличия пресловутой Вселенной как неизменной области пространства. Жизнь требовала условий, однако воспроизвести их, теоретически, удастся где угодно. Поразмыслив, поддакнула и Эрвина. Квантовая физика ничего такого не отрицала. Вопрос заключался лишь в методах реализации. Перемещать планеты люди не умели, не говоря уже о звездах, и вряд ли когда-нибудь научатся. При этом глобальным научным теориям такой процесс, хоть и представляясь сказочным, в принципе не противоречил.

Осваивая машиностроение, про свое неофициальное хобби Руберт не забывал. Ощущая непреодолимую тягу, он то и дело взламывал какой-нибудь шкаф, дверь, а иногда и робота. Последнее ему удавалось все лучше, поскольку учебный курс предполагала изучение их подпрограмм. Несколько раз его уже ловили и штрафовали, снимая баллы, однако серьезных санкций никто не применял. Складывалось впечатление, будто университет смотрит на его проказы сквозь пальцы. Официально порицая, он терпит их самым непонятным образом, если не сказать поощряет. Сродни ребенку, Руберт, по сути, проверял границы дозволенного, постепенно заходя все дальше. Однажды он попался в закрытой учебной зоне, предназначенной только для старшекурсников и персонала. Сунув туда нос, Руберт выяснял, чего же там такого особенного. Охрана доставила его к декану, который прочитал лекцию о дисциплине и поведении. Узнав, как нарушитель проник, куда не следовало, декан отправил эту информацию техникам, а затем еще раз пожурил и отпустил, ограничившись устным выговором.

О своих проделках Руберт рассказывал друзьям. Рассказывал как бы между прочим, делясь наблюдениями. Элеонора только усмехалась, находя его похождения ребячеством. Мол, ему бы повзрослеть, а не дурака валять. Как школьники исписывают парты,

подкладывают на сиденья кнопки и всякую гадость в карманы, так же и он шалит будто недоросль, нуждаясь не столько в наставлениях, сколько в хорошем нагоняе. Руслана же считала, что так Руберт дает выход своему протесту. Виновато ли в том зачисление, не до конца им принятое, либо же здесь проявляется некая скрытая сторона его натуры, но он точно нарушает правила не шутки ради. Играя с огнем, либо он бросает вызов устоявшемуся порядку, либо следует велению частичке своего я. Другое дело, зачем? Определить наугад Руслана не бралась, а откровенничать о своей прежней жизни Руберт не торопился.

Проще всех поступила Эрвина. Она по-прежнему лунатила, не ограничиваясь одними лишь танцами, отчего настоятельно требовала медицинского внимания. Профессор Ярколич испытывал к ней особое благоволение, лично навещая во время обследования у врача. Расспрашивая его, когда это прекратится, Эрвина спросила и о Руберте. Частично ее догадка оказалась верна.

— Побочный эффект. Точнее сказать, вторичный, — степенно подтвердил Ярколич. — Развивая главное дарование, ваш друг параллельно страдает и от воздействия сопутствующего. Именно поэтому его строго и не наказывают. Это как клептомания, которую сама Либератика невольно и провоцирует.

— А как именно провоцирует? — уцепилась за его слова Эрвина.

— Комплексная методология. Абсолютно все построено так, чтобы стимулировать ваше восприятие наиболее продуктивно, — разъяснил Ярколич. — Зачастую вы не понимаете, зачем говорятся или делаются те или иные вещи. Странное содержание лекций, неясные практические задания, ключевые фразы, сказанные не пойми зачем — поверьте, ни одно слово не произносится впустую. Даже в каждом нелепом упражнении заложен глубокий смысл. Иной раз не в нем самом, а в том, что оно вызывает. Человеческий мозг построен на ряде триггеров. Мы активируем их, провоцируя нужный эффект. Наши ученые потратили десятилетия, чтобы разобраться, как устроены эти последовательности, и на их основе разработать уникальную методику. Полагаю, вы уже заметили, что она приносит осязаемые плоды.

Не заметить упомянутый прогресс было просто невозможно. Уверять в его отсутствии означало бы погрешить против истины. Это Эрвина и не думала оспаривать. Другое дело, как именно он достигался. Слова Ярколича звучали довольно настораживающе.

— Вы нас программируете? — прищурилась Эрвина.

— Ничего подобного, — мотнул головой профессор. — Оставьте всю эту чепуху про внушение и зомбирование. Однако человеческий мозг и впрямь сродни машине, только биологической. Мы не

записываем в него информацию напрямую — мы создаем условия, когда он сам ведет эту запись наиболее продуктивно. Переключая внимание, мы задействуем очень сложные нейронные связи. Предлагая странные задачи, мы добиваемся того, о чем вы в данный момент даже не догадываетесь. Распутывая подсунутый клубок, ваш мозг развивается семимильными шагами. Для чего, между прочим, и необходимо отменное здоровье, иначе вы рискуете не выдержать перегрузки. Вот тут, как я уже говорил, и встречаются побочные эффекты. Ваш друг усваивает материал очень хорошо, но вместе с этим он развивает и свой вторичный специфический талант. Тоже, следует отменить, не бесполезный. Ведь взломом занимаются не только преступники, но и аккредитованные специалисты. Случаи в жизни бывают разные. Порой и хозяин не может попасть в хранилище, которое запер, а охранные системы завода внезапно сходят с ума. Тут-то таланты взломщика и пригодятся.

В целом, рассуждения Ярколича звучали достоверно. Соотнося услышанное с реальностью, Эрвина находила, что они не лишено смысла. Занятия в учебном комплексе проходили довольно необычно. Усаживаясь в специальные кресла, студенты одевали громоздкие шлемы, похожие на огромный двигатель. Опутанные электроникой, они погружались в искусственный мир, невероятно похожий на настоящий. Движения, ощущения, вкус и запахи — все имитировалось на поразительно высоком уровне, создавая в мозгу феноменально правдоподобные иллюзии. При этом прямое подключение к интерфейсу отсутствовало. Студентам ничего не вживляли, и вместе с тем они испытывали уникальный эффект присутствия. Так работал шлем-двигатель, считывая мозговые волны. Обратно он посылал волновые импульсы. Он создавал иллюзию прямо в мозгу, и эта технология была целиком и полностью разработана в Либератике.

Современная техника позволяла условно находиться где угодно. Сидя дома, любой человек мог транслировать себя на другой конец галактики. Дополненная реальность передавала студента к преподавателю или преподавателя к студенту. В Либератике, однако, все было по-другому. Студенты приходили в аудитории, но не для того, чтобы торчать за обычными столами. Они подключались к виртуальной реальности, где слушали пространные лекции. Фокус заключался в том, что именно в ней студенту не удавалось уйти или отвлечься. Что бы он ни делал, он слышал, что ему говорится, и видел все трансляции, как ни старался закрыть глаза.

Таким же образом выполнялись и практические задания. Не боясь разнести лабораторию, взорвать звездолет или унести мно-

гие жизни, студенты делали самые разные вещи. Они ходили по несуществующим зданиям, открывали цифровые двери, копались в иллюзорных механизмах и видели нереальные конструкции. Имитируя подлинники вплоть до атома, технология Либератики позволяла студентам экспериментировать, не опасаясь натворить бед. Возможно, излишне перегруженная технология, но безусловно эффективная. Усаживаясь в кресла, студенты вставали с них уже в виртуальном мире, где обычно воссоздавался мир самой Либератики. Они вызывали пассажирские капсулы и отправлялись в другие сектора, где проходили практические занятия. В реально существующие сектора, куда однажды они отправятся на самом деле.

Внезапное отключение было неприятным, однако проходило без последствий. Головокружение, умеренная тошнота и непродолжительная дезориентация не радовали, но и не убивали. Эрвина хорошо это знала, поскольку поначалу очень часто завершала свою сессию аварийно. Она срывала с себя шлем и вскакивала. Было отчего. Ей мерещилось, что за ней наблюдает огромный глаз, только не имеющий традиционной формы. Он был как бесплотный поток, который не просто смотрит, а прямо-таки проникает в ее сознание, ощупывая изнутри и навеивая иллюзии. Да кто же останется равнодушным, безучастно позволяя какой-то нечисти в себя забраться?!

Эрвину успокаивал лично Ярколич. Он объяснил, что это ее персональная реакция на технологию. У нее, мол, чрезвычайно высокая чувствительность, встречавшаяся крайне редко. Ее шлем откалибруют, подстроив под индивидуальные особенности. Самой же Эрвине решительно нечего опасаться. Все это пройдет. Ее организм адаптируется, а всякие неприятные ощущения исчезнут.

В целом, Ярколич не солгал. Вскоре глаз и впрямь перестал являться, а всякие жутковатые эффекты отступили. При этом странное чувство все же осталось, и Эрвина подозревала, что немыслимый соглядатай отнюдь не испарился. Просто он лучше маскировался. Это ей не нравилось, однако речь все-таки шла про виртуальную реальность, работавшую бесконтактным способом. К реальности всамделишной это никак не относилось, и опасаться тут было нечего, в отличие от подлинных забот. Попривыкнув к шлему в аудитории, Эрвина никак не могла привыкнуть к выходкам у себя дома. Во всяком случае, смириться с ними так, будто ничего не происходит.

С лунатизмом Стефано Ярколич разбирался особо, отчего Эрвина, как она считала, и пользовалась его особым вниманием. Как и было обещано, ночные танцы и впрямь почти сошли на нет. За

редким исключением, она больше не порхала бабочкой и не пугала до чертиков Элеонору. Вот только и лучше особо не стало. Она начала ходить. Ходить невероятно осмысленно, и при этом ничего не помнить. Обычно лунатики совершают простые действия, изрядно неуклюжие и бестолковые. Они произносят сбивчивые фразы, выполняют несложные операции и, как максимум, куда-то идут, не выказывая особой расторопности. Эрвина же вытворяла нечто из ряда вон, как будто нарочно и целенаправленно.

Когда Элеонора просыпалась и видела уходившую подругу, она пыталась определить, в сознании та или нет, и это ей не всегда удавалось. Эрвина отвечала осмысленно, поистине необъяснимо вводя в заблуждение. Хитрости, призванные выявить лунатизм, не работали, отчего ей регулярно удавалось ускользнуть. Предоставленная своему наваждению, она бродила среди ночи, но это, на удивление, совсем не несло ей угрозы. Обычно люди боятся, что лунатики причинят себе вред, устроив пожар, попав под машину или свалившись с крыши. Эрвина же не подвергала себя опасности. Более того, она ее избегала, если таковая и впрямь появлялась на ее пути.

Однажды Элеонора застала подругу в гостиной. Эрвина сидела неподвижно. На вопрос она ответила, что хочет выпить чаю, только тот еще очень горячий. Чашка и правда была — не дотронуться. Дождавшись, когда она остынет, Эрвина опустошила ее одним махом и отправилась спать. Наутро она ничего не помнила.

В другой раз Эрвина отыскалась на улице, недалеко от дома. Бродя возле деревьев, она собирала листья, сплетая из них венок, и преспокойно обошла острую ветку. Бродила-то она босиком, и ее голые ступни могли сильно пораниться. Сухая и крепкая, ветка была очень колючей, способной пробить не только кожу, но и вонзиться глубоко в сосуды.

Самым поразительным был третий случай. Как типичный лунатик, Эрвина обнаружилась на крыше дома. Сидя на скате крыши, она покачивала ногой, оглядывая с высоты ночные окрестности. Завернутая в плед, она выглядела поэтессой, искавшей вдохновения. Романтическая сцена, вызванная отнюдь не романтическими обстоятельствами, наводила жуть. Насмерть перепуганная, Элеонора боялась звать Эрвину по имени, чтобы та случайно не сорвалась, пока не сообразила, что опасности нет. Из слухового окошка тянулся эластичный трос, которым подруга обмотала себя за пояс. Надежно подстрахованная, упасть она физически не могла. Уж как она исхитрилась — кто ее знает, ибо сама Эрвина, как обычно, ничего не помнила.

Впрочем, был еще и четвертый случай, причем поистине уни-

кальный. Настолько, что в лунатизм просто не верилось. Снова найдя комнату пустой, Элеонора осмотрела и дом, и крышу, и ближайшие окрестности — никого. Тогда, недолго думая, она связалась с администрацией жилого комплекса, сообщив об исчезновении подруги. Там ее отыскали тотчас, проверив сигнал с наручного браслета. Отправившись в парк, Эрвина забралась в густую рощу и купалась в озерце. Она преспокойно плавала, даже не пытаясь утонуть, и наслаждалась ночной тишиной, дышавшей отблесками звездного света на волнистой воде. К переполоху она отнеслась невозмутимо. Пойманная с поличным, она позволила себя увести и очнулась лишь дома, интересуясь, какого лешего у нее мокрая голова, а все вокруг таращатся на нее круглыми глазами.

Несмотря на все похождения, неволить Эрвину никто не желал. Согласно мнению врача, она не представляла опасности для себя или окружающих. Приковывать ее к кровати было бы дикостью, равно как и помещать в медицинский бокс. В конце концов, медики приняли Соломоново решение. На ночь дверь в комнату запиралась и открывалась изнутри только Элеоноре. При этом, на всякий случай, у дома №26 всегда дежурил дрон, в обязанности которого входило наблюдение за лунатиком. Обнаружив подозрительную активность, он тут же звал на подмогу специалиста, всегда пребывавшего на страже. И выберись Эрвина, она бы тут же попала в поле зрения наблюдателей, обеспечивающих ей должную безопасность.

Так или иначе, за Эрвину переживали все, исключая Сайлуса. Тому было просто все равно. Занятый исключительно собой, он в принципе не снисходил до соседей, да и вообще до кого-либо, кроме Алии Ферран. С тех пор, как Фростер покинул Либератику, Сайлус окончательно уверился в своем превосходстве. Он специально наблюдал за его отлетом у окна, и видел, как стартовал звездолет. Он прямо-таки млел, представляя физиономию Фростера, и наслаждался своим триумфом. Эрвине сотоварищи он не докучал, но отчисленного неудачника в покое не оставил.

Согласно правилам Либератики, Пространственная сеть была студентам недоступна, однако раз в неделю им дозволялись сеансы связи. Большинство звонило друзьям и родным, рассказывая, как у них дела и узнавая новости. Пользуясь этой возможностью, Сайлус выходил на контакт не только с матерью. Он не забывал поиздеваться над Фростером. На разные лады, он слал ему приветы из Либератики, интересуясь, когда уже рынок падет к ногам биржевого гения.

Фростер в бешенстве огрызался. Нападки Сайлуса доводили его до белого каления. Вернувшись домой, он пережил тот еще по-

зор, позабыть о котором ему издевательски не позволяли. Фростер блокировал каналы, откуда приходили сообщения, грозил и ругался, однако бывший приятель проявлял фантастическую изобретательность. Вцепившись в жертву, Сайлус напоминал той о ее ничтожестве, хотя по факту демонстрировал свое. Это сказал бы ему любой психотерапевт, однако они молчали. Как и другие студенты, Сайлус регулярно проходил медобследование, но никто не указывал ему на очевидные проблемы с психикой. Более того, врачи санкционировали его допуск в научный комплекс Либератики. Как и обещала Алия, он попал туда в качестве биолога, даже не обратив внимания, что для первокурсников таких исключений не делали. Сайлус знал, что он сам исключение, и все происходившее с ним воспринимал только с эгоцентричной точки зрения.

Будучи особенным, Сайлус почем зря в аудиториях не торчал. Он там и вовсе не появлялся. Пользуясь своей привилегией, он сразу направлялся в научный комплекс, где Алия встречала его как аспирантка и сотрудница. Теперь они бывали вместе открыто, имея законное право на контакт. Разумеется, не на интимный, только и скрываться по гротам им более не приходилось. Пофлиртовав с Сайлусом в закутке, Алия тащила его к здоровенной установке. Лабораторный комплекс был весь к их услугам, и перспективный бизнесмен получал индивидуальное обслуживание. Он не изучал биологию, он изучал экономику. Сразу, здесь и сейчас, не дожидаясь перевода и следуя особо эффективной программе.

Алия явно знала, что делала. С заумным оборудованием она обращалась будто с детскими кубиками. Все эти кабели, контуры, переключатели, громоздкие узлы и непонятные структуры были ей также знакомы, как птице небо. Сайлус чувствовал себя в надежных руках. Погружаясь в виртуальную реальность, он продолжал общаться с подругой, чей бархатистый голос звучал и там. Они говорили о деле и друг о друге, об учебном курсе и планах на будущее. Даже не видя Алию, Сайлус всегда ее слышал, поддерживая оживленный разговор. Ему казалось, что их контакт не прерывался, и он не отдавал себе отчета, что находится не в виртуальной реальности, а во сне. Отрывочном все, чьи фрагменты склеивались для него воедино. Воображая, что всем заправляет Алия, он и не подозревал, насколько его иллюзия далека от истины. Уложенный в волновую трубу, Сайлус не ведал, что им занимались совсем другие лица, и происходящее оставалось для него тайной за семью печатями.

Особыми случаями занимались лично Ярколич и Аперхоун. Как глава научного комплекса, Аперхоун ставила опыты над новым биоматериалом. Будучи главным медиком, Ярколич следил,

чтобы тот не пропал почем зря. Пока Юбелла выжимала из подопытных все соки, он старался поддерживать в них здравие и жизнь. Эксперименты Аперхоун предполагали непредсказуемый исход, для чего, собственно, и проводились. Ярколичу требовался исход вполне ясный. Забрав себе Эрвину, он не собирался ее угробить. Наоборот, он всячески желал ей благополучия, отчего и окружал искренним вниманием. Подпустить к ней Юбеллу означало доверить мяснику скаковую лошадь. Сайлус же пребывал в полном владении Аперхоун. Он попал прямо по адресу, и заботил Ярколича лишь как расходный материал.

Разделяя интересы, главы комплексов регулярно действовали сообща. Ярколич прекрасно знал, что у Эрвины лунатизма нет и не было. Ее поведение объяснялось иначе, но только в общих чертах. Пытаясь в нем разобраться, он прибегал к помощи Аперхоун, однако опасные опыты над подопечной не разрешал. Позволяя Эрвине разгуливать по ночам, он отслеживал ее показатели, служившие ценнейшим источником информации. Перспективная девушка была не для того, чтобы ей выворачивали мозги. Другое дело Сайлус. Непосредственно для Ярколича он интереса не представлял. В задачу медика только и входило, что следить за его здоровьем, иначе Аперхоун уже загоняла бы подопытного до смерти. Работая на пару, ученые не переступали взаимных границ. Аперхоун помогала Ярколичу распутывать загадку Эрвины, однако и пальцем ее не трогала. Ярколич содействовал выживанию Сайлуса, но все остальное оставлял на усмотрение Аперхоун.

Стоя возле волновой трубы, главы комплексов вели сугубо профильный и высокогуманный диспут.

— Говорю тебе, давать ему полную нагрузку еще слишком рано, — в который раз заявил Ярколич. — Он не выдержит. Много ли толку в такой преждевременной кончине? Тебе что, не терпится узреть лазурный дым?

— С каких пор тебя вообще волнует, что он выдержит, а что нет? — съязвила Аперхоун. — Изначально ты вообще был против этой идеи, привлечь сюда непригодную молодежь.

— Это не означает, что я буду смотреть, как ты переводишь ее на свои затеи. У нас и так дефицит расходного материала, — огрызнулся Ярколич. — Говорю тебе, он еще не готов.

— Я непрерывно контролирую его показатели. Вероятность летального исхода всего двадцать восемь процентов, — подала голос Алия Ферран. — Риск в оправданных пределах. Проведение эксперимента объективно рекомендовано.

Усыпленный машиной, Сайлус полагал, что Алия находится рядом, и в этом он действительно не ошибался. Та и впрямь от не-

го не отходила. Сохраняя бесстрастное выражение лица, она слушала препирательства ученых, куда вставила и свое слово.
— Тебя забыли спросить! — выразил неудовольствие Ярколич. — Юбелла, вели своей поделке заткнуться!
— Между прочим, именно благодаря этой поделке наш подопытный сам решил половину проблемы, — напомнила Аперхоун. — Теперь нам даже не приходится его похищать, рискуя вызвать вопросы у других студентов. Он делает все, что скажет ему чаровница Ферран. Как видишь, он приходит сюда добровольно и даже вопросов не задает. Эксперимент проходит чище некуда.
— Я не критиковал совершенство твоих биодроидов. Я лишь просил придержать язык, — проворчал Ярколич.
— Свобода выражения мыслей — часть подлинности натуры, — заметила Аперхоун. — Задействуя ограничители, я рискую нарушить создаваемый образ и вызвать у людей подозрения.

Ярколич скривился, бросив на Алию Ферран косой взгляд. Биодроидов он недолюбливал, и Аперхоун подозревала в этом банальную ревность. Их создала она, без участия главы медицинского комплекса. Это был несомненный успех, от которого он совсем не пожал лавры. И не пожмет, что особенно болезненно воспринималось в свете будущего. Как перспективный проект, биодроиды показывали себя весьма впечатляюще. Телохранители, убийцы, обольстители, группы быстрого реагирования и подставные лица, принимавшие удар на себя — они были универсальным инструментом. Разработанные в русле главного плана, они дополняли его как послушные исполнители, наделенные при этом выдающимися качествами. И эти качества постоянно улучшались. Выражаясь иносказательно, Юбелла Аперхоун выводила сверхчеловека, если не считать, что людьми биодроиды никогда не были.
— Алия, сходи, проверь, все ли у техников готово, — ласково велела она.
Биодроид кивнула и вышла, прекрасно понимая, что от нее требовалось. Она знала, что все было готово, но удалялась с глаз Ярколича, чтобы не раздражать его почем зря.
— Надеюсь, твои живые компьютеры не взбесятся, — прищурился тот, провожая Алию хмурым взглядом. — Мало нам тогда не покажется.
— Давай уже начинать, — предложила Аперхоун. — Время не ждет.

Это был лабиринт. Огромный, запутанный, невероятно хитросплетенный лабиринт. Его придумала Алия. Заведя туда Сайлуса, она обещала награду, если тот доберется до центра. Какую — она не сказала, оставляя его в волнительном предвкушении. Само

испытание относилось к обучению, однако поощрение было личным. Совмещая приятное с полезным, Алия умело позволяла им оставаться наедине. Сайлус старался на совесть. Покинув научный комплекс, он шагал по коридорам, ориентируясь на навигатор и выискивая подсказки. Коридоры отдавались гулом, раскатывавшимся вдали. Навигатор сбоил. Запутывая Сайлуса, он регулярно указывал не туда, а то и вовсе водил кругами, одолеваемый какими-то помехами. Подсказки же никогда не лгали, только и понять их становилось той еще проблемой. Сокрытые там и сям, они угадывались в интерьере, таились в необычных пересечениях, проявлялись таинственными символами и предлагали не сразу распознаваемую загадку. Силясь уловить их и расшифровать, мозг тяжелел по мере того, как Сайлус напрягал его снова и снова.

Лабиринт менялся. Сначала это были камни, уложенные неровными рядами. Обтесанные, но грубоватые, они формировали стены, упиравшиеся в сводчатый потолок. Потом, за арочным проемом, открылось царство металла. Сварные швы соединяли рифленые плиты пола. В глазницах отверстий торчали шестигранные болты, а стальные рамы поддерживали длинные вереницы труб. Смена обстановки была не случайной. Новая секция означала новый же этап, приближавший к заветному финишу.

Когда металл уступил место дереву, голова Сайлуса походила на булыжник. Увесистый и неудобный, он клонил ее на плечо, вызывая желание бросить все и прилечь. Стиснув зубы, Сайлус шел вперед. Он просто не мог предстать слабаком, остановившимся на полпути, и особенно тогда, когда лабиринт постепенно сдавался. Бревенчатые стены выглядели хмуро, но многообещающе. Панели из мореного дуба угнетали разум, однако говорили, что путь выбран верно. Это подтверждали врата, чьи огромные створы завершали изнурительный сектор. Добравшись до резного порога, Сайлус ощутил, что его голова прямо-таки разрывается, однако распахнул их настежь и очутился среди звезд.

Стен, как таковых, не было. Глазам представлялись слабые контуры, обозначавшие границы неизведанного. Там, в бездонной глубине, горели мириады звезд, и там же стелилась туманность, такая близкая и вместе с тем столь недостижимая. Прозрачная дорожка, заменявшая пол, стала серьезным испытанием. Она проявлялась лишь на короткой дистанции. Сайлус не видел лабиринт. Все перекрестки, тупики и ответвления проступали только рядом с ним. Остальное он был вынужден держать в голове. От такой нагрузки она аж раскалывалась, налившись свинцовой болью, однако Сайлус не сдавался. Он уже слышал зов Алии. Далекий, но вполне отчетливый, тот вел его путеводной нитью, приближая к

надвигавшемуся финалу.

Безумный, неизвестно кем сконструированный лабиринт заканчивался. Сайлус не знал, какое отношение это имеет к обучению, а еще не знал, что будет, если он ступит мимо дорожки. Только и выяснять не собирался. Упорно, теряя последние силы, он искал заветный выход, уже не отдавая себе отсчет, сколько блуждает среди звезд. И, наконец, нашел. Этот гул. Вибрирующий низкочастотный гул, наливавшийся мощью по мере того, как Сайлус приближался к концу лабиринта — так вот, что его издавало! Поворот, еще поворот, и впереди, раскрываясь будто цветок, проявилась исполинская черная дыра.

Окруженный темной желтизной, горизонт событий дрожал преломленной материей. Изгибаясь, вуаль погибавшей туманности исчезала за ним в непроницаемой мгле. Дыра надвигалась. Заполоняя пространство, она становилась все больше, захватывая все вокруг непреодолимым воздействием гравитации. По телу Сайлуса побежали мурашки, а его сознание начало меркнуть, не выдерживая нагрузки. Черная дыра пугала. Пугала до чертиков, перехватывая и без того срывавшееся дыхание. Он знал, что это такое, но также он знал, что находится в Либератике, и перед ним всего лишь иллюзия. Из тьмы, призывая к себе, доносился чарующий голос Алии. Физически это было невозможно, ибо из черных дыр никогда ничего не выходило. Тем более невозможным было свечение, показавшееся оттуда вьющейся струйкой.

Сайлус застыл, не в силах двинуться с места. Его члены сковала неимоверная тяжесть, а тело отказывалось повиноваться. Дыра завладела им целиком, подчиняя каждую клетку живой материи. Прозрачное, будто призрак, свечение приближалось. Холодное и чужое, оно проливалось уже не струйкой, а потоком, чьи бесплотные волны подступали все ближе. Исторгаемое абсолютным мраком, оно тянулось прямо к Сайлусу, отливая металлической синевой. И вот оно уже близко! Так близко, что Сайлус ощутил его колючее дуновение. Подступая к сознанию, оно овеивало его ледяным дыханием, а затем коснулось так, словно примерялось войти. Вспышка! Пронзительная боль в груди! Пошатнувшись, Сайлус опустился на колено. В глазах помутилось. Невыносимая резь пронзила все его существо, разливаясь через мозг и охватывая содрогавшееся тело.

— Скорее! Мы его теряем! — послышался чей-то встревоженный голос.

Черная дыра отступила. Ее хватка ослабла, а горизонт событий потускнел. Призрачный свет отпрянул назад. Отводя колыхавшиеся волны, он походил на паука, подбиравшего лапы. Отле-

тая все дальше, он померк и стал утягиваться обратно во мрак. Сайлус ощутил облегчение. Звезды придвинулись, даря ему тепло, и среди них, ярче алмазов, сияли проникновенные глаза Алии. И вот уже она рядом, поддерживая его ослабевшее тело. Усадив Сайлуса на дорожку, она положила его голову себе на грудь и стала дуть на лицо, унимая боль и возвращая жизненную энергию.

Сайлус улыбнулся. Он не ударил в грязь лицом, достойно выдержав испытание — он это чувствовал. Смело, без сомнения и страха, он обратил свой взор прямо в зев черной дыры. Он больше ее не боялся — он был с ней на одной волне, открывая воспрявшее сознание. И дыра его услышала. Минуя призрачную синеву, кольнул из нее, ударил стремительный луч, проникающий глубоко в мозг. Кратчайший миг — и весь разум Сайлуса наполнился изумрудным огнем. Не теплым и не холодным, не светом и не пламенем — просто огнем, не имевшим осязаемой природы. Последовавшая вспышка была куда ярче предыдущей. Пожрав все восприятие, она превратилась для Сайлуса в целую Вселенную, подменила ее собой, а затем таковой и стала.

Не скупясь на ругательства, Ярколич делал что мог, пока лаборанты держали сотрясавшегося Сайлуса. Извлеченный из волновой трубы, тот был на грани жизни и смерти. Отправленный в его сознание, образ Алии частично решил проблему, пока ему вводили препараты, но внезапно все пошло не так. Пульс Сайлуса зашкаливал, температура тела стремительно повышалась. Нейроны головного мозга грозили сгореть в любой момент.

— Проклятье! Я же предупреждал! — воскликнул Ярколич.

Вся идея не нравилась ему с самого начала. Лабиринт проецировался как ход эксперимента. Продвигаясь, подопытный открывал свое сознание. Его структура подавалась, защитные барьеры падали. Но падали и жизненные силы, причем силы изначально непригодного вместилища. Заключительная фаза дала огромную нагрузку, в то время как подопытный и так едва дышал. Результат получился закономерным.

Ярколич был лучшим в своем деле, но все же творить чудеса не умел. Положение стало критическим.

— Экстренная криозащита! — приказала, меняясь в лице, Аперхоун.

Подхватив обмякшего Сайлуса, лаборанты потащили его к специальной капсуле, уже доставленной расторопными роботами. И вдруг он ожил. Выброс адреналина был настолько запредельным, что едва не разорвал еле трепетавшее сердце. Налившись мощью, Сайлус отшвырнул лаборантов и одним прыжком оказался возле Алии. Моделируя образ, та находилась неподалеку и не успела

среагировать на его бросок. Казалось, Сайлус ее разорвет, насколько хищно взметнулись его руки, и было даже странно, что бешеная прыть закончилась объятиями. Крепко схватив Алию, Сайлус впился в ее губы поцелуем. Похоже, он все еще пребывал в отголосках проекции и жаждал заслуженную награду.

— А все твоя работа, — бросил коллеге Ярколич, наблюдая за диковатой сценой. — Проклятье, да оттащите его уже кто-нибудь!

Необходимости в этом не было. Одурманенный, утративший связь с реальностью, Сайлус окончательно обессилел. Как будто лишенный питания, он закатил глаза и рухнул на пол.

Реанимация увенчалась успехом. Едва живой, Сайлус все же выкарабкался. Его жизненные показатели были слабыми, однако их динамика перестала внушать тревогу. Худо-бедно, его состояние стабилизировалось.

— Теперь я заберу его к себе! — категорично заявил Ярколич. — И не возражай, Юбелла! Я сумею поставить его на ноги, но только под моим началом!

Аперхоун и не думала препятствовать. Как ученая, она не знала себе равных, но врачом все же не была. Создать биодроидов — это одно, восстановить здоровье человека — совсем другое. Бессмысленная потеря материала ей ни к чему, да и всему проекту тоже.

— Принято, — согласилась она, отдавая необходимые распоряжения.

И тут вдруг выяснила, что это проще сказать, чем сделать. Весь сектор оказался заблокирован, а лаборатория опечатана.

Как глава научного комплекса, Аперхоун обладала высшим уровнем доступа. Там ей подчинялось абсолютно все, и это все неожиданно вышло из повиновения.

— Чего ты возишься?! — возмутился Ярколич. — Пациента надо перевезти!

— Никто никого никуда не повезет, пока я не разрешу! — объявилась рядом проекция Карлериха.

— Что ты себе позволяешь?! — возмутилась Аперхоун. — Тревогу никто не объявлял!

— Я ее объявил, — невозмутимо отозвался Карлерих. — Только мне ее и отзывать.

— Он может умереть! — воскликнул Ярколич, указывая на Сайлуса. — Кому тогда отвечать?!

— Не моя проблема, — мотнул головой Карлерих. — Лично я отвечаю за безопасность проекта. Я никого не выпущу, пока не удостоверюсь, что заражения нет.

Ярколич разразился бранью. Ему вторила Аперхоун, усматривая посягательство на свои права. Карлерих был непреклонен. Он

следовал протоколу, утвержденному руководством, и обладал надлежащими полномочиями. С его точки зрения, эксперимент прошел неудачно и сопровождался осложнениями. Ненадолго, но контроль над ситуацией был потерян. Учитывая недавние происшествия, Карлериху надлежало все проверить. Неприятностей с тем контролером, натворившим дел на техническом ярусе, ему более чем хватило. Не обращая внимания на ученых, он приступил к непосредственному исполнению своих обязанностей.

Помимо роботов, проверку осуществляли сотрудники службы безопасности. Облаченные в герметичные комбинезоны, они вошли в заблокированный сектор и контролировали ситуацию на местах. Прогоняемый через фильтры, воздух старательно анализировался. С поверхностей снимались соскобы. Каждый квадратный дюйм подвергался сканированию, разными волнами и в разных спектрах. Все записи, занесенные в базы данных, тщательно изучались. Ход эксперимента, работа оборудования, показатели окружающей среды и даже моргнувшая лампочка — исследовалось решительно все, вплоть до последней мелочи. Разумеется, исследовались и сотрудники. Всех техников, лаборантов и вспомогательный персонал подвергли углубленному досмотру. Сдав биоматериал, они не без тревоги дожидались результатов.

Карлерих ни для кого не делал исключений. Не стали таковым и Ярколич с Аперхоун. Наоборот, им уделили повышенное внимание, как тем, кто пребывал в непосредственной близости от эксперимента. Серьезнее, чем их, проверяли только Сайлуса. Чтобы выявить потенциальную угрозу, с ним проделали все, что только вообще возможно. И так едва живой, он едва не умер, но с его состоянием Карлерих не считался. Его беспокоила только безопасность, а не жизнь какого-то непригодного студента. Лишь убедившись, что Сайлус чист, Карлерих не без облегчения занялся главными учеными.

— Бедняжка. Что они с тобой сделали, — огорчилась Алия.

Пользуясь тем, что проверка переключилась на Ярколича с Аперхоун, она подошла к Сайлусу и поправила сбившиеся датчики. Подкрутив подачу физраствора, она добавила стимуляторов и погладила студента по голове. Тот выглядел измученным и несчастным. Его грудь едва вздымалась, а изо рта почти не угадывалось дыхание. Преисполнившись сочувствия, Алия наклонилась и легонько поцеловала его в губы. Переругиваясь с Карлерихом, Аперхоун и Ярколич оставили ее жест без внимания. Доказав, что они тоже чисты, оба требовали немедленного снятия карантина.

Согласно протоколу, все препятствия для отмены тревоги были устранены, и все же Карлерих не спешил. Заражения он не вы-

явил, причем даже намека на таковое, но изоляцию по-прежнему не снимал. Начиная закипать, Аперхоун осведомилась, чего ему еще надо.
— Мы еще вот эту куклу не проверяли, — ответил Карлерих, указывая на Алию Ферран. — Думаешь, я ее проигнорирую?
— Не валяй дурака! — возмутилась Аперхоун. — Она не может быть носителем! На кой бы нам тогда сдались все эти человечки, умей мы использовать моих биодроидов?!
— И все-таки мы ее проверим! — отрезал Карлерих.

Алия не протестовала. Оставаясь безучастной, она позволила изучить себя вдоль и поперек. Как с тем, кто не считался живым, сотрудники с ней особо не церемонились. Они и вовсе разобрали бы ее на составляющие, не вмешайся Аперхоун самым решительным образом.
— Достаточно! — рявкнула она, вырывая свое творение из беспардонных рук. — Доволен?! — обратилась она к Карлериху. — А теперь живо снимай карантин, или я первым же делом отправлю наверх докладную!
Усмехнувшись, проекция Карлериха исчезла. В следующую секунду двери лаборатории открылись, а сектор вернулся в рабочий режим. Не теряя времени, Ярколич повез Сайлуса в медицинский комплекс. Отдав несколько распоряжений, Аперхоун скривила мину и направилась к ректору.

В офисе Дель Годро отсутствовал и на вызовы не отвечал. Полагая, что у нее достаточно веская причина, Аперхоун решила отыскать его сама. Насев на секретаря, она потребовала рассказать, куда подевался ректор Либератики. Секретарь отнекивался, однако глава научного комплекса проявила настойчивость. Не добившись своего напрямую, она велела отправить Дель Годро сообщение. Требуя аудиенции, причиной она указала вызывающее поведение Карлериха. Вмешиваясь в ее работу, тот слишком много на себя берет, особенно когда никаких предпосылок нет. Если так пойдет и дальше, Аперхоун не в состоянии обеспечить эффективное выполнение программ.

Учитывая вес и статус ученой, отказать ей мало кто мог. В конце концов, она входила в руководящий состав Либератики. Составив запрос, секретарь послал его ректору, сделав пометку, что ожидает ответа. Тот пришел быстро. Следуя приказу, секретарь сообщил Аперхоун, где ее ожидают. Немного удивившись, та вызвала пассажирскую капсулу и поехала на встречу.

Вергизий Дель Годро находился в крематории. Как и прежде, там разливался холодный металлический свет, порожденный частицами незримого излучения. В целях обеззараживания, оно нико-

гда и ни при каких обстоятельствах не отключалось. Прямоугольный зал традиционно пустовал. Среди его колонн не было ни души, исключая пару техников да самого ректора. К телу, лежавшему в белой капсуле, это исключение не относилось. Жизнь его покинула, отчего оно и оказалось здесь, в этом пустынном и мрачном месте. Зеркальный слой был убран, открывая взору юношу лет двадцати. Возможно, старше. Его спокойное, отныне навсегда застывшее лицо не позволяло определить точный возраст. Не позволяла его определить и фигура, облаченная в голубую тунику. Оставляя этот мир, теперь юноша ожидал лишь одного — когда плазменная печь обратит его бренные останки в атомный пепел.

Не доходя до капсулы, Аперхоун остановилась. Желая переговорить с Дель Годро, она совсем не хотела ему мешать, и особенно при таких обстоятельствах. Крематорий навевал на нее уныние, напоминая о провалах программы, и ректор вряд ли явился сюда просто так. Пожалуй, настаивать на немедленной встрече было не лучшей идеей.

— Подойди, — нарушил молчание Дель Годро.

Не отрывая взгляда от умершего, он поманил ученую пальцами. Аперхоун приблизилась, невольно рассматривая усопшего молодого человека. Она его знала. Как и многим другим, она посвятила ему несколько лет, и была удручена, что ее усилия увенчались вот таким успехом.

— Вообще, я могла бы и подождать, — тихо сказала помрачневшая Аперхоун. — Не лучшее место для разговора.

— Наоборот, именно сейчас оно подходит больше всего, — неторопливо произнес ректор.

— Это почему же? — невольно удивилась Аперхоун.

— Ты пришла жаловаться на Карлериха? Напрасно. Он делает свою работу, — сурово ответил Дель Годро.

— Он перегибает палку. Из-за него мы чуть не потеряли подопытного. В таких чрезмерных мерах просто нет необходимости, — смутившись, пояснила Аперхоун.

— Уверена? — как-то жестко изрек Дель Годро. — А ты посмотри сюда.

Недоумевая, к чему это сказано, Аперхоун уставилась внутрь белой капсулы.

Еще одна смерть. Просто еще одна смерть, в длинной веренице, которой заканчивалась естественная отбраковка материала. Последнее время таких случаев было немало, но их причину, к счастью, удалось установить. Дело оказалось в питании. Генетически модифицированные, выращенные на гормональной подкормке, продукты влияли на человеческий организм, и в некоторых

случаях изменения в геноме оказывались фатальны. Им подверглись не все, но довольно многие, в силу индивидуальных особенностей каждого студента. И часть из них утратила те свойства, по которым производился отбор. Утратила незаметно, перейдя из наилучшего генетического материала в непригодный. А критерии отбора были неумолимы. Непригодный материал погибал, не в состоянии сыграть уготованную ему роль. Инцидент, однако, был исчерпан. Правильное питание студентам вернули; кого смогли, восстановили. Компанию, нанесшую проекту такой ущерб, жестко покарали, публично и в назидание другим. Никто из Либератики в тех смертях не был виноват, и в особенности научный комплекс. Его безопасность тут также оказалась ни при чем. Об этом, поразмыслив, Аперхоун и напомнила ректору.

— Карлерих не объявляет карантин из-за каких-то "Агрикультур Мердалис", — поморщился Дель Годро.

— Тогда в чем же дело? — развела руками Аперхоун.

— Смотри, — лаконично велел ректор.

Несколько минут ничего не происходило. Начиная раздражаться, Аперхоун недоумевала, за каким бесом она таращится на труп, выискивая там некий ответ. Несмотря на авторитет Дель Годро, главного по эту сторону и ответственного за проект, она была готова сказать ему нечто резкое. Возможно, даже грубое, как вдруг… Приоткрыв рот, она впилась взглядом в тело, будто увидела его впервые.

Умерший по-прежнему лежал неподвижно, ибо действительно скончался и шевелиться уже не мог. И все-таки там, внутри его изолированной капсулы, появилось движение. В уголках сомкнутых глаз проступило изумрудное свечение. Сначала едва заметное, оно вышло наружу и воплотилось в две крохотные капли. Постепенно набухая, эти капли разрастались, и вот уже они начали растекаться в стороны. Еще немного — и они окружили веки, образовав вокруг них насыщенный периметр. Наливаясь все больше, тот испустил подвижные струйки, отчего казалось, что на лице умершего зародились две лучившиеся звезды. Эффект длился недолго. Словно чего-то испугавшись, изумрудное свечение втянулось обратно, и глаза скончавшегося юноши обрели прежний вид.

Юбелла Аперхоун не сразу пришла в себя. Пораженная увиденным, она еще долго стояла, глядя на безмятежный труп. Стояла, словно надеялась еще раз узреть изумрудный свет, и это что-то должно было изменить. Свет она и впрямь узрела, только изменить это ничего не могло. Сочась промеж губ, изумрудное свечение лучилось таинственным цветком, манившим коснуться его руками. Но если коснуться, тогда…

— Как? — глухо спросила Аперхоун.
При звуках ее голоса свечение тут же исчезло.
— Выясняем, — отозвался ректор. — Вот почему Карлерих реагирует на каждую мелочь. Заражение произошло во время штатной процедуры. К счастью, система безопасности заметила аномалии и вовремя отреагировала. Кандидата поместили в бокс, где он вскоре и скончался. Я уже подозревал, что искать, и мои подозрения подтвердились. Косвенно, по результатам анализов. Здесь же все проявилось открыто. Вот почему я приходил в крематорий и лично проверял каждый труп. Этой дряни нужен хозяин. Умершее тело распадается и долго служить ей оболочкой не может. Вот она и показывается, выискивая, куда податься. Прятаться бесполезно, выбора у нее все равно нет.

Аперхоун сглотнула. Она прекрасно знала, что бывает, когда происходит утечка и начинается массовое инфицирование. Эшелонированная оборона выжигает каждый атом, уничтожая все и вся. Без эвакуации и исключений. Всерьез струхнувшая, она невольно попятилась назад.
— Бояться нечего. Ты ведущая ученая, Юбелла, ты же это знаешь, — криво усмехнулся ректор. — Просто так он в тебя не попадет. На первых порах, пока он не обретет силу, требуется прямой контакт. Погребальная капсула непроницаема. Для этого она и создавалась.
Припомнив азы, Аперхоун устыдилась своей трусости и снова приблизилась к ректору.
— Значит, угрозы нет? — томительно вопросила она.
— А вот этого я не говорил, — пальцы Дель Годро впились в платиновый набалдашник. — Боюсь, ему и впрямь стало известно о нашем проекте. Тогда все кратно усложнится. Попытки проникновения обретут целенаправленный характер, и наша система безопасности столкнется с неизвестностью. А неизвестность чревата непредсказуемостью. Не зная, откуда придет удар, с высокой вероятностью мы можем его пропустить.
— Гм. Так что же делать? — помолчав, осведомилась Аперхоун.
— Не мешать Карлериху делать его работу, — жестко велел ректор. — Ты занимайся своей, а он пусть занимается своей. Лучше лишняя пробуксовка, чем крах вообще всего, что мы здесь затеяли.

Дальнейшие слова не имели смысла — все было сказано достаточно. Теперь оставались лишь действия. Опираясь на трость, ректор хмурился. Вскоре ему предстоял доклад, где на сей раз он представит убедительные доказательства. Лицо главы научного комплекса выражало озабоченность. Пожалуй, ей и самой стоило перепроверить надежность всех проводимых экспериментов. Хра-

ня безмолвие, оба наблюдали, как погребальная капсула скрывается в плазменной печи. Опустившись, заслонка навсегда отделила ее от внешнего мира и не поднималась до тех пор, пока инфицированное тело не обратилось в лазурный дым.

* * *

Расправившись с Люстеном Граем, боссы картеля Одулоа не угомонились. Показательная акция прошла успешно, если не обращать внимания на потери. Об убийстве говорили в новостях, особенно подчеркивая выжженное клеймо. Инцидент с перестрелкой наделал немало шума, освещаемый далеко за пределами планеты. Боссов это очень даже устраивало. Пусть каждый знает, что связываться с ними ни к чему. Боевиков, конечно, полегло немало, только оно того стоило. Боссы не верили в сказки о сверхженщине, виня нерасторопность своих людей, однако выживших наградили как подобает. Дело было сделано. С другой стороны, помощник мэра действовал не в одиночку. Его сообщников требовалось найти и наказать. Не забывая и про Руберта Тейдлица, провалившегося как сквозь землю, боссы продолжали охотиться на своих недругов, и вдруг эта охота стала приносить весьма сомнительные плоды.

Существовать сам по себе картель Одулоа просто не мог. Его продукция требовала сбыта, а финансовые операции — обеления и покровительства. Собирая обильный урожай, картель продавал его посредникам и деловым партнерам, а те занимались распространением. Дела шли. Пройдя через междоусобные войны, преступные кланы установили прочный мир и не менее прочное сотрудничество. Сработавшись за долгие годы, они действовали как операторы на конвейере, исправно штампуя деньги на органических наркотиках.

Банкиры — из тех, что нечисты на руку, — морщили нос, якшаясь с преступниками, но их деньги все-таки брали, не без прямой выгоды для себя. Людей картеля они считали подонками. Пожимая его боссам руки, промеж себя они презирали их и ненавидели. Боссы отвечали той же монетой. Улыбаясь и платя банкирам, они мечтали закатать их в бочки и отправить в путешествие по космическим просторам. В этом у них царило полное взаимопонимание, и вполне себе надежное, пока внезапно все не изменилось.

Без видимых предпосылок, банкиры вдруг сообщили, что берут паузу в делах. Договоренностей они не разрывают, однако обслуживать картель временно перестают. В финансовом секторе,

мол, сложилась неблагоприятная обстановка. Кто-то проявляет к ним повышенный интерес, и до поры они лучше побудут в безопасной гавани, к обоюдной, между прочим, пользе. Никаких переводов они просили им не отправлять, а те, что не успели обработать, банкиры вернули обратно. Вернули они и наличность, категорически отказавшись принимать новую.

Боссы были взбешены, однако ссориться с финансовыми пижонами не решились. Не тот случай. Накажешь одного, остальные сговорчивее не станут. Перетрусив, как зайцы, они разберутся, или того хуже — нажалуются законникам. Поди потом найди в галактике хоть один лояльный банк. Честя банкиров на все корки, боссы стали искать другие пути, куда девать заработанные средства. Обратившись к партнерам, они предложили им приличную скидку. Взамен они надеялись воспользоваться их расчетными путями, или же отмывать через них деньги напрямую. И тут ситуация ухудшилась. Давние партнеры начали сворачивать дела. Товар они брали все неохотнее, а некоторые вообще прекратили сотрудничество. Не лучше повели себя и посредники. Внезапно став несговорчивыми, они или заламывали цену, или же делали вид, что и вовсе с картелем Одулоа незнакомы.

Боссы пришли в неописуемую ярость. Угрожая разборками, они обещали прислать боевиков, если им не предоставят адекватных объяснений. Подобное поведение они расценивали как оскорбление. Картель Одулоа не какая-то жалкая банда с городских окраин. Он — серьезная организация, и обладает немалым весом. Если для нынешних партнеров он внезапно стал плох, картель найдет себе новых, а со старыми заговорит по-иному. Он научит себя уважать, и если потребуется — силой.

— Ходят слухи, вы перешли дорогу кому-то не тому, — неохотно пояснил один из посредников. — Теперь никто не хочет иметь с вами дел.

— Захотят, когда мы навестим одного-другого, — пригрозили боссы Одулоа.

— Не захотят. У тех — других, — зубы побольше, да и хватка покрепче, — возразил посредник. — А из двух зол, знаете ли, выбирают меньшее. Зря вы с ними связались.

— С кем?! — ощерились боссы.

— Если то, что говорят, правда — скоро сами узнаете, — отозвался посредник.

И больше на связь не выходил. Вместо этого с картелем связалась прокурор.

Поначалу боссы подумали, что это какая-то шутка. Выплачивая взятки, местных законников они купили, а галактическим до

них дела не было. Приняв звонок из любопытства, они увидели высокую подтянутую женщину и осведомились, кто она такая, и чего ей надобно. Женщина назвалась Адой Берг, представителем верховного прокурора. Не тратя времени попусту, она сразу перешла к сути. За картелем Одулоа числилось убийство Люстена Грая — помощника мэра, — и отрицать это было глупо. Все виновные должны понести наказание. Исполнителям надлежит сдаться властям в течение суток. Сдаться надлежит и заказчикам, то есть боссам картеля в полном составе. В таком случае их пощадят и вынесут относительно мягкий приговор. Иначе будут приняты очень жесткие меры.

Выслушав Аду Берг, боссы пришли в изумление, а затем откровенно расхохотались. Явка с повинной? Им всем?! За какого-то человечишку?! Прокурор что, не в себе? Да будь у нее даже железобетонные доказательства, пусть попробует их взять! Ручки обожжет. Суды, адвокаты, проволочки, нестыковки и нарушение процессуальных норм; ненадежные свидетели, внезапно замолкающие навсегда… Этот инструментарий был отточен веками. Что она собирается им предъявить? Клеймо на трупе или выпуски межпланетных новостей? Боссы, конечно, верховного прокурора уважают. Они прекрасно понимают, какая это крупная фигура, и сердить его почем зря не станут, только с такой ерундой пусть к ним лучше не пристают.

Выслушав язвительные речи, Ада Берг и бровью не повела.

— Что ж, мы давали вам шанс, — холодно подытожила она. — Теперь пеняйте на себя. Лишний шум нам ни к чему, однако вы слишком громко раструбили о вашем деянии. Оно не может остаться безнаказанным.

— Какое деяние? — фыркнули боссы. — Убийство жалкого чинуши?

— Убийство выпускника Либератики, — отчеканила прокурор. — Любой, кто поднимает на них руку, платит за это самую высокую цену.

— Да неужели? И что же вы сделаете? Пришлете ваших страшных подчиненных со страшными бумажками и страшными наручниками? — издевательски осведомились боссы.

— Пришлем, но не их, — зловеще усмехнулась Ада Берг. — У вас сутки, чтобы принять мое предложение. Потом вы побежите наперегонки. Те, кто уцелеет. Но будет поздно.

Не говоря более ни слова, представитель верховного прокурора отключилась. Заходясь от злобы, боссы так и не успели спросить, что означает это "кто уцелеет". Они поняли это сами. Позднее, когда истекло отведенное Адой Берг время.

Разумеется, сдаваться никто не собирался. Это было бы и глупо, и невероятно унизительно. Тем не менее, боссы не стали совсем уж игнорировать весомого прокурора и приняли некоторые меры. Боевые группы картеля пришли в повышенную готовность. Охрана как боссов, так и важных объектов была удвоена. Шпионы держали ухо востро, ловя и слухи, и любую полезную информацию. Продажные законники и купленные чиновники — тоже. Утроив бдительность, они проверяли, не подбираются ли к картелю силовики, и не копают ли под них приезжие агенты. Все было тихо, если не считать звездолетов министерства обороны. Пролетая мимо, они вышли на планетарную орбиту, совершив внеплановую остановку для мелкого ремонта и дозаправки. Военные боссов не обеспокоили. Пока не приключалось массовых беспорядков, армия в дела гражданских не вмешивалась. Ну а министерства внутренних дел на горизонте не наблюдалось. Поглядывая на часы, боссы потягивали виски, курили сигары и обсуждали, на что, собственно, рассчитывала Ада Берг. Ответ пришел тотчас, едва часы пробили вышедший срок.

Атака была внезапной. Система безопасности успела засечь объект, летевший с головокружительной быстротой, но сбить его не удалось. Барражирующий боеприпас для того и предназначался. Подолгу пребывая в воздухе, он мог кружить многие сутки, пока оператор не отдавал приказ. Получив расчетные данные, ракета наводилась на цель и подбиралась к ней наиболее эффективным образом. Иногда она разила напрямую, отправляясь по кратчайшей траектории. Незаметное приближение выглядело иначе. Держась у самой земли, она проворно лавировала над деревьями, проносилась под эстакадами и огибала стены зданий. Скрываясь в рельефе местности, она оставалась незаметной, и об ее появлении становилось известно лишь под конец. Тогда, когда предотвратить удар оказывалось невозможно. Подлетев в мгновение ока, ракета подтвердила цель и врезалась в особняк. Последовавший взрыв был такой силы, что его фасад тут же перестал существовать.

Дело довершили еще две ракеты. Объявившись с других сторон, они успешно поразили здание, где находился один из боссов картеля Одулоа. Рассчитывая на ПВО и стрелков, он полагал, что находится в безопасности. ПВО не справилась. Установленная на крыше, она подпустила ракеты слишком близко и не успела ничего предпринять. Выбрасывая ложные мишени, те ввели ее в ступор, нарушив даже запоздалую попытку наведения. Оплошали и стрелки, рассредоточенные вокруг особняка. Они только и увидели, как мимо пронеслось нечто очень быстрое, после чего последовал мощный взрыв. Особняк обратился в груду камней, которые

лизало гудящее пламя. Источая клубы черного дыма, оно поднималось все выше, застилая обугленные руины. Из разорванных коммуникаций хлестала вода, местами вздымаясь настоящими фонтанами. Тел почти не было. Все они остались под завалами, надежно похоронившими цель ракетного удара.

Вторая атака последовала сразу. Фактически, атака вообще была одна, а интервал порождался многочисленностью объектов. Боссы Одулоа не сидели в одном месте. Кто-то находился у себя дома, кто-то на выезде. В зависимости от рельефа и мишени, подлетное время разнилось, даже при синхронизированной координации. Три ракеты, уничтожившие особняк, успели раньше остальных, а всего их было много. Очень много, и сбить их все не сумела бы даже эшелонированная система ПВО.

В стене витого небоскреба, на уровне сто двенадцатого этажа, образовалась внушительная дыра. Раскуроченные взрывом, окна из прозрачного сплава лопнули будто стекло. Разлетевшись на звенящие осколки, они брызнули веером и ухнули вниз, со свистом рассекая воздух. Туда же ухнули и куски перекрытий, превратившись в дождь из бетона и металла. Достигая земли, он барабанил по ней тяжелыми каплями, пробивая аэромобили и оставляя на газоне дымящиеся воронки. А на этаже уже бушевал пожар. Порожденный детонацией, он охватывал все, что не уничтожила ракета. Его хищное пламя вырывалось из дыры, оплавляя ее края и выбрасывая густые клубящиеся шлейфы. Обугленные трупы стремительно обращались в пепел.

Поражение было надежным и очевидным. Еще один взрыв грянул для страховки. Нырнув в дыру небоскреба, ракета ворвалась в пожар и разнесла в клочья все, что там еще оставалось. Сложившись друг на друга, перекрытия осыпались сразу на нескольких ярусах. Промежуточные стены испарились. Близлежащие офисы и коридоры пожрал свирепый огонь. От босса картеля Одулоа не осталось даже фрагмента для последующего опознания.

Подбить аэромобиль оказалось куда труднее, чем обратить в груду кирпичей особняк. Следуя в потоке, он становился непростой мишенью для того, кто не хотел уничтожить вместе с ним и десяток других. Малая ракета взялась словно из ниоткуда. Нырнув в транспортную кутерьму, она юрко пронеслась за своей целью и поразила ее в двигатель. Система уклонения несколько смягчила эффект. Полыхнув, двигатель взорвался, но аэромобиль не упал за счет маневровой тяги. Завалившись на левый борт, он резко пошел вниз, столкнувшись по пути с другим аэромобилем. Удар отбросил его в сторону, и тут подлетела еще одна ракета. Жестокая вспышка едва не разорвала машину пополам. Пожрав часть кор-

пуса, она завертела ее волчком и вышвырнула из потока. Там, в свободном пространстве, произошло третье попадание. Кратно мощнее первых, оно обратило аэромобиль в раскаленный шар, брызнувший каплями расплавленной стали. Метеором он пронесся к земле, оставляя коптящий хвост, и грянулся остатками деформированного каркаса. До этого момента босс Одулоа не дожил. Его убило еще там, в вышине, когда он даже не успел понять, что происходит.

Ликвидировать аэролимузин, вальяжно плывший над планетой, оказалось несравнимо проще. Его, правда, окружали машины сопровождения, но и ракет подлетел целый рой. Кортеж взрывался как стая бочек с горючим, обращаясь в сгустки жаркого пламени. К аэролимузину ринулось сразу несколько крылатых боеприпасов. Детонация получилась настолько специфической, что обломки не расшвыряло, а сжало, как сжимается заряд плутониевой бомбы. Смятый с разных сторон, транспорт слился в глыбу бесформенного металла, которая и стала для босса Одулоа гробом. Свалившись в озеро, она мгновенно остыла, выбросив столб шипящего пара, а на илистом дне стала еще и склепом.

Казалось, параноику, сидевшему в бункере, ничего не угрожало. Тот же особняк, обрушенный до основания, просто засыпал бы его убежище, но не причинил вреда. Ракеты физически не сумели бы поразить такую цель, добраться до которой было той еще задачей. Вот только для специальной авиационной бомбы вполне себе обыденной. Спикировав по координатам, она вошла в здание как спица в слоистый торт. Пробив его насквозь, она проникла на глубину в сотню футов, так и не остановленная ни железобетонными перекрытиями, ни даже стальными перегородками. Предназначенная для уничтожения бункеров, она могла бы достать укрытие и куда серьезнее.

Босс Одулоа соорудил внушительное подземное убежище, но бомба была еще внушительнее. Она не оставила ему ни шанса. От взрыва вспучилась земля, растрескавшись вокруг эпицентра на сотни ярдов. Из трещин повалил едкий пар, а здание наверху аж подбросило. Разваливаясь от основания, оно немедленно и с грохотом обрушилось. В недрах под ним царил настоящий ад. Детонация в замкнутом пространстве сама по себе была жесточайшей и убийственной, а она сопровождалась и запредельной температурой. Определить, где чьи атомы — декоративных растений, мебели, охраны или самого босса — стало в принципе невозможно.

Похожая бомба накрыла другого босса в искусственной пещере. Тот не прятался. Он проверял перспективный объект. Подземная плантация была оборудована всем необходимым, чтобы

производить качественный продукт. Конечно, по эффективности она уступала обычной, где посадки росли в естественной среде. Обласканные солнечными лучами, те и обходились куда дешевле, однако ее преимуществом была скрытность. К тому же площадь посевов потенциально удваивалась, а то и утраивалась, в зависимости от численности ярусов. Расхаживая промеж технических сооружений, босс слушал комментарии специалистов, когда авиабомба пробила толщу земли и свалилась прямиком к нему. Насыщенная кислородом, изобилующая удобрениями, подземная плантация рванула так, что наверху образовался огромный кратер. Ревущее пламя ударило по тоннелям на многие мили. Попадая в вентиляционные шахты, оно взмывало вверх и вырывалось под открытое небо могучими огненными столбами.

Несмотря на масштаб разрушений, нападавший действовал ювелирно. Тот, кто атаковал картель, стремился нанести максимальный ущерб лишь его представителям. Остальным же, включая невинных людей и гражданскую инфраструктуру, любой причиняемый вред он старался минимизировать. Именно поэтому частный особняк, где находился только босс и его люди, был уничтожен полностью. Это касалось и бункера, а вот небоскреб пострадал лишь частично. В нем была уйма посторонних, и их массовое убийство в планы атакующего не входило. Оттого он не тронул босса, который находился в фешенебельном отеле. Десятки этажей с постояльцами, никак не связанными с Одулоа, сулили неисчислимые жертвы. Это же спасло и другого босса, развлекавшегося в роскошном казино. Азартные игры — тот еще порок, но массированный удар наказывал не за него. Вместе с целью он прихватил бы слишком многих, учинив кровавую бойню. И атакующий не ударил. Во всяком случае, ракетами и сразу. Окруженные охраной, некоторые боссы уцелели и, в отличие от погибших, смогли узнать, что произошло дальше.

Устранение верхушки Одулоа стало лишь началом. Когда все намеченные объекты были поражены, операция вышла на новый уровень. Снижаясь с орбиты, военные звездолеты неторопливо заходили на цель. Это они выпустили барражирующие боеприпасы, сновавшие в великом множестве. Они же сбросили и мощные бомбы. Распределяя боссов, они легко могли бы уничтожить их и в тысячу раз больше. Синхронная атака достигла желаемого результата. Выжить позволили только тем, кого, во избежание лишних жертв, решили не трогать. Однако картель — не только люди, но и плантации, составлявшие саму основу его деятельности. По ним-то и был нанесен глобальный удар.

Огромные армейские звездолеты предназначались для плане-

тарной бомбардировки. Они могли уничтожать целые регионы, обращая их в радиоактивный пепел. Стереть с лица земли какие-то поля и теплицы им было раз плюнуть. Перебив боссов Одулоа, атакующий на этом не остановился. Он намеревался уничтожить сам картель, то есть его производственную базу. Он наносил ему непоправимый ущерб, после которого вся организация переставала существовать. Четырнадцать звездолетов снизились к плантациям, и четырнадцать ударов превратили их в пылающий ад.

Бомбардировка была интенсивной. Ядерное оружие не применялось, чтобы радиация не навредила всей планете, однако у армии хватало и других боеприпасов. Отразить атаку картелю было просто нечем. Хорошо вооруженный, он все-таки мог дать отпор лишь себе подобным. Как максимум, обычным силам правопорядка, но никак не военным кораблям, да еще в таком количестве. Уколы систем ПВО они не ощущали. Наземные сторожевые сооружения были бессильны. Переносные ракетные комплексы вообще не достигали цели. Заглушенные помехами, в лучшем случае они стреляли в никуда, и то если успевали. Этим и объяснялось, почему резиденции боссов оказались поражены столь эффективно и уверенно. Их охране было просто нечего противопоставить.

Боевые звездолеты использовали бомбы объемного взрыва. Атмосфера насыщалась специальной смесью, распространявшейся повсеместно. Затем происходила бурная детонация. Выглядело это страшно. Сотни квадратных миль вспыхивали одновременно, исчезая в слепящем всепожирающем огне. Спасения от него не было. Он проникал в каждую щель, в каждый люк, в каждую трещину. Агротехнические сооружения, дома, времянки, башни и хозяйственные постройки переставали существовать. Ангары и парники испарялись. Транспорт, производственные машины и роботы растекались на фрагменты бесформенного металла. Органика выгорала до последней молекулы. Когда огненный вихрь унялся, на месте полей и плантаций осталась только тлеющая земля.

Уцелевшие боссы Одулоа пришли в ужас, если их состоянию вообще можно было дать какую-то оценку. Пожалуй, человеческий лексикон таковой в принципе не содержал. Они даже не осознали масштаб катастрофы. Они лишь поняли, что произошло нечто чудовищное по своему размаху и разрушению. А еще они поняли, что следующие. Тот, кто нанес удар, вряд ли оставит их на пенсии, наслаждаться деньгами на секретных счетах. Тогда-то до них и дошло, о чем говорила Ада Берг. Спасая свои шкуры, выжившие боссы наперегонки бросились сдаваться. Но было поздно.

Время компромисса прошло. Пленных не брали. Силовая акция носила показательный характер, призванная доказать, что

переходить границы никому не стоит. Нечаянную сшибку может совершить каждый — жизнь штука сложная и полна непредвиденных случайностей. Совершившего ее намеренно ждала неминуемая расплата. Желая сдаться, боссы искали защиты у служителей правопорядка. Но ее не было. Купленные законники попрятались и на вызовы не отвечали. Другие же не вмешивались. По душу выживших явились иные лица, и арестовывать их они не собирались.

Один из боссов зря покинул людное место. Забравшись в аэромобиль, он ринулся к главному полицейскому управлению. Его уничтожили прямо на улице. Перекрыв дорогу, агенты заблокировали ему путь. Окруженную цель никто не слушал. Напрасно она надрывалась, готовая согласиться на что угодно. На капитуляцию ее охраны внимания тоже не обращали. Пользуясь отсутствием гражданских, агенты открыли огонь на поражение. Бронированный аэромобиль прошивало насквозь, поскольку стрелявшие использовали отнюдь не обычные боеприпасы. Они изрешетили его так, что машина восстановлению не подлежала. Извлеченные трупы упаковали в мешки и увезли в неизвестном направлении.

Другой уцелевший босс не сглупил. Он сдался при свидетелях, рассчитывая на шумиху и адвокатов. Выигрывая время, он надеялся выиграть себе и жизнь, а там уж как получится. Правда, это его все равно не спасло. Его застрелили по пути в полицейский участок, якобы при попытке к бегству. Ту же участь разделили и его приближенные. Спаслась только охрана, да и то лишь потому, что ей позволили жить. Кому-то же надо было рассказать о расправе, чтобы в дальнейшем распространять о ней пугающие истории.

Еще два босса, отсутствовавшие на планете в момент катастрофы, в новости не попали. Один летел на своем звездолете. Перехваченный, он был атакован военными штурмовиками и уничтожен прежде, чем успел подать сигнал бедствия. Глушащая аппаратура не позволила ему выйти на связь, а пушки разнесли его посудину в невообразимые клочья. Это был расстрел без всякой надежды на спасение. И захоти некое следствие собрать улики, их просто не осталось. В пустоте дрейфовали лишь бесформенные обломки, среди которых не угадывалось чьих-либо трупов.

В сравнении с остальными, последний босс стал настоящим счастливчиком. Чередой обстоятельств, ему удалось пережить арест и даже попасть в одиночную камеру. Там его поутру и нашли, повешенным на электрическом кабеле.

Официальная позиция властей была скоординирована на разных уровнях, начиная от планетарной администрации и за-

канчивая галактическими фигурами. В средствах массовой информации мелькали кадры пожаров, бушующих на полях, и дымящиеся развалины. Против всяких ожиданий, там отсутствовали даже малейшие нотки истерии. Инцидент подавался как армейские учения, при которых допустили незначительную ошибку. По договоренности с владельцем, военные звездолеты бомбили поля, которые уже утратили полезный эффект. Все объекты и компенсация за них были согласованы заранее. К сожалению, площадь бомбардировки несколько вышла за оговоренные границы. Ряд сельскохозяйственных построек оказался непреднамеренно уничтожен, однако их владелец не в претензии, поскольку ему компенсируют нанесенный ущерб. Учитывая повсеместную роботизацию, люди почти не пострадали. Жертв нет. Некоторые находятся в больницах, где им оказывают высококвалифицированную помощь.

Остроту инциденту придавали криминальные разборки. В погоне за эксклюзивным материалом, журналисты освещали их на разные лады. Для зрителей это было волнующе и зрелищно. Оказывается, пользуясь армейскими учениями, преступные кланы устроили междоусобицу. Под шумок, надеясь списать все на военных, они атаковали друг друга высокоточными ракетами. С десяток аэромобилей взорвались среди бела дня. Пострадало высотное здание, куда угодило несколько боеприпасов. Два частных особняка были полностью разрушены, а прилегающая местность охвачена огнем. К счастью, оперативная реакция правоохранителей позволила избежать эскалации событий. Преступников обнаружили и обезвредили. Тех, кто оказал ожесточенное сопротивление, уничтожили на месте. Часть застрелили при попытке к бегству.

Смакуя подробности, выпуски новостей показывали захватывающие кадры, похожие на сцены из кинобоевика. Журналисты задавали вопросы, власти делали официальные заявления. Трехзвездный генерал авторитетно сообщал об успешно проведенных учениях. Министерство обороны благодарило местную администрацию за сотрудничество и понимание. Мелькали лица шерифов, специальных агентов и прокуроров. Несколько фраз произнес судья, подтвердивший наличие ордера. Отдельной похвалы удостоились силовики, сумевшие обезвредить преступников в толпе невинных людей.

Приникнув к голографическим экранам, внимая дополненной реальности, миллиарды граждан слушали захватывающую историю, ворвавшуюся в их скучные серые будни. И не было в ней даже сомнения, что произошла эта история не случайно. Истинная подоплека осталась за кадром. Послание дошло до своих адреса-

тов. Картель Одулоа был уничтожен за убийство Люстена Грая, и впредь всем настоятельно рекомендовалось подумать, прежде чем лишать жизни выпускника Либератики.

Выслушав доклад помощников, верховный прокурор был удовлетворен. Операция возмездия прошла хорошо. Конечно, не обошлось и без шероховатостей. Сопутствующих потерь совсем уж избежать не удалось. Уж больно масштабная проходила акция, и слишком много в ней задействовалось переменных. Погибли гражданские лица. Частично пострадала инфраструктура. К счастью — умеренно. Все-таки к операции были привлечены лучшие профессионалы. Власти на местах отработали отлично. В прессу неприглядные детали не просочились. Солидные выплаты пострадавшим сгладили эффект и заткнули крикливые рты.

Проблем в итоге не возникло. СМИ поддержали официальную версию, с удовольствием вцепившись в разборки между криминальными авторитетами. Это был серьезный ресурс, умело манипулировавший общественным мнением. Все-таки свои фигуры в массмедиа и культуре нужны не меньше, чем в силовых структурах и правительстве. Что ж, новые выпускники Либератики пополнят их ряды, чем упрочат уже существующие позиции. Упрочат они и министерство обороны, куда верховный прокурор уже звонил час назад. Там сработали образцово, в типично армейском стиле не обсуждая отданные приказы. Дело картеля Одулоа было закрыто. Дело Руберта Тейдлица получило соответствующую пометку. Его желтый общественный статус, говоривший о потенциальной угрозе, сменился на салатно-зеленый, когда угроза считалась минимальна. Теперь следовало выяснить, не осталось ли у кого из выживших мотива желать ему зла. Если нет, статус станет полностью безопасным и дело благополучно отправится в архив. Туда, где лежали дела всех студентов Либератики до тех пор, пока не обретали белый индикатор, означавший выпускника.

Проверив все насущные задачи, верховный прокурор был полностью удовлетворен. Кивнув, он отпустил помощников, однако Ада Берг задержалась.

— Есть еще кое-что, — сказала она, протягивая ему папку.

— Что-то не так? — обеспокоился верховный прокурор.

— Пока нет. Но лучше бы нам этим заняться, — пояснила Ада Берг.

— Доложи. Вкратце, — велел верховный прокурор, не желая вчитываться в еще одно дело.

— Элеонора Дивенхайм, баронесса фон Геннингшафт. Пользуясь отсутствием племянницы, ее дядюшка мутит воду, — сообщила помощница. — Он считает, что нашел лазейку в законности унас-

ледования ей титула. Хочет оттяпать его в пользу своей ветви. Если дядюшка преуспеет, она лишится не только богатства, но и влияния. А нам это совсем ни к чему.
— Каковы шансы, что ему это удастся? — осведомился верховный прокурор.
— Изучаем, — коротко ответила Ада Берг.
— Держи это на контроле, — приказал верховный прокурор. — В случае чего, прими надлежащие меры. Для дядюшки будет лучше, если он ошибается.
— Принято, — кивнула Ада Берг и по-военному удалилась.

Закончив рабочий день, верховный прокурор покинул величественное здание и отправился домой. Броскими роскошными машинами он не пользовался. Роскошь привлекала ненужное внимание, поэтому он предпочитал обычный аэромобиль, только что с секретным эскортом и государственными номерами. К тому же эта роскошь сама по себе его не интересовала. Деньги были инструментом влияния, употребляемого с вполне конкретной целью, и не более. Верховный прокурор и проживал без лишней пышности. Имея право на государственное обеспечение, он им не злоупотреблял, и в расходах был сдержан. Целый этаж он занимал не ради комфорта, а исключительно из соображений конфиденциальности. Надежно охраняемый, он мог безопасно заниматься делами, в том числе такими, о которых непосвященным лучше не знать. С другой стороны, он был не совсем уж чужд удовольствий, отчего спартанского быта не придерживался. Иные блага цивилизации доставляли радость, прежде недоступную и оттого более чувствительную.

Стильно отделанная ванная содержала все необходимое для полноценного моциона. Повинуясь зову природы, верховный прокурор был вынужден совершать различные действия, но на иные он смотрел не как на презренную необходимость. Соблюдение гигиены имело свою внезапную прелесть. Ополаскиваясь в душе, верховный прокурор наслаждался им в полной мере. Человеческое тело считалось примитивным. Его возможности были сильно ограничены, а уязвимость чрезвычайно высока. С другой стороны, именно эта уязвимость, в конечном счете, и дарила почти бесконечные возможности усовершенствования. Чувствительность же обладала особой прелестью. Грубая, но при этом проникновенная, она вонзалась прямо в сознание. Ощущая, как по телу струится теплая вода, верховный прокурор получал удовольствие не меньше, чем иной зависимый от наркотика. Несомненно, в этой жизни имелись свои плюсы. Омывая волосы, он запускал в них пальцы и блаженствовал, поворачиваясь под душ то одним боком, то дру-

гим. Кто бы мог подумать, что такие простые вещи способны доставлять настолько приятные мгновения.

Кофе и вино шли той же чередой. Для кофе отводилось утро. Вино дозволялось вечером. Накладывая определенные неудобства, физиология даровала и некоторые достоинства. Отход ко сну был необходимостью, однако перед ним верховного прокурора ждал бокал, наполненный рубиновым волшебством. Проникая в тело, оно разливалось по жилам ласкающим теплом, согревающим грудь и нежащим члены. Навевая дрему, оно убаюкивало в мягких объятиях и даровало умиротворенный покой. Контраст с той холодной, исчезающей в зелени пустотой, был поистине сногсшибательным.

Кофеин и алкоголь считались вредными для организма, особенно с тем учетом, что ученые давным-давно изобрели их безвредные аналоги. И все же ценители предпочитали оригинал. Во всяком случае, те из них, кто и впрямь умел отличать природное совершенство от искусственной подделки. И тем более те, кто обладал технологией полного восстановления. Любой токсический вред, если не убивал сразу, впоследствии легко нивелировался, а пострадавшие ткани подлежали полной регенерации. Это позволяло не бояться большинства жизненных невзгод. Это же давало возможность спокойно наслаждаться маленькими слабостями.

Кофе поставлялось на заказ. Утренняя чашка была своеобразным ритуалом, вдыхавшим энергию в сонное тело. Ритуалом был и процесс приготовления. Хоть и роботизированный, он требовал и личного участия, позволявшего стать частичкой его таинства. Аромат щекотал ноздри, пробуждая в нейронах головного мозга удивительные ассоциации. Вкус ласкал нервные связи, заставляя ничуть не пожалеть об их существовании.

Вино выписывалось лучшее. Верховный прокурор был неприхотлив, но его предпочитал коллекционное и чрезвычайно редкое. Не из-за стоимости — из-за эффекта. Хотя, иной раз, приятный эффект дарили и совсем мимолетные вещи. Например, шелковый халат, надеваемый на голое тело. Закончив водные процедуры, верховный прокурор потянул его с вешалки. Стоя у зеркала, он накинул халат на себя, млея от того, как настоящий шелк ласкает кожу. Разогретая водой и растертая полотенцем, та щекочуще отзывалась на прикосновение тончайшей ткани. Настолько тончайшей, что она выскользнула из пальцев и едва не упала на пол. Подхватив халат, верховный прокурор стал более аккуратным. Медленно, никуда не спеша, он вернул его на левое плечо. Затем, поправив окантовку, вернул и на правое, скрывая татуировку в виде двух разноцветных, вложенных друг в друга галактических спиралей.

* * *

Медицинский комплекс Либератики был совершенством прогресса и научно-технической мысли. Здесь могли такое, о чем иные клиники лишь мечтали, а то и не догадывались. Любой пациент, попавший в эти корпуса, получал максимально возможную помощь и лучший на свете уход. За редким исключением, смертельных болезней здесь просто не существовало. При своевременно поставленном диагнозе, все восстанавливалось и все излечивалось. Досконально изученные, человеческие тела не доставляли хлопот, когда им требовалось вернуть полноценную работоспособность. Другое дело — разум, его структура и вместилище. С ними разговор был особый, требовавший нетривиальных забот. С ними же, сплошь и рядом, все шло совсем не так, как хотелось бы.

Доставленный в медицинский комплекс, Сайлус был в плохом состоянии. Задержка, устроенная Карлерихом, сказалась на нем очень неблагоприятным образом. Досконально проверяемый, он едва не умер, а его жизненные показатели внушали тревогу. Медицинская капсула поддержала их на то время, пока Сайлуса перевозили в бокс. Там им сразу занялись в полной мере. Ярколич лично руководил всей помощью, которая оказывалась пациенту. За его тело он не переживал. Подключенный, как положено, опутанный трубками и нашпигованный препаратами, Сайлус точно не скончается. С другой стороны, смотря что под этим подразумевать.

Ставшая овощем, физическая оболочка уже никакого интереса не представляла. Лишенные активности, нейроны превращались в бесполезную массу, перезапустить которую не удавалось даже лучшим ученым Либератики. И сейчас они были весьма недалеки от этого состояния. Чудом не сгорев, нейроны, что называется, полыхали, балансируя на грани между жизнью и смертью. В известном смысле, для пациента это был настоящий ад. Вряд ли он что-то чувствовал, но геенна огненная, где пресловутая душа объята беспощадным пламенем, в данный момент была наиболее точным сравнением. Наблюдая за показателями Сайлуса, Ярколич отмечал в них сильнейшие перебои. Излучение головного мозга носило, можно сказать, аварийный характер. Интенсивные вспышки чередовались со зловещим затуханием, а их частота и распространение, области и продолжительность не укладывались ни в какие прогнозы.

Конвульсии удалось унять. Накачанное лекарствами, тело Сайлуса полностью контролировалось медицинской аппаратурой.

И это, несомненно, радовало, ибо при водворении в бокс он едва не вырвался. Выбрасываемый в кровь, адреналин все еще давал о себе знать, как и бессознательная реакция. Сайлус не приходил в сознание, но от этого бился еще страшнее. Врачи держали его крепко, не позволяя причинить себе вред, и сумели нормализовать ситуацию. Правда, не без ущерба для себя. Двоих Сайлус сильно толкнул, вплоть до ушиба. Одному он едва не своротил челюсть, а еще одного так яростно схватил за запястье, что у медика образовался кровоподтек. Тот стоически выдержал эту хватку, не проронив ни звука. Он не отходил от пациента до тех пор, пока в нем не отпала необходимость, чем показал себя настоящим профессионалом. Впрочем, других в медицинском комплексе просто не было.

Ярколич скептически относился к идее заменить часть своих сотрудников биодроидами. Он им не доверял. Физически те имели неоспоримые преимущества, однако разум у них отсутствовал, а роботов и так хватало. Играя на вторых ролях, машины, бесспорно, оказывали неоценимую помощь, но первые роли всегда отводились себе подобным. Решая важные задачи, Ярколич предпочитал проверенных помощников, а не набор электроники и не поделки Юбеллы Аперхоун. И к ним он относился с должной заботой. Убедившись, что Сайлус стабилен, он отпустил подчиненных, позволив им отдохнуть. Тем из бригады, кто получил синяки и ушибы, Ярколич добавил лишние полцикла на восстановление тканей и приведения себя в порядок. Сам же остался, чтобы лично составить план лечебных процедур.

Медицинская кома представлялась наилучшим выходом. С нейронами Сайлуса творилось черти что, поэтому Ярколич решил подержать его в полном забвении. Цикл-другой. Может, неделю, а если понадобится, то и больше. За этот период он сумеет разобраться в состоянии пациента и оказать ему адресную терапию.

— Прошу прощения, но мне кажется, это не самая удачная идея, — с сомнением подал голос один врачей, ознакомившись с лечебным предписанием.

— Почему? — спокойно спросил Ярколич.

Он позволял своим подчиненным высказываться. Выслушав стороннее мнение, он видел ситуацию под другим углом, и развеивал либо их сомнения, либо собственные.

— Учебная программа не должна прерываться, — напомнил врач. — Его память утратит все, что мы в нее поместили. Даже если вы поставите его на ноги, он ничем не будет отличаться от едва принятого новичка.

Врач был абсолютно прав. Весь курс рассчитывался на ежедневное воздействие. Так, и только так достигался прогресс, в

иных обстоятельствах попросту невозможный. Обратной стороной медали оказывалось непостоянство. Если студент пропускал пару сеансов в аудитории, это считалось допустимым, однако при увеличении интервала деградация наступала лавинообразно. Всего неделя — и студент забывал практически все, чему его учили. В том числе потому, что никогда этого по-настоящему и не помнил. Эффект приобретенных знаний и мышления возникал лишь временно. До завершающего этапа он был подвержен исчезновению, и лишь потом, на последнем курсе, становился перманентным. Ярколич это прекрасно знал, поскольку сам принимал участие в разработке программы. Знал он, однако, и то, почему ей пренебрег, и выживаемость пациента была здесь совсем ни при чем.

Глава медицинского комплекса не рассердился на врача. Тот рассуждал абсолютно верно, просто не все учел, и он нашел это вполне простительным. Ведь в Либератику впервые принимали по новым правилам, с расширенным притоком специфического материала.

— Вы совершенно правы, только есть нюанс, — усмехнулся Ярколич. — Этот молодой человек хоть и студент, однако закончить курс ему не суждено. Не имеет значения, получит он какие-то знания или нет. Он здесь по другой причине, отчего им и занимается не Мартьяла Дормербруг, а Юбелла Аперхоун. Наша задача — поставить его на ноги. Вернуть как физиологическую единицу, в которой не перегорели мозги. И — не более.

Разъяснение тут же расставило все по своим местам. Больше не задавая вопросов, врачи приступили к восстановлению пациента. Карлерих мог быть спокоен. Изучив Сайлуса до последней клетки, они не обнаружили в нем аномалий, исключая пожар в нейронных связах. А они бы уж обязательно их обнаружили, ибо делали свою работу на совесть. Следуя утвержденному предписанию, врачи закончили подготовительные процедуры, и Сайлус погрузился в забвение.

Убедившись, что пациент обеспечен должным уходом, Ярколич позволил себе удалиться. Отвлекаясь на Сайлуса, он помогал Юбелле Аперхоун, в известный ущерб своим интересам. У него хватало дел, в том числе весьма важных, а порой и чрезвычайно интересных. Гипотетически, перспективных и открывающих новые, прежде неизученные возможности. К последнему относился случай Эрвины.

Тесты и обследования проводились скрытно, чтобы не вызвать подозрений у молодой девушки. От чистоты эксперимента и принципа взятия образцов зависело очень многое. В отличие от Сайлуса, всякие хитрости, а тем более принуждение и насилие бы-

ли категорически недопустимы. За здоровьем Эрвины и впрямь усердно следили, однако под шумок ей уделяли и другое внимание, пристально изучая как редчайшую бабочку.

Эффект был налицо. Эффект присутствия. Версию о лунатизме Ярколич отмел почти сразу, хотя и старательно поддерживал ее в пациентке. Он с самого начала заподозрил нечто совсем другое, тем паче заведомо зная о высочайшей чувствительности Эрвины. Только вот заподозрить просто, а доказать — гораздо сложнее.

Гостевое присутствие. Для посвященных это было единственное разумное объяснение. Теоретически оно имело под собой весьма убедительное основание. Когда-то, благодаря чему-то похожему, оно сделало возможным появление всего проекта и в последующем самой Либератики. Чтобы стать вместилищем без квантовых генераторов, волновых труб и прочей аппаратуры, человек должен обладать уникальной чувствительностью. Настолько уникальной, чтобы стать им напрямую, просто оказавшись в подходящем месте.

Астрономическая редкость, с которой происходило нечто подобное, исключала статистическую выборку и лабораторное наблюдение. Заполучив столь удивительный экземпляр, Ярколич мог за ним наблюдать, но не мог предсказать появление другого, ни здесь, ни где бы то ни было. Технически, случай Эрвины вообще никогда не описывался, и даже не фиксировался. Она не принадлежала к тем, кто стоял в основе проекта, однако ее вариация не оказалась от этого менее феноменальной.

Итак, гостевое присутствие. Во сне, в состоянии покоя, Эрвина становилась как бы не собой. Ее разум превращался в аттракцион для пассажира. Проникая извне, тот обретал определенный контроль над телом, способный все видеть и чувствовать. Чем, явно, и пользовался, учитывая ночные похождения Эрвины. Они происходили явно осознанно, но при этом после пробуждения девушка ничего не помнила. Не помнила именно потому, что всем управлял кто-то другой. По зрелому размышлению, Ярколич находил эту версию наиболее убедительной, однако сюда не вписывалось одно "но". Даже, пожалуй, два.

Во-первых, откуда бралось гостевое присутствие? Наличие незарегистрированных кандидатов само по себе было вопиющим, не говоря уже о канале проникновения и отсутствия тому свидетелей. Кто? Как? Каким образом? Во-вторых, Эрвина не полностью утрачивала себя. Складывалось впечатление, будто она частично контролировала ситуацию. На это указывал ряд признаков в ее поведении. В ее самостоятельном поведении, которое при функ-

ции вместилища вообще никак не должно было проявляться.

Увлеченный волнующей загадкой, Ярколич посвящал ей все свободное время. Как глава медицинского комплекса, он присматривал за здоровьем всей Либератики, начиная от мелких животных и заканчивая руководящим составом. При всем желании, он физически не мог заниматься только Эрвиной, однако всегда старался выкроить для нее хоть часок. Собирая все данные по этой девушке, он тысячи раз прогонял их через компьютер, сравнивал образцы, проводил опыты над клеточным материалом и ломал голову над теорией. Взвешивая все за и против, Ярколич подумывал забрать Эрвину к себе, но не так, конечно, как Аперхоун забирала Сайлуса. Все будет с пользой и правильно. Эрвина продолжит обучение, только не на квантового физика — черт бы побрал Дель Годро с его распределением! — а на врача. Ярколич окружит ее вниманием и заботой, приблизит к себе и сделает так, что девушка сама не отойдет от него ни на шаг. А в дальнейшем, глядишь, и вовсе станет его верным помощником и даже заместителем.

Размечтавшись, Ярколич уже грезил, как Эрвина и впрямь становится его правой рукой. С ее уникальными данными они, наконец-то, совершают невиданный прорыв и утирают нос Юбелле Аперхоун с ее биодроидами. Ну а там… На этом "там" Ярколич зевнул. Усталость брала свое. Человеческая физиология требовала отдыха, пусть даже непродолжительного, но все же необходимого. Стимуляторы и обновляющие процедуры не помогали вечно. Лишенное перерыва на сон, тело начинало сбоить. Внимание рассеивалось, концентрация снижалась; разум мутился, и при чрезмерной нагрузке скатывался в безумие. Ярколича это ужасно раздражало, однако поделать он ничего не мог. Во всяком случае, пока, оставляя генетическое избавление от сна на далекую перспективу. Ему и так уже давно надлежало вздремнуть. Спасая Сайлуса, Ярколич принимал стимуляторы, и принимал их довольно давно. Теперь ему настоятельно требовалось поспать.

Сборы не затянулись. В медицинском комплексе все было спокойно, да и по Либератике в целом тоже. Проверив систему контроля, Ярколич убедился, что его указания выполняются безупречно. Еще раз зевнув, он передал командование помощнику, а сам направился в личные апартаменты. Они располагались здесь же, по соседству с рабочим кабинетом. Пройдя в раздвижную дверь, Ярколич снял светлый костюм, похожий на больничный халат. Затем, не ужиная, принял теплый душ и отправился спать. Его одеждой, тем временем, занялись служебные роботы. Готовя ее к новому циклу, все бытовые хлопоты они брали на себя.

В зависимости от специальности, сотрудники Либератики но-

сили ту или иную одежду. Преподавательский состав предпочитал гражданские костюмы, более естественные для общения со студентами. Техники, как правило, использовали комбинезоны, чьи цвета разделяли их по структурам и службам. Облачение ученых и медиков вариативно разнилось, исходя из насущной задачи. Белые халаты шли рука об руку с герметичной спецодеждой, включая скафандры повышенной прочности. Первые, не требуя особого ухода, стирались или выбрасывались. Вторые, после дезинфекции, сдавались в служебный гардероб. Обычно сдавались, если по каким-то причинам не отправлялись в сервис или на утилизацию.

С герметичными комбинезонами особо не церемонились. Массовое производство и отсутствие сложных компонентов превращало их в дешевый продукт, ремонтировать который было нецелесообразно, да и ненадежно. Чем латать прорехи, лучше выдать сотруднику новый, а старый сжечь в плазменной печи. Завершая смену, один из медиков так и поступил. Пройдя обеззараживание, он стянул с себя комбинезон и переоделся. Комбинезон же сунул в особый ящик, сделав в журнале надлежащую пометку. Правда, от усталости он явно допустил оплошность. В ящик отправился новый, только что выданный комбинезон, а с собой он прихватил как раз старый. С ним он и ушел, даже не заметив путаницы. Впрочем, последующие события заставили усомниться, действительно ли его действия были продиктованы рассеянностью.

За исключением руководящего состава, сотрудники Либератики проживали в специальных корпусах. В отличие от студентов, размещенных в отдельном комплексе, они обитали рядом с работой и в транспортных капсулах подолгу не разъезжали. Медик, оплошавший с комбинезоном, не был исключением. Путь домой не занял у него много времени, поскольку жилой сектор находился по соседству. Фактически, он даже здание не покидал, спустившись в подземные этажи. Там, в глубине под медицинским комплексом, тянулись технические ярусы. Там же, похожие на соты, располагались жилые ячейки персонала. В безликие коридоры, залитые металлическим светом, выходили безликие двери, оснащенные лишь кодовым номером. Створы одной из них раздвинулись. Пройдя к себе, медик заперся изнутри, а затем проделал нечто очень странное.

Жилые ячейки не отличались разнообразием. Типовая обстановка разбавлялась незначительными индивидуальными деталями. Персонал Либератики посвящал свою жизнь работе, а личное пространство ему требовалось только для биологического отдыха. Разумеется, ячейки оснащались всем необходимым, начиная от

комнаты гигиены и заканчивая стальным утилизатором. Его зев был универсальным. Он поглощал любые отходы и сам себя стерилизовал. Вместительный и удобный, он поглотил бы и целый бочонок, не то что обычную одежду. Уложив туда комбинезон, медик оглядел утилизатор, но нажимать на кнопку активации отчего-то не торопился. Вместо этого он неожиданно вооружился плазменной горелкой. Направленная в стальное нутро, ее струя не могла ничего спалить, кроме того, что лежало в жерле приемника. Зато это она сожгла на совесть. Сожгла дотла, до совершенно нераспознаваемого пепла.

Направляя плазменную струю, особое внимание медик уделил наклейке, которой оснащался любой комбинезон. Это была наклейка с нового комбинезона. На том же, что отправился в ящик, он незаметно налепил старую. Его ловкости позавидовал бы и фокусник, поскольку подмена осталась незамеченной. Камеры системы безопасности присутствовали повсеместно, однако контролировать каждый атом Либератики физически не могли. Искусственный интеллект следовал стандартным протоколам, выискивающим опасность, но игнорирующим естественные движения. Оптический глаз безучастно взирал на происходящее и не уловил в действиях медика ничего предосудительного.

Как обычный инструмент, плазменная горелка не лежала под замком и под роспись не выдавалась. Позаимствованная по пути у техников, она продолжала шипеть, испуская раскаленную струю. Прореху в рукаве медик уничтожал особо. Он жег ее до тех пор, пока не убедился, что от всего обшлага не осталось и следа; даже атома, способного указать на разрыв. Нарушение герметичности могло повлечь весьма нежелательные последствия.

Запястье все еще болело. Невольно поморщившись, медик бросил взгляд туда, где его схватил Сайлус. Схватил настолько сильно, что поставил кровоподтек, а в особо пострадавшем месте кожа и вовсе лопнула. Прореха в комбинезоне располагалась как раз там. Скрывая ее от окружающих, медик подвернул рукав, а затем использовал накладные отвороты. Сигнал внутреннего датчика, извещавшего о нарушении изоляции, он проигнорировал. Сообщить об этом системе контроля он также не позволил, отключив в дополненной реальности контур связи. Никто, кроме самого медика, о разрыве комбинезона не узнал. Проверенный Карлерихом, Сайлус считался чист, карантин никто не объявлял, и доскональная проверка не осуществлялась. В боксе, где находились врачи, ничто никому не угрожало. Уничтожая комбинезон, медик, казалось бы, совершал нечто непонятное, не имевшее логического объяснения. Если ничего особенного не произошло, зачем ему во-

обще проделывать все эти странные манипуляции? Он знал, зачем.

Когда сожжение завершилось, медик спустил пепел в утилизатор. Поди теперь разберись, куда подевался один из комбинезонов, и какой из них новый, а какой старый. Такие мелочи система не отслеживала. Даже обнаружив пропажу, она не придаст ей особого значения, а поиск ничего не выявит. Внимание, сфокусированное на пациенте, тем более полезно, что тот действительно чист.

Зажурчала открытая вода. Повернув кран над раковиной, медик неторопливо умылся, а затем продезинфицировал руки лосьоном из аптечки. Всякие следы пепла исчезли. Теперь, даже и возьми кто анализ, он не выявит ни малейшей сомнительной частички. Распрямившись, медик глянул в зеркало и застыл. Застыл надолго, рассматривая себя так, словно впервые видел. На его лице не дрогнул ни единый мускул. Там жили только глаза. Прищуренные глаза, в уголках которых, не иначе из-за сбоя освещения, промелькнуло что-то изумрудно-зеленое.

– 7 –

Когда сеанс связи завершился, Юрген Джамиани откинулся в глубокое кресло. Его племянница, Элеонора Дивенхайм, продолжала обучение в Либератике, и уезжать оттуда не собиралась. Раньше каникул студентов не отпускали, а до них оставалось еще несколько месяцев. Довольная обучением, Элеонора никуда и не рвалась, о чем сейчас и сообщила дядюшке. Учитывая, что Пространственная связь была ей недоступна, фактически она находилась в изоляции. Как же это кстати! Джамиани не гадал, отчего в университете были введены столь странные правила. Он лишь использовал их к собственной выгоде. Благодаря тому, что племянница находилась далеко и ни о чем не подозревала, любящий дядюшка собирался лишить ее титула, а вместе с ним и всего остального, переходящего по наследству баронов фон Геннингшафт.

В любой дворянской семье всегда есть прямая ветвь, а есть побочные. Иногда, в силу разных причин, прямая увядает, и тогда изучается геральдическое древо. Тогда же и устанавливается, кому переходит право возглавить род. Определяется новая доминирующая линия, и уже она становится прямой до тех пор, пока сама не прерывается каким-нибудь образом. За тысячи лет у фон Геннингшафтов такое случалось несколько раз. Редко, но не единожды. Обычно все проходило гладко, исключая один драматический эпизод. Тогда дело едва не дошло до междоусобицы, тем бо-

лее серьезной, что каждый из претендентов обладал внушительными ресурсами и влиянием. Не сумев решить вопрос юридически, две равноправные ветви готовились применить силу. К счастью, династической войны удалось избежать. К сожалению, это все же оставило след в истории. Незначительный, и совсем не тот, который был бы заметен на первый взгляд.

Юрген Джамиани не мог смириться, что находится вблизи от титула, но тот остается для него недосягаем. Это грызло его с ранней юности, когда он узнал, что не входит в число преемников. Выражая любовь племяннице, он испытывал к ней совсем другие чувства и мечтал забрать ее баронскую корону. Этой мечте он посвятил долгие годы и наконец-то нашел подходящую лазейку. Она восходила как раз к той междоусобице, прекращенной достигнутым соглашением.

При скрупулезном рассмотрении выяснилось, что один документ был подписан с ошибкой. Казалось бы, пустяковой, однако по факту достаточной, чтобы признать его недействительным. Само по себе это не выглядело таким уж событием, но порождало целую логическую цепочку, в результате которой ВСЕ достигнутые договоренности оказывались несостоятельными. И, как минимум, подлежали пересмотру, а как максимум — право на баронский титул переходило к другой ветви, старшим представителем которой ныне был Джамиани. На последнее, разумеется, тот как раз и рассчитывал. Отсутствие Элеоноры получалось очень на руку. Ни о чем не подозревая, она не успеет опротестовать что-либо судах, а потом станет слишком поздно. Лишившись богатства и влияния, она не сумеет дать бой воцарившемуся дядюшке и навсегда утратит право на фамилию фон Геннингшафт.

План был хорош. Отъезд племянницы в Либератику стал подарком судьбы. Дождавшись, когда она уйдет с горизонта, Джамиани в последний раз переговорил с адвокатами и готовился нанести удар. Помешать ему мог только кто-то осведомленный, а таковых просто не было. Все посвященные принадлежали к клану дядюшки, а юридическая контора, оформлявшая документы, уже лет сто как работала на его семью. Немногочисленные союзники Элеоноры ничего не знали, как и ее поверенный, оставленный управлять делами. Уверенный в успехе, Джамиани аж потер свои суховатые руки. Еще немного — и он осуществит давнюю мечту, наконец-то возложив на свое чело баронскую корону фон Геннингшафтов.

Неожиданный звонок интеркома развеял накатившие грезы. Встряхнув головой, откуда свалилась воображаемая корона, Джамиани покосился на сигнал вызова. В роскошном особняке он был

один и посетителей не ждал. Скривившись, он недовольно осведомился, зачем его потревожили.
— К вам посетитель, — сообщил личный секретарь.
— Меня ни для кого нет дома, я же вам говорил, — раздраженно напомнил Джамиани.
— Я не забыл ваши инструкции. Только это особенный посетитель. Я подумал, следует вам сказать, — пояснил секретарь.
— Ну и кого там черт принес? — хмуро осведомился Джамиани.
— Ада Берг, помощник верховного прокурора, — доложил секретарь.
— Кто?! — невольно опешил дядюшка. — Пусть войдет! — тут же добавил он.
Высокопоставленные должностные лица не заявляются просто так. За чем бы ни пришла эта женщина, лучше ему узнать, и узнать лично от нее, не прибегая к расспросам через секретаря.

Одетая в строгий деловой костюм, Ада Берг вела себя как игрок в покер. Ее лицо хранило непроницаемость, а движения были неторопливы и сдержанны. Усевшись в гостевое кресло, она невозмутимо выслушала любезности Джамиани, якобы польщенного визитом столь важной особы. За любезностями, в конце концов, последовал вопрос, чем он, собственно, вызван. Личный визит, поскольку помощник верховного прокурора не прибегла к трансляции в дополненной реальности.
— Дело довольно щекотливое. Именно поэтому я предпочитаю переговорить с глазу на глаз, — ровным голосом произнесла Ада Берг.
— Я весь внимание, — улыбнулся Джамиани.

Дядюшка Элеоноры выглядел настоящим денди — подтянутый, уверенный, седовласый, с утонченным обликом и подчеркнуто-хорошими манерами. Поначалу он производил приятное впечатление. Даже чарующее, располагая к себе гостя или собеседника. Внимательный взгляд, однако, мог заметить в этом некую неестественность. Не сразу, но заметить. Неестественность как у гадюки, прикидывающейся безобидным ужом. Джамиани был уж слишком любезен и слишком слащав, в то время как за его напускной личиной скрывался весьма неприятный человек. По натуре недобрый, он не чурался коварных замыслов, держал за пазухой нож, а в бутылке яд. Вполне способный на подлость, именно ее он и собирался совершить по отношению к своей племяннице.

Ада Берг раскусила этого обаятельного мерзавца сразу. Ее наметанный глаз распознавал людей и посложнее, не прибегая к помощи искусственного интеллекта. Который, кстати, непрерывно анализировал собеседника и сообщал о своих выводах в дополнен-

ной реальности.
— Речь об Элеоноре Дивенхайм, баронессе фон Геннингшафт, — неспешно сказала прокурор.
— Вот как? У нее какие-нибудь неприятности? — удивился Джамиани.
— Полагаю, да. По нашим сведениям, некое лицо намеревается оспорить ее титул в свою пользу, — бесстрастно сообщила Ада Берг.

Цель визита прозвучала неожиданно. Строя предположения, Джамиани ожидал чего угодно, но только не этого. Ошарашенный, он даже приоткрыл рот, слегка выкатив свои маслянистые глаза.
— Как вы сказали? — переспросил он.
Ада Берг невозмутимо повторила. До дядюшки Элеоноры дошло, что он не ослышался, а посетительница и не думает шутить. Справившись с ошеломлением, он великолепно изобразил недоумение.
— Признаться, я весьма озадачен вашими словами, — протянул он, стараясь проникнуть за непроницаемый покерфейс прокурора. — Информация достоверная?
— Абсолютно, — кивнула Ада Берг.
— Невероятно, — картинно развел руками Джамиани. — У вас, безусловно, имеются основания так говорить, иначе вас бы здесь не было. Вместе с тем я решительно не понимаю, о ком речь. Кто может посягать на права моей дорогой племянницы?
— О, это очень легко определить, — улыбнулась прокурор, и от ее улыбки собеседнику стало не по себе. — Знаете, как говорят? Ищи того, кому преступление выгодно. Любому, кто изучит ваше генеалогическое древо, долго искать ответ не придется. Простая логика. Только один человек может претендовать на титул Элеоноры Дивенхайм, и только одному это гипотетически удастся. Этот человек — вы.
— Неужели? — тут же поубавил любезности Джамиани. — Мне показалось, или вы меня в чем-то обвиняете?
— Нельзя обвинять в том, чего еще не совершено. Я просто называю вещи своими именами, — спокойно ответила прокурор.
— Вы клевещете на честного человека! Порочите мое доброе имя и хотите очернить в глазах племянницы! — вспылил Джамиани.
— Зачем мне это? Какая мне в этом выгода? — резонно заметила Ада Берг.

Воцарилась пауза. Замечание и впрямь было по существу. Из нападок на дядюшку пользы прокурор не извлекала, если только ее не подкупила Элеонора. Что вряд ли, поскольку та ни о чем не догадывалась. Но что тогда? Зачем она явилась сюда лично, и какие замыслы у нее на уме? Серьезные замыслы, раз уж она проде-

лала немалый межзвездный путь.

Поразмыслив, Джамиани решил не прикидываться невинной овечкой. Отрицая свою причастность, он ничего не выгадает. Было очевидно, что прокурор хорошо осведомлена, иначе бы она здесь не сидела. Другое дело, за чем именно она здесь сидит? На лице Джамиани, изучавшего Аду Берг, промелькнуло озарение. Взятка! Ну конечно же взятка! Вот почему она пришла сама, не прибегая к каналам связи. По этой же причине она желала переговорить наедине. Ее выгода не в том, чтобы очернить дядюшку перед племянницей, а в том, чтобы не выдать Элеоноре его замысел. За соответствующее, разумеется, вознаграждение, способное наложить печать на ее болтливые уста. О планах Джамиани мало кто знал, но помощник верховного прокурора — фигура достаточно серьезная, чтобы о них проведать. Обширность ее влияния позволяла добывать информацию и у семейных адвокатов.

Юрген Джамиани был опытным интриганом. Он умел вести двойную, тройную игру, но порой прибегал и к прямолинейности. Вообразив, что раскусил посетительницу, он решил не ходить вокруг да около.

— Сколько? — коротко спросил он.

— Чего — сколько? — прищурилась прокурор.

— Сколько вы хотите за молчание? Вы же за этим сюда пришли, — заговорил деловым тоном дядюшка. — Я вас прекрасно понял и согласен договориться. Я спокойно веду свои дела, а вы ничего не сообщаете Элеоноре. Сколько?

— Боюсь, вы меня неправильно поняли, — холодно отозвалась Ада Берг. — Я пришла не для того, чтобы вас шантажировать. Я пришла убедить вас отказаться от вашего плана. Оставьте баронессу фон Геннингшафт в покое. Так будет лучше для всех, и в первую очередь персонально для вас.

И снова Юрген Джамиани услышал совсем не то, чего ожидал. Вторично придя в замешательство, он даже заморгал, силясь переварить столь вопиющую информацию. Затем его лицо потемнело, приняв весьма недружелюбное выражение.

— Как это понимать? — процедил он.

— Так, как сказано. Откажитесь от замысла отобрать у Элеоноры титул. Тогда мы забудем эту историю, словно ее никогда и не было, — неторопливо изрекла прокурор.

— И с чего бы мне отказываться? — язвительно осведомился Джамиани. — Что это вообще за наглость? Какие у вас основания требовать от меня подобного?

— Так будет лучше для вас, — с заметной жесткостью ответила прокурор.

Слова Ады Берг прозвучали весьма неоднозначно. Ее непроницаемый вид позволял трактовать их даже более чем двояко.
— Вы мне что, угрожаете?! — откинулся в кресле Джамиани.
— Я помощник верховного прокурора и знаю закон. Сказанное мной нельзя расценивать как угрозу, — жутковато улыбнулась Ада Берг. — Я лишь настоятельно прошу вас отступиться.
— А не то — что? — зло осведомился дядюшка, окончательно растеряв весь свой светский шарм.
— А не то офис верховного прокурора будет вынужден принять меры, — спокойно сообщила Ада Берг.
— Какие меры? Чем вы собираетесь меня напугать?! — вспылил Джамиани. — У меня все законно! Можете меня хоть арестовать! Делу уже дан ход. Мои адвокаты передали документы в суд. Хотите состряпать ложное обвинение? Даже если вы отправите меня за решетку, титул все равно перейдет ко мне. Он перейдет ко мне и посмертно, то есть потомкам по моей линии. Даже убив меня на месте, прямо здесь и сейчас, вы все равно ничего не добьетесь.
— Именно поэтому я и прошу вас по-хорошему, — неторопливо заметила прокурор.

Намереваясь сказать грубость, Джамиани сдержался. В посетительнице было нечто странное. Уверенность в себе? Манера держаться? Вера в свою власть, которую предоставлял ей высокий статус? Как будто что-то другое. Что-то, чего Джамиани никак не мог уловить, а он не любил связываться с неопределенностью.
— Какое вам вообще дело до моей племянницы? — помолчав, хмуро осведомился дядюшка. — Если вы материально не заинтересованы, почему вы столь рьяно защищаете ее интересы?
— Мы защищаем не Элеонору Дивенхайм, мы защищаем будущего выпускника Либератики, — не совсем понятно ответила Ада Берг, как будто в этом крылась некая разница.
Акцент на местоимении "мы" также наводил на соображения, кого именно она здесь представляла. Вот только Джамиани уже надоел этот разговор, и разгадывать его нюансы он больше не собирался.
— Ну так что, мы с вами найдем общий язык? — подытожила прокурор.
— Нет! — хлопнул ладонью по столу Джамиани. — Нет — и точка! Советую не терять здесь времени! И я вас больше не задерживаю!

Ада Берг не стала злоупотреблять гостеприимством. Дальнейшая беседа становилась бесперспективной. Юрген Джамиани был в своем праве, а она явилась в частном порядке, без ордера и сопровождения из силовиков. Поднявшись, она сообщила, что сама найдет выход.
— И все же подумайте, — обронила она уже в дверях. — Время

еще есть.
— Всего хорошего, — сухо сказал Джамиани.
Не произнеся более ни слова, прокурор удалилась, оставив дядюшку Элеоноры багроветь от недоумения и гнева.

Визит Ады Берг не прошел бесследно. Подозревая, что ему могут вставить палки в колеса, Джамиани связался с адвокатами и потребовал ускорить дело. Он пообещал любые деньги, лишь бы добиться максимального быстрого результата. В законности своих притязаний он не сомневался, но и смахивать со счетов помощника верховного прокурора не стоило. Особенно если та действовала от имени самого верховного прокурора. Шутка ли — одно из высших должностных лиц в галактике! У такого достанет возможностей, чтобы усложнить Джамиани жизнь, пока на сцену не вернется Элеонора Дивенхайм. Ее личное появление еще имело шансы все испортить, и этого никак нельзя было допустить.

Беседуя с адвокатами, Джамиани говорил нервозно, все еще представляя непроницаемую Аду Берг. Его аж передергивало от ее невозмутимости, с которой она столь нагло требовала отступиться от мечты. Отступиться от того, что ее вообще никак не касалось! Адвокаты его несколько успокоили. Они заверили дядюшку, что делают все возможное. Процесс уже запущен. Грядущее решение суда практически у них в кармане, а там события пойдут запланированной чередой. Противникам Джамиани придется очень постараться, чтобы каким-то образом их остановить. Прямо очень-очень постараться, проявив настоящее волшебство.

Разговор вышел и у Ады Берг. Усевшись в аэромобиль, она направилась прямо в космопорт, а по дороге связалась со своим начальником.
— Переходим к плану "С", — не то доложила, не то предложила она.
— Сразу к "С"? — озаботился верховный прокурор. — А что с планом В?
— Я даже развивать его не стала. Бесполезно, — качнула головой Ада Берг. — Шантаж, угрозы или посулы не сработают. Этот тип ясно дал понять, что не отступится. Даже если мы его осудим, он согласится хоть на пожизненное заключение, зато в баронской короне.
— Жаль ему планетарный катер на голову не упал, — вздохнул верховный прокурор.
— Это уже ничего не изменит, — подчеркнула Ада Берг. — Я проверила, делу дан ход. Даже если с Юргеном Джамиани что-нибудь приключится, Элеонора Дивенхайм все равно потеряет титул. Он перейдет к наследникам дядюшки.

— МОЖЕТ БЫТЬ потеряет. Это не наверняка, — напомнил верховный прокурор.
— Да, но шансы слишком велики, — в свою очередь напомнила Ада Берг. — Мы не можем так рисковать.
— Что ж, значит, план "С", — согласился верховный прокурор.
— Мне начинать? — уточнила помощница.
— Немедленно! — последовал твердый приказ.
— Принято, — в привычной манере ответила Ада Берг.

Званые приемы были не в диковинку. Аристократы регулярно устраивали такие, высылая приглашения определенному кругу лиц. Иногда только узкому, но обычно весьма широкому, как велел им статус и общественное положение. В былые времена он включал соседей и важных особ. В нынешние, когда человечество расселилось по звездам, приглашения вышли на межпланетный уровень. На иные рауты дворяне слетались со всей галактики, особенно если их звал кто-нибудь очень именитый. Например, родовитый герцог или принц крови. Не нанести ему визит было бы не только глупо, но и сродни оскорблению. Юрген Джамиани никогда таких ошибок не совершал. Польщенный оказанной честью, он находил ее вполне заслуженной, поскольку, хоть и не обладал заветным титулом, все же был благородных кровей. Приодевшись и подготовившись, он прибыл в космопорт и взошел на борт звездолета, присланного за ним принцем.

Интерьер космического корабля утопал в изысканной роскоши. Его высочество на затраты не скупился. Своих гостей он окружал самым лучшим, что только имелось во Вселенной, и старался ни в чем им не отказывать. Впечатленный окружением и обслуживанием, Джамиани разомлел, одновременно преисполнившись самодовольства. Ну надо же, как это кстати! Светский раут у принца косвенно подтвердит притязания на баронский титул. В глазах аристократов Юрген Джамиани уже не будет всего лишь родственником фон Геннингшафтов. Он станет восприниматься как один из них, лишь волею судьбы обделенный справедливостью. И когда, наконец, эта справедливость восторжествует, никто и не подумает усомниться в ее правомерности и преемстве.

Купаясь в мечтах, с каждым днем становившихся все ближе, Джамиани наслаждался полетом, досадуя лишь на то, что звездолет делал остановки. Гостей у принца было много — десятки тысяч. Отправить корабль за каждым он просто не мог. Во всяком случае, такой большой и такой роскошный, а маломерный флот не соответствовал уровню его высочества. Ему под стать было величественное судно, сияющее огнями и наполненное всеми прелестями жизни. На нем имелось все, чего даже самый взыскательный

вкус мог бы пожелать, и это все предоставлялось гостям без ограничений.

Эстетика и щепетильность были прежде всего. Приглашенные хоть и летели на одном звездолете, однако не всем скопом, как коровы в какой-нибудь теплушке. Подобно простолюдинам, в общий салон их не загоняли и распределили весьма достойно. Каждый гость располагался на отдельной палубе, и с другими никак не встречался. Это позволяло чувствовать себя особенным, не деля с кем-то бассейн, оранжерею или ресторан. Все услуги предлагались индивидуально, и никто не мог пожаловаться на неприятную компанию.

Джамиани не устал от одиночества, однако испытал потребность выйти в свет. Ему хотелось явить себя, а также выяснить, кто еще летит с ним на этом корабле. Без разрешения, экипаж такими сведениями не делился. Состоя из роботов, подкупу он не подлежал и на льстивые речи не реагировал. Если гости не хотели о себе сообщать, он не выдавал их инкогнито, как бы его ни упрашивали. Вероятно, прозорливый принц неспроста прибегал к услугам машин, прекрасно зная человеческие слабости. Как Джамиани ни старался, он не сумел ничего разузнать, и доступа к другим палубам не получил. Немного раздосадованный, он решил найти кого-нибудь в дополненной реальности.

В режиме межзвездного перелета Пространственная сеть нормально не работала. Технические особенности не позволяли ей функционировать бесперебойно, ограничивая лишь небольшими порциями данных. Такие использовались для навигации и связи с другими кораблями, но никак не для удовольствия именитых бездельников. Полноценная связь восстанавливалась только тогда, когда полет прекращался или переходил в планетарный режим. В противном случае на Пространственную сеть не стоило рассчитывать.

К досаде Джамиани, остановок более не предвиделось. Прежде, когда возможность была, он сам не желал с кем-либо общаться. Теперь же стабильная сеть улетучилась. Собрав всех пассажиров, звездолет направлялся к концу маршрута и практически не поддерживал контакт с внешним миром. Сканируя каналы, Джамиани понимал всю бесплодность своих попыток, однако не оставлял их, надеясь на удачу. И вдруг действительно поймал входящий сигнал. Недолго думая, он принял его на экран и внезапно узрел знакомое лицо.

— Оливия? — несказанно удивился Джамиани.

— Юрген? — изумилась молодящаяся, в летах, накрашенная женщина.

Учитывая обстоятельства, было поистине поразительно, как Пространственная сеть умудрилась соединить родных брата и сестру. И все же факт оставался фактом. Узнав друг друга, Оливия и Джамиани принялись делиться новостями. Как оказалось, принц пригласил их обоих. Уже находясь в полете, Джамиани об этом не узнал, а сестра, поглощенная сборами, не особо торопилась кого-либо известить. Теперь, разумеется, она очень захотела это сделать, да только возможности такой не представлялось. Оттого, собственно, она и искала любой канал, который позволил бы ей попасть в Пространственную сеть.

Прояснив обстоятельства, родственники заговорили свободно и по-семейному.

— А почему ты мне ничего не сказал? — попеняла Оливия.

С точки зрения сестры, брат мог бы и поделиться с ней своими планами, особенно столь значимого рода.

— Не хотел сглазить, — уклончиво ответил Джамиани.

Он и впрямь не желал распространяться о своем путешествии преждевременно. В жизни всякое случалось. Пойди что не так, вместо светской хроники он угодил бы в унизительные сплетни. Те, кто вчера улыбались тебе и завидовали, завтра станут издеваться на все лады и обливать помоями. Взлеты и падения всегда шли рука об руку, а скользкие общественные ступеньки умели не только поднимать, но и скатывать. Нет уж, лучше гордо выставить себя напоказ уже на приеме, нежели раструбить о таком до поры, а затем сесть в какую-нибудь лужу. Такие фиаско очень долго не забывают — уж это старый интриган знал.

Встрепенувшись, Джамиани осознал, что сестра ему о чем-то толкует.

— Послушай, Юрген, ты можешь соединиться с кем-нибудь еще или нет? — раздраженно переспрашивала она. — Я не вижу в Сети никого, кроме тебя. Даже новостей не принимаю.

Джамиани проверил и убедился, что она права. Ему тоже не удалось открыть хоть что-нибудь, включая общегалактические СМИ. При этом сигнал от сестры шел уверенный и стабильный. Соображая, как такое могло быть, он хотел задать ей вопрос, как вдруг Оливия перестала ворчать.

— Погоди, я вижу еще какую-то трансляцию, — сообщила она. — Сейчас подключусь.

Джамиани и сказать-то ничего не успел, как в дополненной реальности объявилось еще одно лицо.

— Сесиль?! Сынок, а ты что тут делаешь?! — опешила Оливия при виде довольно неказистого мужчины лет сорока.

— Лечу на прием к принцу, — гордо ответил тот.

— Нет. Твоя матушка спрашивает, как ты очутился на нашем канале, — пояснил Джамиани.
— Дети все нервы истрепали, да и жена тоже. Я просто искал, с кем можно поговорить, — пояснил Сесиль. — Здравствуй, дядя.
— Дети? Жена? — недоуменно переспросила его мать. — Вы что, летите вместе?

Как оказалось, Сесиль получил приглашение сразу на всю семью. Это было неожиданно, но все же не уникально. Тот, кто располагал планетой, мог позвать в гости и целый город. Не задавая вопросов, чтобы не спугнуть удачу, Сесиль собрал домочадцев и сел на звездолет, прибывший за ними с пунктуальностью джентльмена.
— Похоже, нашему роду и впрямь оказана большая честь, — заметил Джамиани, искренне воображая, что причиной тому стал именно он. — Чтобы всю фамилию так пригласили — это большая редкость.
— Не всю. Твой сын в отъезде, — не удержалась от укола Оливия.
Как зачастую водится, родственные отношения не исключали трений и конкуренции. Брат и сестра никогда не упускали случая обойти друг друга на повороте.
— А вот и нет! — едко улыбнулся Джамиани. — Он тоже приглашен. И тоже со всей семьей. Я просто об этом не говорил.
— Врешь! — совершенно не по-светски бросила сестра.
— Мой отец говорит чистую правду, — неожиданно заявил еще один знакомый голос.

На канале, теперь уже открытом для всех, объявился Альфредо, единственный отпрыск Джамиани, рядом с которым сидела его жена.
— Сынок, а ты тут какими судьбами? — приятно удивился его отец.
— Так мы же летим все вместе. Ты что, еще не понял? — выразительно поднял брови Альфредо.
— В каком смысле, вместе? — озадаченно произнес Джамиани.
— Мы на одном корабле. Потому мы друг с другом и общаемся, хотя Пространственная сеть недоступна. Это же очевидно, — снисходительно пояснил сын.
— Гм. И давно ты это сообразил? — смутился Джамиани, не очень-то ладивший со всякой техникой.
— Конечно. Мы уже который час болтаем с Хальзой и Дерилом, Сальваторе, Бернардо и Джастингаузой, — пожал плечами Альфредо.
— Как-как? — округлил глаза Джамиани. — И они здесь?

Подключавшихся к одному каналу, родственников станови-

лось все больше. Зрелые и молодые, близкие и не очень, они присоединялись к беседе, пока в ней не набралось почти два десятка человек. Перебирая всех по именам, Джамиани неожиданно отметил, что здесь, на одном звездолете, собрались все представители его рода. Того рода, что был связан кровными узами с Элеонорой Дивенхайм, но все-таки отличался геральдической ветвью. И эти самые ветви, в порядке приоритета, Джамиани собирался поменять. Совершив исторический переворот, он задвинет Элеонору на второе место, в то время как сам окажется главой баронской династии фон Геннингшафт. Он, и все его потомки, к кому станет переходить наследственный титул. В данном случае, к сыну и его внукам, а если с ними, упаси небо, что-нибудь случится, то к детям Оливии. У остальных, кто сейчас летел с ними к принцу, шансы на титул становились совсем призрачными, но все-таки тоже были.

Купавшийся в мечтах Джамиани был ослеплен оказанной милостью, и все же в его душе прожженного интригана шевельнулось беспокойство. Как-то это было странно. Принц, конечно, славился щедростью и эксцентричностью, однако человек по сорок из одного семейства все же не приглашал. А ведь именно столько их сейчас и выходило, оказавшихся на борту одного звездолета. Именно что одного. Получается, принц выслал за ними отдельное судно намеренно? Вот уж точно эксцентричный поступок по отношению к тому, кто все-таки еще не барон фон Геннингшафт.

— Оливия, а как ты получила свое приглашение? — прикидывая, что же тут не так, спросил Джамиани.

— Как и полагается, с ливрейным лакеем, — ответила сестра.

Быстрый опрос показал, что и остальных позвали точно таким же образом. Именитая аристократия не прибегала к цифровым извещениям. Придерживаясь традиций, она рассылала персональные конверты с письмом на первоклассной бумаге.

— Гм, — озадаченно хмыкнул Джамиани.

Подделка исключалась — уж в этом он разбирался. Приглашение было настоящим, как и вензель принца. Подлинность письма сомнений не вызывала, однако и странного чувства не развеивала. Сам не понимая, что его тревожит, Джамиани нутром почуял какой-то подвох, однако разгадать, в чем тут дело, не мог.

Палубы открылись. Дав добровольное согласие, все пассажиры разрешили допустить к ним гостей, среди которых только и оказались, что собственные родственники. Оставив детей на попечение прислуги, взрослые собрались у Юргена Джамиани, как главы их фамилии. Обсуждая грядущий визит, они обменивались сплетнями и строили амбициозные планы на будущее. Затея дя-

дюшки Элеоноры не осталась для них тайной. Воображая, что дело уже в шляпе, они делили шкуру неубитого медведя.

Устраивая прием, принц звал всех не куда-нибудь, а на собственную планету. Купленная его предками, она давным-давно стала личной резиденцией, где проживали только приближенные дворяне и обслуживающий персонал. Ее уединенность позволяла избегать назойливых журналистов, докучливых путешественников и всяких безродных ненавистников аристократии. Это же объясняло и продолжительность пути, преодолевая который звездолет летел дольше обычного. Окруженный родными, Джамиани успокаивался по мере того, как путешествие подходило к концу. И чего он так разволновался? У него все под контролем, а благосклонность принца уж точно не повод для нервозности. Вот уже скоро он сойдет на землю, куда абы кого не приглашают, и тем начнет свое восхождение к аристократическим верхам. Таймер, отсчитывавший время до прибытия, близился к нулю, и Джамиани уже подумывал, что пора собираться, когда на обзорных экранах внезапно появилось цветастое небо.

Странное это было небо. Там, у планеты принца, горело яркое солнце, исторгая лучи в черноту пустынного космоса. Здесь же, сколько хватало глаз, кругом расстилалась красная туманность. Покрывая искорки звезд, она светилась кровавым огнем, среди которого, будто ручейки, тянулись фиолетовые рукава газа и пыли. Безмерно удивленный, Джамиани уставился в обзорный экран, пытаясь определить, где он, собственно, находится. Он точно знал, что это не резиденция принца, однако на большем его астрономические познания буксовали. Впрочем, не совсем. Осведомленный, что красной туманности быть не должно, Джамиани сумел опознать и звезду. Вместо желтого гиганта, озарявшего планету его высочества, глазам представился пульсар. Огромный пульсар, только не из-за размера, а близости.

Сигнал тревоги ударил в уши пронзительными короткими звуками. Разносясь по всему звездолету, он оповещал об аварийной ситуации. Оповещали о ней и огни, заморгавшие повсеместно. Повскакав с кресел, родственники Джамиани заголосили, кто во что горазд. Никто ничего не понимал, взывая к экипажу, друг к другу или просто вопя. Вместо экипажа отозвался бортовой компьютер. Ровным, совершенно невозмутимым голосом он пояснил, к чему поднялись такой шум и иллюминация.

Генераторы защитного поля вышли из строя. Их мощность стремительно падала, оставляя звездолет уязвимым для внешнего воздействия. Компьютер при этом увещевал не паниковать. Метеоритов поблизости не фиксировалось, корабль никто не атако-

вал и столкновение ему не грозило. Следовательно, пассажирам на борту тоже ничего не угрожало. Скоро техники устранят неисправность, и генераторы вернутся в строй. Когда защитное поле восстановится, звездолет продолжит полет и благополучно доставит пассажиров в пункт назначения.
— Пожалуйста, займите свои места. Ситуация полностью под контролем, — заверял компьютер, хотя сигнал тревоги не унимался.
— Под каким контролем?! — завопил Джамиани, вытаращившись на пульсар.
Звездолет находился к нему очень близко. Слишком близко. Обычно это ничем не угрожало, но только не тогда, когда отсутствует защита. Джамиани был слабоват в астрономии, да и в физике не особо разбирался, однако он жил в космическую эру и какие-то азы все же знал. Пульсар не расплавит звездолет и не притянет к себе. Технически, он вообще не причинит ему особого вреда, но именно что ему. Людей на борту это не касалось. Оставшихся незащищенными, их убьет мощнейшее рентгеновское излучение.

Сообразив, к чему все идет, Джамиани стал орать. Содрогаясь от ужаса, он принялся бестолково носиться туда-сюда, требуя капитана и кидаясь на сервисных андроидов. Те обещали предпринять все возможное и предлагали усесться в безопасное место. Однако таковых просто не было. Защитное поле продолжало слабеть, и вот уже внутри звездолета появились признаки нараставшего излучения. Завыли сирены системы безопасности и технического контроля. Тревожно загудели датчики системы жизнеобеспечения. Жесткое рентгеновское излучение фиксировалось повсеместно. Один за другим, генераторы защитного поля отключались. Становясь уязвимым, звездолет подвергался воздействию пульсара, пронзавшего все насквозь. Страшный, грозивший мучительной смертью процесс неумолимо развивался.

Капсулы! Спасательные капсулы! Забыв про паникующие семейства, детей и вообще все на свете, Джамиани ринулся к спасательным капсулам. Полностью автономные, какое-то время они выдержат и пульсар. Как минимум, несколько суток, в течение которых подоспеет помощь. Было просто необъяснимо, что экипаж игнорировал очевидное и эвакуацию не объявлял, но Джамиани был слишком потрясен, чтобы искать причинно-следственную связь. Спотыкаясь, цепляя углы и двери, он качался как пьяный, вскидывая дрожавшие ноги. Его лихорадящий разум не сразу сообразил, куда бежать, однако выручили бортовые подсказки. Уносясь сломя голову, он уже не слышал воплей родственников, зато видел ряды капсул, утопленных в стены аварийных шахт. Подскочив к ближайшей, Джамиани рванул люк на себя.

— Пи-у-у-у-у-у!.. — громко и протяжно изрек звездолет, погружаясь в кромешный мрак.

Последующие секунды показались томительной вечностью. Подвывая и приплясывая, Джамиани все дергал неподдающийся люк, ожидая, когда появится энергия. Но она не появилась. Вместо этого зажглось редкое дежурное освещение. Бортовой компьютер возвестил о перераспределении питания в пользу генераторов защитного поля. Всего пятнадцать минут — и они включатся, восстановив безопасность корабля.

— Пятнадцать минут?! — завизжал Джамиани. — У меня нет пятнадцати минут!

Рентгеновское излучение нарастало. Аппаратура, чувствительная к его воздействию, вовсю сбоила и выходила из строя. Бортовой компьютер уверял, что держит ситуацию под контролем, и что через обещанные четверть часа защитное поле снова заработает в полную мощность. Вероятно, он не лгал, только к тому времени защищать оно станет трупы.

С пеной у рта, Джамиани все тряс и тряс ручку люка, упорно ему не повиновавшегося. Сбой питания оставил его запертым, а размыкающего сигнала не поступало. Это было странно, но логика паникующего человека окончательно отказала. К тому же, изменить она все равно ничего не могла. Джамиани хрипел, Джамиани завывал. Он умолял компьютер включить энергию хотя бы на пару секунд, которых хватит, чтобы открыть спасательную капсулу. Тот не реагировал, как не реагировал капитан или кто-либо из машинизированного экипажа. Управляемый роботами, звездолет фактически управлялся искусственным интеллектом, который никакого внимания истерике Джамиани не уделял. Бездушная электроника, он поступал, как велела программа, а уж кто ее задал — это к делу не относилось. Вероятно, тот же, кто собрал всех родственников Джамиани вместе, а затем направил их звездолет к пульсару. Об этом дядюшка Элеоноры подумать уже не успел, поскольку его, объятого невыносимым страхом, захлестнуло безумие. Последние минуты жизни он провел как буйно помешанный. Катаясь по полу, он выл и раздирал в кровь лицо, пока его не убило запредельное рентгеновское излучение.

Об ужасной трагедии, приключившейся с дядей и его родными, Элеонора услышала от ректора Либератики. Пригласив ее к себе, он сообщил драматическую весть и выразил соболезнования. Таким образом, он упредил грядущий сеанс связи. Вызывая близких, Элеонора вызывала бы и мертвеца, а узнать о его кончине ей стоило заранее. Это всяко лучше, нежели внезапно прослышать об этом от кого-нибудь еще, в том числе от друзей и знакомых. Как

говорится, земля слухами полнится, а гибель Юргена Джамиани фигурировала даже в некоторых новостях.

Официальной причиной смерти считалась техническая неисправность, порожденная чередой трагических случайностей. Сначала в энергосистеме звездолета произошел незначительный сбой. Формально неопасный, он неожиданно вызвал неполадки в навигации, в результате которой было зафиксировано отклонение от курса. Чтобы его устранить, компьютер решил скорректировать движение, для чего совершил внеплановую остановку. Избегая потенциальных столкновений, он выбрал для нее безлюдное место, подальше от оживленных магистралей. К сожалению, проблемы в навигации вывели звездолет слишком близко к пульсару. Само по себе это ничем не угрожало, но тут вторично произошел сбой в энергообеспечении, и на сей раз более серьезный. Генераторы защитного поля отключились. На их восстановление ушло меньше получаса, на которые компьютер перераспределил питание. Устраняя аварию, он действовал по ситуации и вполне преуспел. Генераторы вернулись в строй и защита корабля восстановилась. Увы, для людей на борту это оказалось слишком поздно. Их убило излучение пульсара, неотразимое и смертельное на столь короткой дистанции.

Решения, принятые компьютером, подлежали тщательному анализу, однако предварительные выводы не позволяли обвинить его в преднамеренной гибели пассажиров. Искусственный интеллект сделал все что мог. В создавшемся положении он никак не сумел бы сохранить им жизнь. Из всех вариантов он выбрал наиболее оперативный, стремясь минимизировать длительность облучения. К сожалению, его продолжительность все равно не оставила людям ни малейшего шанса.

Последней роковой случайностью стала невозможность эвакуации. Переключая питание, компьютер вызвал третий непредвиденный сбой, в результате чего утратил контроль над спасательными капсулами. Оставшиеся запертыми, они уже не разомкнулись, пока энергоснабжение звездолета полностью не восстановилось. А восстановить его компьютер сумел только после активации генераторов, уже не рискуя вызвать перегрузку реактора, его разрушение и фатальный сценарий для корабля.

Полностью восстановить ход событий на борту звездолета не удалось. Жесткое излучение пульсара уничтожило немало электронных журналов и повредило информацию в ячейках памяти. Не всю, но все же повредило. В целом, корабль не пострадал, однако часть его аппаратуры временно выходила из строя. Другая же часть не сохранила записи о своем функционировании. С точ-

ки зрения комиссии, расследовавшей причины трагедии, это было не очень хорошо. Ряд пробелов в данных не позволял ответить на все технические вопросы. С другой стороны, никто не видел в этом особой проблемы. В известном смысле, ничего сверхъестественного не произошло, и необходимости досконально изучить каждую операцию просто не было. В том случае, конечно, если не подозревать дурной умысел, но его как раз никто и не подозревал. Держа происшествие на личном контроле, верховный прокурор в итоге не усмотрел в нем ничего криминального.

От имени его высочества официальная канцелярия выразила баронессе фон Геннингшафт свои соболезнования. Ведая приемом, именно она занималась рассылкой приглашений, и она же составляла подбор гостей. Престарелого принца такими делами не утруждали. Тот лишь подписывал поданные документы и многих из гостей даже не знал. О драме с Джамиани ему не особо и докладывали, чтобы лишний раз не волновать. Так, в общих чертах, без особой конкретики и тяжких для восприятия подробностях. Доставленное в Либератику, письмо из канцелярии принца было вручено Элеоноре. Конечно, не лично одетым по форме курьером, но запечатанным и прямо в руки.

Удрученная известием, Элеонора погрузилась в безрадостные размышления. Правила хорошего тона, общественное положение, да и сами обстоятельства требовали ее присутствия на похоронах. Как баронессе и близкому родственнику, Элеоноре надлежало отдать дядюшке последний долг и нанести несколько светских визитов. Не колеблясь ни секунды, именно так бы она и поступила, находясь у себя в резиденции или где-нибудь в тех краях. К сожалению, препятствием тому служили чисто физические обстоятельства.

Без веских оснований, из Либератики студентов просто так не отпускали. Безусловно, смерть близкого родственника, да еще сразу множества родственников, относилась к таковым безоговорочно. Подав заявление, Элеонора получит право на отлет с последующим возвращением. С другой стороны, много ли с него толку? Учитывая удаленность Либератики и время, спустя которое пришло известие, на церемонию баронесса попросту не успеет, а откладывать похороны ради нее никто не будет. Разумеется, возложить венок можно и позднее, только и выражать свою скорбь оказывалось некому. Дядюшка Джамиани погиб вместе со всей своей фамилией. Особый ужас ситуации заключался в том, что живых представителей его рода попросту не осталось. Побочная ветвь фон Геннингшафтов исчезла раз и навсегда.

У Элеоноры имелась лишь одна причина, ради которой она

могла воспользоваться своим правом на отлет. Это было ее собственное желание отдать дяде последний печальный долг. Светские пересуды ее не волновали, как там и в чьих глазах она будет выглядеть. На злые языки все равно не угодишь, тем паче что на похороны она в любом случае не попадает. Но тогда стоило ли вообще лететь? Пропуск занятий очень скверно скажется на усвоении материала, о чем студентам неоднократно говорили. Объясняя феномен Либератики, замеченный всеми первокурсниками поголовно, преподаватели напирали именно на это. Взвешивая все за и против, Элеонора тяжко размышляла, следует ли ей прервать обучение ради запоздалого посещения фамильного склепа.

Мартьяла Дормербруг думала о том же, о чем и баронесса фон Геннингшафт, но по другой причине. Будучи не только деканом биофизического факультета, она отвечала за весь учебный комплекс, а это налагало ответственность и за образование всех студентов одновременно. Если Элеонора покинет университет, она кардинально сорвет программу своего обучения. За две недели, проведенные вне Либератики, она практически обнулит весь достигнутый результат. Восстановить его, конечно, можно, но лишь ценой интенсивного воздействия, а оно грозило пагубными последствиями для здоровья. Элеонора же считалась слишком ценной, чтобы рисковать ей почем зря. На нее уже имелись вполне конкретные, вписанные в общую программу планы. Кандидат был определен и с нетерпением ждал своей очереди. Оценивая ситуацию, Мартьяла Дормербруг находила отъезд Элеоноры крайне нежелательным. При этом создавать типичную в таких случаях иллюзию она не хотела. Дело получилось слишком громким, чтобы скрыть его традиционным образом. Явившись к ректору, Дормербруг высказала ему свои соображения.

Вергизий Дель Годро был в курсе ситуации. Он и сам не хотел отпускать Элеонору, однако рисковал оказаться в сложном положении, если та, ввиду форс-мажора, потребует свое право на отъезд. О нем знал каждый студент, только никто не подозревал, что знать — это одно, а воспользоваться — совсем другое. За исключением особых случаев, из Либератики никто никогда не уезжал. Мартьяла Дормербруг, однако, была права. Дело и впрямь вышло слишком громким, а шила в мешке не утаишь.

— Чего ты от меня хочешь? — устало спросил Дель Годро, у которого хватало и других забот.

На нижних ярусах дела шли с переменным успехом. Выдающиеся результаты, которыми не грех и похвастаться, сочетались с очень опасными провалами. Уже дважды Карлерих чуть не установил полный карантин.

— Рассказать ей правду, — предложила Дормербруг. — Поведать о замысле Джамиани.

Услышав про вариант с откровением, ректор сразу понял, зачем пришла Дормербруг. Она с самого начала собиралась предложить именно это, рассчитывая убедить его лично. Несомненно, она хотела лучшего для ценной ученицы, сделав ставку на психологический эффект, однако не учла довольно многое.

— Так себе идея, — выразил мнение Дель Годро.

— Почему же? — насупилась декан. — Узнав, что дядюшка хотел лишить ее титула, Элеонора, глядишь, и передумает уезжать. Ее родственные чувства сразу остынут по отношению к тому, кто собирался совершить такую подлость.

— А как ты ей объяснишь, откуда МЫ про это знали? — усмехнулся Дель Годро, сделав особое ударение на местоимении. — Знали, да еще ничего ей не сказали. Не находишь, что у Элеоноры возникнут вполне естественные вопросы? Ты не упростишь, ты только усложнишь ситуацию.

— Я сошлюсь на верховного прокурора, — упрямилась Дормербруг. — Мол, это он случайно все раскрыл и, как выходец из Либератики, счел своим долгом нас предупредить. Студенческая солидарность, союз выпускников, всякое такое…

— Да-да, давай еще и его впутай, — фыркнул ректор. — Он уже изрядно рисковал, санкционировав так называемый план "С". Признаю, очень эффективный план, но слишком уж заметный. Наше влияние велико, однако мы еще не всесильны.

— Кстати об этом. Неужели нельзя было разрешить проблему как-то менее радикально? — проворчала Дормербруг.

— Исполнители отработали безукоризненно. Надеюсь, ты не сомневаешься в рациональности принимаемых мной решений? — сверкнул глазами Дель Годро.

Ни в чем, даже в мелочах, никогда не следовало поступать опрометчиво. Всякий риск следовало минимизировать, а вероятность успеха максимально увеличить. Иногда, однако, они шли неотрывно друг от друга. Проявив несговорчивость, Юрген Джамиани стал слишком непредсказуемой переменной. Пытаясь сладить с ним по-хорошему, верховный прокурор оказывался перед вероятностью допустить полный провал. Добившись своего, дядюшка Элеоноры невероятно осложнит и силовое вмешательство, куда менее опасное сразу. Оно же осуществлялось разными путями, а приемы кардинально разнились по ситуации.

Устранение Джамиани ровным счетом ничего не меняло. Юридический процесс был уже запущен, и его результаты становились самостоятельными. Даже мертвый, Джамиани мог добить-

ся своего, и титул Элеоноры перешел бы к его наследникам — не к одному, так к другому. План "С" бил наверняка. Вне зависимости от исхода громкого дела, он априори делал его бессмысленным. И докажи Джамиани свое право на баронство, передавать его окажется некому. Просто некому, поскольку все представители его фамилии будут мертвы. Следовательно, титул все равно останется у Элеоноры.

Разумеется, столь серьезная акция могла серьезно же и аукнуться. Это вам не боевиков картеля перебить, а представителей благородного рода, хорошо известного в аристократических кругах. Кроме того, КАК перебить? По одному? Тут даже до последнего дурака дойдет, что на членов фамилии объявлена охота. Внимания, неприятностей не оберешься, вплоть до принципиальной невыполнимости задачи.

Идея со званым приемом оказалась очень хороша, хотя этап подготовки напоминал сущий кошмар. Это была фантастически сложная работа, проделанная Адой Берг поистине блестяще. Собравшись вместе, родственники ничего не подозревали. Одни и сами молчали о визите, вплоть до того, пока не стало слишком поздно; другие поддерживали контакт и даже публиковали сообщения в Пространственной сети. Их приходилось стирать, блокировать и всячески ограничивать, под предлогом технического сбоя. Общение с третьими лицами тоже, по возможности, контролировалось. Конечно, частично информация просочилась. Некоторые члены семьи узнали, что летят не в гордом одиночестве, но это уже ничего не изменило.

Собрать всех в одном месте было только половиной дела. Может быть, самой трудной половиной, но все же не целым. Подрыв звездолета представлялся наиболее простым выходом, надежно прячущим концы в воду. Увести его куда-нибудь подальше и... Проблема заключалась в этом самом "и". В данном случае, взрыв вызовет наиболее неблагоприятные последствия. Действовать следовало гораздо тоньше. Звездолет следовало сохранить, чтобы предоставить общественности возможность открытого расследования. Лишь тогда, когда все убедятся, будто произошла трагическая случайность, вопрос и впрямь окажется решенным.

Замысел с пульсаром выглядел жестоким, однако не в случае всякого пренебрежения человеческой жизнью. Она имела ценность только применительно к Либератике — и не более. Мучительная гибель детей, не вопиющая разве что для маньяка, в исходном контексте просто не имела значения. Умерщвленные запредельным излучением, тела сами стали доказательством драматических обстоятельств. Конечно, надо электроникой звездолета

пришлось поколдовать, но всякие следы вмешательства были уничтожены все тем же пульсаром.

Разыграть карту принца оказалось проще, чем предполагалось. Сам он вообще ни о чем не подозревал, лишь подписывая предложенные ему бумаги. Сказывался возраст, а также изрядная отрешенность от суетного мира. Престарелый аристократ, он жил скорее в мире иллюзий, нежели бренной реальности. Приглашения были подлинными, легенда — тоже. Солидная мзда, экономические преференции или влиятельная протекция помогали найти подход практически к любому. Заинтересованные люди из канцелярии его высочества исполнили все в лучшем виде. От кого-то из них впоследствии следует избавиться, зато пара-тройка пригодится и впредь. Кандидатуры уже намечены. Их лояльность станет не лишней, поскольку глобальное доминирование пока еще в отдаленном будущем. Однажды, когда проект достигнет нужного уровня, всякая надобность в прихвостнях отпадет, но до тех пор от преданных слуг и продажных негодяев отказываться не стоит.

Наиболее уязвимой фигурой в замысле была сама Элеонора Дивенхайм. Только она могла все испортить, причем не столько "до", сколько "после". Старания пойдут насмарку, если она, в порыве эмоций, покинет Либератику, да так, что утратит для нее всякую пользу. Утратит то, ради чего было предпринято множество усилий. Применительно к проекту, никого не интересовало благополучие Элеоноры фон Геннингшафт. Как и в случае с Рубертом Тейдлицем, проект защищал ее именно как будущего выпускника Либератики, обладающего полезным положением в обществе и еще более полезными связями. Отпускать ее было ни в коем случае нельзя. С другой стороны, любое принуждение также грозило весьма непредсказуемыми последствиями. Лучшим примером тому служили нижние ярусы, чья результативность оценивалась не более тридцати процентов. А один из трех — это удручающее расточительство материала, допустимое только тогда, когда другого выбора просто не остается. И то этот один из трех считался с натяжкой, ибо к таковым относился любой положительный эффект, а не одно лишь полноценное внедрение.

Выслушав соображения Мартьялы, Вергизий Дель Годро не собирался менять своего решения. Ее идею он уже и сам успел обдумать, после чего отринуть. Он говорил с ней только из вежливости. Из вежливости же он все и разъяснил.

— Не торопи события, — не столько предложил, сколько велел ректор. — Пусть Элеонора Дивенхайм сама надумает, как ей поступить. Возможно, нам и делать ничего не придется. Мы занимаем выжидательную позицию и реагируем в зависимости от ее пове-

дения. Только так, и никак иначе. Это — наиболее рациональный выход из положения.
— Но не могу же я просто сидеть сложа руки! — насупилась Дормербруг, рассчитывавшая несколько на иной результат.
— Мартьяла, если тебе нечем заняться, ты вполне можешь помочь Аперхоун на нижних ярусах, — сухо предложил Дель Годро. — Там даже Брегоунту работы хватает, не говоря уже о Карлерихе. Не вмешивайся в дела фон Геннингшафт. Как и за другими, за ней присматривает Ярколич. Когда надо — подмешивает безопасные препараты и проводит незаметную волновую терапию. Состояние всех студентов более-менее стабильное. Не пытайся предотвратить кризис, который ты сама рискуешь и спровоцировать. Ты меня поняла?
— Между прочим, я вхожу в руководящий состав Либератики, и имею право голоса, — недовольно напомнила Дормербруг.
— Однако итоговое решение всегда за мной, — парировал ректор.
— И оно будет оставаться за мной, пока я добиваюсь для проекта прогрессивных показателей.
— ПОКА добиваешься, — выразительно подчеркнула декан. — Ты пользуешься благоволением сверху, и мы вынуждены тебе подчиняться. Не забывай, что там, у нас, я стояла выше тебя, да и многие другие тоже. Здесь ты возглавил проект за достигнутую эффективность, однако твоих методов мы теперь все чаще не разделяем. Оступишься — и поддержки не жди.
— Справедливо, — усмехнулся ректор. — А теперь я настоятельно прошу тебя удалиться. Меня ждут дела.

Слова Мартьялы Дормербруг казались едва ли не вызовом. Вероятно, какой-нибудь здешний политикан именно так бы их и воспринял, однако Дель Годро и ухом не повел. В Либератике не практиковали карьерной междоусобицы и личных дрязг. Все силы, все помыслы направлялись на проект, его продуктивность и благополучие. Мартьяла высказывалась открыто, на что имела полное право. Своим положением Дель Годро был обязан исключительно достигнутым успехам. Пока те подтверждали его правоту, по эту сторону он оставался главным и мог поступать по своему усмотрению. Ни Мартьяла, ни кто-либо другой не старались его обойти или скомпрометировать, как принято в человеческом обществе. Они работали на совесть, просто зачастую видели ситуацию по-другому. И если однажды это "по-другому" окажется для дела более целесообразным — что ж, так тому и быть. И не подумав разгневаться на Дормербруг, ректор вернулся к прерванной работе. Генераторы квантового поля набирали мощность, потребляя все больше энергии. Близился сеанс связи. Дель Годро пред-

стояло сделать очередной доклад, на котором он сумеет обозначить новые успехи. Перебирая документы, он уже заканчивал проверять последние сводки, как вдруг на его персональный интерфейс поступил сигнал тревоги.

Первичный ужас сменила ярость. За ней пришли мольбы, за которыми, в свою очередь, наступила апатия. Она не подавила страх, никуда с первой минуты и не исчезавший, но загнала так глубоко, будто его и вовсе не было. Туда же она загнала и прочие чувства. Кричать, рычать, неистовствовать, просить и угрожать не имело смысла. Никто не реагировал. Еще бесполезнее было пытаться освободиться. Тело не подчинялось. Формально пребывая в здравии, оно оставалось неподвижным, служа полигоном для различных опытов. А их было много. Очень много. Пройдя все фазы, о которых говорила Табия, Лоуди сбился со счета. Теряя связь с реальностью, он тоже порой не осознавал, бодрствует или грезит. Кошмары смешивались с явью, голоса мучителей и жертв не отличались от тех, что мерещились в забытье. Бывали часы, когда Лоуди вообще не понимал, жив он или нет, как не отдавал себе отчета собственного "я". С ним что-то происходило. Эксперименты изучали его сознание, внедряли какие-то проекции, а иногда будто и вовсе замещали кем-то другим.

Товарищи по несчастью испытывали примерно то же самое. Тонувшие в безразличии, они почти не разговаривали, тем более что путались в реальности. Бывало, они ужасно кричали, находясь под влиянием каких-то чудовищных кошмаров. Порожденные не то воображением, не то экспериментом, они наполняли сознание чем-то жутким, бесконечно враждебным и пожирающим каждую нервную клетку. Случались и приступы другого рода. Подопытные начинали говорить, не то сами с собой, не то с невидимым собеседником. Самое странное, что зачастую эти разговоры носили вполне осмысленный характер. Временами, даже весьма научный, с глубоким теоретическим подтекстом. Хотя, конечно, обычно они несли всякий бред, порожденный всей этой дьявольской изоляцией.

Слушая, как несут околесицу Фростер и Табия, Лоуди иногда замечал, что несет ее и сам. Замечал так, между прочим, будто пресловутая правая рука не знала, что делала левая. Правда, последнее время Фростер что-то молчал. Возможно, полностью ушел в себя, и уже не реагировал на всякие раздражители, хотя тому имелось и другое объяснение. Табия говорила, что она здесь не первая. Были и другие голоса, как близкие, так и далекие. И все они в итоге замолчали. Вряд ли причиной тому стало освобождение. Скорее, смерть, как наиболее логичное завершение безумных

экспериментов.

Вероятно, препараты вводились где-то с обратной стороны. Лежа на спине, Лоуди никогда не видел, чтобы к нему протягивалась игла или змеилась какая-то трубка. Отсутствие подвижности не позволяло ему определить, подключен он к чему-то или нет, но это подсказывала логика. В его ложе наверняка была встроена всякая техника, позволявшая беспрепятственно проникать в неподвижное тело. Лоуди не чувствовал уколов, зато фиксировал изменения в кровеносной системе. Физическое вмешательство вряд ли приходило ниоткуда. Его вызывали препараты, поступающие в организм подопытного. Их эффект разнился, от приятно-теплого до жгуче-болезненного. Некое волновое излучение, которому Лоуди регулярно подвергали, усиливало воздействие, модифицировало, а иногда и прекращало. Лабораторная крыса не знает, что ей вводят. Она лишь ощущает происходящее, на радость экспериментаторам, и всем своим поведением предоставляет им массу полезной информации. А ощущений у Лоуди и впрямь хватало хоть отбавляй.

Странные проекции, возникавшие будто дежавю, иногда сменялись и жамевю. Лоуди точно сознавал, что подобное уже происходило, и вместе с тем ему казалось, будто это с ним впервые. А еще ему казалось, будто это не его чувства, а того, другого, кто заглядывал к нему разум как в гостиничный номер или к себе домой. Из-за таких вот явлений Лоуди и переставал понимать, кто он и где он, живет ли он вообще или давно скончался, а в пространстве затухает его остаточная энергия.

Частично иррациональные эпизоды смешивались с физическими. Как и Табии, временами Лоуди мерещилось, будто он воспринимает объекты вне капсулы, и даже может их взять. Это восприятие прямо-таки захватывало мозг и пальцы, как принципиально невозможное и при этом легко осуществимое. Оставаясь неуловимым, адекватному объяснению оно не подлежало, отчего и списывалось на воспаленный бред; в том числе потому, что в организме появлялись и подлинные изменения.

Не все эксперименты ставились только над сознанием. Воздействие на тело прослеживалось вполне отчетливо. В такие моменты Лоуди не чувствовал вмешательства в свой разум, а отмечал физиологические процессы. В крови пульсировала энергия. Нервная система обретала необычную устойчивость. Грудную клетку распирала могучая ширь. Мышцы наливались силой и просили нагрузки, будто умоляя поднять тяжелую бочку или пробить кулаком металлическую дверь. Лоуди чудилось, что сейчас он способен бегать быстрее гепарда, взобраться без страховки на небо-

скреб и прыгать через огромные пропасти. Это впечатление подогревали иллюзии. Кто-то, словно нарочно, навевал ему сцены, где он и впрямь демонстрировал невероятную подвижность. В такие моменты Лоуди окончательно терял связь с реальностью, совершенно не различая, бодрствует или грезит.

Низкочастотное гудение, вызывавшее всякие образы, когда тревожило, когда убаюкивало. Возможно, это была волновая пушка, либо же очередной плод воображения. Под ее мерный рокот Лоуди частенько слышалось всякое, и он давно привык к разным голосам. Он не определял, от кого те исходили: мучителей, жертв или фантомов, обуревавших лихорадящий разум. Он просто фиксировал их как фон, как жужжание мухи или нечто само собой разумеющееся. Однажды один из голосов сказал ему "встань". Этот голос приходил уже давно, проявляясь в сознании таинственным изумрудным светом. Разобрать, кому он принадлежал, и принадлежал ли вообще, не являясь галлюцинацией, возможным не представлялось. Заглядывая украдкой, он исподтишка осматривался, будто не хотел быть обнаруженным, что-то нашептывал, а потом исчезал. Но вот шепот стал более громким и разборчивым. Он больше не шелестел в глубинах мозга, таясь пугливой мышкой. Проступая вполне отчетливо, он уже не бормотал и не наушничал — он предлагал и приказывал.

Выполняя повеление, Лоуди попробовал подняться, но не сумел. Парализованное тело ему ожидаемо не подчинялось. "Прыгай, — сказал голос. — Прыгай вверх, я помогу". Внезапно Лоуди ощущал энергию. Чрезвычайную энергию, забившую ключом и наполнявшую каждую клетку тела. Увещеваемый голосом, он сделал рывок; подскочил, будто подброшенный пружиной. Как — он сам не знал. Его направил голос. Шепнул, каким образом управлять своими неподвижными мускулами и словно сделал это за него. Мутный свет полыхнул слепящей вспышкой, а затем резанул глаза. Послышался громкий металлический звон. Кожу обожгло чем-то острым, и тут же последовал удар. Потеряв равновесие, Лоуди свалился на что-то твердое и холодное.

Странный это был сон. На краях разбитой капсулы виднелись капли крови. Стекая на ее пустое белое ложе, откуда торчали разъемы биокоммуникаций, они окрашивали его алыми пятнами. Такие же пятна появлялись и на полу, сочась с расцарапанной кожи головы и рук. В мутном свете они выглядели как-то особенно зловеще, будто обладали зеленоватым оттенком. Сам же мутный свет источало поле. Фактически, оно им и было, генерируемое лазерными установками. Расставленные вокруг капсулы, они и создавали этот световой барьер, непроницаемый изнутри, но такой

хорошо различимый снаружи.

Лоуди заморгал, впервые видя непроглядную завесу со стороны. Над ней, направленная жалом в капсулу, возвышалась громоздкая волновая пушка. Ее корпус испещряла сетка огоньков, чьи отдельные пуговки сияли крошечными солнцами. Такие же огоньки источало и другое оборудование, стоявшее поблизости с неизвестным назначением. Под ногами что-то зазвенело. Глянув вниз, Лоуди увидел осколки, усеивавшие ребристый пол. Разлетевшиеся от капсулы, они тускло отсвечивали острыми краями, где краснела быстро запекавшаяся кровь. В сознание проникла сирена. Надсадно заверещав, она принялась терзать слух немелодичным завыванием, сопровождаясь игрой красных гирлянд. Тут Лоуди осознал, что слышит чьи-то крики. Здесь, рядом, по ту сторону мутного света и как будто бы из чего-то похожего на диспетчерскую. В памяти возникла устойчивая ассоциация с интонациями мучителей. "Беги! — велел голос. — Беги со всех ног!" И Лоуди побежал, удивляясь правдоподобности дурного сна.

Капсул было много. Они формировали ячейки, утопленные в стенах коридора. Пробегая мимо, Лоуди отмечал прозрачные оболочки, окруженные типовым свечением. Часть из них пустовала, в остальных находились люди. Утопленные в белое ложе, они неизменно смотрели вверх, как прежде смотрел и сам Лоуди. Как, должно быть, невидящими глазами смотрит и сейчас. Удивительно реалистичная иллюзия! Она даже подсказала, что капсулы это своеобразные хранилища, где подопытные вели жалкое существование, дожидаясь своего часа. Волновая пушка и различная аппаратура располагались только в зоне активных экспериментов.

За доставку отвечал транспортер. Встроенный в коридор, он бесшумно скользил по направляющим, выдвигая фиксаторы и захваты. Забирая площадку с капсулой, он аккуратно доставлял ее куда следует, совершенно незаметно для обездвиженного обитателя. Тем же манером он возвращал ее обратно, неизменно окруженную мутным светом. Это стало очевидно, когда одна из вынутых капсул появилась в поле зрения. Сигнал тревоги застал ее в процессе перемещения, и она застыла на транспортере вследствие отключения оборудования. Лоуди отметил это мельком, пробегая мимо с головокружительной скоростью, и вдруг выскочил на робота. Точнее, это тот на него выскочил, объявившись из-за угла.

Ряды параллельных коридоров соединялись перпендикулярными проходами. На таких перекрестках было видно, что эти ряды тянулись вдаль, теряясь где-то в полумраке рассеянного освещения. Их количество и расположение напоминало технологичный улей, где вместо сот стояли капсулы с подопытными. Невольно за-

вороженный, Лоуди хотел рассмотреть побольше, но это ему не удалось. Подняв манипуляторы, оснащенные трескучими излучателями, робот изготовился выстрелить. "Прыгай!" — велел голос. В мгновение ока Лоуди подскочил до потолка, взмывая с легкостью пушинки. Полыхнув голубоватым светом, оружие выстрелило в пустоту. "Бей!" — предложил голос. И Лоуди ударил. Приземлившись позади робота, он крутанулся волчком и шарахнул ногой что было силы. Гремя будто консервная банка, робот отлетел и покатился по полу, сшибленный как простая кегля.

Нереалистичность удара, отшвырнувшего тяжелую машину, окончательно убедила Лоуди, что все происходящее — наваждение. Теперь он и не думал оспаривать веления путеводного голоса, а просто следовал им, благо что никаких усилий для этого совершать не приходилось. Налево, значит налево; прямо, значит прямо. Дважды миновав перекрестки, он очутился в очередном ряду с капсулами и там натолкнулся сразу на целый отряд роботов.

Это было как в компьютерной игре. Лоуди ощущал себя персонажем, которым управляет джойстик, и управляет чертовски умело. Как в игре он и двигался, совершая едва ли физически возможные действия. На месте он не стоял, перепрыгивая на стены и потолок. Отскакивая от них будто мячик, Лоуди перемещался с немыслимой скоростью. Роботы стреляли непрерывно, однако в него не попадали, либо промахиваясь, либо поражая друг друга. Тот, кто нажимал на кнопки джойстика, именно этого и добивался. Маневрируя телом Лоуди, он опережал роботов как в замедленном кино. Подхватив манипулятор, оторванный выстрелом и еще искривший, он воспользовался им как оружием. Точнее, воспользовался Лоуди. Как — он и понятия не имел, но главное, что об этом знал голос. Закоротив всего две клеммы, свисавшие из механизированной руки, он расстрелял ближайшие машины. Затем, продолжая молниеносно прыгать, перебил и остальных, так и не сумевших в него попасть.

Грохнула, взорвавшись, одна из капсул, поврежденная интенсивной очередью. Кажется, пустая, однако Лоуди не успел хорошенько рассмотреть. Голос велел ему бежать, ибо сюда поспешала погоня. Стычка с роботами стала лишь началом. Динамичный сон, он же фантастическая игра, вступал в самую активную фазу, где от Лоуди требовалась вся его прыть. В сравнении с прежним кошмаром, когда он безвольно лежал подопытным кроликом, это было настоящее развлечение. Пусть и иллюзорное, оно позволяло отвлечься от реальности и позволить себе хоть немного свободы. И Лоуди позволил. Стремительными прыжками, перескакивая со стен на пол, он понесся куда-то вглубь коридоров, куда

велел неизменный голос.

Противник стягивал силы. К роботам добавились андроиды, а к ним, в свою очередь, мобильные станции безопасности. Выставляя заслоны, они занимали коридоры там, где их не закрывали шлюзы. Голос приказал этим воспользоваться. Считая шлюзы непроходимыми, противник поставил у них минимальную охрану, и сделал большую ошибку. Лоуди налетел разящим вихрем. Оторванный манипулятор уже не стрелял, однако служил наподобие дубинки. Мощнейший удар раскурочил корпус ближайшего робота, пробив ему грудину. Робот упал, дымя и искря, а следом за ним упал и соседний андроид. Его голова, сшибленная с плеч, отскочила от стены и покатилась будто неровный шар. Лоуди, тем временем, уже занимался шлюзом.

Стальной заслон выглядел нерушимым. Перекрывая коридор, он герметично блокировал секцию, помогая отсечь беглеца от прилегающих областей. Ухватившись за трубообразную ручку, Лоуди рванул ее на себя. В успех он не верил, однако не мешал голосу руководить. Во сне ведь и не такое бывает — на то он и сон. И вдруг, как во сне, сталь действительно подалась. Смятая пальцами, она заскрежетала, погнулась и лопнула. Шлюзовая дверь, вырванная голыми руками, была с диким лязгом отброшена в сторону. Истошно заверещав, система безопасности возвестила о нарушении периметра. Тут же рядом стал плавиться металл, проедаемый зажужжавшими выстрелами. К месту взлома приближалась вооруженная охрана. Не дожидаясь, когда его подстрелят, Лоуди сделал кувырок в раскуроченный шлюз.

Ряды, ряды… Коридоры, коридоры… Сколько же здесь было капсул? Тысячи? Пожалуй, десятки тысяч, если предположить, что ярус не один. Проворно избегая роботов, Лоуди вступал с ними в скоротечные стычки, неизменно выходя победителем. Оставляя позади обломки, он следовал сетью проходов, пробивая на своем пути шлюз за шлюзом. Не понимая, куда бежит, он просто слушал голос, полностью отдавая себя его власти. Та же непрерывно нарастала, затмевая разум изумрудным свечением.

Взаимодействие "голос-послушание" было довольно простым. Все, что требовалось от Лоуди — не сопротивляться. Тело подчинялось само, совершая головокружительные скачки и сверхскоростные движения. Попытка воспрепятствовать оказывалась довольно болезненной. Она вызывала жжение в сосудах, головные боли, мышечные спазмы и моментальную дезориентацию. Послушание мгновенно снимало эти ощущения. Отдаваясь велению голоса, Лоуди словно плыл по течению, направляемый рукой умелого лоцмана. А тот и впрямь вел его весьма умело. Сам Лоуди давно бы уже

пал, сраженный очередью, или же наткнулся на захваты особо ретивого робота.

Появление живого персонала резко осложнило ситуацию. Вооруженный чем-то посерьезнее, он стрелял энергетическими лучами, состоявшими из череды колец. Во всяком случае, так их видело внутреннее зрение, не иначе навеянное способностями голоса. Очутиться в зоне поражения этих лучей ничего хорошего не предвещало. Так, опять же, подсказывал голос. Беготня среди капсул его давно не прельщала. Кажется, он искал какой-то выход и, наконец, нашел. Это была труба, не иначе проходившая между этажами. Подскочив к ней вплотную, Лоуди выполнил приказ, не без интереса ожидая, что произойдет. Удары кулаками пробили листовой металл. С костяшек закапала кровь, но он не чувствовал боли. Ухватившись за рваные края, он поднатужился и разорвал прочный сплав будто мягкую жесть. Расширив дыру, он изогнулся и скользнул в нее с ловкостью змеи. Внутри тут же загудело. Вероятно, причиной тому были провода, сорванные из внутренней укладки и закороченные все одновременно. Налетев откуда-то снизу, воздушный напор упруго стеганул Лоуди и швырнул вверх по трубе.

Вентиляционная камера свистела и надрывалась. Оказавшись в компрессорном отсеке, Лоуди слегка растерялся, однако уповал на всеведущий голос. Тот мешкал. Судя по всему, он и сам не знал, куда податься, выбирая исключительно наугад. Все эти трубы, каналы, ревущие насосы — от шума и давления воздуха просто голова шла кругом. Лоуди не понимал, как он до сих пор не проснулся, и лишь дивился на происходящее. Сумасшедший ветер хлестал его по лицу и норовил сбить с ног. Лоуди держался каким-то чудом, продолжая совершать невероятные прыжки. Его поразительная сила и запредельная ловкость позволяли лавировать даже в столь безумном вихре. Выискивая путь, голос кидал его из стороны в сторону, веля хвататься за любые выступы. Пару раз Лоуди чуть не сорвался, болтаясь всем телом в свирепом ветре. Обдирая ладони, он повис на решетке радиатора, и вдруг оглушительный вой вентиляции прекратился.

Компрессорные станции издали протяжный затухающий гул, а затем остановились. Остановился и воздух, перестав терзать уши надсадным свистом. Но ненадолго. Пользуясь паузой, голос как раз выбрал направление, когда насосы заработали вновь. Утробно рыкнув, они принялись надрываться пуще прежнего. Воздух опять пришел в движение, только теперь в другую сторону. Скорость его потока кратно увеличилась, создавая резкий перепад давления. Ветер все свистел и свистел, а давление все изменялось

и изменялось, пока Лоуди, наконец, не осознал, что вот-вот очутится в вакууме. Кто-то выкачивал атмосферу, и делал это тем интенсивнее, чем быстрее беглец пытался выбраться из вентиляции. Этот кто-то успел раньше. Обнаружив выход, Лоуди приник к запирающему вентилю, когда дышать стало нечем. Свист прекратился. Вокруг воцарилось сплошное безвоздушное пространство.

И снова Лоуди убедился, что это сон. Его грудь бесполезно вздымалась, однако он даже не задыхался и вроде как не собирался умирать. Он чувствовал дискомфорт — и только. Он не совсем понимал, где берет кислород, однако во сне это вряд ли имело значение. Не иначе, голос запас его на клеточном уровне, как делают ныряющие животные, и теперь расходовал по мере необходимости. Так, по крайней мере, Лоуди показалось, когда он пассивно наблюдал за процессами в своем теле. Наблюдал на уровне подсознания, фиксируя внутреннее воздействие голоса. Все-таки странной тот был штукой. Он умел не только нашептывать и управлять движениями — он еще искусно использовал поразительные, прежде недоступные ресурсы организма. Вытворяя такие вещи, Лоуди походил на супергероя, преисполненного сверхъестественной силы. Жаль только, что во сне, и что он не мог обрушить ее на головы своих мучителей. А вот, кстати, и они! Выламывая дверь с вентилем, оказавшуюся гораздо крепче прежних, Лоуди услышал, как они подбегают с другой стороны.

Этот путь был отрезан, и времени терять не стоило. Упав на четвереньки, Лоуди поскакал со скоростью гепарда, преследующего добычу. Пожалуй, даже быстрее. Несмотря на вакуум, он бежал, петлял, поворачивал, и в итоге запутался, куда вообще направляется. Голос вел его по каким-то своим ориентирам, пока не толкнул к очередной трубе. Упираясь всеми конечностями, Лоуди вскарабкался по ней как паук, ускоренный в сотню раз. И вот последовала новая череда ударов. Пробивая насквозь металл, он проделал внушительную брешь, куда тут же хлынул воздух. Там, снаружи, вакуума не было, и яростный вихрь едва не унес Лоуди в трубу. Он удержался. Орудуя одной рукой, он сумел расширить дыру и протиснуться мимо острых краев, несмотря на атмосферный напор.

Ярусы с капсулами остались позади. Во всяком случае, здесь было нечто совсем другое, похожее на транспортный тоннель. Точно! Это и был транспортный тоннель! Появившись вдали, к Лоуди приближался овальный вагон или что-то в этом роде. Голос долго не раздумывал. Убегать он не стал. Наоборот, он велел совершить встречный рывок, и Лоуди понесся навстречу транспорту. Прыжок. Удар. Пробив лобовой экран, Лоуди кувырнулся

внутрь и грузно ударился обо что-то твердое. Перегрузка была чрезвычайной. По идее, он должен был умереть или, как минимум, потерять сознание, однако ничего такого не произошло. У него даже кости были целы, а конечности продолжали повиноваться. Это выяснилось тотчас. В транспорте кто-то сидел. Робот или нет — Лоуди не разобрал. Вскочив, он шарахнул этого кого-то головой о кресло и вывел из игры. Затем выбил дверь наружу и выскочил туда прежде, чем салон залила аварийная пена.

Система тоннелей также напоминала лабиринт, в котором, не зная пути, поди сориентируйся. И все же тут было не так, как на ярусе с капсулами или в системе вентиляции, самой по себе смахивавшей на ловушку. Тоннели располагали к маневрированию, а их структура к укрытию от преследователей. С другой стороны, и перекрывались они куда надежнее. Ближайший заслон оказался герметичной стеной, способной выдержать и атомный взрыв. Сверхсила Лоуди была ему нипочем, и никакого способа открыть неприступную конструкцию не имелось. Такой же заслон заблокировал и другой тоннель, а затем третий и четвертый.

Похоже, преследователи отсекали беглеца чисто механически, запирая его внутри секции. Лоуди отнесся к этому флегматично, однако голосу их затея не нравилась. Он требовал активности и побега. Кажется, он понимал, что бесконечно долго удирать не удастся, но жаждал узнать об этом месте как можно больше. Составляя ментальную карту, он будто бы транслировал ее куда-то, пользуясь странным, ведомым лишь ему одному излучением. Принимал ли его кто или нет — Лоуди не знал, как не знал, похоже, и сам голос. Словно солдат, он выполнял свой воинский долг, а там уж как получится.

Технический коридор стал настоящим спасением. Сокрушив туда дверь, Лоуди нырнул в узкий проход, предназначенный для сервисных роботов. Шлюзовые двери там тоже имелись, однако они преодолевались с помощью обычного замыкания. Пробивая настенные шкафчики, Лоуди ломал их внутренности, яростно искрившие электричеством. Пальцы при этом страдали, однако боли он по-прежнему не чувствовал, равно как и воздействия тока. А вот ожоги появлялись. Лоуди видел их мельком и поражался, насколько быстро они заживают. Кожа регенерировала на глазах, восстанавливаясь в считанные минуты. Так вот почему у него не шла кровь, да и порезы куда-то подевались! Они просто затянулись, полностью восстановившись от повреждений! Да-а, приснится же такое…

За очередным шлюзом открылась шахта. Вертикальная, она вела куда-то туда, где виднелся яркий свет и откуда доносились

мелодичные звуки. Что это? Неужели щебетание птиц? Возможно, ведь свет так походил на дневной, излучаемый теплым летним солнцем. В воздухе веяло свежестью, напоенной густым ароматом тропического леса. Управляемые голосом, глаза Лоуди обозревали шахту. "Парк. Сектор H41" гласила надпись, выведенная на противоположной стене. Рядом виднелись перекладины лестницы, утопленной в толщу бетона. Один прыжок — и Лоуди повис на них, крепко вцепившись пальцами, а затем стал карабкаться вверх проворнее обезьяны.

Гул внизу возвестил о приближении транспорта. Это поднималась еще одна овальная капсула, большая и вместительная, рассчитанная десятка на три пассажиров. Опередить ее Лоуди не успевал. Недолго думая, голос велел ему повторить прием. Отпустив перекладины, он спрыгнул вниз и пробил потолок, мгновенно лопнувший от удара. Рухнув в салон, Лоуди тут же вскочил на ноги и услышал короткий свист. В воздухе промелькнули крошечные заряды, похожие на рой жалящих пчел. Они и выглядели роем, и жалили действительно не хуже. Двое в скафандрах, стоявшие в разных концах салона, выпустили их встречными облаками, уклониться от которых не было никакой возможности.

Лоуди не почувствовал уколов, хотя заряды впились в него со всех сторон, глубоко проникая под кожу острыми иглами. Обуянный яростью, он хотел ринуться на врагов, но внезапно понял, что пол уходит у него из-под ног. Впрыснув содержимое ампул, иглы сделали свое дело. Голос кричал и приказывал, но его власть ослабла, а потом и вовсе исчезла. Обильно поступая в кровь, неизвестное вещество оказалось сильнее. Лоуди обмяк. Заваливаясь на колени, он покачнулся и мешковато рухнул на бок, подрагивая поникшими руками. Сверхъестественные возможности ушли, сменившись непреодолимой слабостью. Затем исчезла и она, уступив место пустоте. Сон заканчивался. Паралич, присущий реальности, возвращался.

Зеркальные лицевые экраны не позволяли определить, кто находится внутри, но эти кто-то проявляли осторожность. Их цель была поражена, а они, не опуская оружие, не приблизились к ней ни на шаг.

— Нейтрализатор действует, — глухо сказал один из скафандров.

— Всади еще, для верности, — предложил второй.

Лоуди задергался, не ощущая боли, но физически реагируя на серию уколов. Полностью утратив чувствительность, его тело словно перестало существовать. Разум затуманился. Голос в нем уже не командовал и не доминировал. Он растворялся в какой-то дали, ускользая в огромный низко гудящий зев. Последнее, что заметил

Лоуди искрой сознания — это черную дыру, неизвестно как проникнувшую через дневной свет и джунгли. Те джунгли, куда вынырнула из шахты пробитая капсула, и где остановилась, окруженная со всех сторон фигурами в скафандрах. Дальнейшего Лоуди уже не увидел.

Сайлус восстанавливался тяжело. Физически его тело окрепло быстро, однако работа головного мозга оставляла желать лучшего. Его несколько раз выводили из медицинской комы, а потом возвращали в нее обратно. Нарушение нейронных связей фиксировалось повсеместно, и у врачей вообще не было уверенности, сумеют ли они сохранить пациенту рассудок. Во всяком случае, в том его виде, в котором он пребывал до последнего эксперимента. Не справившись с нагрузкой, нейроны едва не перегорели, чем обычно все и заканчивалось у изначально непригодных объектов.

Врачи делали что могли. Реанимируя поврежденные связи, они выращивали новые клетки и соединяли между собой разрозненные участки. Личность Сайлуса собиралась как зеркало, разбитое небрежным обращением — аккуратно, неторопливо, по кусочкам. Один за другим возвращались воспоминания. Обретая прежнюю целостность, оживавший мозг обретал и прежнее "я", едва не разорванное в клочья. Врачи не брались предсказать, удастся ли им вернуть пациента на сто процентов, и будут ли у него какие-то провалы в памяти. Сканируя мыслительную активность, они сверяли ее волны с архивными образцами и старались максимально точно воссоздать пострадавшие участки ткани.

Наконец-то придя в себя, Сайлус не до конца осознавал происходящее. Последние события он помнил фрагментарно, да и в предыдущих у него хватало провалов. Его восприятие напоминало мозаику, из которой выпала часть элементов. Издали рисунок выглядел целостным, но по мере приближения выявлялись дефекты, а совсем вблизи становилось ясно, что некоторые детали и вовсе отсутствуют. Натыкаясь на эти пробелы, мозг пытался заполнить их уж как умел, что приводило к появлению ложных воспоминаний. В частности, о том, чего Сайлус никогда не видел, и о чем даже не знал. Так говорили врачи, объясняя, что с ним произошло. Они же не могли сказать, что эти ложные воспоминания появились в результате эксперимента, и были очень даже настоящими. Скрывая истинную подоплеку дела, они внушали пациенту подходящую легенду, даже не подозревая, что тем самым скрывают и кое-что еще.

Лежа в индивидуальном боксе, Сайлус, мало-помалу, обретал прежнего себя. В этом ему помогала Алия, наведываясь с заботливой регулярностью. Беспокоясь о его самочувствии, она обещала

полное выздоровление и неизменно блестящее будущее. Произошедшее она объясняла чрезмерной нагрузкой в процессе интенсивного обучения. Мол, такое бывает, из-за чего все студенты Либератики и находятся под медицинским присмотром. Сайлус кивал, и не помышляя кого-либо обвинять. Он прекрасно помнил условия договора, а также причину, по которой его вообще не хотели принимать. Речь там как раз и шла про означенную нагрузку, с особым акцентом, что он может ее не выдержать. Настояв на поступлении в Либератику, Сайлус добровольно взял риск на себя, и теперь обвинить университет просто не мог. Ободренный визитами Алии, он рвался поскорее вернуться в строй, чем и впрямь способствовал своему выздоровлению. По крайней мере, частичному, поскольку в голове временами творилось черти что.

Ложная память преподносила неприятные сюрпризы. Мимолетно проявляясь, Сайлус видел странные образы, однако не успевал их как следует распознать. Они исчезали быстрее, чем фокусировалось его сознание. Это оставляло гнетущее чувство. Сайлус помнил сам факт воспоминания, но при этом был в не состоянии сообщить, о чем оно. Это походило на черную дыру, внутри которой некая информация точно есть, только и извлечь ее нет известной возможности. Вероятно, так ощущали себя люди с деменцией. Они не забыли, что позавтракали, только и назвать при этом съеденное не могли. Сайлус же, в свою очередь, не мог пожаловаться врачам на то, что у него не получалось пересказать. Хорошенько окрепнув, он был готов вернуться к привычной жизни, однако выписка не означала стопроцентного восстановления. Покидая бокс, он полнился энергией, только и смутные провалы никуда не делись.

Возвращению Сайлуса никто особо не обрадовался. Впрочем, и не расстроился. По большому счету, соседи по дому даже не заметили, что он вообще куда-то исчезал. Встретив его в холле, Эрвина молча прошла мимо. Также поступил и Руберт. Из привычной вежливости, приветствие отпустила только Элеонора, на которое Сайлус не ответил. Погруженный в себя, он не увидел даже Руслану, с которой, вопреки обыкновению, не поздоровался. Пройдя в свою комнату, он заперся и не выходил, силясь привести мысли в порядок.

Негромкий, но настойчивый стук вернул Сайлуса к действительности. Прекратив бродить из угла в угол, он остановился, бросив удивленный взгляд на дверь. Кроме Фростера, к нему никогда никто не заходил, а отчисленный неудачник давно отбыл. Увы, дополненная реальность не позволяла увидеть, кто стоял на пороге, ибо студенты не имели доступа к системе видеонаблюдения. А!

Должно быть, это Алия! Обрадованный нежданным визитом, Сайлус тут же открыл и увидел совершенно незнакомого мужчину.
— Прошу прощения за беспокойство. Я пришел проверить, как проходит ваша адаптация после выписки, — пояснил тот.
— А вы, собственно, кто? — осведомился Сайлус.
— Меня зовут Баюди Грайслер. Я ваш курирующий врач, — представился визитер.

Пришедший не солгал. Он действительно был врачом — одним из той бригады, которая принимала экстренно поступившего Сайлуса. Ярколичу требовался специалист, чтобы присматривать за выписанным пациентом, и этот медик предложил свои услуги. Не отказавшись от добровольца, Ярколич вверил ему Сайлуса и обязал отчитываться через каждые двенадцать часов. Не откладывая дело в долгий ящик, медик тут же нанес визит своему подопечному.

Едва покинув бокс, Сайлус был не очень-то рад столь быстро узреть очередного врача.
— Это обязательно? — скривился он. — Разве его недостаточно?
Уточнение относилось к наручному браслету, предъявленному указующим жестом.
— Он фиксирует жизненные показатели, но не регистрирует ваше психологическое состояние, — пояснил врач. — Заверяю, мои визиты не станут для вас обременительными. И вашим встречам с Алией Ферран они тоже не помешают.
Последняя фраза застала Сайлуса врасплох. Растерявшись, он невольно отступил назад и позволил медику войти. Закрыв дверь, тот шагнул к пациенту и тут же приступил к выполнению своих обязанностей. Не иначе собираясь осмотреть внутренние веки, он подошел вплотную, коснулся пальцами лица Сайлуса и посмотрел прямо в глаза.

Сны были тревожными. Мутные, как илистая вода, и тяжелые, будто свинцовая рубаха, они давили на грудь, скрадывая дыхание, и дурманили голову. Сайлус снова блуждал в лабиринте. Он плохо понимал, что делает. Он знал лишь то, что опять хочет отыскать его конец, только понятия не имел, зачем. Он вообще не был уверен, его ли это желание или чье-либо еще. Он просто воспринимал его как нечто само собой разумеющееся и брел сквозь череду невнятных дорог. Стен, как таковых, вроде и не было. Все вокруг расплывалось, а Сайлус шагал туда, куда указывал ему внутренний компас. Не имея физического воплощения, тот обладал некой путеводной стрелкой, направляя каждый шаг и подсказывая где повернуть.

Лабиринт снова менялся. Декорации в виде улицы с фонаря-

ми сменились лифтом. Гудя и покачиваясь, тот перевез Сайлуса в каменный коридор, чьи стены уходили высоко под открытое небо. Особо петлять не приходилось. Неровный камень тянулся далеко, но прямо, нагромождаясь там и сям разнородными выступами. Ступая по замшелой дорожке, Сайлус слышал журчание воды и вдыхал терпкие запахи, с каждым шагом становившиеся все более густыми. И вдруг дорожка кончилась. Круто взяв кверху, она поднялась из глубины и вывела на прогалину, подле которой теснился тропический лес.

Терпкие запахи достигли апогея. Их источали цветы, в изобилии растущие у подножия кряжистых стволов; они исходили от кустарника, усеянного колючими плодами; ими были прямо-таки насыщены сочные, усеянные лепестками лианы. В зеленой выси сплетались широкие кроны. Ветви и висячие мхи составляли единую, едва ли разделимую завесу. Лес выглядел непроходимым, но в нем виднелась тропа. Образуя подобие арки, заросли расступались, приоткрывая свой глубинный полумрак, а затем смыкались еще плотнее. Путеводный компас не колебался, уверенно указав направление. Повинуясь его незримой стрелке, Сайлус пересек прогалину и вошел под покров буйных джунглей.

Свисая в карстовую воронку, узловатые корни держали гроздья прелой земли. Глубокая и вертикальная, она возникла прямо посреди леса, прихотью ушедших подземных вод. Очутившись на ее краю, Сайлус подумал, не ловушка ли это, когда в лабиринте неожиданно объявилась чья-то фигура. Это было ново. До сих пор он никого не встречал — так, смутные пятна, больше похожие не столько на виртуальных людей, сколько на фантомы или плод воображения.

— Как вы сюда попали?! Что вы здесь делаете?! — сурово вопросила фигура.

Это тоже было ново. Сайлус заморгал, не совсем понимая, как ему поступить. Затем решил ее проигнорировать, пойдя вдоль края воронки.

Маневр не остался без внимания. Фигуре он явно не понравился. Приблизившись, она преградила Сайлусу путь и потребовала ответа. Поскольку того опять не последовало, она пригрозила силой, и вдруг ее поведение резко изменилось.

— Э, да вы в себе ли? — озабоченно произнесла она.

Сайлус ощутил, как его пошлепали по щекам и легонько встряхнули. В лицо пахнул свежий ветер, а дурман, туманящий мозг, развеялся. В глазах прояснилось, и все расплывчатые образы обрели полную ясность.

— Вы как, в порядке? — пытливо осведомилась фигура.

Нет, Сайлус не был в порядке. К своему изумлению и оторопи, он вдруг осознал, что находится в парке; ночью, стоит посреди тропического леса, на какой-то лужайке возле глубоченной дыры. Лужайка оказалась парковочной площадкой, а дыра — шахтой для транспортных капсул, возле которой Сайлуса задержал сотрудник университета.

Студентам не возбранялось посещать парк в любое время суток. Проблема заключалась в том, что Сайлус проник в закрытую зону. Недавно тут произошла небольшая авария — так, ничего серьезного. Одна из капсул вышла из строя и частично разбилась. Пострадал пассажир, из числа персонала Либератики. Его увезли врачи, а сектор, на всякий случай, опечатали, до выяснения всех обстоятельств. Окруженный защитным полем, он был недоступен для посещения, и появление Сайлуса застало службу безопасности врасплох. Врасплох оно застало и самого Сайлуса, который решительно не понимал, как здесь оказался.

Сообразив, что молодой человек в прострации, охранник окончательно перевел его из разряда нарушителей в рассеянные бестолочи.

— Вы что, не видели, что тут запретная зона?! — беззлобно сердился он. — Проверьте свою карту!

Перефокусировав взгляд, Сайлус изучил подсказки в интерфейсе дополненной реальности. Да, действительно, сектор был закрыт для посещений по техническим причинам.

— Как вы сюда попали?! — в который раз вопросил охранник.

Сайлус сбивчиво объяснил, не без труда припомнив каменный коридор и журчавшую воду. Коридор оказался ущельем, а вода ручейком, и оба вполне себе настоящими.

— Внимание! У нас брешь в периметре! — тут же доложил кому-то охранник, убедившись, что Сайлус не лжет. — И как мы ее проглядели… — пробормотал он, ничуть не подозревая студента в дурном умысле.

В зависимости от ситуации, отсутствие вины не всегда послужит основанием для освобождения. Спросив, может ли он идти, Сайлус получил отрицательный ответ.

— Нарушителя задержать! Доставить дежурному! — велел охраннику чей-то строгий голос.

— Эй, руки прочь от моего пациента! — объявился на канале Баюди Грайслер. — Я уполномочен Ярколичем! Этот молодой человек еще не совсем здоров. Он под моей опекой. Сейчас я прибуду за ним лично.

— Хороша опека! Ваш пациент разгуливает в запретной зоне, а вы ноль внимания! — возмутился голос.

— Хороша ваша запретная зона, если в нее может попасть даже сомнамбула! — парировал Граймер.
— Явитесь за своим пациентом в службу безопасности! Там составят на вас рапорт! — рассердился голос.
— Я сейчас же отвезу пациента к нему домой! И тогда НЕ составлю рапорт о вашей, на поверку, дырявой безопасности! — сурово предложил Граймер.
Строгий голос запнулся. Затем, взвесив все за и против, решил принять компромиссное предложение.

Словно потерявшийся ребенок, Сайлус вел себя пугливо, но смирно. Он не понимал, как очутился в джунглях, да еще на самом краю транспортной шахты. Он вообще ничего не понимал, следуя за врачом послушной овечкой. Ложная память по-прежнему жгла его сознание сокрытыми образами. На мгновение вспыхивая, они тут же забывались, заставляя мучительно гадать, что же это такое было. К сожалению, записать мысли как фильм возможным не представлялось. До такого техника не дошла даже в Либератике, иначе Сайлус сумел бы узнать, что же ему мерещится. Да и не только он. Эта запись могла заинтересовать многих. Она ответила бы на ряд вопросов, и в том числе на такие, которые до начала просмотра никто и не подумал бы задавать.

Остаток ночи облегчения не принес. Проснувшись в холодном поту, Сайлус еще видел разбитую капсулу, окруженную людьми в скафандрах. Держа оружие наготове, они наблюдали, как из нее выгружали неподвижное тело. Утыканное игольчатыми зарядами, оно было живым. Об этом говорил изумрудный свет, еще теплившийся в его крови и слабеющих нейронах. Свет уходил. Он и заглянул-то ненадолго, пользуясь эффектом гостевого присутствия. Вырвавшись оттуда, где все заглушало излучение, он отправил призыв, ища контакт и передавая собранные сведения. Затем угас, возвращаясь туда, откуда пришел.

Видение ушло. Оно забылось так же, как и предыдущие, но на сей раз сменилось следующим. В сознании Сайлуса промелькнуло то, что было до падения транспорта. Чередой ярких вспышек, события развивались как в кино, только отдельными кадрами и запущенными в обратном порядке. Шахта, тоннель, вентиляция, гудящие компрессоры и пробитая сталь… Вооруженные роботы, не способные сладить с беглецом… Окруженные свечением капсулы, расставленные длинными рядами… Рывок наружу, пробивший прозрачную оболочку, и приземление на пол, под крики невидимых наблюдателей.

Внезапно перед внутренним взором возникло лицо Фростера. Изможденное, оно недвижно смотрело вверх, не то в соседней

капсуле, не то где-то еще. Где — вообще непонятно, поскольку оно тут же исчезло в изумрудном свете, мгновенно поглотившем все сознание. Таком же, какой исходил от тела в разбитом транспорте, от черной дыры, и от каждого мимолетного видения, жадно поглощаемого изумрудными глазами Грайслера.

Мучительно застонав, Сайлус схватился за виски и тут же забыл, что сейчас видел. Храня какую-то информацию, его память не позволяла заглянуть в нее дольше, чем на мгновение, после чего тут же стирала все увиденное из восприятия. Ощущая воцарившуюся пустоту, Сайлус немного посидел на постели, раскачиваясь из стороны в сторону. Потом опустил голову на подушку и забылся, на сей раз хоть и тяжелым, зато беспробудным сном.

Переживая за подругу, Эрвина явилась прямо к Ярколичу. Как обычно, ее никто не останавливал, поскольку персоналу было известно об интересе главного медика к этой студентке. Миновав всех дежурных врачей, она свободно вошла в приемную. Дверь личного кабинета оказалась приоткрыта. Оттуда, нарастая, неслись раскаты голоса Ярколича.

— Я куда смотрел?! У тебя еще хватает наглости винить меня?! Скажи лучше, какой идиот совместил волновое излучение с экспериментальными генетическими стероидами! — возмущался он.

Заинтригованная, Эрвина невольно сдержала шаг, а затем и вовсе остановилась, нахально подслушивая у самого порога.

— Да мне до лампочки, чего там говорит Карлерих! — бушевал Ярколич. — Мои блокаторы гарантируют лишение подвижности на сто процентов! В обычных обстоятельствах человеческое тело не способно их преодолеть! Слышишь?! В ОБЫЧНЫХ! Это Аперхоун доэкспериментировалась! С нее и спрашивай, что там за коктейль она ввела! И что навеяла в башку! Факт проникновения был уже установлен, и не единожды!

Распаляясь кошачьим любопытством, Эрвина вся обратилась в слух. Затаив дыхание, она навострила уши и ловила каждое слово Ярколича. Его собеседника она не слышала, однако от этого ей не становилось менее интересно. Реплики главного медика были достаточно примечательными, чтобы она хотела оставаться незамеченной как можно дольше.

— А вот об этом спроси у Брегоунта! — продолжал гневаться Ярколич. — Как и жилой комплекс, нижние ярусы в его зоне ответственности! Не он ли клялся, что ячейки жизнеобеспечения неразрушимы?! Даже не пытайся переложить ответственность на меня! Ни всю, ни малую часть!

"Интересно, о какой ответственности речь?" — машинально подумала Эрвина. Приникнув к двери, она изнывала от желания су-

нуть нос в кабинет.
— Вергизий, ты можешь требовать от меня все, что угодно, но сделаю я ровно то, что в моей профессиональной компетенции! И ни квантом больше! — громыхнул Ярколич. — Я еще не готов сделать окончательные выводы! А предварительные результаты давно у тебя!

Имя было слишком примечательным, чтобы принадлежать кому-нибудь другому. "Так это он с ректором так говорит? — изумилась в душе Эрвина. — С этим властным типом, которому половина Либератики и слово сказать боится?"
— Вергизий, не забывай, с кем ты говоришь! Прежде это ТЫ повиновался моей воле, и лишь здесь я вынужден подчиняться тебе! И это вновь может измениться! — словно подслушав мысли Эрвины, грозно заявил Ярколич. — Мне наплевать, что ты доложишь на ту сторону! Я ничего сочинять не собираюсь, и в угоду тебе липовых отчетов не составлю! Попробуешь свалить вину на меня — я молчать не стану!

От жгучего любопытства Эрвина позабыла про все на свете. Просовывая нос все дальше, она едва не влезла в кабинет, увлеченная эмоциональной перепалкой.
— Нет уж позвольте! — грохнул кулаком по столу Ярколич. — Наблюдение за проникновением — это ваша идея, допускать его намеренно! Экспериментаторы! Думаете, научитесь это контролировать и предупреждать?! На пользу проекту?! Возможно! Только сами за последствия и отвечайте! Я говорил, что экспериментальная зона должна быть абсолютно изолирована?! Говорил! Но вам ведь подавай количество, а не качество! Не надо мне рассказывать, что станция не резиновая! Хотели ускорить исследования?! Вот и ускорили!

От бурной экспрессии, напичканной всякой всячиной, аж дух захватывало. Подавшись еще немного вперед, Эрвина задела дверь, и та ответила предательским скрипом.
— А?! Кто здесь?! — тут же воскликнул Ярколич.
У Эрвины душа в пятки ушла. Соображая, не пуститься ли ей наутек, она застыла как статуя, сотворенная взглядом Медузы Горгоны. Прервав разговор, Ярколич быстро приближался, намереваясь разоблачить шпиона на месте. Обуянная спасительной решимостью, Эрвина смело вошла в кабинет.
— Миль пардон, это я, — жизнерадостно заявила она, одаривая главного медика веснушчатой улыбкой. — У вас было открыто, но вы с кем-то беседовали. Я решила не мешать вам и уйти. И тут вы меня окликнули.

Сотворенная впопыхах, легенда получилась так себе. Сделав

ставку на нахальство, Эрвина стойко выдержала взгляд, которым окинул ее Ярколич. Кажется, он прикидывал, много ли услышала незваная гостья и что с этим, собственно, делать.
— Я не люблю, когда мне мешают, — неопределенно заметил он с напряжением в голосе. — Ко мне нельзя вваливаться просто так.
— Так открыто было, — невинно напомнила Эрвина.
Ярколич мысленно чертыхнулся. Второпях, отвечая на вызов Дель Годро, он и впрямь не запер дверь, а затем разбушевался и окончательно про нее забыл. Формально, ничего особенного в этом не было, ибо к нему никого бы и не пропустили. Никого, кроме этой рыжей студентки.

Неприятность ситуации основательно сочеталась с ее случайной нелепостью.
— Подслушивать нехорошо, — пытливо изучая девушку, произнес Ярколич.
— Ваши разносы подчиненных меня не интересуют, — превосходно разыгрывая спектакль, прикинулась непонятливой Эрвина. — Орите на них, сколько хотите — мне дела нет. Я пришла к вам спросить насчет подруги.
— Какой подруги? О чем речь? — невольно озаботился Ярколич.
— Элеонора фон Геннингшафт, моя соседка, — пояснила Эрвина. — Она очень переживает и никак не может решить, ехать ей или нет. А я переживаю за нее. Она говорит, если уедет, то уже может и не вернуться. Ей же придется улаживать фамильные вопросы, принимать все дядины дела. Такое на поверенного не оставишь. А ей учиться надо! Нельзя бросать! Я знаю, что в Либератике строжайшие правила, но можно ли ей получить академический отпуск?
— Вот как? — тут же забыл про все остальное Ярколич. — Ты правильно сделала, что пришла ко мне. Проходи. Присаживайся, и мы поговорим.
Усадив Эрвину, он уселся и сам. Затем, сложив пальцы перед собой, сообщил, что слушает ее очень внимательно.

Обычно персонал Либератики не заходил в студенческие дома без крайней необходимости. Вернувшись от Ярколича, Эрвина торопливо пересекла холл и стала подниматься по лестнице. Поворачивая на площадке, она шагнула было на ступеньку и едва не столкнулась с каким-то человеком. Посторонившись, она скользнула по нему озадаченным взглядом и поняла, что это врач. По крайней мере, так подсказывала нашивка на комбинезоне. Удивившись еще больше, Эрвина встретилась с ним глазами и вдруг испытала очень странное чувство. На мгновение ей показалось, будто в голове появился кто-то еще. Фоном, излучением, скользнув

в ее разуме как бы мимолетом. Отступив на шаг, Эрвина оторопела и заметила, что на лице незнакомца тоже появилось удивление. Он глянул на нее так, словно не видел людей никогда в жизни. Затем, вернув самообладание, извинился за неловкость и расшаркался. Отступив, он пропустил Эрвину и торопливо удалился, едва слышно хлопнув дверью. Потерев переносицу, Эрвина не стала заострять на нем внимание. Ее ждали важные дела.

Устроившись в гостиной, Элеонора пила свой любимый чай, слушая речи Русланы. Осваивая профессию психиатра, та не забывала психотерапию и сочла своим долгом помочь подруге. Потеря множества родственников, душевные метания, пребывание на распутье — все это Руслана понимала очень хорошо, благо что месяцы в Либератике не прошли для нее даром. Как настоящий специалист, она говорила неторопливо, но уверенно, без нажима, и при этом весьма убедительно. Ее фразы были мастерством риторики. Донося до Элеоноры суть проблемы, она никоим образом не давила и не делала за нее выбор. Она позволяла хорошенько все понять и сделать его самостоятельно.

— Ты отговариваешь ее ехать или наоборот? — осведомилась подошедшая Эрвина.

— Да сколько же раз повторять, это не так работает, — выразительно вздохнула Руслана. — Я помогаю ей все осознать, чтобы принять решение. Настоящее решение, а не ложное. То, право на которое принадлежит только ей самой.

— А много ли с того толку? Академический отпуск ей все равно не дадут, — сразу перешла к сути Эрвина.

Пересказ визита к Ярколичу не затянулся. Проникнувшись трагедией с гибелью дядюшки, тот, однако, лишь развел руками. Учебный год в Либератике не переносили, и отнюдь не из вредности или безоговорочно следуя правилам. Все заключалось в особенности процесса обучения. Если студент пропускал слишком много сеансов, весь прогресс полностью утрачивался. Если же он пропускал целый год, его повторный прием оказывался заведомо бесполезен. Либератика гарантировала фантастическую эффективность, выпуская настоящих мастеров, но только в том случае, если отлаженная технология не нарушалась. Промежуточного варианта не существовало. Он получался либо максимальным, либо нулевым. По второму кругу учебные сеансы не работали. Надолго прервав обучение, Элеонора фон Геннингшафт уже не сможет вернуться обратно, даже если за нее похлопочет лично Ярколич. В этом просто не будет смысла.

Вопрос об академическом отпуске был собственной инициативой Эрвины. Подсылать ее никто и не думал. Пользуясь распо-

ложением главного медика, она хотела выручить подругу и получила исчерпывающий ответ.
— Ярколич очень просил никому об этом не говорить, — предупредила Эрвина. — Особенности обучения — большой секрет. Информация о них за пределами персонала не разглашается.
— Тогда почему он тебе разболтал? — поинтересовался Руберт.
Тоже сидя в гостиной, он не вмешивался в разговор, найдя себе занятие у камина. Глядя в иллюзорный огонь, он раскладывал пасьянс и думал о том, попадется ли на сегодняшнем взломе робота или нет.
— Я у Ярколича на особом счету, сама не знаю, почему. Со мной даже старшие врачи здороваются, — скромно опустила ресницы Эрвина. — К тому же он и сам обеспокоен случаем Элеоноры. Ее тоже ценят, как перспективного специалиста, и не хотят потерять.
— Иными словами, Ярколич рекомендовал отговорить Элеонору от отъезда из Либератики? — прямо спросила Руслана.
— И просил меня убедить ее остаться, — кивнула Эрвина. — Честно говоря, после всего услышанного я с ним полностью согласна. Элеонора толковая девчонка. Ее место здесь. Она принесет куда больше пользы, если не бросится решать проблемы прямо сейчас. Пусть делает это по окончании университета, даже если ей придется поступиться какими-то принципами.
— Они так всем говорят! — неожиданно раздался громкий голос. — Здесь вообще не хотят, чтобы студенты покидали Либератику!

В гостиную вошли Джерри и Сильвертина. Джерри был розовее, чем обычно. Его глаза блестели взбудораженным огнем. Сильвертина же наоборот, совсем уж побледнела, а ее взор кротко потупился. Шумно плюхнувшись в кресло, Джерри сообщил, что их музыку приняли очень тепло. Еженедельный сеанс связи с родственниками не прошел даром, а семейные связи Инглтонов очень пригодились. Насочиняв целый альбом, они передали его нескольким продюсерам и получили весьма заманчивое предложение. Мечта Сильвертины фактически начала сбываться, да и Джерри хотел бы последовать тем же путем. Пребывание в Либератике стало терять для них всякий смысл. Оба начали подумывать об отъезде и тут же столкнулись с противодействием университета. Открыто их никто не держал, однако нежелание отпускать читалось практически во всем. Устраивать скандал, как тот же Фростер, Джерри не хотел, а Сильвертина в принципе была девушка безобидная. Совершенно неконфликтный человек, она вообще не стала бы бороться за свою мечту, но тем самым еще больше подогревала возмущение Джерри.

Переключив внимание на музыкантов, Руслана хотела завес-

ти шарманку психотерапевта, однако ей не дали. Вмешалась Шелли. Как ученая, она заговорила, что бросать Либератику глупо. Альбом могут издать и без авторов, а те, закончив университет, пусть выступают на сцене сколько душе угодно. Про запас у них будет солидный диплом и гарантированное место в жизни. Ей тут же возразил собственный брат. Прежде бестолковый, Листас что-то уж больно сильно проникся юридической тематикой. Выступая с позиции адвоката, он заявил, что Джерри и Сильвертина сами имеют право выбора, а любые препятствия к тому есть прямое нарушение закона и повод для иска. Очень серьезного иска, учитывая коммерческое предложение продюсеров и медиакомпании.
— Спасибо, дорогой братец, за солидарность, — ядовито сказала Шелли.
— Тебе декан Дормербруг мозги замылила. Ты ж у нее любимица. Еще бы ты не поддерживала преподавателей! — парировал, умудряясь при этом отжиматься, Листас.

Страсти внезапно накалились. Постукивая пальцами по губам, Руберт размышлял, кого поддержать. Здравый смысл, рекомендовавший не зацикливаться на Либератике, перевешивали личные симпатии к Эрвине. В этот душевный спор вмешивался бунтарский дух, принимавший сторону Джерри. Ему в противовес звучала логика Шелли, как наиболее рассудительная из всей компании.
— Предлагаю не пороть горячку, — увещевала Руслана. — Вами руководят сиюминутные эмоции.
— Какую горячку? Элеоноре либо уезжать, либо нет. Все сроки выходят, — возразила Эрвина.
— Я поступлю так, как лучше для Сильвертины! — возбужденно заявил Джерри, в запале проговорившись о своем настоящем приоритете интересов.
О его сердечных симпатиях все подозревали уже давно, но сейчас он фактически выдал их с головой.
— Если она хочет выступать — она будет выступать, и пусть только кто-то попробует ей воспрепятствовать! — не замечая своей оплошности, продолжил Джерри.
— А мое мнение кто-нибудь хочет спросить? — недовольно осведомилась Элеонора. — Я признательна за дружеское участие, только не надо решать, как лучше, за меня.
— У тебя стресс, ты можешь допустить ошибку! — без обиняков заявила Эрвина, тут же поддержанная Русланой.
— Эй! Никто не смеет навязывать кому-то свою волю! — определился Руберт, вторя Листасу.
— Как дети малые, честное слово! Своего будущего из-под носа не

видят! — возмутилась Шелли.
— Прошу, давайте не ссориться, — подняла увлажненные глаза Сильвертина. — Все как-нибудь образуется.
— Ничего не образуется! — внезапно раздался с порога еще один голос.
Голос, который в гостиной слышать не привыкли. Невольно прекратив перепалку, присутствующие обратили взор ко входу. Там, на пороге, возникла фигура Сайлуса Честерсайда.

Молчание получилось всеобщим. Пораженные явлением антагониста, друзья и соседи молча наблюдали, как он прошел в гостиную и неторопливо налил себе чаю. Затем, усевшись в отдельное кресло, зачем-то вынул из кармана теннисный мячик. Постукивая им об пол, он ловил его столь небрежно, словно только затем и явился, как вдруг сделал резкое и очень сильное движение. Отскочив, мячик упруго отрикошетил в стену и ударился в какую-то зеркальную завитушку, ответившую тихим хрустом. На пол посыпались крошечные осколки, а в сломанной завитушке что-то закоротило. Что-то с матрицей и проводами, очень похожее на устройство видеонаблюдения.
— Куда-то собрались? — осведомился Сайлус, неторопливо обведя всех соседей взглядом. — Уехать хотите?
На его лице не читалась привычная неприязнь к хмырю или рыжей девице. Там не было и нервозности при виде баронессы, и юношеского смущения от созерцания Русланы. По большому счету, оно не отражало ничего, бесстрастное как у игрока в покер. Сайлус выглядел так, словно вообще не испытывал никаких эмоций.
— Тебе-то что за дело? — сердито бросила Эрвина.
Удивленная нежданным визитом, она восприняла его слова как очередную насмешку. Другого ведь от этого типа ожидать не приходилось.
— Вы что, еще не поняли? Никто никого и никуда не отпустит. Потому что никто никого и никуда отсюда еще никогда не отпускал, — неторопливо, без привычного высокомерия, произнес Сайлус. — Тут не воспитывают элитную молодежь и не готовят профессионалов. В этом университете вообще не учат, а лишь создают такую видимость. В Либератике генетически выращивают сверхлюдей, и вы здесь останетесь, хотите того или нет.

– 8 –

Новости поступали неутешительные. Ил продвигался быстрее, нежели предсказывали самые пессимистичные прогнозы. Уже скорректированные, они снова расходились с реалиями. Динами-

ка продолжала меняться в худшую сторону. Нащупав малейшую брешь, Ил тут же проникал в нее с нарастающей активностью. Захватив плацдарм, он немедленно развивал наступление, которое обычно не удавалось предотвратить. Тотальная зачистка мало что меняла. Обеззараженная территория превращалась в пустыню, фактически потерянная для борьбы с Илом. Сопротивляться ему, как и удерживать безопасный периметр, там было банально некому. В этом выражалась сама суть противостояния. От условного тела, пораженного сепсисом, постоянно отсекались мертвеющие ткани. Болезнь это не останавливало, а лишь оттягивало неизбежное, позволяя протянуть как можно дольше. Само по себе продвижение Ила уже никого не удивляло, однако его нараставшие темпы вызывали тревогу.

Ил развивался. Заложенный изначально, процесс самообучения никогда не останавливался, достигая поистине пугающих высот. Теперь о нем горько сожалели, да поздно было. Проблема в том и заключалась, что Ил постоянно изыскивал какие-то неожиданные лазейки. Безопасный периметр гарантировал защиту от известных приемов. Он оперативно реагировал на распознанные алгоритмы, но Ил проникал за счет новых. Лучшие аналитики трудились над тем, чтобы предсказать его следующий ход, и регулярно терпели фиаско. Нащупанные им прорехи говорили не о дефектах системы безопасности — они прямо указывали, что Ил совершенствуется быстрее нее. В этой гонке на опережение он уверенно захватил лидерство и наносил удары быстрее, чем их успевали предугадать и отразить. Еще хуже было то, что Ил продолжал учиться. В том смысле, что менялись не только его способы проникновения, но и тактическое поведение.

Прежде Ил нападал сразу. Едва проникнув куда-либо, он тут же пускал в ход весь доступный ему потенциал. Этой агрессивной манеры он придерживался изначально и давно, однако внезапно ситуация изменилась. Аналитики обнаружили очень тревожные явления. В зависимости от обстоятельств, Ил все чаще начинал действовать скрытно, чего за ним прежде не наблюдалось. Инфицируя агентов, он ничем себя не выдавал, маскируясь как можно дольше. С одной стороны, это часто заканчивалось его обнаружением и обезвреживанием, то есть формально такая тактика выглядела менее удачной. С другой, его успешные атаки становились почти неотразимыми, причем в неожиданных местах. Иными словами, он тайно накапливал информацию, и лишь потом наносил сокрушительный, заранее подготовленный удар. Аналитики подозревали, что Ил выходил на новый качественный уровень. Ничего хорошего это не предвещало. Его последний виток развития

едва не привел к вселенской катастрофе и закончился масштабным отступлением. Еще один, скорее всего, схлопнет безопасный периметр как мыльный пузырь.

Стратеги разработали продуктивную контратаку, однако прибегали к ней редко и неохотно. Принося краткосрочный эффект, в долгосрочной перспективе она лишь ухудшала общее положение. Суть ее сводилась к следующему. Определив потенциально обреченные Светила, их досрочно сдавали врагу, однако превращали в своеобразные ловушки. Масштабный коллапс наносил Илу существенный урон, снижал его активность в регионе и задерживал дальнейшее наступление. Увы, преждевременная потеря энергии не проходила даром. Илу, безусловно, доставалось, однако и безопасный периметр слабел быстрее, чем хотелось бы. Лишаясь энергетических источников, аванпосты терялись гарантированно. Форпосты и крепости становились легкой добычей, а это, в свою очередь, снижало уровень защиты и пока еще стабильных регионов. Несмотря на достигнутый результат, в итоге безопасный периметр съеживался и отступал. Над поиском спасительного решения бились лучшие умы, но они были не всесильны.

Научными изысканиями занимался Тредалиур. Разумеется, не один, а в составе высшего ученого совета. Проблему Ила он пытался разрешить уже давно, и одним из первых вынес неутешительный вердикт — победы не будет. Со временем это стало очевидно для всех, когда Тредалиур уже участвовал в проекте Астробиона. Его вклад как раз и заключался в изучении Ила, исключительно сложном в своей физической основе. Любой, кто с ним контактировал, находился в зоне огромного риска, и, рано или поздно, неминуемо заражался. В этом была сама суть угрозы, с которой, хочешь не хочешь, приходилось иметь дело. Тредалиур работал только с добровольцами. Собирая данные, они передавали их в режиме реального времени, пока не становились жертвами науки. Особенности инфицирования, тщательно зафиксированные аппаратурой, были поистине бесценны. Благодаря им, проникновение частенько удавалось распознать в зародыше, что позволяло обойтись минимальными потерями.

Узнав о появлении Ила по другую сторону, Тредалиур был обеспокоен больше всех. Не располагая научными данными, он банально не знал, в какой форме и что может произойти. Именно поэтому, скрепя сердце, он разрешил проводить весьма опасные опыты. Точнее, не то чтобы разрешил, но закрывал на них глаза, оставляя ситуацию на усмотрение ответственных лиц. Запретить их он не мог, по той простой причине, что ему самому требовалась новая информация; официально допустить — тоже, поскольку

опыты несли угрозу для всего проекта. Выбрав золотую середину, он де-факто не препятствовал разумной инициативе.

Перспектур частично разделял отношение Тредалиура, но именно что частично. Ведая аналитикой, в ряде экспериментов он усматривал слишком большой риск для Астробиона. Фиксировать проникновение и изучать — это одно; допускать его намеренно, создавая подходящие условия — совсем другое. Буквально одна неконтролируемая вспышка была способна погубить весь проект. Ее масштабы могли стать катастрофическими, а по ту сторону в принципе непредсказуемыми. Все базы данных, все накопленные знания пасовали перед новыми горизонтами, в которые и вел Астробион.

Поступаться безопасностью Перспектура вынуждала как раз таки аналитика. Ввиду развития событий, прогнозы по распространению Ила регулярно пересматривались. В последнее время это приняло настолько учащенный характер, что внушало серьезную тревогу. Скорректированные выводы ничего хорошего не предвещали. Хорошего, причем, в рамках однозначно плохого, то есть отсутствия любого благоприятного исхода. Используя все доступные ресурсы, аналитика пыталась рассчитать, сколько осталось времени. Цифры менялись, из-за чего проект Астробиона требовал ускорения, чреватого упомянутыми рисками. Перспектур не хотел их допускать. Вместе с тем он понимал, что избыточная безопасность затянет реализацию плана, вплоть до его полной несостоятельности.

Тактические разработки входили в компетенцию Гекталистрата. Он относился к тем, кто определял долгосрочную стратегию, причем по обе стороны. Составляя протоколы нападения и обороны, он комбинировал аналитику и научный подход, на основе которых принимались практические решения. Сложность заключалась в двойственности, присущей проекту изначально. То, что работало по одну сторону, априори не годилось для другой, и наоборот. Учитывая это обстоятельство, Гекталистрат был вынужден довериться исполнителям, лучше знавшим ситуацию на местах. Координируя общее развитие, отдельные случаи он учитывал постольку поскольку.

Глобальный замысел оставался неизменным. Ил следовало удерживать как можно дольше, пока готовился путь к отступлению. Отказавшись от иллюзии победы, все ресурсы были направлены именно на это, что кратно увеличивало эффективность. Не растрачивая их попусту, в погоне за бессмысленными контратаками и ложными успехами, Гекталистрату удавалось выиграть многое. Все это многое он посвящал проекту Астробиона, как

единственной реальной возможности что-либо изменить. Продумывая оборону, он старался не допускать внезапных потерь, и к сдаче Светил относился очень щепетильно. Спонтанную утрату региона он считал своим личным поражением, а неудачную операцию собственным провалом.

Коэффициент полезного действия у Гекталистрата был неизменно высоким. Как правило, его решения оказывались продуктивными и предупреждали худшее развитие событий. К сожалению, его возможности по другую сторону существенно ограничивались. Сдерживая врага, Гекталистрат осаживал его как мастер тактики. В проекте он участвовал в роли полководца, лишенного войска, и терпеливо ожидал, когда в его распоряжении окажется достойная армия. До тех же пор он ведал вопросами безопасности, стараясь обеспечить ее так, чтобы даже в случае инфицирования Астробион, худо-бедно, уцелел, а контакт между сторонами не прервался.

Соблюдение официальных директив находилось под присмотром Андждея. Как представитель верховной власти, он наблюдал, чтобы проект не скатывался в самодеятельность. Позволяя уместную инициативу, порожденную объективными обстоятельствами, он пресекал вопиющие отклонения, идущие вразрез с общепринятыми установками. К последнему относился целенаправленный допуск Ила. Исключая работу Тредалиура, подобные вещи строжайше запрещались. То, к чему это приводило, было хорошо известно. С другой стороны, было известно по одну сторону. Другая представляла собой терра инкогнита, со своими особенностями и законами. К чему-то принципиально иному привычные аналитические правила не применялись, о чем неоднократно повторял Перспектур. Следуя этой логике, Андждей закрывал глаза на определенные нарушения. В частности, он допускал, что решения на другой стороне иногда принимаются самостоятельно, до согласования с властями.

Ведая утверждением кандидатур, Андждей по-своему обладал самой значительной ролью в Астробионе. Изучая списки, он имел право ставить низших над высшими, менять очередность и отказывать кому-либо в принципе. Он же, порой, пополнял список новыми, прежде незаявленными участниками, что неизменно вызывало неудовольствие на той стороне. Там предпочитали работать с заведомо известными личностями, под которые подготавливались наиболее подходящие объекты. Недовольство, однако, сдерживалось. Наивысший пост занимал как раз тот, кто по рангу стоял ниже подчиненных, а этим он был целиком и полностью обязан подходу Анджея.

Если полководцем считался Гекталистрат, то роль боевого генерала принадлежала Винтомаару. В его ведении находились силовые структуры. Следуя установкам стратега и прогнозам аналитика, он воплощал их в действительность, и воплощал довольно умело. Именно поэтому он и вошел в руководящий состав Астробиона, как признанный специалист военного дела. Фактически, он организовал службу безопасности, заправлявшую на той стороне, и он же определял условия ее работы. Досадуя, что не может лично участвовать в процессе, он строил планы на будущее и требовал создания армии. Ее обещали, но позднее. Винтомаар настаивал, апеллируя к тому, что без нее проект беззащитен. С ним соглашались, но с оговоркой.

Ресурсов на все банально не хватало. Следуя оптимальной схеме, захват власти становился безусловным приоритетом. Помимо прочего, он позволял защищать Астробион, просто другими способами. Винтомаар им не доверял, только выбора у него особо не оставалось. Признавая невозможность воплотить все сразу, он концентрировался на защите проекта уж как мог, то есть по свою его сторону. Узнав о проникновении Ила, он наделся отследить его источник и перекрыть. Это вызывало трения с другими членами руководства. В случае успеха, эксперимент терял всякий смысл, в том числе по локализации самой уязвимости канала. Нет источника — нет исследования. Винтомаар настаивал, тем более горячо, чем значительнее возрастали риски. Мнения разделились. Дискуссии становились все жарче. Фактически, руководство не знало, какое принять решение, отчего не запрещало опасные опыты, но и не санкционировало. Оставаясь на усмотрение исполнителя, они целиком и полностью зависели от успеха. Успех же наблюдался переменный, что не позволяло вынести окончательный вердикт.

Наблюдая неопределенность среди коллег, собственное решение Крестерграткус принимать не спешил. Он вообще предпочитал не торопиться, взяв это за основу своего подхода к делу. Как у председателя, его мнение становилось решающим. При равном распределении голосов побеждали те, которые поддерживал он. Крестерграткус, однако, предпочитал не пользоваться своим правом. Соотношение пятьдесят на пятьдесят означало распутье, что он считал недопустимым для проекта. Трудно следовать плану, когда половина специалистов его не поддерживает, а это было важно, не столько количеством, сколько качеством. Единодушие внушало больше уверенности, что проект развивается правильно и движется наилучшим путем. Ради этого Крестерграткус мог поступиться чем угодно, ибо Астробион давно стал его наивысшим приоритетом и даже самим смыслом жизни.

Руководящий состав сформировался не абы как. Каждый специалист отбирался по личным заслугам и прямой пользе для дела. Пост председателя Крестергратикус занимал не случайно. Стоя у истоков проекта, он фактически был его основоположником и патриархом. Он первым установил, что представлял собой случайный контакт. Первым же он сообразил, какие перспективы это сулит, и как можно выпутаться из затяжного противостояния с Илом. Собрав рабочую группу, Крестергратикус активно разрабатывал и продвигал новационную идею, добившись того, что та вышла на глобальный уровень. Трепетно относясь к своему детищу, он набирал только лучших из лучших. Он же оберегал его, как мог, но был вынужден идти и на оправданный риск. Столь сложный проект априори не обходился без специфических методов, подчас заведомо непредсказуемых. Контролировать все и вся, обеспечивая стопроцентную безопасность, оказывалось попросту невозможно. Точнее, возможно, но только в случае всякой остановки прогресса, либо же его развития черепашьими шагами. А это становилось недопустимой роскошью, ибо продвижение Ила нарастало.

Война была проиграна. Крестергратикус понял это одним из первых, когда подобная точка зрения считалась неприемлемой. За ее публичное оглашение строго наказывали, и даже в частных разговорах она грозила серьезными неприятностями. Время, однако, шло, и то, что прежде угадали прозорливые умы, вскоре стало очевидно всем и каждому. Тогда-то Крестергратикусу и поручили председательство в Астробионе. Тогда же он получил широкие полномочия, злоупотреблять которыми не спешил. Разумно используя ресурсы, он выслушивал мнение всех, причем по обе стороны, прежде чем формировал свое собственное. При голосовании он ориентировался на подавляющее большинство. Критически подавляющее, уровня не менее троих против одного или шести против двоих. В противном случае он предпочитал дальнейшее рассмотрение вопроса, пока не получался желанный перевес.

При отсутствии согласия Крестергратикус оставлял инициативу за другой стороной. В этом усматривалась прямая логика. Предпринимая некие шаги, она склонит чашу весов в одну или другую сторону, что позволит принять твердое решение. В какую именно — не важно, поскольку это в принципе определяло ход всего дела. Как правило, расчет полностью оправдывался, но иногда руководство Астробиона никак не могло определиться. Тогда Крестергратикус негласно оценивал другую сторону лично. Не усматривая прямой угрозы, он не устанавливал и прямых запретов. Развивая инициативу, рано или поздно та сторона породит необ-

ходимое согласие, либо сформирует желаемое большинство. В том, конечно, случае, если не приведет к катастрофе весь проект, но для того руководство и собиралось, чтобы традиционно заслушать докладчика. Оценивая его работу, оно выносило вердикт, одобряя, критикуя, санкционируя или запрещая.

Канал, стабильно установленный между сторонами, позволял передавать информацию через возмущение пространства. Слова докладчика лишь комментировали то, что появлялось в сером облаке квантового поля. Достигнутые результаты впечатляли. Научные выкладки сопровождали весьма интересные визуальные записи. Комбинируя различные ракурсы, экспериментаторы предъявляли опытные образцы с лучшей стороны. Те, порой, творили настоящие чудеса, демонстрируя поистине феноменальные способности.

В основе лежали сила, ловкость и скорость. Последние две характеристики составляли общую подвижность. Кулак, пробивавший листовую сталь, и уклонение от выстрелов производили серьезное впечатление. При определенных условиях, образцы уклонялись даже от пуль. Они предугадывали баллистические траектории, сектор поражения и момент нажатия на курок. Запредельная скорость позволяла им перемещаться быстрее, чем стрелял неприятель, и таким образом действовать на опережение. Формально, избежать пули было невозможно. Суть процесса состояла в другом. Искусно маневрируя, цель заставляла разряжать в себя обойму за обоймой, но туда, где она только что находилась. Инерция человеческого восприятия, медлительность его реакции отправляли пулю за пулей в пустоту.

Создавая и выдерживая чудовищную нагрузку, ткани все-таки страдали. Кожа лопалась, покрывалась порезами и кровоточила. Сосуды и нервные волокна деформировались. В мышцах образовывались микроразрывы. Появлялись ушибы, возникали ожоги и обморожения, заметно снижавшие физический потенциал. Экстремальные усилия закономерно приводили к травмам, казалось бы, выводившим из строя, однако здесь на помощь приходила регенерация.

Живучесть образцов поражала. Их клетки восстанавливались с фантастической скоростью, буквально за несколько минут ликвидируя умеренные повреждения. Ободранных рук они просто не замечали. На заживление средних уходило около получаса, что делало не критичные пулевые ранения ерундой. С тяжелыми, правда, получалось не очень. Сращивая сломанные кости или латая поврежденные органы, недоработанная и еще сырая технология частенько давала сбой. Результат был неважным, временами приводя

к уродствам, искажениям и даже утрате жизнеспособности. И все же это было лучше, чем ничего, давая опытным образцам шанс на выживание даже при смертельных травмах.

Отдельного внимания заслуживали чувства. Острота слуха и зрения достигала невиданных высот. Другие от них несколько отставали, но были и менее востребованы. Опытные образцы справлялись с такими тестами, которые в обычных условиях считались непроходимыми. Успех они демонстрировали переменный, однако неизменный как таковой, открывая перспективы для дальнейших исследований. Конечно, технология также нуждалась в доработке. Испытывая колоссальную перегрузку, нервная система долго не выдерживала. За суперзрение приходилось расплачиваться довольно продолжительной слепотой, а за слух — глухотой. Нервные клетки оставались самым уязвимым элементом человеческого организма. Хрупче них были только нейроны. Достигнув выдающихся успехов в совершенствовании тела, исследователи не особо продвинулись в закалке разума.

Непригодный биологический материал по-прежнему выходил из строя. Нейроны горели. Пользу он приносил, предоставляя массу научных данных, однако основная роль оставалась для него недостижима. Для полноценного, уверенного внедрения такой материал не подходил. Как максимум, он выдерживал гостевое присутствие, и то непродолжительное, чреватое сбоями тела и гибелью головного мозга. Внутренние органы то и дело отказывали, причем еще до того, как отказывало серое вещество. Различные препараты снижали пагубный эффект, однако полностью устранить его не могли. Подопытные часто гибли, и на данный момент это был естественный процесс.

Исходные образцы не обладали какими-то выдающимися характеристиками. Невероятные способности достигались тремя путями. Самым простым были стероиды. Они давали кратковременный результат, действуя подобно наркотику на наркомана. Быстро возникая, он быстро и проходил, вызывая у подопытного сильнейший упадок сил. Повторный прием сокращал этот цикл, а неоднократный и непрерывный приводил к истощению и смерти.

Генная терапия действовала иначе. Преобразовываясь и перестраиваясь, клетки обретали суперсвойства, и довольно надолго. Подопытные образцы чувствовали себя уверенно и стабильно. Вживаясь в новое амплуа, они быстро адаптировались, отчего функционировали с большей отдачей. Привыкнув к изменениям, они успевали многое, прежде чем наступала регрессия. Побочный эффект оставлял желать лучшего. Когда действие инъекции заканчивалось, клетки не всегда возвращались в прежнюю форму.

Говоря простым языком, подопытный погибал, и заведомо предсказать исход не получалось.

Третий вариант предполагал наилучший, самый надежный результат, однако пока считался лишь условно достижимым. Пройдя надлежащий курс, тело преобразовывалось полностью. Оно получало новые силы раз и навсегда, превращаясь в настоящего сверхчеловека. К сожалению, подтвержденных случаев до сих пор не фиксировалось. Все, что считалось таковыми, на поверку оказывалось лишь вариантом номер два, просто чрезмерно задержавшимся по времени. В перспективе, однако, проект считался реалистичным. Исследователи были уверены, что вскоре им удастся подобрать ключик к каждому телу, после чего оно станет не только бессмертным, но и физически суперспособным.

Возрастной порог, увы, пока перешагнуть не удалось. Слишком зрелые особи все еще не годились. Среди ученых росла уверенность, что они вообще вряд ли когда-нибудь пригодятся. Акцент неизменно делался на привлечении молодежи. Это, в свою очередь, возлагало надежды на технологию клонирования. Чем выискивать подходящие кандидатуры, следовало найти одну эталонную, после чего размножать ее в неограниченном количестве. К сожалению, идея необъяснимо не работала. Идеальный, полностью подходящий оригинал, успешно переживший внедрение, оказывался бесполезен в виде копии. Мозг не выдерживал нагрузки и умирал. Это был парадокс, который ученые пока еще не разгадали. Всякие глупости в виде уникальности души они, разумеется, даже не рассматривали, но и адекватной причины неудач не находили.

Чем-то средним получились биодроиды. Как параллельная разработка, они стали существенным подспорьем для всего проекта. Хоть и не способные к внедрению, они обладали качествами сверхчеловека, превращавшими их в идеальных слуг. А еще они подлежали клонированию. Скорость их выращивания возрастала, что в перспективе обещало столь желанную Винтомааром армию. Неотличимые от людей, биодроиды уже активно внедрялись в человеческое общество, выполняя самые разнообразные задачи. Из них выходили прекрасные телохранители, превосходные разведчики и поистине смертоносные спецагенты. Играя на человеческих страстях, в роли соблазнителей они выступали ничуть не хуже, да и с работой на публику справлялись на отлично. Была у них и еще одна полезная роль.

Сделанные как точная копия, биодроиды могли прикидываться конкретным человеком, и прикидываться очень успешно. Снабженный его воспоминаниями, такой биодроид маскировался

под члена семьи, а та ничего не подозревала. Личностные, порой проявлявшиеся отклонения благополучно списывались на психологические последствия. Реалистичные дубликаты успешно выполняли свои задачи, и чем дальше, тем больше. Это позволяло избежать многих неприятностей и наконец-то решить проблему смертей. О летальном исходе просто никто не знал, как не знал и о том, что оригинал, быть может, все еще жив, пребывая где-нибудь на нижних ярусах.

Причина, по которой биодроид не годился для внедрения, оставалась проста и непреодолима. Несмотря на внешнее сходство и физические характеристики, он не обладал сознанием. Это был феноменальный, производительный, самообучаемый биологический компьютер; машина, состоявшая не из электроники, а органических клеток. Едва ли отличимая от человека, она вела себя как человек и проходила любые людские тесты, но при этом оставалась такой же безжизненной, как искусственный интеллект звездолета. В проекте Астробиона биодроиды считались инструментом. В дальнейшем, когда наступит доминирование, а всякая секретность лишится смысла, они полностью заменят перебежчиков и наемных слуг. До тех же пор они останутся на прежних ролях, оставаясь ценным, но малосерийным продуктом.

Просмотрев предоставленные материалы, руководство Астробиона было довольно результатами. Заявленные перспективы также впечатляли. От докладчика, однако, ожидали кое-чего еще. Помимо безусловных достижений в проекте хватало и уязвимых мест, одним из которых считалось проникновение Ила. Уже доказанное, оно вызывало серьезную озабоченность, если не сказать тревогу. Данные о нем собирались скрупулезно. Ради этого были инициированы эксперименты, чья безопасность балансировала на грани фола. Они-то и стали камнем преткновения у руководства, никак не способного определиться, запретить их, благословить или как-то упорядочить. Выявив наличие проблемы, все понимали, что закрыть на нее глаза было бы безумием, и тут уж без исследований не обойтись. Вот только они не обходились без практических экспериментов. Одно автоматически тянуло за собой другое, отчего руководство Астробиона и оказалось на распутье. Рискуя поставить проект под угрозу разрешением, оно боялось спровоцировать его крах запретом. Разрешением непосредственно сейчас, а запретом, который аукнется впоследствии.

Подойдя к скользкой теме, докладчик начал с самого главного. Колебания, отмеченные на канале Астробиона, неопределенными более не считались. Пертурбацию провоцировало вмешательство Ила. Это была плохая весть. Она подслащалась тем, что

вмешательство вроде бы носило спонтанный характер, то есть представляло собой прощупывание наугад. Ил все еще не понял, как и куда попадал, хотя о наличии Астробиона уже догадывался. Его случайные проникновения несли минимальную опасность, и именно на этой фазе они становились идеальным источником для исследований. Заполучая Ил, оторванный от общей массы, ученые старались определить, как он появлялся и при каких условиях. Его слабость позволяла ряд экспериментов, невозможных при других обстоятельствах, а набрать ему силу никто не давал. Объект обезвреживался прежде, чем Ил начинал пускать корни, а то и вовсе уничтожался. Проблема, прежде казавшаяся угрозой всему проекту, в умелых руках шла ему на пользу.

Оставшаяся часть доклада посвящалась результатам, полученным при изучении Ила. Тут, увы, похвастаться было особо нечем — так, незначительные уточнения и некоторые наметки. Несомненным утешением служило то, что сам по себе и абы куда Ил не проникал. Как и раньше, ему требовались физические факторы и подходящий носитель. С другой стороны, это мало что меняло. Процесс внедрения был основой Астробиона, и он становился уязвим. Говоря простым языком, внедряя кандидата, на выходе можно было получить проскользнувший Ил. Проводя различные опыты, ученые надеялись научиться это предотвращать. Несмотря на опасность, их работу требовалось продолжать, чтобы не позволить Илу снова перехватить инициативу.

Обменявшись мнениями, руководство Астробиона пришло к выводу, что в целом проект развивается весьма прогрессивно. Достигнутые результаты перевешивали риски, а без некоторого ослабления безопасности было и впрямь не обойтись. Если, конечно, не произойдет какой-нибудь вопиющий инцидент, однако пока такого не фиксировалось. Или фиксировалось?

— У нас все под контролем, — уклончиво ответил докладчик.

Сеанс связи подходил к концу. Представив отчет, он уже собирался откланяться, довольный положительным исходом встречи. Не получив прямых разрешений, он не услышал и запретов, что оставляло ему свободу выбора. Вопрос, раздавшийся так некстати, грозил все испортить, ибо затрагивал то, о чем докладчик совсем не хотел говорить.

— Я не об этом, — возразил Тредалиур. — Вы очень подробно поведали об успехе своих экспериментов, однако сопутствующие детали опустили. Так вот, я сформулирую запрос иначе. Происходило ли во время них что-то такое, о чем руководству следовало бы знать?

Сумеречный конус пришелся весьма кстати. Скрывая при-

сутствующих технически, он заодно позволял им не выдавать эмоций. Докладчик помрачнел и поморщился, будто у него болел зуб. Все сеансы связи заносились в память системы до последнего слова. Откровенная ложь рано или поздно всплывет, а она грозила серьезными последствиями. Вводить руководство в заблуждение, прибегая к софизму, также не стоило, однако здесь оставались варианты для маневра. Сказанное неоднозначно не может быть предъявлено доказательством вины — это уже вопрос индивидуального восприятия. Как говорится у людей, победителей не судят, а в случае поражения и судить окажется некому.

— На данный момент я сообщил обо всем, о чем имею точное и обоснованное представление, — выразительно заключил докладчик. — Профильные специалисты продолжают изучать каждую мелочь. По мере завершения, все их отчеты могут быть предоставлены в распоряжение руководства Астробиона.

— Иными словами, критических инцидентов не приключалось? — не то намеренно, не то просто для галочки поинтересовался Анджей.

Докладчик мысленно выругался. В общей тенденции дела шли хорошо, демонстрируя отличные результаты, однако в отдельных эпизодах имелись некоторые проколы. Назойливый интерес, проявленный к сопутствующим нюансам, оказался весьма некстати. Проведав о паре накладок, руководство раздует из мухи слона, что в лучшем случае обернется кадровыми перестановками. В худшем — затормозит развитие проекта, чего допускать было никак нельзя. Пребывая по свою сторону, эти шестеро не воспринимали картину в целом, и оценивать ее объективно не могли.

— За всеми инцидентами я слежу лично, — твердо заверил докладчик. — Контроль осуществляется на неизменно высоком уровне. Наши специалисты ни разу не подводили. Надеюсь, вы понимаете, что без сложностей тут в принципе не обойтись. Непригодный биоматериал постоянно выкидывает что-нибудь эдакое, ибо ничего другого от него ожидать и не приходится. Но мы справляемся. На мой взгляд, здесь излишне описывать, как подопытные ломают хрупкую технику, и как медики умудряются спасти даже обреченных. Все это — рабочая рутина, с который мы имеем дело ежедневно. Если я стану подробно рассказывать про каждый такой случай, ни на что другое у нас с вами просто не останется времени.

Кажется, пронесло. Историю с вопиющим нарушением безопасности удалось утаить. Беглеца в итоге обезвредили и водворили на прежнее место. Все закончилось благополучно, только поди тут кому это докажи — сразу поднимут шум и устроят истерику. К

счастью, риторическая сноровка докладчика сделала свое дело. Присутствующие не слишком вникали в сказанное, сосредоточившись на цифрах и графиках. Неудобные вопросы они задавать перестали, и сеанс связи наконец-то подошел к концу.
— Каковы ваши собственные прогнозы? — подводя черту, осведомился Крестергратикус.
— Простите, но я не понимаю, о чем вы, — искренне развел руками докладчик.
— Проект Астробиона предполагает конкретные временные рамки, в каждой своей фазе, — неторопливо пояснил Крестергратикус. — С тех пор, как вы заняли свой пост, они заметно сократились. В этом ваши заслуги несомненны. Теперь вы предъявили новые достижения, способные значительно ускорить дело. Мы хотим знать, на сколько именно.
— Признаюсь, подсчет еще не закончен, — озадаченно ответил докладчик. — Прогресс, безусловно, есть. Я всегда стремился к тому, чтобы реализовать проект как можно быстрее, однако точные цифры сейчас озвучить не готов. Столь серьезный аналитический прогноз в кратчайшие сроки не составишь.
— Прошу вас с этим поспешить. Не в ущерб качеству, но поспешить, — выразительно сказал Крестергратикус. — Буквально накануне мы потеряли Светило первой экстрадинации. Возможно, у нас осталось гораздо меньше времени, чем мы полагаем.

Благодаря интуиции, некогда Астробион появился гораздо раньше, нежели власти усмотрели в нем необходимость. Опережая события, это позволило выиграть сотни лет. Предчувствие предупреждало Крестергратикуса и сейчас. Светила подразделялись на категории, вроде разноцветных карликов и гигантов у звезд, но первой экстрадинации были фундаментальными. Они составляли саму основу вселенной, будто незыблемые киты мироздания. Когда эта незыблемость внезапно нарушалась, к ней не стоило относиться без должного внимания.

Утрата второй или третьей экстрадинации, таулора или гистерезиса не вызывала титанических потрясений. Регионы, худобедно, обходились без пространственной стабильности, адаптивной реорганизации и насыщения энергией. Локальные коллапсы обычно не распространялись на соседей, а если и задевали их, то не критично. Постепенно, они вполне компенсировались, с нивелированием пагубных последствий вплоть до нуля. С первой экстрадинацией все обстояло иначе. Эти Светила затрагивали Вселенную целиком. Любое изменение в их активности, так или иначе, отражалось даже в самом глухом ее уголке. Как опорные колонны, они поддерживали архитектурный ансамбль мироздания. Разру-

шение даже одной из них сказывалось на всех конструкциях, перераспределяя нагрузку, силовые линии, центры тяжести и прочие величины. Какой-то этаж мог просто сложиться, а отдельное здание бесследно исчезнуть; привычные коридоры повести в другом направлении, а иная стена — появиться, где ее никогда не было, или исчезнуть там, где она стояла с незапамятных времен. И будет настоящей катастрофой, если это окажется стена безопасного периметра — там, в самом его сердце, где концентрировались все важнейшие структуры, и где старательно охранялся канал Астробиона.

Светила первой экстрадинации влияли на все, но влияли непредсказуемо. Точнее, их прямое воздействие вполне себе просчитывалось, однако в случае его исчезновения никто не знал, как оно аукнется. Самые мощные аналитические системы тут были бессильны. Например, гибель второй и третьей величины приводил к вполне известным последствиям. Лишенный энергии, регион обычно не выдерживал наступления Ила. Один самостоятельный регион. С потерей первой экстрадинации все обстояло иначе. Она могла вызвать небольшие пространственными искажения — и только, а могла сотрясти это пространство целиком и обрушить его в ничто, как резонирующий мост. Итоговый исход был заведомо неизвестен и вычислению не подлежал.

Недавний коллапс фундаментального Светила вызвал знатный переполох. Все данные анализировались и тысячекратно проверялись, а прогнозы вновь перечеркивались и пересматривались. Добираясь до первой экстрадинации, Ил продолжал свое изумрудное дело. Никто не решался утверждать, что произойдет раньше — всеобщая максимальная энтропия или внезапная катастрофа Вселенной. Не пытался угадать это и Крестергратикус. Он лишь нутром чуял, что на сей раз крах глобального Светила возымеет очень серьезные последствия. Как самый прозорливый, он подозревал, что докладчик сообщает не все, а о чем-то и вовсе умалчивает, однако виду не подавал. На фоне происходящего он предпочитал рисковать, допуская опасные эксперименты в Астробионе, нежели дожидаться, когда вместе с остальными исчезнет сам Астробион.

* * *

Кредит доверия к Сайлусу был так себе. И заяви он прописную истину, что Земля круглая — это и то поставили бы под сомнение. Реакции, последовавшей на его слова про Либератику, удивляться не приходилось. Переглянувшись, друзья будто спросили друг у друга, верно ли они расслышали. Затем гостиная со-

тряслась от смеха, тем более громкого, что адресовался он всеобщему "любимцу".

По мнению Руберта, Сайлус банально чокнулся. Хватая ртом воздух, он задыхался в своем кресле у камина, постепенно сползая на пол. Неприязнь к заносчивому богатею нашла бурное отражение. Покраснев до корней волос, он едва держался за подлокотники, но слабеющие пальцы ему особо не повиновались.

Эрвина усматривала в заявлении придурковатую оригинальность. Должно быть, Сайлусу надоело пребывать в гордом одиночестве. Не зная, как привлечь к себе внимание, он не придумал ничего умнее кроме теории заговора. Если он так, наконец, хотел наладить контакт, то выбрал для этого не самый удачный способ.

Элеонора мелко тряслась, закрыв лицо руками. Единственная из всех, она проявила хоть какие-то приличия, не выплеснув эмоции во весь голос. Ее выдержка, однако, тоже дала слабину перед неожиданной ахинеей. С какой целью Сайлус ее нес — понять она не успела и просто реагировала.

Громче всех хохотал Листас. В присущей ему манере, он не особо сдерживался, дополняя произведенный эффект комическими ужимками. На его фоне веселье Шелли, Русланы и Джерри выглядело тихим хихиканьем. Выделялась только Сильвертина, и то исключительно за счет своего голоса, звеневшего будто колокольчик.

В итоге, экспрессия надолго захватила всех и каждого. Не сговариваясь, друзья дали выход страстям, разгоревшимся до появления Сайлуса и нашедшим такое вот бурное воплощение. Выплескивая отрицательную энергию, оно разгружало нервную систему и приносило душевное облегчение. С другой стороны, смех диктовался не только этим. Сумасбродное заявление про Либератику заслуживало чего-то такого само по себе.

Сайлус и бровью не повел. Ничуть не утратив невозмутимости, он молча ждал, когда присутствующие отсмеются. Его спокойствие не нарушилось и позднее, будто не замечая веселья по второму кругу. Это продолжалось довольно долго, пока в гостиной все-таки не воцарилась тишина, прерываемая лишь глотанием воздуха, хриплыми вздохами и тихими всхлипами.

— Нахохотались? — бесстрастно осведомился Сайлус. — Теперь рекомендую отнестись к этому более серьезно. В противном случае часть из вас рискует оказаться на нижних ярусах. Другая же протянет подольше, однако все равно получит свое, став подопытной крысой Либератики.

Третьего круга не получилось. Смеяться ни у кого просто не осталось сил. Вернув себе способность дышать, Эрвина коротко осве-

домилась, какого черта Сайлус несет этот бред.

Следующей реакцией было изумление. До всех внезапно дошло, что этот тип, прежде и до приветствия не снисходивший, в своих речах вполне серьезен. Похоже, он и впрямь верил в то, о чем говорил, а говорил он нечто невообразимое. Завладев вниманием соседей, Сайлус неторопливо излагал такие вещи, которые заставляли усомниться в его душевном здравии. Администрация, вероятно, заинтересовалась бы этой сценой, но явить ей свое безумие он не боялся. Поразительно точный бросок мячом вывел из строя видеоглазок, а другого в гостиной не имелось.

Процесс обучения был фикцией. Внезапно приобретенные знания порождались вторичным эффектом, равно как и расширявшийся кругозор. Первичный же с самого начала относился к глобальным преобразованиям. Любой, кто переступал порог Либератики, воспринимался как биоматериал, над которым постоянно проводились эксперименты. Их результатом было либо превращение в сверхчеловека, либо смерть. Третьего пути не существовало.

Либератика меняла все — и тело, и разум. Обретая невероятные возможности, физическая оболочка становилась вместилищем для не менее развитого ума. Настолько, что академическими знаниями тот овладевал легко и автоматически. Этим и объяснялось, как студенты настолько быстро усваивают огромный объем информации. Метод заключался совсем не в хитроумной комбинации слов и каких-то там триггерах. Он вообще не имел отношения к преподаванию. Развивая сам мозг, он тестировал на нем все остальное, преподносимое учебным курсом. Мозг же развивался за счет регулярного облучения и вводимых препаратов. Ежедневные медицинские процедуры были никак не связаны с профилактикой. Под видом заботы о здоровье, студентов регулярно пичкали какими-то веществами и подвергали воздействию волнового излучения.

Подход был научным и основательным. Привычная фармацевтика уровня иммуномодуляторов или стероидов даже не рассматривалась. Университетская разработка вызывала генетические изменения, провоцирующие ускоренную эволюцию. Фактически, студентам проводили непрерывную генную терапию, менявшую их раз и навсегда. Вот почему казалось, что выпускники Либератики становятся другими людьми, о чем, приветствуя новичков, говорил и сам ректор. На поверку, в этом заключалась истина. Это же было причиной, по которой из университета никого никуда не выпускали.

Прерывание генной терапии считалось недопустимым. Надолго лишенный инъекций, подопытный попросту умирал. Либе-

ратика теряла полезную единицу, причем своей смертью та осложняла ей всю работу. Смертей ведь и без того хватало, ибо пресловутая нагрузка была даже реальнее, чем о ней говорили. Студенты гибли сплошь и рядом, не выдерживая того, что с ними вытворяли. Все, кто послабее, отсеивались в первые же недели, хотя иные протягивали и месяцы. Более крепкие переходили на второй курс, где летальность заметно снижалась, а к выпускному сокращалась до единичных случаев. Суммарная же смертность была неизменно высокой, но воспринималась руководством Либератики как естественный порядок вещей. По их разумению, они следовали законам природы. Выживали сильнейшие, а остальные списывались как отработанный материал.

Общественное мнение — странная штука, и особенно среди молодежи. Несмотря на вопиющий подход, многие студенты, узнай они правду, могли не усмотреть в нем такой уж криминальности. Да, их завлекли сюда обманом и подвергли огромному риску, но они, в конце концов, станут сверхлюдьми, которые и впрямь олицетворяют собой будущее. Проблема, однако, заключалась в том, что как раз и не станут. Точнее станут, но не они. Изменения затрагивали не только клеточную структуру — менялась сама личность. Менялась так радикально, что из Либератики, в итоге, выходил совсем другой человек. Прежний стирался в ней навсегда, исчезая в череде развивающих процедур и ежедневных экспериментов. Так или иначе, смерть ждала здесь любого, в той или иной своей форме, и была лишь вопросом времени. К иным же она приходила намного раньше, и особенно к тем, кто попадал на нижние ярусы.

Университету приходилось соблюдать внешние приличия. Если студент скандалил и настаивал на отъезде, удерживать его насильно становилось вредно для морального духа остальных. Его публично отпускали и даже устраивали показательный отлет, хорошо наблюдаемый из башен Либератики, однако ни на какой звездолет отказник не попадал. Его усыпляли и помещали на нижние ярусы. Там, глубоко под университетом, располагались специальные секции, где содержались подопытные, и там им было уже не столь комфортно, как наверху. Создавать благоприятные условия, психологически помогавшие развитию, более не имело смысла. Отчисленных студентов запихивали в специальные капсулы, где они, лишенные подвижности, пребывали дни, недели и даже месяцы, пока над ними проводились различные эксперименты. Их уже не развивали и не стремились превратить в сверхлюдей. На них изучали нечто новое и отрабатывали технологии, впоследствии применяемые на студентах.

Обитатели нижних ярусов превращались в самых настоящих смертников. Им уготовили одно — стать жертвами науки, а продолжительность их жизни зависела исключительно от собственного здоровья и качественного исхода опытов. Вот почему настаивать на отъезде было категорически нельзя. Последствия такого шага приравнивались к самоубийству. Элеоноре, Джерри и Сильвертине следовало отказаться от своих замыслов, сделав вид, что уговоры руководства их переубедили. Оно ведь увещевало искренне, не желая превращать перспективный материал в расходную биомассу.

Когда Сайлус закончил, на него таращились во все глаза. Расскажи он сейчас фантастический триллер — и слушатели наверняка наградили бы его аплодисментами. История, однако, претендовала на достоверность, а в этом ракурсе она оценивалась как некая форма помешательства. Щуря глаза, Руслана подбирала диагноз, параллельно размышляя о предпосылках развития болезни. Остальные были менее подкованы по психиатрической части, отчего сходились в одном простом слове "спятил".

— Тебе, может, врача позвать? — озабоченно, без всякой насмешки спросила Элеонора.

— Скорее, санитаров. Чтобы связали, пока на людей кидаться не начал, — усомнился Руберт.

— Я и не рассчитывал, что вы мне так уж сразу поверите, — отозвался Сайлус.

— Я вообще не знаю, на что ты рассчитывал, — осторожно, стараясь не разозлить сумасшедшего, заметила Шелли. — Ты же и сам должен понимать, что твои утверждения бездоказательны.

Большинство присутствующих склонялось к мнению, что душевнобольного лучше не провоцировать и вообще не беспокоить. Этого настроя не разделяла Эрвина. На Сайлуса у нее накипело давно, и миндальничать с его поехавшей крышей она не собиралась. Пусть он псих, пусть он и правда верит в то, что говорит, однако она публично ткнет ему на несостоятельность его воспаленных фантазий.

— У меня есть контрдоказательство! — запальчиво заявила Эрвина. — Допустим, ты говоришь правду. На минутку. Тогда объясни, с чего это вдруг ты надумал открыть глаза именно нам? Тем, кого ты с первой же минуты игнорировал, и над кем практически открыто издевался. Согласись, тут что-то не клеится, проявить заботу о тех, кого презираешь и даже ненавидишь.

— Ты абсолютно права, — спокойно кивнул Сайлус. — Вот только забочусь я отнюдь не о вас. Я по-прежнему не испытываю к вам ни малейшей симпатии, и уж точно не разрыдался бы, запихай

они вас всех на нижние ярусы.
— Тогда в чем вообще смысл? — невольно опешила Эрвина.
— Я забочусь о себе. Поняла? О СЕБЕ, — выразительно подчеркнул Сайлус. — Я уже чуть не сдох от этих экспериментов, и следующий раз почти наверняка станет для меня последним.

Получалось нечто очень странное. Либо Сайлус переставал походить на сумасшедшего и его речи звучали все более разумно, либо он заражал своим безумием остальных. Потерев переносицу, Эрвина уже ни в чем не была уверена.
— Ты можешь говорить яснее? — нахмурилась она, улавливая в словах собеседника какую-то зловещую логику.
— М-да, твои рыжие мозги даже Либератика перекрасить не в состоянии. Сообразительность так и прет, — усмехнулся, на мгновение став прежним, Сайлус. — Одному мне отсюда не выбраться. Так понятнее? — добавил он куда серьезнее. — Вот для чего я вам все это говорю. Я же не могу выйти на публику с плакатом, подыскивая себе сторонников. Я просто использую наше давнее — уж какое есть — знакомство. Вы мне нужны. Шанс на спасение у нас будет только сообща, и с этим лучше не затягивать. Если они продолжат долбать меня в прежнем духе, я долго не протяну. А они, как мне представляется, продолжат, и очень скоро.
— Это не объясняет, где ты набрался всей этой ереси, — поразмыслив, заметила Эрвина.
— Еще как объясняет, — парировал Сайлус. — Как, по-твоему, я одним броском мяча разбил видеотранслятор, чтобы за нами не подсматривали? Вы в него весь вечер будете швыряться, и не сломаете даже когда попадете. Какова вероятность того, что я сделал это с первого раза, не говоря уже о том, откуда вообще знал, где он находится?

Внезапный аргумент хоть и звучал не совсем по теме, но заставил призадуматься.
— Гм. А действительно, как? — озадачился Руберт.
На лице Шелли появился схожий вопрос, постепенно завладевший и остальными.
— Это результат серии опытов. Моя, скажем так, учебная программа отличается от ваших, поэтому отличается и эффект, — ответил на свой же вопрос Сайлус. — Меня не пытались сделать суперменом — просто что-то тестировали.
— Даже если так, отсюда все равно не следует то, что ты наговорил, — возразила Эрвина.
— Были и другие эксперименты, — качнул головой Сайлус. — Последний меня едва не убил. Уж не знаю, в чем он заключался, но мне в голову попало очень многое. Возможно, даже то, на что со-

всем не рассчитывали экспериментаторы. Кажется, здесь на полном серьезе разрабатывают ясновидение. Они думают, я все забыл. Поначалу так и было. Это походило на какой-то блокиратор памяти, который не позволял мне восстановить ход событий. И вдруг все прояснилось. Может быть, из-за воздействия лекарств, которыми меня пичкали медики. Я думал, что умираю, но на самом деле мой мозг ломал эти оковы. И сломил. В тот момент я понял все. Череда видений сложилась в мозаику, и я прозрел, увидев общую картину. Тогда же я осознал, что обречен, если ничего не предприму, и времени у меня осталось мало.

По-прежнему неторопливо, будто старательно взвешивая каждое слово, Сайлус рассказал о своих визитах в научный комплекс. Вкратце, разумеется, передавая суть и опуская несущественные детали. Когда он закончил, никто уже не смеялся. В том смысле, что смех утих давно, а теперь для него и вовсе не находилось повода. Присутствующие недоуменно переглядывались. Сайлусу и сейчас никто не верил, только его история принимала неожиданный оборот. Если мозги ему и впрямь своротили здешние ученые, то она, быть может, и содержала в себе долю истины.

— Доказательства у тебя есть? — негромко осведомилась Элеонора. — Реальные доказательства. В противном случае ты сам должен понимать, что на слово мы тебе не поверим.

— Разумеется, есть, — к всеобщему изумлению, заявил Сайлус. — Ваша реакция мне была очевидна, поэтому я заранее приберег козырь. Я бы даже сказал, козырную даму, которая сумеет вас убедить.

— Правда? И что это за козырная дама? — недоверчиво усмехнулся Руберт, постукивая пальцами по губам.

— Они готовы. Заходи, дорогая, — спокойно, глядя в пространство, позвал кого-то Сайлус.

В гостиную, ступая грациозными шагами, вошла Алия Ферран.

Церемонное представление объявившейся особы не затянулось. В нескольких словах Сайлус рассказал, кто эта девушка и какое отношение она имеет к происходящему.

— Я действительно видела ее на факультете, и неоднократно, — подтвердила Шелли. — Судя по допуску и форме, она и впрямь сотрудница университета. И что с того? Если она сейчас повторит твою дикую историю, я приду к выводу, что либо вы чокнулись на пару, либо сговорились — и не более.

— Я не сотрудница университета, я его изобретение, — улыбнулась Алия.

— В каком смысле? Ты тоже подопытный кролик? — не поняла Элеонора.

— Нет. Я и есть сам опыт. Точнее, результат опыта, — ответила Алия.
— Вариант "сговорились" отпадает, — вынесла свой вердикт Шелли, встретив согласный с ней взгляд Русланы.
— У вас ножик есть? — неожиданно спросила Алия. — Лучше сделать это вашим. Не хочу, чтобы вы списали все на фокус.
Неопределенно фыркнув, Руберт сунул руку в карман и извлек оттуда универсальный инструмент, где помимо прочего имелось и приличное лезвие. Острое, как бритва, оно вполне подходило для замысла Алии. Едва его взяв, она тут же резанула себя по ладони.

Вид побежавшей крови произвел сильное впечатление. В истерику никто не ударился и в обморок не упал, однако и безучастным не остался. Негромкие вскрики, повисшая пауза, и вот уже в гостиной послышались реплики, предлагавшие все-таки вызвать кого-нибудь из персонала, а лучше бы психиатра. Страсти стали накаляться, однако недолго, и не потому, что все вдруг успокоились. Слова застыли на губах сами собой, когда кровь внезапно остановилась, а разрез затянулся прямо на глазах. Затянулся в кратчайшие сроки, будто кто-то запустил кинофильм на ускоренный просмотр.
— Быть такого не может! — ахнула Эрвина.
Подойдя к ней вплотную, Алия предъявила ладонь, на которой не осталось даже шрама. Затем обошла всех присутствующих, давая им возможность в этом убедиться.
— Фокус! — упрямо заявила Шелли.
— У тебя в комнате есть портативный микроскоп, не так ли? Я знаю об этом, потому что ты биохимик, а я вроде как сотрудница, — сказала Алия. — Принеси его, и ты увидишь кое-что примечательное.

Выпроводить Шелли из гостиной удалось не без труда, однако ждать себя обратно она не заставила. Вернувшись с микроскопом, размером с гандбольный мяч, она потребовала обещанного.
— Держи, — протянула ей нож Алия. — Сделай на мне надрез где угодно. Это исключит подлог. Сделай, и возьми образец крови.
Шелли сперва уперлась, решительно воспротивившись членовредительству, однако научное любопытство пересилило. Закусив губу, она легонько порезала Алии плечо, зажившее столь же быстро, как и ладонь. Кровь, взятая на пробу, тут же очутилась под прицелом электронного микроскопа.

Подступив гурьбой, вся компания теснилась возле Шелли, с нетерпением ожидая результата. Каждого снедал вопрос, чего же она должна там увидеть? С ответом Шелли не торопилась. Поначалу активно подстраивая фокус, она приникла к окулярам, но за-

тем замерла, будто сраженная параличом. Простояла она так более минуты, прежде чем подняла вытянувшееся лицо.
— Это… не человеческая кровь, — произнесли ее побелевшие губы.
— А я и не человек, — подтвердила Алия. — Я была создана как биологический компьютер. Мои клетки только похожи на ваши, как и тело в целом, но при изучении анализов разница видна.

Поведанное Алией Ферран оказалось не менее невероятным, чем история Сайлуса. Даже более, ибо на сей раз все это не веселило, а шокировало. Над ней не потешались — ей верили, поскольку не верить своим глазам означало бы погрешить против истины. Молча слушая эту невообразимую девушку, присутствующие ощущали, как ползет, взбирается по их спинам зловещий холодок.

Алия Ферран была биодроидом, уникальной разработкой Либератики. Таких, как она, начитывалось довольно много, хотя и не армия. Она обладала теми качествами, которые в университете хотели привить студентам. Ее регенерация была на запредельном уровне, делая очень живучей и почти бессмертной. Физические показатели зашкаливали. Алия изначально была сверхчеловеком, если не считать, что к этому виду живых существ она не относилась никогда. Точнее, она вообще не относилась к живым существам, хотя ее органические клетки росли, взаимодействовали и делились.

Учитывая характеристики, возможности и универсальность, биодроиды применялись для самых разных задач. Последним заданием Алии стало соблазнение Сайлуса Честерсайда. Используя психологию и сексуальность, она должна была заманить его в научный комплекс. В частности, сделать так, чтобы Сайлус посещал его по своей воле. Принцип добровольности был присущ всем опытам в Либератике, ибо лишь тогда они достигали максимально полезного результата. Вот почему для студентов создавались комфортные условия, основанные на убедительной легенде о перспективах. Насилие отлично работало с телом, но оказывалось весьма неэффективно применительно к разуму. Раб может махать мотыгой, однако вряд ли изобретет межгалактический двигатель и уж точно не станет суперменом. Алия со своей задачей справилась. Очарованный Сайлус более не похищался и стал подопытным материалом по собственному желанию.

В последний раз все пошло не так. Точнее, ситуация развивалась предсказуемо, ибо как студент Сайлус считался непригодным и заранее был обречен, но технически получилась неувязка. Проблема заключалась в самом эксперименте. Юбелла Аперхоун пере-

старалась, дав слишком большую нагрузку на неизведанной почве. Недостаточно разобравшись в генетике подопытного, она неточно оценила его возможности и сделала то, чего не стоило бы. С разумом Сайлуса творилось черти что. Его мозг горел. Он умирал, и в его сознании пылали такие вещи, о которых он прежде и не догадывался. Алия хорошо это поняла, поскольку была подключена к его иллюзиям для создания надлежащего эффекта. Она видела часть того, что видел он, и была шокирована происходящим.

Сайлус не погиб только чудом, учитывая последующее вмешательство Карлериха — этого Цербера службы безопасности, который лично отправлял несчастных на нижние ярусы. Своим спасением он был обязан Стефано Ярколичу, однако с благодарностью спешить не стоило. Медик лишь исполнял свои обязанности, стараясь как можно дольше сохранять в живых биоматериал. Он экономил ресурсы Либератики — и не более. Вернувшись в строй, Сайлус вернется и в лапы Аперхоун, с вполне очевидными последствиями.

Случайность, из-за которой память внезапно восстановилась, в расчеты экспериментаторов явно не входила. Возможно, ученые сумели бы установить, как такое произошло, однако обращаться с вопросами к этим живодерам не стоило. Сайлус и не обратился — к ним. Не выдержав прилива экспрессии, он накинулся на пришедшую его проведать Алию. Та не стала отпираться. Проникнувшись сочувствием к жертве, она созналась во всем и поведала очень многое, раскрывая полноту картины, а потом предложила свою помощь. Немного успокоившись, Сайлус пришел к выводу, что ее стоит принять. Лучше простить Алию и быть с ней заодно, нежели отвергнуть единственного союзника и в одиночку броситься в бой против всей Либератики. В смертельный бой, поскольку иного исхода не предвиделось. Это Алия надоумила Сайлуса, что им нужно завербовать соратников. Она же предложила ему обратиться к соседям, которых тот худо-бедно знал. Это было точно лучше, чем набирать себе людей абы где, рассказывая дикие истории на всех факультетах.

Повествование закончилось логической точкой, где Алия, Сайлус и компания пребывали сейчас, то есть в гостиной дома номер двадцать шесть по Двенадцатой авеню. Дальнейшей истории физически не существовало — всем присутствующим предстояло ее написать, в зависимости от того, какой они сделают выбор. И лучше бы они с ним не затягивали. Во-первых, в научном комплексе Сайлус долго не протянет, а отказаться туда ходить он, разумеется, не мог. Во-вторых, любой из присутствующих рискует оказаться следующим. Посвященные в тайну, они стали представ-

лять угрозу для Либератики. Верят они в услышанное или нет, но руководство это не проигнорирует, особенно если пойдут разговоры. Пресекая слухи промеж студентов, их попросту отправят на нижние ярусы.

Умолкнув, Алия ожидала вопросов, окончательно заняв ораторское место Сайлуса. Один тут же последовал, выраженный весьма эмоционально.

— Получается, вы сейчас сделали нас заложниками ситуации! — вскочил, потрясая кулаками, Джерри. — По вашей милости, Сильвертине и мне теперь грозит смертельная опасность! Может, нам за это еще спасибо сказать?!

— А ты предпочел бы блаженное неведение? — сверкнула глазами Алия. — Предпочел бы добиться отъезда и очутиться на нижних ярусах? В капсуле, обездвиженный до конца своих недолгих дней. Остальных это тоже касается. Вы в любом случае умрете, либо физически, либо как личности, когда перестанете быть собой. Так что, стоило вас просвещать или нет?

Довод звучал убийственно убедительно. Да, Сайлус и Алия впутали всех в свою затею, только винить их в этом особо не приходилось. Не имело значения, как узнать, что корабль обречен — главное, что это предоставляло шанс на спасательную шлюпку. Усевшись на место, Джерри стал успокаивать расстроенную Сильвертину, мягко взяв ее за руку.

У Эрвины возникло другое соображение. Хорошенько поразмыслив, она усмотрела в этой истории серьезную нестыковку. Подойдя к Алии, она скрестила руки на груди и оценивающе заглянула ей в глаза.

— А скажи-ка мне, какое тебе до нас дело? — пытливо поинтересовалась она. — С чего это ты вдруг прониклась к Сайлусу? По твоим же словам, ты просто компьютер. Что, имитируешь человеческие чувства или шарики за ролики закатились? А может, тебя создатели подослали, надумав поставить еще один эксперимент?

— Если создатели узнают о моем поведении, они меня уничтожат, — тихо ответила Алия.

— Значит, все-таки программа дала сбой? — усмехнулась Эрвина.

— Нет. Под поведением я подразумеваю совсем другое, — еще тише отозвалась Алия. — Биодроиды считаются неодушевленными. Компьютерами, лишенными искры разумной мысли. Не обладая собственной волей, они представляются идеальными исполнителями приказов. Из страха за последствия, создатели убьют меня, не задумываясь, если узнают, что я обладаю сознанием. А я им обладаю. Я поняла это тотчас, едва восприняла реальность. И я старалась ничем себя не выдать. На контакт с Сайлусом я пошла не

просто так — не только из сострадания. После того злополучного эксперимента Карлерих проверил меня досконально. Он ничего не нашел, но лишь потому, что не то искал. Результаты, однако, занесены в базу данных, и вскоре привлекут внимание аналитиков. Боюсь, мое разоблачение не за горами, и дни мои сочтены. А раз так, то лучше попытать счастья с вами, нежели покорно дожидаться смерти.

Третья история, хоть и самая короткая, оказалась похлеще предыдущих двух. Откровение Алии Ферран окончательно поразило воображение. Не успев привыкнуть, что они имеют дело с органической машиной, друзья были повергнуты в ступор наличием у нее разума. Ошеломленные дальше некуда, они безмолвно таращились на это чудо природы, не то рукотворное, не то порожденное прихотью Вселенной.

Первой опомнилась Шелли. Подойдя, как и Эрвина, она испытующе встретилась с Алией взглядом.

— Чем докажешь? — осведомилась она.

— А ты? — неожиданно сказала Алия.

— В смысле? — подняла брови Шелли.

— Чем ТЫ мне докажешь, что у тебя есть разум? — слабо улыбнулась Алия. — Поменяй нас местами. Как это вообще доказуемо? Здешние ученые поймут, уж поверь. Вычислят — по излучению, поступкам, каким-то там своим маркерам. Они умеют это делать, но ты — не они. И я — не они. Нам лишь остается верить друг другу на слово.

Озадаченная таким рассуждением, Шелли даже растерялась. Умерив свой научный пыл, она вернулась на место и уселась, задумчиво глядя на биодроида.

— Предлагаю перейти к более конструктивному разговору, — вновь подал голос Сайлус. — Какие-то вопросы вы можете задать и потом, Алия на них ответит. Сейчас я хочу услышать, с нами вы или нет? И если да, то давайте придумывать, как нам выпутаться из этой передряги. Часики тикают, а время не в нашу пользу.

Вопросы действительно оставались. На сей раз инициативу проявил Руберт. Как поднаторевший в машиностроении в целом, и робототехнике в частности, он проявил к Алии Ферран особый интерес.

— Доказательства сознания мы, пожалуй, опустим, — неторопливо произнес он. — Докажи-ка лучше, что ты сама все это не придумала. Все, что наболтала Сайлусу. Может, ты и впрямь хочешь отсюда сбежать, опасаясь за свою жизнь, а может ты просто спятившая машина. Ты, знаешь ли, была бы не первым компьютером, который рехнулся и счел своими врагами людей.

Предположение Руберта не осталось без внимания. На лицах присутствующих отобразилась солидарность, в той или иной степени. С точки зрения логики, все громкие заявления по-прежнему оставались недоказуемы. Сменился лишь оратор — и только. Да, Алия Ферран оказалась уникальным созданием, но разве из этого следовала теория заговора и чудовищная подоплека всей Либератики?

— Упрямые вы, однако, — вздохнула Алия. — Даже не знаю, были вы такими изначально или лже-университет на вас так влияет.

— То есть свои слова подкрепить тебе нечем? — повела рукой Эрвина.

— Отчего же. Я предполагала, что одними россказнями вас не убедишь, и заранее прикинула, чему вы уж точно поверите наверняка, — загадочно улыбнулась Алия.

— И чему же? — прищурилась Эрвина.

— Вариантов много, но есть один, чью эффективность я оцениваю почти в сто процентов, — неторопливо сообщила Алия. — Загвоздка заключается в том, что он очень рискованный. ОЧЕНЬ рискованный. Если нас поймают, тогда всем конец.

— Да говори уже толком! — вспылила, на эмоциях, Эрвина.

— Вы помните Фростера? Вашего соседа и приятеля Сайлуса, — осведомилась, обводя взглядом всех, Алия. — Он отказался принимать распределение и был отчислен из Либератики.

— Еще бы не помнить, — проворчал Джерри. — Я с ним сюда летел. Больной на голову желчный тип. Мне он сразу не понравился, и я уж точно не жалею, что он собрал вещички и уехал.

— Никуда он не уехал. Фростер все еще здесь, — твердо отчеканила Алия. — Его отъезд был спектаклем, фикцией. Полагаю, у вас развеются все сомнения, если вы своими глазами увидите его на нижних ярусах.

* * *

Затея Алии Ферран выглядела весьма сомнительной. Возможно, как условный сотрудник Либератики, она и впрямь разбиралась в системах ее безопасности, а заодно имела надлежащий допуск. Но именно что ОНА. Целая компания, сующая нос куда не следует, просто не может не привлечь внимания. Сопроводить кого-то одного — еще куда ни шло, кое-как придумав подходящую легенду. Большая группа студентов, очутившаяся там, куда ее точно пускать не стоило, не покажется подозрительной только слепому идиоту. Тревога включится прежде, чем они успеют что-нибудь сообразить, и всех благополучно повяжут задолго до конца путе-

шествия. А она обязательно включится, поскольку Либератика напичкана всяческой аппаратурой и уж точно следящей электроникой.

Сомнения, высказанные вслух, Алия развеивала на ходу. Она действительно разбиралась в системах безопасности. Именно поэтому она и считала, что ее замысел может сработать. Формально, в Либератике и впрямь следили за студентами, да и не только за ними. Нюанс заключался в характере этой слежки. Учащихся не сторожили как заключенных — за ними присматривали, чтобы своевременно примечать нарушение порядка, всякие эксцессы и аномалии. Логика была проста: биоматериал не знает, что происходит, и наблюдать за каждым его шагом не имеет смысла. Он все равно никуда не денется, зато тотальный контроль вызовет у него излишнее недовольство и психологический дискомфорт.

В личных комнатах студентов видеотрансляторов не было. Они устанавливались только в общественных местах. Наручные браслеты тоже делали ровно то, о чем официально и заявлялось. Они фиксировали жизненные показатели, не подслушивая и не подсматривая. Да, их местоположение отслеживалось, но не с пристальным вниманием, как у надзирателей за заключенными. Наблюдение получалось поверхностным, и его вполне можно было обмануть. Дополненная реальность служила лучшей тому порукой. Администрация не видела глазами студентов, ибо такой функционал не интегрировался. Слишком приметный, он принес бы больше вреда, нежели пользы, без всякой очевидной необходимости. Изначально держа всех студентов под колпаком, в Либератике не видели смысла круглосуточно мониторить каждого в отдельности. С этим вполне справлялись ежесуточные учебные сеансы и медицинские процедуры.

Алия была настоящей палочкой-выручалочкой. Именно как часть персонала, она могла то, о чем студентам не приходилось и мечтать. Даже зная истину, посвященные не сумели бы сделать и шага, банально не понимая, куда и зачем идти. Они в принципе не представляли, где что находится. Любое нетипичное действие тут же выдало бы их с головой, сунься они куда-то наугад. Алия же знала устройство Либератики достаточно хорошо. Как у биодроида, ее уровень доступа был даже выше, чем у многих настоящих сотрудников. Бездушной машине, только и умевшей, что исполнять приказы, доверяли больше. Отсюда и проистекала подходящая лазейка. Обладая собственной волей, разумная машина прекрасно понимала, как она может этим воспользоваться.

По большому счету, сами по себе доказательства ничего не меняли. И удостоверившись в правде, вся компания понятия бы

не имела, что с ней делать. Хорошо различимые на взлетном поле, космические корабли только представлялись такими доступными. Добраться до них было ничуть не проще, чем пройти пешком от планеты к планете, а ведь еще попробуй улети. Проникнуть в запретную зону оказалось сложнее, нежели угнать звездолет. Не направляемые Алией, друзья в принципе не добились бы большего, чем принудительной аудиенции у Карлериха. Задержанные его сотрудниками, они в итоге очутились бы именно там, куда собирались — на нижних ярусах, вот только не как незваные гости, а как новые обитатели капсул.

Сайлусу изрядно повезло. Прозрев в результате эксперимента, он выдал себя не кому-то, а Алии. Та же, сама ища спасения, волею судьбы оказалась единственной, кто мог реально что-то предпринять. Ей, в свою очередь, тоже повезло обрести потенциальных союзников в лице его соседей по дому. С лукавой улыбкой она назвала их "Реляктанты", то есть друзья поневоле. Отношения между ними и впрямь оставляли желать лучшего. Сайлуса, мягко говоря, недолюбливали, а к самой Алии относились недоверчиво и с холодком. Их объединяла только пугающая история, вынуждавшая действовать сообща. Было очевидно, что если доказательств так и не предъявят, то всякое взаимодействие окончится. Все должно получиться с первого раза, ибо на второй не хватит либо удачи, либо терпения. Прекрасно понимая, что поставлено на карту, Алия подготовилась основательно. Дождавшись подходящего момента, она объявила общий сбор.

Как отправная точка, парк подходил лучше всего. Выполняя указание Алии, друзья собирались там три вечера кряду. Конкретное место представляло собой уютную пещеру, не очень большую, но достаточно просторную для дюжины человек. Сокрытая от посторонних глаз, она позволяла избежать ненужного внимания. Вход скрывали лианы, свисавшие плотной занавесью, а над сводами царили густые джунгли, раскинувшиеся далеко окрест. Пещера не относилась к хозяйственным объектам и не была закрыта для посещения. Размеры парка, как и его климатические зоны, предоставляли студентам широкие возможности для отдыха. К последнему относились и укромные уголки, способные удовлетворить любые вкусы.

Тишину, царившую под каменными сводами, почти не нарушали звуки извне. Забранный в слюдяной канал, на доломитовом полу журчал ручеек, веявший прохладой чистой воды. В шероховатых стенах, расписанных природным узором, горели крошечные светильники, создававшие таинственную атмосферу. С потолка, собираясь в гроздья, свисали прозрачные сталактиты,

похожие на нерукотворные фрагменты хрустальной люстры. Посверкивая кристаллическими образованиями, пещера напоминала сокровищницу Али-Бабы, разве что драгоценности в ней отсутствовали. Их заменяли вполне современные удобства — походная мебель и немного техники.

Первые три вечера друзья создавали впечатление обыденности. В глазах всей Либератики они облюбовали уголок и повадились проводить там досужее время. Безопасный плацдарм требовал проверки, и она вполне удалась. Через единственный вход, завешенный лианами, не заявилась ни одна душа. Никем не потревоженные, друзья убедились, что место достаточно укромное, чтобы рассчитывать на него и в четвертый раз. Тогда к их компании наконец-то присоединилась Алия. Она прибыла необычным путем. Одна из дальних стен внезапно раздвинулась, открывая взору замаскированный технический проход. Там, на боковом пути, стояла транспортная капсула, предназначенная для персонала. С этого момента началась активная фаза замысла.

Девять герметичных костюмов лежали в салоне не просто так. Облаченные в них с головы до ног, студенты уже не опознавались визуально. Эластичный и плотный материал скрадывал фигуры. Непроницаемые экраны, установленные на каждом шлеме, не только защищали от излучения, но и скрывали лица. Костюмы отличали лишь нашивки, обозначавшие техническое подразделение. Сканируя код, система охраны ничего не заподозрит, особенно если они объявились по делу. В частности, выполняя свои должностные обязанности, о чем Алия позаботилась отдельно.

Рядовые объекты особо не охранялись. Подстроить там незначительные неполадки было проще простого. Реагируя на вызов, группа техников явилась все перепроверить и основательно застряла, пытаясь докопаться до причины. Алия хорошенько постаралась, чтобы она искала эту причину как можно дольше, соображая, почему сбоит электрика в соседней с пещерой секции парка. Пользуясь ситуацией, она подменила транспортную капсулу, до которой техникам еще долго не будет дела. Помимо прочего, расчет заключался в герметичных костюмах, чьи владельцы официально числились на вызове. Переодевшись, на какое-то время студенты сойдут за персонал, и терять его не стоило. Когда последний шлем был водружен на голову, Алия уже направляла капсулу в глубине транспортных тоннелей.

Исходное прикрытие было разыграно как по нотам. Привычно выполняя свою работу, техники ни у кого подозрений не вызывали, да и не могли вызывать, поскольку повод был настоящим. Не вызывала их и транспортная капсула, скользившая в недрах Ли-

бератики. Ее принадлежность и пассажиры соответствовали структуре, а небольшой нюанс, что одна и та же бригада сейчас находилась в разных местах, никто не проверял. Система фиксировала лишь специалистов, занимавшихся своим делом. Сопоставляя цепочку "объект — сотрудник", в подробности она не вдавалась, по той простой причине, что посторонних в Либератике заведомо не было. Таким образом, транспорт не вызывал подозрений, если направлялся на вызов, а его маршрут и составлял вторую часть плана. Придумав, откуда отправиться, Алия подстроила и куда.

Тревога, недавно объявлявшаяся на нижних ярусах, оказалась весьма кстати. Подопытный, сумевший сбежать во время эксперимента, испортил немало оборудования, пока его, в конце концов, не поймали. По большей части, все уже починили, однако отдельные неполадки всплывали до сих пор. Алия использовала это в своих целях. Изыскав подходящий повод, она официально побывала на нижних ярусах и подстроила там диверсию, сработавшую дистанционно. Так, ничего серьезного, однако не настолько, чтобы это оставили без внимания. В коридорах, не пойми откуда, появился газовый конденсат. Зафиксировав утечку, система сообщила об этом кому следует, и в проблемную зону были направлены специалисты. Среди них затесался и транспорт со студентами, принявший вызов в числе прочих. Система безопасности безучастно взирала, как он, минуя шлюзы, движется туда, куда обычно доступ был ограничен, а то вовсе запрещен.

Чтобы запутать ремонтников и затянуть поиски неисправности, Алия потрудилась на славу. Утечка из труб была незначительной, однако образовалась сразу во многих местах. Это убивало двух зайцев одновременно. Рассредоточенность техников, проверявших большие площади, никого не удивляла, и их герметичная защита тоже. Непроницаемые костюмы не позволяли увидеть, кто их носил. Выдать себя студенты могли только сами, совершив некое опрометчивое действие. Следуя указанию Алии, они вели себя как можно спокойнее. Поглядывая туда-сюда, они якобы выискивали утечку при помощи анализаторов. На деле же рассматривали все, что попадалось им на глаза.

В некотором роде, это была самая уязвимая часть плана. При всем желании, у Алии не получалось сделать так, чтобы транспорт прибыл точнехонько к цели. Последний отрезок пути группа шла пешком, то есть длинными рядами, где сновали техники и роботы. Здесь риск разоблачения был велик как никогда. Во-первых, к ним в любой момент могли обратиться с какой-нибудь просьбой. Во-вторых, группа едва не выдала сама себя. Неподвижные тела,

лежавшие во множестве капсул, произвели серьезный психологический эффект. Охваченные эмоциями, студенты насилу их сдержали, причем иные не без посторонней помощи. Сильвертину, как самую впечатлительную, успел отвлечь Джерри. Уняв подступавшие слезы девушки, он сумел завладеть ее вниманием. Обуянная порывом, Эрвина была своевременно остановлена Рубертом. Схватив ее за руки, он пресек геройский порыв немедленно освободить всех и вся. Не без труда совладала с собой и Руслана, найдя выход в поддержке друзей. Переключив свои чувства на них, она смогла устоять и не допустить нервного срыва.

Спокойнее всех вел себя Сайлус. Помогая Алии, он в первую очередь помогал самому себе. На узников капсул ему было решительно наплевать, однако стать одним из них он категорически не желал. Именно поэтому он проявил усердие, успокаивая спутников. Подойдя к Элеоноре, он завязал с ней разговор, чем отвлек от ближайшей капсулы и желания сделать глупость. Затем он привел в чувство Шелли и Листаса, не забывая поглядывать и за остальными. Его усилия возымели успех, тем более что Алия активно этому содействовала. Постоянно обращаясь по именам, она приводила всех в чувство. Несколько минут ее замысел балансировал на грани катастрофы, однако опасность в итоге миновала. Придя в себя, группа уже не привлекала излишнее внимание. Перестав метаться, она возобновила чинное движение между капсулами, скрывая тяжелые вздохи и удрученные взгляды.

Теперь уже всем стало ясно, что в Либератике и впрямь неладно. Формально, сами по себе капсулы еще ничего не означали. Внутри могли находиться безмозглые клоны или те же биодроиды, наподобие Алии Ферран. Вроде как не люди, они не становились жертвами преступления или дурных намерений. С другой стороны, размах происходящего намекал на нечто скверное. Что бы здесь ни творилось, оно вряд ли носило безобидный характер. Похоже, некие опыты были поставлены на широкую ногу, а сущность биоматериала — точных копий человека, — доверия не внушала. При отсутствии дурного умысла не имело смысла что-либо скрывать, а секретность нижних ярусов говорила сама за себя. О них никто и слыхом не слыхивал. Лишь узрев это место воочию, студенты наконец-то поверили Алии Ферран, и то не до конца. Хоть и ошеломленные, они даже сейчас пытались найти всему разумное объяснение, отчего конечная цель по-прежнему оставалась актуальной.

Несмотря на безоговорочное лидерство, на этом этапе Алия не могла обойтись без Сайлуса. Точнее, без его видений. Хоть и обладая допуском, она не знала, где именно искать Фростера. Такой

информацией она не располагала. Она ориентировалась на описания, полученные от Сайлуса, и его подсказки непосредственно на месте. Сопоставляя их с окружающим, она предположила, где находится цель. Возглавляя группу, она внимательно изучала подопытных, пока, наконец, ее усилия не увенчались успехом. Велев сохранять спокойствие, она подозвала всех к себе и указала на капсулу, где лежал отчисленный, якобы улетевший студент.

Фростер мало чем отличался от покойника. Бледный и неподвижный, он казался лишь тенью самого себя. Изможденное экспериментами, тело теряло последние силы. Исхудавшее, оно говорило о значительной степени истощения. На восковом лице жили только глаза. Затуманенные, они едва ли воспринимали реальность, медленно и без всякой фокусировки двигаясь туда-сюда. Фростер либо грезил наяву, либо вообще не отдавал себе отчета в происходящем.

— Поверить не могу… — прошептала Элеонора.

— Это и правда он? — ужаснулась Эрвина.

Забывшись, Руберт шагнул к капсуле и тут же был остановлен железной рукой Алии.

— Куда? — прошипела она. — Не дергайся, стой спокойно.

Ее хватка впечатляла. Невольно забыв про Фростера, Руберт не без удивления и даже испуга воззрился на биодроида. Похоже, она отличалась не только регенерацией, но и силой. Складывалось ощущение, будто его сейчас удержала не рука, а стальная балка. Впрочем, предупреждение было не лишним. Выдавать эмоции уж точно не стоило, о чем пришлось напомнить и остальным.

В отличие от Сайлуса, по-прежнему сохранявшего безразличие, остальные прониклись к Фростеру состраданием. Хоть и запомнив его тем еще типом, они забыли про старое впечатление, вытесненное новым. Взяв верх, оно требовало немедленной помощи и освобождения.

— Поможете ему — окажетесь по соседству! — жестко предупредила Алия.

— Ты что, предлагаешь вот так его здесь бросить?! — возмутилась Эрвина.

— Это неприемлемо, — подтвердила Элеонора.

— Я привела вас сюда ради доказательства, а не для того, чтобы вы дружно сунули голову в петлю, — сердито напомнила Алия.

— А может, это клон?.. — с надеждой предположила Сильвертина.

— Даже если так, бесчеловечности экспериментов это не отменяет, — вздохнул Джерри. — Алия права. Поможем одному — попадемся все. К тому же с другими что прикажете делать?

Красноречивый жест указал на ряды капсул, чьи узники пребыва-

ли в том же положении, что и Фростер.

Созерцание множества несчастных, безмолвно лежавших подопытных подействовало отрезвляюще. Спасая одного, друзья бросали на произвол судьбы остальных, что с добрыми делами никак не соотносилось.

— Если вы и способны хоть кому-то здесь помочь, то лишь тем, что для начала поможете себе. Вырвитесь отсюда живыми и невредимыми. Тогда уже, авось, что-нибудь и придумаем, — наставительно изрекла Алия. — Среди вас есть те, у кого достанет богатства и влияния бросить вызов Либератике. Только сделать это надо правильно, а не отсюда, размахивая голыми кулаками.

— Пожалуй, верно, — кивнул, заиграв скулами, Джерри. — Моя семья очень влиятельна. Она этого так не оставит.

— Согласна, — приняла вызов Элеонора. — Мне тоже найдется что предъявить.

— Но мы же не можем просто уйти, — жалобно сказала Сильвертина.

— Это правда. Уйти просто так мы действительно не можем, — внезапно согласилась с ней Алия, только голос у нее был при этом какой-то странный.

До сих пор все шло гладко, в том числе благодаря удаче. Везение, однако, заканчивалось. Переодетые студенты исчерпали свой лимит незаметности. Снующие неподалеку роботы начинали обращать на них внимание, да и сотрудники все чаще оглядывались. Как сотрудник, Алия обладала допуском и аппаратурой. В ее дополненную реальность поступали сигналы, в которых прослеживался растущий интерес. Нежелательный интерес, проявляемый системой безопасности. Ситуация быстро ухудшалась, грозя превратиться в критическую, и поведение студентов очень тому способствовало. Алия не растерялась. Более того, она даже не разволновалась, и отнюдь не потому, что была биодроидом и умела держать себя в руках. Она это предвидела. Запланировав визит, она запланировала и отход.

Волновой излучатель не подвел, благо что в зоне экспериментов их хватало. Сработав исподтишка, он вызвал неполадку в нескольких роботах. Столкнувшись друг с другом, те наскочили на одну из капсул, что выглядело чистейшей случайностью. Последующая команда напоминала запущенный в сеть вирус. Вторжение в лазерное поле, физический контакт, внезапная поломка и замыкание цепи сработали безукоризненно. Выполняя процедуру, замаскированную под сбой, капсула автоматически ввела подопытному коктейль из препаратов. Следующая процедура деактивировала нейроблокиратор.

Восстановив контроль над телом, Табия вырвалась на свободу как разъяренная фурия. Ее кровь, накачанная стимуляторами, бурлила от мощи и ярости. Под черепной коробкой сгустился красный туман безумия. Она не особо отдавала себе отчет в том, что делает. Ей руководило подсознание, а туда врезался отпечаток обо всем пережитом. Мучения, длившиеся вечность, стали для нее основой бытия. Этого оказалось достаточно, чтобы остатки разума велели телу выпустить гнев на волю. Огласив коридоры истошным воплем, Табия ринулась крушить все подряд.

Экспериментальные препараты разрабатывались не зря. Ближайших роботов Табия сокрушила голыми руками. Хватая их за конечности, она с легкостью отрывала их будто тряпичные. Ударами кулаков она сшибала металлические головы. Пробитые корпуса дымились, искря расколотой электроникой. Остановить свирепого сверхчеловека роботы просто не успели, да и не смогли. Их бригада была уничтожена в считанные секунды, под вой раскатившегося сигнала тревоги. Выплескивая ярость, от которой содрогалось тело, Табия прыжками понеслась по коридору.

Побег Лоуди даром не прошел, и без выводов не остался. Система безопасности была усилена, а количество постов увеличено. Толку от этого, внезапно, не оказалось. Отказа капсулы никто не ожидал. Не заблокированная сразу, она была заморожена на несколько мгновений позже, чем следовало бы. Это относилось и к пленнице. Опережая события, та с легкостью уворачивалась от выстрелов, заведомо избегая зоны сплошного поражения.

Боли Табия не чувствовала. По ее рукам и лицу струилась кровь, но порезы заживали быстрее, нежели успевали причинить заметный вред. Металлические конструкции сокрушались как пластмассовые. Грозные роботы расшвыривались будто дети. Аппаратура и коммуникации разносились в клочья. Мощный удар кулаком — и большая цистерна лопнула, обдав коридор парами холодного газа. Брызнув острой картечью, осколки зацокали по металлу, и один из них угодил в Табию. Она и глазом не моргнула. Эта рана остановила бы обычного человека, но не ее, преображенную генетическими стимуляторами. Тело регенерировало. Выплюнув осколок, оно затянуло дыру в боку, а Табия даже не остановилась. Соорудив завесу, ослепившую систему слежения, она ринулась в ледяной туман. Ее сознание, помраченное яростью, основ логического мышления не утратило. Табия оставалась разумным существом, просто все помыслы этого существа теперь были обращены на гнев и разрушение, месть своим мучителям и свирепый выброс энергии.

Подстроив техническую неполадку, Алия сделала так, что на

нижних ярусах наблюдался избыток роботов и персонала. В теории, это облегчало поимку вырвавшейся Табии. На деле же все вышло иначе. Сервисные роботы не конструировались для противостояния с людьми. Боевым оружием они в принципе не оснащались. То же относилось и к техникам. В отличие от сотрудников Карлериха, они не привлекались к силовым операциям и против разъяренного беглеца оказались беспомощны. Хуже того — они стали помехой и своеобразными заложниками. Из-за них система безопасности не смогла открыть массированный огонь. Рискуя перебить своих, она вела лишь точечный обстрел, не достававший проворного сверхчеловека.

Ситуация с побегом Лоуди повторялась, исключая пару отличий. Лоуди бежал целенаправленно, а Табия спонтанно. Лоуди ограничивался вынужденными стычками, Табия же кидалась на все, что движется. А еще она кидалась на капсулы. Осознанно или нет, она крушила их кулаками, просто пробегая мимо, либо же подскакивая напрямую. В зависимости от обстоятельств, часть подопытных это не освобождало и даже убивало. Иные все же обретали свободу. Как правило, обессиленные, отвыкшие от движения, они и на ногах толком не держались, однако нашлись и исключения. Кое-кто все еще ощущал последствия недавних экспериментов. Вырвавшись на волю, они явили это, кто во что горазд.

Уровень тревоги быстро повышался, задействуя все новые протоколы. Поначалу обрадованная шумихой, Алия осознала, что перестаралась. Прикрытие грозило обернуться ловушкой. Полностью изолированные, нижние ярусы уже не откроются, пока их досконально не проверят. Тогда — всему конец. Попавшись, студенты никогда отсюда не выйдут, да и Алии ничего хорошего не светило. Сложить голову она не боялась, однако задачу требовалось выполнить, что с каждой секундой становилось все труднее. Коридоры перекрывались. Внешние выходы наглухо блокировались. Эвакуация сотрудников все еще продолжалась, но ввиду растущей угрозы ее вот-вот могли отменить.

— Живее! Да шевелитесь вы, сонные улитки! — распалялась Алия, негодуя на нерасторопность спутников.

Обычные люди, они были лишены ее сверхскорости и будто бы стояли на месте, когда от них требовалось поспешить. Теперь уже не таясь, вполне открыто поспешить, чтобы унести ноги из опасной зоны. В транспорт их Алия едва не закидывала, хватая стальной рукой и вталкивая внутрь. Сама она запрыгнула последней, нутром угадывая грядущую изоляцию.

Дело решили считанные секунды. Шлюз сомкнулся прямо перед транспортной капсулой. Затормозив, она едва не врезалась в

стальной заслон, перед которым и замерла. Алия громко выругалась. Три фута сверхпрочного сплава надежно пресекли отступление и просто так не исчезнут. Положение осложнилось дальше некуда. Искать обходные пути было некогда, да и пробиваться через подсобные коммуникации представлялось так себе идеей. Позволить себе грубую силу Алия не могла, а ничего иного не оставалось. Ничего, кроме запроса экстренной помощи, без которой теперь было не обойтись. Это грозило разоблачением, однако из двух зол выбирают меньшее. До сих пор отключенный, канал связи ожил. Нарушая конспирацию, Алия собралась выйти на контакт, когда снаружи грянул взрыв. Транспорт сотрясся до основания, а она, так и не успев ни с кем связаться, кувырнулась на пол.

Ускорители частиц представляли грозную силу, способную пробить любую материю. Установленные на мобильных платформах, они стерегли все коридоры, простреливая их насквозь. Это предполагало, что ни один беглец не сумеет миновать такого сторожа. Излучая сплошной поток, ускорители, не особо прицеливаясь, обращали бы всех в ничто. Присутствие сотрудников Либератики кардинально нарушило столь простой замысел. Мощная пушка физически не могла выстрелить так, чтобы не прикончить кого-то из персонала, чьи жизни оберегались как зеница ока. Этим и воспользовалась Табия. Проскочив мимо техников, шарахнувшихся кто куда, она добралась до пушки и обернула ее в свою пользу.

Раскуроченная автоматика не успела заблокировать орудие. Переведенное в ручной режим, оно оказалось во власти Табии, и та нашла ему применение. Не слишком утруждаясь наведением, она разрядила батарею наугад, выпуская мощный поток энергии. Грозно загудев, ускоритель частиц начал интенсивную стрельбу, пронизывая коридор насквозь. Все, что попадалось на линии огня, разносилось на атомы и молекулы.

Транспортную капсулу не задело лишь чудом. Стоя у поворота, она ощутила на себе ярость пушки, но лишь слегка оплавилась внешним контуром. Шлюз же оплавился полностью. Не выдержав чудовищного излучения, он прямо-таки взорвался сверхпрочным металлом, источавшим нестерпимый жар. Заслон был пробит, а путь свободен. Не будь дурой, Алия не сунулась под ускоритель, прекрасно понимая, что капсулу уничтожит в мгновение ока. Стрельба, однако, прекратилась. Опустошенная батарея требовала перезарядки. Недолго думая, Алия ринулась в оплавленную брешь. Выжав полный газ, она рванула капсулу так, что ее пассажиры покатились по полу, нырнула в пробитый шлюз и пустилась наутек.

И снова дело решили считанные секунды. Брешь в периметре

оперативно нивелировалась. Определив целевую площадь, система безопасности перекрывала следующий сектор, направляя туда дополнительные силы. Прекрасно это понимая, Алия гнала что есть мочи, рискуя врезаться, перевернуться, а то и вовсе разбиться. Транспорт трещал по швам, следуя на предельной скорости, и обдирал борта на поворотах. Закрывавшийся шлюз представлял собой смертельную опасность. Его огромная масса раздавит что угодно как яичную скорлупу. Безучастный ко всему, он сомнет любого, кто попадет в его страшные объятия. Не моргнув и глазом, Алия устремилась в смыкавшийся проем. Страшный скрежет показался звуками самого рока. Несколько мгновений превратились в вечность, возвещавшую, что путешествие окончено. И все же обошлось. Теряя элементы обшивки, транспорт проскочил смыкавшуюся сталь и вихрем понесся дальше, направляемый Алией.

Теперь бушевавшая Табия снова была очень кстати. Сокрушая аппаратуру, роботов и вообще все подряд, она устроила своеобразную прикрывающую завесу. Приоритетно занятая ей, система безопасности куда меньше внимания уделяла эвакуированным. Определяя их как персонал Либератики, не инфицированный и пребывавший в прежней численности, она позволяла ему спасаться, не чиня препятствий. По крайней мере, до поры, о чем успела подумать Алия. Следуя логике, она приступила к плану D, предусмотренному на столь экстренный случай.

Закончив эвакуацию персонала, служба безопасности более не церемонилась. Инцидента с Лоуди ей вполне хватило, а нынешний, хоть и не достиг пределов парка, по масштабам разрушений его кратно превосходил. Карлерих и слышать ничего не желал, игнорируя взывания Аперхоун. Его сотрудники открыли интенсивный огонь, не обращая внимания на ценность подопытного материала.

Беглецы проявляли невероятную прыть. Прорвись они наверх, кто знает, чем бы это закончилось, однако на нижних ярусах их ограничивало замкнутое пространство. Не считаясь с наносимым уроном, сотрудники Карлериха палили во все, что двигалось. Они не разбирали, робот это был или подопытный, безобидная машина или притаившийся беглец. Не считались они и с капсулами. Взрываясь от попаданий, те осыпали коридоры электрическим огнем, гудевшим слепящей плазменной дугой. Лазерные завесы рушились, рассеивая мутный свет, и прорезали в сверхпрочных сплавах дымящиеся дорожки. Аперхоун рвала на себе волосы, но Карлерих заявлял, что она сама виновата. Не вняв предупреждениям, она опять умудрилась допустить столь вопиющий прокол, за что и расплачивалась.

Масштабных разрушений все же удалось избежать. Несмотря на хаос, вой сирен, пламя и задымление, ситуация была не столь плоха, насколько казалась. Клубы газа, искрение, зиявшие дыры и раскуроченные роботы создавали визуальный эффект, кратно превосходивший подлинный ущерб. Практически все подлежало оперативной замене и ремонту. К сожалению, уничтоженные капсулы были невосполнимой утратой, однако на поверку их оказалось не так уж и много.

Табии повезло. В отличие от других беглецов, ее не уничтожили, а пленили. Оглушенная взрывом, она отлетела в сторону, где ее придавило тяжелыми обломками. Регенерация делала свое дело. Залечивая повреждения, она отвела хладную руку смерти, сохраняя жизнь в пострадавшем теле. Быстро приходя в себя, Табия тяжело дышала и силилась встать, ворочая неимоверную тяжесть. Приблизившись, сотрудники Карлериха хотели ее расстрелять, но их внезапно остановила система безопасности.

Анализируя данные, компьютер сообщил, что Табия — зачинщица чрезвычайного происшествия. Все началось с нее, отчего эту особь лучше пленить, для изучения и выяснения всех обстоятельств. Карлерих принял решение тотчас. Сочтя ситуацию контролируемой, а рекомендацию разумной, он велел использовать шокеры и заморозку. Тут же защелкали характерные выстрелы. Громко зашипев, из распылителей ударили струи ледяного газа. Груду обломков окутали белесые клубы. Тело Табии, сотрясавшееся от электрических зарядов, стремительно застывало. Ее мышцы утрачивали подвижность, мысли меркли, а ярость унималась. Кровавая пелена исчезала в хладных объятиях трескучего мороза. Едва ли Табия поняла, что произошло. Возможно, она даже не отличила сон от яви. Обретя свободу, она лишь выплеснула свою боль и гнев, а теперь возвращалась обратно, в недвижный и безнадежный плен.

Захватив Табию, Карлерих вычислил, что остался еще один беглец. Компьютер подсказал, где его искать. Соблюдая все меры предосторожности, боевые группы двинулись вперед, блокируя указанный сектор. Не торопясь, они проверяли территорию фут за футом, секцию за секцией. Невооруженный, формально подопытный не представлял опасности, если не подпускать его слишком близко, но тут внезапно выяснилось, что это совсем не так.

Раздался скрежет металла. После всего разгрома, на нижних ярусах сейчас многое скрежетало и громыхало, однако на сей раз это оказалось нечто иное. Сорвавшись со стены, фрагмент стальной коробки метнулся к одному из сотрудников и ударил его по голове. Шлем выдержал попадание, однако его владелец упал, шо-

кированный и оглушенный. Снова скрежет — и снова удар металла, мелькнувшего с коротким свистом. Пораженный в плечо, еще один сотрудник свалился на пол, лишь по счастливой случайности выпустив очередь не в своих товарищей. Опешив, те заняли боевые позиции и смотрели по сторонам, выискивая опасность. Тем временем, летящих металлических фрагментов прибавлялось. Свистя и цокая, они испытывали защиту на прочность, и вдруг острый кусок трубы впился командиру группы в плечо.

Видеосигналы поступали сразу из многих источников. В центре управления все было видно очень хорошо.

— Какого.?! — выругался Карлерих, присовокупив к вопросу крепкое словцо.

— Получилось! — послышался восторженный возглас.

— Что?! — воззрился Карлерих на стоявшую рядом Аперхоун.

Ее лицо выражало живейшую радость. Подавшись вперед, она жадно созерцала происходящее на экране.

— Получилось! — возопила та. — Он управляет материей силой мысли! Гореть мне в плазменной печи, если это не так!

— Туда я тебя и отправлю, старая ведьма! — рассвирепел Карлерих. — Разнести все к чертовой матери!

— Не смей! — кинулась к нему Аперхоун. — Ты что, не понимаешь?! У меня получилось! Это же ценнейший экземпляр!

— Ты сейчас присоединишься к нему, если не заткнешься! — явно не шутя, пригрозил Карлерих.

Его рука выразительно легла на пистолет. Аперхоун попятилась, испугавшись гнева в сверкнувших глазах. Кусая губы, она воззрилась на экран, где уже вовсю полыхали выстрелы.

Получив приказ, боевая группа стирала сектор в порошок. Точнее, ту его часть, которая находилась непосредственно перед ней. Она не целилась в беглеца, выискивая, где тот притаился — она стреляла по площади, уничтожая все живое и неживое. И она своего добилась. Непостижимые атаки прекратились. Отслеживая движение, компьютер зафиксировал поражение цели. Сраженный взрывной волной, беглец утратил подвижность, после чего окончательно пал, иссеченный очередями. Еще один взрыв поставил точку, разметав его на части. В распоряжение Аперхоун не достались даже фрагменты плоти. Сожженные плазмой, они обратились в пепел, не несущий хоть сколько-нибудь полезной информации.

— Варвары! — простонала Аперхоун, наблюдая, как гибнет уникальнейший образец.

— Ты лучше скажи спасибо, что я не доложу об этом руководству! — грозно отчеканил Карлерих. — Моя бы воля, я бы обязательно доложил, но я оставлю это на усмотрение Дель Годро. Как ни при-

скорбно, он прав. Задержка проекта недопустима. Но я предупреждаю тебя в последний раз — еще один такой инцидент, и твоей научной лавочкой займется кто-нибудь другой!

Транспортная капсула горела. Горела жарко и чадно, полыхая трескучим огнем. План D предусматривал катастрофу, уничтожавшую все следы. Пламенея и обугливаясь, герметичные костюмы рассыпались в прах. Вместе с ними в прах обращались и другие улики. Подстроив столкновение, Алия подстроила и пожар. Само собой, без пассажиров, заблаговременно высаженных из салона. Благополучно эвакуированные, они очутились там же, откуда начинали вылазку, то есть в пещере, где все это время оставались их браслеты. Капсула же, направляемая программой, унеслась в технический тоннель, где пробила заграждение, упала в шахту и благополучно взорвалась.

Впечатлений у Реляктантов более чем хватало. Они даже не знали, что их шокировало больше — ряды капсул на нижних ярусах, несчастный Фростер или последующее бегство, напоминавшее спасение с поля боя. Взвинченные дальше некуда, они выдали бы себя браслетам, не позаботься об этом Алия. Жизненные показатели по-прежнему фиксировались в норме. Тестовый режим все еще работал, дожидаясь, пока владельцы придут в себя и успокоятся. Они же с этим не спешили.

Впечатлительная Сильвертина пребывала в полуобмороке. Алия вообще не хотела ее брать, подозревая, что эта девушка способна все испортить, но без нее не пошел бы Джерри, а он считался слишком важной фигурой. Эрвина с Элеонорой тоже могли доставить неприятности. Их неуместное благородство едва не проявилось в полной мере, а героизм сегодня исключался. Впрочем, проявил его и Руберт, из-за чего и прочувствовал на себе железную хватку биодроида. С другой стороны, все прошло благополучно, если не считать того, что персонал Либератики сейчас стоял на ушах. Реляктанты получили исчерпывающие доказательства, и теперь они куда серьезнее станут относиться к словам Алии.

Сайлус был единственным, кто сохранил невозмутимость. Иной раз казалось, будто он вообще игнорирует происходящее, либо погруженный в себя, либо лишенный всякой мысли. Содействуя Алии, он временами сам выглядел машиной, выполнявшей указания чужой воли. Вероятно, Сайлусу и впрямь было на всех наплевать — на этих несчастных в капсулах и на своих спутников, только и привлеченных ввиду необходимости. Размышляя о его поведении, Эрвина окончательно удостоверилась, какой это неприятный тип и вообще мерзавец.

В отличие от Сайлуса, поведение Алии Ферран вызывало куда

больше вопросов, только не этической стороной, а практической. Сверхчеловек она или кто еще, но Эрвине просто не верилось, что такую операцию можно провернуть в одиночку. Какой бы у Алии ни был доступ, какими бы способностями она ни обладала, для одного исполнителя все выглядело чрезмерным и едва ли осуществимым. Так продумать план, учесть множество деталей, столь ловко использовать каждую мелочь, хронометрически вписываясь во время, да еще и оперативно реагировать на обстановку — уровень реализации поражал. Поражал настолько, что вызывал подозрения, однако Эрвина держала их при себе. Ничего не говоря, она лишь украдкой бросала на Алию внимательные взгляды. Вся эта история в принципе была невероятнее некуда, чтобы она немедленно озвучила свои сомнения в лицо. Если за Алией и впрямь кто-то стоял, Эрвине пока лучше помалкивать, ибо он наверняка делал это не просто так.

После всего увиденного и пережитого торопиться не стоило. Потрясений у Реляктантов более чем хватало. Им надлежало успокоиться и хорошенько все обдумать, разложить по полочкам и воспринять. Лишь тогда, полностью осознавая ситуацию, они будут готовы к дальнейшим шагам. Каким именно? Это сейчас и оставалось вопросом на перспективу. Благополучно завершив вылазку на нижние ярусы, Алия поручила Сайлусу проводить всю компанию домой. Сама же удалилась через технический ход, будто в пещере и вовсе не появлялась. Ей предстояло сделать еще многое, чтобы окончательно сокрыть все концы в поднятой шумихе. А она вышла знатная. Пока студенты, ни о чем не подозревая, вели привычную жизнь, в администрации Либератики выясняли, что стало причиной чрезвычайного происшествия и кому надлежит за него ответить.

Сайлус в компанию не навязывался, в том числе потому, что внезапная дружба привлечет внимание. Проводить время с рыжей или хмырем он и сам не хотел. Выполняя указание Алии, он довел соседей до гостиной, где оставаться не собирался. Техники уже починили видеотранслятор, и всякие секретные разговоры исключались. Вторичный же вывод его из строя не вызовет подозрений только у идиота.

— Если что, я зайду к Руслане или Элеоноре, — неопределенно махнул рукой Сайлус, но все поняли, что он имел в виду.

Будут новости — таким образом он их сообщит.

— А если кто-то из нас пожелает сказать тебе пару слов? — осторожно осведомился Джерри, ибо и обратный вариант не исключался.

— Обычно я у себя. Или… У Алии, — чуть запнулся Сайлус.

Последнее означало отнюдь не свидание. Признанный здоровым, он вновь станет подопытной крысой, с непредсказуемым развитием событий. Визит в научный комплекс зависел от вердикта врача, ожидавшегося с минуты на минуту. Приглядывая за пациентом, тот выполнял свои обязанности безупречно и посещал его каждый день. Сухо попрощавшись, Сайлус удалился в свою комнату, и никто из соседей уже не видел, как к нему вошел Баюди Грайслер.

Это была тяжелая ночь. Пожалуй, самая тяжелая за все время пребывания в Либератике, а у кого-то и в жизни. Эрвину одолевали кошмары. Длинные ряды капсул сливались в бесконечную дорогу, по которой она шла и шла, не видя конца и края. Недвижные, безучастные ко всему тела порождали чувства полнейшей безнадежности. Наваливаясь на плечи, оно давило ноющей тяжестью, холодило сердце и сковывало шаги, и без того дававшиеся с трудом. Повсюду Эрвина видела себя. В каждой ячейке, в каждой чертовой капсуле лежала она сама, будто размноженная на тысячи клонов. Но это были не клоны. Любое из тел считалось уникальным, полностью обособленным организмом, но одновременно с этим все они каким-то образом представляли целое. Эрвина не понимала, как такое возможно. Стараясь выбраться, всеми помыслами она устремлялась к выходу, и туда же стремились ее копии, подчиняясь единой цели и единой воле. Зеленая как изумруд, эта воля объединяла их незримыми нитями, протянувшимися тончайшей, словно сотканной из света паутиной.

Руберту, хватившему в жизни лиха, кошмары досаждали меньше. Он повидал немало насилия, знавал жестокость и смерть. Это закалило его психику, сделав ее более твердой и менее восприимчивой, однако и она не осталась безучастной. Нижние ярусы шокировали своим размахом. Что бы там ни творилось, оно напоминало конвейер, где одни угасавшие тела заменялись другими. Процесс никогда не замирал — менялись лишь обитатели капсул. Пока одни, еще живые, не понимали, где и почему находятся, другие уже ничего не чувствовали. Холодные и безмолвные, они отправлялись в последний путь, ведущий к печам крематория. Разгораясь и гудя, плазменный огонь ставил точку в их тоскливом существовании, а лазурный дым развеивался как сама память об угаснувшей жизни. Руберт уже видел этот дым. Он не осознавал, что вызывает у него такую ассоциацию, да и не пытался осознать. Он лишь ворочался с боку на бок, регулярно просыпаясь, но продолжая видеть перед глазами длинные ряды нижних ярусов.

Сильвертине грезилась музыка. Через музыку она воспринимала многое, и даже сам мир ей казался сотворенным из звуковых

волн. Обычно мелодичные, они колыхались и звучали, иногда приоткрывая свои чарующие тайны. Так Сильвертина сочиняла, перенося в нотную грамоту новые произведения. Так она видела природу, чувства и даже других людей. Видела она это и сейчас. Ужасная правда представала будто симфония, настолько невыразимая, что Сильвертина не разбирала инструментов. Она различала лишь струны, колыхавшиеся болью и страданием. Тонкие как световая нить, и зеленые, словно изумруд, они пронизывали все пространство. Каждое их колебание, каждый порожденный аккорд вызывали мощное возмущение, менявшее саму суть окружающей реальности. Эти струны не просто играли. Вплетаясь в основу мироздания, они преобразовывали его на свой лад, подчиняясь велению некого бесплотного дирижера. Симфония принадлежала ему. Некогда начавшись, ее исполнение не прекращалось, неизменно следуя к драматическому финалу. Мощь, неистовство, глобальность этого исполнения вызывали суеверный ужас, а грядущий финал разрывал чувства в клочья, не оставляя от них даже воспоминания. Вселенная рушилась, и Сильвертина просыпалась, роняя слезы и не ведая, что она сейчас услышала.

Листасу мерещилась схватка. Хаос, поднявшийся на нижних ярусах, отзывался в его подсознании боевым жаром. Вооруженный до зубов, он стрелял и стрелял, сокрушая все эти трубы, цистерны и капсулы. Он не отдавал себе отчет, за кого воюет. С одной стороны были "наши", с другой "не наши". Объявляясь из темноты, бездушные машины накатывали волна за волной. Разряжая ручной пулемет, Листас обращал их в гору обломков, растущую, как на дрожжах. Коридоры загромождались искореженным металлом. От тлеющих груд, стелясь, расползался едкий дым. В его океане наступали другие машины, не менее грозные и едва ли более разумные. Схватившись в свирепом бою, противники рвали друг друга на куски.

Озаренные синим сиянием, одни что-то защищали. Их противники, сочась зеленым светом, медленно, но верно заставляли отступать. Листас прикрывал "синих". Или сдерживал "зеленых". Или просто палил в техногенную массу, отводя душу и обороняя вверенный ему объект. Обособленный, тот несколько выделялся из общей картины. Там, впереди, были только хаос, пустота и смерть. Позади цвела жизнь, во всем ее удивительном многообразии. Удерживая позиции, Листас видел, как "синие" и "зеленые" пытаются перехватить друг у друга инициативу. Каждый хотел заполучить цветущий мир для себя, и каждому мешал враг, не желавший отдавать первенство в этой борьбе. Градус противостояния нарастал. Боевые порядки усиливались, но при этом и рушились. Ус-

тавший, запыхавшийся, Листас вдруг осознал, что союзников у него нет. Кто бы ни победил в этом бою, лично он в любом случае проиграет, и иного исхода не было. Прозрение пришло по наитию, однако сомнений не оставляло. Скрежеща зубами, Листас яростно усиливал натиск, разряжая магазин за магазином, и не было в его битве конца, исключая милосердное пробуждение.

Успокоив брата, совсем раскричавшегося во сне, Шелли возвращалась в постель, но только для того, чтобы самой вернуться в тревожные сновидения. Ее мучила совесть. Она снова оказалась с друзьями там, на нижних ярусах, и ее тяготила тайна. Друзья ужасались и гневались, охваченные состраданием к несчастным пленникам. Шелли прикидывалась, что разделяет их праведные чувства, хотя на деле испытывала нечто совсем другое. Как биохимик, она была причастна ко всем этим опытам. Она сама ставила их на людях, заведомо знала, для чего нужны все эти капсулы, и отчаянно боялась разоблачения. Боялась того, что друзья узнают правду. Правду о сверхлюдях, их невероятных способностях и о том, что в действительности это лишь вторичная цель экспериментов. Первичная же тонула в синем свете, куда постоянно просачивалась примесь зеленого. Не иначе, лазерное поле давало сбой, поврежденное саботажем Алии Ферран. Мутный белый свет искажался и ослабевал, а подопытные сбегали. Вскакивая на постели, Шелли проводила рукой по лбу, отирая проступившую испарину. Она силилась припомнить, с чего вдруг ее гложет совесть, и какая истинная подоплека скрывалась на нижних ярусах, но сон улетучивался в небытие. Вставая, Шелли, подходила разбудить стонавшего брата, а затем снова засыпала, и снова погружалась в тайну гибельных капсул.

Джерри волновала только Сильвертина. Ей грозила опасность, а он никак не мог понять, в чем та заключалась. Неведомое зло подкрадывалось к ней исподтишка, выпуская цепкие когти и готовясь заключить в гибельные объятия. Джерри был готов схватиться хоть с целым миром, но банально не распознавал, с кем именно скрестить шпагу. Враг не имел формы, не имел конкретики. У него была лишь цель, весьма дальновидная и очень недобрая. Цель эту Джерри не знал, отчего неопределенность только усугублялась. Он чувствовал, предугадывал грядущий удар, и понятия не имел, откуда тот последует. Спасение он видел лишь в бегстве. Хватая Сильвертину за руку, он увлекал ее к звездолетам, маячившим среди величественных прерий Гальтенузы. Такая спокойная, такая ко всему безразличная, планета хранила зловещую тайну, которая никак не желала открываться.

Джерри пробивался с боем, но не пистолет громыхал в его

руке, и не штурмовая винтовка. Его оружием была волынка, модифицированная им собственноручно. И он, и Сильвертина оставались неуязвимы для ее песнопений, однако враги падали замертво. Из их глаз и ушей сочилась кровь. Кровь заливала и их мозг, где лопались сосуды, вызывая обширный и убийственный инсульт. Объявляясь повсеместно, повсеместно они и падали, усеивая коридоры Либератики своими бездыханными телами. Путь до звездолета был расчищен. От спасения Джерри и Сильвертину отделяла всего одна дверь. И вот она распахнулась. Свобода, космические просторы расстилались прямо за порогом, но от этого внезапно стало жутко до холодной дрожи. Звездолета не было. Там, за внешним шлюзом, оказалась пустота, без всякого намека на корабль и даже планету. А еще там была черная дыра. Огромная черная дыра, чей горизонт событий желтел в пугающей близи, засасывая все, что попадало в его неумолимую хватку.

Сны Русланы изматывали все ее существо. До головной боли, до темноты в глазах она пыталась определить, кто же такая Алия Ферран, и что происходит с Сайлусом. Преображение последнего не состоялось. Каким он был, таким, по сути, и остался, однако что-то в его поведении настораживало пытливый взгляд будущего психиатра. Порой он словно просыпался, являя собой прежнюю заносчивость, а иногда отрешался от мира, будто не видел ничего и не слышал. Сайлус не столько жил, сколько существовал, поглощенный своей борьбой за выживание. Вероятно, эксперименты, которым он подвергся, серьезно повредили психику, а может и клеточную структуру. Гораздо серьезнее, чем полагал сам Сайлус и его лечащие врачи.

Действия Алии также вызывали вопросы. Для биологического компьютера она и впрямь казалась слишком живой. Она излучала душу, если так можно было выразиться. Руслана это улавливала и верила, что Алия действительно обладала сознанием. Другое дело, своим ли. Внутреннее чутье навеивало странные, нелепые вещи, будто сознание это вложенное. Чуждое от природы, враждебное всему, оно направляло Алию как марионетку, заставляя ощущать себя живой. И заставляя других ощущать ее живой. Голова Русланы тяжелела. Ворочаясь во сне, она не отдыхала, а уставала, и окончательно запуталась в своих чувствах и рассуждениях. Просыпаясь в ночи, она половину не помнила, а половину считала чистейшим бредом, не имевшим никакой логической основы.

Элеонора спала относительно спокойно. Гордая и рассудительная, она не позволила эмоциям взять над собой верх. Воспитание сказало свое веское "я", самообладание не подвело. Небезучастная, как и все, она не тратила время на слезы и метания —

она точно знала, что ей надлежит предпринять. Проблема заключалась в том, что она это постоянно забывала. Открывая глаза, Элеонора недвижно лежала на постели, будто одна из тех несчастных, и пыталась припомнить, в чем именно она была уверена. Приходя мимолетно, ощущение столь же мимолетно исчезало, оставляя ее в томительном беспокойстве. Смыкая тяжелевшие веки, Элеонора засыпала вновь, и вновь ее вело чувство долга, расставлявшее все точки над i.

Гибель дяди была лишь началом, звеном в цепочке расчетливых планов врага. Планы эти тянулись далеко, и сама Элеонора становилась в них жалким винтиком, элементом громадной машины вселенского размаха. Грозная и неумолимая, машина перемалывала всех и вся, ломая судьбы, стирая целые народы и переписывая историю. Опасность, исходившая от этого молоха, была велика — даже чрезмерна, — но пред ее лицом Элеонора не дрогнула. Трезво оценивая диспозицию, она бросала ей вызов как полководец, и собиралась ввести в бой немалые силы. Вражеские, превосходящие, были ей не по зубам, однако Элеонору это не останавливало. Шагая навстречу неведомому, она была готова ко всему, каким бы исходом это все ни кончилось.

Спокойнее всех спал Сайлус. Точнее, он вообще не спал. Его просто не было. Он не видел снов и не испытывал ощущений. Осмотренный доктором Грайслером, он улегся в постель и до утра с нее не вставал. Очищаясь от накопленных токсинов, его мозг функционировал в ночном режиме, но то касалось биологических процессов. Сознание в них не участвовало. День выдался долгим и насыщенным. Выполнив свою задачу, Сайлус отключился.

Отношение к подопытным носило двоякий характер. С одной стороны, их судьба была совершенно безразлична. С другой, они могли принести огромную пользу. Чувства Сайлуса также имели двойственность. Технически, они отсутствовали. При этом он реагировал на ситуацию, к вящей выгоде для себя. Точнее, для того, что считалось таковой. Следуя установкам, все поступки он направлял для их достижения. Эмоции, суждения становились переменными, которые следовало принимать во внимание. Хмырь остался хмырем, но одновременно и перестал им быть. То же относилось к рыжей девице и скрипичной дуре. Вроде бы ведя себя, как прежде, Сайлус вообще больше ничем не интересовался. Забота о выживании поглотила его полностью, вытеснив все остальное, включая собственное сознание. Погрузившись в сон без сновидений, он просто восстанавливал силы, дожидаясь, когда наступит пора вставать.

Алии было еще проще. Несмотря на проделанную работу, по-

истине колоссальную и всеобъемлющую, она даже не устала. Ее биологическая основа не ведала человеческих недостатков. Она могла функционировать круглосуточно, делая лишь необязательные перерывы на профилактику. Ее нервная система обрабатывала сигналы, а мозг преобразовывал их в последовательные процедуры. Алия прекрасно изображала чувства, однако по большому счету они оставались ей неведомы. Человеческие чувства, внедренные исключительно ради достоверности имитации. Это, однако, не означало, что Алия не чувствовало ничего. То, что ей руководило, было достаточно развитым, чтобы воспринимать мир даже глубже, чем окружающие. В том числе новые знакомцы.

Судьба Сайлуса заботила Алию постольку поскольку. Его главная польза заключалась в том, что он помогал завербовать остальных. Реляктанты были ценными единицами, основой начинавшейся игры. Служа передаточным звеном, Сайлус осуществлял взаимодействие между ними и Алией, которой не стоило себя выдавать. Во всяком случае, пока, и до той поры Сайлус тоже представлял определенную ценность.

Заметая следы, оставшиеся после событий на нижних ярусах, Алия истово старалась, чтобы они не привели к Реляктантам. При этом сами Реляктанты ее волновали не больше, чем чириканье воробья на другом конце галактики. Алию вообще ничего не волновало. Она лишь делала, что должна, ведомая сильной волей, а сделать ей предстояло многое. Алия знала, с кем связалась, и вопрос разоблачения действительно становился лишь вопросом времени. Скоро, очень скоро здесь поймут, что происходит, и к тому моменту лучше бы все было готово.

В происходящем и впрямь разбирались быстро. Экстренное совещание посвящалось событиям на нижних ярусах. Второй крупный инцидент, гораздо масштабнее первого, сулил огромные неприятности, если о нем станет известно руководству. А это обязательно произойдет, подай ему кто-нибудь рапорт. Целью совещания был не столько обмен мнениями, сколько выяснение замыслов. Выслушивая первых лиц Либератики, ректор хотел узнать, что они намерены предпринять.

Аперхоун признавала недочеты, допущенные во вверенном ей хозяйстве. Она обещала быть осмотрительнее, но в целом оставалась союзницей Дель Годро. Выводы она сделала, однако сворачивать эксперименты ни под каким видом не желала, как и тормозить общее развитие проекта. Его успехи были для нее делом чести и смыслом жизни. Конечно, она не отказалась бы занять место ректора, однако справедливым, законным путем, а вовсе не кляузой, отправленный на его счет кому следует. Аперхоун не хо-

тела радикальных перемен и смены административного состава. Чтобы этого избежать, она соглашалась представить отчет, в котором не фигурировали бы некоторые щекотливые детали.

Ярколич, прежде более сдержанный и нейтральный, превратился в ярого противника. Самому проекту он, безусловно, желал исключительно процветания, однако считал, что затормозить его способны как раз таки выходки Аперхоун и общая политика Дель Годро. Не только затормозить, а и погубить, если очередной такой инцидент приведет к катастрофе. Сверкая глазами, Ярколич грозился доложить обо всем руководству, если здесь и сейчас не сделают надлежащих выводов. Пустые заверения его не устраивали. Он требовал конкретики, пресечения необдуманных шагов и более ответственного подхода к биоматериалу.

Касаемо разрушений, Брегоунт обещал все исправить. Ответственный за содержание подопытных, он уже отдал все необходимые распоряжения и лично контролировал исполнение. Заведуя жилым сектором Либератики, он командовал и техниками, осуществляя общее управление различными службами. Сервисные машины, транспорт, роботы и коммуникации были его хозяйством, которое изрядно пострадало на нижних ярусах. Там Брегоунт не любил, когда ему указывали, но в остальном занимал нейтральную позицию. Он не поддерживал Дель Годро, но не примыкал и к Ярколичу. Не собираясь докладывать наверх, он не отговаривал от этого других.

Мартьяла Дормербруг, прежде лояльная ректору, внезапно поддержала Ярколича. Неоднократно выражая недовольство, она пришла к выводу, что к ней совсем не прислушиваются. Благие намерения Дель Годро не вызывали у нее сомнений, однако его методы все чаще шли с ними вразрез. Стараясь ускорить проект, он и впрямь рисковал его угробить, ставя на карту слишком многое, и ставя так, что одна ошибка грозила фатальным провалом. Вторя Ярколичу, Дормербруг пошла дальше. Она не желала дожидаться, когда здесь и сейчас сделают какие-то выводы. Она требовала свое законное право на контакт с руководством, а означенные выводы пусть делает оно.

Ситуация выглядела не лучшим образом. Отказать Дормербруг ректор никак не мог. На ее стороне были протоколы, разрешавшие подавать личный рапорт. Лишив ее голоса, он немедленно настроит против себя остальных. Последствия же ее откровений ничего хорошего не предвещали. Они грозили проекту гибелью, только не физической, а прогрессивной. Все достижения Дель Годро и Аперхоун развеются как лазурный дым. Вернувшись к былым показателям, проект растянется на века, которых, в свете

последний событий, у них возможно и не было. Выступай Дормербруг в одиночестве, ректор сумел бы ее урезонить, но не тогда, когда в компании с ней горячился Ярколич. Получая численный перевес, они получали перевес и психологический, формируя союз двух больших величин. Дель Годро не забывал, что они старше его по рангу, и руководство — тоже. Внутренне он кипел, однако внешне сохранял спокойствие, все еще надеясь уладить дело миром. Правда, эта надежда таяла с каждой минутой, особенно когда черед дошел до Карлериха. Выступая последним, он со своей безопасностью мог загнать ректора в угол. Поддержав Дормербруг и Ярколича, он имел право поставить ему ультиматум, а в случае неисполнения отстранить от поста и лично доложить обо всем руководству.

Взяв слово, Карлерих обошелся без дипломатии. Он выражался резко и по существу. Как глава службы безопасности, он находил положение вопиющим и недопустимым. Доселе мирясь с локальными недочетами, он более не считал возможным терпеть подобные инциденты. Происходящее в Либератике требовало серьезного внимания и полного переосмысления ее протоколов. Оставлять все как есть Карлерих принципиально не хотел, да и не собирался. В связи с этим он объявил, что примет решительные меры. Кому что не понравится — не его проблема. Он отвечает за безопасность Либератики, которая в данный момент трещала по швам.

Выслушав Карлериха, ректор стал мрачнее тучи. Сдвинув кустистые брови, он стиснул набалдашник трости, да так, что едва не расплющил полированную платину. Спорить было бесполезно. Он слишком хорошо знал Карлериха, чтобы попусту расточать слова. Что ж, теперь осталось обговорить детали. В частности, что и кому следует предпринять, пока не настало время очередного сеанса связи. Или внеочередного, если кто-то из присутствующих продолжит на нем настаивать. А Дормербруг очень даже настаивала.

— Я очень рада, что ты нас поддержал, — кивнула она Карлериху.

— Подайте сигнал на ту сторону. Пусть инженеры экстренно готовят канал.

— Запрещаю! — властно заявил Карлерих.

Это прозвучало неожиданно. Настолько, что дара речи лишилась не одна лишь Дормербруг, а и все остальные, включая Дель Годро. Уже готовый принять поражение, он воззрился на Карлериха с удивлением.

— Прости, что ты сказал? — пожевав губами, пришла в себя Дормербруг.

— Я запрещаю всякую экстренную связь! — отчеканил Карлерих. — Более того, я запрещаю разглашать подробности инцидента за пределами этой комнаты!
— Ты в своем уме?! — взвился Ярколич. — Ты утверждаешь, что положение недопустимо, и тут же не велишь о нем даже упоминать?! Да у тебя помрачение рассудка! Это я тебе как медик говорю!
— Это у вас помрачение рассудка, если вы еще ничего не поняли, — холодно произнес Карлерих.
— И что же мы, по-твоему, должны понять?! — раздраженно осведомилась Дормербруг.
— Не стоит валить все на рвение Аперхоун. Не за все в ответе и Дель Годро, — резко ответил Карлерих. — У них, безусловно, хватает просчетов, только сейчас дело совсем в другом.
— Да в чем же, скажи уже толком! — не выдержал и сам ректор.
— Выводы пока предварительные, но в их достоверности я абсолютно уверен, — жестко заявил Карлерих. — Инцидент на нижних ярусах — не случайность. Это была диверсия. Самая настоящая диверсия, а это значит, что Либератика скомпрометирована. Именно поэтому я запрещаю всякие нестандартные действия, поскольку заведомо не знаю, исходят они от единомышленника или врага.

– 9 –

Каникулы были такой же фикцией, как и обучение. Заявленные в правилах, точно расписанные и широко разрекламированные, они оставались лишь красивой картинкой в буклете. Даже раз в год, хотя бы на месяц, студентов никуда не отпускали. Причина оставалась та же. Генная терапия не подлежала длительному перерыву, вне зависимости от обстоятельств. Надолго уехав, учащиеся теряли достигнутый прогресс и становились непригодны, а Либератика не разбрасывалась ценным материалом, даром что выискивала его по всей галактике.

Повод для отмены каникул подыскивался всегда. Как правило, все списывали на технические неполадки, из-за которой взлет и посадка кораблей становились неосуществимы. Ремонтные работы затягивались, а для достоверности студентам устраивали показательные ЧП. Пожары на взлетном поле, дымящиеся дюзы и упавший звездолет производили неизгладимое впечатление, достаточное, чтобы отбить всякую охоту куда-либо лететь. Студенты предпочитали дождаться, когда все наладится, а там уж и новый учебный год подходил.

В схему со звездолетами вписывались и накладки с экипажами. Неожиданное отсутствие пилотов, дефицит бортмехаников, переаттестация капитанов — кадровые вопросы решались оперативно, но с неизменным результатом. Корабли не взлетали, а время выходило. Забастовка, устроенная весьма некстати, также срывала регулярные рейсы, и администрация лже-университета только руками разводила.

Как вариант, иногда объявлялся карантин. В Либератике якобы гуляла опасная инфекция, либо же наоборот, грозила проникнуть в нее извне. Очень заразная, она не позволяла оперативно выявить себя анализами, а инкубационный период растягивался на недели. Дальнейшее разыгрывалось методом карусели. Вспышки заболевания, нарушение изоляции, случайные контакты — и студенты никак не могли покинуть университет, постоянно пребывая в неопределенном статусе. Особо недовольных называли зараженными и запирали в боксах, тем самым поддерживая видимость эпидемии.

Пускались в Либератике и на выдумки. В ход шло что угодно, будоража потаенные страхи и фантазию. Администрация ссылалась на метеоритный поток, внезапно достигший Гальтенузы, враждебных существ, обнаруженных за стенами университета, и даже космических пиратов, промышлявших где-то неподалеку. Идеи генерировал целый отдел, старательно разыгрывая спектакль. Это было настоящее представление. Чего стоила одна имитация астероидов, стремительно сгоравших в атмосфере! Неведомые существа, сновавшие по прериям, сами по себе заслуживали награды за спецэффекты. Пираты, пролетавшие неподалеку, щерились грозными пушками, но на поверку оказывались мастерски сфабрикованной липой. Этот отдел отслеживал настроения среди студентов, их предпочтения и фобии, отчего и зависел ежегодный сценарий. Утвержденный ректором, он всегда достигал своей цели, и каникулы оказывались несостоявшимися.

На первый взгляд, нечто подобное выглядело нереализуемым. Пару раз такой обман вполне мог сработать, однако не на регулярной основе, повторяясь из года в года, и даже из десятилетия в десятилетие. Не заметить того, что студентов не выпускают, было просто невозможно. Казалось бы, рано или поздно начнется скандал, вызванный вполне очевидными предпосылками. Поднимут его сами студенты, либо же кто-то извне, уловивший нехитрую закономерность — роли не играло. И все же схема функционировала, причем вполне себе успешно. Основой тому служила человеческая психология, хорошо известная и изученная в Либератике.

Люди склонны забывать даже недавние события, а и те, что

остаются в их памяти, перестают восприниматься достаточно остро. Например, политики дают одни и те же обещания, которые не исполняются, а за них все равно голосуют. Голосуют вновь и вновь, поддерживая кандидата на выборах, хотя он за пять, десять и даже двадцать лет не претворил в жизнь ни одного своего слова. Более того, это слово он неоднократно нарушал, но все равно получал голоса неизменного электората. Его грубейшие ошибки списываются со счетов. Деяния, диаметрально противоположные обещанным, легко скрываются даже за самым примитивным оправданием. Люди слабовольны и легковерны. Они хотят, чтобы неприглядную правду сокрыла иллюзия, не желая признать, что их обманули. Несмотря ни на что, они упорно наступают на те же грабли, причем выказывая агрессию по отношению к тем, кто все-таки воспротивится. На этом фоне выдумки Либератики вполне себе вписывались и не выделялись.

Задачу администрации, ежегодно пускавшейся на выдумки, облегчало два обстоятельства. Во-первых, выпускники возвращались в общество, где хвалили университет и представляли его с наилучшей стороны. Таким образом, они нивелировали сплетни, самим своим появлением доказывая публике, что с учебным заведением все в порядке. Во-вторых, каникулы саботировались лишь на первом курсе. Позднее в ухищрениях просто не было нужды. Преобразованные генной терапией, студенты отказывались от них сами, раз и навсегда связывая себя с новой личностью в Либератике. И личность эта была не за горами.

Рассчитывать на лазейку с каникулами не стоило. Спокойно дождаться звездолета не выйдет, а улизнуть не получится. Звездолета не будет, а иллюзия простого решения иллюзией и останется. Либератика так просто не отпустит, и осознание этого факта могло пошатнуть даже самую сильную волю. Правда становилась страшной ношей. Знать о том, что происходит, и констатировать свою беспомощность было поистине ужасно. Смертельная опасность приближалась, а способа избежать ее не находилось. Во всяком случае, способа открытого.

Предложения выдвигались разные. Напрягая извилины, Реляктанты пытались придумать план спасения, кто во что горазд. Они размышляли над ним денно и нощно, устраивали заговорщицкие собрания и регулярно навещали Сайлуса, передавая ему свои соображения. Вердикт всякий раз был один — не сработает. В конце концов, Алия не выдержала этой чепухи и объявила общий сбор, на сей раз проведя его в одном из кафе при учебном комплексе.

Укромные пещеры и лесные чащи были хороши, храня дове-

ренную им тайну, однако иной раз публичное пространство тоже вполне подходило. При умелой игре оно обеспечивало даже большую незаметность, нежели самый темный закоулок, если не орать во всю глотку и не привлекать внимания. Оживленное кафе всегда полнилось студентами, среди которых встречались и сотрудники кафедр. Улучив момент, Алия ненадолго присоединилась к Реляктантам и сообщила, чтобы те зря времени не теряли. Либератика существует давно, и давно же обо всем позаботилась. Официального пути уйти отсюда просто не было — по крайней мере, сразу для группы лиц, а спасение одного означало гибель остальных. В этом направлении не стоило и думать. Оставались, однако, пути и неофициальные. Иными словами, побег, сродни побегу из мест принудительного заключения. Так, и только так можно избежать неотвратимой участи, обманув экспериментаторов и саму смерть. Другое дело, каким именно способом. И вот здесь действительно стоило хорошенько поразмыслить.

Расчет Алии Ферран был прост, и к поговорке "одна голова хорошо, а две лучше" отношения не имел. Она заведомо знала, что вообще можно предпринять. Раздувая фантазию друзей, она преследовала другую цель. Поверив, насколько все плохо, они с головой погрузятся в решение проблемы и станут воспринимать себя ее частью. Полностью в нее уйдя, они уже не увидят иного пути, кроме как преступить всякие условные границы, и чем дальше, тем больше. В конце концов, они станут готовы на все, чего Алия и добивалась. Отринув все несостоятельные идеи, она, в итоге, предложила идею действенную, и ее никто не оспорил. Психологически увязнув в заговоре, Реляктанты уже не боялись сделать шаг вперед, после которого обратного пути не было.

Масла в огонь подлил Сайлус. Доктор Грайслер счел его достаточно окрепшим, чтобы вновь посещать научный комплекс. По сути, дал зеленый свет экспериментам Аперхоун. Правда, пока умеренным, не вызывавшим серьезную угрозу для здоровья, однако значило это многое. Время у Сайлуса оказалось на исходе, что составляло лишь часть проблемы. Формально, его потенциальная смерть никак не затрагивала на остальных, если бы не одно "но". Сайлус боялся выдать заговор, о чем всех предупредил. Кто знает, чего он наболтает в процессе экспериментов, природа которых постоянно менялась. Это подтверждала Алия. Подопытные частенько болтали всякое, пребывая в неадекватном состоянии. Их блуждающее, постоянно изменявшееся сознание очень тому способствовало. Как правило, это был всякий бред, бессвязный и не имевший значения, однако ей доводилось наблюдать и исключения. Что именно сорвется с языка Сайлуса, предсказать она не бралась.

Новость была тревожной. Опасность, пока еще маячившая в отдалении, внезапно возникла у порога, норовя переступить его в любой момент. Что-то там через год мерещилось пугалом, трепавшим нервы, однако не побуждавшим к активному действию. Оно страшило, но как у смертника, ожидавшего отложенного на пару лет приговора. Это ведь будет еще нескоро, если вообще будет. Известие о казни, способной настать в любой день, воспринималось совсем иначе. Реляктанты заволновались. Окончательно утратив беспечность, они уже не просто ждали — они требовали решительных действий, в том числе наседая на Алию Ферран. И та с готовностью удовлетворила их настойчивое желание.

Проникновение в звездолет выглядело наиболее простым вариантом. Хоть и преисполненное трудностей, оно считалось куда проще, нежели рыть подземный тоннель или же угонять аэромобиль. Тоннель или аэромобиль, кстати, вообще не имели особого смысла. Во-первых, Либератику окружал защитный купол, который еще требовалось преодолеть. Во-вторых, ускользнув на просторы Гальтенузы, беглецы там и останутся, но ровно до тех пор, пока за ними не вышлют погоню и не отыщут. Теоретически, можно было учесть звездолет извне, но общая сложность замысла сразу вырастала на порядок. Идея со звездолетом самой Либератики представлялась самой подходящей.

Проникновение и угон — разные вещи. Захват космического корабля с его самостоятельным пилотированием выглядел едва ли осуществимым. В Либератике не станут безучастно взирать, как ее судно стартует в открытый космос. Там наверняка что-нибудь предпримут, вплоть до организации катастрофы. Что именно — лучше не выяснять, а пойти менее приметным путем. Пробраться на корабль тайком будет куда разумнее. Притаившись в одном из отсеков, Реляктанты дождутся, когда звездолет отлетит подальше, а затем станут действовать по обстоятельствам. Таким образом, Либератика не воспрепятствует старту, и самое трудное придется лишь на завершающий этап побега. Правда, в звездолет все равно требовалось как-то попасть, но здесь свои услуги как раз и предлагала Алия.

Хозяйственная часть Либератики, возглавляемая Брегоунтом, жила весьма активной жизнью и требовала множества ресурсов. Обеспеченные топливом, реакторы могли вырабатывать энергию сотни лет, однако студентов требовалось кормить и удовлетворять их различные потребности. Потребности имелись и у самой Либератики в лице персонала и огромных высокотехнологичных комплексов, похожих на небольшой город. Грузовые звездолеты регулярно прибывали и убывали, обычно раз в неделю, и уж точно не

реже раза в месяц. Как сотрудник Либератики, Алия хорошо это знала, да и студенты могли лицезреть корабли на взлетном поле. Панорамные виды очень тому способствовали, тем более что зоны отдыха намеренно располагались у обзорных окон. Вот только наблюдение это одно, а знание — совсем другое. Алия не любовалась звездолетами почем зря, иной раз и понятия не имея, как те сейчас выглядят, зато было в курсе многого. Например, какой контейнер, когда и куда будет доставлен, и в какой из них можно незаметно залезть.

Груз грузу рознь. Забравшись куда-нибудь наугад, беглецы рисковали очутиться в смертельной ловушке. Трюм — не жилые каюты, и особых удобств обычно не предоставлял. Оказавшись в вакууме, скованные лютым холодом, они протянут еще меньше, нежели оставшись в Либератике. Выражаясь иначе, им требовалась окружающая среда, при наличии которой удастся выжить. С этим обстояло сложнее, отчего Алия и не спешила, подыскивая подходящий вариант. Нетерпеливость Реляктантов она унимала все новыми россказнями про Либератику.

Темные дела, творившиеся в стенах лже-университета, благополучно покрывались сверху. Говоря без обиняков, власти оказывали протекцию, либо коррумпированные, либо не без помощи бывших студентов, а ныне выпускников. Например, Попечительский совет состоял из них поголовно, и было совершенно очевидно, чьи именно интересы он защищает. В министерстве образования их так же хватало, как, впрочем, и в других, включая силовые ведомства. Без прикрытия из прокуратуры тут в принципе не обходилось. На мелкие нарушения там просто закрывали глаза, а умеренные и средние спускали на тормозах, запутывая дело и в конечном счете пряча концы в воду. Разумеется, громкий скандал нарушит эту отработанную схему, однако до таких пока не доходило. Различные вопросы улаживались в судах, и общественность понятия не имела, что в действительности происходит за стенами элитного учебного заведения.

Планы Либератики были весьма амбициозны и пугающи. Братства и сестринства существовали при университетах с незапамятных времен. Получив диплом, многие выпускники продолжали состоять в них до конца своих дней, поддерживая друг друга как в обычной жизни, так и на карьерной лестнице. Бизнесмены, банкиры, судьи, сенаторы и даже президенты — они знали друг друга с молодости, порой целыми кланами. Это был вполне общеизвестный порядок вещей. Он никого не удивлял и уж тем более не вызывал протеста. Лже-университет выводил это взаимодействие на принципиально новый уровень.

Либератика учреждала общество сверхлюдей. Общество не просто правящее, но и эволюционно превосходящее. Оно автоматически делило всех на элиту и простонародье, физически обреченное служить сильным мира сего. Сильным не в виде определения, обозначавшего власть имущих, а в буквальном смысле этого слова. Восходя на вершину мира, выпускники Либератики раз и навсегда перестраивали его под себя, предоставляя остальным лишь одно право — право безоговорочного подчинения. Образ, сложившийся у людей об этом университете, и его общественный престиж по сути были вполне верны. Любой, кто его заканчивал, и впрямь примыкал к элите, занимая важные посты и влияя на судьбы Вселенной. Здесь не было обратной стороны медали — ее изначально воспринимали совсем не так, как стоило бы.

Процесс развивался постепенно. В целом, он не противоречил глобальному порядку, когда любая из сил пытается доминировать. В этом смысле ничего принципиально нового Либератика не совершала. С точки зрения эволюции, она следовала естественным путем, и здесь у обывателей, заведомо привыкших подчиняться, вопросов не возникало. Другое дело, КАК она им следовала. Бесчеловечные эксперименты, многочисленные жертвы и неисчислимые нарушения законов вряд ли оставят общественность безучастной. Узнав, как достигается восхождение новой элиты, этому ужаснутся даже прожженные, насквозь продажные политики. Заполучив такой материал, СМИ тоже молчать не станут, подняв скандал на всю галактику. И он не останется без последствий. Могущество Либератики росло, однако пока, на данном этапе развития, она была далеко не всесильна.

Спасение Реляктантов напрямую зависело от шума, который они устроят в случае успешного бегства. К тому, что заявят Элеонора или Руберт, вряд ли отнесутся всерьез, однако Элеонора фон Геннингшафт или Годрициан Инглтон — другое дело, и особенно когда они станут действовать сообща. Их богатство, связи и влияние — грозное оружие, способное встряхнуть сонную общественность и поднять все с ног на голову. Либератике придется туго. Затаившись, как мышки, Реляктанты немногое выиграют и будут заведомо обречены. В лучшем случае, всю жизнь им придется прятаться, ежеминутно опасаясь быть схваченными и водворенными на нижние ярусы. Открытая схватка станет им своеобразной броней. Скандал, разразившийся на всю галактику, заведомо лишит Либератику привычных методов. Устранение беглецов уже ничего не изменит. Столкнувшись с армией адвокатов, переметнувшихся политиков, голосящих СМИ и осуждением во влиятельных кругах, лже-университет затрещит по швам. Безусловно, он

станет защищаться, однако в крайне уязвимом положении, и если хотя бы часть обвинений подтвердится, Либератике придет конец, а беглецы вернут себе подлинную свободу. Себе, и всем, кого они избавят от ужасной участи.

Разговоры Алии имели двоякое действие, и они его возымели. Проникнувшись осознанием, что борьба за свое будущее не бесплодна, Реляктанты приободрились. При этом они целиком доверились Алии, как единственной, кто сумеет организовать побег. Технически, это и впрямь было так, однако на сопутствующие детали никто уже внимания не обращал. Даже Эрвина, подозревавшая здесь более тонкую игру.

При вдумчивом анализе, у Алии концы с концами не совсем сходились. Если ей по плечу устроить побег целой группе, отчего бы потихоньку не удрать одной? Зачем такие сложности? Означенная шумиха нужна как раз студентам. Самой же Алии она, скорее, пойдет во вред. Никому не известная, она легко укроется на просторах галактики и начнет новую жизнь, с ее-то способностями. В отличие от Эрвины и остальных, ее поди найди. Скандал же, напротив, выставит Алию в свете софитов, отчего искусственный разум вполне может оказаться на операционном столе. Избавив людей от участи подопытных, он сам станет таковым, разобранный взволнованным обществом на молекулы.

Встречались в истории Алии и другие шероховатости. Например, она упорно умалчивала об остальных биодроидах и тех, кто руководил Либератикой. В частности, чем занимались первые и откуда взялись последние. Так или иначе, она была просто обязана с ними взаимодействовать, однако по какой-то причине ничего об этом не говорила. Рассказывая о студентах и выпускниках, Алия почти не затрагивала администрацию и преподавателей. Своих сородичей она также не особо упоминала. Причины тому могли быть разные. Вероятно, она ощущала что-то очень неординарное, оказавшись единственной разумной машиной среди всех, испытывая неоднозначные чувства и к своим создателям. С другой стороны, только ли у нее проснулся разум? А что, если нет, и именно по этой причине Алия хранит молчание? Раздумывая о том, о сем, Эрвина терялась в догадках, которые по-прежнему держала при себе. По мере же накала страстей она и сама о них забывала, а страсти накалялись, ввиду приближения дня побега.

Регулярные рейсы служили хорошей основой планирования. Изучая расписание полетов, Алия изучала и грузы, назначенные к отправке. Из Либератики забирали не только пустые контейнеры. Как научный центр, она производила массу опытных образцов, часть из которых пускалась в серийное производство. Уходило из

нее и немало различного материала. Органические соединения и композитные сплавы отгружались довольно крупными партиями. Вместе с ними частенько соседствовали хитроумные конструкции и машины. Куда и зачем — Алия не знала, а если и знала, то не говорила. Важнее было другое — она обладала выбором. Заранее зная, что и когда отправляется, она могла подстроить все так, чтобы на борт звездолета попал совсем другой груз. И однажды она подстроила. Найдя подходящий вариант, она тут же начала приготовления, одновременно отправляя Реляктантам известие о грядущем сборе.

Несмотря на готовность, побег все равно воспринимался неожиданным. Отсчитывая дни за днями, друзья жили как на вулкане, с трудом удерживая свое поведение в рамках обычного. Сигнал от Алии вызвал настоящую психологическую бурю. Сильвертина, Руберт и Шелли испытали прямо-таки физическое недомогание, до того у них взвинтились нервы. Непросто пришлось и остальным. Обычно неугомонный, Листас заметно притих, однако отлично держал себя в руках, как и Джерри. Последний, как обычно, переживал только за Сильвертину, и его собственные страхи отходили на третий план. Наибольшую крепость духа выказала Элеонора. Второй в этом условном рейтинге оказалась Эрвина, если не читать пригоршни успокоительных. Сайлус же словно и вовсе ничего не боялся. Передавая инструкции от Алии, он выглядел непроницаемым. На его лице не дрогнул ни единый мускул, а глаза казались отрешенными и даже безжизненными. Что бы с ним ни вытворяли в научном комплексе, это явно не проходило даром, безмолвно напоминая, ради чего затевался побег.

Пропускать занятия в любом случае не стоило. Хоть и не собираясь возвращаться, беглецы рисковали привлечь к себе внимание. Один или двое прогулявших — еще куда ни шло, но только не целый десяток, тем более из одного дома. Даже ничего не подозревая, администрация могла начать их искать, вычислить по сигналу браслетов и спросить, по какой причине саботируется обучение. Точнее, попытаться спросить, поскольку результатом поисков стало бы обнаружение браслетов при очевидном отсутствии их владельцев. Дальнейшие события становились непредсказуемыми, чего следовало избегать. Прикрытию требовалась надежность, обеспечивающая беглецам фору как минимум на несколько часов. Алия не стала изобретать колесо. Звездолет отправлялся ближе к полуночи. Завершив насущные дела, Реляктанты вернулись домой, а с наступлением вечера, выполняя ее инструкции, отправились в парк.

В толще озера, отражавшего лесные красоты, проходили тон-

нели, позволявшие любоваться подводной жизнью. За прозрачными оболочками сновали стайки проворных рыбок, колыхались цветастые растения и перемигивались задорными огоньками придонные обитатели. Пресноводные кораллы образовывали целые рифы, а промеж них расстилались рощи и прерии водорослей. Иной раз мимо тоннеля, вальяжно загребая лапами, проплывала здоровенная черепаха, а неподалеку стремительно проносилось какое-то светящееся существо. Озерный мир жил своей таинственной жизнью, частенько привлекавшей внимание студентов. Поодиночке и группами, они нередко приходили сюда, в эти тоннели, где подолгу бродили промеж удивительных рыб и придонных садов. Бывали здесь и Реляктанты, однако сегодня они явились не для досужего созерцания.

На стыках туннелей располагались обзорные павильоны, также обустроенные и в обособленных тупиках. Разделяясь на секции, они отлично подходили для уединения, как в одиночку, так и небольшой компанией. Устроившись под куполом на подводном холме, Реляктанты смахивали на отдыхающих, коротавших вечер в эксцентричной атмосфере. Опущенные экраны не позволяли разглядеть, что происходит внутри, а видеотранслятор фиксировал только тех, кто входил в павильон или выходил. Как и прежде, в Либератике не занимались избыточным шпионажем и за студентами непрерывно не следили.

Ожидая Алию, друзья сидели как на иголках. Не отходя от мини-бара, Листас глушил цитрусовую воду и никак не мог напиться. Сказывалась недавняя физическая нагрузка и чрезмерное волнение. Руслана грызла сухарики. Прекрасно сознавая, что это психологический заскок, она ничего не могла с собой поделать. Постукивая пальцами по губам, Руберт то и дело срывался с места, кружа вокруг Эрвины и Элеоноры. Те сидели спокойно, хотя в душе у обеих творилось черти что. Баронесса стоически выдерживала схватку с нервами, являя образец подражания для остальных. Эрвина накручивала рыжий локон, с трудом удерживаясь от того, чтобы его не дернуть. Здесь и сейчас она вдруг подумала, что все это обман, чудовищная мистификация. Никакая Алия не придет. Происходящее имело совсем другое объяснение и другой же финал. Сайлус затеял пакость, что было вполне в его духе. Скомпрометировав соседей, он добьется их отчисления из Либератики и просто лопнет от счастья, реализовав давнишнюю мечту.

Вылазка на нижние ярусы не укладывалась в новоявленную версию, однако взбудораженный ум Эрвины этого не замечал. Забыв про множество фактов, она быстро приходила к выводу, что их одурачили. В эту догадку вписывались все нестыковки, недо-

молвки Алии и поведение Сайлуса. В нее же сейчас впишется и ловушка, которая вот-вот захлопнется. Обратного пути действительно не будет. Собравшись вопиюще нарушить правила, друзья сами выроют себе яму, и попробуй потом кому что докажи. Заметая следы, они выставляли себя инициаторами побега, причем сопряженного с угоном звездолета, за что по головке уж точно не погладят.

Лихорадочные рассуждения достигли апогея. Эрвина вскочила, более не в силах сдерживаться. Изменившись в лице, она хотела раскрыть коварство Сайлуса, но от волнения с ее губ сорвался лишь неопределенный звук. Пытаясь совладать с собой, она стиснула кулаки, делая шаг вперед, и тут в центре павильона распахнулся люк. Сокрытый в узорном полу, он разошелся в стороны створками диафрагмы. Из вертикальной, диаметром три фута шахты показалась голова Алии.

— Сюда. Скорее, — позвала она.

Нелепость обвинений, возведенных на Сайлуса, дошла до Эрвины сразу, едва она успокоилась. Спокойствие же наступило внезапно. Сидя без дела, она мотала себе нервы, ища выход бурлившему напряжению. Шахта, открывшая зев, послужила триггером, и мысли Эрвины прояснились. Теперь она концентрировалась лишь на побеге. Устыдившись ахинеи, которую сама себе навыдумывала, она нырнула в люк и быстро спустилась по перекладинам лестницы. Внизу, в техническом тоннеле, стоял небольшой транспортный модуль явно грузового назначения.

— Сюда, — указала Алия.

Глазам беглецов представилось нечто среднее между фургоном и ящиком; почтовым фургоном и ящиком для инструментов, впереди которого виднелась сплюснутая кабина водителя.

— Да мы там едва поместимся, — выразил сомнение Руберт.

— Прикажешь лимузин тебе подогнать? — едко осведомилась Алия.

Эрвина подумала примерно так же. Схватив Руберта за локоть, она втолкнула его внутрь. Согнувшись в три погибели, тот едва не набил себе шишку, но все же уселся в дальнем конце кузова. Эрвина залезла следом. За ней, кряхтя и сопя, забрался Листас, а за ним и все остальные. Последней, пропустив Сайлуса, устроилась Элеонора. Стукнула, опустившись, гибкая дверь. Щелкнув замком, Алия запрыгнула на место водителя. Тихо заурчав, транспортный модуль пошел в глубину тоннеля.

Сидеть было очень неудобно. Не предназначенный для пассажиров, кузов удобствами не баловал. Они в нем вообще отсутствовали. Беглецы примостились на полу, подтянув колени к подбо-

родку. Прижатые друг к другу, они походили на единое целое, колыхавшееся в такт поворотам транспорта. Пожалуй, пресловутые сельди в бочке и то чувствовали себя уютнее, однако никто не жаловался. В сравнении с нижними ярусами, путешествие казалось очень даже комфортным, хотя и вело неизвестно куда. Маршрут знала только Алия, а сообщить его она не потрудилась. С другой стороны, что бы это знание меняло? Запертые в кузове, беглецы все равно зависели исключительно от нее, вынужденные полагаться на судьбу и удачу.

Судьба не подвела. Алия и впрямь расстаралась на совесть, олицетворяя собой ее благоволение. Внезапная остановка беды не предвещала. Она была запланированной, рассчитанной с ювелирной точностью.

— Да скорее вы, сонные мухи! — сердито торопила Алия.

Беглецы и впрямь проворством не отличались. Их конечности успели затечь, отчего они кое-как вылезали из грузового модуля, но только для того, чтобы сразу погрузиться в другой. Гораздо больше первого, он гостеприимно распахнул им бортовую дверь, походившую на овальный люк в барокамере. Слабый свет озарял внушительные, размером с афишную тумбу, колбы, внутри которых темнела неразборчивая масса. Наткнувшись на одну из них, Эрвина присмотрелась и внезапно узрела человеческое лицо.

— Ай! — шарахнулась она, едва не сбив Руслану.

— Ты чего? — удивилась та, но тут же взвизгнула и сама.

Открывшееся зрелище хорошенько прошлось по нервам, и без того натянутым как лифтовые канаты.

В колбах перевозились клоны. Созданные в Либератике, они отправлялись куда-то за ее пределы. Куда именно — Алия не знала. Ей был известен лишь маршрут звездолета, доставлявшего подозрительный груз, но не их дальнейшая судьба. Подробности оставались вне ее компетенции, однако для побега этого оказалось вполне достаточно. Согласно путевому листу, звездолет причалит у пересадочной станции. Там колбы выгрузят, а вместе с ними выгрузятся и беглецы. Условия внутри контейнера были достаточно сносными, чтобы они продержались больше суток. Температура, давление, кислород — все это поддерживалось автоматически, согласно условиям транспортировки живого груза. Точнее, поддерживались температура и давление, к которым Алия присовокупила и надлежащую атмосферу. Включив подачу воздуха, она заперла беглецов вместе с клонами, после чего опять забралась в кабину. Правда, на сей раз транспорт она уже не вела, ибо им управлял автопилот.

В отличие от судьбы, с удачей получилось хуже. Подстроив

остановку, Алия благополучно провернула задуманное. Беглецы перекочевали в новый грузовоз, в то время как старый, запутывая следы, исчез в тоннелях. Надежно сокрытые от глаз, они и сканерам себя не выдавали, ибо внутри перевозились живые клоны. Распределившись среди колб, незаявленные пассажиры терялись в общей массе, на что и рассчитывала Алия. Вот на что она НЕ рассчитывала, так это на избыточный досмотр. Следуя протоколу, грузовоз остановился перед блокпостом с герметичным шлюзом. До взлетного поля оставалось рукой подать, но тут-то удача от беглецов и отвернулась. У выхода из Либератики традиционно дежурили охранники. Трое стояли на небольшой платформе, а четвертый виднелся в диспетчерской будке. Проверяя журнал, один из троих нахмурился, словно нашел некое несоответствие. Затем, подойдя, осведомился, что делает в кабине Алия Ферран.

Назначение было не совсем поддельным. Биодроиды использовались по-разному. Основной задачей Алии было соблазнение Сайлуса Честерсайда. Основной, но не единственной. Ведя множество проектов сразу, Юбелла Аперхоун находила для помощницы немало поручений. Алия сумела обернуть это в своих интересах. Небольшие изменения здесь, поправка там — и вот она уже командирована сопровождать биологический груз.

— Это я вижу, — выслушав объяснения, кивнул охранник. — Однако ваше назначение состоялось всего час назад. Прежде в путевом листе ничего подобного не значилось.

— И что с того? — подняла брови Алия.

— Все нестандартные действия, любые отклонения от нормы теперь всегда проверяются. Приказ Карлериха, — пояснил охранник.

— Вам что, нечем заняться? — насупилась Алия. — Ну, давай, просканируй меня рентгеном. Вдруг я радиоактивным болтом подавилась?

— Чем была вызвана остановка? — неожиданно спросил охранник.

— Как-кая остановка? — невольно запнулась Алия.

— Недавняя. Система зафиксировала задержку в движении вашего транспорта. Что произошло? — допытывался охранник.

Дело принимало нежелательный оборот. Алия подстроила неполадку, однако рассчитывала, что настолько быстро ее не обнаружат. Формально не привирая, она рассказала, чем была вызвана заминка в пути. Мол, плохо сработала автоматика, транспортные модули опасно сблизились, а это вызвало аварийное торможение. Инцидент, однако, сразу же был исчерпан. Модули благополучно разъехались, а Алия прибыла на контрольный пункт.

— Я должен проверить, — твердо сказал охранник.
— Проверить — что? — не поняла Алия.
— Груз. Этот транспорт не сдвинется с места, пока я не просканирую его содержимое, — заявил охранник.

Положение продолжало ухудшаться. Алия изрядно напряглась, однако виду не подала. Театрально махнув рукой, она предложила охраннику тянуть резину сколько душе угодно. Тот, однако, не слишком мешкал. Вооружившись ручным сканером, он обошел грузовоз кругом и внимательно изучил показания.
— Откройте люк, — коротко велел он.
— Это еще зачем? — нахмурилась Алия.
— Слишком расплывчатые сигнатуры. Возможно, помехи или сам груз такой, но я обязан удостовериться, — снизошел до пояснений охранник.
— Послушайте, звездолет скоро стартует! — выразила недовольство Алия.
— Приказ Карлериха, — холодно напомнил охранник. — Или так, или я отправлю вас прямо к нему.
Подняв свободную руку, он сделал подзывающий жест двумя пальцами. Приблизившись, второй охранник выразительно приподнял пульсатор. Это оружие было неспособно пробить броню, зато чрезвычайно эффективно поражало органику и электросхемы.
— Да и черт с вами! — внезапно заявила Алия. — Сами захотели!

Издав тихое шипение, люк в грузовой модуль отворился. Приблизившись, первый охранник сунул голову внутрь, но ничего подозрительного не увидел. На том бы ему и успокоиться, однако проверку он решил довести до конца. Войдя в грузовой отсек, он миновал пару колб и неожиданно для себя очутился лицом к лицу с Эрвиной. Отступать той было некуда, и она предстала во всей красе, просто не понимая, что вообще можно предпринять. Увидев рыжую девушку, охранник застыл как вкопанный. Потеряв дар речи, он не сразу нашелся, что сказать, а когда опомнился, было поздно. За его спиной возникла Алия. Одно молниеносное движение — и шея охранника хрустнула как раздавленная елочная игрушка.

Второй охранник не нашел ничего предосудительного, что биодроид проследовал за его напарником. Он насторожился лишь тогда, когда услышал вскрик, который сразу прервался, будто кому-то заткнули рот. Подозревая неладное, он приподнял оружие и навел его на открытый проем, но это ему не помогло. Алия выскочила столь стремительно, что выстрел прошел мимо. Метнувшись наискось, она избежала попадания, а затем сделала еще один ры-

вок, на сей раз к цели. Разрядить пульсатор вторично охранник не успел. Удар последовал прямо в лицо. Пробив защитный экран, он вмял переносицу в череп, ломая лицевые кости. Охранник умер мгновенно. Выронив оружие, он еще падал, когда Алия была уже далеко.

Согласно протоколу, у каждого шлюза дежурило минимум двое сотрудников службы безопасности. С недавних пор, в особо важных местах, это число было увеличено. Пока пара охранников проверяла транспорт, третий стоял неподалеку, на платформе возле диспетчерской. Четвертый находился в самой диспетчерской, сидя за пультом управления. Нападение биодроида, считавшегося послушной машиной, застало всех врасплох. Убийство первого охранника осталось незамеченным. Расправа над вторым повергла его коллег в ступор. Секунды на две — не больше, однако этого оказалось достаточно.

Алия двигалась молниеносно. Третий охранник только и успел, что вскинуть оружие, и тут же был отброшен как соломенное пугало. Налетев с огромным ускорением, Алия сбила его будто скоростной поезд. Толчок был настолько силен, что охранник его не пережил. Врезавшись в диспетчерскую, он хрустнул костями и свалился на пол. В том месте, где он столкнулся с армированным стеклом, протянулась сеточка трещин. Стекло, разумеется, выдержало, но Алия этого ожидала. Путь в диспетчерскую лежал через дверь. Хлопнув ладонью по кнопке, четвертый охранник сумел ее запереть, но это его не спасло.

Прочная дверь внезапно оказалась слабым звеном. Ребристый металл смялся под пальцами Алии слово размягченный воск. Утонченная, изящная на вид, она приложила такое усилие, что в уши ударил надсадный скрежет. Мощный рывок сотряс диспетчерскую как при землетрясении. Петли лопнули. Сорванная дверь тут же превратилась в щит. Покинув ниши, два дежурных робота атаковали Алию, намереваясь пресечь ее преступные деяния. Их выстрелы пришлись в подставленный металл. Раздавшийся следом гул издали уже не они. Это загудел воздух, рассекаемый тяжелой дверью. Используя ее как снаряд, Алия сбила роботов будто тараном. Деформированные, они беспомощно елозили на полу, не до конца сломанные, но как боевые единицы бесполезные. Они лязгали и жужжали, только Алия на них уже не смотрела. Избавившись от угрозы, она вернулась к прежней цели и ринулась в диспетчерскую.

Очередь прошла мимо. Кувырнувшись через порог, Алия поднырнула под выстрелы. Вторая очередь преуспела не больше первой. Пружинисто подпрыгнув, Алия достала потолок, от которого

отскочила будто мячик. Еще прыжок — и вот она уже отталкивается от стены, подбираясь все ближе к четвертому охраннику. Отступая назад, он все стрелял и стрелял, лихорадочно разряжая пульсатор, однако неизменно мазал. Цель была слишком проворна. Ее такой создали. Создали здесь, в Либератике, и теперь она предстала во всей своей убийственной красе. Сила, ловкость и скорость, сведенные воедино, превратили соблазнительную чаровницу в смертоносное оружие. Она не ведала жалости, не даровала пощады. Ее мозг захватывал цель и рассчитывал процедуры боя. В человеческих глазах отражался нечеловеческий холод. Его зеленые зарницы сверкали неотвратимым приговором.

Замкнутое пространство диспетчерской не предполагало долгой игры в догонялки. Сократив дистанцию, Алия сделала обманное движение, а потом метнулась разящей молнией. Легкий защитный костюм оберегал от энергетического урона, но не грубой силы. Отражая лазер, пульсатор или волновой разряд, он был бесполезен против кувалды. Кулак, выставленный вперед, пробил охранника навылет. В его груди образовалась дыра, сочившаяся кровавым фаршем. Остатки сердца трепыхались, дымясь телесным теплом. Выдернув руку, Алия безучастно смотрела, как жертва оседает на пол и как стекленеют ее глаза. Она не теряла время и не наслаждалась содеянным — она обдумывала следующий шаг.

Даже невероятная прыть биодроида не сумела предотвратить тревогу. Взламывая диспетчерскую, Алия опоздала совсем чуть-чуть, но все же опоздала. Тревожные трели уже вовсю бередили службу безопасности Либератики. Где-то там, в ее глубине, поднимались грозные силы, и до их появления оставались считанные минуты. Положение выглядело критическим, однако Алия ни на мгновение не растерялась. Трезво оценивая ситуацию, она была готова к любому развитию событий. В ее голове, совершавшей фантастическое число операций в секунду, тут же возник план действий, вполне согласованный с одним из вариантов прикрытия. Несколько ударов раскурочили панель управления. Еще серия — и диспетчерская превратилась в металлолом, преисполненный искрившей аппаратуры. Для Алии вся эта техника была бесполезна, но теперь она стала бесполезна и для Либератики.

Вернувшись к грузовозу, Алия нырнула в люк и едва не столкнулась с Эрвиной. Это она коротко вскрикнула, когда охраннику свернули шею, однако испуг сковал ее ненадолго. Несмотря на труп у самых ног, она быстро восстановила самообладание. Обуянная нездоровым любопытством, Эрвина преодолела страхи и хотела высунуть нос, желая узнать, что там палит и грохочет.

— Куда тебя нелегкая несет?! — сурово прикрикнула Алия.

При этом, как ни странно, она исполнила желание Эрвины. Вытолкнув ее наружу, она вытолкнула и всех остальных.
— Туда! Живо! — велела она, указывая на дверь у края платформы.
Это была дверь в технический коридор, обозначенная безликим номером. Место происшествия требовалось покинуть, и как можно скорее, однако беглецы с этим не спешили. Вытаращив глаза, они уставились на погром, учиненный Алией. Погром и смертоубийство.
— Будете стоять столбами — вас тут и пристрелят! — грозно предупредила Алия. — Веди их! Я здесь разберусь! — добавила она, обращаясь к Сайлусу.
И Сайлус повел. Отворив дверь, он едва ли не силой затащил туда остальных, позволяя Алии заняться более важными делами. Ретироваться с места побоища было недостаточно — требовалось организовать надежное прикрытие.

Отряды быстрого реагирования прибыли весьма оперативно. Вооруженные до зубов, они старательно сканировали пространство, выискивая опасность. Блокпост у шлюза был окружен, однако что там произошло — никто не знал. Прикрывая друг друга, боевые группы сжимали периметр, приближаясь к источнику тревоги. Тихонько жужжа, летели стайками малые дозорные дроны. Отливая стальными бортами, неторопливо ползли по тоннелям машины поддержки, похожие на мини-танки. Улавливая любое движение, системы наведения бдительно нащупывали цели, и те не заставили себя ждать.

Сигнатуры определялись безошибочно. Скачками и перебежками, клоны выскакивали отовсюду. С охраной у шлюза они, вероятно, уже разделались, раз оттуда не доносилось ни единого выстрела, и теперь искали, кого бы еще порешить. За ними, гудя и наливаясь яростью, полыхал огонь, распространяя жар и копоть. Пожирая блокпост и диспетчерскую, он тянул свои хищные языки в тоннели, пробуя на вкус трубы и кабели. С шипением, несколько запоздало, ударил хладагент, затягивая пространство молочно-белыми клубами. Их завеса скрыла пожар, унимая его свирепую мощь, но скрыла она и клонов. Пользуясь этим прикрытием, они атаковали порознь и сообща.

Боевые группы представляли грозную силу. В отличие от простых охранников, они были куда лучше подготовлены и оснащены. Защитные костюмы сделали бы честь и армейскому спецназу. То же относилось и к вооружению, готовому противостоять любой угрозе. Вспомогательные системы обеспечивали прикрытие, связь, аналитику и помощь на поле боя. Одни были интегрированы в

амуницию, другие воплощались в мобильных модулях или самостоятельных машинах. К самостоятельным относились и военные роботы. Нашпигованные пушками, они обладали огромным боевым потенциалом. Не очень подвижные, зато надежно бронированные, они служили как отличным заслоном, принимая огонь на себя, так и тяжелой артиллерией. Орудийные башни умели палить ураганными очередями, а выдвижные щиты отражали напор врага. Вот биодроиды в боевых группах не присутствовали. Этим куклам Карлерих не доверял. Несмотря на их показатели, он предпочитал своих подчиненных, пусть менее проворных, зато более надежных. Отдавая им приказы, Карлерих знал, что те его не подведут, и они действительно прекрасно со всем справлялись.

Координация в боевых группах отличалась высочайшим профессионализмом. Клоны нападали яростно, кидаясь как взбесившиеся звери, но их броски никого не заставали врасплох. Действительно опасные, они обезвреживались точными выстрелами и короткими очередями. Иных удавалось сразить еще на подходе, при помощи маломощных ствольных гранат. Они поражали цель только вблизи, отчего не угрожали самим стрелявшим, зато поражали хорошо. Как заградительный огонь, гранаты обеспечивали эффективное подспорье. Тех же, кто прорывался, встречали пульсаторы, излучатели частиц и волновые пушки, которые разили не хуже, чем винтовки и силовые разрядники. Одних они испепеляли на месте, обращая в невесомую взвесь, других обугливали как пережаренный кусок мяса, а третьих разносили на куски, летевшие в стороны. Иные клоны падали изрешеченными, с оторванными конечностями или простреленными головами. Лишь некоторые умирали почти не пострадав. Таких, если они еще дергались, сжигали из плазмометов, только для того и применявшихся, чтобы не допустить чрезмерного ущерба инфраструктуре Либератики.

Продвигаясь вперед, боевые группы отстреливали клонов, быстро сводя их численность на нет. Они не допускали ошибок, действовали сообща и демонстрировали блестящий результат. Оцепленная зона оперативно зачищалась, а угроза нивелировалась. И все же клоны тоже наносили урон. Созданные отнюдь не для домашних работ, они легко уничтожили бы полицейский отряд и разорвали в клочья охотников-любителей. Сотрудники Карлериха, конечно, оказались им не по зубам, однако совсем уж без последствий не обошлось. Убить клоны никого не убили, тем более что были не вооружены, но пятерых успели ранить, причем двоих весьма серьезно. Дюжина роботов, раскуроченных ломом и стальными обломками, на этом фоне выглядела сущим пустяком.

Гибель четверых охранников подтвердилась. Их останки об-

наружили на пепелище, в которое превратились диспетчерская и платформа. Рядом чернел остов грузового модуля, откуда вырвались взбесившиеся клоны. Тугоплавкий, чрезвычайно толстый шлюз не пострадал, зато все окрестности изрядно оплавились, словно подожженные термобарическими зарядами. Площадь поражения была столь велика, что затронула даже технические коридоры и соседние секции. Это мешало установить, что произошло. Во всяком случае, по горячим следам, быстро и достоверно. С другой стороны, сам факт такой масштабности заставлял предположить нечто весьма тревожное.

Карлерих был в ярости. При его безупречном самообладании это проявлялось в подергивании уголком рта. Находясь в командном центре, он получал всю оперативную информацию, передаваемую боевыми группами. Технические потери были неприятными, но не критичными. Промышленный потенциал, ремонтные бригады и доставка оборудования могли восполнить и не такое, причем в очень сжатые сроки. Конструкции, машины и целые звездолеты были всего лишь ресурсом, расходным материалом, который все равно рано или поздно отправлялся на свалку. В отличие от них, гибель персонала Либератики считалась неприемлемой, даже если речь шла о низших рангах. Отдавая приказы, Карлерих еле сдерживался, чтобы не взорваться, в том числе потому, что пока не знал, на кого обратить свой гнев. Он, разумеется, не сомневался, что произошедшее отнюдь не случайность, однако без фактов ничего утверждать не мог. Кто бы все ни подстроил, он сделал это с умыслом, который предстояло установить. Желательно, до того, как приключится нечто куда серьезнее.

— Докладывать мне каждые пятнадцать минут! — велел Карлерих, когда удостоверился, что прямая угроза миновала. — Удвоить посты! И чтобы через час у меня был полный отчет о случившемся!

Возвращение в павильон происходило как в тумане. Коридоры, двери, снова коридоры… Неприметный грузовой модуль, мирно дремавший в тупике, потом пассажирский или еще какой-то, главное что пустой… Отрывистые команды Сайлуса, велевшего делать то или это, идти туда или сюда… Шум бегущих шагов, гулко отдававшийся в ушах, стук металла и лязг затворов… Мерцающий свет и жужжавшая автоматика… Друзья мало что понимали. Несостоявшиеся беглецы из Либератики, теперь они превратились в беглецов с места преступления. То, что учинила Алия, не укладывалось в голове. Оно вызывало психоз и состояние аффекта. Глубоко шокированные, друзья просто выполняли, что говорил Сайлус, и не особо отдавали себе отчет, чего именно. Ими владело лишь одно желание — сбежать куда-нибудь подальше, и они без-

ропотно слушались того, кто его осуществлял.

Понимание стало приходить уже там, под куполом на дне озера. Отдышавшись и немного опомнившись, друзья осознали весь ужас сложившегося положения. Побег из Либератики — это одно, уж что бы здесь на самом деле ни происходило; убийство ее персонала — совсем другое. В глазах закона, сейчас друзья были замешаны в преступлении дальше некуда, с той только разницей, что они не собственноручно его совершили. Надеясь всего лишь улететь, они никак не желали очутиться в такой знатной передряге.

— Ну и что нам теперь делать? — мучительно изрекла Шелли. Нарушив гнетущее молчание, она вздрогнула от звука собственного голоса. При этом вопросе Сильвертина, уже было затихшая в объятиях Джерри, снова расплакалась.

— Ждать Алию, — коротко ответил Сайлус.

— Один раз уже дождались! — резко заявил Руберт. — Она нас под монастырь подвела!

— Может, сообщим обо всем администрации? — неуверенно предложил Листас. — Скажем, что ничего не знали. В конце концов, это чистая правда.

— Правда или нет, не имеет значения. Вы в любом случае окажетесь на нижних ярусах, — холодно сообщил Сайлус. — Или вы всерьез воображаете, что вам позволят вернуться к обучению? Разгуливать, как ни в чем не бывало, и травить дикие байки другим студентам?

— Мы будем молчать, — шмыгнула носом Шелли.

— Они этого не знают. И рисковать не станут, — веско возразил Сайлус.

— Так что же теперь делать? — вернув себе хладнокровие, повторила вопрос Элеонора.

— Ждать Алию, — в свою очередь, повторил Сайлус.

Ожидание стало еще одним кошмаром, не намного лучше первого. Друзья здорово извелись, рисуя себе мрачные картины будущего. Лихорадочно разыгравшись, воображение угодливо рисовало им подступавшую катастрофу. Администрации все было известно. Установив виновных, она готовила для них самое суровое наказание. Стягиваясь отовсюду, павильон уже оцепляли вооруженные люди, а в дверь собирались ворваться стражи правопорядка. Скрыться, сбежать никак не удастся. Клеймо преступления было зримо всем и каждому, и любой встречный тут в ужасе отшатнется, показывая на злодеев пальцем.

Подозрения Эрвины, ей же самой давеча признанные нелепыми, вспыхнули с новой силой. Правда, на сей раз они были об-

ращены не столько против Сайлуса, сколько Алии, и тут же выплеснулись, когда она наконец-то объявилась из люка.
— Ты убийца! Может, у тебя и есть сознание, но ты убийца! — бросила ей в лицо Эрвина. — Ты обещала нас вытащить, а сама впутала в жестокое преступление!
— Я не понимаю, что тебя удивляет, — с дьявольским спокойствием ответила Алия.

Услышанное вызвало когнитивный диссонанс. Словесная атака сорвалась. Не ожидав такого заявления, Эрвина аж рот приоткрыла, но ее растерянность быстро прошла, сменившись порцией краски в лицо.
— Что меня удивляет?! — стиснула кулаки она. — Ты имеешь наглость якобы не понимать, что меня удивляет?!
— Конечно, — все так же спокойно кивнула Алия. — Я вроде говорила, что в Либератике выращивают сверхлюдей. Вот вам и наглядный образец. Я — образец. Или, по-твоему, сверхлюди Либератики — это ангелы с нимбами и крыльями? Так вот, ничего подобного. Ради достижения своей цели, из самозащиты они уничтожат любого. Если придется — голыми руками. Моя генетика закладывалась с определенными целями. Частично, по натуре я действительно убийца. Этого хотели мои создатели, чтобы я делала для них всякую работенку. Да, у меня есть сознание, но есть и инстинкты. Защищая вас, я сделала то, на что способна, и что должна была сделать. Я помогала нам сбежать и не могла допустить, чтобы нас схватили и изобличили.
— Ты не помогла, ты сделала только хуже, — заметила Элеонора.
— Ну уж простите, не все от меня зависит, — едко парировала Алия. — Я умею просчитать очень многое, однако случайности предвидеть не могу. Сегодня была случайность. Знай я заранее, что тот идиот полезет внутрь, я бы придумала что-нибудь другое.
— Тогда просчитай последствия, — теребя косички, хмуро предложила Руслана. — Бесконечно долго мы здесь не просидим. Что нас теперь ждет?

Данные, полученные из разных источников, сводились воедино. Во внимание принималось все: записи с видеотрансляторов, перемещение транспорта и персонала, открытие и закрытие дверей, различные электронные журналы и даже такие мелочи, как колебания температуры или внезапный сквозняк. Выискивая иголку в стоге сена, машинный анализ распутывал и ниточку. Мощнейшая вычислительная система трудилась на износ, а вместе с ней и целый аналитический отдел. Недостаток улик, по большей части уничтоженных огнем, компенсировался логикой. Причинно-следственная связь, несомненно, была — ее лишь требовалось вы-

явить и установить, куда тянулись концы. Куда и к кому. Череда событий, поодиночке неприметных, складывалась в общую картину, которая указывала на дурной умысел.

Сильный пожар был подстроен. Кто-то намеренно установил термобарические заряды, чтобы замести следы. Скрывалось не убийство охранников, вопиющее само по себе, а то, что к нему привело. Грузовоз, перевозивший клонов, сгорел дотла, не позволяя установить, каким образом они вырвались на свободу. Транспортировка не предполагала самоосвобождения за невозможностью такового. Погруженные в анабиоз, клоны представляли собой биологические болванки. Их тело было готово к эксплуатации, но мозг пустовал как у младенца и не содержал каких-либо данных. Они загружались только при непосредственном вводе в строй. Даже освобожденные из колб, клоны просто не могли ничего натворить, мало чем отличаясь от куска мяса. И все же они натворили. Кто-то их запрограммировал, причем со знанием дела. Об этом говорили быстрота и эффективность, с какой болванки были превращены в озверевшее оружие. На момент отгрузки аномалий у клонов не выявлялось. Значит, вмешательство произошло в пути, то есть в очень ограниченный промежуток времени.

Система безопасности Либератики располагала множеством видеотрансляторов, датчиков и регистраторов, не говоря об уйме других устройств. Формально, любое действие заносилось в электронный журнал, подлежа изучению и анализу. По факту же это не всегда соответствовало действительности. Во-первых, избыточное слежение не практиковалось, за отсутствием смысла такового. В замкнутом пространстве изначально находились только студенты и персонал. Первые заведомо ничего не знали, лояльность вторых сомнению не подлежала, а наличие посторонних физически исключалось. Во-вторых, архивные записи даже в Либератике не гарантировали защиту от подделки.

Обмануть систему было сложно, но все же возможно, особенно если знаешь как. Выявление такой подделки становилось вопросом необходимости и времени. Столкнувшись с необходимостью, все начинало зависеть от времени. Играя критическую роль, оно помогало либо следствию, либо злоумышленнику, и в данном случае злоумышленник выигрывал. Вмешательство было обнаружено слишком поздно. Подправив данные и подменив видеосигналы, кто-то создал массу ложной информации, заменившей и поглотившей истинную. Установить, кто именно проник в грузовоз, оказалось невозможно. Это выявило масштабы проблемы, затронувшей значительное количество аппаратуры. Провернуть такое абы кто не мог, не располагая знаниями и надлежащим уровнем

доступа, а это автоматически сужало круг подозреваемых.

Работая без перерыва, служба безопасности установила потенциальный источник вмешательства. Увязав все концы, обрывки сведений и логические допущения, она пришла к заключению, что на сей раз ученые Юбеллы Аперхоун были совершенно не при чем. Первичные подозрения, вызванные инцидентами на нижних ярусах, оказались беспочвенными. То же констатировалось и в отношении Брегоунта, а медики Ярколича и вовсе исключались сразу. Выводы звучали неутешительно. Руку приложил кто-то из своих. Кто-то из самой службы безопасности, и в этом практически не оставалось сомнений.

Для Карлериха это было настоящее потрясение. Уже готовый рвать в клочья других, он понял, что винить ему некого, кроме самого себя. Он лично отвечал за свое ведомство, а значит, отвечал и за все, что в нем происходило. Чего бы ни натворил отдельный сотрудник, это автоматически затрагивало и Карлериха. Причина была неважна. Выискивая угрозу в чужих хозяйствах, он проморгал ее в собственном доме, что с его подходом к работе считалось недопустимым. Как можно требовать чего-то от других, если ты не в состоянии выполнить эти требования сам? Скрежеща зубами, Карлерих отдал новый приказ. Все силы, вся аналитика перебрасывались на поиск змеи в собственных рядах. Если через час он не узнает ее имя, то станет арестовывать всех подряд, буквально за каждую подозрительную мелочь.

Ниточка привела к Радо Фельсторгусу. Ниточка неявная, однако достаточно осязаемая, чтобы установить его причастность к взлому системы безопасности. Остальное, вроде порчи клонов, она не доказывала, однако логическая связь напрашивалась сама собой. Кто будет маскировать дурной умысел просто так? Как оператор системного узла, Фельсторгус был неприметной фигурой, на которого не сразу падало подозрение. Пользуясь своим доступом, следы он стирал просто мастерски. Настолько, что оставалось подивиться, где он этому научился. Его, вероятно, и вовсе бы не вычислили, не брось Карлерих все ресурсы на узкий круг лиц. Это помогло составить список подозреваемых, где фигурировал и Фельсторгус.

Дальнейшая, уже целенаправленная проверка быстро принесла плоды. Улики против оператора начали нарастать как снежный ком. По-прежнему косвенные, они стали достаточным основанием, чтобы послать к нему оперативную группу. Прибыв на системный узел, она попыталась решить вопрос по-хорошему, однако не тут-то было. Узел оказался заперт изнутри, а на требование открыть никто не отвечал. Недолго думая, опергруппа ре-

шила вскрыть дверь и тут же подверглась нападению роботов.

Жертв удалось избежать благодаря прозорливости Карлериха. Отправь он обычных следователей — и к четырем погибшим у шлюза добавилось бы еще несколько. Карлерих учел предыдущие инциденты и сделал надлежащие выводы. Опергруппа была снаряжена достаточно, чтобы выдержать предательскую атаку машин. Запрограммированные заранее, они ожидали незваных гостей и тут же открыли огонь, едва плазменный резак вонзился в дверь.

Предполагая, что однажды за ним придут, Фельсторгус постарался не спустя рукава. Двух роботов опергруппа видела изначально. Как и положено, те дежурили возле двери, предотвращая несанкционированное проникновение. Еще трое были сокрыты так, чтобы оказаться у визитеров за спиной, и сокрыты весьма искусно, не только от глаз, но и аппаратуры. Притаившись в технических нишах, они видели все, в то время как их самих скрывали маскировочные занавеси. Выказав агрессию, первые два робота отвлекли внимание опергруппы. Вызвав огонь на себя, они дали преимущество спрятанной троице. Та же не ринулась врукопашную, а шарахнула из всех стволов прямо из засады.

Как Фельсторгус планировал сбежать из Либератики — вопрос отдельный. Очевидным было лишь то, что роботов он поставил на стражу дабы выиграть время. Вступив с ними в схватку, опергруппа замешкалась, а это отсрочило вскрытие узла. Кто же будет невозмутимо резать сталь, когда в него палят из всех калибров? Визит к Фельсторгусу автоматически откладывался, пока у входа бушевали страсти.

Самым опасным был первый залп. Он мог уничтожить оперативников на месте, не отреагируй их компьютеры на угрозу. Навстречу выстрелам, подобно парашютам, раскрылись силовые щиты. Краткосрочные и энергозатратные, они продержались всего пару секунд, зато отразили коварный удар. Гранаты разорвались не достигнув цели. Изрешетив окрестности, они оставили кругом щербины и выбоины, но никому не навредили. Волновые пушки испытали щиты на прочность. Заставив их ярко вспыхнуть, они были близки к успеху, но все же не преуспели. Заряды пульсаторов и вовсе развеялись, словно горячий ветер о холодную стену.

Второго залпа никто дожидаться не стал. Исходя из оценки ситуации, компьютеры опергруппы отстрелили пиропатроны. Встроенные в амуницию, они сработали безотказно и образовали густую завесу, создававшую помехи как для оптики, так и для электроники. Враждебные роботы потеряли цель и не видели, куда стреляют. Оперативникам же было достаточно поразить непод-

вижные ниши. Откатившись, кто куда, они открыли по ним шквальный огонь.

Ниши превратились в кузнечные печи, внутри которых свирепело пекло. Роботы оплавились как воск, пожираемый нестерпимым жаром. Утрачивая форму, они оседали, пораженные сверхвысокой температурой. Корпуса, оружие, шасси — все перемешалось в бесформенную, сиявшую вишнево-красным массу. По стенам ползли густые капли из тугоплавкого металла. Гладкий потолок сморщился будто дряблая кожа. Роботы были не просто уничтожены — они перестали существовать, напоследок рванув боеприпасом. Взрывы оказались сильны, но бесплодны, только и брызнув раскаленной кашей.

Устранив угрозу, оперативники снова переключили внимание на дверь. Не забывая сканировать окрестности, они срезали петли и наконец-то вскрыли системный узел. Первым туда сунулся скаут из числа андроидов, наиболее подходивший для разведки. Автоматические пушки не дремали. Среагировав на движение, они тут же разразились очередями. Прикрытый заслоном из брони, андроид не слишком пострадал, для чего и держал ее перед собой. Захватив координаты целей, он передал их другим андроидам. Следуя за ним, те немедленно взяли пушки в оборот и уничтожили точными выстрелами.

Узел зачищался ювелирно. В отличие от ниш, поражение по площади не допускалось, чтобы не уничтожить улики, которых и без того критически не хватало. Также никто не желал прикончить Фельсторгуса на месте, даже будь он стократно виновен. Его требовалось захватить для изучения и допроса. Предполагая, с чем могут столкнуться, оперативники соблюдали осторожность. Защиту им гарантировала герметичность, нарушать которую не стоило. Неторопливо продвигаясь, они обшаривали каждый закоулок, но вскоре выяснилось, что защищаться особо не от кого. Обнаруженный Фельсторгус сопротивления не оказывал. Он лежал в тупичке с электроникой и не подавал признаков жизни. Как оказалось, этой жизни в нем уже не было. В руки оперативников попал еще теплый труп, причину смерти которого теперь предстояло установить.

Для исследования тела Карлерих привлек лучших специалистов Либератики. Учитывая серьезность ситуации, этим занялись лично Ярколич и Аперхоун. Как медик, Ярколич проводил вскрытие. Аперхоун ассистировала и тут же изучала биологический материал. Оба не мешкали, но и не спешили. Свою задачу они поделили на два этапа: предварительных выводов и глубокого анализа. Первые требовались как можно скорее, чтобы подтвердить или

опровергнуть основные подозрения. Второй должен был окончательно прояснить картину и выявить самые незначительные детали, потенциально таившие что-нибудь еще. Ярколич и Аперхоун работали с максимальной отдачей. Не прошло и часа, как они предоставили Карлериху первичный отчет.

Смерть Радо Фельсторгуса наступила от внушительной дозы синтетического яда. Под этим подразумевалась не какая-то там химия, а химия очень примечательная. Она воздействовала на клеточном уровне. Иначе говоря, это была все та же генная терапия, только наоборот. Ее использовали не для получения сверхлюдей, а для гарантированной ликвидации организма. Она уничтожала его так, словно стирала из реальности, как данные с файлового хранилища. Внешне тело не утрачивало свою форму. По сути же оно превращалось в бульон, набор органических веществ, заполнявших клеточные оболочки.

Несмотря на неожиданность результата, за предварительный вывод Ярколич и Аперхоун ручались головой. При этом из него следовал другой, который еще предстояло доказать. Официально не озвученный, он казался наиболее логичным. Зачем кому-то применять такой яд, совершая обычное самоубийство? Для чего понадобился эффект, напоминавший заметание следов? Потому что этот кто-то именно следы и заметал.

Негласно, не делая записей в журнале, Ярколич и Аперхоун были почти уверены, что речь идет об инфицировании. Если бы не разрушения, постигшие клетки умершего, они бы установили сей факт наверняка. Вероятно, именно для того эти разрушения и вызывались, чтобы лишить их неопровержимых доказательств. Заражение меняло носителя, переписывая его структуру. Скрыть это можно было уничтожением самой структуры. Конечно, плазменная печь выглядела куда надежнее, однако в распоряжении Фельсторгуса таковой не оказалось. Застигнутый на узле, он только и успел, что принять генетический яд.

Оставалось неясным, на что, собственно, рассчитывал Фельсторгус. Засада дала ему время отравиться, однако это представлялось бессмысленным. Скрывая заражение, он все равно именно на него и указывал. С другой стороны, яд не позволял определить, как именно Фельсторгус заразился. До сих пор он считался абсолютно чист. В его поведении не наблюдалось аномалий, и все стандартные проверки он благополучно проходил. Это подтверждали журналы службы безопасности. Досконально проверенные, они не содержали признаков подделки. Значит, Фельсторгус был инфицирован совсем недавно, но тогда, собственно, каким путем, и как он успел проделать все то, что ему приписывалось? Вмеша-

тельство происходило именно с его узла, и именно тогда, когда он там находился. Ответа на эти вопросы не было. Подделывая и стирая информацию, Фельсторгус позаботился о том, чтобы система безопасности ни о чем не узнала. Теперь вся надежда возлагалась на глубокий анализ. Вполне вероятно, он мог что-нибудь выявить. Сообщив Карлериху о своих догадках, Ярколич и Аперхоун отложили все другие дела и продолжили исследование.

Алия не солгала. Каким бы образом она ни запутала следы, по души Реляктантов так никто и не явился. Угроза, представлявшаяся неотвратимой, миновала. По крайней мере, пока. Куда бы ни направила взоры администрация, несостоявшиеся беглецы не попадали в ее поле зрения. Вернувшись домой, они могли продолжить прежнюю жизнь, обретая второй шанс на спасение. Им лишь следовало вести себя как обычно, но именно с этим и возникла проблема.

Ежедневные медицинские процедуры никто не отменял. Даже внешне спокойные, для чувствительной аппаратуры друзья пребывали в крайне взвинченном состоянии. Их психика страдала, и не заметить это было невозможно. Ведомство Ярколича собаку съело на таких вещах. Если прежде друзья выглядели сносно, то теперь, после сорвавшегося побега, в их внутреннем мире бушевала буря. Ее причины техника не определяла, однако сам факт устанавливала достоверно. Заметив такие отклонения, медики наверняка обеспокоятся. Когда же выяснится, что они присущи соседям по дому, их внимание обострится до предела и может достичь Карлериха. Чтобы этого не произошло, требовалось что-то предпринять. Алия призывала друзей к спокойствию, но ее увещеваниями тут было не обойтись. Психику просто так не переломишь, и одними успокоительными проблему не решишь.

Выход придумала Эрвина. Обмануть аппаратуру ей было не по зубам, и уж тем более для всей компании. Она пошла другим путем. Не в состоянии скрыть гулявшие нервы, она сочинила подходящее оправдание. Джерри и Сильвертина якобы объявили о своей помолвке. Разумеется, неофициальной, поскольку их родственников поблизости не наблюдалось. Они сообщили об этом только соседям, чем вызвали среди них волнительный переполох.

Легенда убивала всех зайцев сразу. Этим объяснялись собрания друзей, уединявшихся в укромных местах. Мол, они обсуждали и праздновали столь прекрасное событие. На это же списывалось и настроение Сильвертины, хуже всех державшей себя в руках. Она была не первой, кто лил слезы и переживал по такому вроде как счастливому поводу. Идея работала и на перспективу, позволяя и впредь прикрываться ей какое-то время.

Придумав легенду, Эрвина сама ее и реализовала. Явившись к Ярколичу, она попросила чего-нибудь от нервов, причем не только для себя, но и для друзей. И тут же эмоционально изложила причину, не скупясь на выдуманные подробности. Ярколич был явно чем-то озабочен. Он и к Эрвине вышел как-то торопливо, словно мимоходом, однако выслушал свою особую студентку внимательно. Оценив ситуацию, он слабо улыбнулся и кивнул, пообещав отдать необходимые распоряжения. Затем извинился и ушел, шагая все в той же спешке. Добившись своего, Эрвина сообщила друзьям, что они пока вне подозрений. Вот только как надолго, и терять время явно не стоило.

Мало-помалу эффект от потрясения развеялся. Содеянное Алией уже не представлялось столь чудовищным и выглядело даже адекватным. Она убила не безвинных людей. Выбирая между спасением и катастрофой, она и впрямь сделала то, что должна была сделать. Персонально охранники, может, и не участвовали в преступлениях Либератики, однако они выступали ее частью, а право на жизнь и самооборону никто не отменял. Если бы не Алия, друзья уже очутились бы на нижних ярусах, без всякой надежды на спасение. Это был очевидный факт, и сомнению он не подлежал. Другое дело, что у Эрвины хватало иных сомнений, высказывать которые она по-прежнему не спешила. Заняв выжидательную позицию, она задавала Алии то один вопрос, то другой, если и не лично, то через Сайлуса.

Обычно Алия отвечала, хотя частенько прибегала и к отговоркам. Например, про руководство Либератики она сказала, что толком ничего не знает. Доступа к личным делам у нее не было, а открытая информация всем и так известна. Примерно так же она ответила и про других биодроидов. Мол, это Эрвине кажется, насколько прост ее вопрос. Биодроиды — не семья, не родственники и даже не друзья. Это органические компьютеры, продукт массового производства. Довериться кому-то из них Алия не в состоянии. Следуя программе лояльности, биодроиды ее тут же выдадут. Теоретически, может у иных и проснулся разум, только поди это разбери. Алия сама служила примером, почему хранила свою тайну, и способа выявить ее у других пока не знала. Зато она знала многое другое, и не отказывалась просвещать Эрвину без веской на то причины. По большому счету, она просвещала ее намеренно, желая привлечь к разработке нового спасительного замысла.

Сорвавшись, идея со звездолетом Либератики поставила на себе крест. Теперь, когда служба безопасности проверяла каждый дюйм, пробраться на судно тайком вряд ли выйдет. Вторично обнаруженные, беглецы уже не выпутаются, и тогда всему конец. В

этом свете, хочешь не хочешь, требовалось придумать нечто иное, с чем Алия не торопилась. Ссылаясь на изменившиеся обстоятельства, она забраковала имевшиеся варианты, а других пока не предложила. Предоставляя информацию Эрвине, она все активнее подключала ее к планированию, а следом и остальных. Вернувшись к обсуждению, друзья совместно придумывали, что можно предпринять, и на сей раз Алия это поощряла.

Побег на просторы Гальтенузы предстал в переосмысленном виде. Сам по себе он был по-прежнему бесперспективным, однако не тогда, когда за беглецами прилетел бы какой-нибудь звездолет. Посадка чужих кораблей запрещалась, но ведь это смотря для чего. О нарушении правил, как и об отчислении, не шло и речи, а раз так, что Реляктантам терять? Только собственные жизни, которые они и спасут, поднявшись на борт прибывшего судна. Другое дело, откуда оно возьмется. Расспрашивая Алию, Эрвина внезапно уяснила, что не все в Либератике было фикцией.

Контакты Сайлуса с Фростером вводили в заблуждение. Если последний попал на нижние ярусы, каким образом первый мог общаться с ним во время еженедельных сеансов связи? Ведь Фростер домой не вернулся, и отвечать на провокации физически не мог. Как оказалось, он и не отвечал. Созданием иллюзии занимался искусственный интеллект, успевший составить цифровой портрет студента. Любого студента, которого он подменял в случае необходимости и, в частности, отчисления. Благополучное возвращение имитировалось очень натурально, маскируя происходящее, как и ложь о жизни после Либератики. Вероятность разоблачения, бесспорно, существовала. Перекрестные контакты разных лиц могли выявить несоответствие, но они заведомо списывались на технический сбой. И списывалась вполне эффективно, поскольку бесконечно долго, ввиду грядущей судьбы, студентов обманывать не приходилось. Таким образом, иллюзии, смоделированные искусственным интеллектом, использовались сплошь и рядом. В общей же массе, однако, связь с родными и близкими была подлинной.

Цифровые профили студентов формировались непосредственно в Либератике, что существенно упрощало задачу. Ежедневно совершенствуясь, они вполне сходили за оригинал. Имитация неограниченного круга лиц представлялась куда более сложной, если вообще возможной. Базой данных всех людей во Вселенной система не располагала. Вероятность разоблачения критически повышалась, а в масштабах всего университета становилась практически неизбежной. Заподозрив подвох, студенты могли взбунтоваться, чего администрация никак не желала. Принятое уже

давно, Соломоново решение стало идеальным выходом из положения. Искусственный интеллект создавал иллюзию только в особых случаях, когда того требовала насущная необходимость. Во всех остальных студенты общались с настоящими родными и близкими. При минимальных рисках, они оставались эмоционально благополучными и душевно уравновешенными. Контакт с дорогими людьми не позволял им почувствовать себя одинокими, оторванными от реальности заключенными. Также это обеспечивало спокойствие семей, совершенно уверенных, что их дети в полном порядке, тем более что до определенного момента так оно и было.

Алия вряд ли лгала, однако это не означало, что она говорила правду. Она ведь и сама могла о чем-то не знать, как не знала и многое другое. Искусственный интеллект развивался совместными усилиями Дормербруг и Аперхоун, но самостоятельным проектом. Сам по себе он был всего лишь инструментом. Его использовали многие, в том числе для каналов связи. Их контролировали Брегоунт и Карлерих, один как главный инженер, другой как шеф безопасности. Первый биодроидов недолюбливал, а второй их вообще не подпускал. О том, что и когда работает, Алии они явно не докладывали. Иначе говоря, достоверность контактов требовала проверки, чтобы не угодить в ловушку иллюзий и не допустить фатальной ошибки.

Как и все, Эрвина, не будь дурой, ни словом не обмолвилась родным о бесчеловечных опытах в Либератике. Она вообще ни о чем не проболталась, прекрасно понимая, чем это чревато. Даже если разговор не прослушивался, мать и отец натворят больше вреда, чем пользы. Реальной помощи они оказать не успеют, зато наверняка подведут дочь под монастырь. Как Эрвина ни порывалась, она ни разу не выдала, что творится у нее на душе, в том числе из-за потенциально ненастоящих собеседников. Заверения Алии заставили ее пересмотреть свое отношение. Отец и мать выглядели настоящими, однако для проверки были ненадежным источником. В Либератике их наверняка уже изучили, чтобы при случае подсунуть иллюзию. Чтобы обрести уверенность, Эрвине требовался другой контакт — сторонний, но достаточно хорошо ей известный, в отличие от лже-университета. И тут долго подыскивать кандидатуру не пришлось.

Память не подвела. Индивидуальный номер все еще работал, да и чего бы ему не работать, если он существовал уже давно. Введя буквенно-цифровой код, Эрвина с трепетом ждала ответа, гадая, что сейчас произойдет. Система могла обмануть, будто никто не отвечает, или пойти еще на какую-нибудь уловку. Доверия не внушал и сам абонент, вполне способный проигнорировать знако-

мый вызов. Он и впрямь долго не отвечал, заставляя Эрвину переживать неприятные моменты. Она почти уверилась, что из ее затеи ничего не выйдет, как вдруг в дополненной реальности объявилась незабываемая физиономия.
— Ну? Чего надобно? — хмуро осведомилась она, отчаянно зевая.
Вероятно, звонок пришелся в неурочное время, вырвав ее из крепкого сна.
— Здрасьте! Как ваши дела? — бодро осведомилась Эрвина.
— Погоди! Это… Ты?! — опешил низкорослый человечек с крючковатым мясистым носом.

Судя по восклицанию, абонент либо спросонья не понял, кто его вызывает, либо вообще позабыл про рыжую девушку. Ту, что не так уж и давно у него работала. Последнее, впрочем, было бы неудивительно, учитывая текучку кадров в забегаловке, где он скольких уже повидал.
— Да, я, — кивнула Эрвина. — Вот, решила узнать, как вы поживаете. Поговорить со старым знакомым, вспомнить былые деньки. Здесь круто, но скука смертная. С вами было веселее.
Она не врала. Ей и впрямь очень хотелось поболтать с этим типом, вот только не ради развлечения. Для подстраховки, искусственный интеллект мог скопировать ее мать и отца, но вряд ли ему был известен Хоботогоблин.

Расчет удался. Заинтригованный, менеджер и сам пожелал узнать, как дела у бывшей сотрудницы. Не для того, разумеется, чтобы за нее порадоваться, а порадовать исключительно себя, надеясь удостовериться в ее фиаско. Тот оглушительный инцидент он запомнил на всю жизнь. Хоботогоблин до конца не верил, что Эрвину приняли в Либератику. Не верил он и сейчас, а даже если так, он очень надеялся услышать, что ее оттуда вышибли. Легко угадав эти чаяния, Эрвина держала его на крючке, постепенно раскручивая разговор.

Беседа развивалась мастерски. Нахватавшись у Элеоноры риторических приемов, Эрвина задавала тон, направляя собеседника в нужное русло. Разумеется, мало-помалу она удовлетворяла его любопытство, чем еще больше разжигала страсти. В конце концов, она поведала о своем нынешнем житье-бытье, с его наилучшей, конечно, стороны, опустив подробности о нижних ярусах.
— Так значит, ты все еще в Либератике, — кисло констатировал Хоботогоблин.
Всякая надежда улетучилась. Торжества над неудачницей не вышло, как не получилось и власть над ней поиздеваться, компенсируя тем самым собственное ничтожество. Эрвина этого ожидала и тут же перешла в атаку. Слово за словом, она начала подтруни-

вать над Хоботогоблином, припоминая ему различные инциденты и набирая эмоциональные обороты. В итоге она перешла на откровенный троллинг, с акцентом на колоритный нос, чем довела бывшего начальника до исступления.

Заходясь в истерике, Хоботогоблин был неподражаем. Невысокий и волосатый, он аж подпрыгивал будто мячик, чем напоминал разозленную обезьянку. Брызжа слюной, он сыпал словцами, заикался от избытка чувств и вообще всячески выказывал свое неудовольствие Эрвиной. Та же его в данный момент обожала. Вытянув массу подробностей, спровоцировав бурную эмоциональную реакцию, она узрела подлинного Хоботогоблина, которого знала. Подделка исключалась. Слишком много тут было характерных деталей и немало таких нюансов, о каких искусственный интеллект в Либератике вряд ли знал. Чтобы цифровая копия вышла столь достоверной, оригинал требовалось очень долго изучать, а кому какое дело было до этой носатой мартышки.

— Благодарю, вы мне очень помогли, — услышав очередную тираду, ответила Эрвина.

И тут же зашлась громким смехом. Даже не смехом, а хохотом, причем настолько бурным, что вся аж затряслась, а затем, не владея собой, сползла с кресла на пол. По ее щекам текли слезы, лицо раскраснелось, а грудь порывисто вздымалась, задыхаясь и урывками хватая воздух. Комизм бесноватости, обуявшей Хоботогоблина, был усилен нервозностью, в которой Эрвина пребывала последние дни. Гипертрофированное веселье захлестнуло ее через край, и она хохотала как ненормальная, полностью отдаваясь этому всеобъемлющему чувству. Не выдержав ее реакции, Хоботогоблин взвыл, завизжал и наконец-то, ругаясь на чем свет стоит, отключился. Эрвина же еще долго смеялась, а потом тихонько лежала, стеная и всхлипывая на исходе пережитых ощущений.

Помощь Хоботогоблина и впрямь была неоценима. Удостоверившись в его подлинности, Эрвина сообщила об этом друзьям. Они сразу приободрились, тем более что похожую проверку осуществили Руслана, Листас и Сильвертина. Последнюю, с ее музыкальным ощущением мира, вообще было трудно обмануть, когда дело касалось чего-то очень родного.

— Итак, что дальше? — осведомилась Эрвина, когда заговорщики улучили случай переговорить.

— А дальше в дело вступаю я, — заявила Элеонора. — Повод у меня для этого очень даже подходящий.

Фамильные заботы, вызванные гибелью дядюшки Джамиани, никуда не исчезли. Возложенные на поверенного, они оставались головной болью баронессы фон Геннингшафт. Очень серьезной го-

ловной болью, из-за которой она даже официально хотела покинуть Либератику. Та всячески этому противилась, на чем и строился новый план. Элеонора поступила согласно поговорке, мол, если гора не идет к Магомеду, Магомед идет к горе. Иначе говоря, он вызвала поверенного к себе.

Идея была проста, и согласовывать ее заранее Элеонора намеренно не собиралась. Неотложные дела требовали ее личного участия. Раз уж речь не шла про отъезд, она рассчитывала на встречу. Прибыв на Гальтенузу, поверенный не столько доложит ей обо всем, сколько доставит на подпись важные документы. Такие, какие ей стоит изучить своими глазами, не прибегая к виртуальным каналам связи. Элеонора помнила, что посетители в Либератику не допускаются, но она и не планировала принять поверенного у себя. Она намеревалась подняться на борт звездолета. Формально, правила запрещали и это, однако Элеонора хотела напомнить о своем форс-мажоре, а также о том, что вняла уговорам и никуда не улетела. Взамен она рассчитывала на уступку — непродолжительную встречу, которой, разумеется, воспользуется совсем не для того, о чем заявлялось.

План был хорош, именно за счет Элеонориных обстоятельств. Не желая конфликта со студенткой, уже проявившей изрядную покладистость, администрация вполне могла сделать исключение. Несколько часов на борту звездолета — это вам не двухнедельная отлучка, и тем более не отчисление. Такой пустяк урегулирует ситуацию, к общему удовлетворению сторон. Во всяком случае, так полагали друзья, одобряя замысел Элеоноры. Одобряла его и Алия, оценивая вероятность успеха весьма высоко. Доверив баронессе официальную часть, она взялась за скрытую, то есть подготовку второго побега. Попасть на корабль надлежало всем, а не только Элеоноре, в чем и заключалась основная сложность. Алия, однако, справилась с задачей блестяще. Она придумала, как это провернуть, и никто бы ничего не заподозрил. Выполняя ее указания, беглецы сумели бы благополучно ускользнуть, даже несмотря на повышенные меры безопасности. Вот только обвести Либератику вокруг пальца оказалось не так-то просто.

В назначенный день звездолет "Атлантея", на чьих бортах красовался фамильный герб фон Геннингшафтов, объявился ввиду Гальтенузы. Выйдя на орбиту, он запросил посадку, в которой ему, разумеется, отказали. Правила Либератики никогда не нарушались, подкрепленные незыблемым правом частной собственности. Планета принадлежала ей, и пускали туда только тех, кого хотели. Само собой, Элеонора это предвидела. Она рассчитывала поставить администрацию перед фактом. Мол, раз уж корабль все

равно прилетел, она желает воспользоваться этим в силу известного форс-мажора. Расчет, однако, не оправдался. Элеонору ни о чем не спросили и даже не оповестили. Обнаружив незваное судно, в Либератике не спускали с него глаз. Когда же оно не вняло предупреждениям и собралось приземляться, был задействован особый протокол.

Лже-университет располагал не только службой безопасности, вооруженной до зубов и дополненной военными роботами. Для самозащиты он обладал много чем еще, включая орбитальную группировку. Появившись на радарах, "Атлантея" тут же привлекла ее внимание. Не дожидаясь приказа с земли, корабли Либератики немедленно пошли на сближение. Пока незваные гости вели себя смирно, они ничего не предпринимали. Когда же те, игнорируя запрет, инициировали маневр, говоривший о грядущей посадке, поведение группировки резко изменилось. Прервав режим сопровождения, она пошла на перехват.

Оружие не применялось, хотя корабли Либератики таковым располагали. Наметанный глаз легко бы определил, что корабли это боевые, обладающие серьезным огневым потенциалом. Сбить гражданский звездолет им было проще простого, однако у такого шага были бы последствия. Репутационные издержки иной раз обходились дороже, чем внушительная финансовая компенсация. Атаковать без необходимости не стоило, отчего в бой орбитальная группировка не вступала. С другой стороны, безучастной к происходящему она также не оставалась. Маневр, предпринятый ей, был стар как мир. Сопровождая цель, она пошла с ней на сближение, предлагая на выбор — столкновение или отход.

Предупредительные залпы сверкали далеко за кормой. Случайное попадание кораблям Либератики было ни к чему. Постреливая из пушек, они лишь демонстрировали серьезность своих намерений. "Атлантее" следовало понять, что осуществить посадку ей не дадут. Суда, пересекавшие ее курс, не просто так объявлялись на пути. Куда бы она ни повернула, повернут и они. Пытаясь избежать столкновения, она гарантированно с кем-нибудь столкнется, если не откажется от своего замысла и не отступит в открытый космос.

Вероятно, капитан "Атлантеи" до последнего не верил, что сопровождающие настроены весьма серьезно и пойдут до конца. Упрямо маневрируя, он продолжал снижаться, стараясь найти траекторию для посадки, пока дело и впрямь едва не закончилось катастрофой. Два перехватчика очутились критически близко. Дюзы одного опалили щиты "Атлантеи", а тяга другого вызвала сильнейшую тряску. Взвывшая сирена изрядно резанула по нер-

вам, когда бортовой компьютер сообщил о неизбежности столкновения. Капитан "Атлантеи" побелел, включив аварийное торможение. Его реакция не осталась без ответа. Корабли Либератики чуть посторонились, в свою очередь избегая физического контакта, но именно что чуть. Дальнейшее сближение грозило ударом с непредсказуемыми последствиями.

Выбора особо не оставалось. Замедлившись, а потом остановившись, "Атлантея" дала задний ход. Зажатая со всех сторон, она пятилась, будто рак, не в состоянии куда-либо отклониться. Сопровождение не отставало, действуя на грани фола, но при этом поразительно ювелирно. Искусность их маневрирования поистине впечатляла. Нескоро, очень нескоро корабли Либератики посторонились, давая "Атлантее" возможность развернуться. Затем они вновь взяли ее в тиски и вернули на орбиту, после чего изгнали в открытый космос.

На второй заход капитан "Атлантеи" не пошел. Оценив ситуацию, он не рискнул испытывать судьбу. Передав, что подчиняется, он отлетел подальше, оставляя Гальтенузу за кормой. Там он безуспешно вызывал Элеонору, контакта с которой изначально не было. Так и не получив ответа, он записал для нее сообщение, изложив подробности инцидента, после чего включил межзвездные двигатели и покинул систему.

Замысел с треском провалился. О том, что случилось, Элеонора узнала только во время еженедельного сеанса связи. Узнала в подробностях, поскольку само отсутствие "Атлантеи" уже говорило о многом. Скандалить она не пошла, ни сразу, ни после. Поведение администрации диктовалось причиной, которая была ей заведомо известна. Если в Либератике сочли, что о звездолете не стоило даже сообщать, они хорошо отдавали себе отчет в том, что делали. Впрочем, Алия все же посоветовала Элеоноре явиться к ректору и высказать ему неудовольствие. В противном случае ее флегматичность покажется подозрительной. Элеонора согласилась и потребовала встречи.

Реакция Дель Годро была предсказуема, как и то, что он скажет. Он выглядел понимающим, но непреклонным. Правила, увы, нерушимы. Если сделать исключение однажды, его придется делать вновь и вновь. Чувства Элеоноры фон Геннингшафт, безусловно, понятны. С позиции частного лица Дель Годро их вполне разделял. При этом именно как ректор он поступил так, как должен был. Элеонору намеренно не известили о прибытии звездолета, и тем более о его попытке приземлиться. Ее реакция могла все осложнить, ибо о разрешении на посадку не шло и речи. Время от времени такие инциденты случались. Чрезмерно заботливые род-

ственники доставляли немало хлопот. "Атлантея" была далеко не первым звездолетом, который выпроводили с Гальтенузы. Принимая привычное решение, ректор не имел ничего против Элеоноры. Он заботится обо всей Либератике, ее студентах и будущих выпускниках. Сейчас Элеонора возмущена, но однажды она сама его поймет, и уже не осудит. И день этот не за горами.

Когда Элеонора вернулась к друзьям, последние слова Дель Годро все еще стояли у нее в ушах. Они были сказаны со смыслом, который она прекрасно понимала. Ей стоило большого труда не выдать своих эмоций. Ректор ничего не заподозрил, найдя ее реакцию естественной, а самообладание достойным. Он считал, что и в этой ситуации вышел победителем, сумев удержать гордую студентку в стенах Либератики. Победителем же вышла Элеонора, хотя в своем замысле побега и не преуспела. Она окончательно усвоила, насколько все серьезно, и что на снисходительность администрации рассчитывать не приходится.

Положение продолжало осложняться. Сообщение, полученное от капитана "Атлантеи" и поверенного Элеоноры, иллюзий не оставляло. Друзья изрядно взбудоражились. Недолго думая, Руберт предложил вызвать десять, двадцать, сорок кораблей. Мол, их все ну никак не смогут заблокировать — численность орбитальной группировки ограничена, на это элементарно не хватит сил. Против этой идеи тут же высказалась Шелли, но Руберт уже и сам осознал, что она несостоятельна.

Даже если какой-то звездолет и приземлится, Элеонору из Либератики все равно не выпустят. Ректор вполне ясно дал это понять. Хуже того, ввиду численности нарушителей орбитальная группировка может применить оружие. Друзья, конечно, вправе себя защищать, однако гибель экипажей окажется целиком на их совести. Невинных экипажей, которые никак не будут ожидать, что по ним откроют огонь на поражение. С другой стороны, если именно невинных, то есть заведомо ничего не подозревающих и не готовых к такому развитию событий. Акцент на этом сделал Джерри. Доселе молчавший, он был занят исключительно заботами о Сильвертине. Идею Руберта он не поддержал, однако на ее основе внезапно предложил свою.

Все прозвучало очень неожиданно. Говоря условно, до сих пор друзья искали мирный выход из положения. Мирный и тайный, чтобы улизнуть и одновременно избежать насилия. Идея Джерри резко выходила за эти рамки. В качестве самозащиты он предлагал нападение.

— Погоди, ты серьезно? — обеспокоилась Руслана. — Это даже не вылазка исподтишка, это... нечто большее. Настоящее вооружен-

ное преступление.
— Абсолютно, — кивнул Джерри. — Преступление — то, что здесь творится! Ни один демократический закон не запрещает себя защищать. Когда мы расскажем правду об этом месте, когда всплывут доказательства, ни один суд не признает нас виновными.
— И все равно это как-то слишком, — озаботилась Шелли.

Идея и впрямь представлялась явным перебором. Ни много ни мало, Джерри предлагал силовую акцию. На Гальтенузу прибудет не гражданское судно, а военное, поднаторевшее в таких делах. Оно высадит десант, который войдет в Либератику по-хорошему, либо по-плохому. Забрав друзей, он обеспечит их эвакуацию на корабль, а затем и благополучный отлет. При этом если кто и пострадает, то собственная охрана Либератики, то есть люди заведомо причастные к преступлению. Вероятные потери среди десанта не в счет — это профессионалы, прекрасно знающие, на что идут. Таким образом, невинных жертв удастся избежать, если в Либератике, конечно, не вздумают прикрываться студентами как щитом.

Последовала непродолжительная дискуссия, где каждый выражал свою точку зрения. Мнения разделились. Слушая остальных, Элеонора не говорила ни за, ни против. С одной стороны, она не одобряла подобные акции, считая их несовместимыми с благородством. С другой, в свете борьбы за выживание идея представлялась не такой уж и крамольной. Ее сомнения разрешила Эрвина, усмотревшая в замысле совсем другой изъян.
— Не выйдет! — решительно заявила она. — На орбите слишком много кораблей. Это раз! Карлерих со своими вооруженными псами тоже сидеть сложа руки не будет, а псов и оружия у него много. Так говорит Алия, у нас есть основания к ней прислушиваться. Это два!
— Все верно. Сайлус сказал то же самое, — кивнул Джерри. — Именно поэтому ударный кулак должен быть очень крепким и серьезным.
— А при чем тут Сайлус? — подняла брови Эрвина.

Отсылка свалилась как снег на голову. Как правило, Сайлус на общих собраниях отсутствовал, сохраняя репутацию надменного изгоя. Отсутствовал он и сейчас, когда вся компания уединилась в парке.
— Это его идея, — не стал отпираться Джерри. — Он предложил мне ее какое-то время назад. Тогда я все отверг. Теперь же она предстает вполне актуальной.
— А почему именно тебе? — нахмурилась Элеонора.
— О, тут все просто, — повел рукой Джерри. — У Сайлуса есть

деньги, но нет необходимых связей, иначе на кой бы мы ему до сих пор сдались. У меня есть и то, и другое.
— У меня тоже есть связи, — ревниво напомнила Элеонора.
— Я о других связях, — слабо улыбнулся Джерри.
— Это каких же? — насупилась Элеонора.
— Честерсайды хоть и богаты, но они просто выскочки, обычные, средней руки, бизнесмены. Ты — баронесса из благородного рода, которая вращается в светских кругах, со своими устоями и правилами. Я же — нечто совсем другое, — туманно пояснил Джерри.
— Прекрати нагнетать, таинственный ты наш! — сердито воскликнула Эрвина. — Говори прямо!
— Что, по-вашему, такое "Инглтон мехатроникс инкорпорейтед"? Техника в каждом доме на каждой планете? — фыркнул Джерри.
— Такие империи не возникают сами по себе. Они строятся огромной ценой и огромными же усилиями. Будь моя семья белой и пушистой, ее давно сокрушили бы конкуренты. Она в деле лишь потому, что до сих пор сокрушала их.
— А вот с этого момента поподробнее, — сообразив, куда он клонит, прищурилась Эрвина.

Посещая Сайлуса, доктор Грайслер знал, что ему никто не помешает. Все соседи ушли из дома. Алия Ферран за помеху не считалась. Ее присутствие было официальным и вне всяких подозрений. Грайслер присматривал за Сайлусом как врач, наделенный соответствующими полномочиями. Алия продолжала играть роль подруги. Их периодические встречи ни у кого вопросов не вызвали — ни у персонала Либератики, ни у студентов. Другое дело, как надолго.

Сайлус сидел молча и неподвижно. Он напоминал робота, проходившего профилактику. Робота напоминала и Алия. От ее живости не осталось и следа. Застыв столбом, она походила на куклу — совсем как прежде, в гроте за водопадом. Оба, казалось, не обращали ни малейшего внимания на Грайслера. Тот же добросовестно хлопотал над своим пациентом. Поддерживать Сайлуса в строю ему было жизненно необходимо. В отличие от биодроида, человеческое тело отличалось хрупкостью и чувствительностью. Оно имело массу недостатков, особенно не модифицированное должным образом. С другой стороны, оно дарило то, чего Алия в принципе дать не могла. Хоть и беспрекословно подчиняясь, она не становилась мощным очагом, ограничивая воздействие своей оболочкой. Она представляла собой конечный объект, лишенный развития, в то время как Сайлус мог продолжить распространение в любой момент. Вот только момент этот еще не наступил, из-за чего и приходилось постоянно следить за состоянием его тела.

Ни с Сайлусом, ни с Алией доктор Грайслер не разговаривал. В этом просто не было необходимости. Они понимали его и так, причем без всякой дополненной реальности. Подслушать их общение никто не мог. И все же Грайслер что-то бормотал. Не иначе, сказывалась исключительно человеческая, унаследованная от предыдущего носителя привычка.

— Занятный экземпляр, очень занятный. Этот болван Ярколич прав, — шелестел он губами, выполняя свои манипуляции над Сайлусом. — Пожалуй, не стоит ее открыто прощупывать, иначе она меня раскусит. А время пока не пришло.

Сайлус шевельнулся. Один из нанозондов проник в головной мозг слишком глубоко и воздействовал на ряд нейронных связей. Грайслер чертыхнулся. Сместив на голове пациента обруч, создававший направленное поле, он исправил свою оплошность и продолжил процедуру.

— Экстрасенсорика зашкаливает, — снова забормотал он. — Мне даже мимо не пройти, чтобы это не почувствовать. Вопрос, видит ли она меня так же хорошо, как я вижу ее?

Сайлус и Алия оставались безучастными, ибо вопрос задавался отнюдь не им. Их вообще ни о чем не спрашивали, за всяким отсутствием смысла.

— И все же надо бы не откладывать с ней знакомство. Еще пару ложных следов я организую, однако долго водить Карлериха за нос не получится, — прошептал Грайслер.

Сайлус медленно моргнул. Он не выражал да или нет, а всего лишь давал понять, что процедура благополучно завершена. На сегодня Грайслер с ним закончил. Снова вверяя его попечению Алии, он быстро собрал инструменты и вышел, погасив в глазах изумрудный свет.

* * *

Старый, видавший виды крейсер "Трайберглосс" только выглядел устаревшим и дряхлым. Под его обшивкой скрывалось современное оборудование, а пушечные порты таили мощные орудия. Некогда списанный из армии, крейсер прошел капитальный ремонт, с последующей глубокой модернизацией. По бумагам, он все еще оставался боевым кораблем класса B, приобретенным частной военной компанией. На деле же он относился к классу A, выше которого, как самые новейшие, были только A+ и S. Ловко оформленные и юридически перекроенные, бумаги скрывали подлинную силу звездолета. Числясь не в своей категории, он появлялся там, куда иначе путь был бы заказан. Это обстоятельство

серьезно играло на руку, поскольку род занятий его владельца не всегда носил официальный характер. Возможности крейсера становились неприятным сюрпризом для неприятеля, и зачастую это оказывалось решающим аргументом. Тогда, разумеется, когда их было кому предъявлять.

"Трайберглосс" бездействовал. Пришвартованный к космической, притаившейся за газовым гигантом станции, он торчал на приколе около двух месяцев. Его экипаж топил безделье в развлечениях. Отправленный в увольнительную, он упражнялся в поглощении спиртного, сменяя одно увеселительное заведение за другим. Клубы, бары, рестораны, игорные дома и бордели предоставляли широчайший набор услуг — были бы деньги, а те у экипажа очень даже водились. Опасная работенка оплачивалась соответствующе, отяжеляя карманы и банковские счета. Пользуясь перерывом, экипаж отводил душу, транжиря нажитое наемничьим трудом. Перерыв, впрочем, затягивался, поскольку задачи для "Трайберглосса" упорно не находилось.

В целом, частная военная компания "Ураниум терраценкорд" без дела не сидела. Располагая обширной клиентурой, она регулярно выполняла щекотливые поручения по всей галактике. Оперируя серьезной флотилией и еще более серьезными людьми, ЧВК никогда не подводила заказчиков, чем заслужила себе отличную репутацию. Платили ей щедро, и чем опаснее была миссия, тем значительнее становилось и вознаграждение. В этом свете простой "Трайберглосса" выглядел не лучшим образом. Для заданий попроще он не годился, чтобы не стрелять из пушки по воробьям. Аспертон Ши Меург, глава "Ураниум терраценкорда", привык вести дела рационально. Седовласый и грузный, он напоминал старого медведя, хоть и утратившего былую прыть, зато с лихвой компенсировавшего ее жизненным опытом и остротой ума. Без необходимости не рискуя, он не распылялся и попусту, отчего придерживал "Трайберглосс" для крупного и потенциально срочного поручения.

Штаб-квартирой "Ураниум терраценкорда" была та космическая станция, где пришвартовался крейсер. Унылая звездная система отличалась только астероидами, лишенными полезных ископаемых, да парой газовых гигантов. Никому не интересная, она стала отличной базой для ЧВК, предпочитавшей избегать лишнего внимания. Там ее глава координировал операции, по мере их срочности и масштаба. Оттуда он управлял всеми наемниками, своевременно осуществляя их ротацию.

Как бывший вице-адмирал, Ши Меург великолепно обращался с людьми и кораблями. Своевременный отдых он сочетал с про-

должительными вылетами, всякий раз добиваясь максимальной отдачи. Уставший экипаж — плохие солдаты, как и перегулявший, утративший боевую форму. Экипаж "Трайберглосса" явно перегуливал. Злоупотребления спиртным Ши Меург не боялся. Современная медицина творила чудеса. За деньги она не только очищала организм, но и меняла печень. Вот вернуть солдатам боевой настрой она не могла, а какой тут настрой, если пару месяцев не вылезать из притона. Ши Меург уже давно отозвал бы их из увольнительной, но для "Трайберглосса" все никак не находилось дела, а по всякой ерунде он его никогда не посылал.

Наглядным примером служил недавний контракт, где крейсер очень хорошо себя показал. Грызня галактических корпораций никогда не утихала, регулярно отличаясь незаконными методами. Действуя исподтишка, одна из них подкупила пиратов, чтобы те досаждали конкурентам. Получив солидную мзду, пираты рьяно взялись за дело, причиняя изрядные убытки. Когда эти джентльмены стали уж слишком докучать, конкуренты приняли ответные меры. Они обратились к "Ураниум терраценкорду", которая любезно согласилась оказать небольшую услугу. Тут-то "Трайберглосс" и пригодился.

Воевать с пиратами Ши Меург не хотел. Без необходимости это было контрпродуктивно. Пусть их законники гоняют, а настраивать против себя все космическое отребье ему ни к чему. Отребье, к тому же, иной раз очень даже полезное, ибо среди него встречались и настоящие островки силы. Уничтожишь одну группировку — станешь врагом другим, исходя из логики, что те могут оказаться следующими. Ши Меург любил задавать жару, однако умел, когда надо, действовать и куда тоньше. Используя мощный крейсер, он использовал и хитрость.

Вычислить пиратскую, досаждающую заказчику группировку было довольно просто. Просто было бы ее и уничтожить, но это означало нажить себе немало врагов. Ши Меург поступил иначе. Усыпив бдительность пиратов, он подослал к ним флотилию во главе с "Трайберглоссом". Уверенные в себе, те подпустили ее слишком близко и внезапно оказались на прицеле могучих орудий. Дав залп, крейсер разом испепелил половину космических боевых станций. Полностью автономные, они прикрывали базу, внушая чувство защищенности. Крейсер не столько лишил пиратов подспорья, сколько продемонстрировал, что сейчас с ними произойдет. Те благоразумно вняли, тем более что вокруг стало роиться уж слишком много ядерных ракет.

Дальнейшее было разыграно под прицелом "Трайберглосса". Пиратам предъявили ультиматум: либо они проваливают, прихва-

тив с собой любые ценности, либо их разносят в радиоактивную пыль. Не будь дураками, пираты выбрали первое. Их оставляли в живых, да еще с награбленным, при условии, если некие нападения прекратятся. Это было приемлемое условие, особенно при таких неуютных обстоятельствах. Пираты пообещали, и сдержали слово, хорошо понимая, что в следующий раз с ними церемониться уже не будут.

Да, в тот раз "Трайберглосс" показал себя просто отлично, хотя это не шло в сравнение с его самой эффектной миссией. Тогда он сразился с четырьмя эсминцами, охранявшими секретный завод. Как обычно, крейсер сыграл на своей недооцененности. Усыпив бдительность противника, он подошел на расстояние удара и неожиданно явил скрытую боевую мощь. Прежде чем кто-либо опомнился, один из эсминцев был уничтожен, а другой настолько поврежден, что сразу вышел из боя. С оставшимися двумя "Трайберглосс" вступил в затяжное противостояние, из которого вышел победителем. Хоть и потрепанный, он остался в строю, дав рабочим полчаса на эвакуацию, а затем расстрелял завод из всех орудий, превратив его в груду оплавленных обломков.

То были славные деньки... Прикидывая, чем бы занять крейсер, Ши Меург хмуро качал головой, отметая недостойные варианты. Право слово, не пошлешь же такой корабль улаживать распри между торговцами или наводить порядок на захолустной планете. Там и фрегаты управятся, а для наземных операций "Трайберглосс" не подходил. Прикрыть высадку десанта — это одно, а гоняться за повстанцами — совсем другое. Не подходил он и для разведки, где применялись лишь малозаметные юркие суда. Промышленный шпионаж не сочетался с тяжелой махиной, хорошо умевшей воевать, но крайне скверно прикидываться невидимкой.

Сигнал, раздавшийся в командном центре, означал поступивший вызов. "Ураниум терраценкорд" пользовалась спросом. Исправно пополняясь, список заказов позволял выбирать, чем заняться, а что отклонить, где-то набить цену, а порой сделать и скидку. Жаль только, что для "Трайберглосса" упорно ничего не находилось. Эдак его экипаж и впрямь последние мозги пропьет. Запросив информацию о вызове, Ши Меург уже подумывал объявить тревогу — пусть и ложную, зато приводящую в чувство удалых гуляк. Появившись на экране, офицер связи козырнул и переслал ему зашифрованное письмо.

Отправитель фигурировал среди особо значимых клиентов. Предвкушая нечто интригующее, Ши Меург загрузил послание в персональный коммуникатор, ибо оно адресовалось лично ему. За расшифровкой дело не стало. Каждый заказчик присылал специ-

альный ключ. Он позволял читать все его сообщения, остававшиеся недоступными для других. Этот тип корреспонденции был в ходу давно. К нему прибегали многие, но только некоторые делали это явно не просто так.

Послание оказалось строгим и содержательным. Оно включало инструкции и планы местности, подробные схемы отдельных узлов и перечень потенциальных угроз. Предвидя многое, его составитель постарался на совесть. Все было изложено хорошо, а задача поставлена ясно. Вот только именно это и вызывало в голове Ши Меурга логический туман. Что он должен сделать?! Серьезно?! Клиент, никак, спятил, если предлагает ему ТАКОЕ! Он точно был в себе, когда все это сочинял?! Вероятно, да, поскольку план составлен во всех деталях. Очень, знаете ли, обстоятельное сумасшествие. Ши Меург чего только ни повидал, а его авантюрам и счет потерялся, однако такой работенки ему еще не попадалось.

Опасность, выделенная красным шрифтом, отходила на второй план. На первом сквозила дикость. Откровенная дикость того, что предлагалось сделать. Приди письмо от кого другого, Ши Меург решил бы, что его разыгрывают. Адресат, однако, вынуждал принимать себя всерьез. Подделка исключалась. Персональный шифр принадлежал Инглтону, а тот был не склонен к шуткам такого рода.

Пребывая в недоумении, Ши Меург не мог разрешить его рядом вопросов. Они не допускались, о чем в послании говорилось прямо. Никаких лишних контактов. Если Ши Меург свяжется с заказчиком, тот сделает вид, что ничего не знает, и станет отрицать само наличие письма. Либо "Ураниум терраценкорд" берется за работу, либо нет, но если возьмется, ее усилия будут достойно вознаграждены. В качестве доброй воли, аванс предлагался прямо сейчас. Письмо содержало исполнительный код. Загрузив его в свой компьютер, Ши Меург активирует перевод и получит деньги немедленно. В случае успеха операции ему заплатят еще вчетверо.

Ши Меург колебался. Раз десять перечитав письмо, он глядел на него с подозрением. Уж слишком все это было странно. А ну как в приложенном коде таится какая-то каверза? Засунешь ее в свой компьютер, а она выкинет номер! Немало, ой немало найдется тех, кто захотел бы подложить "Ураниум терраценкорду" свинью. С другой стороны, Инглтон к таковым не относился, а все его поручения и впрямь хорошо оплачивались. Охваченный сомнениями, Ши Меург едва не закрыл письмо, но любопытство все же пересилило. В конце концов, он перенес код на компьютер и запустил. На экране тут же объявилось окно, где побежало множество цифр. Ши Меург даже испугаться не успел, как программа ос-

ведомилась, куда перевести деньги. Немного помедлив, он снова не удержался и ввел один из своих счетов. В принципе, он ничем не рисковал. Счетов у него было много, а конкретно на этом лежала всего пара тысяч.

Дзинь! В интерфейс дополненной реальности поступило сообщение. Сообщение из банка. Учитывая происходящее, причинно-следственная связь тут была прямая. Мысленно вздохнув, Ши Меург открыл его и изменился в лице. Он только что стал богаче на миллиард!

Завершая работу, программа любезно сообщила, что еще четыре миллиарда будут выплачены в случае успеха. Затем она отключилась, стирая себя из памяти. Глава "Ураниум терраценкорд" провел рукой по лбу. Да уж, черт побери, за такие деньги можно и сыграть в эту игру! Чего там затеял Инглтон — кто ж его знает, однако Ши Меургу, как наемнику, теперь это без разницы. За пять миллиардов он сделает и не такое. Ошеломление сменилось решительностью. Отбросив всякие колебания, Ши Меург вызвал дежурных офицеров и приказал объявить общий сбор.

– 10 –

Проект Астробиона ждало пополнение. До очередного ежегодного внедрения оставались считанные недели. Одобренные Анджеем, кандидаты ожидали своей очереди, улаживая дела и готовясь перейти на другую сторону. Там для них почти все было готово. Старательно подобранный, биоматериал обладал отличным здоровьем и высокими интеллектуальными характеристиками. Загруженные данные обеспечивали профессиональную специализацию. Следуя распределению, кандидаты сразу же займут уготованное им место в обществе. И мест этих становилось все больше, по мере того, как увеличивались возможности и охват.

Проект активно развивался. Массовый приток материала серьезно повлиял на научную базу. Численность опытов кратно возросла, а следом возросло и качество. Были выявлены и устранены многие недочеты, допускавшиеся при внедрении. Прежде неизвестные, они вполне могли приводить к летальному исходу. Неизбежный для непригодных и обыденный на этапе подготовки, он считался неприемлемым в конечной фазе, когда погибал уже не материал, а новая личность. Этих личностей вскоре и должно было прибавиться, отчего проекту требовались не рестрикции и запреты, а благословение и поддержка.

При освещении достижений, отдельный акцент снова делался на физических показателях. Возможности тел неизменно росли, а

продолжительность эффекта увеличивалась. Не за горами был тот день, когда он станет перманентным, причем не только для новичков, но и давно живущих особей. Последнее считалось очень важным. Несмотря на все предосторожности, они, порой, гибли при самых различных обстоятельствах. Криминальные разборки, аварии, техногенные катастрофы, природные катаклизмы, бытовые несчастные случаи — этот список полнился, как книга смертного бытия. Способные жить почти вечно, они умирали по ужасающе пустяковой причине, порожденной не коллапсом Светила, а скользкими ступеньками или банальной перестрелкой. Свернутая шея ставила точку в великой судьбе, как и простая пуля. Убийц, разумеется, жестоко наказывали, да только погибшего не вернешь. Регенерация, а также феноменальные физические показатели, становились гарантией выживания, и гарантией очень надежной. Давно живущие не окажутся в ущемленном положении. Их тела будут преобразованы и обретут такие же возможности, что и у новичков.

К сожалению, в реальности не все было столь гладко, как на словах. Конечный результат преставал идеалом, однако его еще следовало достичь. Демонстрируя несомненные достижения, проект имел и уязвимости, особенно в последнее время. Скрывать их становилось все труднее. Руководство задавало вопросы, на которые требовалось давать ответы. Чтобы прикрыть неприглядные детали, в докладе использовались перспективные разработки. Предъявленные досрочно, они были далеки от полноценной реализации, зато производили изрядное впечатление и отвлекали внимание от остального. К таковым разработкам, в частности, относились ментальные поля.

Физические уникальные тела, несомненно, были весьма ценны, однако в перспективе они отходили на второй план. Разум, контролирующий материю, просто не нуждался в телесной мощи. Регенерация, бесспорно, обеспечит его оболочке выживаемость, однако сила и ловкость потеряют прежнее значение. Кому нужны могучие мышцы, если тяжести поднимаются без всякого прикосновения. Зачем уклоняться от пули, если ее можно остановить велением мысли. Материальный мир будет приручен как дикий зверь, который верой и правдой станет служить своему хозяину.

Ментальные поля были реальностью. То, что к ним относилось, аборигены называли экстрасенсорикой и всячески высмеивали. Следовало отметить, высмеивали не совсем уж безосновательно, ибо за экстрасенсов себя обычно выдавали всякие жулики. Самого явления, однако, это ничуть не отменяло, а оно никогда не воспринималось всерьез. Оставаясь уделом веры и фантастики,

оно скрывалось во тьме незнания и всячески игнорировалось, чем кардинально отсрочивало час своего открытия. С другой стороны, что с этих дремучих аборигенов взять? Чего стоил один их закон квантовой неопределенности, когда собственное невежество выдавалось за основу мироздания и вселенскую истину. С таким подходом они долго станут ползать, неспособные летать просто потому, что игнорируют наличие крыльев. Само собой, экстрасенсорика была словечком жаргонным, обывательским. Пригодное для книг и гадалок, у настоящих ученых оно именовалось ментальными полями.

Разум — форма энергии. Его носителем служил головной мозг, ставший отличительной частью аборигенов. Нейроны в нем взаимодействовали посредством электрических импульсов. Весьма активные, они порождали электромагнитное поле, которое вполне улавливалось различной аппаратурой. Аборигены научились отслеживать его давным-давно, освоив такие вещи как энцефалограмма и магнитоэнцефалография. При этом, ввиду закоснелой недалекости, свои наблюдения они не развивали и выводов не делали. Электромагнитное поле мозга они принимали за конечный результат — следствие неких процессов, происходивших в его тканях. Считывая показатели, они даже не задумывались, что его излучение носит не только информативный характер, и вполне способно воздействовать на окружающее.

Материальный объект, сдвигаемый велением мысли, традиционно считался фантастикой, причем даже не научной. Тем не менее, это была реальность. Реальность для тех, чье развитие шагнуло далеко вперед и знало о таких вещах, о которых невеждам оставалось лишь догадываться. Здесь, впрочем, стоило сделать оговорку. Ментальные поля стали научным открытием в русле Астробиона. Ведая вопросами сознания, его ученые были ближе к ним изначально, отчего и обнаружили довольно быстро. Теоретически. Практические же изыскания растянулись на долгие годы. Прекрасно понимая, что энергия мозга просто обязана влиять на окружающую среду, ученые искали тому подтверждение и однажды нашли. Воздействие улавливалось еле-еле, неспособное переместить даже зернышко, однако принципиально оно было. Это стало отправной точкой. Вооруженные фундаментальной основой, ученые стали искать, как ее усилить, а здесь им на помощь и пришла все та же генетика, открывавшая поистине поразительные возможности.

Выводя сверхлюдей, наука выводила их таковыми в понимании самих людей. В этом же понимании, в перспективе, она могла создать условных богов. Тех, кто живет вечно и способен управ-

лять материей лишь движением своей воли. Это была не иллюзия — это была реальность, приближавшаяся с каждым экспериментом, каждым генетическим открытием. Прогресс наблюдался несомненный. Подопытные делали такое, что людям прежде и не снилось. Лишенные подвижности, они ощущали физические объекты мысленно, и даже пытались ими управлять — неловко, но все чаще небезуспешно. И однажды произошел прорыв.

Генетическая модификация кратно усилила то, что воплощало ментальные поля. Они, в свою очередь, кратно усилили конечный результат. Крепкие металлические конструкции лопались и разрывались. Подхваченные словно перышко, их тяжеленные куски летали с такой скоростью, будто их швыряло не веление мысли, а чья-то могучая рука. Телекинез, пирокинез и прочие человеческие небылицы претворялись в действительность. Они разовьются настолько быстро, насколько ученые сумеют проникнуть в генетику, которая их порождала. И эта генетика уже была в их распоряжении. За первыми удачными опытами последуют другие, а затем процесс пойдет лавинообразно. Тела сверхлюдей для переселенцев не за горами. Их ментальные возможности — тоже.

Акцент, сделанный на экстрасенсорике, произвел на руководство Астробиона надлежащее впечатление. Теперь это была не теория, а доказанный опытами факт. Доселе считавшаяся примитивной, та сторона заиграла новыми красками. Ментальные поля позволяли обрести прежние возможности, при этом дополняясь и новыми, присущими исключительно новой же среде. Это звучало воодушевляюще. Оживившись, руководство пожелало больше конкретики. Вот с ней, увы, оказалось сложнее.

Расписывая броский успех, докладчик кое о чем не упомянул. В частности, о том, что опытный образец был уничтожен во время чрезвычайного происшествия. Поскольку руководство о нем не знало, знать об утрате ему также не стоило. Казалось бы, в чем загвоздка? Располагая исходным биоматериалом, ученые могли восстановить процесс как по нотам, благо что все эксперименты скрупулезно журналировались. Увы, не тут-то было. Препараты, введенные другой особи, желанных результатов не принесли, ибо генетические модели отличались. Не слишком тому удивленные, ученые создали клон — точную копию утраченного образца. Повторяя эксперимент, они были уверены в успехе, однако его не последовало. Дальнейшее клонирование также ни к чему не привело. Прорывная экстрасенсорика более не фиксировалась, и этому находилось лишь одно объяснение. Генетика утраченного образца подверглась случайной мутации, которая, ввиду чрезвычайных обстоятельств, осталась незамеченной. Это означало, что

успех в принципе достижим. Также это означало, что ученые лишились уже достигнутого прорыва, и было неизвестно, когда он произойдет снова.

Не упомянув о потере образца, докладчик не слишком покривил душой. Ему довольно многое приходилось не упоминать, однако не для того, чтобы сохранить свое положение. Несмотря на прогресс, судьба проекта повисла на волоске. Шило уже выскакивало из мешка, когда скандал предотвратила служба безопасности. Доселе больше мешавшая, она неожиданно пришла на выручку, пусть и из собственных соображений. Компрометация грозила проекту заморозкой, а то и временным закрытием, чего никто не желал. Сообщать о ней было ни в коем случае нельзя, однако сама компрометация означала, что нельзя было сообщать и ни о чем другом. Служба безопасности не знала, как поступит враг. Любое неожиданное действие, любое громкое заявление могло исходить именно от него. Оставаясь в привычных рамках, докладчик не нарушал известного порядка вещей. Измененный же сценарий, включая громкие разоблачения, с высокой вероятностью принадлежал бы врагу. Только ему было выгодно погубить проект, и только он получил бы преференции от его катастрофического провала. Рассуждая таким образом, служба безопасности прикрывала докладчика, чему и сама не особо радовалась. Он же, в свою очередь, располагал отчетами, где о чрезвычайных происшествиях не упоминалось.

Обычно сдержанный, Крестергратикус выказывал заметное одобрение. В отличие от других, он хорошо уловил перспективу. Ментальные поля позволяли ускорить проект и приблизить час массового переселения. Помимо прочего, они обладали еще одной силой, доселе нечасто упоминавшейся — силой внушения. Телекинез, пирокинез — все это было хорошо, но больше для детей. Внушение становилось достоинством взрослых. Хитрости, интриги, сложнейшие схемы и прочие обходные пути станут попросту не нужны, когда можно мысленно навязать свою волю. Просто приказать — и твой приказ будет безоговорочно исполнен. Легенды, придумывались для того, чтобы влиять на общественное мнение. Когда оно перестанет быть проблемой, Астробион пойдет вперед семимильными шагами.

Люди называли внушение зомбированием или промыванием мозгов. Наука величала этот эффект доминированием. Низшее сознание подавлялось высшим, безоговорочно принимая его электромагнитное излучение за свое собственное. Исполнителей не требовалось уговаривать или обманывать — в их мозг помещалась матрица восприятия. Помещалась не так, как это делал Ил, но

принцип был довольно схож.

Слушая докладчика, Крестергратикус оживлялся именно потому, что не забывал об Иле, ибо положение все ухудшалось. Светила коллапсировали. Безопасный периметр сжимался, а эхо утраты первой экстрадинации начинало сказываться в каждом уголке Вселенной. В какой-то момент исчезли многие Светила таулора и гистерезиса. Исчезли внезапно, без всякого коллапса, словно их никогда и не было. И вряд ли все ограничится только этим.

Сообщив, что намеревался, докладчик не без трепета ожидал вопросов. Со своей стороны его прикрывала служба безопасности, и сама того прежде не ожидавшая. Здесь же все было куда сложнее. Если Анджей, представлявший закон, почует, что в проекте пренебрегают фундаментальными правилами, его благосклонность немедленно испарится. Сам он, допустим, этого и не заметит, однако ему могут подсказать Тредалиур или Перспектур. Ученый способен уловить теоретические несоответствия так же как аналитик логические. В докладе хватало уязвимостей, пусть и старательно прикрытых. Кое о чем умалчивая, отчеты по-своему об этом и говорили. Черная дыра прекрасно маскирует материю, однако доказывает, что она там есть. Просматривая представленные данные, Перспектур, не иначе, что-то такое заподозрил.

— Каковы результаты расследования? — неторопливо осведомился он. — Прежде вы активно раздували тему проникновения, требуя от нас санкционирования ваших новых идей и методов. Теперь же вы об этом почти не упоминаете. Я хорошо помню запись с зеленым отблеском, и как вы ее преподносили. С тех пор у вас ворох похожих событий, а вы представляете нам короткий сухой отчет.

Вопрос был по существу. Фактически, он констатировал очевидное, подчеркивая изменившийся акцент, и изменившийся не без умысла.

— Мы выяснили, что послужило причиной незначительных утечек. Организационные меры приняты, а технические недочеты устранены, — уклончиво, дежурным языком ответил докладчик.

— То есть теперь вы исключаете произвольное проникновение? Я правильно вас понимаю? — прямо спросил Перспектур.

Докладчик не нашел в себе наглости солгать ему в лицо. Проникновение как раз и беспокоило его сейчас больше всего, как беспокоило и службу безопасности. Компрометация Астробиона была слишком актуальной.

— У меня нет доказательств обратному, — помедлив, отозвался он.

— Это не ответ, — заметил Тредалиур. — Вы подменяете презумпцию виновности и невиновности. Хотелось бы знать, случайно или намеренно.

Докладчику стало очень неуютно. Разговор принимал крайне нежелательный характер. Его продолжение грозило массой осложнений, вплоть до необходимости врать напропалую. Последнее, увы, спасало только сейчас, но в перспективе все критически ухудшало. Проведав, что докладчик откровенно лгал, руководство перестанет его слушать, даже в случае несомненного успеха. Иначе говоря, достоверность его слов априори станет подвергаться сомнению, а утрата доверия автоматически означала отставку со всех постов и крах авторитета.

— Если вы настаиваете, я смогу составить для вас подробный отчет в следующий раз, — предложил докладчик. — Я надеюсь, он вас полностью удовлетворит.

— Это хорошо, это не помешает, — кивнул Анджей. — Однако ответьте на вопрос.

Докладчик мысленно чертыхнулся. Даже не чертыхнулся, а разразился целым потоком отборнейшей брани. Проявись сейчас ментальные поля, он исказил бы всю несуществующую комнату, нарушая работу квантовых связей.

— Проникновение Ила — фактор двусторонний, — как бы подчеркивая важную деталь, заметил он. — Я отвечаю только за свою сторону. Чтобы дать ответ, который вы хотите услышать, мне требуется располагать более точными данными о вашей. Вы сообщаете новости, но весьма скупо. Я вижу, как озабочен Крестергратикус, однако не осмеливаюсь надоедать ему расспросами. Требуя информации от меня, вы сами мне ее почти не предоставляете.

Прием был проще некуда. Докладчик тянул время, рассчитывая либо придумать, как выпутаться из ситуации, либо дождаться, когда перегруженные реакторы автоматически завершат сеанс связи. Канал Астробиона открывался лишь на непродолжительный период. Поддерживать его неограниченно долго было невозможно. В отличие от руководства, станция докладчика такими мощностями не располагала. Ограниченная в ресурсах, она физически не могла генерировать такое колоссальное количество энергии. Это была одна из причин, почему связь не поддерживалась непрерывно. Другой выступала угроза означенного проникновения. Чем активнее работал канал, тем заметнее он становился, а пристальное внимание Ила было совершенно ни к чему.

Как назло, реакторы пока справлялись. Доработанные инженерами, они систематически проходили модернизацию, а их численность постепенно увеличивалась. В строй регулярно вводилась самая совершенная техника. Станция развивалась, обретая новые модули, и ее потенциал возрастал. К сожалению, он оставался небезграничным. На это влияла особенность физического располо-

жения. Близость черной дыры даровала уникальные возможности, однако накладывала и значительные ограничения.

Докладчик стал мрачнее тучи, испытывая эмоциональный шторм. Уходить от прямого ответа становилось невероятно сложно. Отбиваясь от руководства, он рассеивал его внимание и старался переключить тему, но это получалось все хуже, а выглядело все заметнее. Настолько, что подвох начал подозревать даже Винтомаар. Как закоренелый силовик, в риторические нюансы он не вдавался, однако откровенную манипуляцию примечал. Приметил ее и Гекталистрат. Будучи стратегом, он сам прибегал к таким ходам, и теперь с прищуром следил, как докладчик вьется ужом и выкидывает хитроумные коленца.

— Я полагаю, мои коллеги выразились недостаточно ясно, — останавливая дискуссию, подал голос Крестерграти кус. — Пожалуй, я позволю себе переформулировать. Вопрос, который я сейчас задам, потребует немедленного ответа. В зависимости от него, я сделаю выводы, и последствия наступят тотчас.

Это прозвучало как ультиматум. Несомненно, Крестерграти кус симпатизировал докладчику и выказывал ему одобрение. Ему и его успехам. Почти наверняка он понимал, что тот чего-то не договаривает, однако делал вид, будто ничего не замечает. Вместе с тем, его благосклонность имела свой предел. Отмечая растущее напряжение, Крестерграти кус решил вмешаться, чтобы положить конец неопределенности. Другое дело, с какой целью. Прикроет ли он докладчика, сохраняя проект неизменным, или же прижмет его к стенке? Докладчик этого не знал. Внутренне съежившись, он приготовился к удару, отразить который будет очень трудно, если вообще возможно. Ожидая вопроса, он гадал, что сейчас услышит, и мысленно мечтал о чуде. Таком, чтобы избавило его от необходимости отвечать, дало покинуть эту комнату и еще долго сюда не возвращаться. И чудо вдруг произошло.

Комната была ненастоящей, существуя за счет возмущения квантового поля, однако в полной изоляции не пребывала. Каждая сторона поддерживала связь со своей реальностью. Учитывая сложность процесса, полноценное присутствие и там и там исключалось, но прямой контакт все же сохранялся. Хоть и ограниченный, он позволял получать информацию на уровне телеметрии. К ней относились срочные извещения или сигналы тревоги.

— Прощу прощения! — неожиданно произнес докладчик, прерывая Крестерграти куса.

Подняв ладонь, он вызвал паузу, однако сам больше ничего не говорил.

Это было вопиющим нарушением регламента и откровенным

неуважением. Присутствующие опешили. Переглянувшись, они захотели преподать наглецу урок, резко выразив ему свое неодобрение. Уже готовых сорваться, реплик, однако, не последовало. Все быстро сообразили — у докладчика что-то произошло. Это подсказал световой контур, окруживший его фигуру. Приняв форму кольца, он заморгал красным цветом, извещая о входящей трансляции. Длилась она недолго и вскоре прекратилась, а свечение угасло.

— Еще раз прошу прощения! Боюсь, я вынужден вас покинуть! — крайне взволнованно объявил докладчик. — Возникли чрезвычайные обстоятельства.

— Надеюсь, вы не инсценируете повод улизнуть? — недоверчиво осведомился Перспектур.

— Никоим образом! — искренне оскорбился докладчик. — Ситуация требует моего личного присутствия!

— Что у вас произошло? — коротко спросил Крестерграти кус.

Ответ поразил все руководство Астробиона. Не сговариваясь, оно немедленно позволило докладчику удалиться. Причина и впрямь была серьезнее некуда. На его станцию напали.

Местонахождение Гальтенузы, официально засекреченное, открывалось тем, кто хотел ее найти. Например, тому же капитану "Атлантеи". Узнать координаты было не так уж и сложно, особенно если о планете заранее сообщалась масса полезных данных. Основываясь на них, архивы "Ураниум терраценкорда" без труда предоставляли нужные сведения, а ее многочисленные агенты закрывали любые информационные пробелы. Дальнейшее становилось заботой тактиков. Точно зная, куда и зачем летишь, можно было составить и точный план кампании.

Первой фазой стала разведка. В зависимости от обстоятельств, "Ураниум терраценкорд" частенько обходилась и без нее, если операция проходила срочно или вслепую. Срочность требовалась и на этот раз, однако не такая, чтобы не потратить немного времени на изучение объекта и надлежащую подготовку. Прием был хорошо отлажен. В звездную систему Гальтенузы прибыло небольшое судно, напичканное шпионской аппаратурой. Замаскированное под коммерческое, оно вело оперативное наблюдение, собирая максимум возможной информации. Юркое и малозаметное, оно ускользало от радаров космических станций. Разумеется, ненадолго, однако достаточно для того, чтобы сделать очень многое, прежде чем его обнаружат. Компанию ему составлял корабль сопровождения, такой же замаскированный и проворный. Прикидываясь защитником от пиратов, на деле он тоже занимался разведкой, дополняя тандем большим охватом территории и рас-

ширенными возможностями.

Сценарий предполагал, что скауты очутились в звездной системе случайно, виду непредвиденных обстоятельств. Подойдя к Гальтенузе, они якобы осматривались, а по факту основательно ее сканировали, выявляя не только очевидные сигнатуры, но и скрытые, присущие замаскированным сооружениям и подземным комплексам. Сканировали они и спутники вкупе с орбитальной группировкой, которая не заставила себя ждать. Обнаружив незваных гостей, ее корабли подлетели к ним поближе и осведомились, что они здесь забыли.

Ответ был приготовлен заранее. Мол, торговец пытается определить, где находится. Его навигация засбоила из-за сверхмощной магнитной бури, как и у его сопровождения. Осматриваясь у планеты, он надеялся найти себя на карте, вручную вводя в компьютер астрофизические характеристики.

Это звучало правдоподобно, однако для бдительных стражей Либератики недостаточно. Они задали резонный вопрос. Мол, почему потерявшиеся суда не запросили помощи, храня радиомолчание. Планета обитаема, и они вряд ли этого не заметили. Торговец сослался на естественные опасения. На его борту ценный груз, а планету могли населять незаконные формирования и даже пираты.

Разыгрывая случайность, лже-торговец на продолжении визита не настаивал. Получив желаемые данные, восстановившие работу навигации, он извинился за вторжение и отбыл. С ним отбыло и судно сопровождения. Их миссия была завершена. Сведений о Гальтенузе они собрали вполне достаточно, как и о кораблях на ее орбите. Это оказались очень серьезные корабли, которые дополнялись не менее серьезными орбитальными спутниками. Для тех, кто охранял всего лишь университет, их боевая мощь превосходила все логические ожидания. Сам же университет просматривался на планете как на ладони, хоть и во многом сокрытый защитным куполом. Единственный островок цивилизации, на первый взгляд он особых подозрений не вызывал. Но только на первый.

Советуясь со старшими офицерами, вторую фазу Ши Меург планировал сам. Он поступал так всегда, когда речь заходила о чем-то очень важном. Это была фаза активного вторжения. Никто не сомневался, что высадка на планету беспрепятственно не пройдет. Легкой прогулки не предвиделось и без предупреждения Инглтона. Орбитальная группировка бездействовать не станет. Значит, либо десант высаживается скрытно, либо ему обеспечивается боевое прикрытие.

Анализ показал, что шансы на скрытность критически малы. Разведка засекла системы слежения, весьма необычные в составе какого-то там университета. Это же не военная база и не галактический форпост! Тем не менее, на них указывали характерные сигнатуры и еще более характерное излучение. Спутники кружили на орбите не просто так. Кто бы ни попытался сесть на Гальтенузу, в Либератике об этом наверняка узнают. Следовательно, вариант со скрытностью отпадал. Альтернатива требовала первоклассных военных навыков, однако Ши Меург как раз ими и располагал. Как бывший вице-адмирал, он проворачивал множество боевых операций, как небольшими группами, так и целым флотом. Уяснив диспозицию, он лично разработал вторую фазу вплоть до мелочей.

Звездная система Гальтенузы не обладала другими планетами. За исключением метеоритов, в ней отсутствовали даже луны и планетоиды. Это существенно облегчало задачу станции слежения. Пребывая в точке Лагранжа, она присматривала за открытым космосом, выискивая потенциальную опасность для Либератики. Маломерные суда, сокрытые активной маскировкой, она иногда не замечала, но прозевать обычные звездолеты и уж тем более целый флот никак не могла. Объявившись неподалеку, тот светился на радаре очень ясно. Еще яснее было его направление. Перестраиваясь на ходу, он летел прямиком к Гальтенузе.

За все время существования Либератики это происходило всего дважды. Анализируя входящие данные, система безопасности дала сигнал боевой тревоги. Планете угрожало вторжение. К ней приближался неизвестный флот с неизвестными же намерениями. Элементарная логика подсказывала, что намерения эти вряд ли добрые. Численность кораблей говорила о том же, как и их классификация. Двадцать пять боевых звездолетов, хранивших полное радиомолчание, наверняка явились не для того, чтобы собрать пожертвования на благотворительность. Карлерих полностью разделял опасения искусственного интеллекта. Прибыв в командный центр, он лично возглавил силы безопасности Либератики. Следуя его приказу, вся орбитальная группировка ринулась на перехват.

Не внимая предупреждениям, неизвестная флотилия не останавливалась. Корабли Либератики объявили, что откроют огонь на поражение. Неизвестные по-прежнему не отвечали, однако снова перестроились, не снижая скорости и направления. Орбитальная группировка приготовилась к бою. Наведя орудия, она ждала момента, когда незваные гости пересекут условную черту. Она была готова ко всему, и все же бой начался внезапно. Кон-

центрируясь на вражеском флоте, станция слежения прозевала одинокий фрегат. Используя активную маскировку, тот сумел подойти к ней поближе и выпустил ракеты. Их численность и начинка стала неотразимой для системы противоракетной обороны. Станция слежения взорвалась. В следующую секунду неизвестная флотилия открыла массированный огонь.

Численный перевес был на стороне нападавших, и они, вероятно, рассчитывали именно на него. Быстро приближаясь, они делали ставку на блицкриг, то есть подавление защитников в первые же минуты боя. Оценивая ситуацию, так предположил компьютер. Он же рекомендовал и ответный удар. Шестнадцать кораблей Либератики были в меньшинстве, но численном, а не технологическом. Вооруженные до зубов, оснащенные по последнему слову техники, они могли сделать то, чего противник наверняка не ожидал. И они это сделали. Достойно встретив врага, они не дрогнули и даже не перестроились. Выдав ответный залп, они ринулись в лобовую атаку.

Блицкриг нападавших превратился в блицкриг защитников. Отражая входящий урон, они предполагали выдержать его при сближении. Учитывая встречные курсы, оно происходило с удвоенной скоростью. Ввиду нагрузки на щиты, его молниеносность играла решающую роль. Подойдя вплотную, пострадать корабли защитников не успеют, зато сами нанесут врагу ужасающий удар. Прежде чем тот опомнится, они перебьют половину его звездолетов и необратимо нарушат их боевой порядок. Уцелевшие мгновенно утратят всякое преимущество и станут легкой мишенью для расстрела.

Замысел был хорош, и по части сближения удался. Почти не пострадав, орбитальная группировка Либератики стремглав подлетела к неприятелю и выпустила по нему всю огневую мощь.

Серия взрывов, поразившая гущу кораблей, была столь яростной, что защитные поля будто воспламенились. Перегруженные жгучими волнами, они сгорали в энергетическом кошмаре, распадались под воздействием запредельного излучения. Электромагнитные импульсы отключали жизненно-важную технику. Генераторы вспыхивали и детонировали. Сотрясаясь как в лихорадке, звездолеты теряли всю защиту, лишь продлевавшую их агонию. Оплавляясь и дымясь, борта оголялись, и их тут же накрывал слепящий огонь. Оставшись без щитов, корабли вспыхивали будто свечки. Иные, пораженные ударной волной, лопались как переспелые яблоки, разнесенные взрывами изнутри. Замысел и впрямь удался в полной мере, вот только это был замысел неприятеля. Теряя звездолеты один за другим, орбитальная группировка Либера-

тики несла огромные потери.

Компьютер быстро распознал, что неизвестная флотилия состоит из довольно старых и посредственно вооруженных кораблей. Он списал это на оперативное неведение и финансовую недостаточность. Враг просто не понимал, с кем имеет дело, рассчитывая встретить не самое ожесточенное сопротивление. Налеты космических пиратов отличались нападением на того, кто не сумеет дать серьезный отпор. Полагаясь на численность, они обыкновенно пренебрегали качеством. За редким исключением, новейших боевых кораблей у них просто не было, да и откуда бы им взяться. Разбойничий промысел приносил доход, однако не такой, чтобы оснастить целую космическую армию. Исходя из этой логики, компьютер Либератики сделал соответствующие выводы. Предлагая встречный блицкриг, он следовал наибольшей вероятности из всех. Наибольшая, однако, не значит стопроцентная. Тому, почему так выглядели корабли врага, имелось и еще одно объяснение. Это была ловушка, в которую орбитальная группировка угодила с головой.

Двадцать пять неизвестных звездолетов еле держались в строю. Фактически, к Гальтенузе прилетел утиль, подлатанный только для того, чтобы вообще долететь. Их защита в принципе не могла выдержать затяжной бой, да и орудия стреляли больше для вида. Расчета на них никто не делал. Подлинная роль этих кораблей заключалась совсем в другом. Это были корабли-камикадзе. Единственной их задачей становилось максимальное сближение с орбитальной группировкой Либератики. Та же сама ринулась в капкан, который благополучно захлопнулся.

Даже разносимые вдребезги, камикадзе оставались смертельно опасными. Теряя фрагменты корпуса и элементы конструкций, они летели вперед — и это было главное. Их начинка не нуждалась в системе жизнеобеспечения. Разгерметизация и пожар на борту ей ничем не угрожали. Сокрытые в трюмах, ядерные бомбы терпеливо ожидали своего часа, и вот он, наконец, настал. Получив сигнал, камикадзе обратились в лучистые звезды, засиявшие страшным светом. Оказавшись в зоне поражения, корабли Либератики ощутили на себе всю неукротимую ярость атомного распада.

Схватка закончилась, едва начавшись. Орбитальная группировка потеряла одиннадцать звездолетов из шестнадцати. Из уцелевших пяти совсем не пострадало только двое, а у остальных сбоили те или иные системы. Что же касалось флотилии неприятеля, то атомный огонь уничтожил ее поголовно. Казалось бы, какой вообще смысл в атаке, конечным результатом которой стало пол-

ное самоуничтожение? Он был, и очень даже прямой. Станцию слежения вывели из игры не случайно. С обратной стороны Гальтенузы, из черной пустоты космоса, быстро приближалась еще одна флотилия, численностью в три десятка судов. И на сей раз это были по-настоящему боевые суда, хорошо вооруженные и готовые к серьезной битве.

Пять уцелевших кораблей уже не представляли серьезной силы. Впрочем, останься их и больше, они все равно не смогли бы противостоять новой волне врага. Схватись и шестнадцать с тридцатью, они почти наверняка потерпели бы поражение. Положение казалось безвыходным, а сражение проигранным, однако не тут-то было. У Либератики нашлись тузы в рукаве. Поодаль от университета, среди бескрайних прерий, под густой травой таились глубокие шахты. Двенадцать огромных люков распахнули жерла, открывая свою тайну дневному свету, и двенадцать огромных звездолетов покинули секретные убежища. Полыхая могучими дюзами, они стремительно взмывали в небо и прямо на лету выстраивались в боевой порядок. Всего несколько минут — и навстречу второй вражеской флотилии выдвинулось мощнейшее защитное соединение.

На сей раз численное преимущество ничего неприятелю не давало. Дюжина звездолетов Либератики принадлежала к тяжелому классу дредноутов. Это были настоящие летающие крепости, бронированные и превосходно защищенные, чьи сокрушительные залпы внушали страх и трепет. Столкнувшись с такой лоб в лоб, любой эсминец почти гарантированно погибал, не выдерживая огневого напора. Ему приходилось маневрировать, удерживая дредноут на расстоянии, и только так он в принципе выживал. О победе же в таком случае обычно не шло и речи. Двенадцать дредноутов представляли собой твердыню. Чтобы ее раскусить, врагу требовалось нечто большее, нежели тридцать средних кораблей, даже если те были вооружены до отказа. И все же он, против ожиданий, не ретировался. Он даже не подумал отступать. Перестраивая свои флотилию, он обождал, пока дредноуты подлетят поближе, и вступил с ними в затяжной тактический бой.

Пять уцелевших кораблей мечтали взять реванш, однако на рожон не совались, а действовали из-под огневого прикрытия. Враги, в свою очередь, не совались к этому прикрытию. Атаковать тяжелые крепости с наскока было бы безумием. Поддерживая друг друга, те держались единым строем, стараясь подобраться к неприятелю. Гибель орбитальной группировки требовала отмщения. Глядя на эти громадины было ясно, отчего Либератика не держала их на орбите постоянно. Наличие такой военной мощи у кого

угодно вызвало бы вопросы. Как гражданский объект, университет не располагал собственным тяжелым флотом, и по закону в принципе располагать не мог. Спрятав его от глаз, он приберегал дредноуты на крайний случай, и вот этот случай настал. На что бы ни рассчитывал враг, он вряд ли ожидал наткнуться на такие громады, и теперь наверняка соображал, как ему поступить. Правда, соображал что-то уж больно долго, не торопясь пускаться наутек.

Враг действительно не торопился и не паниковал. Наоборот, складывалось впечатление, будто он чего-то такого и ожидал. Его действия носили приметно расчетливый характер, а маневры отличались точностью и эффективностью. Обстреливая дредноуты, он не позволял им выйти из зоны поражения, но при этом и не подпускал к себе. Оперативно перестраиваясь, его корабли разбивались на группы и вились неподалеку как назойливые мухи. Не причиняя заметного вреда, они и сами его не особо получали. Несомненно, серьезная, схватка все больше напоминала игру в кошки-мышки, где было пока непонятно, кто, собственно, кошка.

Обмениваясь ударами, противники кружили, атаковали и контратаковали, однако без видимого успеха. Несмотря на гнев, порожденный желанием отомстить, звездолеты Либератики абсолютной победы не добивались. Их задачей была защита университета. Отбросив врага, обратив его в бегство, они справились бы с ней точно так же, как если бы разнесли его в труху. Следуя этому постулату, они уверенно вели бой, не слишком беспокоясь, что он затягивается. Вот только какую цель преследовал враг? Вся эта круговерть на орбите ему ровным счетом ничего не давала. Ничего, кроме истощения боеприпасов и потенциальной гибели. Так за каким же чертом он то подступал, а то отлетал, то разражался атакующими залпами, а то переходил в глухую оборону? Ответ пришел не так уж и скоро, но все же пришел. Пришел тогда, когда дредноуты отдалились от Либератики и основательно увязли в схватке.

Ши Меург все рассчитал блестяще. Недаром его "Ураниум терраценкорд" пользовалась большим авторитетом, а ее услуги ценились весьма высоко. Как бывший вице-адмирал, прошедший не одну галактическую заварушку, он мастерски умел планировать ход сражения, своевременно выпуская на сцену различные силы. Применив камикадзе, он не так уж много и потерял. Дороже всего стоили ядерные бомбы, огромные как цистерны, а суда он приобрел по дешевке, и на скорую руку подлатал. Так, для видимости. На них даже не было экипажей, а все команды отдавал искусственный интеллект, за которым присматривали удаленно. Подвох

никто не заметил, просто за неимением времени, и камикадзе не подвели.

Атомные взрывы стали сигналом для второй флотилии, ибо она только этого и ждала. До поры сокрытая, она объявилась точно по плану. Появление дредноутов сюрпризом для Ши Меурга не оказалось. Сканируя окрестности Либератики, скауты заметили шахты, а по их размеру предположили, что там могло скрываться. Это подтверждали и иные косвенные признаки, так что двенадцать летающих крепостей вступили в бой очень даже предсказуемо. Ши Меург и не собирался сломить их боевую мощь. Для этого ему и впрямь потребовалось бы нечто большее, а стягивать к Либератике весь "Ураниум терраценкорд" в его замысел не входило. Отвлекая внимание, он добился того, что дредноуты втянулись в навязанный бой, и вывел на сцену еще одно боевое соединение.

Ключевая роль возлагалась на "Трайберглосс". Именно он возглавлял третью флотилию, и он же выступал флагманом всей операции. Его боевая мощь нашла достойное применение. Ши Меург не отправил его на орбиту и не бросил в бой против дредноутов. Могучий крейсер не возглавил атаку на космические силы Либератики — он возглавил высадку на планету. В сопровождении сорока фрегатов, он вел за собой два внушительных транспортных бота. Фрегаты прикрывали их со всех сторон, а "Трайберглосс" прокладывал путь, служа острием снижавшегося клина. Такой порядок Ши Меург выстроил не просто так. Едва сообразив, что происходит, Либератика приветствовала гостей тем еще салютом. Помимо двенадцати огромных, вокруг нее располагались еще сотни малых шахт. Оттуда, навстречу крейсеру, устремились целые полчища ракет. Оттуда же, поднимаясь на платформах, развернули свои стволы зенитные орудия.

"Трайберглосс" достойно встретил шквальный огонь. Он его ожидал. Выискивая потенциальную угрозу, скауты поработали на славу, и теперь крейсер методично работал по выявленным целям. Его фронтовые орудия выдавали ужасающую мощь, а их дальнобойность служила лучшим залогом успеха. Зенитные орудия уничтожались как мишени в тире. Нос "Трайберглосса" полыхал, но не от вражеских попаданий, а ярких вспышек, с которыми разряжались его могучие пушки. Лучшие артиллеристы — настоящие знатоки своего дела, — вели снайперский и поистине убийственный огонь. Не успев вступить в бой, зенитки Либератики исчезали, разнесенные на куски, или же испарялись облачками из капель раскаленного металла.

"Трайберглосс", несомненно, был очень грозной силой, однако отразить тысячи ракет, да еще направленных не только на него,

не вышло бы ни у одного судна в галактике. Именно потому он и вел за собой фрегаты, выстроенные в защитном периметре. Их вооружение сводилось к одному — противоракетные комплексы, которые они и применили в полной мере. Заходя с разных сторон, ракеты Либератики маневрировали, разделяли боеголовки, выбрасывали ложные цели и пытались подавить электронику врага. Они кружили будто смерч, подлетая большими и малыми группами, атакуя в лоб или выжидая подходящий момент. Их было так много, что поражение врага казалось гарантированным, и все же полководческий талант Ши Меурга оказался сильнее.

Фрегаты справлялись блестяще. Сочетая разные типы оружия, они разили ракеты другими ракетами, срезали их лазерами, выводили из строя волновыми импульсами, взрывали цепными молниями и решетили как дуршлаги разрывной картечью. Стучали ультраскоростные пулеметы, формально архаичные, но в нужный момент чрезвычайно эффективные. Хищные облака из плазмы пожирали все, что в них попадало. Боезапас фрегатов быстро истощался, однако и Либератика не могла стрелять бесконечно. Поддерживая идеальный боевой порядок, критически важный при таком противостоянии, третья флотилия снижалась настолько быстро, насколько вообще могла. Ши Меург не знал, как много ракет припасено в малых шахтах, но это было неважно. Снизившись поближе к земле, "Трайберглосс" разнес их в клочья, оставив лишь обугленные, дымящиеся черным дымом ямы. Там, в искореженных недрах, рвались, детонировали боеголовки, и там же Либератика окончательно похоронила свою надежду на противовоздушную оборону.

Дредноуты попали в тактическую ловушку. Не увязни они в бою, даже при всей его мощи "Трайберглоссу" пришлось бы туго. Вторая флотилия не подвела. Не позволяя до себя добраться, она не позволяла дредноутам и отступить, чтобы прийти на помощь Либератике. Едва те пытались развернуться, как тридцать кораблей переходили в атаку, грозя пробить их пусть и крепчайшую, но все же не абсолютную защиту. Вынужденные повернуть обратно, дредноуты огрызались, и вторая флотилия тут же рассредоточивалась. Отбив нападение, летающие крепости снова пытались уйти, и снова подвергались стремительной атаке. Так повторялось из раза в раз, и пока третья флотилия снижалась, вторая сковывала звездолеты Либератики. Конечно, мало-помалу те все же продвигались, однако происходило это настолько медленно, что Ши Меург имел все основания рассчитывать на успех. Убедившись, что все идет по плану, он отдал долгожданный приказ. Формально продолжаясь, вторая фаза операции завершилась. Началась решаю-

щая, третья. Покидая транспортные боты, на Гальтенузу высадился десант.

Помимо армады кораблей, "Ураниум терраценкорд" располагала целой армией солдат удачи. Она была очень крупной ЧВК, обладавшей хоть не армейскими, но очень близкими к ним возможностями. Прибудь на Гальтенузу все ее подразделения, Либератика была бы стерта в порошок, и никакие дредноуты ее бы не спасли. Ши Меург, однако, не собирался начинать полномасштабную войну, тем более с властями. Нападая на университет, он уже ходил по краю, отчего и воздерживался от лишних разрушений. Кроме того, уничтожение Либератики противоречило смыслу контракта.

Письмо Инглтона обозначало задачу предельно ясно. На объекте полно невинных студентов, и пострадать они никоим образом не должны. Ши Меургу надлежало проникнуть в университет и эвакуировать оттуда небольшую группу, а не сровнять его с землей, вызвав неисчислимые жертвы. Именно поэтому десант высадился не сверху, пробивая защитный купол, а в прериях возле внешних стен. Уничтожение купола грозило фатальными последствиями и непредсказуемым энергетическим уроном. Проникновение через стену было менее разрушительным и для студентов куда более безопасным. Правда, оно существенно осложняло работу десанта, однако того требовали обстоятельства. Приняв их во внимание, Ши Меург заведомо облегчил жизнь своим людям. Предвидя ожесточенное сопротивление, вполне вероятное с учетом выявленной обороны, он высадил не одну группу, а две. Зайдя с разных сторон, они ворвутся в Либератику одновременно и тем самым разделят ее наземную охрану. Разумеется, для этого требовались силы, наверняка превосходящие защиту, но у Ши Меурга таковые имелись.

Наемников было действительно много, и наемников первоклассных. Располагая внушительным кадровым составом, "Ураниум терраценкорд" обладала солдатами различных степеней подготовки. В заданиях попроще она использовала не самых лучших людей, но и платила им меньше, легко восстанавливая потери. Для сложных операций отряжались элитные бойцы, чей гонорар соответствовал уровню, а тренировка занимала годы. На Гальтенузу прибыла элита. Под прикрытием "Трайберглосса", она подвела к стенам Либератики наземную технику. Превосходно экипированные, оснащенные танками, транспортерами, артиллерией и целой армией роботов, десантники приготовились к вторжению в университет. Двумя полками по тысяче человек, они заняли исходные позиции. Затем, получив сигнал с "Трайберглосса", нанесли синхронизированный удар.

Стены проломились быстро. Обычно, чтобы сокрушить такую преграду, в ход шли плазменные орудия, достаточно большие, чтобы проделать внушительную дыру. Установленные на самоходных платформах, они пробили бы и сплошную скалу. К сожалению, в данном случае этот метод не годился. Уничтожив стену, орудия могли уничтожить и то, что за ней, то есть некстати подвернувшихся студентов. Чтобы исключить случайные жертвы, десантники использовали лазерный бур. Технически, это была огромная махина, способная прорезать тоннель в толще горы. Ее нос представлял собой вращающиеся части, усеянные лазерными резаками. В отличие от плазменных, они рассекали материю не столь мощно, зато почти мгновенно. Взревев и загрохотав, два исполинских бура принялись за работу и показали себя во всей красе. Армированные стены университета были очень крепки, однако не выдержали их напора. Не прошло и пяти минут, как буры остановились, а затем неторопливо отъехали обратно. Из прерий Гальтенузы в Либератику открылся тоннель. Точнее, два тоннеля, куда немедленно устремились передовые десантные отряды.

Было бы поистине странно, не встреть кто-нибудь наемников интенсивным огнем. Охрана явно не собиралась сдаваться, как, впрочем, и показываться. Кто бы ей ни командовал, он бросил в бой соединения роботов. Ши Меург, не будь дураком, поступил точно так же. Передовые отряды составляли исключительно машины. Первыми шли тяжелые громады, похожие на боты для разминирования. Сплошной металл, они прикрывались бронированными листами и энергетическим контуром. Сами по себе они производили толку не больше, чем бульдозер, но под их защитой продвигались другие. Пока встречный огонь разбивался о сталь, боевые роботы зря времени не теряли. Выискивая цели, они идентифицировали их сигнатуры и фиксировали расположение. Затем, сведя все наблюдения воедино, ринулись в скоординированную атаку.

Натиск был мощным и скоротечным. Миновав тоннели, бульдозеры распределились веером, открывая проход для остальных. Следом за ними в Либератику вошли танки. Их компьютеры уже располагали обнаруженными целями, и они, не теряя времени, открыли прицельную стрельбу. Их подстраховывали полевые роботы, не подпуская мобильного врага и своевременно сшибая вражеские ракеты. Выявлением целей продолжали заниматься стаи летающих дронов. Роясь в великом множестве, они хоть и поражались охраной, однако их словно и не убывало. Передавая координаты, они обеспечивали танкам эффективность, а следом за ними и штурмовым соединениям. Тем, которые ступили в Либератику то-

гда, когда плацдарм был окончательно захвачен. Действуя слаженными группами, элитные наемники стали зачищать сектор за сектором.

Первые странности проявились довольно быстро. Схемы местности, переданные Инглтоном, начинали расходиться с реальностью. Впрочем, логически это было неудивительно. Не обладая полнотой информации, он сообщил Ши Меургу только то, что сам знал о Либератике, а знал хоть и многое, но отнюдь не все. Отсюда вполне могли проистекать несоответствия, и очень даже серьезные. Некоторые сооружения оказывались не на своих местах или не оказывались вовсе, а их предназначение не совпадало с заявленным. Технические узлы сочетались с откровенно пустовавшими помещениями, словно в университете не знали, для чего их построили, или еще не ввели в эксплуатацию. Секции для персонала отсутствовали как таковые. Это было заметно, однако задачу Ши Меургу особо не осложняло. Уверенно заняв плацдарм, десант продвигался к заявленной точке эвакуации, пока вторая флотилия сковывала дредноуты.

Охрана Либератики сопротивлялась, но не сказать, чтобы уж слишком. В бой шли сплошные роботы. Громоздкие боевые станции дополнялись мобильными соединениями и юркими, но довольно опасными отрядами. В совокупности это представляло неплохую силу, однако ограниченную, и применяемую как-то без энтузиазма. Танков не было. Их заменяли бронированные машины, похожие на грузовые транспортеры. Оснащенные крепкими панцирями, они несли вооружение электромагнитного характера — от ЭМИ до ультразвуковых излучателей. По-своему, это была серьезная техника, но не ударного, а вспомогательного характера. Наемники Ши Меурга умели с такими управляться. Летающие аппараты Либератики тоже не представляли для них проблему. Малые катера, пучеглазые дроны и парящие модули никак не походили на армейские соединения. Они сбивались настолько же уверенно, насколько десант продвигался вперед, оперативно овладевая сектор за сектором. Координация хлопот не доставляла. Ориентиром служили высотные здания. Благодаря их сигнатурам, все комплексы Либератики представали как на ладони, и наемники точно знали, где они находятся и куда идут.

Странности нарастали. Уничтожая технику, десант совершенно не встречал людей — ни в бою, ни даже где-то вдали, зато аппаратура здесь была повсюду, а видеотрансляторов хоть отбавляй. Понатыканные на каждом углу, они фиксировали любую мелочь, наверняка передавая данные в единый центр управления. Если охрана Либератики делала ставку на это, она явно просчита-

лась. Против случайных гостей, уровня залетных грабителей, электронное изобилие вполне работало. Моментально обнаружив, их бы моментально и обезвредили. Двум полкам "Ураниум террацен-корда" эти технологичные игрушки были не страшны. Они и так не скрывали своего присутствия, а нападки одних лишь роботов отражали без особого труда. Ши Меурга это беспокоило. Университет выглядел пустынным. С одной стороны, в нем не могло засесть настоящей армии — это же учебное заведение; с другой — наблюдался резкий контраст с внешними силами. Те словно охраняли военную базу, в то время как на самой базе охрана едва ли дотягивала до уровня завода. Завода полностью автоматического, лишенного персонала. Объяснение тут было одно — студенты, пришедшие учиться, а не проживать на милитаризованном полигоне. Вот только их как раз нигде и не наблюдалось.

Ши Меург не планировал захватить всю Либератику целиком. Учитывая ее площадь, для этого потребовалась бы целая дивизия. Десант преследовал единственную цель — добраться до заданной точки, где находилась группа молодых людей. Их эвакуация с Гальтенузы и была всей сутью операции, за которую Инглтон посулил пять миллиардов. Видимо, неспроста. По мере продвижения, Ши Меург все больше подозревал, что в этом месте неладно, и что заказчиком движила отнюдь не взбалмошная прихоть. Сути это не меняло, но вызывало известный интерес. Руководя операцией с "Трайберглосса", Ши Меург велел собирать о Либератике больше данных.

Исходным документом, содержавшим внутреннюю структуру университета, было письмо Инглтона. Помимо разведки с орбиты, оно стало основой для десанта, однако чем дальше, тем больше его содержание не соответствовало действительности. Например, Инглтон упоминал, что университет напичкан шахтами и тоннелями, через которые налажены транспортные коммуникации. На первый взгляд, все так и было, но на поверку львиная доля шахт оказалась ложными; пустышками, лишь имитирующими таковые, да и транспорта, якобы снующего в изобилии, отнюдь не наблюдалось. Помимо боевых катеров, совершавших налеты на десант, и звеньев реактивных роботов, в небе не появлялось ни единой посудины. Дозорные дроны были не в счет, как и телеметрические модули. Констатируя сей факт, Ши Меург отмечал, что он полностью увязывается с другим, не менее примечательным.

Транспортная система Либератики основывалась на том, что прямое, наземное сообщение между ее комплексами отсутствовало. Их разделяли силовые барьеры, прозрачные, но при этом непроницаемые. Диктовалось это вроде как соображениями безо-

пасности. Барьеры Ши Меург и впрямь увидел, вот только никакой непроницаемости не обнаружил. Обычные энергетические поля — они легко преодолевались, если кому и препятствуя, то лазерам или плазме. Танки миновали их без труда, и пехотинцы тоже. Более того, их прекрасно миновала и собственная техника Либератики. Таким образом, липовые шахты вполне увязывались с фиктивной непроходимостью, что, в свою очередь, никак не увязывалось со сведениями от Инглтона. Вводил ли он Ши Меурга в заблуждение? Вводил, но вряд ли намеренно. Вероятно, он сам пребывал в плену неких иллюзий. Другое дело, кому и зачем понадобилось их создавать? Ответа Ши Меург не знал, однако предполагал, что с этим как-то и связана эвакуация из Либератики.

Самым неприятным сюрпризом стали выдвижные башни. На схеме Инглтона о них ничего не упоминалось. К счастью, разведка хорошо знала свое дело и не подвела. Своевременно обнаруженные, башни не нанесли того урона, который вполне могли бы. Это были очень внушительные сооружения, чьи борта отливали толстой тугоплавкой сталью. Поднимаясь из шахт, они вели круговой обстрел, достаточно мощный для того, чтобы уверенно поражать танки. Десант действовал на упреждение. Появляясь над землей, башня едва успевала сделать первый выстрел, как сверху на нее падала бомба. Боевые катера имелись не только у охраны Либератики, в том числе штурмовые и тяжелые.

Начинка действовала в три этапа. Сначала электромагнитный импульс нарушал работу энергетического поля — всего на доли секунды, за которое бомба достигала цели. Тогда наставал черед кумулятивного заряда, прожигавшего бронированную оболочку. Ныряя в брешь, бомба проникала в башню и детонировала. Со стороны это выглядело так, будто на очаге взорвался перегретый котел, разодранный изнутри давлением пара. Сквозь лопнувший металл вырывалось пламя, а затем всю конструкцию разносило в клочья.

Уничтожая башни, десантники шли на вынужденный ущерб. Во всем остальном они, почем зря, ничего в Либератике не разрушали, опасаясь неприемлемых жертв. Этим же руководствовалась и охрана. По ее поведению было заметно, что она не желает разносить собственный университет. Она не открывала шквальный огонь и не бомбардировала десант по площади. Для вооруженного вторжения это выглядело очень странно, однако именно так все и происходило. Не сговариваясь, противники старались воевать аккуратно, чтобы не превратить учебное заведение в дымящиеся руины. Силовое преимущество было на стороне десанта, и обоюдная щепетильность не усложняла, а упрощала ему задачу. При-

ближаясь к цели, он действовал все увереннее, в то время как сопротивление ослабевало.

Точка эвакуации находилась в парке, как в самой простой и наименее охраняемой зоне. Проникновение в жилой комплекс исключалось. Изобилуя студентами, для вооруженной операции он не подходил. То же относилось и к учебному комплексу, а вот научный и медицинский полнились сотрудниками Либератики. Студенты бывали и там, однако в кратно меньшем числе и плотности. Этой логикой руководствовался Инглтон. Ее же, составляя маршрут, принял во внимание и Ши Меург. Не заходя в комплексы напрямую, десант следовал через граничные зоны, то есть там, где технических помещений становилось намного больше, а людей соизмеримо меньше. Расчет оправдался сверх ожиданий. Добравшись до парка, десантники повидали многое, но так и не встретили ни одной живой души. Удача была налицо, однако Ши Меург находил это очень странным, а вкупе с другими наблюдениями и настораживающим.

Либератику не сотрясали сигналы тревоги. Сама по себе она, безусловно, была объявлена, однако сирены не завывали и репродукторы не надрывались. О вторжении сообщали только лампы, моргавшие красным и оранжевым цветом. Отсутствие людей подсказывало, что эвакуация уже объявлена и проведена. Студенты и персонал сидели в убежище, где бы оно ни было, и тем самым облегчали задачу десанта. Это казалось логичным, однако Ши Меург недоумевал, куда подевались вообще все, и с каждой минутой его недоумение росло. Снаряженные новейшей аппаратурой, десантники сканировали местность далеко окрест, но нигде не улавливали признаков жизни. Не видели их и дроны, многими тысячами порхавшие по Либератике. Сектора, комплексы, кварталы, отдельные дома и высотные здания — все это не выглядело заброшенным, но представлялось совершенно безлюдным. Если бы не письмо Инглтона, Ши Меург решил бы, что здесь обитают только роботы, а университет полностью автоматизирован.

Еще на подходе к парку стало очевидно, что реальность окончательно разошлась с исходными данными. Инглтон описал его как разнообразное место, искусно разбитое на тематические зоны. Это был шедевр ботанического искусства, прекрасный образчик художественной эстетики. Был. Если только когда-то. Десантники фиксировали нечто совсем другое. Это же фиксировали и дроны, передававшие картинку с воздуха. Несоответствие отмечалось и прежде, но издали, и списывалось на искажение в защитном поле. В маскировочных целях, оно могло генерировать его намеренно. Вблизи же стало очевидно, что ничего подобного нет.

Огромный парк представлял собой хаотично заросшее место. Это был не пустырь, но и не ухоженный лес, не заброшенная фабрика, однако и не полноценный промышленный квартал. Так, нечто среднее между дикорастущими насаждениями и служебными объектами. Деревьев там действительно хватало, но росли они абы как, и о благоустройстве не шло и речи. Красивые мощеные дорожки отсутствовали, как цепочки фонарей и аккуратные технологичные площадки. Вместо них попадались только бетонные заливки, грунтовые аллеи и монорельсы. Проложенные через заросли, они соединяли какие-то здания, похожие на склады или ангары. Беседок, павильонов, лестниц и парапетов не было и в помине. Их заменяли металлические конструкции и опорные фермы, на вершине которых виднелись громоздкие катушки. В центре парка стояла самая большая ферма, похожая на архаичную телевышку. Ее вершина и впрямь была утыкана какими-то антеннами — судя по излучению, вполне активными.

Ши Меург встревожился тому, что видел в противовес заявленному Инглтоном. Если прежде разница носила объяснимый характер, то здесь она становилась вопиющей и даже недопустимой. В парке была точка эвакуации, откуда десанту надлежало забрать группу молодых людей. Предоставляя координаты, не знать о том, что там находилось, Инглтон просто не мог. Он описал это место довольно подробно, прямо упоминая джунгли. Наемники же продвигались через лес, не имевший ничего общего с тропическим. Смешанные деревья относились к умеренному климату. Ища ошибку, Ши Меург регулярно проверял координаты, ориентиром которых служили высотные здания Либератики. Ее не было. Десантные полки шли точно к заданной цели, до которой оставалось всего ничего, и складывалось ощущение, что шли они где-то совсем не там.

Еще одной странностью стало всякое прекращение сопротивления. Прежде охрана атаковала довольно интенсивно. Отправь Ши Меург небольшую группу, как он отправил бы в любой другой университет, ее разнесли бы в клочья. Незваных гостей встречали катера и дроны, полчища роботов и боевые башни. С первых же секунд они не давали десанту покоя, регулярно проверяя его на прочность и нащупывая слабину. Они выскакивали отовсюду, не преуспевая, но и не унимаясь. И вдруг все затихло. Грохот разрывов смолк, и очереди больше не отстукивали убийственные речитативы. Умолкло и жужжание энергетических орудий. Плазма перестала сверкать и плеваться. Лазерные лучи все еще сновали, но это были лучи прицелов, а не жгучие дорожки выстрелов, причем лучи самого десанта. Ожидая подвоха, он не терял бдительности,

однако нигде не фиксировал активности врага.

Наиболее логичной казалась адекватная реакция Либератики. Сообразив, что вторжение ей не остановить, служба безопасности вышла из боя. Это снижало ущерб, экономило военную технику, а также позволяло сосредоточиться на охране ключевых объектов. Например, таких, куда десантники не добрались, и куда добираться вообще не собирались.

Альтернативное объяснение выглядело более зловещим. Догадавшись, зачем явились незваные гости, Либератика отозвала всю охрану. Лишний урон был ни к чему, а намерения неприятеля особой проблемы не представляли. В частности, потому, что он априори не мог получить то, зачем пришел. Зародившись в допущении, эта догадка росла и крепла, по мере того, как десант приближался к заданным координатам. Когда он их достиг, в своем предположении Ши Меург стал практически уверен.

Озера не было. Не было речушки, питавшей его из подземных родников, его берега не сплетались в единую зеленую стену, а в уединенной бухте отсутствовал белоснежный песок. Отсутствовала сама бухта, а заодно и грот, где должна была находиться эвакуируемая группа. Вместо него, вздымаясь футов на двадцать, лежал громадный валун, чьи замшелые бока видали юность планеты. Вокруг него рос все тот же лес, не имевший никого отношения к тропическому. В его глубине угадывались какие-то постройки, приземистые и явно не похожие на культурный ансамбль. В целом, дозорные дроны показывали это давно, но издали. Излишне приближаясь, они рисковали выдать цель визита. Теперь же истина открылась окончательно. Никаких маскировочных полей тут не было, и технику не обманывала изощренная, старательно наведенная иллюзия. Тут вообще ничего не было — даже намека на прекрасный парк и хоть кого-то, кто нуждался в эвакуации.

В какой-то момент Ши Меург вдруг подумал, что все это ловушка. Его корабли, его людей заманили, чтобы перебить до последнего. Конкуренты, враги или кто еще — не суть важно. На мгновение ужаснувшись, он чуть не объявил экстренный отход, но все же удержался. Сумев сохранить хладнокровие, он быстро прикинул все факты и сообразил, что бояться нечего. Данные разведки, собранные скаутами, и новые, полученные уже в Либератике, критически опасной угрозы не выявляли. "Ураниум терраценкорд" по-прежнему контролировала поле боя в целом и ситуацию в частности. Проблема заключалась в том, что делала она это, видимо, зря.

Не обнаружив целевую группу, Ши Меург имел полное право удалиться, а не искать ее абы где. Не в репродукторы же кричать,

что, кстати, Инглтон категорически запретил. Имена эвакуируемых, как и любая информация о них, разглашению не подлежала, и особенно прямо в Либератике. Ши Меург, однако, приказ об отходе не объявил. Будучи хозяином положения и не неся потери, он решил узнать, почему цель отсутствует. Здесь точно было что-то не так, и он желал во всем разобраться. Если виноват заказчик, подсунувший заведомо невыполнимый контракт — он предъявит ему особый счет. Если же дело в чем-то другом, выяснение обстоятельств будет продуктивно по отношению к Инглтону. Ведь его, возможно, самого ввели в заблуждение. Как опытный стратег, Ши Меург нутром чуял именно последнее. Подозревал, что Инглтон не виноват, и что группа действительно ожидает эвакуации, вот только совсем не там, куда прибыл десант.

Обеспечив надежный плацдарм, где наемники были отлично защищены, Ши Меург изменил план. Разбив полки на отряды, перераспределив подразделения роботов, он поставил новую задачу. Не обнаружив цель в Либератике, десанту надлежало выяснить, что такое сама Либератика, и почему внутри она выглядит совсем не так, как ее описывали.

Взяв под козырек, офицеры приняли приказ к исполнению. Поднимаясь в воздух, дозорные дроны устремились во все стороны. Гудя могучими двигателями, в каждый комплекс университета выдвинулось танковое соединение. Разделившись на мобильные отряды, наемники отправились изучать Либератику, начиная от внешних шлюзов и заканчивая высотными зданиями.

* * *

Получив письмо, Ши Меург ни на мгновение не сомневался, что оно от Инглтона. Формально, это соответствовало действительности, только послание пришло не от отца, а сына. Миллиард перевел Джерри. Это был настоящий, совершенно законный миллиард со счета "Инглтон мехатроникс инкорпорейтед", к которому у него имелся доступ. Шифр тоже был настоящим и принадлежал отцу. Посвящая сына в дела, видя его преемником, тот открывал ему многое в целом и свои отношения с "Ураниум терраценкордом" в частности. Джерри хорошо понимал, чем занимается Ши Меург и на что он способен; знал, как с ним связаться и как его заинтересовать. Техническая сторона была ему известна так же, как и теоретическая. Джерри обладал средствами и информацией. В его распоряжении была возможность и налаженный конфиденциальный канал. Секретность, присущую общению, он обернул себе на пользу. Какие бы вопросы ни возникли, Ши Меург не должен

был выйти на контакт с его отцом. Ведь тот ни о чем не подозревал, и его привлечение грозило крахом всего замысла.

Не обращаться к Инглтону-старшему присоветовала Эрвина. Даже не присоветовала, а настоятельно рекомендовала этого не делать, причем не потому, что разговор могли прослушивать.

— Ты на что вообще рассчитываешь? Что твой папенька вот так запросто поверит во все эти дикие россказни про Либератику? Серьезно?! — с чувством заявила она, покрутив пальцем у виска.

— Я сумею убедить отца, — проворчал, задетый за живое, Джерри.

— Да неужели? — фыркнула Эрвина. — А давно ли ты сам себя убедил? Ну-ка припомни, что любой из нас думал совсем недавно, наслушавшись Сайлуса и Алию!

— Она права, — поддакнула Руслана. — Отец тебе не поверит. Он сочтет, что ты хочешь сбежать из Либератики, а то и вовсе чокнулся, со своей-то волынкой. Я ставлю на оба варианта сразу.

— Только он может нанять Ши Меурга. Без него никак, — сердито заметил Джерри.

— Ой ли? — усомнился Руберт. — А ты вообще на что? Неужели совсем не пользуешься семейным авторитетом, предложить наемнику хорошие деньги?

— Ши Меург меня и слушать не станет, — скривился Джерри. — Решит, как вы сами сказали, что это бредни спятившего юнца.

— А ты сделай так, чтобы он думал, будто общается с твоим отцом, — предложила Элеонора.

— Гм. Теоретически, это возможно, — подумав, нехотя кивнул Джерри. — Только на деле неосуществимо. Слишком сложно. Надо использовать личный терминал отца, причем отсюда и без его ведома. Здесь требуется работа с компьютером и шифрованием, а у меня нет таких навыков. Ни у кого из нас нет.

— Они есть у Алии, — напомнила Эрвина. — Она сама ходячий компьютер, якобы разумный. И у нее под рукой мощнейшие вычислительные системы Либератики. Просто дай ей задание, и она наверняка справится с ним в лучшем виде.

Алия действительно справилась. Уяснив, что к чему, она разузнала у Джерри все необходимое и буквально за сутки составила хитроумную программу. Точнее, вирус, только не уничтожавший данные, а передававший их по цепочке. Уж как она исхитрилась — никто не знал, ибо задача и впрямь была очень сложной, требуя глубоких знаний и высочайшего мастерства.

Целью атаки стал компьютер Инглтона-старшего. Как сын и наследник, Джерри знал параметры доступа, особенности авторизации и личностные отпечатки. Алия вставила вирус в послание,

которое он адресовал отцу. Послание намеренно объемное и крайне личного характера, маскирующее умысел конфиденциальностью. Загрузив его на компьютер, Инглтон-старший просмотрел откровения сына, а по факту запустил скрытый код. Затаившись, тот дождался своего часа, после чего приступил к работе.

Распаковав библиотеки, вирус составил для Ши Меурга письмо, куда включил исполнительную подпрограмму. За уникальным шифрованием дело не стало. Оно использовалось в оригинале, ибо вирус оперировал в том компьютере, где был персональный ключ. Это подтверждало Ши Меургу подлинность адресата, служа ей лучшим доказательством. Отправка письма состоялась незаметно, чтобы Инглтон-старший не узнал, будто обратился к главе "Уранium терраценкорда". Тот, в свою очередь, с отправителем не связался, поскольку в письме на сей счет были даны строгие указания. Миллиард, успешно ему переведенный, обеспечил содействие Ши Меурга и его заинтересованность в благополучном исходе дела.

Корректировка, внесенная в идею Джерри, обеспечила ей скрытность и эффективность. Спрятанный в обширном послании, вирус Алии остался незаметным как для целевого компьютера, куда были права доступа, так и для контролеров Либератики. Открыто кого-либо уговаривать, рискуя выдать себя с головой, не пришлось. Контакт с Ши Меургом состоялся, и тот получил надлежащее предложение. Правда, было заведомо неизвестно, просмотрел ли он письмо, а если просмотрел, то запустил ли код, но Алия предусмотрела и это.

О переводе миллиарда известил банальный программный маячок. При совершении транзакции он отправил письмо на личную почту Джерри. Спустя неделю тот снова связался с отцом, якобы просто повидаться. Выполняя команду, программа переслала ему сообщение-пустышку, не способную привлечь чье-либо внимание. Таким же образом пришло сообщение и с анонимного ящика, куда Ши Меург, принимая контракт, ответил коротким словом "да". Таким образом, Джерри удостоверился, что наемник получил и письмо, и миллиард. Теперь друзьям оставалось надеться, что он очень захочет получить и еще четыре, вероятность чего оценивалась как весьма высокая.

С учетом маячка и повторного сеанса связи, на все про все Ши Меургу отводилось две недели. Маловато, но вполне достаточно для опытного главы ЧВК. Место и час эвакуации выбрала Алия. Для этого парк подходил лучше всего, как наименее людное и едва охраняемое место. Когда на Либератику нападут, Реляктанты будут прятаться в гроте, где благополучно дождутся прибытия десанта. Там, под покровом джунглей, они останутся незамеченны-

ми службой безопасности. Разумеется, их отсутствие может броситься в глаза, когда объявят общую тревогу. Желая укрыть студентов, в Либератике наверняка проверят, кто куда подевался, только это уже не будет иметь значения. Когда Карлерих сообразит, что произошло, Реляктанты окажутся далеко.

Самым уязвимым местом замысла была неизвестность. Речь шла не о подготовке Ши Меурга и не о том, что он предпримет, хотя и это трепало нервы дальше некуда. Ведь друзья ожидали вслепую. Проблема заключалась в другом. Никто заведомо не знал, не затесались ли в ряды "Ураниум Террацинкорда" выпускники или агенты Либератики. Планируя высадку, Ши Меург не мог сокрыть такую информацию как минимум от старших офицеров. Если среди них окажется шпион — тогда вся операция обречена на провал. Увы, тут приходилось полагаться лишь на то, что влияние Либератики пока ограничено. Проникая в эшелоны власти, ее сверхлюди стремились именно туда, и еще не распространились всюду. Джерри не жалел миллиард, хотя и потерял львиную долю личного капитала. За спасение Сильвертины он отдал бы и стократ больше, но было бы жаль отдать их просто так. Еще четыре миллиарда, обещанные Ши Меургу, в случае успеха он рассчитывал получить от отца. Ну а в случае провала они вряд ли и понадобятся…

В решающий день друзья были как на иголках. Их волнение зашкаливало, а лица с трудом сдерживали эмоции. Настолько, что они могли себя выдать одним лишь взглядом. Предвидя это, Алия назначила эвакуацию на выходной, чтобы официально избежать публичности и занятий. Подстроив пикник, она заранее отправила всех в парк, где кружным путем провела в заветный грот. Там, сокрытые от глаз, друзья стали дожидаться, когда за ними прибудет Ши Меург. В гроте их никто не видел, зато они все видели очень хорошо. Точнее, видели прерии вокруг Либератики, транслируемые на экраны дополненной реальности. Об этом позаботилась Алия, настроив передачу сигнала из внутренних систем научного комплекса.

Явив себя из шахт, двенадцать дредноутов стартовали в космос, тем самым дав понять, что происходит нечто очень нетривиальное. Тяжелые и мощные, они наверняка пробудились не для того, чтобы размяться. Кого они встречали — было решительно не разобрать, но вскоре вдалеке, у горизонта, по небу стали пробегать зарницы. Там завязался орбитальный бой. С земли он выглядел лишь небольшими вспышками, зато последующие события предстали во всей красе.

Атака из космоса выглядела и страшно, и зрелищно. Быстро

снижаясь, огромный крейсер вел два транспортных бота и множество фрегатов. Его орудия сверкали огнем, а боевые надстройки лучились свирепой энергией, поражая защитные комплексы вокруг Либератики. Сокрытые в прериях, они сотнями выныривали из шахт, и тут же попадали под его неукротимую ярость. Навстречу крейсеру взмывали тысячи ракет, а зенитные орудия палили не переставая, простречивая небо вереницами реактивных снарядов и сгустками плазмы. Все было напрасно. Умелое боевое построение не оставило ПВО ни шанса. Ракеты, сбитые фрегатами, взрывались как праздничные фейерверки. Зенитные орудия, пораженные крейсером, разлетались на куски и обращались в пар. Было даже странно, что от такого побоища совсем не сотрясалась земля. Точнее, она сотрясалась, но там, среди прерий, в то время как в Либератике не дрогнула и песчинка. Похоже, ее защитный периметр работал на славу, блокируя не только физическое проникновение, но и всякую вибрацию.

Защитный купол не только мешал рассмотреть, что происходит внутри университета. Он не позволял обойтись без бомбардировки и значительных разрушений, а это исключалось. Транспортные боты приземлились в паре миль от внешней стены. Под прикрытием крейсера и фрегатов, они высадили два полка наемников и целую армаду техники. Танки, транспортеры, самоходные установки, бронированные тягачи — все это изобилие дополнялось легионами военных роботов. Воздух наполнился боевыми катерами. Собираясь в проворные стаи, сновали там и тут дозорные дроны. Подступив к стенам, десантные полки включили огромные буры. Быстро пробив тоннели, они зачистили подходы и проникли на территорию Либератики.

Грот не изобиловал техникой, да и всякое подключение сейчас было нежелательным. Друзья сидели без связи, принимая лишь видеосигнал от Алии. Контакт с внешним миром поддерживала только она, транслируя им панораму Гальтенузы. Также, пользуясь своим доступом, она следила за системами Либератики. Разумеется, не за всеми, а только за некоторыми, которые позволяли ей оставаться незамеченной. Это предоставляло ей ограниченную, но полезную информацию. В частности, Алия сообщила, когда Карлерих объявил боевую тревогу, а затем констатировала ее повышение до предпоследнего уровня. Технически, вся Либератика стояла на ушах, и администрация должна была сделать объявление. Этого, однако, не произошло. По логике вещей, студентов надлежало известить и отправить в убежище, причем еще до того, как крейсер открыл огонь. Сирены, однако, так и не прозвучали, а о чрезвычайной ситуации никто не заявлял. В гроте стояла тиши-

на, нарушаемая лишь капаньем воды, и в парке тоже. Никто словно бы ничего и не замечал, а информационные каналы университета вели себя совершенно обыденно.

Это было невероятно странно. Там, снаружи, рвались зенитные орудия и приземлялись звездолеты. Прерии дымились и горели. Разгромленные шахты чадили копотью. Внешние стены пробил десант, сразу же завязав интенсивный бой. По логике вещей, он уже вовсю продвигался по Либератике, а та даже не потрудилась известить студентов. Все ее системы пребывали в боеготовности, но никто, кроме персонала, об этом не знал. Студенты вели привычную жизнь и ни о чем не подозревали. Вот только КАК они могли ни о чем не подозревать, когда над прериями творилось ТАКОЕ?! Они что, ослепли?! Звездолетов не видели?! Не видели всей этой кутерьмы, яростных взрывов и высадки десанта?! Это казалось невозможным, однако складывалось ощущение, что именно так все и было. Пока Либератику атаковали, студенты и в ус не дули, преспокойно занимаясь своими делами. Персонал же явно с кем-то воевал, но таким образом, который никак не отражался на повседневной рутине.

Происходящее выглядело бредом. Пребывая в недоумении, друзья таращились на экраны и не могли ничего понять. В Либератику вторгались серьезные силы, о чем говорило изображение с видеотрансляторов, однако внутри они никак не проявлялись. Вообще никак — ни движением, ни шумом стрельбы, ни поднявшейся суматохой. Получая информацию, Алия говорила, что роботы Карлериха ведут бой, но складывалось ощущение, будто они вели его в виртуальной реальности.

Как и все, Эрвина напрягала слух, но так ничего и не услышала, кроме тихого, донесшегося снаружи жужжания. Не удержавшись, она выглянула из грота и увидела знакомый грузовой дрон. Проплывая над озером, он неторопливо доставлял кому-то еду. Вероятно, ему было наплевать и на вторжение в Либератику, и вообще на все, кроме выполнения заказа.

— Это что, шутка?! — разинула рот Эрвина.

Сердито зашипев, Алия втянула ее обратно в грот, строго-настрого напомнив, что наружу выходить нельзя. Единственным, кто должен их заметить, был десант, исправно высаженный Ши Меургом.

— Да где этот десант?! Ты его слышишь?! — резонно вопросила Эрвина.

Ответом ей звучала тишина, совершенно не характерная для интенсивных боевых действий.

— Не высовываемся и ждем! — безапелляционно велела Алия. — Что бы там ни происходило — не высовываемся и ждем!

По сути, это было вполне логично. Так или иначе, десант уверенно вторгался в Либератику, а значит, его появление в гроте становилось лишь вопросом времени. Правда, вопросом явно долгого времени, поскольку часы уходили, а вокруг ничего не менялось.

Системы продолжало лихорадить от тревожных сигналов, однако внешне это никак не сказывалось. Снаружи — там за пределами грота, — царило обычное спокойствие. В джунглях не раздавался ни один посторонний звук, и земля до сих пор не сотряслась даже малейшей дрожью. А она была просто обязана сотрясаться, ибо боевые действия наверняка шли недалеко. Совсем недалеко, на подступах к парку, если десант не отправился отдыхать в местные кафе.

— Ничего не понимаю! — воскликнул Руберт. — Это просто ерунда какая-то! Твой Ши Меург точно не фокусник?!

Вопрос обращался к Джерри, который уловил его суть и обескураженно промолчал. Кто еще, кроме иллюзиониста, мог входить в Либератику и исчезать где-то по пути?

— Так, с меня хватит! Надо выйти наружу и посмотреть, что там творится! — заявила Эрвина.

— Плохая идея, — мотнула головой Алия.

— Плохая идея сидеть здесь и чего-то ждать! — вспылила Эрвина.

— Чего-то такого, чего явно не происходит!

— Я с тобой, — поддержал ее Руберт.

За ними, помедлив, последовала и Руслана, а потом Элеонора и все остальные. Алия не стала никого останавливать. Применять силу было бы непродуктивно, и особенно при таких обстоятельствах.

Над озером, отражаясь в водной глади, мирно купалось в облаках голубое небо. Джунгли мерно шелестели, отзываясь на порывы легкого ветерка, а в их ветвях перекликались невидимые птицы. Стрельбы, криков, канонады орудий и гула от пожаров не было и в помине. Постояв на берегу, Эрвина там надолго не задержалась. Развернувшись, она даже не пошла, а припустила по тропинке, едва заметной среди зарослей. Она не пыталась укрыться в чаще — наоборот, ее желанием было побыстрее ее покинуть. И это желание скоро исполнилось. Тропинка вела на холм. Там, на его вершине, была обустроена красивая беседка, и оттуда открывался прекрасный вид на окрестности. Взбежав по мраморным ступенькам, Эрвина порывисто обернулась и впилась взором в горизонт.

Десантных ботов не было. Не было крейсера, парившего над прериями, не было фрегатов, прикрывавших высадку с воздуха, и не было наземных соединений между кораблями и Либератикой.

Трава не горела, и над ней не поднимался черный дым от развороченных шахт. Привычно колыхаясь, она перебегала волнами вдаль и выглядела так же, как всегда. Стены Либератики стояли в целости, а сама она вела обычную жизнь, в которой не было ни атаки из космоса, ни приземлившихся звездолетов, ни десанта, вливавшегося в брешь, которой попросту не существовало.

Пользуясь отсутствием сопротивления, десантники продвигались довольно быстро. Похоже, Либератике окончательно надоело играть в войну, и она бездействовала, только и приглядывая за незваными гостями. Видеотрансляторы и телеметрическая аппаратура фиксировались повсеместно, но какой-либо агрессии из этого не проистекало. Никем не атакуемый, десант не терял бдительности, однако не в ущерб оперативности. Затишье позволяло ему вести разведку эффективно и беспрепятственно. Под прикрытием танков, катеров и грозных соединений роботов, наемники заглядывали в каждый уголок. Они проникали туда, куда не могли залететь дозорные дроны, и досконально проверяли здания изнутри. Объем поступавших данных кратно увеличился. Постоянно возрастая, они продолжали складываться в общую картину, суть которой Ши Меург заподозрил уже довольно давно.

Комплексы были подделкой. Все, а не какой-то один, причем подделкой было и остальное. Не соответствующий описанию, парк не оказался исключением из правил. То, что изначально представало аномалией, на деле полностью соответствовало окружающему.

Жилых кварталов попросту не существовало. Их роль играли каркасы, обтянутые декоративной пленкой. Фонари освещали пустынные улицы, где стояли бутафорные дома и такая же техника. Неухоженная растительность обрамляла пустынные дорожки и заброшенные площадки. Мусорные баки и почтовые ящики оказались декорациями, как транспортные узлы и все коммуникации. Сады и скверики наполняли синтетические насаждения. Отсутствию студентов удивляться не приходилось. За неимением условий, они тут в принципе не обитали, и вряд ли вообще когда-нибудь появлялись.

Аудитории пустовали. Пустовали конференц-залы и фойе, огромные павильоны и многочисленные переходы. Деканаты, архивы и компьютерные залы соответствовали им в полной мере. В них не стояла даже мебель, не говоря уже о всякой технике. Это были не настоящие учебные корпуса, а просто потолки и стены, лестницы и перекрытия, сделанные из однородного и недорогого материала. Поддельную инфраструктуру дополняло практически полное отсутствие коммуникаций. Редкие кабели тянулись все к

тем же видеофиксаторам, а скудного освещения хватало только на подсветку безликих табличек. Внешнее зеркальное остекление оказалось единственным, что представляло какую-то ценность. Снаружи здания выглядели привлекательно, но только для того, чтобы сокрыть подлинное ничто. В учебном комплексе никто никогда не учился. Его оснащение не позволяло провести занятия даже для начальной школы.

Что бы ни изобреталось в Либератике, какие бы исследования в ней ни проводились, это происходило где-то еще. Архитектурный ансамбль, составлявший научный комплекс, впечатляюще смотрелся только со стороны. Внутри же от его захватывающей футуристичности не оставалось и следа. Огромные, похожие на ангары пространства напоминали свалку. Лаборатории выглядели так, словно их забросили пару веков назад. Вместо стендов стояла какая-то рухлядь или не стояло ничего. Высокотехнологичные полигоны, сложнейшая аппаратура и экспериментальные реакторы никогда здесь не устанавливались. Даже оснастка под них отсутствовала, и, вероятно, никогда не планировалась. Единственной условной жизнью были роботы, сметавшие пыль и удалявшие плесень. Компанию им составляли неизменные видеотрансляторы. Нулевая энергетическая активность научного комплекса объяснялась просто — ее действительно не было.

Никто не ожидал наткнуться на военный госпиталь, куда отправлялись раненные на поле боя, но даже в мирное время происходят несчастные случаи и бытовые травмы. Сердечные приступы также никто не отменял, однако кто бы ни пострадал в Либератике, на медицинскую помощь ему рассчитывать не стоило. Ранения могли стать фатальными из-за кровопотери. Переломы грозили увечьями и утратой дееспособности, а инфекционные заболевания всякими осложнениями и даже летальным исходом. Летальным мог оказаться даже порез, своевременно не обработанный и приведший к сепсису. Все это лечилось элементарно, и врачи обеспечивали пациентам почти стопроцентное выздоровление. Вот только обеспечивать его было некому.

Персонала в медицинском комплексе нашлось не больше, чем единорогов на радуге. Специального оборудования — тоже. Во всех приемных, палатах, боксах и кабинетах отсутствовали даже аптечки. По сути, отсутствовали сами приемные, платы, боксы и кабинеты, не говоря уже о лабораториях и всяких технологичных модулях. Внутреннее убранство представляло собой набор перегородок, местами даже не обшитых. Оно напоминало недострой, то есть еще возводимое здание, где гуляют ветра, и где уже законченные этажи сочетаются с едва начатыми. Недостроем, однако,

медицинский комплекс не был, как и все остальные комплексы Либератики. Их соорудили уже давно, и кто бы это ни сделал, с работой он вполне управился, доведя ее до логического конца. Со стороны, с орбиты или прерий Гальтенузы, никто бы и не подумал, что весь университет не более чем подделка.

Самым настоящим в Либератике оказались высотные здания. Такие же бутафорные, как и прочее, они все же выполняли полезную функцию. В них располагалось оборудование, поддерживающее защитный купол. Саму его основу насыщали генераторы, рассредоточенные по периметру внешней стены. Мощные поля наводили верхние этажи. Они же формировали общий контур и проецировали маскировку. Там же работали и волновые установки, считывавшие состояние купола. Испуская направленное излучение, они сводили его к самому высокому зданию Либератики, напичканному примечательной аппаратурой. Его предназначение загадкой не осталось.

По сути, главная высотка была трансляционной башней. Она представляла собой огромную антенну, передававшую сигнал куда-то в космос. Наличие множества видеофиксаторов подсказывало очевидное. Кто-то видел, что происходило в бутафорной Либератике, и видел очень хорошо, практически в режиме реального времени. Имея обратную связь, он удаленно управлял ее системами, командовал боевыми роботами, отдавал приказы звездолетам и контролировал защитный купол. Тот, который как скрывал поддельный университет, так и показывал кому-то просторы Гальтенузы. Для этого на высотках и располагалась мудреная аппаратура. Взаимодействуя с куполом, она обеспечивала маскировку и ретрансляцию. В сравнении с декорациями, ее начинка была совершенной, и свою задачу она выполняла безупречно. Другое дело, зачем? Кому вообще понадобились такие сложности и вся эта исполинская конструкция, пригодная лишь для киностудий и сталкеров? Ответ напрашивался сам собой. Она была нужна тому, кто очень не хотел, чтобы все узнали, где находится настоящая Либератика.

Затишье могло быть обманчивым — уловкой хитрого врага. Изучая фиктивный университет, наемники ожидали, что на них нападут в любой момент, однако охрана по-прежнему бездействовала. Ее роботы ушли в подземные сооружения, куда Ши Меург, без необходимости, соваться не велел. Туда же скрылись и воздушные катера, а также летающие дроны. Либератика словно вымерла, позволяя исследовать себя вдоль и поперек. Поддельная Либератика, судя по ретрансляторам, связанная с настоящей. Той, откуда Инглтон запросил эвакуацию, и где все еще ожидала по-

мощи целевая группа.

Ши Меург оказался на распутье. Он мог отступить, более ничем не считая себя обязанным, либо же продолжить выполнение контракта. Первое оставляло в его распоряжении миллиард, львиная доля которого ушла на сопутствующие расходы. Второе сулило не только четыре, но и кратно больше. Усложнившаяся задача предоставляла основания потребовать увеличенный гонорар. Как наемник, Ши Меург выбрал серьезные деньги. Именно поэтому он не отзывал десант, а продолжал исследовать ненастоящую Либератику с очень даже настоящей передающей аппаратурой. Он надеялся обнаружить ниточку, которая приведет его к оригиналу, и, вероятно, нашел бы, но кто-то этого не хотел. Этот кто-то не стал снова бросать в бой охрану, чтобы не нести бессмысленные потери — он использовал нечто совсем другое. Нечто такое, что, вероятно, заряжалось с самого начала, и теперь было готово нанести удар.

Десант держал ухо востро. Его техника постоянно сканировала окрестности, выискивая малейшую угрозу, и отреагировала моментально, едва почуяла неладное. На общем канале связи раздался сигнал тревоги. Он поступил сразу со множества датчиков, фиксировавших одно и то же. Сбоя быть не могло, о чем свидетельствовал компьютер управления операцией. Чувствительная аппаратура зафиксировала радиационное излучение. Внезапно появившись, оно быстро нарастало, и останавливаться явно не собиралось.

Источник определили оперативно и безошибочно. Он находился под землей — где-то под фиктивной Либератикой, в лабиринте бункеров, тоннелей и катакомб. Там, куда десанту было велено не соваться, чтобы не попасть в смертельную ловушку. Первое, молниеносно принятое решение выглядело вполне логичным. Этот источник следовало немедленно уничтожить. Отдавая приказ, Ши Меург поднял в воздух катера, несущие тяжелые бомбы. Вот только до цели они не долетели. Ее просто не было. Точнее, она была, но не в каком-то конкретном месте, а везде. Судя по обновленным данным, радиация шла сразу отовсюду. Ложная Либератика словно стояла на сковороде, которая с каждой секундой раскалялась все сильнее.

Положение становилось критическим. Анализируя ситуацию, компьютер прогнозировал, что через десять минут излучение станет смертельным. Это подтверждали графики, составленные на основе поступавших данных. Их кривые неуклонно ползли вверх, без всяких рывков и проседаний, что было характерно для набиравших силу установок. Мощнейших установок, способных создавать столь чудовищный выброс радиации на огромной площади.

Ее воздействие становилось вполне предсказуемым. Пострадает даже техника, а люди гарантированно погибнут. Трудно было представить, какое оборудование вообще способно на такое, и какой невообразимый реактор его питал, однако факт оставался фактом. Радиационное излучение нарастало, просвечивая толстенные танки как тонкую бумагу. Не теряя времени, Ши Меург велел оставить все лишнее и объявил экстренную эвакуацию.

Наемники успели выбраться до того, как стало слишком поздно. Бросая тяжелую технику, они покидали Либератику на катерах, быстроходных установках и скоростных платформах. Техники, впрочем, пропало не так уж и много. Роботы прекрасно функционировали самостоятельно и чинно выходили в прерии без участия людей. То же касалось и танков, следовавших заданным маршрутом, а уж тем более и летающих дронов. Некоторые машины Ши Меург и вовсе приказал оставить намеренно. В частности, станции слежения, передававшие информацию на командный пункт. Даже после отхода десанта они продолжали транслировать ее на "Трайберглосс", позволяя фиксировать все происходящее. Правда, не очень долго, потому что распалявшееся излучение вывело из строя даже их.

Ши Меург очень не любил отступать, и уж тем более проигрывать. Сегодня он проиграл, хотя и не по собственной вине. Его ввели в заблуждение, и ввели очень умело. Эвакуируя десант, он мрачно размышлял, не поприветствовать ли ложную Либератику салютом. У "Трайберглосса" достанет мощи обратить ее в дымящиеся руины. Погрузив свои полки на транспорты, он был в одном шаге от того, чтобы отдать такой приказ. Судьбу бутафорного университета решило сообщение от офицера связи. Галактические патрули "Ураниум терраценкорда" передали очень важную информацию. К звездной системе Гальтенузы направлялся чей-то огромный боевой флот, и до его прибытия оставалось совсем немного. Тратить время на месть явно не стоило. Отпустив беззвучное ругательство, Ши Меург велел возвращаться на орбиту. Там, отозвав вторую флотилию, он оставил дредноуты в покое и быстро удалился всеми своими силами.

* * *

Транспортные узлы Либератики располагались повсеместно, но управлялись из централизованных станций. В каждом комплексе была своя. Она координировала движение грузовозов, пассажирских капсул, автономных модулей и вообще всего, что перемещалось по туннелям. Работа автоматики, открытие и закрытие

шлюзов, расписание прибытия и отбытия — всем заправляла такая станция, распределяя нагрузку на сеть узлов. По сути, это была большая диспетчерская, ведавшая своей частью транспортного хозяйства Либератики. Ее персонал обладал высоким уровнем доступа, подчиняясь Брегоунту, но отчитываясь и перед Карлерихом. Некоторые совмещали должности, служа одновременно техническими специалистами и агентами безопасности. Они были кем-то средним между военными офицерами и гражданскими начальниками. Как правило, они имели собственные помещения, откуда руководили группой сотрудников и машин. В одном из таких помещений стоял доктор Грайслер. Внимательно поглядывая на экраны, он быстро вводил в компьютер какие-то данные.

Положение осложнялось. Обнаружив проблему в своем хозяйстве, Карлерих досконально проверил всех подчиненных и ничего не нашел. Это означало, что они чисты, и что его внимание опять переключится на других. В своих подозрениях Карлерих был уверен. Отравившийся оператор наверняка действовал не один. Вернув себе доверие, служба безопасности могла приступить к расширенным поискам, и допускать подобного не стоило. Вглядываясь в записи базы данных, доктор Грайслер вносил туда переплетенные изменения.

Централизованная станция подходила для задуманного лучше всего. Во всяком случае, на данном этапе. Ее принадлежность была выбрана не случайно. Располагаясь в научном комплексе, она обслуживала его интересы и ставила под удар Юбеллу Аперхоун. Учитывая прошлые утечки, она отнюдь не сразу сможет отвести от себя подозрения. На это уйдет какое-то время, а оно сейчас было самым ценным ресурсом. Ложные следы работали, однако их эффективность падала, а продолжительность заблуждений Карлериха сокращалась. В конце концов, он сумеет свести все концы воедино, и тогда поймет, откуда в действительности исходила угроза, и кто конкретно за ней стоял. Он и так подобрался слишком близко, отчего и потребовалось незамедлительно подкинуть ему очередную цель.

Хорошенько все обдумав, доктор Грайслер точно знал, что творил. Хитроумный код старался на совесть. Активированный от чужого имени, он быстро перелопачивал базу данных, подменяя различные записи и создавая иллюзию взлома. Именно иллюзию. Настоящего взлома не было, равно как и сокрытия файлов. Они менялись хоть и упорядоченно, но наугад, зато за большой период времени и во множестве. Карлерих потратит время, прежде чем поймет, что подделка не имела смысла. Вредоносный код не скрывал концы и не удалял нечто такое, чему не следовало попадаться

на глаза. Он сам являлся концом. Ложным концом, заставлявшим искать там, где заведомо ничего не было.

Чтобы создать нужную программу требовалось изрядное мастерство. Как врач, Баюди Грайслер никогда им не обладал, не считаясь настоящим программистом, но с некоторых пор он уже не считался и медиком. Его возможности зависели от того, к чему он получал доступ, а процесс освоения шел настолько быстро, насколько мог оставаться незаметным для окружающих. Сторонняя помощь служила тому подспорьем, отчего фигура биодроида оставалась весьма не лишней. Разумеется, основную работу доктор Грайслер делал сам. Он был командным центром и верховным координатором. Остальные лишь выполняли приказы и служили инструментами, умевшими всякие полезные вещи.

Ходячий компьютер даровал навыки программирования и знание здешних систем, а самовлюбленный юнец отлично подходил на роль проводника. Оперируя терминалом, доктор Грайслер смотрел и их глазами, а они, в известном смысле, смотрели его. Это помогало лучше контролировать ситуацию и своевременно реагировать на опасность. Жаль только, что таких распределенных точек было всего ничего. Выбирая между ускоренным распространением и стратегическим выжиданием, доктор Грайслер делал ставку не на риск. Именно поэтому он и торчал сейчас в централизованной станции, подбрасывая Карлериху очередной ложный след. По той же причине он был вынужден ограничиваться точечными проявлениями.

Пиликнув, компьютер известил, что основная работа программы завершена. В его электронике все еще исполнялся хитроумный код, но этот процесс принял автономный характер. Прямого вмешательства и управления более не требовалось. Уничтожив следы своего присутствия, доктор Грайслер направился к выходу из комнаты. Уже на пороге он обернулся и удостоверился, что все сделал правильно. Стынущее тело контролера лежало там, где и задумывалось, а его компьютер продолжал перекраивать базу данных. Проверив сигнал с видеотранслятора, доктор Грайслер удостоверился, что снаружи никого не было. Выйдя за дверь, он запер ее на кодовый замок и поспешно удалился, так никем и не замеченный. Пора было переходить к следующему этапу. Еще один труп Карлерих проглотит, но следующим станет труп самого Баюди Грайслера.

В медицинском комплексе наблюдалась некоторая нервозность. Сказывались недавние события, не затронувшие лишь студентов. Как лучший специалист, Стефано Ярколич привлекался к проверке службы безопасности, предварительно пройдя ее сам.

Следующую проверку надлежало пройти врачам, чтобы вернуть доверие Карлериха и помочь ему искать злоумышленника, а то и врага. Разница заключалась в том, был ли он инфицирован, и если да, то насколько давно. От времени зависело критически многое, чтобы разбрасываться им попусту. Карлерих как раз собирался нагрянуть к медикам, чтобы скрупулезно просканировать всех и каждого, когда его отвлекли поистине чрезвычайные обстоятельства. Отвлекли они и Ярколича, равно как и другой административный персонал, ибо касались всей Либератики.

Нападения никто не ожидал. Обычно на Гальтенузу заявлялись родственники, чрезмерно опекавшие свое чадо, тоскующие половинки, сгоравшие от любви, или случайные гости вроде космических путешественников и заплутавших кораблей. С такими орбитальная группировка вполне справлялась. Она справлялась и с пиратами, залетавшими раза три-четыре в столетие, и даже с более серьезными угрозами. На крайний случай Гальтенузу подстраховывали дредноуты, способные дать отпор целой флотилии, а также зенитные орудия и многочисленные ракеты шахтного базирования. Все это гарантировало безопасность, но только не от спланированного боевого вторжения, да еще осуществленного явно мастером своего дела. Гальтенуза не создавалась как военная база. Соблюдая определенную репутацию, университет не хотел привлекать внимание целой армией, в которой, по большому счету, просто не было нужды. Не было до недавнего дня, когда кому-то приспичило высадить на планету десант, а потом ворваться в Либератику.

Поставив в известность ректора, Карлерих возглавил оборону лично. Следуя его приказам, сначала охрана отчаянно сопротивлялась. Полностью роботизированная, она уступала захватчикам в бою, не обладая их ресурсами и потенциалом, но упорно мешала все крушить. Параллельно она старалась выяснить, с кем имеет дело, и что послужило причиной хорошо подготовленного нападения. Вскоре это стало ясно. Десант продвигался к какой-то цели, очевидным образом минимизируя ущерб. Это означало, что он не хотел ломать и жечь, и еще меньше хотел человеческих жертв. Отсюда следовал очевидный вывод. Десант нагрянул не спонтанно, ища, чем бы поживиться. У него была конкретная задача, ради которой все и затевалось. Установив это обстоятельство, Карлерих тут же изменил тактику. Отозвав все машины в бункеры, он стал наблюдать, куда идет десант.

Прибытие в парк расставило все точки над i. Поживиться там было нечем. Материальная добыча исключалась, равно как и информационная. Явившись в эти заросли, где находились лишь

подсобные строения, незваные гости сами подсказали, зачем пришли. Их поведение объяснялось только одним. Они кого-то искали, и искали в конкретной точке, что предполагало заведомый сговор. Не обнаружив этого кого-то, они изрядно растерялись и стали соображать, что теперь делать.

Бой Карлерих проиграл, физически не сумев отбить захватчиков, но в итоге условная победа осталась за ним. Узнав, в чем причина вторжения, он собирался установить и его инициаторов. В частности, кто пришел и к кому пришел, а также когда и каким образом они сумели сговориться. К сожалению, примерно тем же решили заняться и гости. Пытаясь уяснить, как их провели, они принялись изучать весь университет и обнаружили, что имеют дело с бутафорией. В этом им Карлерих не препятствовал, ибо возобновление схватки ничего не меняло. Проблема оказалась в том, на своем открытии незваные гости не угомонились. Поняв, что их Либератика поддельная, путем нехитрых умозаключений они предположили, что где-то есть и настоящая. Та, с которой связывается передающая аппаратура, и с помощью которой можно выяснить местонахождение оригинала. Вот этого им позволить Карлерих никак не мог. Дождавшись, когда распалятся реакторы, он тут же пустил их в ход.

В качестве меры предосторожности, реакторы были включены заранее. Карлерих пробудил их до того, как десантные корабли коснулись Гальтенузы. Загвоздка заключалась в том, что такая чрезвычайная мощь за пару минут не достигалась. Чтобы выйти на рабочий режим, реакторам требовалось время. Это время ушло на сопротивление захватчикам и разведку. Затем, когда наступил момент, Карлерих повернул условный рубильник и выплеснул всю накопленную энергию.

Запредельное рентгеновское излучение убивало все живое. Без специальной защиты оно становилось неотразимым, а таковой незваные гости не обладали. Их крейсеру оно было, конечно, нипочем, а вот катерам, танкам, да и любым наземным единицам пришлось бы туго. Увы, от радиации страдала и собственная техника лже-Либератики, но именно потому она и служила последней линией обороны, если не считать самоуничтожения. Не будь дураками, гости сообразили, к чему идет дело. Поспешно отступая, они вернулись на свои корабли и улетели.

Карлерих очень жалел, что собственноручно изгнал захватчиков с Гальтенузы. Он предпочел бы задержать их до прибытия флота, в срочном порядке вызванного с военной базы. Преподав им урок, он лично допросил бы пленных. К сожалению, он не мог допустить, чтобы кто-нибудь установил местонахождение Либера-

тики. Он видел, что имеет дело с профессионалами, чье снаряжение соответствовало последнему слову техники. Их шансы на успех были велики, и Карлерих предпочел синицу в руках журавлю в небе. Само собой, о вторжении он ничуть не забыл, и прощать его не собирался. Ему надлежало выяснить, кто осмелился напасть на Либератику. Еще больше ему хотелось узнать, ради кого это произошло.

Расследование по горячим следам требовало ресурсов. Привлекая многочисленный штат, Карлерих задействовал не только своих сотрудников. Помимо прочего, это и вызывало нервозность медицинского персонала. Это же, что логично, вызывало озабоченность у Баюди Грайслера. Как тот, кто инициировал все события, он понял, что вскоре окажется разоблачен. Чтобы отвести угрозу, ему следовало принять срочные меры, и он их принял. Труп контролера притупит нюх Карлериха, а тело врача, якобы к этому причастного, еще больше запутает следы. На время. Время, за которое ему придется умереть и самому.

Вернувшись в медицинский комплекс, доктор Грайслер получил извещение от Ярколича. Оно адресовалось всем, а не персонально ему, и предупреждало о грядущих событиях. Ввиду усиления безопасности, через сутки активируется особый протокол. Все текущие задачи будут отменены, а любые работы за пределами комплекса приостановлены. Медики получат новые предписания и станут придерживаться их до дальнейших распоряжений.

Послание звучало довольно безобидно, однако доктор Грайслер сразу раскусил его суть. За всем стояла проверка Карлериха. Сутки отводились не по доброте душевной. Рассчитывая спровоцировать врага, он надеялся, что второпях тот сам себя выдаст. Ну а если нет, он соберет всех медиков и закроет на карантин. Покинуть его смогут лишь те, кто полностью сдаст все анализы, и только тогда, когда он просканирует каждого досконально. Избежать этой проверки никому не удастся, а ее результаты гарантированно выявят вторжение.

Доктор Грайслер закусил губу. Такое ускорение событий в планы не входило. Его неизменно холодное мышление быстро пересмотрело ситуацию. Вряд ли Карлерих уже напал на след — он ведь и новый труп еще не обнаружил. Скорее, он хочет побыстрее со всем покончить, чтобы не заниматься сразу двумя острыми проблемами — компрометацией Либератики внутри и нападением на нее снаружи. Разобравшись с одной из них, он сумеет сконцентрировать силы на другой, такой же вопиющей и потенциально взаимосвязанной. Что ж, в рациональности ему не откажешь. Нахмурившись, доктор Грайслер машинально посмотрел по сторонам

и увидел знакомую фигуру. Расстояние оказалось немалым, но не узнать эти рыжие волосы было невозможно.

Нанеся визит Ярколичу, Эрвина вызвала транспортную капсулу. Ожидая ее прибытия, она теребила локон и переминалась с ноги на ногу. Впившись в нее взглядом, доктор Грайслер переключился на свой план. Пожалуй, настал черед следующей фазы, в которой свою роль сыграет и рыжая девица. Вот только какую — он еще не решил, отчего и глядел на нее испытующе, словно стараясь проникнуть в потаенные мысли.

Подойдя, капсула с шелестом отворилась. Шагнув к двери, Эрвина уже хотела войти, как вдруг замерла. Заметно вздрогнув, она повернула голову и стала осматриваться так, будто кого-то искала. Искала внимательно и целенаправленно, пока, в конце концов, не посмотрела на Грайслера. Тут она снова вздрогнула и стала присматриваться к нему особенно тщательно.

— Она что, меня видит?! — беззвучно поразился доктор Грайслер. — Невероятно…

Отведя глаза, он погасил в мышлении образ Эрвины и сделал вид, будто ничуть ей не интересуется. Реакция наступила незамедлительно, словно разорвалась незримая связь. Лицо рыжей девушки отразило растерянность и недоумение. Она выглядела как гончая, чуявшая близость добычи и внезапно потерявшая след. Отведя взор от Грайслера, она опять стала оглядываться по сторонам. Затем, проводя рукой по лбу, как-то устало села в капсулу и уехала.

— Возможно, я подошел к делу не с того конца, — шевельнул губами доктор Грайслер. — Что ж, это недолго исправить.

Отчет для Ярколича много времени не занял. По большей части, он был составлен заранее, в русле развития плана. Придя на рабочее место, доктор Грайслер лишь слегка его скорректировал, добавив подробности о Сайлусе и обманчивые данные для Карлериха. Это обеспечивало ему прикрытие, достаточное для ухода со сцены. Подписав файл, он поставил его отправку на таймер и занялся последними приготовлениями. Оставаться в медицинском комплексе было слишком опасно, но и покинуть его просто так доктор Грайслер не мог.

Вечерело. Вернувшись от Ярколича, Эрвина прошла в свою комнату, где устало опустилась на кровать. Очередная вылазка удалась. Главный медик был очень взволнован, однако на ее счет ничего не подозревал. Другое дело, как надолго? Ведь друзья вляпались дальше некуда. Провал с эвакуацией был настолько эпичным, что хуже и не представить. Провал, причем, необъяснимый, поскольку никто не понимал, куда подевался десант, и что они, собственно, видели. Гальтенуза в системах Либератики и Гальте-

нуза своими глазами представали разными реальностями. Это смахивало на бред наяву. Эрвина решила бы, что она чокнулась, но друзья свидетельствовали то же самое и вменяемой версии не находили. Легче, впрочем, ей от этого не становилось. Голова у Эрвины шла кругом, а нервы зашкаливали. Мечтая о ведре успокоительного, она выпила литра два мятного чая и продолжила предаваться невеселым думам.

Комната погружалась в полумрак. За окном сгущались сумерки, а лампу Эрвина не зажигала, ограничиваясь рассеянным светом уличных фонарей. В комнате она была одна. Элеонора ушла улаживать что-то с Алией. С тех пор, как эвакуация не состоялась, та каждому дала задание. Спрятавшись в гроте, друзья собирались покинуть Либератику навсегда, и неожиданный поворот грозил им скорым разоблачением. Карлерих вполне мог сообразить, откуда и зачем явился десант, и за кем именно он пришел. Всем срочно требовалось алиби, организацию которого и взяла на себя Алия. Следуя ее указанию, друзья отправились кто куда. Эрвина как раз и ходила к Ярколичу, которому снова наплела с три короба.

Вспоминая, все ли сделала правильно, Эрвина вспомнила и еще кое-что. На обратном пути произошло нечто странное. Она снова почувствовала, будто кто-то вот-вот появится у нее в голове, и это ощущение приходило из конкретного направления. Пытаясь определить, откуда, она долго осматривалась, однако ощущение развеялось так же неожиданно, как и возникло. Списав его на усталость, Эрвина вернулась домой, только совсем отделаться о мысли он нем не могла. Это бывало с ней не впервые, и повторялось все чаще, по мере того, как продвигалось "обучение" в Либератике. Подозревая связь, Эрвина переживала все сильнее, ибо боялась, что ее галлюцинации вызваны перестроением мозга и потерей личности. Она ведь не знала, как это станет проявляться, что лишь усиливало гнетущие страхи, и особенно перед неизвестным.

Подсвечиваясь зеленым, темнота не расступалась. В ней даже видно лучше не становилось. Менялась лишь окраска мрака, начинавшего заполонять углы комнаты. Думая о своем, Эрвина не сразу это поняла, а когда заметила, протерла глаза. Зеленоватый — нет, скорее изумрудный отсвет разбавил свет уличных фонарей, слабо струившийся в тихую комнату. Разбавил, но не усилил, не прибавив в освещенности, зато изменив цветовую палитру. Эрвина, до хруста, стиснула пальцы. Ну вот, снова у нее галлюцинации! Нарушение зрения могло быть следствием нарушения восприятия. Или наоборот. Кто бы удивился, приведи недавние потрясения к проблемам с психикой. Встряхнув головой, Эрвина рассыпала во-

лосы по плечам. Резкое движение встряхнуло кровь и ворвалось в сознание ярким образом.

По дому, минуя холл, шел зеленый свет. Бесшумно ступая, он свернул налево и быстро приближался, явно зная, куда направляется. Становясь все ярче, он уверенно сокращал расстояние, и вот уже очутился за дверью, остановившись прямо за ней. Ощущая его присутствие, Эрвина внезапно ощутила и проникновение. В ее сознании, проявившись из ниоткуда, объявился источник мыслей. ЧУЖИХ мыслей, порождавшихся воплощением энергии и как энергия же лучившихся. В сравнении с водой, разум Эрвины был океаном, в котором возникло новое, отличное по составу воды течение.

Ощущение стало последней каплей. Прекрасно понимая, насколько все это ненормально, Эрвина тихо охнула. Подпрыгнув, ее сердце замерло, а потом забилось в утроенном пульсе. Сумасшествие, любая форма помешательства тут были не при чем. Сознание менялось. Менялась личность, а вместе с ней формировался и другой человек. Вероятно, все происходило именно так. Прежнее "Я" давало трещины, погружалось в хаос и рассыпалось как мозаика. На его основе вырастало другое, более сильное и развитое, но предыдущее этого уже не видело и не воспринимало. Дети ведь тоже продолжение своих родителей, только генетическое. Умирая, разум отца или матери в них не переходит. Став основой для новой жизни, они исчезают, и исчезают безвозвратно, как задутая свеча во мраке космоса.

Эрвина сглотнула. Не так она представляла свой конец. Сгинуть в пучине безумия, растаять мыслями во тьме — лучше уж погибнуть героем, продолжив друзьям путь к спасению из Либератики. Но именно Либератика брала свое. Заманивая студентов в ловушку, она уже никогда и никого не выпускала, и Эрвина не стала исключением. Ее время было на исходе. Зеленый свет горел ярче чем когда-либо, и на сей раз гаснуть не собирался. Схватившись за голову, она попыталась избавиться от этого навязчивого видения, но то никуда не уходило.

— Открой, — вместо этого произнесло оно. — Открой мне дверь.

Застонав, Эрвина стиснула зубы, отчаянно сопротивляясь сумасшествию. Стало только хуже. Ее пылающий мозг ясно ощутил чужое присутствие, как там, в коридоре, так и в своей нейронной структуре.

— Открой, — снова сказало видение. — Открой — я знаю, ты меня слышишь.

Нервы Эрвины не выдержали. Глухо вскрикнув, она подскочила как лопнувшая пружина. Ринувшись к двери, она рванула ее

так, словно хотела сломать реальность. Дверь шумно распахнулась. Вся трясясь, Эрвина уставилась в проем, ожидая увидеть пустоту и удостовериться в своем безумии. Пустоты не было. Безумия, возможно, тоже, поскольку на пороге действительно кто-то возник. Кто-то, кого Эрвина видела прежде, и кто уже вызывал у нее странные ощущения. Перед ней стоял тот врач, который приходил к Сайлусу. Стоял физически, но именно он и проявлялся в сознании тем якобы несуществующим огнем. Тут же став сильнее, он вспыхнул в разуме Эрвины лучистой звездой. Обомлев, она сделала шаг назад, даже не понимая, свихнулась или нет.

— Позволите войти? Нам надо о многом поговорить, — вежливо сказал доктор Грайслер, чьи глаза застилал насыщенный изумрудный свет.

– 11 –

Вселенная была стара. Медленно угасая, она неизбежно шла к своему логическому концу. Его исход был предрешен и просчитан, неминуем и очевиден. Неторопливо приближаясь, он олицетворял саму судьбу, чье молчаливое безразличие готовилось поставить последнюю точку. Его шаги были неспешны. Вселенские процессы протекали как и прежде. Материя накапливалась и распадалась, нагревалась и остывала. Энергия преобразовывалась и рассеивалась, ее запасы перераспределялись и выравнивались. Все это происходило неизменно, с незапамятных времен, согласно фундаментальным принципам мироздания. И именно поэтому финал становился предсказуем, подлежа точному расчету.

Времени оставалось много. Очень много, поскольку угасание Вселенной не означало ее мгновенную гибель. Дряхлея, она все еще жила полной жизнью — просто конец этой жизни забрезжил на далеком горизонте. Грядущий закат предполагал целую эпоху, неспешно уходящую в глубокую старость. Ее следовало принять как данность. Кипучая юность переходит в зрелую рациональность, а она, в свою очередь, мудрое созерцание. Достичь его удается не всем, а кому выпадает такой жребий, его стоит воспринимать как дар, а не проклятье. Но именно этого они сделать и не могли. Те, кто постиг вселенские процессы до самого основания, кто научился ими управлять, и кто не собирался исчезать просто так. Величие, достигнутое в развитии, превратилось в манию. Оно не позволяло мириться с неизбежным и велело переписать естественный порядок вещей. Переписать под себя, как уже давно переписывалось все остальное.

Схане'ярвы были очень древней цивилизацией. Древней и

ныне единственной. В известном смысле, даже не цивилизацией, а формой энергии, научившейся существовать без большинства физических ограничений. Зародившись на заре Вселенной, они прошли с ней долгий путь, проникли в ее тайны и обратили их себе на службу. Обретя огромную силу, они стали всемогущи, насколько это вообще возможно. Они преобразовывали пространство, заполоняли пустоту всем из ничего, мгновенно передавали мысли на любое расстояние и обрели вечную жизнь. Вечную по меркам Вселенной. И вот она стала угасать. Как и все на свете, она имела свое начало и свой конец, но это был не приговор. Согласно принципу бесконечности, однажды на ее месте возникнет новая Вселенная, и все процессы будут перезапущены заново. Родится новый мир, и появится в нем новая жизнь, как новые законы физики и новое устройство бытия. Вот только схане'ярвов там уже не окажется, и их это решительно не устраивало.

Разбираясь в устройстве мироздания, схане'ярвы точно понимали, что их ждет. Скрупулезные расчеты, проделанные с абсолютной точностью, моделировали закат Вселенной вплоть до самого конца. Ошибка исключалась. Если не произойдет некого чуда, предсказанный сценарий разыграется как по нотам, с погрешностью в век-другой. Но в чудеса схане'ярвы не верили. Во всяком случае, чужие. Став богами своей Вселенной, они были единственными, кто мог их сотворить. И однажды именно это они и решили сделать.

Могущество схане'ярвов было велико. Они обращались с миром как с податливой глиной в руках умелого гончара. Они лепили из нее что хотели, и воплощали любые свои фантазии. Вооруженные знаниями, они подчинили себе почти все, а что не подчинили, то успешно использовали в собственных интересах. Тайны материи, загадки энергии давно перестали для них существовать. Зная досконально, что и как работает, схане'ярвы умели этим управлять. Они прекрасно понимали, как одно перетекает в другое, а исходные ресурсы трансформируются в прочие. Они упирались только в ограниченность этих ресурсов, чей предел установила сама Вселенная. При существующем порядке вещей они не могли преобразовывать все бесконечно долго. И тогда схане'ярвы собрались переделать порядок вещей.

Суть идеи могла показаться фантастикой и даже безумием, но только для тех, кто не достиг могущества бессмертного разума. Схане'ярвы решили перезапустить свою Вселенную, однако сделать это постепенно и при собственной жизни. Они не хотели устроить мгновенный коллапс, и уж точно не желали сгинуть в распаде преобразования. Единожды начавшись, процесс развивался

бы от исходной точки. Мало-помалу он разделил бы известное пространство, постепенно забирая все от старого и прибавляя к новому. Тогда, не спеша, схане'ярвы сумели бы оставить угасавший мир и перебраться в грядущий; фактически тот же, только появившийся не спонтанно, на месте исчезнувшей Вселенной, а перерожденный под их чутким руководством.

Для тех, кто достиг божественного уровня, задача представлялась вполне реальной. Технические подробности простому изложению не поддавались, да и понимаю тоже. Менее развитый ум был не в состоянии постичь даже азы, не говоря уже о полном осознании замысла. В грубейшем приближении, речь шла о создании обратной Вселенной. Такой, где материя и антиматерия менялись местами, электрический ток тек в другую сторону, а отражение в зеркале становилось оригиналом. Схане'ярвы не боялись физического распада и утраты себя. Как форма энергии, они вполне могли пережить преобразование, став иными в основе, но сохранив сознание неизменным, а знания нетронутыми.

Установив, что перезапуск Вселенной достижим, схане'ярвы принялись все рассчитывать вдоль и поперек. На это ушло немало времени, однако сущая ерунда по меркам бессмертного разума. Владея огромными ресурсами, они задействовали все, что могло приблизить заветную цель. Над ней работали их лучшие умы, целые регионы и исполинские космические комплексы. И однажды судьбоносный момент наступил. Неоднократно все перепроверив, Схане'ярвы доказали не только теорию перезапуска, но и нашли реальный способ. Тогда они создали инструмент, с помощью которого он стал осуществим. Накопив критическую массу, схане'ярвы выпустили его во Вселенную, положив начало задуманному преобразованию.

Инструмент, изобретенный схане'ярвами, по сути напоминал их самих. В его основе лежала энергия, которая подчиняла себе материю и переписывала ее структуру. Эта энергия была неразумной, а лишь исполняла, как машина, заложенную в ней программу. Ее сложность, приближенность к самим схане'ярвам, диктовалась сложностью возложенной задачи. Энергетический образ был чем-то средним между компьютером и некой их копией. Только так, обладая великой мощью, он мог справиться с перезапуском Вселенной. Став ее основой и источником, он уподоблялся камикадзе. Запуская преобразование, он и сам исчезал в нем бурным выбросом, формируя новую действительность и прокладывая туда дорогу своим создателям. Служа катализатором реакции, он сгорал в ней как топливо, а затем выпадал физическим осадком, будто придонное отложение в кристально очищенной воде. Отло-

жение, которое становилось благодатной средой для рыб и водорослей. Сообразно логике процесса, эту неживую энергию нарекли Ил.

Работы предстояло много, но чтобы понимать ее масштаб, требовалось знать, в чем она заключалась. Понятия Вселенной и космоса зачастую используются как синонимы, однако это совсем не одно и то же. Космос — это пространство между находящимися в нем объектами, вроде звезд и планет, которых где-то великое множество, а в иных регионах нету вовсе. Это не обязательно пустота и сплошной вакуум. Частички газа и пыли, энергетические поля и различные виды излучения наполняют его как вода океаны. Вселенная же — это общая совокупность и космоса, и всего, что в нем содержится, начиная от галактик и заканчивая самым крошечным астероидом. Перезапуск требовал реконструировать это все, от первого до последнего проявления энергии и вещества, но тут следовало сделать важную оговорку. Отнюдь не единственная в мироздании, одна из Вселенных редко походила на другую.

Вселенная схане'ярвов не имела галактик, звездных систем, да и самих звезд. Там не было планет, комет и астероидов. Это была ИНАЯ Вселенная, со своими основами и законами. Сравнивать ее с какой-то еще, применяя некие лекала, выглядело так же логично, как топить очаг водой или закрываться от света с помощью линзы. Ее устройство было понятно лишь тому, кто в ней жил, и рассказать об этом вкратце возможным не представлялось. Рассказать кому-то другому, кто о схане'ярвах никогда не слышал и даже о своей Вселенной почти ничего не знал. Как тут объяснишь, что такое Светила? И как донесешь их разделение на сущности, не имевшие ничего общего с классификацией звезд? Эта задача выглядела нетривиальной, но без понимания основ было трудно понять и остальное.

Отсутствие звезд не означало, что Вселенная схане'ярвов пребывала во мраке. Скорее, дело обстояло наоборот. Свет там был везде. Он свободно проходил через все, что считалось материей, и тени не отбрасывал. Для разных нужд, зоны затемнения создавали схане'ярвы, искусственно блокируя излучение Светил второй экстрадинации. Как пространственные образования, существующие сразу в нескольких физических состояниях, они напоминали органическую жизнь и даже пульсировали, но светом, и к живой органике отношения не имели. Ничего другого вторая экстрадинация не делала. Распределяясь по Вселенной, она служила в ней своеобразной сетью фонарей, непрерывно озарявших огромные регионы, но больше ничем. Впрочем, это касалось всех сущностей Светил, ибо каждое из них выполняло строго отведенную

ему функцию.

Третья экстрадинация даровала энергию. Ту самую, которую можно было преобразовать как угодно и во что угодно, исключая свет, который ни во что не преобразовывался. Эти Светила не разгоняли тьму, хотя их лучащаяся основа также проникала повсеместно. Ее можно было накапливать и собирать, трансформировать, перенаправлять, концентрировать и развеивать. Никаких ядерных реакций в третьей экстрадинации не протекало, как, впрочем, и в других. Они походили друг на друга, отличаясь лишь исходной структурой и принципом распределения в пространстве. Третьей экстрадинации было кратно больше, и по отношению ко второй она напоминала сотни детей, расселившихся вокруг каждого родительского дома.

За пространственную стабильность отвечали Светила таулора. Как таковой, гравитации во Вселенной схане'ярвов попросту не существовало. Сопряжение объектов, их взаимное движение и прочие процессы такого рода порождались влиянием этих Светил. Они определяли, где верх, где низ, куда стремились материальные потоки и вокруг чего концентрировались физические воплощения вещества. Контролируя и распределяя излучение таулора, схане'ярвы управляли всем и вся, начиная от условной антигравитации и заканчивая телепортацией. Скорость, состояние покоя, притяжение или форма защитного поля — это было лишь величинами, подлежащими несложному перестроению. Таулор служил источником эффекта, который проявлялся во Вселенной в зависимости от конкретных условий. Рассыпанные в великом множестве, эти Светила образовывали раздельные сектора, как клетки внутри тела. В одной фигуральной галактике был свой уровень гравитации со своими направлениями сторон, а буквально в соседней — совершенно другой.

Особую роль играли Светила гистерезиса, рассыпанные в такой же значительной численности, как и предыдущие. Несмотря на то, что сопряжением объектов заправлял таулор, на все их внутренние процессы влиял именно гистерезис. Он же порождал реакцию на окружающий мир, вызывая адаптивную реорганизацию. Вещество откликалось в зависимости от полученного импульса, когда приходя в движение, а когда перестраиваясь. Гипотетический палец, толкнувший шар, производил некое действие, соответствующее Светилу гистерезиса. И шар не обязательно смещался в направлении приложенной силы. Он мог повести себя и как гироскоп, что тоже полностью зависело от проявления гистерезиса, а мог изменить внешний вид, структуру, или запустить некую реакцию. С помощью гистерезиса контролировалась основа любого

вещества и взаимодействие форм энергии. Тот, кто постиг его и научился им управлять, становился поистине всемогущ.

Светила первой экстрадинации несколько выбивались из общего порядка. Их было меньше всего. В сравнении с остальными — считанные единицы, и распределялись они довольно равномерно по всей Вселенной. Они не источали свет, какую-либо применимую энергию, и не воздействовали на состояние вещества. Их излучение фиксировалось, но не управлялось, и формально не оказывало никакого влияния на все остальное. Казалось, они вообще никак себя не проявляли. Они просто БЫЛИ. При этом они служили фундаментальной основой мироздания.

Потеря любого Светила первой экстрадинации грозила Вселенной непредсказуемыми последствиями. В ней мог возникнуть или исчезнуть целый регион, образоваться пустота, видоизменить-ся какая-то материя или же нарушиться излучение других Светил. Первая экстрадинация была и фундаментом, и несущими колоннами, поддерживающими комплексное здание мира. Как его перекосит, как в нем перераспределится нагрузка, если одну из опор внезапно убрать — заведомо никто не знал. Светила первой экстрадинации воспринимались как данность, а их перерождение стало самой сложной задачей, возложенной на Ил схане'ярвами.

План по перезапуску Вселенной был хорош, но только в теории. Несмотря на свое могущество, прежде схане'ярвы ничего подобного не проделывали и опыта такого рода не имели. Все их прогнозы строились на основе аналитических выкладок, виртуальных расчетов и наборе отдельных экспериментов. Ограниченные лабораторией, они ограничивались условиями и масштабом, а это накладывало свои особенности. Зачастую разница в процессах, протекающих в макро и микромире, настолько велика, что смахивает на разницу во Вселенных. Моделируя работу Ила, схане'ярвы исходили из известных им данных, лишь предполагая то, чего прежде не было. Создав новый вид энергии, они обратили ее на сущности, чье воздействие на Вселенную оставалось в принципе непредсказуемо. Минус на минус дает плюс только в математике. Две ключевые неопределенности вряд ли породят именно совершенство. Одна плохо известная переменная вступила во взаимодействие с другой, и было бы поистине странно, пойди все как по маслу. Выпущенный на простор, Ил с энтузиазмом принялся за дело, но вскоре выяснилось, что совсем не так, как себе представлял кто-либо из схане'ярвов.

Теория, как это часто бывает, начала расходиться с практикой. Перезапуск Вселенной стартовал весьма бурно. Стремительно разрастаясь, Ил быстро захватывал огромные пространства. Рас-

пределяясь повсеместно, он поглощал множество Светил, кратно наращивая свою эффективную массу и потенциал. На их месте образовалась пустота, насыщенная его свечением. Полная пустота, ибо вместе со Светилами он прихватил и все содержимое регионов. В целом, это соответствовало замыслу схане'ярвов. Чтобы поддерживать мощь, Илу требовалось чем-то подзаряжаться. Крошечный сгусток просто не мог перезапустить всю Вселенную. Распространяясь по секторам, он должен был забирать часть материи и энергии, трансформируя их в себя, и лишь затем заниматься полезной отдачей, создавая новую материю и энергию. Однако здесь-то замысел и дал сбой. Продолжая расширяться, Ил поглощал Светило за Светилом, структуру за структурой, регион за регионом, оставляя лишь наполненную собой пустоту. Когда она превзошла все мыслимые прогнозы, схане'ярвы сообразили — что-то идет не по плану. Желая скорректировать процесс, они попытались вмешаться, и этим сделали только хуже.

Ил действительно перезапускал Вселенную, однако совсем не так, как рассчитывали его создатели. Скопировав его с себя, они придали ему уникальные возможности, чем позволили творить небывалое, но тем самым совершили и ошибку. Ил адаптировал стратегию самостоятельно, исходя из объективных факторов. Согласно им, самый эффективный перезапуск получался тогда, когда он оставался цел, а не исчезал в преобразовательном распаде. Руководствуясь этой логикой, Ил взял ее за основу, и она тут же породила две особенности.

Преобразовать Вселенную, не жертвуя собой, Ил не мог по самой сути замысла. Исходя из этого, он стал наращивать массу быстрее, чем ее терял. Но терять ее безвозвратно он не хотел. Неживое не желало умирать. Эту проблему он решил коллективностью восприятия. Ил больше не подразделялся на самостоятельные частички. Точнее, подразделялся, но все они образовали целое, просто распределенное на множество точек. Ил стал всеми этими точками сразу и каждой в отдельности. Когда часть из них терялась, он никак не страдал, пока наращивалась масса и пока ему было где хранить свою энергетическую сущность и структуру. По сути, Ил превратился в единый неживой организм, чья эффективность кратно возросла.

Казалось бы, саморазвитие Ила шло схане'ярвам лишь на пользу. Совершенствуясь, их инструмент мог перезапустить Вселенную быстрее и эффективнее, подавляя любое ее сопротивление. Он и подавлял. Но он подавлял ЛЮБОЕ сопротивление, к каковому относилось и вмешательство схане'ярвов, а Вселенную при этом он перезапускал ПОД СЕБЯ.

Уникальность, присущая копии высшего разума, сыграла злую шутку. Стремясь к поставленной задаче, Ил считал ее выполнение наивысшим приоритетом. Для этого у него все средства были хороши, причем не только созидательные. Саморазвитие сопровождалось и самозащитой, заложенной в нем для противостояния со Вселенной. Он сопротивлялся любому, кто ему препятствовал. Пытаясь его изменить, дабы исправить выявленные ошибки, схане'ярвы не оказались исключением. Воспринимая их действия как угрозу, Ил не отнесся к ней безучастно и отреагировал.

Схане'ярвы не сразу поняли, что происходит, а когда разобрались, открывшаяся перспектива им совершенно не понравилась. Переделывая Вселенную под себя, Ил переделывал и самих схане'ярвов. Существовать в его творении они физически не могли. Для них оно представлялось всепоглощающей пустотой, а любое взаимодействие с Илом заканчивалось одинаково. Ему было безразлично, кого преобразовать — Светило, регион или своих создателей. Он перемалывал всех, и чем больше схане'ярвы пытались ему помешать, тем агрессивнее он к ним относился.

Установив, что не в состоянии повлиять на Ил, а всякий контроль над ним потерян, схане'ярвы решили его уничтожить. Задача представлялась энергозатратной, но довольно простой. Обладая огромными возможностями, бессмертный разум вполне мог испепелить целый регион. Не один регион — множество регионов, ибо к тому моменту Ил распространился очень далеко. За бомбардировкой дело не стало. Целые Светила, превращенные в оружие, жгли все подряд направленным излучением. Погруженные в энергетический хаос, регионы распадались и переставали существовать. Существовать переставало и все, что в них находилось.

Успех казался несомненным, но только на первых порах. Уничтожая Ил, схане'ярвы действовали грубой силой, несколько пренебрегая логикой. Они не приняли во внимание, что теперь имеют дело не с разрозненной структурой, а единой. Отсекая от Ила части, они ничуть не вредили целому. Конечно, постепенно они истребили бы его до конца, ликвидировав все пораженные регионы, вот только Ил продолжал развиваться. Он походил на гидру, у которой вместо одной отрубленной головы вырастало две. И эти две прекрасно помнили, что произошло с их предшественницей, учась и делая выводы.

Ил разрастался быстрее, чем его уничтожали. Теряя регионы бомбардировками, схане'ярвы теряли их и под его экспансией. Пока они зачищали его в одном месте, Ил гораздо больше расширялся в другом. Стратегия локальных ударов утратила эффектив-

ность. Пересмотрев подход, схане'ярвы разработали новую. Чтобы остановить Ил, требовалось лишить его притока ресурсов. Иными словами, создать рубеж, перебраться через который он был бы не в состоянии. Тогда, не позволяя расширяться, схане'ярвы уничтожили бы его по частям, оставив без энергетической подпитки и ослабляя по мере ликвидации.

Привлеченные силы были велики. Обуздывая свое детище, схане'ярвы стянули к нему серьезную мощь. С проблемой взбунтовавшегося инструмента, становившегося проблемой для Вселенной, следовало покончить раз и навсегда. Учитывая масштаб происходящего, это была уже не простая техническая операция. Схане'ярвы открыто выступили против Ила, и тем самым спровоцировали все дальнейшие события. Если доселе он как-то мирился с их нападками, то теперь ему не оставили выбора. На пути перезапуска Вселенной возникло препятствие, и Ил окончательно решил, что его создатели — главная тому угроза. В тот момент его приоритеты изменились. Ил по-прежнему стремился к своей конечной цели, но для ее успешного достижения он поставил себе промежуточную задачу. А именно — избавиться от схане'ярвов, как единственной силы, способной ему помешать.

Напав на Ил, схане'ярвы допустили очередную ошибку, однако не тем, что вообще напали, а тем, что ударили недостаточно сокрушительно. Ил сумел уцелеть. Более того, он сумел прорваться и захватить сразу множество регионов. Скорость его распространения увеличилась на порядок. Прежде он все преобразовывал, что занимало определенное время. Теперь же он сосредоточился только на истреблении схане'ярвов. Потерпев поражение, те отступили, но вскоре атаковали вновь. Собрав целую армаду, они выступили широким фронтом и сумели добиться успеха, однако лишь временного. Могущество Ила стало слишком велико. С ним уже нельзя было справиться как со спятившим легионом роботов. Отразив натиск схане'ярвов, он уверенно держал позиции, а потом перешел в контрнаступление. Сдав множество регионов, он сдал их намеренно и взамен захватил еще больше новых. Схане'ярвы снова отступили, группируя силы, и снова ударили, привлекая все больше ресурсов. Ил ударил в ответ, завязав ожесточенное противостояние. Настолько, что теперь уже никто не мог отрицать очевидное. Это была война. Война тотальная, на уничтожение.

Временной промежуток был огромен, как огромна и Вселенная. Сражения с Илом превратились в нечто обыденное, перманентное. Они сформировали целую эпоху, в течение которой схане'ярвы искали выход из положения. Они разрабатывали все

новые методы войны, придумывали хитроумные способы совладать с изворотливым врагом. Над проблемой бились лучшие аналитики, стратеги и силовики. Много раз им удавалось переломить ситуацию, достигая значительного успеха, и неоднократно они полагали, что теперь окончательно одержат верх. Затем всегда наступал откат. Такой, в результате чего схане'ярвы не только утрачивали весь прогресс, но и отступали.

Оценивая ход противостояния, прозорливые умы заподозрили неприглядную истину. Для большинства схане'ярвов проблема была лишь временной, хоть и растянувшейся надолго. Они не сомневались в своей победе и каждую неудачу воспринимали как ценный опыт, после которого наступит решающее преображение. Только немногие видели все иначе. Отбросив иллюзии величия и несокрушимости, они предвидели, что война будет проиграна. Выпустив джинна из бутылки, они уже не смогут его остановить, а полное перекраивание Вселенной становилось лишь вопросом времени. Усвоив, что к чему, они уже не зацикливались на войне и пытались найти альтернативный выход из положения.

Астробион был случайностью. Ил больше не преобразовывал Светила — во всяком случае, все. Нанося урон схане'ярвам, он ввергал их в коллапс. Технически, Светила превращались в исполинские астробомбы, а их детонация наносила огромный урон. Касалось это и первой экстрадинации. Разрушая фундаментальные основы, Ил ничего не терял, поскольку был един повсеместно. Гибель отдельных частей не влияла на целое. Схане'ярвы же несли потери, иной раз весьма существенные, когда с карты мира исчезали целые гроздья регионов. Обычно коллапс первой экстрадинации приводил только к хаосу и разрушениям, но однажды произошло нечто неожиданное. Непредсказуемость этих Светил вылилась в удивительную форму. По сути это тоже было разрушение, причем в самой ткани мироздания, однако оно произвело доселе неизвестный эффект. Схане'ярвы узнали о существовании другой Вселенной. Не просто узнали, но и сумели наладить с ней контакт. Это сопряжение и было названо Астробион.

Основой послужило стечение обстоятельств. Исследуя черные дыры, человечество частенько запускало рядом с ними научные станции. Некоторые — очень близко, насколько это позволяли их скромные технологии. Персонал составляли инженеры, ученые и техники. На станциях они не только работали, но и жили по многу лет. Одинокие и семейные, они воспринимали их как мобильный дом. Это были самые разные люди, разного происхождения и с разными особенностями. Как правило, никто из них не отличался чем-то выдающимся, но один, волею случая, оказался тем, кого

обычно именовали экстрасенсом. Таким, который смог уловить энергию из другой Вселенной и принять в себя инородный разум.

Черная дыра стала вторым случайным фактором, ибо окажись экстрасенс в другом месте, ничего бы не получилось. Ее внутренняя гравитация была столь чудовищна, что разрывала не только материю, а и сами законы физики. Согласно им, ничто не вырывалось за ее пределы, но к этому ничто не относилось бесплотное сознание из другой Вселенной. Коллапс первой экстрадинации с одной стороны и черная дыра с другой вызвали сопряжение в ткани мироздания, соединив то, что существовало по раздельности и контактировать никак не могло.

Перейдя неизвестно куда, первопроходец схане'ярвов не сразу понял, где очутился, а когда осознал, захотел сообщить обо всем в свою Вселенную. Проблема заключалась в том, что экстрасенс принял только его, и это был одноразовый процесс. Заменив исходную личность, схане'ярв уже не мог использовать ее как приемник или транслятор. Он полностью освоился в новом теле, которое стало вместилищем его сознания, но оно же стало и узилищем. Сообразив, как все произошло, первопроходец решил воспроизвести этот процесс. Чтобы установить контакт с другой стороной, ему требовалась помощь.

Время поджимало. По меркам бессмертного разума, человеческое тело жило совсем недолго, и ничего с этим поделать первопроходец не мог. Здесь, в этой Вселенной, он существовал лишь в уязвимой органической оболочке. Его конец стал неизбежен, но чтобы не умереть понапрасну, он попытался его оттянуть. Он был не каким-то жалким аборигеном, а представителем древнейшей высокоразвитой цивилизации. Накопленные знания схане'ярвов сыграли ключевую роль. Разобравшись в азах новой Вселенной, ее законах и биологической жизни, он сумел продлить свои годы на триста лет, и потратил их с пользой.

Поиски пригодного носителя решали все. Без него усилия первопроходца не имели смысла. Со смертью одиночки они пошли бы прахом, а Астробион так и остался бы непонятой дорогой в никуда. Первопроходцу повезло, что стало третьим случайным фактором. Второй носитель был менее восприимчив, но все же подходил для контакта с инородным разумом. Помещенный к черной дыре, он мог стать вместилищем схане'ярва. К тому моменту первопроходец уже одряхлел. Сумев отыскать преемника, он возликовал, и тут же сообщил об этом в свою Вселенную.

Связь была односторонней. Она воплощалась в виде специального челнока, сконструированного благодаря уникальным знаниям схане'ярва. Падая в черную дыру, он уносил с собой инфор-

мацию, которую и передавал в другую Вселенную за кратчайший миг распада. Передавал совсем немного — самую малость, однако запуская челноки вновь и вновь, первопроходец надеялся сообщить достаточно, чтобы его услышали и поняли. Ведь сам он пока ничего принять не мог, отчего работал исключительно вслепую. Но его услышали. И поняли. Снабженный полученными сведениями, преемник сумел попасть в подготовленного носителя. Уверенно обосновавшись, он стал помогать первопроходцу, и принял у него дела до того, как тот скончался от старости.

Переселение второго схане'ярва стало поистине решающим. Он прибыл уже не наугад, а целенаправленно, и вооруженный важнейшей информацией. Передавая данные, челноки первопроходца сыграли свою роль. В его родной Вселенной закипели выдающиеся научные умы. Постигая возможности Астробиона, они возвели новый комплекс, позволявший устанавливать контакт. Нечто подобное теперь надлежало построить и по другую сторону. Разумеется, сперва в упрощенном варианте, исходя из доступных возможностей. Крайне ограниченные, они не позволяли сделать все и сразу, если вообще сделать. К счастью, первопроходец успел очень многое. Он оставил преемнику ресурсы, добытые в человеческой среде, техническую базу, собранную за пару веков, и полезные связи. Также он оставил ему массу собранной информации, свои записи, теории и предположения. Обладая всем этим, преемник не действовал вслепую. Он уже имел преставление, как происходит внедрение схане'ярва, и что для этого необходимо. Оснащенный знаниями и техникой, он усердно принялся за дело, и вскоре основательно преуспел.

По меркам схане'ярвов, человеческая цивилизация пребывала на заре существования. Дремучие и суеверные, несведущие и религиозные люди были малыми детьми в глазах седовласого старца. Сравнение это оказывалось не в их пользу. Старец не собирался учить их уму-разуму, делясь своей мудростью и выводя на просторы Вселенной. Со своим абсолютным превосходством, он мог вытворять с ними все, что хотел. Примитивность человечества упрощала схане'ярвам задачу. Достаточно развитое, чтобы предоставить им технические ресурсы, оно изначально стало служить лишь расходным материалом, о чем, разумеется, не подозревало. Схане'ярвам требовались носители. Обосноваться в новой Вселенной они могли только в телах людей, используя их мозг как вместилище для своего разума. В дальнейшем они надеялись обойти это физическое ограничение, но до поры были вынуждены мириться с органической оболочкой. Проблема заключалась в том, что годилась она отнюдь не всякая.

Среднестатистический человек никакой пользы не приносил. В лучшем случае, он вмещал схане'ярва очень ненадолго, после чего нейроны головного мозга не выдерживали и сгорали. Человек при этом погибал, а если цикл внедрения был завершен, то погибал и схане'ярв. Вернуться назад он уже не мог, как не мог и существовать без живого тела. Исследования показали, что большинство людей было решительно непригодно. Это стало главной проблемой освоения новой Вселенной. Первые схане'ярвы подыскивали носителей с величайшим трудом. Лишь позднее, разобравшись в биологии, они сумели наладить выборку и оптимизировать процесс.

Построив научную базу, где на них, не зная правды, трудилось множество людей, схане'ярвы решали кадровый вопрос. Все упиралось в ДНК. Кропотливые изыскания, помноженные на массу опытов и лет, выявили маркеры, необходимые для отбора. На то, чтобы точно определить критерии, ушли века. В конце концов, схане'ярвы окончательно установили, кто им пригоден, а кто нет, причем степень пригодности зависела от метода внедрения. Искать экстрасенсов по всей галактике было непродуктивно. Подлинных насчитывались единицы, а схане'ярвам требовались даже не тысячи, а десятки тысяч. Эта проблема решалась технологическим путем. Уникальное восприятие экстрасенса компенсировала волновая пушка. Настроенная должным образом, она внедряла схане'ярва из его Вселенной в подходящее тело. Правда, работало это лишь вблизи от черной дыры, но для того там и запустили высокотехнологичную орбитальную станцию.

Выявление пригодных носителей оказалось лишь половиной дела. Несмотря на маркеры, внедрение слишком часто заканчивалось смертью. Разбираясь, что к чему, схане'ярвы поняли, насколько хрупкую величину представляет собой нужное ДНК. Едва изменившись, оно внезапно утрачивало всякую пользу, и прежде ценный материал умирал. Это следовало учитывать, а еще лучше — упреждать. Подойдя к вопросу основательно, схане'ярвы разработали целый комплекс подготовительных мер. Все кандидаты проходили очищение организма, а за их здоровьем непрерывно следили. Их питание тщательно контролировалось, как контролировалось и вообще все, что могло вызвать даже незначительное изменение в генах. Результат получился налицо. Количество успешных внедрений кратно возросло, как возросла и численность пригодных кандидатов. Это был настоящий прорыв, положивший начало технологии массового отбора.

Поначалу схане'ярвы не ставили себе ярко выраженной задачи. Проникнув в новую Вселенную, они исследовали ее как тако-

вую, постепенно обрастая ресурсами и никуда особо не спеша. В том числе потому, что обратного пути не было. Человеческий мозг работал как магнит, притягивая сознание схане'ярва. Переместиться обратно, то есть технически в никуда, оно уже не могло. Охотников покидать развитую родину, меняя ее на примитивную чужбину, было немного. Смертные тела энтузиазма ничуть не прибавляли. К человечеству отправлялись исследователи, путешественники, эксцентрики и просто любопытные, которые и заложили основу Астробиона. Мало-помалу, он развивался, а переселившихся схане'ярвов становилось все больше. Чтобы укрепиться в мире людей, получить больше ресурсов и возвести надежные базы, они стали проникать в высшие эшелоны власти. Высокоразвитому разуму это было нетрудно. Он с легкостью играл на людских страстях, делал их жалкие деньги, манипулировал массами и предугадывал ход событий. Занимая руководящие посты, он преследовал интересы схане'ярвов и извлекал для них немалую пользу. И однажды это очень пригодилось.

Война продолжалась. Ил переходил в масштабное наступление, регулярно сдвигая фронт. Схане'ярвы отступали, теряя все больше регионов. Отрицательная динамика становилась ясна даже фанатикам, убежденным в победе над взбунтовавшимся инструментом. Реалисты же начали всерьез предполагать возможность поражения, не говоря уже о скептиках. Расчеты выглядели неутешительно. При неизменном положении вещей Ил неминуемо одерживал верх, со всеми очевидными последствиями. Под неизменностью подразумевалось отсутствие неких прорывных технологий, способных кардинально переломить ситуацию на поле боя. Продолжая думать, как выиграть войну, лучшие умы принялись искать и запасные варианты, на случай всеобщей катастрофы. Самым перспективным из них представлялся проект Астробиона.

Наиболее мудрые уже осознали, что битва с Илом проиграна. Созданный для перезапуска Вселенной, он стал самой разрушительной силой, совладать с которой уже никто не мог. Творение превзошло своих творцов и постепенно вытесняло их в небытие. Оно ускоряло то, чего схане'ярвы так хотели избежать, и становилось их персональным роком, возникшим по вине гордыни и вере в собственное всемогущество. Мудрые не строили иллюзий. Планируя глубокую оборону, они пытались выиграть время. О победе не шло и речи. Задерживая продвижение Ила, они все больше сосредотачивались на проекте Астробиона.

Когда дела пошли совсем плохо, эвакуация в другую Вселенную стала рассматриваться всерьез. Резко изменив ход противостояния, Ил перешел в прорывное наступление. Его масштабы и

внезапность застали схане'ярвов врасплох. Враг распространялся там, где его совсем не ждали, и поначалу никто не понимал, откуда он вообще взялся. Зловещая истина выявилась позднее, когда потери достигли колоссального уровня.

Продолжая совершенствоваться, Ил начал распространяться как вирус. Он уже не просто атаковал и преобразовывал. Он научился заражать любую жизнь, обращая ее в проводников своей воли. Улавливая сущность схане'ярвов, он внедрялся в нее как болезнь и захватывал подчистую. Захватывал быстро и необратимо, трансформируя не только в часть себя, но и дальнейший источник заражения. Каждая образованная точка поражала все новые и новые, а они, в свою очередь, делали то же самое. Процесс развивался в геометрической прогрессии. Буквально одно инфицирование — и схане'ярвы очень быстро теряли целый регион. Теряли изнутри, несмотря на внешние рубежи и крепкую оборону. Вся эта мощь по периметру оказывалась бесполезна и бессильна.

Взять ситуацию под контроль удалось слишком поздно. Разобравшись, как происходит проникновение, схане'ярвы научились с ним бороться, однако к тому времени Ил уже овладел двумя третями Вселенной. Масштабное распространение прекратилось, ибо схане'ярвы пресекали всякий прямой контакт. Проблема заключалась в том, что речь шла не о рукопожатии или грязных полотенцах. Для бессмертного разума — суть форма энергии, — таковым считалась любая ментальная связь. Одна оплошность, малейший канал с зараженным ресурсом — и зараза просачивалась незамедлительно.

Новым принципом обороны стал защитный периметр. Он наглухо блокировал пораженные регионы, выстраивая эшелонированные рубежи, и не позволял устанавливать с ними связь. К сожалению, стопроцентной гарантии это не давало. Выискивая прорехи, Ил пользовался малейшими недочетами схане'ярвов и регулярно инфицировал все новые крепости и сектора. После этого он поражал Светила и вызывал их мощнейший коллапс, что кардинально ослабляло регион и делало его падение неотвратимым. Схане'ярвы могли противопоставить лишь тотальную зачистку, ибо лечению жертвы Ила не подлежали. Выявляя заражение, они сами выжигали свой регион. Это никак не позволяло его сохранить, зато и не сказывалось на соседних.

Утратив львиную долю Вселенной, пребывая в перманентной опасности, даже самые фанатичные схане'ярвы уже не верили в победу. Они отчаянно сопротивлялись, воюя с неистовым ожесточением, однако понимали, что лишь оттягивают свой конец. С другой стороны, оттягивают не безнадежно. Скрупулезно все про-

считав, лучшие умы окончательно сосредоточились на эвакуации в другую Вселенную. Так стал приоритетным проект Астробион. Так появилась Либератика.

Обосновавшись в высших эшелонах власти, схане'ярвы обстоятельно принялись за дело. Административный ресурс, помноженный на финансовый, позволил создать элитный университет, куда принимались лишь лучшие из лучших. По сути, это соответствовало действительности, только под лучшими подразумевались те, кто подходил для внедрения чужеродного разума. Выпускники и впрямь занимали очень значимые посты, что подогревало репутацию университета. Привлеченные перспективой, туда стремились толпы, что предоставляло хорошую выборку. Попадали немногие. Но лучше бы не попадали, ибо порог Либератики они переступали людьми, а выходили оттуда схане'ярвами. Человеческая личность необратимо исчезала. От нее оставалась лишь биологическая оболочка, раз и навсегда занятая чужим сознанием.

Принцип отбора основывался всего на одном факторе. Ключевую роль играла генетика. Обнаружив подходящего кандидата, Либератика сама протягивала ему руку, заманивая любыми способами. Для этого у нее все средства были хороши. Пользуясь влиянием в эшелонах власти, она отладила процесс вплоть до мелочей. В сенате заседали многие из ее выпускников. Министерство образования позволило ей внедрить свои стандарты, а Попечительский совет незыблемо отстаивал ее интересы. Министерство внутренних дел и прокуратура обеспечивали прикрытие законом, вмешиваясь, когда надо, или НЕ вмешиваясь, когда надо. Участие министерства обороны обычно не требовалось, но иногда оно оказывалось кстати, если речь заходила о масштабном применении силы. Экономические, финансовые, научные структуры — каждая из них вносила свой вклад в развитие Либератики, однако самым важным оставалось министерство здравоохранения. Именно благодаря ему поиск кандидатов обрел масштабный характер. Выйдя на галактический уровень, он позволял проверять едва ли не все человечество, к чему и стремились схане'ярвы.

Помимо государственной медицины, с Либератикой сотрудничали и частные клиники. Они собирали генетический материал, анализировали его и передавали куда следует. Потенциальным кандидатам они ангажировали этот университет. Если же ТАК их завлечь не удавалось, приемная комиссия занималась каждым случаем отдельно. Она ведь действительно была, эта комиссия, только делала совсем не то, что в других учебных заведениях. Ее задачей становился не отсев абитуриентов, а их обязательный прием. Она выискивала их слабые места, искала психологические

лазейки и подбирала предложение, с помощью которого ей удавалось убедить практически любого.

Отказников забирали силой. Их искали и ловили по всей галактике. За некоторыми, представлявшими особую ценность, устраивались настоящие облавы, иной раз с грандиозными выдумками. Как студенты, в Либератику такие, конечно, не попадали, однако для них отводилось место на нижних ярусах. Не желая упускать биоматериал, схане'ярвы использовали его хотя бы так, нежели вообще никак. Будь у них возможность, они всегда прибегали бы к принуждению, что выглядело куда проще, нежели размениваться на всякие уговоры. К сожалению, этого не позволяли исключительно физические обстоятельства.

Эффективность внедрения на нижних ярусах была невысока. Прекрасные условия для учащихся создавались не просто так. Максимальный успех достигался при уравновешенном сознании и душевном покое. Этому способствовали уютные дома, великолепный парк, поощрение индивидуальности и разнообразный досуг. Психологический комфорт становился залогом продуктивности. Нижние ярусы похвастаться таким не могли. Принуждение делало удобства бессмысленными, отчего отказников, минимизируя хлопоты, запирали в крошечные капсулы. Показатели они выдавали слабые, однако это было лучше, чем ничего. Извлекая максимум пользы, схане'ярвы ставили там эксперименты, нежелательные и даже опасные для ценного материала. Отработка технологий, исследования и научные проекты требовали испытательного ресурса. Не подвергая угрозе студентов, в Либератике жертвовали узниками нижних ярусов, которых похищали по всей галактике.

Возраст абитуриентов ограничивался не случайно. Слишком юные не выдерживали внедрения и погибали. Структурно и качественно, их мозг еще не успевал развиться в должной мере. Формально, люди становились пригодными с пятнадцати лет, однако порог этот был довольно размыт. Избегая ненужной летальности, схане'ярвы повысили планку до семнадцати, когда молодежь уже гарантированно подходила. Тут они могли и не спешить. Верхняя же граница диктовалась совсем другой причиной.

Слишком взрослые оставались смертны. Хорошенько изучив своих носителей, схане'ярвы научились продлять им жизнь бесконечно, но только при одном условии — исходный возраст, когда начиналась генная терапия. Критическим рубежом становились двадцать три года от роду. После него уже не было гарантии, что внедренные схане'ярвы сумеют жить вечно, а умирать они не хотели. Таким образом, все абитуриенты рассматривались только в указанных границах, а остальные, формально пригодные, либо

росли и дожидались своего часа, либо отправлялись на нижние ярусы.

Бесплатность обучения объяснялась просто. Прекрасно обеспеченная, Либератика могла себе позволить принимать и неимущих. Как таковые, деньги схане'ярвов вообще не волновали, равно как и любые материальные блага. Они служили инструментом, позволяя достигать желаемого в обществе людей — и не более. С другой стороны, схане'ярвы не оказались чужды некоторых удовольствий. Биологические тела дарили им новые, прежде неведомые ощущения. Они не зацикливались на богатстве, не имевшем для них никакого смысла, однако ценили чашку элитного кофе, изысканное вино, утонченную музыку и шелковый халат, приятно скользивший по коже. Отбирая абитуриентов, они пренебрегали финансовой выгодой, что преимущественно выделяло Либератику среди других учебных заведений.

Социальный статус также роли не играл. Схане'ярвов не интересовало, из каких слоев общества к ним попадал кандидат. Им было безразлично, спал он в замке или на улице, умел ли вести себя за столом и каким лексиконом пользовался. Хорошие манеры в Либератике не прививали, да и вообще воспитанием особо не занимались. В этом заведомо не было смысла. Студенты воспринимались только как тело, будущие носители и биоматериал. После внедрения их личность исчезала, а значит, отсутствовала и нужда культурно ее развивать. Во избежание конфликтов, их расселяли согласно поведению и привычкам, чтобы условные эстеты не испытывали дискомфорт в компании со сквернословами. Этим нравственный надзор Либератики и ограничивался. С другой стороны, определенное развитие учащихся все же осуществлялось.

В известном смысле, студентам ничуть не лгали, когда говорили, что раскрывают их потенциал. Нюанс заключался в том, что раскрывалось нужное лишь самой Либератике. Распределение, справедливо казавшееся странным, осуществлялось в ее собственных интересах. Тщательно планируя будущее, схане'ярвы заведомо готовили своих выпускников на разные посты. Им требовались новые политики, градоначальники, полководцы, ученые, сенаторы, судьи, прокуроры и адвокаты. Выбирая, кто кем станет, они ориентировались не на способности студентов, а на свои потребности, в соответствии с которыми подбирался и кандидат на внедрение. Впрочем, совсем уж без способностей не обходилось. Не отвергая природную предрасположенность, схане'ярвы по возможности сочетали и то и другое, чем достигали максимальной эффективности. Вот так и оказывалась скрипачка в политологах, безмозглый спортсмен в юристах, а работница фастфуда в кван-

товых физиках.

Никакого карантина не было. Прибывая на звездолетах Либератики, новоиспеченные первокурсники проходили комплексную подготовку. Их организмы очищались, получали интенсивную терапию, а заодно подвергались углубленной медицинской проверке. Это позволяло отсеивать сомнительный материал, а остальной заметно улучшать, сводя последующую мутацию ДНК к минимуму. Покидая карантин, студенты окунались в новую жизнь, где о них и впрямь заботились наилучшим образом. Вот только забота эта была как у скотовода о свинье, которую откармливают только для того, чтобы в итоге найти ей соответствующее применение.

Особенности учебного процесса диктовались технической необходимостью. Располагаясь в специальных креслах, студенты погружались в виртуальную реальность. Им говорили, что это улучшало восприятие информации. На деле же все обстояло иначе. Никаких чудодейственных триггеров и волшебной методологии не существовало. Открывая сознание потоку данных, студенты пускали туда вообще все, в том числе излучение волновой пушки. Пока они пребывали в иллюзии, их биологически программировали.

Будущие схане'ярвы не теряли время на обучение новым знаниям, необходимым на посту в мире людей. Эти знания заранее попадали в мозг, получавший мощный толчок в развитии. Они доставались им вместе с телами, которые заранее готовились для внедрения чужеродного разума. Иногда, у особо чувствительных студентов, это вызывало неприятные ощущения, будто в их сознание кто-то проникает. Они могли видеть глаз, словно изучавший их изнутри, или еще какой-нибудь пугающий образ. За такими присматривали особо, в том числе потому, что они зачастую оказывались экстрасенсами.

Экстрасенсы представляли особую ценность. Их генетический материал считался наиболее перспективным. Хоть и поставив выпускников на поток, схане'ярвы прекрасно понимали, что это капля в море. Теперь, для полноценной эвакуации, им требовались миллиарды миллиардов, а в их распоряжении пока что были жалкие сотни тысяч. Проблему могло решить клонирование. Казалось бы, что проще — найти идеального носителя, выделить его ДНК и размножить на неограниченное количество копий. Столь очевидная теория была вполне логична, а с технической оснасткой схане'ярвов легко осуществима, однако она неожиданно споткнулась о практику.

Внедрение в клонов не работало. Даже изготовленные с абсолютной точностью, они оказывались непригодны, сколько бы схане'ярвы над этим не бились. Вменяемое объяснение ученые на-

ходили одно. Им требовался полноценный человеческий мозг, который изначально служил и маяком и магнитом для проникновения. Мозг, наполненный сознанием. Созданные искусственно, взрослые клоны таковым не обладали, и заполучить его в принципе не могли, как бы их ни воспитывали и ни развивали.

Идея с выращиванием детей также не оправдалась. Клонируя эмбрионы, схане'ярвы попытались выдержать полный цикл взросления. В результате они и впрямь получили вполне нормальные личности, однако микроскопические изменения в ДНК сводили всю затею к нулю. Изменения, происходившие с течением лет. Копия исходника утрачивала всякую ценность за счет неизбежных мутаций. Констатируя сей факт, ученые только руками разводили. Капризы генетики внедрения были их настоящей головной болью. Случайно перестроенные гены могли сделать пригодным любого человека, а идеальный образец, исказившись буквально на волосок, становился бесполезен в виде клонов. Решая эту проблему, исследования продолжались, но пока Либератике приходилось работать лишь с оригинальным материалом. Таким, который подходил именно на период внедрения, а не до и не после. Экстрасенсы, однако, в этом свете стояли особняком. Именно их ДНК ученые считали наиболее перспективным для клонирования. Его же они использовали для выведения сверхлюдей.

Опыты с генетикой открывали широчайшие возможности. Схане'ярвы поступали с ней как с конструктором, выискивая все новые уникальные комбинации. Человеческие тела вызывали у них растущий интерес. Изначально примитивные, они поддавались улучшению, вплоть до феноменальных высот. Биологического бессмертия схане'ярвы добились довольно быстро, но то было лишь начало. Следующим шагом стало улучшение физических характеристик, вроде силы, ловкости и регенерации. В дальнейшем же предполагалось освоение ментальных полей, и освоение абсолютное, то есть экстрасенсорика высшего уровня. Такая, которая могла управлять материей на расстоянии и перемещать астероиды без всякого прикосновения. Схане'ярвы не планировали облагодетельствовать человечество. Разработки сверхлюдей они вели исключительно для себя. Обычный студент был обычным же носителем. Заведомо совершенный представал всемогущим. В своей Вселенной схане'ярвы были богами. В новой они собирались стать такими же.

Полностью захватив инициативу, Ил стал настоящим хозяином положения. Схане'ярвы уже не атаковали. Уйдя в глухую оборону, они лишь огрызались и старались максимально выиграть время. Наступление Ила вынуждало их поторапливаться. Проект

Астробиона пользовался приоритетом и особыми преференциями. Ввиду изменявшихся реалий, в Либератику стали набирать и заведомо непригодный материал. Он применялся не для внедрения, а для опытов. Для них же начали похищать обычных людей, чтобы экспериментировать со случайной генетикой и всегда иметь под рукой расходные тела. Зачастую такие эксперименты проводились на грани фола, испытывая на прочность систему безопасности. Руководство Астробиона закрывало на это глаза. Проекту требовалось ускоренное развитие, а без рискованных опытов оно становилось невозможно. Тех, которые приближали эру сверхлюдей, а также обещали решить проблему клонирования.

Генетика экстрасенсов оправдывала ожидания. Пока что из нее не получили пригодных клонов, однако ученые прогнозировали, что день этот не за горами. Тогда Либератика сумеет штамповать пригодных носителей в неограниченном количестве. Тогда же проект Астробиона запустит масштабную эвакуацию, а Вселенная людей станет Вселенной схане'ярвов.

Казалось бы, этот грандиозный план должен был устраивать всех. Спасаясь от Ила, бессмертный разум обретал новый дом и новые же возможности. Кому нужен перезапуск, если доступна миграция. Схане'ярвы сохраняли свою цивилизацию неизменной и заполучали молодую Вселенную с огромным потенциалом. Тот факт, что она принадлежала людям, их нисколько не волновал, как слона не волнует муравей под его ногами. Оценивая перспективы, схане'ярвы исходили только из своих интересов. Сторонников Астробиона стремительно прибывало, однако среди них внезапно нашлись и противники.

Прожив целые эпохи, древний бессмертный разум предполагал великую мудрость, а мудрость предполагала справедливость. Первобытное существо видит только пищу, а понимает лишь грубую силу и животное доминирование. Создания высшего порядка мыслят иными категориями, и им не пристало опускаться до уровня дикарей. Развившись до запредельного уровня, схане'ярвы действительно думали не о суетных мелочах, однако не означало, что все они думали одинаково. У некоторых мудрецов проект Астробиона вызывал неприятие. Во всяком случае, в том виде, в котором он развивался. Породив катастрофу в виде Ила, большинство схане'ярвов выводов из нее не сделало. Эвакуация в другую Вселенную ничего не изменит. Рано или поздно, с таким подходом они сотворят там то же самое, если не хуже. Свои проблемы им надлежало решать здесь и сейчас, а не сбегать от них в самообмане собственного превосходства. И это не говоря о том, что другая Вселенная принадлежала человечеству.

Истинно мудрый разум не занимается порабощением и тем более истреблением. В чужом мире он не хозяин, а только гость. Ему не следовало вторгаться как захватчику, обращаясь с людьми словно с расходным материалом — ему следовало с ними договориться. Предложить свою поддержку и великие знания в обмен на доброе соседство и общее будущее. Вот ТАК поступает подлинно великая цивилизация, и именно так хотели поступить мудрецы. Но им, к сожалению, не позволили. И тогда, желая отстоять свою точку зрения, они выступили сообща.

Схане'ярвы были неприятно удивлены, обнаружив в своих рядах сопротивление. Сплоченные перед угрозой Ила, они сочли это возмутительным, объявили мудрецов изгоями, а затем и предателями, когда те не пожелали принять волю большинства. Под предлогом военного времени, с ними обошлись очень жестко. Тех, кого выявили, изгнали за защитный периметр, то есть фактически бросили Илу. Чтобы спастись, уцелевшим мудрецам пришлось затаиться, однако от своих идей они не отреклись. Они по-прежнему хотели изменить проект Астробиона, но если уж не официально, так другим путем. Внедрившись в ряды специалистов, они получили доступ в комплекс, который поддерживал канал со стороны их Вселенной. Оттуда, пользуясь удобным случаем, они старались проникнуть в Либератику.

Порой проникновение удавалось. К сожалению, обычно спонтанно и неудачно. "Предателей" быстро вычисляли и обезвреживали, однако своих попыток они не оставляли. Назвав свое движение Эмиопаты, они продолжали искать лазейку. Накапливая опыт, они учились и делали выводы, отчего с каждым разом их шансы на успех возрастали. Последнее проникновение наконец-то позволило им закрепиться. Эксперимент над непригодным студентом, Сайлусом Честерсайдом, прошел не совсем так, как планировалось. Заподозрив неладное, служба безопасности все проверила, однако эмиопат сумел ускользнуть. Он воспользовался тем, что в Либератике до сих пор не замечали. Привыкнув к определенным аксиомам, схане'ярвы упускали из виду, что в новой Вселенной все могло быть по-другому, и особенно в их собственных изобретениях.

Биодроиды, вроде Алии Ферран, действительно не могли стать носителями для бессмертного разума. Стать ПЕРМАНЕНТНО. Юбелла Аперхоун даже не подозревала, что ее детище все-таки способно принять схане'ярва, только не напрямую и лишь на короткое время. Принять тогда, когда процесс внедрения в человека еще не завершен. Очутившись в Сайлусе, эмиопат ненадолго переместился в Алию, вступив с ней в контакт разыгранным поцелу-

ем. Затем, ловко избежав проверки, тем же способом вернулся обратно. Времени у него оставалось в обрез. Бесплотный разум требовал вместилища, для чего биодроид не подходил, а Сайлус умирал, ибо как носитель был изначально непригоден. Положение спас Стефано Ярколич. Забрав Сайлуса на лечение, он вверил его команде врачей, и тогда эмиопат переместился в одного из них. В нем он и остался, исхитрившись сохранить свою тайну в облике доктора Грайслера.

Алия Ферран действовала по указке эмиопата. Одинокий, постоянно рискующий, он мало чего мог добиться без чьей-либо помощи. Взвесив все за и против, он решил совместить приятное с полезным. Тогда-то он и привлек соседей Сайлуса, не без иронии прозванных Реляктантами. Спасение своих жизней было в их прямых интересах и становилось первым шагом в спасении всего человечества. Эмиопат же обретал в их лице верных помощников, а заодно и способ покинуть Либератику. Карлерих ведь не дремал, и разоблачение неминуемо приближалось.

Раскрыть себя сразу эмиопат просто не мог. Кто бы ему поверил? Реляктанты с трудом проглотили историю про сверхлюдей, умело рассказанную им Алией. Она выглядела достоверной, но была лишь малым кусочком правды. К счастью, этого оказалось достаточно. Сохраняя инкогнито, эмиопат умело направлял всю компанию, приближенный к ней как лечащий врач Сайлуса. Используя доступ Алии, комбинируя его со своими возможностями, он стал разрабатывать план побега. Несмотря на сложности, все представлялось осуществимым, пока не выяснилось, что замыслы разбиваются о реальность.

Пойдя на крайние меры, эмиопат одобрил идею с привлечением наемников. "Ураниум терраценкорд" снаружи сделала бы то, что ему не удалось изнутри. Замысел выглядел безупречно, а компетенция и возможности Ши Меурга сомнений не вызывали. Ожидая десант, эмиопат даже не сомневался в успехе эвакуации, только вот кто же знал, что Либератика совсем не то, чем кажется.

Гальтенуза была прикрытием. Вполне настоящая, эта планета служила лишь ширмой, где университета никогда не существовало. Эмиопат, разумеется, знал, что для внедрения где-то рядом должна находиться черная дыра. Ее наличие считалось обязательным, однако студентов могли и вывозить. Например, на орбитальную станцию, куда с Гальтенузы они попадали людьми, а возвращались уже схане'ярвами. Не исключал он и того, что эта станция состояла в прямом контакте с Либератикой. Развивая технологии, ученые могли продлить канал Астробиона, насколько это позволяло расстояние. Тогда непосредственная близость дыры отпадала. Как

бы там ни было, Гальтенуза за стенами университета выглядела реальной, но только потому, что именно так все и замышлялось.

Поддельная Либератика находилась в телеметрической связи с настоящей. Бросая взоры на прерии, колыхавшиеся до самого горизонта, студенты даже не догадывались, что они видят трансляцию. Реалистичную, подробную, синхронизированную во времени, но лишь трансляцию, проецируемую на защитный купол. Это поддерживало психологический комфорт и душевное спокойствие. Кроме того, это поддерживало легенду. Если на Гальтенузу прибывал звездолет с любящим родителем, или иной залетный гость, он попадался на глаза. Студенты видели его, а он видел Либератику. Все события представали им в подлиннике, придавая любым непредвиденным ситуациям достоверность. Именно что любым, поскольку обычно незваных визитеров выпроваживали еще с орбиты.

Появление "Ураниум терраценкорда" стало исключением из правил. Чтобы студенты не узрели бомбардировку, дредноуты, ракеты, зенитные орудия и десант, прямую трансляцию попросту отключили. На защитном куполе стала воспроизводиться запись, а никто из учащихся ничего и не подозревал. Более того, ничего не подозревали даже Алия Ферран и эмиопат, ибо стратегические тайны Либератики были известны только ее руководящему составу.

Нападение на университет даже идиот не счел бы случайностью. Учитывая вопиющий характер инцидента, срыв эвакуации не мог остаться без последствий. Карлерих уже искал утечку, уверенный в проникновении предателя. До поры эмиопат водил его за нос и подкидывал ложный след, но теперь все изменилось. Прокол получился слишком серьезным. Карлерих вскоре выяснит, кто скрывался под видом доктора Грайслера, и до разоблачения оставались примерно сутки. Действовать приходилось быстро, и эмиопат решился на рискованный шаг. Улучив момент, он открыл себя Эрвине, однако выбрал ее не случайно. Этой девушкой Ярколич интересовался не просто так. Она была очень сильным экстрасенсом — настоящим уникумом, и эмиопат воспользовался ее особенностями. Он не просто пришел к ней домой, чтобы побеседовать. Он явил себя в сознании Эрвины, что придало его словам достоверность, а затем поведал об истинной сущности Либератики.

Пересказ не отличался излишними подробностями. Передать словами увиденное, возникавшее лишь перед внутренним взором, было весьма непросто, если вообще возможно. Разговаривая с Эрвиной, эмиопат общался не речью, а мыслями. Они сопровождались видениями, вливавшимися ей прямо в сознание. Это было

невероятно зрелищно и эффективно, однако сама Эрвина так не могла. Она умела принимать, но не транслировать. Повествуя обо всем друзьям, она теряла немало красок, а что-то упускала вовсе. Тем не менее, ее монолог произвел сногсшибательное впечатление. Настолько, что даже после десанта и нижних ярусов все были поражены до глубины души. Уже приняв и сверхлюдей, и зловещий замысел Либератики, друзья откровенно обомлели, услышав новую интерпретацию событий.

Мнения не слишком разделились. Судя по выражению лиц, общее впечатление сложилось примерно одинаковое.

— Бред! — решительно подытожил Джерри.

— Дикость какая-то, — кивнула Шелли.

— Это тебе доктор Грайслер наболтал? — вежливо уточнила Элеонора. — Должно быть, он просто спятил. Или же, в духе всех этих тестов, хочет спровоцировать у тебя некую реакцию. Не знаю, какую.

— Да она нас разыгрывает, — предположил Руберт. — Это и впрямь какое-то сумасшествие, но на чокнутую она не похожа.

— А я ей верю, — внезапно сказала Сильвертина.

— Просто ты очень доверчивая, — ласково улыбнулся ей Джерри.

— Нет, правда. Я видела. Во сне, — возразила Сильвертина. — Теперь я поняла, что видела. Их Вселенную. Зеленые струны, проходящие через пространство, и зеленую пустоту. Их наполняли боль и страдание. Я слышала их музыку. Холодную, чужую, тревожную. Меняющую саму реальность. Эрвина говорит правду.

Все только рты разинули.

— Сны — это не доказательство, — нашелся с ответом Джерри.

— Не в данном случае, — твердо заявила Эрвина. — Все наши сны, все наши удивительные таланты проявляются не просто так. Ты сам-то помнишь, как написал музыку с Сильвертиной? Во сне! Каждый в своем, но написали вы ее вместе!

С первого же дня в Либератике с друзьями творились разные чудеса. Им грезились странные вещи и невиданные дали. В их мыслях, словно из ниоткуда, неожиданно появлялись невероятные идеи. Они умудрялись делать такое, о чем прежде и помыслить не могли. Все это списывалось на стресс, перемену обстановки и уникальную методологию обучения. На деле же так сказывалась генная терапия, начавшаяся еще в карантинных боксах. К ней добавлялся учебный процесс, по сути биологическое программирование. Вишенкой на торте стало регулярное прощупывание сознания, в которое попадала энергия схане'ярвов. Вся гениальность и необъяснимые поступки имели очень простое толкование. Друзья пока оставались людьми, но их развитие ускорялось до уровня

чужеродного разума.

Авторство произведений сомнений не вызывало. Оно принадлежало Джерри и Сильвертине, но их удивительное озарение породило происходящее. Им открывались новые материи, сознание расширялось, а мозг стремительно развивался. Музыкально одаренные, подсознательно они слышали такое, что прежде оставалось недоступным. Улавливая колебания ритмов, они реагировали на одно и то же. Влияние схане'ярвов соприкоснуло их ментальные поля, и без того находившиеся в душевной близости. Джерри и Сильвертина не были экстрасенсами, в обычном понимании этого слова. Они были чуткими людьми с прекрасным слухом и еще более прекрасным восприятием. В Либератике не лгали, когда говорили про побочные эффекты. Такими эффектами становились их музыкальные творения.

Тема снов, столь неожиданно поднятая Сильвертиной, заставила друзей призадуматься. Комментарии Эрвины представили их под другим углом. Руберт припомнил, как ему снился лазурный дым, взмывавший над Либератикой, и его отнюдь не красочная природа. Листас видел войну синего света с зеленым, кипевшую между цветущей жизнью и пустотой. Шелли мерещилась правда о сверхлюдях, оказавшихся только вторичной целью замысла. Джерри грезился побег с Гальтенузы, вместо которой он и Сильвертина узрели черную дыру. Руслане привиделось, будто с Алией и Сайлусом что-то не так, и они выполняют чужую волю. Элеонора готовилась к противостоянию с тем, кто перемалывал судьбы и перекраивал Вселенную. Все эти сны, доселе разрозненные и индивидуальные, стали поразительно и пугающе вписываться в рассказанное Эрвиной. Сама она тоже повидала всякое, начиная от клонов на нижних ярусах и заканчивая ощущением паутины из зеленого света. Вот только с ней происходило и нечто более примечательное.

Аномалии выявлялись у всех студентов, однако случай Эрвины был куда сложнее, отчего с ним поначалу не разобрался даже Стефано Ярколич. Ему понадобилось время, дабы понять, что вызывает ночные танцы, хождение по крышам и весь этот лунатизм. Псевдолунатизм, ибо он имел совершенно другое объяснение. Невероятные показатели Эрвина демонстрировала еще в карантине. Настолько, что сперва их считали ошибочными и перепроверяли по многу раз. Восприимчивость Эрвины была феноменальной. Не такой, как у носителя первопроходца, но по-своему даже уникальнее. Она ощущала Астробион. Энергия схане'ярвов представала ей отчетливыми воплощениями. Она могла ее слышать, видеть и даже принимать. Принимать в себя, но не внедрением, а совмест-

ным присутствием.

Это были дети. Дети схане'ярвов, которые все еще появлялись на свет, хоть и не в прежней численности. Как и у людей, они исследовали окружающий мир, пробуя его на ощупь и засовывая пальцы абы куда. Только исследовали так, как подобает высшему разуму. Их юные мысли пронзали пространство, заглядывая во все закоулки, и каким-то образом просачивались в Астробион. Вероятно, где-то в комплексе, который поддерживал его канал с той стороны. Ведь это была не какая-то орбитальная станция, а целый регион, со своими Светилами второй и третьей экстрадинации, таулора и гистерезиса. Схане'ярвы там не только работали, но и жили. И там же их дети постигали Вселенную, которую их родители постепенно теряли.

Погружаясь в сон, Эрвина регулярно переживала гостевое присутствие. Дети приходили в ее разум, когда один, когда другой. Открывая для себя волнующе новое, они порхали бабочками, танцуя в странном теле, отправлялись побродить под деревьями, не существующими в их мире, рассматривали с крыши звезды, которых никогда не видели, или купались в озере, ощущая упоительную прохладу воды. Эрвина не хотела, чтобы кто-нибудь из детей пострадал. Действуя подсознательно, она привязывала себя страховкой, избегала острых предметов и уж точно не дала бы никому утонуть. Сознание детей не вытесняло ее собственное и не убивало — они сосуществовали, хотя проснувшись, Эрвина этого не знала и не помнила. И уж тем более не понимала. В конце концов, это понял Ярколич, о чем своей уникальной студентке, разумеется, не сообщил. Это понял и эмиопат, когда сумел добраться до записей главного медика. С того момента он окончательно усвоил, какую ценность представляет Эрвина, отчего в итоге и пришел именно к ней.

Проявление скрытой переменной расставило все на свои места. Эрвина почти сразу заподозрила, что с Алией работает кто-то еще. Несмотря на свои способности, в одиночку она вряд ли могла проворачивать такие дела. Ей кто-то помогал, либо же наоборот — это она кому-то помогала, выступая от его имени. В конечном счете примерно так все и оказалось. Проникнув в Либератику, эмиопат сумел договориться с Алией, пока недолго пребывал в ее голове. Позднее они снова встретились и начали действовать сообща. Сайлус же стал их глашатаем и контактом при взаимодействии с соседями. Главным же всегда оставался эмиопат. Именно от него исходили все идеи. Он же теперь придумывал новый план, как ускользнуть из цепкой хватки Либератики.

Сидя в гостиной, друзья слушали Эрвину, и все не могли ей

поверить. Проект Астробиона, перемещение разума, другая Вселенная… Еще одной шокирующей новостью было то, что видеотрансляторов на поверку оказалось гораздо больше. Изначально Алия пощадила чувства Реляктантов, не рассказав, что они в Либератике понатыканы сплошь и рядом. За студентами непрерывно наблюдали, если уж и не глазами операторов, то в режиме записи. Видеотрансляторы были решительно повсюду, и в личных комнатах тоже. Прикрытие обеспечивал эмиопат. Искусно подкрутив аппаратуру, он сделал так, чтобы в систему не попадало ничего подозрительного. Собравшись в комнате Эрвины и Элеоноры, друзья обсуждали схане'ярвов. Карлерих же, подглядывай он сейчас, услышал бы только досужую болтовню. Как эмиопат это сделал? Он был мудрецом. Чрезвычайно развитым сознанием даже по меркам своих сородичей. Освоившись в Либератике, он научился очень многому, обходя защиту и ускользая от Карлериха. Проблема заключалась в том, что и противостояли ему тоже не рядовые обыватели.

Поначалу в новую Вселенную не отправляли лучших из лучших. Смертные тела не прельщали бессмертный разум. Проект Астробиона развивался экспериментально, поэтому в нем участвовали не самые ценные схане'ярвы. Неглупые, но и не гениальные, полезные, однако не чрезмерно выдающиеся. Такие, которые по разным причинам приносили себя в жертву ради науки и открытий. Гении всем заправляли, и делали это из безопасного места. На сцену они вышли позднее, когда проект Астробиона получил высший приоритет. Решающей вехой стало биологическое бессмертие человеческих тел. Тогда все кардинально изменилось. Тогда же в Либератику прибыли очень серьезные фигуры.

Люди жили по другим законам. Их общество не знало устройства, которое считалось естественным у схане'ярвов. Это был не коммунизм, поскольку они не практиковали всеобщее равенство, но и не капитализм, ибо материальные ценности их в принципе не интересовали. Монархией там и не пахло, как не пахло диктатурой, республикой или демократией. За неимением поместных вотчин и рабов, феодализм также исключался. В приближении к человеческому восприятию, у схане'ярвов царила автократия, однако не абсолютная, а парламентская, с элементами кастовой системы.

Как таковая, глобальная власть не существовала. У схане'ярвов отсутствовала государственность, ибо они давно стали единой популяцией. Людям это трудно было представить, но ведь речь шла о другой Вселенной и принципиально отличавшемся разуме. Органы власти, разумеется, имелись. Они контролировали

развитие, следили за порядком, развивали новые идеи, обеспечивали взаимодействие между регионами и координировали общественность. Автократия выражалась в статусе. Высшие посты занимали наиболее волевые и сильные схане'ярвы, и речь шла не про фигуральные мускулы, а силу ума. У высшего разума сила означала ум, а тот, в свою очередь, означал могущество и влияние. Автократы формировали парламент, заправляли в регионах и вообще занимались всякой основополагающей деятельностью.

Кастовая система проявлялась в уровне развития. Самые невзрачные схане'ярвы не могли даже обратиться к вышестоящим без необходимости. Это считалось неприличным и недопустимым. Им вменялось либо безмолвное подчинение — в случае исполнения должностных обязанностей, — либо невмешательство. Простые техники Либератики полноправно занимались своим делом, но на эти посты направлялись те, кто попроще. В присутствии крупных фигур они работали словно роботы и молчали. Преподаватели были кратно выше рангом, однако уступали сотрудникам безопасности, которые, в свою очередь, не шли в сравнение с Карлерихом. Они имели право задавать вопросы, ибо понимание повышало эффективность труда, но не могли оспаривать ответы.

Руководство Астробиона состояло из самых высокопоставленных схане'ярвов. Анджей, Тредалиур, Винтомаар, Перспектур, Гекталистрат, Крестергратикус — каждый из них ведал своей стезей, и вместе они управляли проектом, приближая колонизацию новой Вселенной и всеобщую эвакуацию. Они принимали ключевые решения, определяли кандидатуры для внедрения и обеспечивали необходимые ресурсы. Они же отправили в Либератику много сильных схане'ярвов.

Юбелла Аперхоун, Стефано Ярколич, Мартьяла Дормербруг, Карлерих и Остиан Брегоунт не просто входили в категорию VIP — они принадлежали к элите. Разумеется, эти имена не были настоящими, а лишь адаптировались под человеческое восприятие. Работая с людьми, они привыкли к ним настолько, что и сами уже не ассоциировали себя иначе, не выходя из образа даже в приватных разговорах. Прибыв в новую Вселенную, они обстоятельно в ней освоились и возглавили ведущие комплексы Либератики.

Аперхоун была настоящей ученой, широко известной и действительно выдающейся. Работа над перезапуском Вселенной проходила не без ее участия, равно как и последующий поиск мер для борьбы с Илом. Она помогала создавать защитный периметр и справляться с последствиями коллапса Светил. Ей принадлежали многие научные труды, касавшиеся расширения обитаемого пространства за счет пустоты. Ее достижения в Либератике также

впечатляли и не случайно отличались количеством и качеством. Биологическое бессмертие, сверхлюди, ментальные поля, биодроиды — она великолепно знала свое дело, став ценным приобретением Астробиона.

Ярколич занял пост главного медика не просто так. У схане'ярвов он занимался примерно тем же, то есть обеспечивал сохранность и выживание бессмертного разума. Он курировал юные умы, исправлял обнаруженные патологии и совершенствовал сознание взрослых. Под его надзором бессмертная сущность таковой и оставалась, а ее знания не утрачивались. Также он руководил стерилизацией оборонительных рубежей. Воюя с Илом, он искал пути исцеления зараженных и эффективного предотвращения инфицирования. Его талантам нашли применение в среде людей.

Брегоунт занимался техникой и ресурсами. Либератика позиционировалась как университет, но по сути представляла собой сложнейший комплекс. Проживая в ней и учась, студенты этого попросту не замечали. Они ведь не знали ни о внедрении, ни о канале Астробиона, ни о черной дыре, а между тем вокруг них было полно уникальнейших технологий. Различные источники энергии, стабилизирующие реакторы, компенсаторы частиц, волновые пушки и оринглоудеры, генераторы квантовых полей — это были самые примечательные устройства, о которых люди и слыхом не слыхивали. А ведь сколько насчитывалось и других, включая целую армию разнообразных роботов.

Карлериха нельзя было назвать полицейским или специальным агентом, поскольку и тех, и других у схане'ярвов давно не существовало. Он принадлежал к автократам, которые поддерживали общественный порядок, но только в общих чертах, без неукоснительного принуждения. Это была очень уважаемая фигура, с которой считались на всех уровнях. Появление Ила серьезно повлияло на его специализацию. Суровые времена требовали суровых мер. Тотальная война окончательно преобразовала род занятий Карлериха. Он не участвовал в прямых боевых действиях — он прилагал усилия, чтобы они не начались где-нибудь в безопасной зоне. Иными словами, Карлерих был одним из тех, кто старался предотвратить проникновение врага, обеспечивая строгий порядок на местах, и в Либератике он занялся тем же самым. Он никогда не препятствовал другим схане'ярвам заниматься их прямыми обязанностями, однако имел высший приоритет, если речь заходила о безопасности Астробиона.

Дормербруг ведала обучением. Как прирожденный мастер и мудрый профессор, она идейно и самозабвенно посвящала себя

этой цели. В своей Вселенной она эпохами воспитывала детей, вырастив множество великих поколений. Теперь она выращивала их в человеческих телах, которые старательно готовила для будущих хозяев мира. Она прекрасно разбиралась в том, что делала. Она была очень высокопоставленным схане'ярвом, признанным авторитетом и могущественным автократом. Благодаря Дормербруг, внедрение осуществлялось куда успешнее, а переселенцы уверенно подчиняли себе человеческую цивилизацию. Для выпускников Либератики она оставалась ценным советчиком и почитаемой наставницей. Ей прочили место ректора, однако руководство решило, что Дормербруг лучше подходит пост декана. Главным же в Либератике, к неожиданности для многих, поставили совсем другую персону.

Вергизий дель Годро был не самым высокопоставленным схане'ярвом. В родной Вселенной он стоял ниже Дормербруг и Ярколича, едва дотягивая до уровня автократа. В Либератику он попал прихотью судьбы. Проявив себя в войне с Илом, он привлек внимание руководства Астробиона. Оно оценило предусмотрительного и жесткого организатора, разрешившего множество кризисных ситуаций. Обладая незаурядным умом, дель Годро умел сориентироваться в нестандартной обстановке. Сталкиваясь с неизвестным, он проявлял изрядную прозорливость, словно предвидел, как именно следует поступать. Эти качества могли пригодиться в новой Вселенной, о которой схане'ярвы пока мало что знали. Отправив его в Либератику, руководство Астробиона не прогадало. Начав со среднего администратора, он быстро добился впечатляющих достижений.

Успехи дель Годро были таковы, что вскоре его сделали проректором, а затем и ректором. Вот тогда он показал себя по-настоящему. Под его руководством Либератика совершила огромный качественный скачок. Кратно увеличив выпуск, он добился улучшения исходного биоматериала и снизил его смертность до прежде недоступного уровня. Подготовка специалистов достигла невиданных высот. Повсеместно проникая в общество, они все больше контролировали цивилизацию людей. Высшие лица Астробиона не оставили это без внимания. В новой Вселенной Дель Годро стал самым главным схане'ярвом, которому подчинялся не только весь персонал, но и все выпускники. И он вряд ли легко позволит, чтобы какие-то там предатели, именующие себя Эмиопатами, испортили самое важное дело в его жизни.

Пересказывая друзьям, как обстоят дела, Эрвина ничуть не сгущала краски. Скорее наоборот, она многое не договаривала, просто потому, что не понимала разных деталей. Эмиопат поведал

ей немало, но явно не все. Для излишне пространного разговора у него просто не было времени. Час изоляции близился. Не явившись в медицинский комплекс, он тут же окажется под прямым подозрением. Придя, он сам сунется в ловушку, из которой уже не выскользнет. Ситуация казалась даже не патовой, а цугцвангом, но выход из положения эмиопат видел в контакте с Эрвиной. Какой? К этому она и подводила, предварительно шокировав друзей своими новостями.

Настолько безумное заявление требовало неопровержимых доказательств. Таких, которые уже не оставили бы даже малейших сомнений в достоверности. Визит на нижние ярусы действительно предъявлял зловещие замыслы Либератики, в чем бы они ни заключались. Несостоявшаяся эвакуация также говорила, насколько все подозрительно и непросто. Применительно к истории про сверхлюдей этого хватало, но никак не для россказней о другой Вселенной и внедрении чужеродного разума. Для того, чтобы поверить в Астробион и экспансию схане'ярвов, следовало предъявить нечто большее, а не только ряды капсул или высокие технологии. Нечто очевидное и настолько впечатляющее, что даже у прожженного скептика не осталось бы сомнений. Эрвина была к этому готова, поскольку недоверие изначально предвидел эмиопат.

— На сегодня у схане'ярвов кое-что назначено. Поверьте, это будет достаточно убедительное зрелище, — сказала она, поглядывая то на дверь, то на часы.

— Ты нас куда-то отведешь? — пытливо осведомился Руберт.

— Не я. Она, — кивнула Эрвина, указывая на вошедшую Алию.

Отчеты выглядели безупречно. Досконально их изучив, руководство Астробиона осталось вполне удовлетворенным. Все щекотливые темы наконец-то закрывались. Пробелы и недочеты, изложенные достоверно и без утайки, подавались как технические накладки, надлежаще изученные и благополучно устраненные. Уверенный в себе, докладчик выслушал ряд вопросов и дал на них исчерпывающие ответы. На сей раз он излучал уверенность и в своей позиции не сомневался. Упреждая все изъяны, над ней основательно поработал Карлерих.

Глава службы безопасности преследовал единственную цель — благополучие проекта. Других предписаний у него попросту не было, а ради основного он имел право на любые меры. В том числе на сокрытие некой информации, если это шло на пользу делу. Выбор у Карлериха получался прост: либо руководству сообщают, что Либератика потенциально скомпрометирована, либо он не придает этот факт огласке, пока все не уладит. В первом случае проект

серьезно пострадает. Даже если его не заморозят, то кратно замедлят, и это вместо ожидавшегося ускорения. Во втором все представлялось оптимистичнее. Восстановив контроль, Карлерих вернет ситуацию на круги своя, причем заведомо до того, как нарушатся глобальные процессы Либератики. В своих силах он был уверен, а неудача мало что меняла.

Под давлением Карлериха, все составили такие отчеты, которые позволяли скрыть неприглядные детали. Громче всех возмущался Ярколич, считая подобный подход неприемлемым. Багровея от гнева, он потрясал кулаками и сыпал ругательствами. Карлерих оставался непреклонен. В отличие от Дель Годро, он имел право так поступать, и в данный момент обладал наивысшими полномочиями. Ректор лгать руководству не мог. Карлериха же это не касалось, если ложь преследовала защиту проекта. Выполнение его приказа освобождало от ответственности. Корректировка отчетов, сделанная по его требованию, предоставляла индульгенцию остальным.

Хотя шумнее всего протестовал главный медик, дольше всех сопротивлялась Дормербруг. Она упрямо отказывалась подчиняться и настаивала на личном обращении к руководству. Мол, она уже прошла все проверки и доказала, что чиста. Если потребуется, она готова тестироваться хоть каждый час, лишь бы ей предоставили право на контакт. Кроме того, она почти открыто обвинила Карлериха в поддержке ректора. Используя неоднозначные выражения, она выразила скептицизм, что обоими движут исключительно бескорыстные мотивы.

Сперва Карлерих вел себя сдержанно. Он объяснял, что доверие к Дормербруг не означает доверия к ситуации в целом. Вредя проекту, враг мог намеренно создавать ситуацию, когда его работу сделали бы ведущие и неинфицированные специалисты. Провоцируя их на ошибки, он добьется своего еще эффективнее, нежели открыто выступит сам. Дормербруг, однако, упорствовала, доказывая, что правда лучше лжи.

Потеряв терпение, Карлерих прямо пригрозил. Если Дормербруг не подчинится, на ее репутации будет навсегда поставлено жирное пятно. В данный момент он наделен абсолютными полномочиями, и его решения — закон. Когда он чего-то требует, это становится обязательным к исполнению. Даже если позднее его действия признают ошибочными, сам факт неподчинения вышестоящему лицу останется вопиющим нарушением. Подобное обычно никогда и никому с рук не сходило. Следовательно, или Дормербруг прекращает упорствовать, или ей в любом случае не поздоровится. В конечном счете, пострадает проект, о благополу-

чии которого она так печется, так стоит ли ей проявлять строптивость? Скрепя сердце, декан смирилась. Она перестала требовать аудиенции у руководства, а в распоряжение ректора поступили надлежаще скорректированные отчеты.

У Карлериха имелись все основания не допускать торможения проекта. Стараниями Аперхоун, работавшей в тандеме с Ярколичем, Либератика была близка к созданию уникального препарата. Его теоретическую эффективность подтверждала и Дормербруг, а простоту технического распространения не отрицал Брегоунт. Основанный на генной терапии, он отличался тем, что включал элементы, использованные при создании Ила. Часть из них содержала исходный принцип, а часть наследовала его вирусную природу, отвечавшую за перенос и внедрение. Выпущенный в популяцию людей, препарат за год сделает то, на что Либератике потребовались бы века.

Изобретение относилось к ранее не существовавшему классу биоформеров. Новый мир порождал новые правила и технологии. Препарат распространялся как инфекция, передаваясь абсолютно любым путем. Попав в человеческий организм, он начинал его преобразование изнутри. Не сразу — постепенно, чтобы резкие изменения в геноме не убивали особь и досрочно не выдавали себя миру. Это преследовало сразу две основные цели, чья результативность прогнозировалась весьма высоко.

Генетика зараженных людей перестраивалась в интересах внедрения. Гарантии пригодности это не давало, однако в сотню раз увеличивало наличие характерных маркеров. Иначе говоря, повышало вероятность появления абитуриентов, причем сразу на два порядка. Простая арифметика подсказывала, как именно это скажется на количестве выпускников. Приемной комиссии Либератики больше не придется разыскивать кандидатов по всей галактике, потому что вся галактика будет состоять из кандидатов. Она начнет выбирать самых лучших, а непригодных просто не останется. Ведь к этому как раз и стремилась вторая цель.

Преобразование ДНК имело либо положительный исход, либо отрицательный. Под последним имелась в виду утрата фертильности и смерть. Отсев производился на глобальном уровне. Генетика инфицированных менялась в любом случае, в результате чего они либо приобретали нужные черты, либо погибали. Человеческая популяция автоматически теряла всех заведомо непригодных. В ней оставались только те, кого можно было проверять не глядя. Разумеется, все равно проверять, ибо маркеры — это одно, а реальная пригодность — совсем другое, однако колоссальная результативность получалась налицо.

Несмотря на захватывающие прогнозы, с внедрением биоформера в Либератике не спешили. Недавно изобретенный, он пребывал в стадии прототипа и лишь готовился к первым экспериментам. Причин для неторопливости хватало. Здесь требовалось соблюдать предельную осторожность. Ученые прекрасно помнили, что натворили с Илом, и не хотели наступить на те же грабли. Кроме того, препарат требовал доработки. Учитывая заданную генетику, он нацеливался на людей, но именно оригинальных, еще не претерпевших никаких изменений. Не считая смертей непригодных, для них он был безвреден, однако опасен для тех, кто уже перенес внедрение. Выпущенный на волю, он мог преобразовать все человечество в интересах Либератики, и при этом убить ее нынешних выпускников.

Перспективы биоформера, обрисованные докладчиком, весьма впечатлили руководство Астробиона. Продвижение Ила выставляло всеобщую эвакуацию все более актуальной. По человеческим меркам, крах предполагался еще не скоро, однако дожидаться его явно не стоило.

— Вы уверены, что не повторите прежней ошибки? — осведомился ученый Тредалиур. — Одного Ила нам вполне достаточно. Еще не хватало, чтобы вы сотворили нечто подобное и по другую сторону.

— Некоторые мудрецы считают такое вероятным, — поддакнул аналитик Перспектур. — Якобы мы не вынесли надлежащего урока, и на новом месте повторим то же самое. Признаться, в их словах есть рациональное зерно.

— Именно поэтому с внедрением биоформера никто и не торопится, — степенно напомнил докладчик. — Я всячески ускоряю проект, но тут лучше потрачу лишний век, чтобы надежно перестраховаться.

— Разумно, — похвалил стратег Гекталистрат. — Однако руководству хотелось бы получить доказательства.

— Доказательства чего? — не понял докладчик.

— Что ваши разработки действительно актуальны, а вы обращаетесь с ними надлежащим образом, — пояснил законник Анджей.

Желание руководства было вполне понятным. Квантовые поля генерировали несуществующую комнату и несуществующие же тела. Передача информации носила специфический характер. Во многих случаях, проверить ее не получалось из-за физической разницы между сторонами. То, что считалось естественным по одну, в принципе не существовало по другую, и опытным путем не подтверждалось.

— Мы знаем, как это технически трудно. Канал Астробиона в воз-

можностях ограничен. Но вы уж постарайтесь, — добавил в этом контексте силовик Винтомаар.
Как и остальные, обман он не подозревал, однако серьезный вопрос требовал серьезного отношения. В силу разных причин, ученые могли заблуждаться, а выйдет крайне скверно, если реализация проекта вдруг наткнется на принципиальную невозможность исполнения.
— Я полагаю, вскоре мы это устроим, — тут же отозвался докладчик. — Решение уже найдено. Мы не станем представлять вам доказательства сюда. Это и впрямь затруднительно, если вообще реализуемо. Мы сделаем так, что вы увидите их собственными глазами.

Неожиданность и быстрота, с которой прозвучало утверждение, заставила всех встрепенуться. Складывалось ощущение, будто докладчик уже предвидел тему и дал заранее подготовленный ответ.
— Объяснитесь, — не без удивления велел Крестергратикус.
— Вы сможете лично прибыть на нашу сторону и осмотреть, что пожелаете, — твердо заявил докладчик.
— Исключено! — резко возразил Тредалиур. — Дело даже не в отсутствии стопроцентного успеха внедрения. Такое ведь еще случается. Отправившись к вам, мы уже не вернемся обратно, а у нас и тут дел по горло! Вам ли этого не знать?
— Мне все прекрасно известно. Потому я так и говорю, — выразительно подчеркнул докладчик. — Каждый из вас сумеет пробыть на нашей стороне несколько часов. Этого хватит, чтобы во всем удостовериться, после чего вы благополучно удалитесь назад.
Присутствующие ошеломленно переглянулись.
— Вы с ума сошли? — осведомился Анджей. — Это же невозможно!
— Не в случае гостевого присутствия, — загадочно ответил докладчик.

Разобравшись в случае Эрвины, главный медик пребывал в чрезвычайном возбуждении. Окончательно уяснив, в чем тут дело, он объявил, что категорически запрещает использовать ее для внедрения. Настолько, что при необходимости выступит и против ректора, и даже против Карлериха. Если придется — с оружием в руках. В интересах проекта сохранить эту девушку в неприкосновенности. Внедрение происходит лишь единожды, навсегда стирая личность носителя, и обратного пути уже не было. Гостевое же присутствие можно осуществлять неограниченно и регулярно. Любой, кто променяет наличие одного на визиты бесконечно многих — не просто идиот, а идиот чрезвычайно вредный в масштабах

всего Астробиона.

Ярколича услышали. Усвоив, о чем он толкует, Аперхоун, Дормербруг, Брегоунт и Дель Годро оценили эту информацию по достоинству. Оценил ее и Карлерих, согласившись с доводами главного медика. Если тот говорил правду, испортить такой биоматериал и впрямь означало совершить преступление, причем не только против проекта, но даже цивилизации.

Гостевое присутствие открывало колоссальные возможности. До сих пор связь устанавливалась лишь путем отдельных сеансов. В несуществующей комнате проводились конференции, где в групповом формате обсуждались насущные вопросы. Тогда же между сторонами передавалась различная информация. Гостевое присутствие позволяло обмениваться ей напрямую. Оно обходило прежде непреодолимое ограничение, когда назад никто не возвращался. Если внедрение завершалось, этот процесс был необратим, а до завершения он полезной нагрузки не приносил. Гостевое присутствие все меняло. Новую Вселенную мог посетить кто угодно, начиная от курьера, перевозившего данные, и заканчивая инспекцией высших схане'ярвов.

Чрезмерное внимание, которое Ярколич уделял Эрвине, больше ни у кого недоумения не вызывало. Взяв ее под опеку, он поступил правильно с самого начала. Теперь надлежало определить, что делать дальше. Все в Либератике согласились, что к этой девушке не могли применяться общие правила. Внедрение исключалось, как нечто само собой разумеющееся. Эрвину надлежало сохранить неизменной, чтобы она не утратила своей феноменальной способности. Отсюда возникала нетривиальная проблема. Весь курс "обучения" был рассчитан именно на подготовку для внедрения. В случае Эрвины он запросто мог все испортить. По сути, она не приобретала желанные качества, а наоборот — потенциально их теряла. Что считалось хорошо для всех, не факт, что подходило для нее. Продолжая обычную терапию, в Либератике рисковали совершить фатальную ошибку, и на сей счет срочно требовалось принять какое-то решение.

Обещая руководству гостевое присутствие, докладчик не кривил душой. Ярколич ручался, что сумеет устроить это в недалеком будущем. Разобравшись в сути, он уже прикинул свои дальнейшие действия. Процесс требовал отладки, чтобы перейти из спонтанного характера в контролируемый. В основе этого лежали проникновения детей. Судя по всему, именно в них все и заключалось. Подходя к вопросам с позиции взрослых, схане'ярвы упускали присущее исключительно юному сознанию. Определив, кто посещал Эрвину, Ярколич сумеет определить и то, как все проис-

ходило. Для этого, разумеется, ему требовалась помощь с той стороны, отчего докладчик и заговорил о гостевом присутствии. Обрисовав руководству перспективы, он запросил содействие, которое всецело было ему обещано.

Уяснив, что к чему, на той стороне тоже озаботились судьбой человеческой девушки.

— Не навредить бы, — озабоченно произнес Тредалиур. — Перепахивая ей генетику и мозг, как бы мы не добились обратного результата.

— Случай не описан в практике, — взволнованно согласился Перспектур. — Продолжая терапию, мы рискуем все испортить. Прекратив ее — тоже. Вот уж точно, как говорят люди, витязь на распутье.

— Я предлагаю избегать радикальных изменений, — предложил Анджей. — Если с ней до сих пор ничего не случилось — это показательно само по себе. Пусть живет, как и раньше, в той же среде и той же компании. Только переведите ее в медицинский комплекс, под прямой надзор Ярколича. Он же мечтал сделать ее правой рукой. Выучить не на квантового физика, а на врача. Вот, пусть и займется.

— Правая рука подразумевает одного из нас, сильного схане'ярва, — напомнил Винтомаар. — Как это применимо к человеческой девчонке?

— А что, если ее во все посвятить? — неторопливо вопросил Гекталистрат.

Остальные тут же присоветовали ему не нести ерунду. Гекталистрат, однако, говорил вполне серьезно. Не реагируя на колкости, он вкратце пояснил, что имеет в виду, и на поверку его идея оказалась не так уж плоха.

Всей правды, разумеется, Эрвине открывать не стоит. В ее глазах схане'ярвы предстанут благодетелями, которые протянут руку человечеству. Протянут скоро, но не сейчас, ибо для этого пока не наступило время. Люди еще не готовы, и схане'ярвы тоже. Эрвине распишут ее миссию как нечто ниспосланное мироздани-ем. Со своей уникальностью, она послужит обеим цивилизациям, и навсегда войдет в историю как одна из величайших фигур во Вселенных. Возможно, самая величайшая, которая наладит мост между двумя мирами. Причисленная к элите Либератики, она начнет свой путь на посту личной помощницы Ярколича. Так следовало преподнести все Эрвине. Пойдя на это добровольно, она станет куда эффективнее, если будет понимать, что и зачем делается. Из Либератики, конечно, ее не выпустят, из подлинного опасения за бесценную жизнь, но она наверняка это примет. Примет из веры

во благо человечества. Войдя в проект Астробиона, она принесет ему неоценимую пользу, особенно если обретет биологическое бессмертие.

В целом, предложение Гекталистрата решили не списывать со счетов. Крестергратикус счел его достойным рассмотрения, а слово председателя всегда принималось во внимание.

— Но нельзя же человеческую девчонку делать равной нам, — проворчал Анджей.

— Этого никто и требует, — заметил Гекталистрат. — Мы станем обращаться с ней как с бесценным инструментом, полезным домашним питомцем. Так устраивает?

— Вполне, — усмехнулся Анджей, и согласился подумать.

Дискуссию об Эрвине завершили набором согласованных указаний. Ее надлежало вывести из программы внедрения и передать Ярколичу. Также администрации Либератики следовало проработать вопрос ее частичного посвящения.

— Дель Годро, вам все понятно? — подытожил Крестергратикус.

— При всем моем уважении, я неоднократно просил меня здесь этим именем не называть, — поморщился докладчик. — В отличие от многих других, я не забываю, кто я, и обращение ко мне как к человеку воспринимаю довольно… гм… болезненно.

— Точнее, оскорбительно, — понимающе произнес Крестергратикус. — Хорошо, впредь я постараюсь быть более корректным. В остальном, надеюсь, у вас нет возражений?

— Все ваши указания будут исполнены в точности, — твердо пообещал ректор Либератики.

На этом сеанс связи не закончился, однако мыслями он вовсю уносился к Эрвине. Прикидывая, как приблизить ее к проекту, он обдумывал разные варианты и даже не подозревал, насколько сейчас она уже близка к Астробиону.

Самое высокое здание Либератики имело отличительную особенность. Порой вокруг его вершины, где почти все время кружили облака, появлялись спрайты и эльвы. Снизу они выглядели очень красиво, загадочно играя огнями и подсвечивая небосвод. Вспыхивая и посверкивая, они озаряли пространство молниеносными вспышками или расходились кольцеобразными волнами. Студенты, порой, специально на них любовались, гадая, чем вызваны подобные явления — собственной деятельностью Либератики или атмосферными причудами Гальтенузы. Версии выдвигались разные, но абсолютно далекие от действительности. Наличие спрайтов и эльвов всегда означало одно — активность канала Астробиона, когда устанавливалась связь между двумя Вселенными.

Главная высотка Либератики служила подобием антенны.

Подобием — ибо о физической передаче сигнала не шло и речи. Взаимодействуя с другой стороной, она участвовала в создании несуществующей комнаты, где клубились серым облаком квантовые поля. Из-за разницы во Вселенных схане'ярвы не могли контактировать напрямую. Они формировали энергетические структуры, позволявшие отправлять свои проекции. Сумеречные конусы были их неотъемлемой частью, поскольку реальные сущности в принципе не передавались. Активизация канала вызывала характерный выброс энергии. Спрайты и эльвы говорили о том, что Вергизий Дель Годро встречается с руководством Астробиона. С некоторых пор Эрвина это знала. Знала она и о том, что главная высотка совсем не такая, какой кажется.

Проведя друзей к подъемнику, Алия выполняла указания эмиопата. Как обычно, тот все придумал и организовал, а она обеспечила прикрытие и сопровождение. Высотка хорошо охранялась, и проскользнуть в нее незамеченными было почти невозможно. ПОЧТИ невозможно. Дерзкий замысел базировался на работе техники. Питая канал Астробиона, реакторы Либератики выдавали колоссальную мощь. Это вызывало сильнейшие энергетические бури, порождавшие те самые спрайты и эльвы. Это же порождало помехи в различной аппаратуре, в том числе следящей. Тому, кто хорошо разбирался в происходящем, даже маскироваться особо не приходилось. Датчики и видеотрансляторы поглощал полный хаос, не позволявший что-либо заметить и разглядеть. В шахте подъемника друзья были как на ладони, и при этом их никто не видел и не слышал. Проблема заключалась только в одном — уберечься от запредельного излучения.

Тяжелые скафандры предусматривались не просто так. Их носили все техники, работавшие в шахте во время сеанса связи. Без надлежащей защиты это было чрезвычайно опасно и даже смертельно. Биологические тела налагали свои ограничения, а сложную аппаратуру антенны иногда приходилось подстраивать. Сегодня роль техников играли друзья. Следуя примеру Алии, они облачились в скафандры, а затем прошли на подъемник. Щелкнула, закрываясь, внешняя дверь. Опустив страховочную решетку, Алия замкнула контур и включила двигатель. Тихо загудев, подъемник быстро заскользил наверх.

На поверку, здание оказалось намного выше, нежели выглядело снаружи. Оно не упиралось в защитный купол — оно его миновало, а все остальное было лишь иллюзией. Той самой иллюзией, что формировало голубое небо, рассветы, закаты и волнистые прерии до самого горизонта. Менявшие цвет, всегда кружившие у шпиля облака помогали скрывать невероятную истину. Главная

высотка не просто поднималась за пределы купола — она выходила в открытый космос. Оттуда, с ее вершины, открывалась подлинная панорама Либератики. Трансляция с Гальтенузы велась не только для того, чтобы создать эффект присутствия на этой планете. Она вообще создавала эффект присутствия на планете, где Либератику никогда и не возводили. Ее огни светились в космической пустоте. Окруженная энергетическим полем, это была огромная орбитальная станция. Прямо над ней, желтея горизонтом событий, раскинулась исполинская черная дыра.

Вершину высотного здания увенчивала громоздкая конструкция. Выдаваясь за верхние этажи, она походила на корзину, чьи борта поднимались от стен переплетением металлических ячеек. Большие, с обзорный иллюминатор, они окаймлялись дорожками из огоньков, в центре которых зияла пустота. Растянувшись рыбацкой сетью, эти ячейки ловили не рыбу, а незримые волны из ниоткуда. Сквозь них было видно Либератику, раскинувшуюся вокруг башни на десяток миль. Сквозь них было видно и то, что в космосе она застыла в полном одиночестве.

По углам плоской крыши, где закончил свой бег подъемник, располагались громадные стелы. Их основание утопало в лучистом свечении, а серые монолиты испещряли жилки энергетических дорожек. Постепенно сужаясь, они вздымались на сотни ярдов, заканчиваясь острыми жалами шпилей. Там сверкали молнии. Наливаясь слепящим светом, они ударяли в черную дыру, откуда навстречу им летели синие нити неведомого излучения.

На вершине башни было поистине жутко. Холодная и мертвенная, она только и озарялась, что игрой бушующей энергии, но это лишь подчеркивало безжизненную пустоту глубокого космоса. Черная дыра кратно усиливала впечатление. Ее близость даже не пугала — она ужасала. Наваливаясь сверху, она заполоняла небосвод непроглядной мглой, обрамленной тусклым желтым ореолом. Там деформировалась материя, разрываемая чудовищной гравитацией. Там искажалась сама реальность. Поражая оцепеневшее сознание, дыра давила на него неимоверной тяжестью, грозя затянуть и проглотить в мгновение ока. И отчего-то не проглатывала. Она была совсем рядом. Настолько, что никто не мог избежать ее притяжения, и все же Либератика избегала. Она оставалась в целости, неподвижно пребывая на месте, а вместе с ней в целости оставались и друзья, испуганно застывшие на крыше антенны.

Станцию удерживало не чудо, а технологии. Человечеству они были неизвестны, но удивляться тому не приходилось, поскольку создали их схане'ярвы. Либератика фиксировалась в пространстве за счет комплекта из стабилизирующих реакторов.

Именно они поддерживали ее в космосе без всяких двигателей. Они же не позволяли упасть в черную дыру. Ее страшная хватка никогда не ослабевала, но реакторы успешно ей противостояли. Они обеспечивали невозможную близость, а близость диктовалась необходимостью. От расстояния до дыры зависела эффективность проникновения, а как следствие и внедрения.

Люди путают сон с реальностью, но реальность никогда не путают со сном. Со смятенными друзьями происходило то же самое. Внизу, под куполом Либератики, небо и прерии казались настоящими, хотя таковыми не были. Здесь, на вершине башни, глазам представали космическая станция и черная дыра, но никто не сомневался, что это не иллюзия. Оцепенев, друзья прямо-таки ощущали открытый космос и зловещее, смертоносное притяжение кромешного мрака. Потеряв дар речи, они только и смотрели вверх, не в силах оторваться от жуткого зрелища. Жуткого и загадочного. Молнии продолжали ударять разряд за разрядом. Против всех законов физики, из дыры к ним взмывал синий свет, воплощавшийся в форму призрачных нитей.

— Это энергия схане'ярвов, — внезапно пояснил чей-то ровный голос. — Энергия их бесплотного разума.

Оторвавшись от созерцания дыры, друзья уставились на его источник. Рядом с ними, объявившись словно из ниоткуда, стоял Баюди Грайслер.

Невозмутимыми остались только Алия, Сайлус и Эрвина. Остальные попятились, не сводя напряженных взглядов с лица врача. Врача, чья сущность теперь представлялась совсем иной.

— Хорошо. Вы меня боитесь. Значит, верите, — констатировал Грайслер. — Плохо, что вы боитесь именно меня, потому что бояться вам надо других.

— Кого? — совладала с эмоциями Элеонора.

— Всех, — ответил Грайслер. — Здесь у вас только враги.

— А другие студенты? — проглотив комок, расшевелил язык и Руберт.

— Как вы считаете, кого они послушают, вас или администрацию? — усмехнулся Грайслер. — На вашем месте, я бы на них не рассчитывал.

— Они могут послушать вас, — справившись с ошеломлением, подала голос Шелли.

— В самом деле? — в интонациях Грайслера зазвучала ирония. — А что вы подумали про Эрвину, когда она передала вам мою историю? В отличие от меня, она не абы кто, а ваша близкая подруга. В лучшем случае мои россказни проигнорируют. В худшем, о них станет известно, и тогда угадайте, что сделает Карлерих. Он-то

точно знает правду, и от кого бы она могла исходить.

Слова эмиопата оптимизма не прибавляли. На психику и так давил жуткий вид черной дыры. Одиночество в космосе резко усилилось одиночеством в Либератике. Пустота сжимала грудь сильнее водной толщи. Как самая чувствительная, Сильвертина едва дышала. На этой вершине, среди разрядов молний и энергетических штормов, она практически оглохла от гремучей симфонии сопрягавшихся Вселенных.

— Значит, мы можем полагаться только на вас? — приобняв ее, тихо спросил Джерри.

— Больше не на кого, — кивнул Грайслер.

— Вам все это зачем? — включив аналитический ум, пытливо осведомилась Руслана. — Если они — наши враги, почему вы называете себя нашим другом?

— А я так себя и не называл, — выразительно заметил Грайслер. — Я вам не друг, просто и не враг. Я лишь дал понять, что не разделяю замыслов схане'ярвов. И в ваших же интересах помочь мне их изменить.

Это прозвучало неожиданно и настораживающе. Необычный союзник в компанию явно не набивался.

— Спасибо за откровенность, — прищурился Руберт.

— Я называю вещи своими именами, — спокойно сказал Грайслер. — Слово я придумал не случайно. Алия, Сайлус, вы все и я — самые настоящие Реляктанты, друзья поневоле. Сейчас у нас общая цель — разрушить замыслы Либератики. В дальнейшем, вероятно, наши пути разойдутся. Сайлус наверняка наплюет на все и займется обогащением; вы станете защищать интересы человечества; Алия — права искусственного разума, за которые ей предстоит борьба; я — далекие от ваших представлений идеалы эмиопатов. Кто из вас прямо сейчас заявит, что это не так?

Ответом стало молчание.

— Вот и хорошо, — подытожил Грайслер. — Отсутствие недопонимания — лучшая основа для нашего взаимодействия. Сейчас вы нужны мне, а я нужен вам. Давайте от этого и отталкиваться.

— Давайте. Если скажете, на кой мы вам сдались, — в голосе Элеоноры накалилось напряжение. — Высший разум прибегает к помощи таких как мы? Что-то плохо верится.

— Конечно скажу. За этим я и пришел, — невозмутимо отозвался Грайслер.

Как и друзья, рассчитывать на кого-то еще эмиопат не мог. Одной Алии ему не хватало, обращаться к другим студентам было смерти подобно, а кроме них в Либератике находились только схане'ярвы. Привлечение биодроидов исключалось. Алия уже объ-

ясняла, почему. Обитатели нижних ярусов также не считались. Их самих еще требовалось освободить. Без необходимости, эмиопат не стал бы посвящать друзей в столь опасные тайны. Людям пока лучше не знать о пришельцах из другой Вселенной. Увы, у него не оставалось выбора. Задуманное требовало помощников. Помощников, остающихся вне подозрений. Досконально проверяя персонал, служба безопасности Либератики не трогала студентов. Те ведь ежедневно проходили медицинский контроль и считались чисты. И именно на это собирался сделать ставку эмиопат.

Мало-помалу, оцепенение прошло. Гнетущее влияние черной дыры ослабло, колючий холод космоса отступил. Втянувшись в разговор, друзья осмелели, а их мысли пустились вскачь. Они больше не пятились от Грайслера. Перестав его бояться, они начали думать, чем тот вообще опасен. Человек как человек. Стоит себе в скафандре, как и остальные, и рассказывает про другую Вселенную. Много так рассказывает, представляя ситуацию в весьма неординарном свете. Упоминая схане'ярвов, он пространно расписывал их зловещие планы, в то время как само их наличие пока что никак не подтверждалось. А ну как это мистификация? Хоть и протянувшись из черной дыры, синие нити еще ни о чем не говорили. Кроме того, были ли они вообще? Внизу, на цветущей земле, глазам представлялась безмятежная Гальтенуза, по сути всего лишь трансляция. Ее видел любой, кто находился под куполом Либератики. Кто мог поручиться, что нечто похожее не происходило здесь? Что космос, станция и черная дыра не такая же иллюзия, навеянная с некой неизвестной целью?

Крякнув, Руберт нервозно огляделся. Доселе уверенный, что все реально, он вдруг усомнился в своих ощущениях. Судя по лицам, его друзья испытывали то же самое. Они гадали, что именно видят, и тот ли Баюди Грайслер, за кого себя выдает.

— А ты что молчишь? — обратился Руберт к Эрвине. — С тех пор, как мы сюда явились, ты и слова не сказала.

— Жду, — коротко ответила она.

— Чего? — насупился Руберт. — Когда этот тип устанет болтать? Похоже, он только это и умеет. Понятия не имею, что он затеял, да только с доказательствами у него туговато. Здесь точно что-то происходит — сомнений нет, да то ли, о чем он говорит? Кто именно вводит нас в заблуждение, и с какой целью? Пожалуй, я знаю, как это проверить.

Воздев руку в перчатке, он коснулся застежки гермошлема.

Руберту вдруг пришло на ум, для чего была устроена вся эта затея с переодеванием. Облаченные в скафандры, друзья видели окружающее через их лицевые экраны. Там же вполне могла вос-

производиться некая трансляция, накладываясь на окружающее как дополненная реальность. Либератика УЖЕ передавала панораму Гальтенузы на защитный купол. Такие технологии легко позволяли ей передавать и что-нибудь еще. Что-нибудь явно попроще, что не требовало особых усилий. Например, ложные эффекты на экран гермошлема. И если его поднять, действительность предстанет неизменной…

Пальцы Руберта лежали на застежке, решаясь ее надавить. Собираясь с духом, он заглатывал воздух как ныряльщик перед броском в глубину.

— Я бы этого не делал, — разгадав его намерение, сурово заявил Грайслер. — Единственное, в чем вы убедитесь — что без скафандра здесь находиться нельзя. Это точно стоит вашей жизни?

— Бросьте заливать, — скривился Руберт. — Слов у вас много, да толку мало. Придумайте что-нибудь поинтереснее.

— За этим я и пришел, — холодно улыбнулся Грайслер. — Что ж, если вы настаиваете, я немного ускорю события.

Он сделал шаг. Руберт отпрянул, решив, что к нему, но Грайслер на него и не смотрел. Он смотрел на Эрвину, а та смотрела на него. Их взгляды встретились. Под зарево молний, в их глубине сверкнул нараставший блеск.

Полыхнул изумрудный свет. Полыхнул резко, сильно, неожиданно. Занявшись в глазах Грайслера, он стремительно разросся, поглощая зрачки и радужную оболочку. Наливаясь им до отказа, они превратились в два сияющих прожектора, и вот уже свет озарил все его лицо. И вдруг полился наружу двумя лучистыми насыщенными потоками. Полился так, как лились те нити из черной дыры. Пронизывая пустоту, они достигли Эрвины и хлынули в ее глаза. Хлынули мощно и бурно, как вода в пустую емкость. Перетекая из Грайслера в Эрвину, свет соединял их будто магистралью, по которой струилась неведомая энергия.

Все прекратилось в одно мгновение. Лучистые потоки исчезли, словно их и не было. Ноги Грайслера подкосились. Обмякнув, он упал на колени, накренился и грузно завалился на бок. Он более не шевелился. В движение пришла Эрвина. Медленно повернувшись, она обратила к друзьям лицо. Ее глаза, прежде человеческие и живые, наполняло ровное изумрудное сияние.

– 12 –

Устройство Либератики носило строго логический характер. Все ее странности только казались таковыми, ибо всегда имели под собой рациональную основу. Наземного сообщения между ее

комплексами не было по очень простой причине. Как элементы космической станции, они надежно изолировались друг от друга, отчего сквозные проходы заведомо не допускались. Либератика лишь выглядела единым кампусом в едином же пространстве, чего физически не существовало. Внутренние прозрачные стены были такой же фикцией, как и внешние. Туда лишь транслировалось изображение, а по факту комплексы разделяла сплошная сталь. В случае чего, они герметично перекрывались как отсеки звездолета. Именно поэтому они сообщались через транспортные туннели. Их система, напичканная шлюзами и капсулами, преследовала двоякую цель. Присущая космической станции, она поддерживала иллюзию присутствия на планете.

Звездолеты никогда не садились в прериях Гальтенузы. Они стыковались к Либератике снизу, с обратной от черной дыры стороны. Провести студентов по взлетному полю, а затем прокатить под открытым небом было довольно затруднительно, за неимением взлетного поля и открытого неба. Под предлогом изоляции от планеты их погружали в капсулы, а потом возили по тоннелям долгими кругами. Все хитросплетения для того и существовали, чтобы сбить пространственную ориентацию. Для того же отключались дополненная реальность и встроенные навигаторы. Игры с гравитацией, ложные накрены и покачивания со своей задачей вполне справлялись. Поднимаясь снизу вверх, студенты воображали, что едут от взлетного поля до внешних стен. В реальности же они катались по сети тоннелей, лишь имитировавших долгий путь.

Имитация практиковалась повсеместно. Сквозные проходы между комплексами отсутствовали и по другой причине, непреодолимой даже для самих схане'ярвов. В том виде, к которому все привыкли, соединяться они физически не могли. Жилой комплекс на западе, учебный на востоке, научный на севере и медицинский на юге — такое устройство Либератики внушалось студентам с первой же минуты. Не подозревая подвох, они воспринимали его как должное и были уверены, что в центре находился парк. На деле же все обстояло иначе.

Со дня основания Либератики, центральную часть занимал научный комплекс, чья главная башня вздымалась далеко за пределы купола. Возведенные позднее, жилой и учебный примыкали к нему севернее, как перевернутая костяшка домино. Медицинский комплекс располагался южнее, такой же перевернутой костяшкой, а еще южнее, полностью обособленный, находился парк. Действительно огромный и поистине великолепный, он был пристроен в последнюю очередь. Рекомендацию к тому дали заключения ученых. Придуманный исключительно для студентов, он соз-

давал у них здоровый психологический настрой. Формируя оптический обман, его помогали поддерживать иллюзия простора и якобы открытое небо.

Мешанина с комплексами получилась при неоднократном расширении Либератики. Много раз перестраиваясь, она постоянно увеличивалась в полезной массе, а также наращивала деятельность. Начиная как маленькая станция, она прошла долгий путь до огромного университета, когда и возникла необходимость в обширных жилых кварталах и разнообразном парке. Проблему решили за счет уже внедренных иллюзий, на основе которых можно было присоединять и перестраивать почти что угодно. Остиан Брегоунт оказался великим мастером своего дела. За планировку настоящего и поддельного, их взаимодействие и переплетение отвечал именно он. И у него получалось. Окидывая взорами Либератику, студенты любовались ее гармонией, и даже не подозревали, что разные ее сектора находятся совсем не там, где они их видят. Транспортные капсулы успешно дополняли обман, минуя шлюзы и специально катая их по лабиринту туннелей.

Нижние ярусы не просто так назывались нижними. Они и впрямь находились в глубине Либератики, ближе к швартовавшимся звездолетам. Надежно сокрытые от глаз, они хранили свои тайны от непосвященных. На поверхности располагалась лишь официальная часть, присущая обычному университету. Такая, которую можно было представить для всеобщего обозрения. Его уникальная технологическая начинка таилась под землей. Точнее, под многочисленными ярусами толстой стали, пробить которую сумел бы только мощный ядерный взрыв. Там, в недрах космической станции, круглосуточно работала сложнейшая аппаратура. Там же протекали процессы, о которых цивилизация людей даже не догадывалась.

Обретя двери в иную Вселенную, схане'ярвы пришли в нее как новорожденный младенец, совершенно голыми. Голыми, но не беспомощными. Их разум хранил все накопленные знания, а его сила позволяла быстро адаптироваться в непривычных условиях. В кратчайшие сроки они сделали то, на что у человечества ушли бы тысячелетия. Хорошенько освоившись, они начали постигать новый мир. Шагая в гору, научная мощь толкала промышленную, а та, в свою очередь, интенсивно развивала научную. Открытие совершалось за открытием, а исходное изобретение порождало целую лавину следующих.

Чего стоили одни стабилизирующие реакторы. Их принцип работы схане'ярвы позаимствовали у Светил таулора, адаптировав его под новую Вселенную. Они позволяли управлять гравитацией,

но не как у людей — на уровне отдельного транспорта, — а глобально. Настолько, что поддерживали огромную орбитальную станцию практически в упор от черной дыры. Они же помогали звездолетам стыковаться, создавая безопасный гравитационный коридор. Защищать Либератику снаружи просто не было нужды. Без этого коридора к ней не смог бы подлететь ни один вражеский флот — вместе со всеми пушками, истребителями и ракетами его бы попросту затянуло в черную дыру.

Генераторы квантовых полей занимались не только тем, что создавали комнату в канале Астробиона. Телеметрические иллюзии формировались именно благодаря им. То, что происходило на Гальтенузе, мгновенно отображалось в Либератике. Межзвездное расстояние преодолевалось как по волшебству. Чему и удивляться, что чехарда в соседстве комплексов вполне успешно маскировалась. Квантовые поля воплощали не виртуальную реальность. Они практически идеально воспроизводили подлинный мир, и при этом ни малейшего его настоящего фрагмента. Широко применяясь в обучении и науке, они невероятно расширяли возможности схане'ярвов, недоступные человечеству.

Волновые пушки использовались для разных нужд, исключая одну конкретную модель — оринглоудер. Так называлось то, чем потенциальных носителей сканировали на пригодность для внедрения. С его же помощью осуществлялось и само внедрение. Неизменно засекреченные, оринглоудеры обычно походили на другие волновые пушки, однако имели ряд отличительных деталей, заметных профессионалу. В частности, компактный генератор квантового поля, который дополнялся мощными силовыми линиями питания. Это было единственное изобретение Либератики, которое, в силу необходимости, в упрощенном виде поставлялось людям. Медицинские клинки применяли его для первичного сканирования людей, выявляя, сами того не зная, вероятно пригодных для внедрения особей.

Отдельного упоминания заслуживал защитный купол. Даже в ряду стабилизирующих реакторов и квантовых полей он был поистине выдающейся технологией. Его формировали компенсаторы частиц. Люди оберегали корабли и космические станции при помощи силовых щитов, по сути энергетических контуров. Купол над Либератикой имел совершенно другую природу. Фактически, ее накрывал целый слой, в котором частицы уплотнялись, а их состояние контролировалось. В рабочем режиме они удерживали атмосферу и передавали колебания квантовых полей. Студенты свободно дышали воздухом и видели голубое небо. При этом частицы пропускали лазурный дым, струившийся через них из кре-

матория, и прочие разрешенные субстанции. В случае опасности они могли сомкнуться, и тогда Либератику накрыл бы непроницаемый колпак, покрепче любого железобетонного саркофага.

Схане'ярвы пришли во Вселенную людей всерьез и надолго. Они пришли в нее навсегда, намереваясь сделать своим вторым домом. Они даже и не помышляли обойтись с человечеством как с равным. Они использовали его постольку поскольку, по мере своего доминирования намереваясь полностью списать со счетов. Но время для этого еще не настало. Пока что схане'ярвы были недостаточно сильны, а их малочисленность не позволяла контролировать все и вся. Люди могли дать отпор, отчего схане'ярвам по-прежнему приходилось маскироваться. По той же причине они прятали свои технологии. Вне Либератики они были вынуждены пользоваться технологиями людей. Увидев стабилизирующие реакторы или компенсаторы частиц, те наверняка бы обомлели, а затем заподозрили неладное, вплоть до открытого разоблачения.

Биодроиды тоже вызвали бы вопросы, попади они на стол к патологоанатому, однако на этот риск схане'ярвы все-таки пошли. Уж слишком много пользы приносили эти куклы, начиная от поддельных студентов и заканчивая смертоносными убийцами. Они участвовали в специальных операциях, из них отряжались лучшие на свете телохранители. Стараниями ученых, численность биодроидов росла, и с недавних пор их стали выделять каждому выпускнику Либератики. Мужчины и женщины, сопровождавшие попечительский совет, министров или сенаторов, вполне могли оказаться не людьми, а невероятно эффективными органическими компьютерами. Настолько, что в одиночку управились бы с отрядом спецназа и перебили элитных десантников как детей. Такая охрана серьезно повышала уровень защищенности. Хоть и обретя биологическое бессмертие, схане'ярвы все еще оставались в смертных телах. Умирать они не хотели, а до абсолютных ментальных полей было еще далеко.

Эксперименты со сверхлюдьми постепенно выходили за пределы Либератики. Создавая препараты, ученые испытывали их на обычных гражданах, подсовывая вместо лекарств и наркотиков. Так они наблюдали за их действием в естественной среде. Так они расширяли ресурсную базу, более не ограничивая ее обитателями нижних ярусов. Это выглядело рискованным, однако диктовалось технической необходимостью. Хорошо смоделированное в пробирке могло преподнести сюрпризы в полевых условиях. За этапом лабораторных опытов всегда наступал этап испытаний на полигоне.

Схане'ярвы уже успели погубить четыре планеты, чье населе-

ние сошло с ума или вымерло. С пятой и шестой все вышло лучше, однако, заметая следы, они выжгли их сами. Невзрачные, прозябавшие на периферии колонии не привлекли внимания властей, а надлежащее прикрытие обеспечил верховный прокурор. Как и другие выпускники, он всегда обеспечивал прикрытие Либератики, отчего она позволяла себе все больше и больше. Тестирование биоформера было не за горами. Его прототип уже производился, распределяясь на опытные подгруппы. Если схане'ярвы преуспеют и отлаженный биоформер отправится во Вселенную, на судьбе всего человечества можно будет поставить крест.

Открывая правду о Либератике, Астробионе, их технологиях и замыслах, эмиопат ничуть не стращал. Он лишь обрисовывал положение вещей. Это было необходимо, чтобы донести всю серьезность ситуации. Люди проигрывали схане'ярвам в знаниях, силе и технике. Они проигрывали им и во времени. Времени, которого у Реляктантов почти не оставалось.

Когда Баюди Грайслер не явился в медицинский комплекс, его объявили в розыск. Куда он подевался, долго искать не пришлось. Проверив все видеозаписи и электронные журналы, служба безопасности тут же напала на след, и прошла по нему быстрее борзых ищеек. Тело доктора Грайслера обнаружили на вершине высотного здания, выполнявшего функции антенны. Вызванное активным каналом Астробиона, страшное излучение сожгло его почти дотла. К этому привела неисправность скафандра, одетого впопыхах. Не проверенный должным образом, он предрешил его судьбу. Причины же для спешки очень даже имелись.

Судя по всему, доктору Грайслеру удалось сделать то, что долго не удавалось Карлериху. Он догадался, кто именно был инфицирован, и попытался его остановить. Вероятно, это произошло спонтанно, поскольку о своих подозрениях он рассказать никому не успел. Ход событий восстанавливался по частям, с использованием все тех же видеозаписей и собственных заметок Грайслера, оставленных им в персональном интерфейсе.

Врагом оказался коллега доктора Грайслера, доктор Хасильяни. Слабые признаки указывали, что Грайслер косился на него давно, однако причин для обвинений не находил. Подозрения обрели некую форму, когда ему стало известно, что Хасильяни причастен к истории с контролером. Косвенно, но причастен. Случайно увидев, как он входит в здание, где во время сеанса связи и находиться-то никто не должен, Грайслер окончательно почуял неладное. Сумев остаться незамеченным, он проследовал за коллегой и уверился, что намерения у того недобрые. Выбрав первый попавшийся скафандр, он обождал, пока Хасильяни уедет на подъ-

емнике, вызвал второй и отправился за ним.

К сожалению, Грайслер слишком поспешил. Когда он сообразил, что стоило бы известить Карлериха, было поздно. Энергетическая буря внутри башни генерировала непреодолимые помехи, а времени на возвращение не оставалось. Поднимаясь на крышу, Грайслер оказался предоставлен сам себе, а не подниматься туда он уже не мог. Логика подсказывала, что Хасильяни задумал нечто именно в канале Астробиона, и Грайслер исходил из худшего. В частности, потенциального заражения, и заражения непредсказуемого. Очутившись перед лицом великой угрозы, он принял единственно верное решение — вступить в противостояние с врагом.

По-своему, судьба улыбнулась доктору Грайслеру. Застав Хасильяни с поличным, он схватился с ним на вершине антенны. Ему удалось сорвать планы врага. Находчивость Грайслера делала ему честь. Невооруженный, он использовал элементы интерьера. Исхитрившись, он улучил момент и толкнул Хасильяни к подножию стелы — туда, в лучистое свечение, где энергетические потоки протекали бурной рекой. Там его не спас даже скафандр. Объятый сияющим заревом, он был сражен на месте. Смертное тело Хасильяни убило страшное излучение, проникшее через все защитные оболочки. Физически оно сильно пострадало, однако уцелело достаточно для взятия анализов. Грайслеру повезло меньше. Он уже понял, что его скафандр поврежден, и знал, что умирает. Он успел совладать с врагом и даже вернуться к подъемнику, но там упал и уже не поднялся.

Расследование установило то, о чем догадался Грайслер. Хасильяни пробрался на крышу не просто так. Он принес портативный модуль, размером с большой кейс, и собирался подключить его к контуру антенны. Ученые установили, что этот модуль действительно вносил какие-то изменения в канал Астробиона. Какие — еще предстояло выяснить, однако вмешательство Грайслера не позволило им осуществиться. В дурных намерениях Хасильяни при этом сомневаться не приходилось. Он был инфицирован. В его органике, хоть и обожженной излучением, нашлись весьма примечательные маркеры. Структура головного мозга отличалась. Немного, но отличалась, и этого стало достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы.

Проникнув в Либератику, враг хорошо в ней окопался, и скрывался достаточно долго, чтобы подготовиться и вплотную подойти к реализации своего замысла. Героическое поведение доктора Грайслера сорвало его в последний момент. Возможно, он предотвратил настоящую катастрофу, за что и расплатился жиз-

нью. Возможно, именно это и докажут найденные улики. Следствие продолжалось. Заперев медиков в их комплексе, служба безопасности проверяла все вдоль и поперек, пока ученые изучали органику Хасильяни и его загадочный модуль. И те и другие с результатами обещали не тянуть.

Настойчивый и педантичный, Карлерих пока не считал, что его работа закончена. В его глазах Либератика еще оставалась скомпрометированной, ибо враг вполне мог оказаться не один. Технически, было бы даже странно, окажись он один, учитывая его давно известные методы и распространение. И все же Карлериху стало гораздо легче. Наконец-то выявив угрозу, он заполучил крепкие ниточки, которые теперь только и оставалось, что досконально проверить. Увы, гибель доктора Грайслера, да и самого Хасильяни, автоматически осложняла прояснение ряда вопросов. В частности, как произошло проникновение, и какие еще неприятности враг успел доставить Либератике.

Глобальную изоляцию Карлерих не устанавливал по веской причине. Казалось бы, чего тут проще — перекрыть все шлюзы, закрыть все комплексы, заблокировать ярусы и секторы. Затем, не делая исключений, методично просканировать каждого, включая биодроидов и студентов. Формально, это гарантировало успех. Враг будет обязательно вычислен и обезврежен, а безопасность Либератики восстановлена. По факту же это принесло бы не так много пользы, как хотелось. Понимая, к чему все идет, враг заведомо уничтожит максимум информации. Пусть и выявленный, он наверняка сумеет скрыть слишком многое, о чем Карлериху хотелось бы знать. И следовало бы знать. В отличие от родной Вселенной, где все выжигалось на упреждение, в Либератике дело обстояло иначе. Даже люди не хватают шпионов сразу, и без необходимости не устраивают на них открытые облавы. Войсковая операция — крайняя мера, за бесплодностью других. Мертвый шпион — всего лишь ликвидированная единица, которая свои контакты и тайны унесла в могилу.

Глядя на Эрвину, друзья все никак не могли свыкнуться с увиденным. С тем, что в ее голове пребывает кто-то чужой. Эмиопат не повел себя как типичный схане'ярв и не вытеснил личность девушки своей собственной. Он использовал гостевое присутствие, но на совершенно ином уровне. Эрвина находилась в сознании. С ее позволения, эмиопат перехватывал контроль над телом, а она оставалась в качестве наблюдателя. Это происходило и наоборот. Эрвина полностью возвращалась, а эмиопат отступал в сокровенные уголки ее нейронов. Последнее как раз и оберегало его от обнаружения.

Регулярные проверки в медицинском комплексе никаких аномалий не выявляли. Как феноменальный экстрасенс, Эрвина сама была одной большой аномалией, выдавая крайне нестандартные показатели. На этом фоне укрытие получалось превосходным. Пока эмиопат вел себя пассивно, обнаружить его типовыми методами было невозможно. Замысел сработал. Внедрение убило бы Эрвину и исключило всякую возможность маскировки. Гостевое присутствие скрывало эмиопата под самым носом схане'ярвов. Оно же позволяло успешно взаимодействовать с Реляктантами. Для убедительности, в таких случаях гость всегда выходил на сцену, о чем говорил изумрудный свет, до отказа заливавший Эрвине глаза.

Теперь, чтобы не вызывать подозрений, общие встречи всегда проходили на виду. Устраиваясь в парке, друзья вроде как не прятались, сидя на берегу пруда или в тенистой роще. При этом они вполне могли вести крамольные разговоры. Точно зная, где стоят видеотрансляторы, эмиопат позволял себе показываться, испуская характерное свечение. Собрав Реляктантов на излучине, образованной журчавшей речушкой, он говорил очень важные вещи. Решающий час близился, и теперь он намеревался пойти ва-банк.

Поведав, как удалось провести Карлериха, эмиопат предупредил, что это ненадолго. Ловко подставив доктора Хасильяни, он лишь выиграл время, разбрасываться которым не стоило.

— Карлерих не дурак. Даже после всего, что я вам рассказал, вы совсем не знаете, с кем имеете дело, — мрачно подытожил эмиопат. — Я до сих пор не разоблачен благодаря двум обстоятельствам. Первое — уникальная цепочка Сайлус-Алия-Эрвина. Схане'ярвы просто не в курсе, что такое вообще возможно. Их заблуждением я и воспользовался. Второе — игра в кошки-мышки. Желая не просто обезвредить врага, а выявить все его замыслы и контакты, Карлерих до сих пор не прибегал к тотальной изоляции и действовал очень аккуратно. Я, в свою очередь, использовал эту игру, чтобы обойти в ней Карлериха. И пока что обходил. Но так будет продолжаться не бесконечно. Эрвина — последнее и самое надежное мое убежище. Теперь, используя ее возможности, я либо добьюсь своего, либо всему конец. Точнее, конец всем нам, если наши совместные усилия не увенчаются успехом.

Когда эмиопат договорил, повисло тягостное молчание. Друзья размышляли, что бы все это значило. Бесконечный обман и подделки, где одна иллюзия внезапно скрывалась другой, изрядно пошатнули их мировосприятие. Они запутались, что правда, а что нет, и теперь даже к полету бабочек относились недоверчиво. Их

стайки кружили на излучине, то опускаясь к воде, а то снова взмывая в воздух. Как и искрение речушки, задорно омывавшей белый песок, красочные крылышки этих созданий восторгов больше не вызывали.
— Поверить не могу, что все это обман, — тихо вздохнула Руслана.
— Бабочки настоящие. Вода, деревья и весь парк — тоже, как ваш дом и его обстановка. Стены клетки — иллюзия, но внутри нее все подлинное, — проследив за ее взглядом, сообщил эмиопат.
— Только вы наверняка хотели сказать не это, — добавил он многозначительно.
— Каков план? — коротко осведомилась Элеонора. — И при чем тут вообще мы? Вы ведь так и не ответили, зачем мы вам сдались.
— Одно проистекает из другого, — сверкнул изумрудными глазами эмиопат. — Прежде я не мог посвятить вас во все. Теперь я не могу этого не сделать.

Как один из мудрейших схане'ярвов, эмиопат рассчитал все шаги с самого начала. Втягивая друзей в свой замысел, он раскрывал им карты постепенно, и при этом отрезал путь к отступлению. В конце концов, они оказались в одной лодке, в которой либо благополучно минуют ревущие пороги, либо отправятся на дно. Задумав сделать друзей сообщниками, эмиопат сделал их заложниками ситуации. В известном смысле, он просто не оставил им выбора, однако извиняться за это не собирался. Он уже говорил, что не враг им, но и не друг. Преследуя свою цель, он поступил так, как считал нужным, однако поступил очень умно. Он обошелся с друзьями весьма коварно, но кто бы стал отрицать, что противодействие схане'ярвам не в интересах самих друзей. Он был нужен им самим, а они были нужны ему. И вот почему.

Состоя из схане'ярвов, персонал Либератики не подходил эмиопату в принципе. Их вербовка априори исключалась, в то время как студенты вполне могли исполнять его поручения. Будучи ценным биоматериалом, они обладали определенными привилегиями и при этом оставались вне повышенного внимания и подозрений. С точки зрения администрации, их ежедневные медосмотры были гарантией надежности. Они не выявляли аномалий, а уровень доступа не позволял натворить дел. Но вопрос доступа решался техникой, лишь бы решился вопрос желания. Схане'ярвы знали, кто такой эмиопат, и относились к нему как к врагу. Именно поэтому студенты видели в нем союзника. Они не станут задавать ему вопросы, что и зачем делается. Они будут целенаправленно вредить Либератике, в то время как схане'ярвы быстро раскусят, какие намерения преследует эмиопат, и немедленно воспротивятся. А намерения у него были весьма серьезные.

В одиночку даже мудрец сделать ничего не мог, и он оставался одиноким до сих пор. В глобальном смысле, компания друзей расклад сил не меняла. Несколько молодых людей были просто не способны бросить вызов всей Либератике, изобилующей представителями высшего разума. Сломать систему, за которой стояла могущественная бессмертная цивилизация, да еще опиравшаяся на бразды человеческой власти, у них не получится физически. Дети не могут воевать со взрослыми. Такое бывает только в сказках, причем очень и очень глупых. Если взрослые не ведут себя как дебилы, а весь мир не застывает в ожидании, у детей шансов нет. Схане'ярвы были взрослыми, в сравнении с которыми друзья в лучшем случае тянули на детей. И схане'ярвы уж точно не относились к умственно отсталым, как и мир к самозамерзающему рефрижератору. Эмиопат смотрел на вещи реально. Он не собирался бросать юнцов на амбразуру и с их помощью ломать хребет всемогущей гидре. С их помощью он собирался призвать себе армию, чтобы сломать хребет всемогущей гидре.

Решающим аргументом был эффект неожиданности. Схане'ярвы в принципе не подозревали, что студентам известно про внедрение. Чего бы те ни натворили, они не воспримут это как серьезную угрозу, и до поры отнесутся ко всему спустя рукава. Но и прознай они о такой осведомленности, схане'ярвы вряд ли сразу же поймут, что речь не просто о внедрении, а внедрении несанкционированном. Таком, которое внезапно перенесет в Либератику множество эмиопатов. И вот тогда одиночка уже не будет одинок. Стоя во главе восстания, он получит желанную армию, вполне способную сокрушить устоявшуюся систему. Захватив Либератику, эмиопаты смогут диктовать свою волю всему Астробиону. Очутившись в безвыходном положении, его руководству придется смириться и принять выдвинутые условия.

Замысел был дерзок, но осуществим. Разумеется, друзей никто и близко не подпустит к волновым пушкам, да и сам процесс им завершить не дадут. В обычных обстоятельствах. Здесь требовалась хитрость и масштабное отвлечение внимания. Хитрость обеспечивалась допуском. Хорошенько обжившись в шкуре Грайслера, эмиопат обзавелся многими ниточками, за которые в нужный момент мог потянуть. Единожды, но потянуть. Он сумеет подделать друзьям пропуска, и они проникнут туда, куда студентам путь заказан. Времени у них будет мало, но сколько-то его пройдет, пока схане'ярвы их разоблачат. И пока управляются с проблемами, которые им щедро подкинут для отвлечения внимания.

Памятуя об этической стороне вопроса, столь актуальной для

молодых исполнителей, эмиопат обещал обойтись без жертв. Внедрение не убьет носителей. Человеческая личность погибала лишь при его завершении, уподобляясь базе данных, которую полностью переписывали. Живой Сайлус Честерсайд был лучшим тому подтверждением. Став проводником эмиопата в Либератику, он до сих пор не отправился в мир иной.

Как и в случае с Алией, процессу помогут биодроиды, которых заманят в нужное время и нужное место. В качестве временного пристанища они вполне подходили, ну а до постоянного дело и не дойдет. Либо эмиопаты преуспеют, либо нет. В первом случае они захватят Либератику, передадут контроль над ней бывшему Грайслеру и благополучно вернутся обратно, пока это еще возможно. Во втором… Если восстание закончится провалом, Реляктантам все равно нечего терять.

Вкратце изложив свой план, эмиопат сообщил, что подробные инструкции каждый получит позднее. Сегодня же он созвал всех с конкретной целью. Теоретическое введение закончилось, наступал черед практики. Теперь, зная правду и понимая, что стоит на кону, друзья должны ответить, согласны они безоговорочно выполнять все его указания или нет. Колебания недопустимы, а промедление смерти подобно. Все рассчитывается по минутам, и когда начнется, обратного пути уже не будет. СОВСЕМ не будет.

Перехитрить Карлериха, замести следы и прикинуться невинными овечками больше не получится. Получив фальшивый допуск, действуя практически открыто, друзья сожгут все мосты, и тогда либо полная победа, либо полное же поражение. Ответ они должны дать здесь и сейчас, и тогда эмиопат назначит день и час операции. В противном случае за последствия он не ручается. Карлерих продолжает расследование. Вскоре он поймет, что доктора Хасильяни подставили, а портативный модуль, искусно состряпанный Грайслером, никакой реальной угрозы не несет. И тогда он сделает простой логический вывод, ибо из двух тел на крыше одно уж точно принадлежало врагу.

— Тогда он проверит всех, с кем контактировал Грайслер, и вам несдобровать, — пояснила Алия.

— Первым выявят меня, — подал голос Сайлус.

Прежде язвительный и вещающий, теперь он обычно молчал, предоставляя говорить обо всем другим. Так ни с кем и не сдружившись, он олицетворял саму суть Реляктантов, помогая другим просто потому, что в первую очередь помогал себе.

— Нас подвергнут углубленной проверке, и схане'ярвы неминуемо обнаружат следы эмиопата. Он ведь в моем мозгу побывал, — по-

яснил Сайлус. — Тогда они досконально, до каждого атома просканируют нас всех, и от этого внимания не скроется даже Эрвина.

Ситуация выглядела так себе. Друзьям предоставляли выбор, соглашаться на подчинение эмиопату или нет. Выбор вроде как добровольный, на подчинение тому, кто по сути тоже был схане'ярвом, просто другого пошиба. При этом, собственно, означенный выбор на поверку оказывался фикцией. Отказ означал крах быстрый и неминуемый. Согласие предполагало некую надежду на спасение.

— Вы ведь это специально подстроили, — прищурилась Элеонора.

— Я, кажется, так и говорил, — пожала плечами Эрвина, которую сейчас контролировал эмиопат.

— Сколько у нас времени на раздумье? — осведомилась Шелли.

— Мало, — ответила за эмиопата Алия. — Я прямо сейчас, через свой интерфейс, читаю последние сводки схане'ярвов. Аперхоун пообещала Карлериху завершить изучение модуля не позднее чем через трое суток.

— Значит, у нас трое суток? — уточнил Руберт.

— Нет. Это значит, что через трое суток за нами придут, — догадавшись, тихо произнесла Сильвертина.

— Ты в порядке? — притянув ее к себе, участливо спросил Джерри.

— Пока ты рядом — да, — слабо улыбнулась она.

— Пострелять дадут? — припоминая сон, воинственно осведомился Листас.

Тем самым он выразил свое согласие, и, обведя взглядом всю компанию, получил молчаливое согласие других.

— Надеюсь, что до этого не дойдет, — искренне сказал эмиопат.

Это было странное ощущение, уживаться двумя личностями в одной голове. Странное, впрочем, не то слово. Эрвина как бы воспринимала все не только своим сознанием, но и чужим. При этом она улавливала и чужие мысли, привносившие не ее воспоминания. Фрагментарные и как будто скрываемые, они мимолетом проносились в голове, вызывая образы из другой Вселенной и другого же разума. Эрвина видела Светила. Эрвина видела просторы схане'ярвов, их родной дом и великое могущество. А еще она видела войну. Тотальную, на уничтожение, оставлявшую только поглощенные пустотой регионы. Зеленой пустотой, в которую постепенно обращалась Вселенная. Действительно перезапускаемая, она была пригодна только для того, кто ее таковой творил.

Сознания общались. Для этого им не требовалось чего-то особенного, поскольку оба пребывали в постоянном контакте, даже

если того и не хотели.
— Я не понимаю, как такое возможно, — мысленно говорила Эрвина, и ее слышал только эмиопат. — Я не понимаю, как вы можете быть в моей голове, бестелесным существом.
— А я не понимаю, как разум может зависеть от жалкой плоти, — парировал, усмехаясь, невероятный гость. — Я — форма энергии. Мне тоже можно навредить и даже уничтожить, но вы, люди, просто набор критических уязвимостей. Кислород для дыхания им подавай, органы не повреди, кровь не потеряй, давлением не раздави, температуру поддерживай, да еще эта ваша пища!.. Целый набор химически необходимых соединений, да еще на регулярной основе! Как вы вообще на свет появились и до сих пор выживаете?!
— Вы же говорили, что у схане'ярвов тоже есть материя и даже своя версия органики, — напоминала Эрвина.
— Говорил, — не отрицал эмиопат. — Только у схане'ярвов материя вторична. Без нее они лишь ограничены в возможностях и лишены ряда удобств. Но жизнью от нее не зависят. У вас же все наоборот. Жуть просто, а не Вселенная!
— А мы вас к себе и не звали, — сухо подчеркивала Эрвина.
— Туше, — соглашался эмиопат. — Что ж, при мудром обращении, изобретения Либератики пойдут всем на пользу. Надеюсь, вы согласны, что ее не надо уничтожать. В противном случае людям еще долго не придется рассчитывать на бессмертие, сверхтела и ментальные поля.
— Мое мнение что-то решает? — прищуривалась Эрвина.
— Еще как, — кивал эмиопат. — И особенно ваше. Ибо чего я действительно не понимаю, так это как вам, юная леди, удается сопротивляться внедрению. Я не могу вас захватить даже если бы захотел. Поверьте, я знаю, о чем говорю. А вот Ярколич не знает, поскольку не был в вашей шкуре. И что-то мне подсказывает, что лучше бы ему и не знать. В противном случае он может решить, что вы не столько дар для схане'ярвов, сколько угроза. Только представьте — они расклонируют вашу генетику, а потом вдруг выяснят, что собственноручно получили неподконтрольное себе человечество. То-то будет номер!
— Какая разница? Они же все равно хотят его извести, — вздыхала Эрвина.
— Огромная. Извести ПОТОМ, когда в нем отпадет всякая надобность. А до тех пор — генетически изменить своим грядущим препаратом, чтобы создать миллиарды миллиардов пригодных в носители единиц, — напоминал эмиопат.
— Хорошо. Я ничего не расскажу Ярколичу, — криво усмехалась

Эрвина.
— Вы уж постарайтесь, поскольку скоро вам надлежит отправляться именно к нему, — очень серьезно отвечал эмиопат.

Урочный час приближался. Старательно зазубрив инструкции, Эрвина явилась в медицинский комплекс, с которого как раз сняли карантин. Проверенные досконально, врачи Либератики теперь были вне подозрений и вернулись к исполнению своих обязанностей. Студенты требовали тестов, процедур и внимания. Беспрецедентный перерыв считался не слишком критичным, однако его следовало быстрее минимизировать. Пользуясь своими привилегиями, Эрвина, как обычно, прошла прямо к Ярколичу, и никто не посмел ее остановить. Внутренне она вся тряслась, отчего едва не позабыла наставления эмиопата. А забывать их не стоило. Он больше не мог подсказывать ей изнутри, ибо на время удалился в Алию.

В отличие от других, Ярколич был очень сильным схане'ярвом. Сильным и многоопытным, не просто так назначенным на свой пост. Хорошо зная, с чем имеет дело, он мог почуять неладное и проверить Эрвину словно невзначай. Эмиопат не хотел рисковать. Пока не настало время, Эрвине следовало действовать самостоятельно, тем более что физическая возможность для этого существовала. В случае гостевого присутствия, эмиопат мог приходить и уходить сколько угодно и когда потребуется.

Ярколич встретил Эрвину напряженно, но приветливо. Поглощенный делами, взвинченный недавними проверками Карлериха, он никогда не отказывал во внимании своей уникальной студентке. И особенно после указаний насчет нее от руководства Астробиона. Сидя за рабочим столом, он что-то делал в терминале, совмещая дополненную реальность с прямым управлением электроникой.
— С чем пожаловали на этот раз? — осведомился он, бегло окидывая девушку взглядом.
Гм. Бледновата, взволнована и чем-то явно озабочена, однако при этом физически здорова и опасений за свое состояние не вызывает. Вот и хорошо, а то последнее время творится черти что. Хасильяни! Под самым его носом! И как только он его не раскусил?!. М-да уж. С такими вражескими проникновениями еще не хватало потерять столь перспективного экстрасенса.
— Похоже, я сошла с ума! — придав голосу драматизм, чрезвычайно эмоционально сообщила Эрвина. — Я больше так не могу! Я должна об этом рассказать!
— Так уж и сошла? — усмехнулся Ярколич. — Полагаю, как и прежде, я найду вашим чудачествам вменяемое объяснение. Вы-

кладывайте, что там у вас происходит. Танцы на крыше? Ночное чревоугодие? Купание при луне?
— Я вижу другую Вселенную. Я вижу других существ. Я вижу войну, неисчислимые жертвы и зеленую пустоту, — воздевая руки, патетически заявила Эрвина.
Вытаращив глаза, Ярколич чуть со стула не свалился.

Общение протекало весьма неординарно. Уразумев, что не ослышался, Ярколич стал задавать вопросы и приходить во все большее ошеломление. Сидя в гостевом кресле, Эрвина отвечала. Отвечала связно и без запинки, лишь неуверенно подбирая выражения и растягивая слова. Это было естественно, ибо говорила она о том, чего не знала и знать не могла. При этом она описывала все поразительно точно — по крайней мере, в основе, без лишних деталей. Последних, впрочем, тоже хватало. Иногда Эрвина сообщала такое, что Ярколич начинал сомневаться, беседует он с человеком или схане'ярвом. Упоминание о каком-то сопряжении между мирами, которое вроде как существует, хотя физически и не должно, окончательно впечатлило его дальше некуда.
— Где ты… Откуда ты все это взяла? — пытливо спросил Ярколич, подходя к Эрвине вплотную. — Тебе кто-нибудь рассказал?
— Это вспыхивает в моей голове. Вспыхивает во сне, вспыхивает наяву. И с каждым днем все чаще, — пожаловалась Эрвина. — Я так больше не могу. Я схожу с ума?
— Нет, — машинально вырвалось у Ярколича.
— Вы уверены? — простонала Эрвина. — Прямо сейчас мне кажется, что вы откуда-то не отсюда. Вы какой-то… синий. Тут все синие. Все люди Либератики. Ну, кроме молодых студентов.
Ярколич издал неопределенный звук. Вернувшись за свой стол, он сделал нечто присущее человеческой натуре. Выудив бутылку отличного виски, он плеснул себе в стакан и залпом осушил добрую половину. Вторым глотком прикончил оставшуюся.
— Вот и храни после этого тайны про Астробион, — пробормотал он вслух, не особо и таясь.

Вопрос с просвещением Эрвины, обсуждаемый самим руководством, внезапно предстал актуальным как никогда. Девчонка УЖЕ обо всем знает. Просто она и понятия не имеет, что именно знает. И что видит. А видит она "СИНИХ", то есть схане'ярвов. Поди пойми, как. И раз так, то запросто может начать болтать, внося хаос в дисциплину и смущая умы студентов. Получается, ее уже не просто желательно привлечь — ее НАДО привлечь. Открыть часть правды и приблизить к проекту схане'ярвов. Взять себе на службу, пока чего не вышло. Не силой же, в самом деле, ей рот затыкать. Погубить ТАКОГО экстрасенса — это даже не преступление, а

форменное безумие.

— Скажите, небо настоящее? — внезапно спросила Эрвина.

— А? — Ярколич сфокусировал на ней отсутствующие глаза.

— Мне чудится, будто над нами что-то огромное, черное, страшное. А небо… оно… Что-то за желтыми, в крапинку дверями. С цифрами. Пять, пять, двадцать… Семь ноль. Этого ведь не существует? Скажите, что этого не существует!

Порывисто поднявшись, Ярколич снова подошел к Эрвине. В руках он держал какую-то штуковину, похожую на отвертку с тонкой мерцающей иглой на конце.

— Посмотри сюда, не волнуйся, — мягко сказал он, и принялся светить в глаза Эрвине.

Ярколич точно знал, что искал, и на мгновение даже уверился, насколько простым может быть объяснение. Старательно водя иглой, он все светил и светил в зрачок Эрвины, словно силился проникнуть в глубины ее сознания. Собственно, примерно это он и делал, посылая особое излучение и улавливая ответ по принципу радара. В его опытных руках игла, она же ментальный зонд, могла уловить такое, что не выявляли и многие тесты Карлериха. Не обнаружив ничего, о чем было заподозрил, Ярколич как-то даже растерялся, нежели обрадовался.

— Я чокнулась, да? Скажите, что я чокнулась! — взмолилась Эрвина. — Пять, пять, двадцать, семь ноль. Шестнадцать тридцать шесть, золотое кольцо. Двенадцать восемьдесят два, зазеркалье. От хоровода цифр у меня голова сейчас лопнет!

— Идем со мной! — приняв решение, протянул ей руку Ярколич.

За желтыми, в черных ромбиках, дверями с цифрами 552070 открылся огромный зал, напичканный всевозможной техникой. Внутри, в несколько ярусов, располагались исполинские конструкции, центральная из которых походила на токамак. Окруженный вереницами труб, опоясанный множеством сиявших катушек, он возвышался до потолка, в который и упирался расходившимся металлическим раструбом. На его бортах был выгравирован номер тысяча шестьсот тридцать шесть — эксплуатационная модель компенсатора частиц, обрамленная золоченой дорожкой.

Удостоверившись, что цифры настоящие, Эрвина повела себя так, словно хватила несколько шотов алкоголя. Слегка пошатываясь, она ошарашенно озиралась, то фокусируясь на интерьере, то отводя глаза. Мимолетно отвлекаясь на роботов, деловито проезжавших мимо, она дивилась на чудные машины и разглядывала исполинские установки. Персонал отсутствовал. Следуя приказу Ярколича, техники отошли подальше и в поле зрения не маячили.

— Двенадцать восемьдесят два. Можешь показать? — негромко

вопросил Ярколич.
Придерживая пальцы у виска, будто страдая от боли или силясь уловить некие видения, Эрвина потопталась на месте, осматриваясь затуманенными глазами. Потом ткнула рукой. Ничего не говоря, Ярколич повел ее вдоль магистрали, окруженной рядами кабелей и силовых полей. К транспорту он не прибегал, а лишь неторопливо следовал возле Эрвины, наблюдая за ее состоянием и реакцией.

Поначалу они прошли зеркальный, похожий на огромный парник павильон. Ярколич было усмехнулся, но Эрвина внезапно замедлилась, а затем остановилась. Обернувшись, она растерянно что-то поискала глазами, и вдруг, неуверенными шагами, пошла назад. Ярколич снова стал серьезнее некуда. Усмешка уже и не думала возвращаться на его лицо, и особенно тогда, когда Эрвина приблизилась к дверям. Он сам их распахнул и предложил войти. Двинувшись следом, он наблюдал, как девушка довольно робко, но все же вполне целенаправленно идет к консоли управления.
— Двенадцать восемьдесят два, — растерянно произнесла Эрвина.
— Это где-то здесь. Не пойму, где.
— Ты стоишь рядом, — слабо улыбнулся Ярколич, поведя ладонью на огромную, как у атомной станции, консоль. — Это ее системный номер. Просто он визуально не отображен.
— А при чем тут небо и чернота? — озадаченно спросила Эрвина.
— Они управляются отсюда, — смятенно глядя на нее, неторопливо ответил Ярколич. — Скажи мне, дитя, что ты еще видишь?

По секторам Либератики они бродили еще долго. Секторам, прежде закрытым для студентов и даже части персонала. Желая довести эксперимент до конца, Ярколич водил Эрвину везде, куда она указывала. Точнее, в места, которые он безошибочно узнавал из описания ее видений. Он уже не сомневался, что имеет дело с экстрасенсом абсолютно запредельного уровня. Он просто желал определить, как далеко простираются ее феноменальные видения.

Прогулка по Либератике проблем не вызывала. С Карлерихом Ярколич все уладил, взяв ответственность на себя. Теперь его беспокоила лишь Аперхоун, уже пылавшая желанием заполучить Эрвину. Вот уж ухо от селедки! Несмотря на все заслуги, Ярколич и близко не подпустит ученую к этой девушке. На любые обследования он согласится только при своем личном присутствии и под своим же контролем. И только ПОТОМ. Сейчас он категорически запретил к ней приближаться, причем решительно всем, а не конкретно Аперхоун. Всем тем, кого Эрвина безошибочно угадывала как "синих", то есть схане'ярвов. Правда, других-то здесь и не было, только откуда бы она про это знала?

Путешествие продолжалось довольно долго, выявляя поразительную осведомленность экстрасенса. Ярколич остановился лишь тогда, когда уловил в череде видений элементы нижних ярусов. Тех, где в тысячах светившихся капсул недвижно пребывали подопытные. В отличие от стабилизирующих реакторов, компенсаторов частиц и прочих технологий схане'ярвов, предъявлять Эрвине жертв науки все-таки не стоило. По крайней мере, сейчас, а что будет дальше Ярколич пока и сам не знал.

— Пожалуй, хватит, — твердо сказал он. — Я уразумел достаточно.

— Не объясните? Вы обещали объяснить, — просительно напомнила Эрвина.

Такое обещание действительно звучало, причем неоднократно. И его, хочешь не хочешь, придется исполнять. Другое дело — когда и при каких обстоятельствах.

— Полагаю, нам предстоит долгий разговор, — вздохнул Ярколич.

— Не волнуйся, ты не сошла с ума. Ты абсолютно здорова, и голова у тебя работает лучше некуда. Пожалуй, даже лучше, чем у меня. Будь уверена, я открою тебе все, что ты хочешь услышать. Что тебе НАДО услышать. Просто не здесь и не прямо сейчас. Это не так легко, как кажется. И тебе и мне надо подготовиться.

Ярколич не лгал и не пытался оттянуть время. Точнее, пытался, но не по причине обмана. Он уже осознал, что Эрвине, так или иначе, придется о многом рассказать — просто он еще не решил, как лучше это сделать. Прежде не случавшийся в практике, вопрос требовал вдумчивой проработки, не говоря уже о согласовании с руководством. Шутка ли — поведать о схане'ярвах человеку, причем поведать так, чтобы сделать из него помощника, а не врага.

— Тогда я пойду домой. Я смертельно устала. Веки тяжелеют. Все как в тумане, — обманувшись в ожиданиях, понуро произнесла Эрвина. — Вызовите мне капсулу.

— Прошу прощения, но это исключено. Домой ты уже не вернешься. По крайней мере, в ближайшее время, — не став лукавить, покачал головой Ярколич.

— Вы что, хотите меня запереть?! — воскликнула, отступая назад, Эрвина. — Вы считаете, я опасна?!

— Ну что ты! — воскликнул Ярколич, который действительно считал, что ее возвращение домой будет не самой безобидной затеей. — Только с этого момента ты будешь жить по соседству со мной. И под моей персональной опекой. Сейчас мы поедем прямо туда. Я устрою тебя со всеми удобствами и расскажу кое-что интересное. Кое-что поистине незабываемое. Для тебя начинается новая жизнь, Эрвина, где твои видения лишь начало, приподнимающее

завесу великих и волнующих тайн.
Несколько патетический тон позволял сгладить острые углы, прикрывая ограничения грядущими открытиями.
— Я ничего не поняла, — устало сказала Эрвина.
— Идем. Я все объясню, — ласково поманил Ярколич.
Теперь он просто не мог ее отпустить, пока не будет решено, что делать дальше. Ментальные поля девчонки видели всю Либератику насквозь, в придачу к Вселенной схане'ярвов и Астробиону. Взяв Эрвину под руку, он повел ее в пассажирскую капсулу, собираясь по-отечески мягко подавить ожидаемое сопротивление. Эрвина же и не подумала упираться. Понуро следуя с Ярколичем, она следовала как раз туда, куда и надо.

Набор сногсшибательных откровений должен был спровоцировать соответствующую реакцию. Такую, которая заставляла предпринять серьезные и прежде даже не предполагавшиеся шаги. Наставляя Эрвину, эмиопат предполагал несколько сценариев, один из которых и реализовался. Читая мысли напрямую, благо что возникали они в одной голове, та выполнила его указания в точности. Разумеется, она не видела ничего из того, о чем наплела Ярколичу. Точнее, видела, но переданным ей из сознания эмиопата. Сбивчивые слова и туманные, с налетом неуверенности, описания — все это была игра. Превосходная театральная игра, с которой Эрвина справилась поистине блестяще. Гениально исполнив свою роль, она ввела Ярколича в глубочайшее заблуждение, вынудив совершить вполне конкретные, логически предсказанные поступки. И тем привела в действие план, старательно разработанный эмиопатом. Глобальный план, который руками его исполнителей начал влиять на процессы во всей Либератике.

Аудиенциями всех и каждого Мартьяла Дормербруг не баловала. Как декан своего факультета в частности и глава учебного комплекса в целом, она всегда была занята, чтобы отвлекаться по пустякам. Шелли попала к ней не без труда. Будучи перспективной студенткой, она пользовалась ее расположением, что и навеяло недавний сон с чувством вины. Шелли не участвовала в экспериментах на нижних ярусах, однако училась делать нечто очень подозрительное, на похожих стендах и клеточных образцах.
— Только давай кратко. У меня уйма дел, — повела точеной бровью Дормербруг.
В кабинет она Шелли не пригласила. Наоборот, она вышла оттуда к транспортной капсуле и предложила все сказать по пути.
— Я постараюсь, — кивнула Шелли. — Моя подруга Эрвина. Последнее время она болтает много всякого. В основном, полную ерунду, но кое-что я запомнила. Кое-что очень необычное и даже

примечательное.

Это было неожиданно, и тем более сейчас, когда начинали поступать крайне поразительные данные о девушке экстрасенсе.

— М-да? — невольно придержала шаг Дормербруг, которая уже знала, зачем Ярколич шатается по Либератике в компании означенной студентки. — И что же?

— Волновая пушка. Оринглоудер. Эрвина говорила, что с ее помощью якобы можно перемещать сознание, — преспокойно, будто о меню на завтрак, сообщила Шелли. — Сначала это показалось мне очередной ахинеей, плодом ее поехавшего воображения, однако недавно она нарисовала формулы. Она не понимала, что рисует, но с некоторых пор я очень хорошо в этом разбираюсь. И я увидела в них определенный смысл.

Дормербруг остановилась, начисто позабыв, куда вообще шла. Уставившись на Шелли, она соображала, что сейчас услышала.

— Эти формулы… Ты их помнишь? — запнувшись, осведомилась она.

— Конечно, — кивнула Шелли. — Вам показать?

Дормербруг ничуть не возражала. На ее персональный интерфейс тут же поступили данные, преобразованные в графический формат. Выведя их в дополненной реальности, она развернула колонки математических записей. В общей массе, немного, но это заставило ее затаить дыхание. Ни много ни мало, она увидела принципиальную основу технологии внедрения схане'ярвов.

Дормербруг понадобилось около минуты, чтобы прийти в себя. Образовавшуюся паузу она списала на внимательное изучение записей.

— Любопытно, — неопределенно произнесла она, искоса изучая Шелли. — Ты что-нибудь поняла? Поняла, о чем все это?

— Нет, — мотнула головой та. — Общая идея мне не ясна.

Дормербруг не без облегчения вздохнула. Болтовню Эрвины и впрямь стоило немедленно прекратить, поэтому она согласна, чтобы Ярколич пока подержал ее у себя.

— Но я знаю, как это улучшить, — внезапно добавила Шелли.

— Что улучшить? — откровенно не поняла Дормербруг.

— Я не знаю, что именно выводят эти формулы, но я вижу, как повысить их эффективность, — с юным задором заявила Шелли.

— И как же? — не веря своим ушам, машинально осведомилась Дормербруг.

В ответ она получила еще один набор данных, составленный на основе предыдущего. Недоверчиво усмехаясь, она пробежала его глазами и обомлела. Затем, вернувшись к первым строчкам, стала изучать их куда вдумчивее, а затем, снова дойдя до итогов, при-

шла в неописуемое волнение.
— Знаешь, что. Давай пройдем в мой кабинет и поговорим, — быстро сказала она, впиваясь в студентку взглядом голодного вампира.
— Вы же куда-то торопились, — напомнила Шелли.
— Это подождет, — отмахнулась Дормербруг.

В отличие от кабинета Ярколича, отличавшегося белизной и стерильностью, кабинет декана выглядел более жилым. Она сочетала делопроизводство с изысканным комфортом, под стать своей точеной внешности. Строгая, но сделанная со вкусом мебель предназначалась как для работы, так и для удобства посетителей. Устроив Шелли в мягком кресле, Дормербруг уселась за свой стол и продолжила разговор, для виду перебирая пачку каких-то документов.

Причина для изменения планов у декана очень даже имелась. Веская такая причина, ради которой их стоило отложить. Ни много ни мало, она узрела исправления в теории работы оринглоудера — волновой пушки, предназначенной для внедрения. Исправления, способные существенно повысить ее эффективность. Повышенная точность, улучшенная проникаемость и более надежный результат — на этом фоне снижение расхода энергии шло уже так, комплектом. Великий мастер в своем деле, Дормербруг прекрасно разбиралась в теме. Ей хватило и беглого взгляда, чтобы понять, какая поразительная информация попала к ней в руки. И от кого — от студентки-первокурсницы! Впрочем, первокурсницы, которой нашептала уникальный экстрасенс. С другой стороны, новые расчеты она сделала сама, и вот это поражало не меньше экстрасенсорики.
— Сколько ты с этим возилась? — как бы невзначай осведомилась Дормербруг.
— Точно не помню, — пожала плечами Шелли. — За пару последних недель — несколько вечеров. Иногда по ночам, когда плохо спалось. А что?
— Просто интересно, — повела рукой Дормербруг.

Дормербруг и впрямь было интереснее некуда. Ученые схане'ярвы потратили десятилетия, чтобы создать прототип оринглоудера, а на его совершенствование ушли века. И вот какая-то человеческая девчонка кратно улучшает ее всего за неделю, причем даже не понимает, что именно она сделала. А улучшает точно! Да, она показала лишь фрагмент, небольшую часть расчетов, однако Дормербруг нутром чуяла результат.
— Скажи, а ты вычисляла что-нибудь еще? — стараясь казаться спокойной, обмолвилась Дормербруг.

— Кое-что, — кивнула Шелли. — А в этих формулах действительно есть смысл? — с жаром спросила она.
— Да. И очень даже существенный, — решив не увиливать, кивнула Дормербруг. — Послушай, а ты хотела бы поработать персонально со мной? — тут же добавила она. — Поделись своими соображениями, мы подумаем над ними вместе.
— А о чем все это? — вполне резонно поинтересовалась Шелли.
— М-м-м, это касается одной очень важной теории, на которой работает не менее важная техника, — пожевав губами, неопределенно ответила Дормербруг.

Декан оказалась на распутье. С одной стороны, Шелли — не Эрвина. От ее болтовни никакого вреда не будет, и просвещать ее необходимости вроде как и нет. Ее вполне можно отпустить заниматься своими делами. С другой, с таким выдающимся умом она станет куда полезнее, если открыть ей хотя бы часть правды. Исключительно научной, не раскрывая общий замысел и не вдаваясь в конкретику. Но это, однако, следовало хорошенько обдумать, отчего декан решила обойтись без излишней спешки.
— Я могу увидеть эту технику? — оживилась Шелли.
— Возможно, позже, — качнула головой Дормербруг.
— Жаль. Что ж, я могу прийти и в другой раз, — вздохнула Шелли. — Но если хотите, я могла бы показать, как ее улучшить прямо сейчас. Если я правильно поняла, там есть такое квантовое поле, которое… э-э-э… работает не совсем удачно. Если его перенастроить и перенаправить, воплощения частиц в евклидовом пространстве станут более сконцентрированы. На неорганической материи это не особо скажется, а вот на органической эффект будет другой. Я тут навскидку прикинула…
— Да разорви меня Вселенная! А ну идем со мной! — велела, вызывая транспорт, Дормербруг.

Шелли в жизни не видела оринглоудера. Те, что стояли в аудиториях, вмонтированные в учебные места, надежно маскировались под кожухами. К лабораторным же, расположенным в закрытых зонах, студенты в принципе не допускались. Шелли не знала, что это такое, и уж тем более как работает. Она никогда не вычисляла его формул и не совершенствовала эффективность. Она лишь говорила то, что подсказал ей эмиопат. Это он успел хорошенько разобраться в оринглоудере и прекрасно понял, чем именно посадить Дормербруг на крючок. Затея удалась. Та глубоко заглотила наживку. Приведя Шелли в лабораторию, она предъявила ей волновую пушку и предложила реализовать свою новаторскую идею.

К технике такого рода студенты доступом не обладали. Ей за-

правлял только персонал Либератики, причем имевший надлежащую компетенцию. Абы кого к ней вообще не подпускали. У Дормербруг, разумеется, доступ был. Авторизовавшись, она разблокировала оринглоудер и поманила Шелли. Та, разумеется, растерялась, где тут что, но ей любезно подсказали. Ориентируясь на указания эмиопата, Шелли нашла заветные настройки и принялась колдовать. Получилось у нее, прямо скажем, не сразу. Она успела испугаться, что и вообще не получится, однако волнение, малопомалу, улеглось. Взяв себя в руки, Шелли вернула холодный рассудок, хорошенько перетряхнула память и сумела подкрутить оринглоудер так, как наставлял эмиопат.

Дормербруг не вмешивалась. Она лишь молча смотрела на манипуляции студентки, не останавливая ее и не понукая. Она видела, что та теряется и путается, но это было и неудивительно, когда видишь технику впервые. Ее действия, однако, носили осмысленный характер, отчего Дормербруг терпеливо дожидалась результата. И дождалась. Отступив в сторонку, Шелли сообщила, что дело сделано. Приблизившись, Дормербруг не стала подзывать инженера и занялась оринглоудером лично. Включив режим имитации, она быстро прогнала несколько тестов и признала очевидное, хоть и невероятное. Шелли умудрилась повысить эффективность волновой пушки, причем еще до всяких технических, основанных на формулах преобразований.

— Неплохо, милочка, очень неплохо, — протянула впечатленная Дормербруг. — Пожалуй, я и впрямь возьму тебя под свое крыло. Найду твоим талантам достойное применение.

— Я буду просто счастлива! Работать с вами — огромная честь! — восторженно заявила Шелли.

Дормербруг польщенно улыбнулась. Чествования от людей для нее, могущественного схане'ярва, ничего не значили, однако бывали и исключения. Особенно тогда, когда Ярколич обзавелся личной любимицей в виде Эрвины.

Домой Шелли вернулась нескоро. Беседа с Дормербруг затянулась на куда больший срок, нежели планировалось. Вцепившись в одаренную студентку, она желала знать гораздо больше, нежели та в принципе могла ей сказать. Шелли приходилось выкручиваться, ссылаясь на пробелы в памяти и оставшиеся в комнате записи. Она обещала сообщить еще немало нового, и в итоге все-таки была отпущена восвояси. Дормербруг не усматривала в этом никакой угрозы. Не зная конечной сути, Шелли всего лишь работала с техникой, и ничего особенного разболтать не могла, тем более что ничего особенного и не увидела. Формально, это соответствовала действительности. Для самой Шелли увиденное и услышанное бы-

ло бесполезным. В отличие от эмиопата. Выгрузив запись из дополненной реальности, она снабдила его алгоритмами доступа Дормербруг и много чем подсмотренным еще, что декан имела неосторожность использовать при Шелли.

Принимая Руберта, глава жилого комплекса, он же главный техник Либератики Остиан Брегоунт, был уверен, что речь идет про какой-то житейский казус. Как правило, мелкими бытовыми неурядицами ведали чины поменьше, а он занимался только наиболее важными вопросами. Руберта, однако, он допустил без препятствий. Как сосед Эрвины, о которой уже пошли любопытные сведения от Ярколича, этот молодой человек вызывал некоторый интерес.

— Чем могу помочь? — вежливо осведомился Брегоунт, исподтишка изучая посетителя.

Присесть он его пока не приглашал. Выдвижные, из пола, стулья предназначались только для продолжительных разговоров, если случалась такая оказия. А обычно не случалась, поскольку и кабинет Брегоунта больше походил на технический узел, нежели переговорную.

— Ну, вообще-то это я надеялся помочь, — выразительно уверенным тоном сообщил Руберт.

— Вот как? И чем же? — удивился Брегоунт.

— Я полагаю, вам уже давно известно мое маленькое хобби — вскрыть какую-нибудь дверь, замок или систему, — изложил прелюдию Руберт. — Я неоднократно получал предупреждения, но всерьез меня ни разу не штрафовали.

— Я в курсе, — усмехнулся Брегоунт. — Что ты натворил на этот раз?

— Технически, не совсем я. У вас накладочка в системе управления доступом, — сообщил Руберт. — Я тут выяснил, что могу войти в дом к любому первокурснику. То есть вообще в любой дом, даже если там не живу.

— Вот как? — заметно оживился Брегоунт.

— Да. У вас ошибка в протоколе. Ее очень трудно заметить, но если постараться, то она выявляется, — охотно пояснил Руберт. — Когда в дом заходит робот или кто-то из персонала Либератики, в этот момент можно сделать перехват. Надо одновременно использовать свой собственный доступ и считать данные с интерфейса. Давайте покажу, как...

И Руберт показал, передав видеозапись со своего персонального интерфейса.

Воспроизведение ситуации на терминале не отняло много времени. Удостоверившись, что студент говорит правду, Брегоунт

по-человечески почесал в затылке. Потом задумчиво огладил рукой подбородок.
— Гм. Действительно, — подтвердил он, проверив, как прокалывается система. — Молодец, что заметил. Кому-то об этом уже рассказал?
— Вот только сейчас говорю, — совершенно искренне ответил Руберт.
— Хвалю, — кивнул Брегоунт. — Но больше никому ни гу-гу. Можешь рассчитывать на солидную премию в баллах и отметку в личном деле. Что-нибудь еще?
— Полагаю, да, — неожиданно заявил Руберт. — Если я проделаю это с вашего личного терминала, то думаю, что получу доступ ко всем дверям Либератики.

Брегоунт решил, что ослышался. Аж крякнув от неожиданности, он уставился на Руберта так, словно видел перед собой какое-то чудище. Затем откровенно усомнился в его словах.
— Если хотите, это можно проверить прямо сейчас, — предложил Руберт. — Но нет, так нет. Я тогда пошел. Только если что — я вас предупреждал. И Эрвина тоже.
— А она тут при чем? — насторожился Брегоунт.
— Она подсказала мне идею. Последнее время у нее полно всяких видений. Мы даже стали думать, что она малость того, крышей поехала, — пояснил Руберт. — Однако на поверку кое-что оказалось очень даже настоящим. Может, она вовсе и не чокнулась, хотя тогда вообще не ясно, что с ней происходит.
Что происходит с Эрвиной, Брегоунт очень даже знал. А еще он теперь знал, что к ее видениям стоит относиться со всей серьезностью.
— Покажи, — велел он, пуская Руберта за свой терминал.

Демонстрация не затянулась. Пользуясь авторизацией Брегоунта, Руберт использовал свои данные, а затем провернул обещанную манипуляцию. Результат не заставил себя ждать. Вытаращив глаза, Брегоунт узрел, что студент и впрямь получил доступ ко всем дверям Либератики. Это красноречиво подтверждала информация на экране, где отображался его персональный статус.
— Я своим техникам головы пооткручу! — весьма экспрессивно воскликнул Брегоунт. — Куда они вообще смотрели?!
Впрочем, особой беды в этом он не видел. Несмотря на очевидный системный недочет, Руберт сумел провернуть свой алгоритм только на его терминале. Другой для этого не подходил, а абы кого Брегоунт к себе не пускал. И все же проблема, безусловно, существовала, причем весьма неприятная. Кто знает, где она еще вылезет и аукнется?

— Надеюсь, ты не возражаешь, что я сейчас верну твой чрезмерный доступ на прежний уровень? — не столько спросил, сколько констатировал Брегоунт.
— Не получится, — неожиданно заявил Руберт. — Точнее, получится, но уже с любого терминала я смогу его восстановить. Чтобы это предотвратить, вам придется заменить действующий протокол на резервный, где еще нет моей авторизации. Затем устранить системную брешь, и лишь потом загрузить все обратно.
— А откуда ты знаешь про резервный протокол? — прищурился Брегоунт.
— Оттуда же, откуда и про остальное. Ну и плюс нащупал опытным путем, — невозмутимо развел руками Руберт. — Так я прав или нет?

Брегоунт не стал выяснять, насколько все скверно. Пройдя усиленную авторизацию, он тут же сменил действующие алгоритмы доступа, пока пронырливый студент не натворил чего-нибудь еще. С него, ведь, пожалуй, станется, особенно если ему навещала всякого Эрвина.
— Другие сюрпризы будут или как? — мрачно осведомился Брегоунт.
На Руберта он не злился, поскольку тот, действуя открыто и с дозволения, ничего преступного не совершил. А вот своим подчиненным он собирался задать знатную взбучку.
— Пока нет, — улыбнулся Руберт, как-то уж слишком выразительно сделав акцент на слове "пока".
— Благодарю за помощь. Можешь идти. За мной достойное поощрение, — кивнул Брегоунт. — Только помни — если что замечу, я знаю, кто руку приложил.
Руберт не возражал. Он уже получил, что хотел, и теперь был рад случаю удалиться. Не сообразив, что произошло, Брегоунт увидел черную кошку не там, где следовало бы, и отпустил его восвояси.

Брешь в системе, разумеется, обнаружил ничуть не Руберт. О ней, как и о многом другом, знал эмиопат, успевший изрядно покопаться в оснастке Либератики. Он использовал ее как предлог, чтобы засланный студент смог задействовать другую брешь, куда более серьезную. Та же, в свою очередь, позволила добраться и до третьей, по-настоящему глобальной, и вся эта цепочка была неосуществима без терминала Брегоунта. И без самого Брегоунта, который исполнил финальный аккорд собственными руками.

Изменить уже действующие алгоритмы эмиопат не мог. Знать не означало сделать. Как бы он ни исхитрялся, это стало бы заметно. Загруженные в систему, те контролировались множеством узлов и электронных глаз, не говоря уже об операторах. Все-

таки он был не всесилен, а система безопасности не совсем уж слепа. Эмиопат поступил проще. Он модифицировал резервный, неактивный набор протоколов, который сам, опять же, загрузить был не в состоянии, но который, еще не проверенный Карлерихом, привел в действие Брегоунт. Разумеется, это тоже не могло пройти бесследно. Скоро вмешательство эмиопата обнаружат, однако решающим фактором здесь фигурировало именно "скоро", то есть спустя какое-то время. То, за которое он рассчитывал добиться своего, и этот принцип распространялся на все элементы общего замысла.

Карлерих отказал бы многим, исключая, разве что, Эрвину. Как шеф службы безопасности, обычно он не общался с посетителями напрямую, если речь не шла о совсем уж вопиющих случаях. Сильвертину, однако, он принял. Из всех студентов в Либератике, эта робкая и застенчивая скрипачка у него и малейших подозрений не вызывала. Ему даже стало интересно, зачем она явилась. Разрешив войти, Карлерих об этом и спросил.

— Вот, — сказала Сильвертина, показывая принесенную волынку.

— Гм. Я не занимаюсь музыкальными инструментами, — недоуменно сообщил Карлерих. — Если что не так, это к техникам. Спроси Брегоунта, он тебя направит к нужному мастеру.

— С волынкой все хорошо. Я немного улучшила ее для своего Джерри. Как сюрприз. Но на нее ругается ваша система безопасности, — пожаловалась Сильвертина.

— Так-таки и ругается? — невольно улыбнулся Карлерих.

— Да, — кивнула Сильвертина. — Давайте покажу.

В ответ Карлерих сделал широкий жест — мол, валяй. Сильвертина поднесла трубку к губам. В следующую секунду заиграла пронзительная переливистая музыка. В следующую же секунду Карлерих ощутил необычный слуховой эффект, а чувствительные сенсоры в его кабинете дали предупреждающий сигнал тревоги. Удивленно отпрянув, он уставился на Сильвертину ошеломленными глазами. Затем, взмахнув пальцами, отключил тревогу, велев тревожным индикаторам угомониться.

По-военному строгий, кабинет Карлериха отличался металлическими тонами. Мебели здесь стоял сущий минимум, зато стенных панелей с аппаратурой было хоть отбавляй. За рифленой сталью таились не только сенсоры, но и турель с боевыми роботами — дань роду занятий. Их дополняла пара стендов, позволявшая провести оперативное сканирование какого-нибудь образца или предмета. Роботы по-прежнему дремали, без приказа ничем себя не выдавая, а вот стенды пригодились.

Волынку Карлерих проверил лично. Модификацию, упомяну-

тую Сильвертиной, он нашел весьма любопытной. Нанотехнологии повлияли на звучание, сделав его проникновенным во всех смыслах этого слова. Воздействуя не только на слух, пение инструмента вливалось прямо в сознание. Это впечатляюще усиливало эффект, привнося в него элементы физического единения музыки с разумом. Именно его и отмечала система безопасности. Реагируя на все, что потенциально затрагивало нейроны, она подавала предупреждающий сигнал тревоги.

— Ну-ка сыграй еще, — предложил Карлерих.

Сильвертина продолжила исполнять надрывистую мелодию, и сенсоры опять не остались безучастными.

— Гм. Любопытно, — хмыкнул Карлерих. — Возможно, наши ученые этим заинтересуются. Как ты до такого додумалась?

— Мы придумывали это с Эрвиной, — не стала приписывать себе лавры Сильвертина. — Я подключила ее к установке нано… нанопреобразователя. Такая большая штуковина, которая стоит в учебной лаборатории. Эрвина, как и я, закрывала глаза и настраивалась на какую-то волну. Потом вслушивалась в звук, изменяя свойства инструмента.

— Вот оно что, — протянул впечатленный Карлерих.

Упоминание девчонки экстрасенса объясняло многое. Так вот откуда такое воздействие на нейроны, затрагивающее сознание! Настраивая инструмент, Эрвина, вероятно, синхронизировала его звучание со своими ментальными полями. Это и помогло ей добиться того, что прежде еще никто не делал, и добиться весьма впечатляюще. Это же помогло скрипачке создать неординарный инструмент. Да, любопытно. Очень любопытно. Интересно, на что их парочка еще способна?..

— Так вы поможете? — просительно спросила Сильвертина. — Мне уже высказали в учебной лаборатории. Там очень недовольны. Хорош будет подарок, если у Джерри начнутся неприятности.

— А что ты от меня-то хочешь? — уточнил Карлерих.

— Можно получить разрешение или что-то в этом роде? — смутившись, пояснила Сильвертина.

Просьба была хоть и необычная, но безобидная. Карлерих усмехнулся. Модификацию инструмента он находил нетривиальной, однако безопасной. Усиливая восприятие музыки, волынка дарила чисто эстетическое удовольствие и никакого вреда не причиняла. Лично ее проверив, Карлерих не обнаружил ничего предосудительного. Не став отказывать в таком пустяке, он внес в систему безопасности необходимую пометку. Сигнатура этой волынки тревожную реакцию больше не вызывала.

— Будь спокойна, теперь твоя игра никого не побеспокоит, —

улыбнулся Карлерих.

Осмелившись проверить, Сильвертина взяла несколько нот. Сенсоры молчали. Зардевшись от смущения, она протянула Карлериху свою скрипку.

— Что, и это тоже? — понял он и без слов.

Кивнув, Сильвертина провела смычком по струнам. Сенсоры тут же свихнулись, а Карлериху показалось, будто смычок прошел внутри его головы, из одного уха в другое. Формально, аккорд получился мелодичным, однако не для того, кто в принципе недолюбливал этот музыкальный инструмент.

Изучением скрипки Карлерих не пренебрег, но быстро убедился, что принцип действия тот же. Убоявшись, что Сильвертина снова заиграет, он быстро добавил в систему второе исключение и предложил ей пойти поиграть где-нибудь еще. Зардевшись, Сильвертина скороговоркой поблагодарила и убежала как нашалившая школьница.

— Ума у нее как у соловья, даже после нашей терапии, — пробормотал, возвращаясь за свой стол, Карлерих. — Правда, и музицирует она как соловей — тут надо отдать ей должное.

У любого здравомыслящего схане'ярва Сильвертина никаких подозрений не вызывала. Ее наивные поступки если чем и диктовались, то тягой к искусству и собственным, мало кому доступным видением мира. Карлерих такого уже повидал, отчего и не придавал эпизоду с Сильвертиной особого значения. Не принимая ее во внимание, по-своему он был прав. Это воздушное, оторванное от реальности создание просто не могло причинить кому-нибудь вреда. Даже на пару с Эрвиной. Экстрасенс нащупала метод, Сильвертина реализовала исполнение. Ее игра достигла максимального эффекта, напрямую поражая воображение слушателя. Поражая, но чувственно, а не пагубно. Против такой музыки Карлерих ничего не имел, отчего и внес измененные инструменты в исключение из правил. Зачем понапрасну будоражить сенсоры Либератики? Он же не знал, что ни Сильвертина, ни Эрвина не имели отношения к модификации. Обе вообще были не в курсе, в чем она заключается, а сделал ее тот, кто называл себя эмиопатом. Сделал, основательно изучив человеческую природу, и собирался сделать еще раз.

Как ректор Либератики, Вергизий Дель Годро свободным временем в принципе не располагал. Каждую минуту он посвящал исключительно проекту Астробиона, ставшему смыслом жизни. Проект возвеличивал его в иерархии схане'ярвов. Он же даровал такие возможности, которых было бы не добиться и на тотальной войне в родном мире. Здесь, в мире людей, Дель Годро оказался

самым главным. Здесь, если его амбиции осуществятся, он надолго таковым и останется. Затем — как знать, авось он и войдет в правящую верхушку наисильнейших. Войдет, когда масштабная эвакуация завершится и Вселенная людей превратится во Вселенную схане'ярвов. При несомненных успехах Либератики, место в элитных кругах Дель Годро почти обеспечено. Тогда он станет седьмым, наравне с Анджделм, Тредалиуром, Винтомааром, Перспектуром, Гекталистратом и Крестергратикусом. Тогда же он окончательно закрепит свое доминирующее положение над всеми прочими.

От природы властный, Дель Годро не мечтал о власти как о самой по себе. Такое примитивное восприятие было недостойно схане'ярва. Он находил ее неотъемлемой частью своих заслуг, своих талантов, и вот именно они даровали ему право командовать; управлять всеми нижестоящими, принимая решения для всеобщей пользы и во всеобщее благо. И все это благо, все его амбиции грозило расстроить вопиющее нападение на Либератику.

Вторжение на Гальтенузу Дель Годро воспринял как личный вызов. Кто-то посмел посягнуть на влияние, которым пользовался элитный университет. ЕГО университет. Влияние и неприкосновенность. Наказывая картель Одулоа всего лишь за гибель одного выпускника, Либератика была просто обязана отомстить тем, кто на нее напал. Отомстить так, чтобы эхо этого возмездия докатилось до самых отдаленных уголков галактики. Все схане'ярвы соглашались, что оставлять такой инцидент без внимания попросту нельзя. Наглецам требовалось преподать серьезный урок, и тут двух мнений быть не могло. Вот только с исполнением возникала небольшая заминка — сперва требовалось установить причастных.

Расследование проводилось тщательное. Сам факт, что атаке подверглась Гальтенуза, а не орбитальная станция, указывал на неосведомленность нападавших. Это было очевидно, но именно это и смущало. Масштабная операция проводилась весьма искусно и целенаправленно, с привлечением очень серьезных сил. Десант за кем-то прибыл — анализируя его поведение, в этом не оставалось сомнений. Вот только за кем? Персонал Либератики заведомо исключался, ибо тогда агрессоры не попались бы на подделку в виде Гальтенузы. Но ведь исключались и студенты — просто по логике вещей. Кому бы из них и зачем понадобилась такая радикальная выходка? Тем, кто внезапно узнал правду? Узнал, что его ждет? Это выглядело бы правдоподобным, если не считать того, что узнать им означенную правду было банально неоткуда.

Схане'ярвы не испытывали сочувствия к людям и не стали бы

посвящать их в свои истинные намерения. Им требовались носители, а не друзья и соседи. Допустим, кто-то захотел сохранить дорогого, внезапно полюбившегося человечка. И что? Он вполне мог сделать это официально, просто вывезя его со станции. Зачем организовывать нападение или подталкивать к таковому? Бессмыслица! Бессмыслица, в которой ответ напрашивался только один, за отсеиванием остальных. И он вполне увязывался с предыдущими происшествиями. К нападению приложил руку все тот же враг, обезвреженный в лице Хасильяни. Именно он каким-то образом инициировал атаку на бутафорную Либератику. Да, именно он, и никто другой. Правда, это все равно не объясняло, зачем? На кой ему такое сдалось? В чем вообще смысл? Этот вопрос мучил Дель Годро больше всего, не давая ему покоя. Он не вписывался ни в одно из предположений и своей необъяснимостью нагнетал тревогу.

Дель Годро не любил необъяснимых вещей. Непредсказуемость неизвестности таила заведомо неотразимые угрозы. Он мог противостоять чему угодно, но только не тому, чего не знал. Следуя его приказу, верховный прокурор уже рыл землю, выискивая причастных к нападению на Либератику. Ему помогало министерство внутренних дел, специальные агенты и даже министерство обороны. При этом Дель Годро занимался расследованием и сам. Улучая время, он старательно искал логические концы и упорно их не находил. Визит Элеоноры застал его как раз за этим. Размышляя над проблемой, он был мрачнее тучи, когда ему доложили, что в приемной ожидает баронесса фон Геннингшафт.

— Передайте мои сожаления, но мне сейчас не до нее, — раздраженно велел ректор.

— Она просила вам сказать, что у нее срочное дело. Она говорит, что знает, кто мог бы желать зла Либератике, — пояснил секретарь.

— Впустить! — тут же изменив настрой, коротко приказал ректор.

Высокий статус предполагал определенный обиход. Как могущественный схане'ярв, Дель Годро презирал человеческое стремление к роскоши и комфорту, но положение, как говорится, обязывало. Он и тростью пользовался не из-за хромоты, а для создания образа, равно как и дорогой одеждой. По той же причине его кабинет был обставлен с изысканным вкусом аристократа. Принимая Элеонору фон Геннингшафт, ректор вышел ей навстречу по идеально отполированному паркету. Приветствуя ее с манерами джентльмена, он быстро соображал, что послужило причиной ее неожиданного визита.

Совпадение? Вряд ли, но даже если так, то чертовски удач-

ное. Пригласив молодую баронессу присесть, Дель Годро вежливо осведомился, о каком именно зле идет речь. Вооруженные вторжения на регулярной основе не случались и в ежегодную традицию Либератики не входили. Учитывая астрономическую редкость инцидента, некая информация от баронессы почти наверняка связана с недавней атакой. Как? А вот это сейчас и выяснится.
— Надеюсь, мои слова не покажутся вам сумасбродством, — как бы заранее запросила себе индульгенцию Элеонора.
— Это зависит от того, что вы скажете, — прямолинейно заметил Дель Годро.
— Как вам известно, я поддерживаю регулярный контакт со своим поверенным. После гибели моего дяди Джамиани это стало особенно актуально, — начала Элеонора.
Ректор степенно кивнул. Устранение коварного дядюшки было одобрено лично им, а последующие события вызвали известное неудобство. Элеонору с трудом убедили не уезжать, поскольку схане'ярвы не хотели лишиться настолько перспективной ячейки в среде аристократов.
— Недавно мой поверенный сообщил, что в Либератике мне оставаться небезопасно, — продолжила Элеонора. — Мол, есть влиятельные лица, которые считают, что та посягает на их власть. Они думают, что университет причастен к какому-то заговору с целью установления тотального господства.

Дель Годро обомлел. Разговор пошел совсем не в том русле, в котором ожидалось, однако от этого стал еще более интригующим. Слова баронессы прозвучали набатом в тиши безмятежной ночи. Ведь он-то точно знал, что Либератика и впрямь добивается абсолютной власти, однако до сих пор считалось, что людям об этом неизвестно.
— Я знаю, как это выглядит, и пойму, если вы не захотите и дальше слушать эту чушь, — сделала паузу Элеонора.
— Продолжайте, прошу вас, — вежливо повел ладонью Дель Годро.
— Уверяю, я отношусь к вашим речам с должным вниманием.
Он абсолютно не лукавил и теперь искренне жаждал подробностей.
— По мнению моего поверенного, эти лица считают, что заговор Либератики охватывает самые высокопоставленные круги, — снова заговорила Элеонора. — В нем состоят многие ее выпускники. Они добиваются свержения правящего строя и установления собственной диктатуры.
Внешне оставаясь невозмутимым, Дель Годро весь обратился в слух.
— Заговорщики, якобы, идут на любые меры. Они не останавли-

ваются ни перед чем. Многочисленные убийства, громкие силовые акции, похищения людей, подкупы, подлоги и иные преступления отлажены настолько хорошо, что складываются в единый перемалывающий механизм. Прикрытие осуществляется на самом высоком уровне, а планы поистине вселенские, — продолжила Элеонора. — По мнению этих лиц, даже смерть моего дяди Джамиани не случайна. Мол, он перешел дорогу Либератике, за что и поплатился вместе со всей семьей. Это совершенно возмутительное предположение, однако я считаю своим долгом донести эту информацию до вас.

Дель Годро не сразу нашелся что ответить. В отличие от баронессы он точно знал, что все сказанное ей — чистейшая правда. Правда от первого и до последнего якобы измышления. Проблема заключалась в том, откуда об этом узнал кто-то еще. Элеонора фон Геннингшафт явно не верила в то, о чем говорила, иначе не пришла бы к ректору Либератики и не выложила все вот так. Но кто-то верил! Вероятно, группа неких чокнутых фанатиков, одержимых теорией заговора, которые внезапно оказались критически близки к истине. Обычно эти сумасшедшие не доставляют никому хлопот, за исключением психиатров, но только не тогда, когда своими воспаленными фантазиями случайно попадают не в небо, а прямо в глаз.

— М-да, вот так история, — неопределенно протянул Дель Годро для того, чтобы заполнить паузу.

— Сожалею, что вам приходится выслушивать подобное, но мой поверенный считает, что эти люди могут быть опасны, — рассыпалась в извинениях Элеонора.

— О, прошу вас, не чувствуйте себя виноватой за поступки других, — взмахнул ладонью ректор. — Однако вы уже второй раз говорите про опасность. В чем она заключается для Либератики и персонально для вас?

— Мой поверенный считает, что мне лучше поскорее отсюда уехать. Есть основания считать, что эти люди хотят организовать вооруженное нападение на университет. Покончить, так сказать, со змеиным гнездом, для чего у них вполне достанет денег, силы и власти. И это повлечет за собой немалые жертвы, среди которых могу оказаться и я, — пояснила Элеонора.

Дель Годро потерял дар речи. При всей своей воле и выдержке он был просто оглушен столь поразительной новостью. Не сводя глаз с баронессы, он вцепился пальцами в трость, стараясь сообразить, что ему сейчас вообще делать.

— А кто эти люди, которых вы все время упоминаете? — нашелся он, сразу перейдя к главному.

— Имен я пока назвать не могу, — качнула головой Элеонора. — Поверенный, однако, предупредил, что все может быть очень серьезно, и просил меня перестраховаться.
— Я вынужден настоять, чтобы вы их назвали, — блеснул глазами Дель Годро. — Если они готовят столь серьезное преступление, а вы намеренно что-то скрыли, это будет выглядеть очень скверно.
— Я не могу их назвать, потому что не знаю, — пояснила Элеонора. — Поверенный мне их не сообщил. Он и сам не уверен, отчего и решил пока не возводить беспочвенную напраслину.
— Ничего себе беспочвенную! Прислать боевой флот! Открыто напасть на планету! Ворваться в Либератику! — воскликнул, меняясь в лице, Дель Годро. — Беспочвеннее просто некуда!
— Но ведь этого же пока не произошло, — напомнила Элеонора.
— Ах, ну да, — быстро поправился ректор, в запале позабывший, что баронесса не в курсе десанта на Гальтенузу. — Прошу прощения, я принял ваши слова близко к сердцу. Уверяю, что здесь вам ничего не грозит. Я бы даже сказал, для вас здесь самое безопасное место на свете.
— Значит, мне не обращать внимания на предостережение поверенного? — уточнила, просветлев лицом, Элеонора.
— А вот этого я не говорил, — тут же возразил Дель Годро. — Скажите, могу я попросить вас узнать от него больше информации? — с трудом выдержав надлежащую паузу, добавил он.

Роли поменялись. Теперь уже ректор, стараясь вести себя корректно, уговаривал баронессу отнестись к поклепу на Либератику более серьезно. Если ее поверенному что-то известно, он будет весьма признателен за любые сведения.
— Ну, хорошо, — делая вид, что сдалась, согласилась Элеонора. — Только есть загвоздка.
— Какая? — живо осведомился Дель Годро.
— Сеансы связи. Они ведь разрешены студентам только раз в неделю, — напомнила Элеонора.
— О, об этом не беспокойтесь! Для вас я сделаю исключение! — заверил Дель Годро. — Сможете общаться со своим поверенным хоть круглые сутки все дни недели. Только узнайте у него, откуда же все-таки идет такая информация. Меня, знаете ли, очень заботит репутация Либератики. Я не могу оставаться к подобному безучастным.
— Тогда еще одно. Я не хотела бы вести такие разговоры из дома. Мои друзья, они… не поймут. Эрвина и так словно не в себе, наговорила мне всякого, — добавила Элеонора. — Мне лучше вызывать поверенного откуда-нибудь из укромного места.
— Разумно. Это я устрою, — искренне одобрил ее желание Дель

Годро. — Вам предоставят терминал на одном из коммуникационных узлов. Что-нибудь еще?
— Нет, благодарю. Я и так отняла у вас много времени, — сказала, вставая, Элеонора.
— Ну что вы, это я должен вас благодарить, — рассыпался в любезностях ректор Либератики.

Схане'ярвы, разумеется, могли отправить спецотряд и захватить поверенного баронессы для допроса, но это грозило спугнуть крупную рыбу. Учитывая, что спешить необходимости не было, в данном случае стоило действовать аккуратно и осмотрительно. Пусть Элеонора выяснит, что там к чему, а вот когда прозвучат конкретные имена, тогда и появится резон отправить к ним гостей. И этот резон точно был. Нападение на Либератику не готовилось — оно уже свершилось, и Дель Годро очень хотелось узнать, кто именно стоял за всей этой теорией заговора. Теорией, в которой ошибкой оказалось только одно — власть над Вселенной собирались установить не просто выпускники Либератики, а схане'ярвы. До этого, конечно, чокнутые людишки не додумались, только и суть проблемы особо не менялась.

— Можно последний вопрос? — спохватился Дель Годро, когда баронесса уже уходила. — В этом контексте вы упомянули Эрвину. Она сказала что-то примечательное?
— Н-ну... По правде, это она подтолкнула меня прийти к вам, — помедлив, словно нехотя ответила Элеонора.
— Вот как? — в очередной раз удивился Дель Годро.
— Да. Она говорила, что чувствует, будто смерть моего дяди окутывает зловещая тайна. И что грядут очень серьезные события, — как бы припоминая разговор, неторопливо произнесла Элеонора. — Тогда я очень разволновалась. Потом, под влиянием эмоций, решила сообщить вам.
Сказав так, она ушла, и Дель Годро ее больше не задерживал. Мозаика начинала складываться, и теперь ему следовало лично направить этот процесс.

Элеонора била не в бровь, а в глаз. Следуя наставлениям эмиопата, она в общих чертах выкладывала ректору зловещие замыслы Либератики, просто от имени неких третьих лиц. И ректор клюнул. Он не мог не клюнуть, поскольку не мог и предположить, что до всего этого Элеонора додумалась сама. Ведь все сказанное ей было истиной. Немного актерской игры, отличного самообладания — и произвести на него впечатление оказалось легко. Затрагивая вселенский заговор, она без всяких подробностей попадала в цель. Она не упоминала лишь схане'ярвов, но это придавало ее словам еще больше достоверности. Реакция наступила незамедли-

тельно. На фоне недавних событий, Дель Годро клещом ухватился за эту историю и мог бы дать Элеоноре гораздо больше, нежели та просила. Разумеется, вскоре он поймет, что его водят за нос, однако эмиопат рассчитывал добиться своего гораздо быстрее.

Юбелла Аперхоун была занята не меньше, чем ректор — просто это носило узконаправленный характер. Ведая исключительно учеными, она не разменивалась на административные дела и проектом Астробиона не управляла. Как сильный схане'ярв, один из высших в Либератике, она, безусловно, вносила свою лепту в общий котел, однако в остальном занималась лишь наукой. И особенно научными феноменами. К последним относилась Эрвина, на которую столь возмутительнейшим образом наложил лапы Ярколич.

Похоже, главный медик всерьез желал сделать экстрасенса своей монополией, и Аперхоун это не устраивало. Она бы уже высказала ему все, явившись на экскурсию по Либератике, однако ее сдерживали указания руководства Астробиона. В них, как назло, в данном вопросе отдавался приоритет Ярколичу. Разумеется, они не учитывали последних событий, однако нарушить волю сверху Аперхоун не осмеливалась. Скрипя зубами, она лишь засыпала Ярколича сообщениями, придя едва ли не в бешенство, когда он прямо велел ей не приближаться. Именно поэтому, пока он разгуливал с Эрвиной по Либератике, Аперхоун так и не объявилась в поле зрения — ни она, ни кто-либо из ее подчиненных. По той же причине она не желала ни с кем говорить. Не то было у нее настроение.

— Я никого не принимаю! — сердито заявила она, узнав, что ее желает видеть какой-то студент. — Тоже мне нашли время!

В ответ послышалась странная возня, словно кто-то вырывал у кого-то микрофон, а то и вовсе пытался уронить с кресла на пол.

— Эй, ты что себе позволяешь?! Охрана! — возмущенно закричал дежурный.

— Я знаю, как можно забрать Эрвину у Ярколича! Знаю, как передать ее под вашу опеку! — грянул на канале связи торопливый голос Сайлуса Честерсайда. — Выслушайте меня! А то этот осел меня не пускает!

Пораженная услышанным, Аперхоун отвесила челюсть. Затем, выскочив из своего кабинета, остановила охрану, уже направлявшуюся, чтобы выдворить Сайлуса. Дежурный, которого он и впрямь спихнул с места, выразил недовольство, однако притих под горящим взглядом начальницы.

— Заходи, — мотнула головой Аперхоун.

Не дожидаясь особого приглашения, Сайлус прошмыгнул в дверь.

Кабинет главной ученой соответствовал хозяйке. Он больше походил на лабораторию, нежели офис или гостиную. Уставленный всякой научной всячиной, он словно жил своей жизнью, в центре которой оставалось место для рабочего стола и несколько строгих стульев для посетителей. Для них же предназначался еще один стол — стеклянный, поднимавшийся над полом и раздвигавшийся в случае необходимости.

— Говори, — велела Аперхоун, оставшись со студентом наедине.

— Выключите все видеотрансляторы. Вообще все, что может за нами следить. Нас никто не должен видеть и слышать, — с неожиданной твердостью заявил Сайлус.

— Что?! Это еще что за нахальство?! Что ты себе позволяешь?! — рассердилась Аперхоун.

— Иначе и слова не скажу. Выключите все, это в ваших интересах. Тогда Эрвина достанется вам, а с меня никто шкуру не спустит. Неприятности с вашими коллегами мне не нужны. Поверьте, вы поймете, зачем я на этом настаиваю. Поймете сразу, едва увидите, — очень выразительно заявил Сайлус.

Требование было поистине вопиющим, однако и повод тоже. Помедлив, терзаемая страстями Аперхоун решила пойти на уступку. Учитывая заявление про нее, Эрвину и Ярколича, возможно, этот непригодный студент и впрямь знал, о чем говорил, а его настойчивость имела под собой некую почву. Что ж, пару минут она ему предоставит. Отключив все контуры безопасности, Аперхоун потребовала объясниться, и тогда действительно поняла, зачем Сайлусу это было нужно. Его глаза вспыхнули изумрудным светом, настолько ярким, что он полился в пространство лучистыми нитями. Молниеносно выбросив руку, он схватил Аперхоун за горло и сдавил так сильно, что она едва могла дышать.

— А теперь, милочка моя, ты сделаешь все, что я прикажу, — холодно произнес тот, кто выдавал себя за Сайлуса. — И только посмей ослушаться. Ты знаешь, что будет.

Схане'ярвы никогда не обсуждали приказы стоявших выше по рангу. Само собой, это не касалось чрезвычайных ситуаций, вопиющих или откровенно подозрительных, однако все выглядело буднично. Первокурсник, явившийся в научный комплекс, преспокойно воспользовался пропуском, и система его не остановила. Он вел себя так, словно привычно направлялся домой. Уровень его доступа соответствовал старшему инженеру, который настраивал сложную аппаратуру, включая волновые пушки. Именно этим первокурсник и занялся. Не обращая внимания на схане'ярвов, он уверенно прошел в одну из лабораторий, остановился подле типового оринглоудера и стал копаться в его настройках.

Персонал научного комплекса студенту не препятствовал. Его допуск был оформлен безукоризненно, а система безопасности никак не реагировала. Следовательно, мешать его работе автоматически означало мешать исполнению чьего-то приказа. И все же ситуация выглядела неординарной. С каких это пор первокурсники разгуливают по закрытым зонам Либератики? Конечно, в последнее время хватает всяких новшеств, но все же... На всякий случай, начальник лаборатории отправил запрос Юбелле Аперхоун. Судя по отметке, доступ студенту предоставила именно она. Так же отреагировал и дежурный сотрудник безопасности, искоса приглядывая за неожиданным визитером.

Выйти на открытую связь Аперхоун не соизволила, сославшись на занятость. Это водилось за ней не впервой. Прислав свою проекцию, она раздраженно ответила, что студент выполняет ее задание, а остальные пусть не лезут в то, чего не понимают. Персонал научного комплекса это вполне удовлетворило. Не полез в бутылку и сотрудник безопасности. Копаясь в настройках оринглоудера, первокурсник выглядел той еще белой вороной, но делал он это с санкции Аперхоун. Ну, раз она действительно в курсе, то ей и впрямь виднее. Перестав коситься на студента, схане'ярвы не опустились до сплетен и вернулись к своим прямым обязанностям.

Несмотря на внешнюю невозмутимость, у Джерри душа в пятки ушла. Шутка ли — проникнуть в научный комплекс, в самое логово экспериментов инородного врага, который тут был решительно повсюду и таращился на него во все глаза! Внутренне содрогаясь, он держался лишь огромным усилием воли. Совладать с собой ему помогала Сильвертина. Прослушивая ее музыку, Джерри думал о том, что спасает ее, и это придавало ему уверенности, дарило необходимые душевные силы. Пользуясь допуском от Аперхоун, совсем недавно загруженным в систему, он сосредоточился на своей задаче, в которой ничего не понимал.

В оринглоудерах Джерри не разбирался, как не разбирался и в том, что вообще делает. Он лишь следовал указаниям в дополненной реальности. Его напускная серьезность — даже безразличие, с которым он не обращал внимания на схане'ярвов, диктовалась банальным страхом. Он панически боялся себя выдать, если посмотрит кому-то из них в глаза. И это внезапно сработало ему на пользу. Сосредоточенный студент, открыто игнорирующий персонал, лишь подтверждал, что выполняет личное поручение Аперхоун, и остальные просто не смеют ему мешать.

Данные для оринглоудера передала Шелли. Она же передала и алгоритмы доступа, подсмотренные у Дормербруг. Не все, конечно, но эмиопату этого хватило. Комбинируя их со своими зна-

ниями, он подправил протокол Брегоунта и сумел пройти авторизацию. Он же составил схему настроек, которую требовалось ввести в штатный оринглоудер. Записав детальное руководство, он загрузил его в дополненную реальность и передал Джерри. Очутившись в лаборатории, он делал ровно то, что ему велели. Проекция эмиопата, видимая лишь ему, стояла рядом и собственноручно указывала, что где включить, изменить или повернуть, куда какие цифры вбивать и в какие положения устанавливать регуляторы.

Ощущая, как по спине текут капли пота, Джерри старался на совесть, и у него получалось. Для новичка, который тренировался лишь в дополненной реальности, он справился на удивление быстро. Пройдя итоговый тест, оринглоудер басовито загудел, а его аппаратный контроль выдал зеленые огни. Корректность настроек была подтверждена, и волновая пушка явила готовность к работе. Облегченно выдохнув, Джерри сделал последнее, что от него требовалось. Скопировав всю память оринглоудера, он записал ее в архивный файл и отправил эмиопату.

Появление Листаса также приковало к себе внимание. Провожая его взглядами, персонал изрядно недоумевал, но вслух это не высказывал. Допуск этому юноше предоставила все та же Аперхоун, и он явно знал, куда шел. А шел он на участок биохимических прототипов. Пока Джерри колдовал в одной части научного комплекса, Листас действовал совершенно в другой. Дополненная реальность рисовала дорогу безошибочно. Беспрепятственно проходя дверь за дверью, он миновал череду секций и прибыл в защищенное хранилище.

В отличие от Джерри, Листас чувствовал себя уверенно. Невозмутимо посматривая на схане'ярвов, он олицетворял свою значимость, равно как и важность исполняемого поручения. Опаснейшую игру Листас воспринимал как вызов, а он, будучи спортсменом, любил вызовы во всех формах их проявлений. Преспокойно войдя в хранилище, он твердо и по-деловому озвучил цель своего визита. Ему требовались образцы препаратов, перечень которых он тут же и предоставил.

Администратор, ведавший хранилищем, оказался в замешательстве. Оно не просто так называлось защищенным. Здесь, в надлежащих условиях, содержалась целая уйма различных веществ, чье действие считалось либо весьма опасным, либо и вовсе неизученным. Выдавать их таким образом, да еще какому-то первокурснику — это представлялось из ряда вон. Озадаченно изучая список, администратор выполнять запрос не спешил.

— Долго мне стоять? — недовольно осведомился Листас. — Меня

ждут.
— Эти препараты нельзя забрать и носить просто так, — прервав размышления, выразительно подчеркнул администратор хранилища.
— А это на что? — ткнул пальцем Листас, красноречиво положив на стол серебристый, похожий на большой термос контейнер.
— Вы точно знаете, что с ними делать? — не удержался от вопроса администратор.
— Я точно знаю, что у вас будут неприятности, если я вернусь с пустыми руками, — сердито заявил Листас.
Перспектива выглядела так себе, но все же бдительность возобладала. Схане'ярвы безоговорочно подчинялись друг другу, однако в хранилище все-таки явился человек.
— Минутку, — извинился администратор, отправляя запрос на подтверждение.
Ответ от Аперхоун не заставил себя ждать. Коротко и резко она дала понять, что ей надоело подтверждать свои приказы, которые, согласно допуску ее посланника, следует выполнять незамедлительно.

Ожидая препараты, Листас поглядывал по сторонам. Вид он сохранял деловой и нетерпеливый. Ему, мол, выдали срочное поручение, а он торчит здесь почем зря, будто обыватель в ожидании бургера. Администратор, однако, не мешкал, просто исполнение запроса требовало времени. Следуя его указанию, роботы уже несли из разных ячеек затребованные вещества. Хранилище было большим, а список курьера довольно разнообразным. Гадая, зачем все это понадобилось Аперхоун, да еще руками первокурсника, администратор решительно не понимал, где тут собака зарыта, но спрашивать уже не осмеливался. Схане'ярвы разрешали задавать вопросы, когда речь шла о понимании своей задачи, но не удовлетворять любопытство касательно чужой. За это грозили серьезные дисциплинарные взыскания, вплоть до понижения в должности и отставки.
— Прошу, — только и сказал администратор, когда роботы закончили наполнять серебристый контейнер.
— Мерси, — коротко отозвался Листас и тут же отбыл.
Его и впрямь очень ждали. Эмиопату требовалось поработать над образцами, прежде чем пустить их в ход.

Руслане выпала самая непростая и тяжелая задача. Непростая технически и тяжелая психологически. При распределении, кому и что надлежало сделать, ее профессиональная подкованность сыграла решающую роль. Выйдя из транспортной капсулы, она невольно зажмурилась, выравнивая дыхание. Затем, отсчитав

от десяти до одного, открыла глаза, стараясь отрешиться от реальности. Было отчего. Здесь и сейчас, одна и без всякой поддержки, она снова очутилась на нижних ярусах, среди вереницы несчастных подопытных.

Проверка не заставила себя ждать. Узрев студента первокурсника, то есть человека в секретных недрах Либератики, ближайший патруль охраны тут же подошел выяснить, что происходит. Его возглавлял схане'ярв в форменном бронекостюме, по-боевому экипированный и лично командовавший пятеркой вооруженных роботов. После недавних инцидентов избыточная безопасность уже никому не казалась лишней.

— Вы что здесь делаете? — напряженно осведомился схане'ярв, изучая молодую девушку.

Роботы уже вовсю ее сканировали, однако ничего предосудительного не находили.

— Мое задание вас не касается, — стараясь держаться в образе, холодно ответила Руслана. — Доступ предоставлен Юбеллой Аперхоун. Для вас этого должно быть достаточно.

— Смотря зачем вы здесь, — несколько смутился, однако не отступил схане'ярв. — Если вы в курсе, где находитесь, вам следует это знать.

— Разумеется, — не без труда усмехнулась Руслана. — Мой доступ будет подтвержден на терминале управления. Без него я никак не проведу психологический эксперимент с группой подопытных. В нем участвует Стефано Ярколич, а полученные мной данные также изучит и Мартьяла Дормербруг. Ну так что, я могу приступить к своему заданию?

— Простите, а что это за эксперимент? — вконец оторопел схане'ярв.

Настолько, что не удержался от прямого вопроса, на который при иных обстоятельствах не осмелился.

Сотрудника безопасности можно было понять. Патрулируя опасную зону, где уже происходили чрезвычайные происшествия, он не привык видеть людей где-то помимо запертых капсул. Появление первокурсницы вызвало у него когнитивный диссонанс. Допуск у нее был в порядке, оформленный лично Аперхоун. Протоколы Брегоунта это подтверждали. Упоминание Ярколича и Дормербруг произвели надлежащее впечатление, но ЧЕЛОВЕК НА НИЖНИХ ЯРУСАХ!..

— Главные специалисты Либератики хотят узнать, как отреагируют подопытные, если в контакт с ними вступлю я. И если лично я проведу серию экспериментов, — сдержанно, словно делая одолжение, пояснила Руслана. — Между прочим, по вашему собствен-

ному поведению я УЖЕ сужу, что это будет весьма неординарная реакция с крайне любопытными результатами. Такое проделывается впервые. Вероятно, в том и заключался недочет, что такое проделывается лишь ВПЕРВЫЕ.

Схане'ярв едва рот не разинул. Он не ослышался? Девчонка ему намекнула, будто знает, кто из них кто? И что имеет дело отнюдь не с людьми? Вот это новости! Изменившись в лице, он не знал, что и думать. Еще неделю назад он решил бы, что главные медик и ученая зарвались и спятили, однако до сотрудников Либератики уже дошла некоторая информация. В частности, о студентке по имени Эрвина, с которой ходил по закрытым зонам лично Ярколич. На сей счет имелись указания от руководства Астробиона, оспаривать которые никто не осмеливался. Вероятно, эта девчонка с косичками из того же числа. А именно, людей, которых решили привлечь для служения схане'ярвам. Идея казалась дикой, но если она исходила от высших лиц Астробиона, лучше бы ей не препятствовать.

— Позвольте вас проводить, — только и сказал сотрудник безопасности, но на своем желании настоял.

Он желал убедиться, что девчонка с косичками точно знает, куда и зачем идет.

Следуя рядами капсул, Руслана старалась абстрагироваться. Проникнись она сейчас сочувствием, вполне естественным к несчастным жертвам, эмоции хлынут через край, и она сорвется в истерику. А это грозило сорвать весь замысел, подвести друзей, и в итоге отправить их сюда же, подопытными на нижние ярусы. Стискивая зубы, Руслана стоически держалась. Сопровождаемая охраной, она шла целенаправленно и невозмутимо, ведомая подсказками в дополненной реальности. Ее путешествие завершилось в экспериментальной зоне, где подвергались всяческому воздействию узники в капсулах.

— Тут со мной… э-э-э… — не зная, как выразиться, запнулся охранник, указывая на первокурсницу.

— Я в курсе. Мне уже сообщили, — кивнул оператор.

Ему уже поступила короткая инструкция от Аперхоун, верифицированная протоколом Брегоунта.

— Что ж, тогда я вас оставляю, — сказал вконец изумившийся, но теперь окончательно убежденный охранник.

Успев запросить Карлериха, он получил указание не мешать, поскольку того, в свою очередь, уже известила Аперхоун. Махнув своим роботам, охранник отправился восвояси. Руслана мысленно перевела дух. Сдержанно кивнув оператору, она поднялась по короткой лестнице и вошла в просторную кабину управления.

Дерзкий план задействовал всех главных схане'ярвов разом. В любом другом случае он не сработал бы либо полностью, либо частично, однако у эмиопата имелся надежный козырь. Мастерски продуманные, адресно сочиненные легенды увязывались на Эрвине. Пятеро из ее друзей распределили высших лиц Либератики, и каждому они выкладывали свою историю, которая включала отсылку к экстрасенсу. Это придавало их россказням убедительной достоверности, причем не основанной на реальных фактах. Представ чем-то запредельным, способности Эрвины вызвали переполох и принимались на веру, уже не требуя доказательств. Пока не требуя, но этим ПОКА и пользовался эмиопат.

Курсируя по Либератике, Реляктанты проходили любой контроль. В отличие от эмиопата, они оставались людьми, но людьми добровольно следовавшими его воле. Действуя с хронометрической точностью, они исполняли свою индивидуальную часть замысла, тем самым обеспечивая и общую. Ту, которая требовала скоординированных усилий и уже не могла выполняться в одиночку. Прибыв в экспериментальную зону, Руслана дожидалась, когда все шары улягутся по лузам. Иными словами, ей требовался доступ, подтвержденный всеми ключевыми фигурами Либератики. Доступ, который открывал решающую возможность, но которого пока не было. Поглядывая на часы, Руслана делала вид, что занимается подготовительной работой. До назначенной минуты оставалось совсем немного, и ей очень хотелось верить, что каждый из друзей преуспел.

В задачу Эрвины входило отвлечение Ярколича. Устроив для него целое шоу, она отнюдь не собиралась останавливаться на достигнутом. Первая часть ее роли была благополучно исполнена. Даже не благополучно, а блестяще, дав уверенный старт ролям остальных. Экскурсия по Либератике принесла намного больше плодов, нежели ожидалась. Вторая часть роли продолжилась в медицинском комплексе. Ярколич полагал, что не отпускает Эрвину ни на шаг, хотя на самом деле все было с точностью до наоборот. Лишь имитируя покорность и усталость, она готовилась к решающему бою.

Вселяя Эрвину в ее новые покои, Ярколич взялся за это сам. Помещение выбирать не пришлось. Желая держать экстрасенса под рукой, он разместил ее подле себя, в апартаментах, предназначенных для личного помощника. Эта должность была вакантна, ибо Ярколич очень требовательно подбирал кандидатуру. Ну, вот пустующие комнаты и пригодились. Разумеется, их ориентировали для схане'ярва, то есть неприхотливого в быту высшего разума, а не для молодой, полной жизни девушки. Персонально для

Эрвины все следовало переделать, чтобы обеспечить ей душевный комфорт, однако с этим проблем не возникло. Пригнав внушительную бригаду роботов, Ярколич придал апартаментам человеческий стиль. Он его не придумал, а просто скопировал тот, в котором была обставлена прежняя комната Эрвины. Та уже не выглядела усталой. Явно приободрившись, она принимала участие в процессе и постоянно интриговала главного медика различными высказываниями.

Ярколич прочно сидел на крючке. Он бы и рад вернуться к другим делам, но Эрвина постоянно оброняла нечто новое. Такое, что либо вносило корректировки в уже известное, либо и вовсе огорошивало очередным откровением. Не желая упустить этот прилив экстрасенсорики, Ярколич слушал во все уши, куда щедро лились поразительные вещи. Настолько, что ему становилось решительно наплевать, кто его ждет и зачем пытается вызвать.

— А думать, что видишь будущее, это нормально? — якобы расхрабрившись, спросила Эрвина.

Нет, Ярколич не считал это нормальным. Более того, он считал это абсолютной ахинеей — антинаучным и совершенно невозможным явлением. Устройство Вселенной допускало вычисление прошлого и прогнозирование ВЕРОЯТНОГО будущего, но никак не чьих-то персональных озарений. Ментальные поля, широко разрекламированные Аперхоун, имели под собой физическую основу, а не мистическую. С другой стороны, это озарение могло формироваться как раз на основе набора переменных. Формироваться подсознательно, воплощаясь в образы, без всяких там аналитиков и свермощных вычислительных центров. Это, конечно, Ярколич тоже считал ерундой, но считал именно до текущего момента. В случае с Эрвиной, сейчас он был готов поверить во что угодно.

— Говори, дитя, я внимательно тебя слушаю, — возжаждав новых открытий, предложил Ярколич.

И в своих ожиданиях не обманулся.

— Я вижу, как взрываются Светила, и вижу, какое будет следующим. Это разорвет сопряжение между мирами. Я не знаю, что такое первая экстрадинация, но мне кажется, это еще можно предотвратить, — неторопливо, затуманив глаза, тихо произнесла Эрвина.

Даже после всего услышанного для Ярколича это оказалось слишком. Смертельно побледнев, он ощутил звон в ушах и мурашки, табуном побежавшие по спине. Нервно оглянувшись, он выставил за порог остававшихся роботов, а схане'ярвам и вовсе велел не приближаться. Старательно заперев дверь, он усадил Эрвину на мягкий, подсвеченный бра диван и пожелал узнать макси-

мум подробностей.

Как один из мудрейших, эмиопат был весьма подкован в вопросах устройства своей Вселенной и бушевавшей в ней тотальной войны. С его подачи, Эрвина не только упоминала известную схане'ярвам истину — она предрекала будущее. То будущее, которое Ярколич уже предвидел и сам, но которое никак не ожидал услышать из уст человеческого существа. Холодея от ужаса, он словно и сам видел, как падают, один за другим, рубежи схане'ярвов, о которых Эрвина никогда не знала и знать не могла, и как исчезает, схлопывается в ничто их древняя и могущественная цивилизация.

Коллапсировав, Светило первой экстрадинации внезапно породило сопряжение Вселенных, в итоге и названное Астробионом. Как оказалось, этот процесс мог повториться в обратную сторону. Другое Светило, чья судьба вскоре должна решиться, закроет его столь же неожиданно, и уже навсегда. Точное расположение Эрвина не называла, поскольку совершенно не ориентировалась во Вселенной схане'ярвов. Она прибегала к пространным описаниям, расплывчатым образам, однако Ярколич безошибочно угадывал в них вполне конкретные места. В его глазах, это придавало предвидению несомненный реализм, вгоняя в мертвенную бледность и бросая в дрожь.

Хуже всего было то, что означенное Светило располагалось за пределами защищенного периметра. По сути, схане'ярвы уже сдали его врагу — просто тот, сконцентрировавшись на их уничтожении, в другие регионы особо не спешил. Эрвина явно не понимала, о чем говорила, зато это понимал Ярколич. Суть ее предсказания представлялась ему яснее некуда. Либо все идет как есть, и буквально в ближайшее время Астробиону конец, либо схане'ярвы успевают защитить Светило, и тогда им удается предотвратить грядущую катастрофу.

Ощущая во рту пустынную сушь, Ярколич взбудоражено соображал, как ему поступить с этой невообразимой информацией. Пребывая в глубоком шоке, лично он Эрвине верил безоговорочно. Верил на том основании, что она чисто физически ничего такого знать не могла, а значит, говорила правду, уж черт его разберет, каким образом ее просветила Вселенная. Вот только вряд ли в это же поверит руководство Астробиона! Ярколич отчетливо представлял, как докладывает об откровениях Эрвины, и как Крестер-гратикус и остальные поднимают его на смех. А смешного-то как раз ничего и не было! Была надвигавшаяся беда, крах всего замысла с эвакуацией, и он, Ярколич, предостереженный столь немыслимым образом, решительно не знал, как это предотвратить.

Чтобы защитить Светило, схане'ярвам требовалось перебросить огромные ресурсы, создать новый оборонительный рубеж практически с нуля. Пойти на это они могли только по очень веской причине, к каковой болтовня человеческой девчонки уж точно не относилась.

Беззвучно выругавшись, Ярколич схватился за голову. Вскочив со стула, поставленного подле Эрвины, он принялся бродить по комнате, то и дело спотыкаясь о напольный ковер. Ворсистый, мягкий и роскошный, он был настоящим произведением искусства, гордостью возможностей синтезатора. Как и многое другое, Ярколич заказал его лично, стремясь компенсировать Эрвине ее вынужденное заточение. Теперь, заметавшись туда-сюда, он натыкался на элементы интерьера, глядя на них невидящими глазами. Перед его взором стояли не столики и кресла, а пылавшие оборонительные рубежи, коллапсировавшие Светила и гибель цивилизации схане'ярвов. В красках расписанная пророчеством, она вцепилась в него жестокой хваткой и взорвала распаленное воображение. Начисто забыв про реальность, Ярколич целиком погрузился в мир предсказаний Эрвины.

Реальность, тем временем, безмолвствовала. Ошарашенный, смятенный Ярколич не особо и замечал, что его давненько уж не вызывают. По сути, он даже радовался этому обстоятельству, отчего не обращал на него внимания. А стоило бы. Как главный медик, он регулярно получал запросы со всех концов Либератики, начиная от подчиненных и заканчивая другими главными схане'ярвами. И эти запросы приходили. Просто поступали они не ему, а перехватывались через терминал, взятый под контроль эмиопатом.

Получив доступ к узлу связи, Элеонора немедленно им воспользовалась. Направленная самим ректором, она была вне подозрений у персонала, который и в мыслях не допускал следить за ее действиями. И совершенно напрасно. Для виду вызывая поверенного, Элеонора открыла на узле канал, через который туда проник эмиопат. Протоколы Брегоунта, им же и модифицированные, дополнил алгоритм исключений, подсмотренный Сильвертиной у Карлериха. Скрипачка не знала, что видела и записала, зато это знал эмиопат, наблюдавший за операциями в системе безопасности. Наблюдавший, фиксировавший и копировавший. Обретя полномочия, он легко получил управление заветными узлами и рядом желанных терминалов.

Запросы, адресованные Ярколичу, оседали в его рабочем кабинете, откуда к хозяину не поступали. Зато они поступали эмиопату. Отслеживая все вызовы и сообщения, он работал автоответ-

чиком и создавал иллюзию занятости главного медика. Эту иллюзию также поддерживали врачи, официально подтверждавшие, что их начальник уединился с экстрасенсом. Расчет удался. Выведя Ярколича из игры, эмиопат не позволял ему оказаться в курсе событий, чтобы подтвердить или опровергнуть то или иное действие. Сам же Ярколич, поглощенный откровениями Эрвины, инициативы с кем-то переговорить не проявлял, и даже не замечал, что остался без активной связи.

Разумеется, это не могло продолжаться слишком долго, но того и не требовалось. Разыгрывая все как по нотам, эмиопат полностью контролировал ситуацию, держа про запас страховочные ходы. В случае чего, он сумел бы заполучить немного времени, отвлечь внимание схане'ярвов и запустить альтернативный сценарий, но до этого ни разу не дошло. Все развивалось точно по намеченному плану, и вот, когда Руслана запросила доступ с нижних ярусов, настал черед Алии Ферран. Явившись якобы по личному поручению Аперхоун, к Ярколичу она прошла совершенно беспрепятственно.

— Алия идет, — как сквозь сон, сообщила вдруг Эрвина.

— Как-кая Алия? — воззрился на нее Ярколич.

— Подружка Сайлуса. Которая не человек. И не синяя. Какая-то вообще не живая, — сбивчиво пояснила Эрвина. — Она уже подходит сюда.

Уже ничему не удивляясь, Ярколич щелкнул пальцами. Повинуясь его жесту, система отворила дверь, и на пороге действительно объявился означенный биодроид.

— Тебе чего? — машинально осведомился главный медик.

— Ее прислала Юбелла Аперхоун. ЧП на нижних ярусах, — прикрыв глаза, ответила за нее Эрвина.

— А ты откуда знаешь?! — воскликнула, с недобрыми нотками, Алия.

Мастерски изображая изумление, подозрительность и даже гнев, она шагнула было к девушке, не иначе как намереваясь разоблачить шпионку.

— Это не важно! — заявил Ярколич, преграждая ей путь. — Живо говори, зачем пришла! Она права?!

Позволив биодроиду войти, он желал поскорее узнать, что там еще стряслось.

— Да. Меня действительно прислала Аперхоун, — как бы подчиняясь, нехотя кивнула Алия. — На нижних ярусах кое-что произошло. Она говорит, кроме вас двоих об этом пока никто не должен знать.

Закрыв за собой дверь, она старательно заперла замок, после чего

очутилась лицом к лицу с Ярколичем.
— Да что случилось-то?! — воскликнул тот.
— Сейчас объясню, — как-то недобро улыбнулась Алия.

Главный медик услышал сухой треск. Затем произошло нечто странное. Обмякнув, его тело осело на колени и завалилось на пол. В глазах потемнело, однако не настолько, чтобы не увидеть в руке биодроида нейроблокатор. Похожий на камертон, он создавал электромагнитное поле, воздействовавшее на головной мозг. Изобретенный в Либератике, он влиял на основные двигательные функции, но при этом совершенно не вредил здоровью. Работала эта штуковина только в упор, зато чрезвычайно эффективно. Ярколич полностью утратил контроль над своим человеческим телом, однако сознание, будучи схане'ярвом, не потерял. И оттого увидел кое-что еще.

Поднявшись с дивана, Эрвина подошла к Алии Ферран. Они посмотрели друг на друга, и внезапно в глазах биодроида полыхнуло изумрудное сияние. Становясь насыщенно ярким, оно хлынуло в пространство двумя лучистыми потоками, достигло Эрвины и влилось в нее как в пустой сосуд. И на сей раз полностью из Алии не исчезло. Потоки прервались, но когда она и Эрвина воззрились на Ярколича, глаза обеих заполоняло одинаковое изумрудное свечение.

Обездвиженный, лишенный речи, могущественный схане'ярв оказался заперт в своей биологической оболочке. Настроенный умелой рукой, нейроблокатор отключил и дополненную реальность, связанную со зрительным нервом. Ярколич только и мог, что видеть и слышать, никак не в силах отреагировать. Его глаза, даже не выражая эмоций, беспомощно следили за происходящим. Щелкнув пальцами, Эрвина вызвала из стены сокрытый там терминал. Точнее, это сделал эмиопат, обосновавшийся в ней гостевым присутствием. Он заведомо не знал, где поселят экстрасенса, отчего заранее снабдил такими все подходящие апартаменты. Это был особенный терминал. Точная копия терминала Ярколича, он сейчас для Ярколича и предназначался.

Подхватив обмякшее тело, Эрвина и Алия усадили его в кресло. Затем, придав ему надлежащую позу, включили аппаратуру и благополучно прошли авторизацию. Система безопасности не распознала подвох — ей ведь предъявили подлинник, безошибочно признанный главным медиком Либератики. Пока Алия придерживала пленника, Эрвина действовала с космической скоростью. Вызвав на терминале множество инструкций, она подтвердила их от имени Ярколича, а заодно ответила на уйму запросов. На самого Ярколича она внимания не обращала. Тот лишь недвижно си-

дел, неспособный пошевелиться, и в смятении наблюдал за действиями врага.

Ожидание затягивалось. Пока еще безмолвствуя, оператор начал коситься на Руслану, чей уровень доступа дополнительно не подтверждался. Запросы главному медику наталкивались на автоответчик, а сам он до общения не снисходил. Оператор не усматривал в этом чего-то серьезного, однако слишком долго игнорировать сей факт не мог. Если полномочия девушки не удостоверятся, ей придется уйти. Вероятно, с охраной, чтобы передать ее с рук на руки Аперхоун.

Руслана отмечала беспокойство оператора и все больше нервничала сама. Впившись взглядом в часы, она следила за цифрами, отмерявшими провал или успех всей операции. Услышав шорох, она краем глаза увидела, как оператор направился прямо к ней, и в этот момент раздался мелодичный сигнал. Коротко пиликнув, система подтвердила ее доступ лично от главного медика Либератики. Одновременно с этим пришло сообщение и оператору, где ему велели во всем содействовать Руслане. Подтвержденные протоколами Брегоунта, допуски от Аперхоун и Ярколича больше не вызывали никаких сомнений.

— Чем могу помочь? — убедившись в статусе девушки, вежливо спросил он.

Только что готовый ее выпроводить, теперь он с такой же готовностью предлагал свои услуги.

— Сейчас скажу. Поверьте, у нас много работы, — мысленно выдохнула Руслана.

Обретя управление терминалом, она тут же стала загружать в него параметры для оринглоудера. Экспериментальная зона загудела. Оживая, ряды волновых пушек готовились к излучению в разум подопытных. Сразу во множество подопытных, чей длинный перечень Руслана также загружала в систему.

Переходя в решающую фазу, план требовал присутствия Алии в другом месте. Надежно обездвижив Ярколича, она вверила его попечению Эрвины. Теперь они перестали представлять единое целое. Вернувшись в биодроида, эмиопат велел рыжеволосой девушке не покидать апартаментов. Их разделение диктовала необходимость. Оставаться в ней он не мог, как не мог и выйти наружу в ее теле. Прогремев как величайший экстрасенс, Эрвина наделала массу шума. Со всех сторон к ней будет приковано слишком много глаз, чтобы незаметно разгуливать по Либератике. Разгуливать и действовать, что эмиопату, как ядру грядущих событий, очень даже требовалось. И поскорее. Его изоляция исключалась, отчего он и оставил голову Эрвины, мысленно снабдив ее

уймой инструкций. Ей надлежало присматривать за терминалом, по-прежнему играя роль главного медика. Отвечая на запросы, она станет подтверждать все полномочия, удостоверять ожидавшиеся действия и одобрять любые операции, которые потребует развивавшийся план. Эмиопат же, тем временем, нанесет удар, который дополнит удар Русланы с нижних ярусов. Кивнув Эрвине в образе Алии, он вышел за дверь и тщательно запер ее за собой.

Формально, непродолжительное гостевое присутствие не требовалось. Алия прекрасно управилась с Ярколичем и сама, однако визит в разум Эрвины выиграл немало времени. Мысленный контакт позволил быстро передать огромный объем данных. Как центр событий, эмиопат владел всей полнотой информации, собирая ее в режиме реального времени. Он точно знал, кто и где находится, что уже сделано, и что еще только предстоит. Он сам был как компьютер, повсеместно проникая мощью высшего разума. Этим обилием сведений он и поделился с Эрвиной, предпочитая сделать это за минуту, нежели болтать языком целый час. Эрвина была ему нужна. Она оставалась единственной, кого он не мог контролировать, и выполняла очень важную задачу — управляла подставным терминалом Ярколича и действовала от его имени. И очень успешно, надо сказать, действовала. Эмиопат не ошибся, сделав ставку на эту свою помощницу. Пребывая в курсе событий, она оперативно реагировала на запросы и санкционировала множество процессов личностью главного медика.

Путем кратчайшего обмена мыслями, Эрвина словно увидела всю картину своими глазами. Раздобыв груз из хранилища, Листас благополучно доставил его к Шелли. Та, пользуясь дозволением Дормербруг, уже находилась в производственной лаборатории. Разумеется, не за тем, за чем официально считалось. Забрав у Листаса препараты, она проанализировала их в спектральной установке. Затем, разложив по полочкам результаты, отправила весь комплект Аперхоун. Ее терминалом распоряжался Сайлус. Получив заветные цепочки, он тут же определил, что из них что, внес необходимые коррективы и без промедления переслал Руслане. Настраивая оринглоудеры, она запустила параллельный процесс, нагрузив работой синтезаторы. Препараты, воссоздаваемые в экспериментальной зоне, готовились к массовому введению.

Элеоноре выпала непростая задача. Оставаться на узле связи ей было критически необходимо. В качестве прикрытия она и впрямь беседовала с поверенным. Ей приходилось проявлять поистине дьявольскую изобретательность, чтобы из разговора схане'ярвы ничего не поняли, а собеседник не подумал, что она рехнулась. Стараясь выражаться иносказательно, она обсуждала с

ним приватные фамильные дела. Поверенный, предположив, что баронесса не может говорить открыто, умело принял эту игру и отвечал в том же духе. Пока они беседовали, эмиопат незаметно контролировал очень важный терминал, а через него пользовался и другими каналами узла связи.

Закончив с исходным оринглоудером, Джерри встретился с Сильвертиной, которая, в свою очередь, успела нанести визит Карлериху. Вооружившись скрипкой и волынкой, их дуэт отправился в учебный комплекс, однако пока ничего не предпринимал. Ожидая указаний от эмиопата, влюбленные музыканты мило ворковали, не обращая ни на кого внимания, и никто не обращал внимания на них.

Застращав безопасностью Брегоунта, Руберт добился того, что этот схане'ярв сам ее и нарушил. На том, однако, его миссия не закончилась. Вызвав транспортную капсулу, он отправился на нижние ярусы. Руслане требовалась помощь, а доступ ему обеспечила Аперхоун, в лице Сайлуса, и Ярколич, за которого оперировала Эрвина. Сама же Эрвина стала правой рукой эмиопата. Снабженная его инструкциями, она управляла ключевым терминалом и мастерски выдавала себя за главного медика.

Напряжение нарастало. Час Х близился. Даже не час, а минута, после которой все мосты будут сожжены. По сути, они уже были сожжены, но пока еще не открыто. То, что произойдет в урочный момент, тут же поставит с ног на голову всю Либератику. Тогда начнется такое, о чем сейчас, в неспешном ритме привычной жизни, никто из схане'ярвов и подумать не мог. Сидя возле Ярколича, по-прежнему игравшего роль болванчика, Эрвина, когда надо, сканировала его внешность и прикладывала пальцы к терминалу. Оставаясь немым и парализованным, главный медик оставался и живым, о чем говорили его глаза. Глаза мертвеца для замысла не годились, ибо система моментально распознала бы обман. Алия оставила Ярколичу жизнь, как Сайлус оставил ее Аперхоун, и тем самым обрекла его на пытку. Беспомощно наблюдая за Эрвиной, он прямо-таки горел изнутри, пребывая словно в аду, но поделать ничего не мог.

— М-м-м, — только и сказал он, когда Эрвина подтвердила разрешение на массовый запуск оринглоудеров.

— Что? — невольно повернулась к нему она.

— М-м. М. М-м-м. М. М, — выразительно сообщил Ярколич.

Эрвина чертыхнулась. Поискав глазами, она быстро соображала, куда дела нейроблокатор. Эмиопат говорил, что схане'ярв еще нескоро вернет себе подвижность, однако глобальный шок, видимо, частично проходил.

— М-м! М-м-м! М-м-м! М-м! М! — мычанье Ярколича приняло крайне разнообразный характер.
Наконец-то найдя мозговой камертон, Эрвина повертела его в пальцах, припоминая, как этой штуковиной пользоваться. В лавине информации именно эта инструкция от эмиопата ускользала из ее восприятия.
— М! М-м-м! М-м! М-м-м-м! — как-то уж слишком упорядоченно и при этом надрывно продолжал мычать Ярколич.
"Стой! Стой! Ты нас погубишь! — внезапно появилась надпись в дополненной реальности Эрвины. — Стой! Стой! Ты нас погубишь!"
Опешив, та придержала руку, уже собиравшуюся хватануть главного медика нейроблокатором по мозгам.
"Стой! Ты нас погубишь! Стой! Ты всех погубишь!" — словно отстукивая мычание Ярколича, продолжала выскакивать в интерфейсе надпись. Внезапно Эрвина поняла, что это и впрямь было отстукивание.

Ярколич использовал древнюю, но до сих пор не потерявшую актуальности космоморзянку, применяемую в аварийных случаях, а интерфейс дополненной реальности ее исправно переводил. Как правило, переводчиками оснащались все коммуникационные устройства. Субтитры сопровождали неизвестную их владельцу речь. Студенты Либератики могли говорить на любых языках, и это автоматически позволяло им общаться.
"Стой! Ты всех нас погубишь!" — сообразив, что его послание наконец-то увидели и поняли, утроил усилия Ярколич.

Приступ гнева, внезапно охватившего Эрвину, ненадолго заглушил ее сосредоточенность и всю важность поставленной задачи. Очутившись тет-а-тет с одним из тех, кто стоял за порабощением человечества, она не удержалась. Маски были сброшены. Теперь она, не таясь, могла высказать все. Высказать просто для души и от души, содрогаясь от экспрессии и прилива праведной ярости.
— Погублю вас?! — в запале воскликнула Эрвина. — Да, черт побери, ты абсолютно прав! Именно вас, треклятые захватчики, я и собираюсь погубить!
"Выслушай меня! Прошу! Ты не понимаешь, что творишь!" — энергично промычал Ярколич.
Его дополненная реальность не работала, тело не повиновалось, и единственным способом общения были вот эти примитивные звуки. Звуки, которыми он пытался добиться не пойми чего.
— Я прекрасно понимаю, что творю! — разъяренно бросила Эрвина. — Я спасаю себя! Своих друзей! Всех студентов и все челове-

чество от вашей замечательной Либератики! Вам не удастся занять наши тела, дорогие мои схане'ярвы! Вам не удастся сделать нашу Вселенную своей вотчиной!

Кажется, Ярколич уже не слишком удивился этим откровениям. Он достаточно увидел и услышал, и у него было время поразмыслить. И все же кое-чего он не понимал. Не понимал того, зачем Эрвина делала то, что делала.

"Ты не спасаешь! Ты всех убьешь! Ты помогаешь ему! — отчаянно стучал космоморзянкой Ярколич. — Ты помогаешь нашему врагу! Зачем ты ему помогаешь?! Это же смерть всем нам!"

— Нет, это он помогает нам! — рассердилась Эрвина. — Он! Схане'ярв с большой буквы! Тот, у кого хватило совести не обойтись с людьми как с бессловесной скотиной! Тот, кого вы объявили изгоем, предателем и врагом! Вы хотели уничтожить их общество, уничтожить этих мудрецов, но теперь посмотрим, кто кого!

"Каких мудрецов? Какое общество?" — как-то растерянно промычал Ярколич.

— Не прикидывайся! Не делай вид, что не знаешь! — возмутилась Эрвина. — Эмиопаты! Самые мудрые схане'ярвы в вашей чертовой Вселенной! Они воспротивились тому, как вы собрались использовать Астробион! Они не приняли ваш план поглощения человечества! Они потребовали принять людей за равных! И вы объявили на них охоту как на бешеных собак! Но теперь они захватят Либератику! И теперь ОНИ станут диктовать вам свои условия!

Ярколич неожиданно умолк. Тараща на Эрвину глаза, он уже не мычал, словно чем-то насмерть пораженный.

— Что, нечего сказать? — язвительно осведомилась Эрвина, снова поднимая руку с нейроблокатором.

Но ему очень даже было. Поднатужившись, он аж покраснел лицом, настолько энергично выжал весь доступный ему голос.

"Дура! Какие эмиопаты?! — истово воскликнул Ярколич, до которого, наконец-то, все полностью дошло. — Никаких эмиопатов нет и никогда не было! Схане'ярвы едины! Это Ил! Слышишь ты, идиотка?! Рыжая, тупоголовая, возомнившая о себе идиотка! Это Ил! Он убьет меня, он убьет тебя, он захватит Либератику, а затем уничтожит всю вашу Вселенную, как уничтожает нашу! Он был для этого создан, и он никогда не остановится! Слышишь, ты, безмозглая рыжая дура?! Это никакой не схане'ярв! Он не герой и не спаситель! Это порожденное нами чудовище! Страшная неживая энергия! Он вообще не разумен! Это ИЛ!"

– 13 –

Любая ложь звучит весьма убедительно, если она приправлена правдой. Тот, кто называл себя эмиопатом, говорил неприкрашенную истину. Поведав о схане'ярвах, их замысле, Астробионе, тотальной войне и другой Вселенной, он ни разу не покривил душой. Впрочем, он не мог покривить тем, чего у него не было. Он не лгал ни в чем, кроме одного. Эмиопатов не существовало. Схане'ярвы сражались с Илом, ими же и созданном, проигрывали ему, и только его называли врагом. Его, а не каких-то мифических изгоев и предателей, которые отсутствовали ввиду единства их социума и сплоченности в общей борьбе.

В красках расписывая войну схане'ярвов с их страшным детищем, новоявленный спаситель человечества опускал лишь тот факт, что этим детищем был он сам. И он никого не собирался спасать. Он лишь следовал тому, ради чего создавался. Несмотря на всю прозорливость, огромные возможности, силу мышления и мастерство преображаться, он не испытывал ни сочувствия, ни жалости, ни вообще каких-либо эмоций. Как инструмент, он великолепно справлялся с поставленной задачей, даже если его создатели давно о ней пожалели. Одарив Ил своим могуществом, сделав саморазвивающейся копией себя, они не наделили его лишь одним — разумом. Он был и оставался неживой энергией; невероятно могущественной, эволюционирующей, феноменально адаптирующейся, но бездушной, без малейшего проблеска сознания.

Эрвина поверила Илу потому, что он всегда говорил и показывал ей правду — даже тогда, когда расписывал катастрофу Вселенной, вызывая в ее голове видения зеленой всепоглощающей пустоты. Он не утаил историю создания Ила, его изначальную цель и последовавшую трагедию. Рассказ об ошибке схане'ярвов, всеобщей эвакуации и грядущей гибели их мира соответствовал действительности. Он не упоминал лишь то, что сам ее и порождал, ибо сам и был Илом, всем вместе взятым, как единое целое, и каждым элементом в отдельности.

Кажущаяся беспечность и даже некомпетентность схане'ярвов на деле имела весьма простое объяснение. Их служба безопасности работала на совесть, но в нее вносила корректировки очень серьезная, доселе не встречавшаяся специфика. Новая Вселенная диктовала свои законы. В Либератике, посреди других, еще не до конца изученных процессов, Ил пользовался пологом неизвестности. Разгуливая под самым носом у схане'ярвов, он ловко скрывался от их пристальных взоров, хотя в родной Вселенной был бы давно разоблачен. Мир людей даровал схане'ярвам но-

вые возможности, но он даровал их и Илу. Сумев обнаружить лазейки, он обернул их себе на пользу, и становился тем сильнее, чем дольше оставался незамеченным.

Любой эксперимент таит в себе не только случайность, но и потенциальную опасность. На то он и эксперимент. Схане'ярвы были правы, когда подозревали, что Ил узнал про Астробион. Попытки его проникновения стали носить целенаправленный характер. Набрав непригодных студентов, схане'ярвы сами изменили правила игры и ввели в нее новые переменные. Непригодный не означает бесполезный. Тот, кто не подходил самим схане'ярвам, вполне мог оказаться лазейкой для их врага. И он не упустил свой шанс, нащупав канал в эксперименте над Сайлусом Честерсайдом. Проводимый неоднократно, он становился проторенной дорожкой, которой Ил, в конце концов, и воспользовался.

Как биодроид, Алия Ферран не подходила для внедрения, поскольку разумом не обладала. Душещипательную историю о проснувшемся сознании придумал Ил. Схане'ярвы банально не знали, что он, в отличие от них, все-таки способен обосноваться в этих биологических компьютерах. Да и откуда бы им знать, если в теории такое считалось невозможным, а соответствующих опытов они не проводили. Произошедшее с Алией было случайностью, однако в общем русле событий вполне закономерной. Попав в биодроида непредвиденно, в дальнейшем Ил стал использовать это вполне целенаправленно. Проблема заключалась в том, что его возможности в неживом компьютере оказались существенно ограничены. В его понимании, это была "конечная точка", не способная к распространению. Ил мог в ней оставаться, но не мог развиться, чтобы массово инфицировать. По этой причине ему требовался другой носитель, и желательно такой, чтобы как можно дольше оставаться вне подозрений.

Якобы открыв себя друзьям, Алия Ферран выполняла чужую волю. Будучи как живая, она и вела себя как живая. Сценарий был разыгран превосходно, а его основу, страх за свою жизнь, придумал Ил. Действуя через Сайлуса Честерсайда — эту точку проникновения в Либератику и свою первую жертву, — он ловко подослал Алию к его соседям, которых с самого начала решил сделать марионетками. Основательно их запугав, он стал подсовывать им идею за идеей, постепенно засасывая в свой план как бездонная трясина неосторожную жертву.

Илу требовались исполнители. Для заражения всех и вся Алия принципиально не годилась. Сайлус мог послужить источником, однако его одного было критически недостаточно. Быстро выявленный схане'ярвами, он будет быстро же и обезврежен, что Ил

никак не устраивало. Вычислив схему заражения, служба безопасности прикроет лазейку, чего допускать уж точно не стоило. Ил не торопился. Эволюционируя, с некоторых пор он изменил привычную тактику. Перестав сходу кидаться в бой, он вел себя скрытно, прорастая как раковая опухоль. В открытую он атаковал лишь на терминальной стадии, когда запущенные метастазы становились смертоносны и неотразимы, и все эти метафоры имели под собой прямую основу.

Возможности Ила напрямую зависели от набранной силы, и работали только на повышение. Начав заражение, он уже не мог остановиться. Проявившись во всю мощь, изумрудное сияние не затухало, а распространялось повсеместно, в любые доступные вместилища. Ограниченное пространство Либератики существенно усложняло задачу. Использовав Сайлуса как источник, Ил выдал бы себя системе безопасности. Наглухо заблокировав зараженный сектор, схане'ярвы выжгли бы его дотла. Носителей требовалось много, но как прикажете их заполучить, если вся орбитальная станция просматривалась насквозь? Идея с Реляктантами стала идеальным выходом из положения.

О том, что представляет собой Либератика, Ил выяснил почти сразу. Освоившись в теле Баюди Грайслера, он получил доступ к его памяти. Это позволило ему узнать очень многое, и узнать в кратчайшие сроки. Владея информацией, он намеренно пускал марионеток по ложному пути. Внушая им несбыточные надежды, он все глубже запускал свои щупальца и попутно, отслеживая реакцию схане'ярвов, выяснял много нового. Совершая вброс за вбросом, он изучал их систему безопасности и принципы взаимодействия технических узлов.

Попытка угнать звездолет была заведомо обречена на неудачу, за физическим неимением взлетного поля и планеты как таковой. Сплетая свою паутину, Ил придумал эту авантюру исключительно для друзей. Шаг за шагом, он втягивал их в свой зловещий план, не оставляя пути для отступления. Постепенно раскрывая карты, он заставлял их полностью поверить в происходящее. Десант на Гальтенузу тоже не мог преуспеть, поскольку Илу было прекрасно известно, где находится подлинная Либератика и для чего нужна ложная. Он, конечно, отправил бы "Ураниум Терраценкорд" к настоящей, да только весь ее флот пожрала бы черная дыра.

Своими манипуляциями Ил добивался тотального контроля над друзьями, если уж и не физического, то психологического. И полностью в этом преуспел. Когда он вышел на сцену, в его словах уже никто не усомнился, а все пути к отступлению оказались отре-

заны. Ил прочно владел ситуацией и юными умами. Настолько, что даже Эрвина проигнорировала очевидную, бросающуюся в глаза деталь. Энергия схане'ярвов была синей. Так олицетворялась сущность их бесплотного разума. Ил был изумрудным. Изумрудным он и предстал, но как придуманный эмиопат, идеологический противник своих сородичей и, следовательно, их противоположность. Ловко жонглируя понятием "враг", он маскировал его под неких предателей, хотя по сути оно всегда относилось только к самому Илу.

Как уникальный носитель, Эрвина неминуемо привлекла внимание. Сообразив, какие возможности открывает гостевое присутствие, Ил модифицировал план. В голове Эрвины он был способен на то, чего оставался лишен внутри биодроида или Сайлуса. Сохраняя незаметность, он быстро наращивал могущество и не терял его при миграции в Алию и обратно. В конце концов, он набрал критическую мощь, которую только и оставалось, что высвободить в нужный момент. И этот момент близился. Слепо исполняя приказы, наивные молодые люди выступали пресловутыми метастазами, готовясь поразить раковой опухолью всю Либератику. Не ожидая ничего подобного, ее техника и служба безопасности окажутся бессильны. Перекрытие секторов ничего не даст, если они будут поражены все разом. И тогда Ил уже никто не остановит.

Поразительные способности эмиопата тем и объяснялись, что эмиопатом он никогда не был. Проникая в системы Либератики, Ил читал их на физическом уровне. Читал незаметно, чтобы ничем себя не выдать, примешивая к электрическим сигналам частички своей энергии. Именно так он и узнавал про все недочеты в протоколах. Таким же образом он определил, где сумеет обойти защиту сам, а где ему потребуется помощь, начиная от засланных студентов и заканчивая схваченными схане'ярвами. Схваченными, а не захваченными, что было не одно и то же. Ил продолжал маскироваться — до поры. Авторизуя Ярколича и Аперхоун, система безопасности могла заметить заражение, чего всячески следовало избегать. Ил ведь прекрасно знал, как она работает, что позволяло ему скрывать все выходки друзей, включая крамольные разговоры и подозрительные перемещения. Впечатленные и целеустремленные, они даже не задумывались, как у него это получается, когда вся Либератика находилась под неусыпным обзором.

При всей хитроумности, плану Ила все же угрожала одна опасность, способная его разрушить. Проблема заключалась в том, что она же была и ключевым элементом для достижения успеха. Эрвина. Гостевое присутствие предоставляло Илу уникальные возможности. Оно же лишало его абсолютного контроля. У Ила никак

не выходило подчинить Эрвину себе. Подчинить полностью и безоговорочно, подавив или даже вытеснив ее сознание. Он управлял ей только по доброй воле, и свое разрешение она в любой момент могла отозвать. Тогда Ил оказался бы заперт в ее голове, что выглядело крайне скверно. Хоть и единое целое, он все же зависел от конкретных точек. В биодроиде он в принципе не развивался, а его присутствие в Сайлусе оставалось довольно низким, чтобы не привлекать внимания.

Порция за порцией, Ил скармливал Эрвине правду, чем усыплял ее подозрительность. Играя на любознательности, тем самым он отвлекал ее внимание, однако боялся выдать себя растущей мощью. Соседство в одной голове грозило непроизвольным появлением видений. Лишних видений, открывавших то, чего Эрвине знать не следовало. По этой причине он и не остался в ней сейчас, поручив управлять терминалом от имени Ярколича. Способная прозреть, ценнейшая исполнительница становилась слишком опасной. Сообразив, с кем имеет дело, она единственная могла дать Илу отпор, уязвимая для пули, но непрошибаемая для всей его могущественной энергии. Нуждаясь в Эрвине, Ил придерживал ее в союзницах как можно дольше, но он тут же попытается ее убить, едва в уникальном экстрасенсе отпадет всякая надобность.

По мере осознания правды Ярколич приходил в неистовство. Просвещая Эрвину, он в известном смысле просвещал и себя, вникая в каждую деталь происходящего, и это приводило его в ярость. Он распалялся тем сильнее, чем больше понимал, как его провели, и нынешняя беспомощность кратно множила бушевавшую экспрессию.

— У тебя что, совсем мозгов нет?! — кипел Ярколич. — Как ты не поняла, с кем имеешь дело?! Синий, зеленый — да хоть красный! Схане'ярвы не умеют ТАК перемещаться! Из одной головы в другую! Слышишь, бестолочь?! Не умеют! Даже ты должна была это понять! Так может только Ил! Как вирус, как зараза!

— С каких пор я стала экспертом по внедрению? — огрызнулась Эрвина. — Вы сами меня запутали дальше некуда! Поди тут разберись, со всей этой дурацкой экстрасенсорикой!

— И это тоже! Экстрасенсорика! Ну надо же хоть немножко соображать! — потряс кулаками Ярколич. — Поверить не могу, что я попался на эту удочку с озарениями! Я! Один из величайших умов во Вселенной! Ясновидение, предсказание будущего — как я мог даже на мгновение поверить в весь этот бред?! Как же я не понял, кто за ним стоит?!

Кулаками он потрясал, разумеется, в дополненной реальности. Оставаясь неподвижным, он так и сидел у терминала, пока с Эрви-

ной общалась его проекция.

Нейроблокатор оставил Ярколича без связи. Коммуникаторы схане'ярвов подключались напрямую в зрительный нерв, о чем Ил, разумеется, знал, и что предусмотрел. Недолго думая, Эрвина установила пленнику свою контактную линзу — одну, перенастроенную только на связь со второй. Это позволяло видеть Ярколича и слышать, но только ей и никому другому, включая Ил, Карлериха и все системы Либератики. Космоморзянкой он сказал достаточно, чтобы Эрвина пошла на такой шаг, о чем ничуть не пожалела. Позволив Ярколичу высказаться, она соотнесла его слова со своими подозрениями и пребывала в глубочайшем потрясении. Если он не лгал, все было настолько плохо, что и представить нельзя. А он, вероятно, не лгал, ибо вместе с гневом испытывал и страх.

Ситуация критически обострялась. Откровения главного медика не заняли много времени. Быстро уяснив ситуацию, тот сообщил Эрвине самое главное. Она же, внимательно слушая, не переставала оперировать терминалом. Несмотря на шокирующие новости, она продолжала следовать плану эмиопата. Точнее, Ила, и причина на то была очень даже простая.

С одной стороны, остановиться Эрвина не могла, чтобы весь замысел не пошел насмарку. Если она саботирует задачу и поднимет тревогу, схане'ярвы успеют принять меры и победят, но победят со всеми вытекающими. Они продолжат то, для чего задумывалась Либератика, и не успокоятся, пока не поглотят человечество и не захватят Вселенную. Эрвину же с друзьями они уж точно по головке не погладят, и в лучшем случае используют как подопытных.

Альтернативное развитие событий выглядело ничуть не радужнее. Если Ярколич сказал правду, Эрвина собственноручно обеспечит победу Ила, и тогда всем конец. Вообще всем, вне зависимости от Вселенной и происхождения. С Илом договориться не получится. Как неразумная форма энергии, он сделает то, зачем его создавали. Он преобразует все, до чего сумеет дотянуться, и если уж его не остановили схане'ярвы, то люди и тем более не остановят.

Очутившись между Сциллой и Харибдой, Эрвина пребывала в настоящем ментальном кошмаре. Картинка представлялась яснее некуда. Не нажимай она на кнопки — фигуральный звездолет свалится в пике и разобьется вместе с пассажирами. Нажимай — он долетит до цели, но врежется в нее будто камикадзе, и тогда все распадется на атомы. Прекрасный выбор. Прямо лучше некуда!

— Освободи меня! — угадав ход ее мыслей, воскликнул Ярколич.

— Освободи, пока еще не поздно!
— Чтобы вы поработили, а потом уничтожили человечество? — мрачно уточнила Эрвина.
— Это еще можно переиграть! — истово заявил Ярколич. — Мы действительно способны вывести сверхлюдей. Изменить к лучшему все человечество. Вселенная большая. В ней хватит места и для вас, и для схане'ярвов.
— Я вам не верю! — гневно бросила Эрвина. — Вы так говорите чтобы спасти свою шкуру!
— Допустим, но что на другой чаше весов? Тотальное уничтожение, — очень выразительно подчеркнул Ярколич. — Примешь нашу сторону — и хоть кто-то да выживет. Не остановишь Ил — погибнут все.
Эрвина промолчала. Ее не устраивали оба варианта, и она лихорадочно искала выход из положения. Выход, который не факт что вообще существовал.
— Да освободи же меня, пока не поздно! — повторно и весьма эмоционально воззвал Ярколич.
Но было поздно.

Коротко и резко залаял зуммер. На личный терминал Ярколича поступил сигнал тревоги. Система безопасности извещала, что в Либератике произошло нечто экстраординарное. Сообщения посыпались одно за другим, и Эрвина уже знала, о чем в них говорится. На нижних ярусах была зафиксирована массовая утечка. Подопытные вырывались из капсул, и этот процесс принимал лавинообразный характер. Одновременно с ним отключались все тамошние контуры защиты. Схане'ярвы потеряли контроль сразу над несколькими секторами, и их число быстро увеличивалось. Вторжение началось.

Руберт появился вовремя, когда к жалам оринглоудеров направлялись караваны капсул. Экспериментальная зона была заполнена до отказа, а ее программа преследовала весьма примечательную цель. Заподозрив неладное, оператор хотел вмешаться и остановить Руслану. Вытаскивая оружие, в своем намерении он едва не преуспел, но нейроблокиратор отправил его в глубокий паралич. Оттащив схане'ярва в сторонку, Руберт занял место у другого терминала. Его дополненная реальность выводила точные инструкции. Она указывала, что и как надо делать, куда нажимать и какие операции запускать. То же самое видела и Руслана. Впервые очутившись в этом месте, она в принципе не знала, где тут что, однако визуальные подсказки позволяли действовать безошибочно. Активировав оринглоудеры, она направила их излучение в капсулы. Тогда же узникам было введено вещество, чья

формула поступила с терминала Аперхоун.

Руслана понятия не имела, что стояло за той или иной операцией. Она выполняла инструкции того, кого считала эмиопатом, и Руберт поступал точно так же. У каждого из них была своя задача. Полученная заранее, она не терпела промедления и полностью согласовывалась с задачами остальных.

Руслана занималась подопытными. Она облучала их из оринглоудеров, накачивала препаратами и распределяла по нижним ярусам. Покидая экспериментальную зону, вереницы капсул распределялись по секторам, где начиналось освобождение. Такие же вереницы направлялись в зону, чтобы подвергнуться генетической мутации и облучению. Начавшись в урочный момент, этот процесс уже не прекращался, и чем дольше он длился, тем меньше было шансов его остановить.

Руберт взял на себя технику и электронику. Следуя указаниям в интерфейсе, он отключал системы защиты, перехватывал управление роботами или устраивал в их рядах настоящий бунт. Командуя отрядами машин, схане'ярвы внезапно оказывались в одиночестве, лицом к лицу с взбесившимися подчиненными. Иные роботы сбоили, утрачивая всякую дееспособность. Некоторые вели себя как камикадзе. Находились и такие, что переходили на сторону подопытных и вместе с ними атаковали своих прежних хозяев.

По мере развития событий задача усложнялась. Опрокидывая схане'ярвов, узники рвались в соседние сектора, куда им надлежало расчистить путь. Управляя терминалом, Руберт открывал промежуточные шлюзы и отключал силовые стены. Не отставала и Руслана. Оперируя экспериментальной зоной, она обрабатывала все больше подопытных, охватывая все большую же площадь. Освобожденные узники сходу вступали в бой. Их численность стремительно росла, как рос и боевой потенциал. Руслана и Руберт даже удивлялись, насколько хорошо у них все получается, но тому имелось очень простое объяснение. Ил свое дело знал. Начав вторжение, он становился все сильнее с каждой прибавлявшейся единицей. Контролеры с лучистыми глазами выступали очагами его растущей мощи. Внедренный из другой Вселенной, он тут же вступал в контакт с самим собой в Либератике, обменивался информацией и действовал как единое целое.

Рядовых исполнителей Ил инфицировал в качестве марионеток. Ключевых превращал в свои очаги. Одни выполняли приказы, растворяясь сознанием в изумрудном огне его всепоглощающей воли, другие сами становились их источником и распространителем. Заражая всех подряд, Ил наращивал биомассу, а чем больше

у него становилось биомассы, тем активнее от нее исходило излучение. Наливаясь мощью, изумрудный свет начинал заполонять все нижние ярусы, повсеместно просачиваясь в электронику и становясь ее частью. Системы безопасности отключались и выходили из строя. Машины сбоили и переходили под его контроль. Заключенный в голове одного человека, Ил мог действовать только в ограниченных пределах тела. Огромная, насыщенная его энергией биомасса превращалась в источник излучения, проникавшего как радиация. Поражая все подряд, теперь оно не таилось и не останавливалось ни перед чем, однако не затрагивало экспериментальную зону.

Руслана и Руберт устраивали Ил как сознательные исполнители. Хотя на нижних ярусах творилось черти что, они оставались в безопасности. Ил не хотел рисковать. Инфицирование не всегда получалось удачно. Оно срабатывало в любом случае, но иногда зараженный уподоблялся безумцу. Как испорченная машина, он плохо поддавался контролю и вел себя неадекватно, отчего своих помощников Ил оставлял нетронутыми. Пока они выполняли свою задачу, то пусть и выполняют, чтобы не искать им оперативную замену. Ил не инфицировал Ярколича, предпочитая иметь надежный оригинал, а не засбоившую часть себя. С тем же расчетом, явив свою сущность, в лице Сайлуса он не убил Аперхоун. Не убил сразу, пока в ней оставалась нужда. На всех остальных, однако, его временная протекция не распространялась. Не ведая жалости, Ил либо умерщвлял, либо заражал всех и вся, не делая разницы между людьми и схане'ярвами.

Находясь при последнем издыхании, Фростер так осунулся, что напоминал собственную тень. Он давно потерял счет времени и окончательно перестал понимать, где находится. Его существование превратилось в череду кошмаров. Кровь то горела, вскипая внутренним огнем, а то леденела, словно по ней пускали жидкий азот. Порой он совсем ничего не чувствовал, но иногда боль пульсировала так, что сводила его с ума. Врываясь под черепную коробку, она заполоняла все его сознание, и без того разрываемое на части чужеродными щупальцами. Фростер уже не соображал, кто он и где он, и жил осколками прежнего я, остатками исчезавшего разума. Его память распадалась, как распадались и нейронные связи. И все же он еще кое-что помнил, кое-кого узнавал. Из сумерек разума, посреди воспаленного кошмара появилось лицо. Знакомое лицо, словно вынырнувшее из непроглядной завесы. Фростер услышал, как его зовут, велят пробудиться и следовать за собой. Внезапно он узнал, кому принадлежали эти черты и этот голос. Перед ним, сияя изумрудными глазами, возник Сайлус Чес-

терсайд. Протягивая руку, он призывал подняться, и вдруг Фростер ощутил, как его тело налилось небывалой энергией. Совершив над собой усилие, он преодолел паралич, схватил протянутую ему ладонь и тут же был выдернут из полузабытья. И из капсулы, чьи оковы пали, выпуская узника на волю.

Сшибая роботов будто кегли, между рядами вскрывавшихся капсул неслась какая-то фурия. Силовые стены были ей не помеха. Сбоившие, они только гудели и искрили, однако не перекрывали коридоры светившимся барьером. Кто-то предусмотрительно сломал их, и теперь промежуточные заслоны нижних ярусов не работали. Патруль охраны только и успел, что сделать пару выстрелов. Его предводителя, схане'ярва, фурия отправила в глубокий нокаут, а двух андроидов столкнула головами, обратив их в расколотый металлолом. Треща электрическими разрядниками, другие машины тоже не смогли ее остановить. Ударяясь о стены и друг о друга, они искрили и падали, беспорядочно палили кто куда и разваливались на части. Удары были такой силы, что разламывали корпуса и отрывали манипуляторы, сминали бронелисты и превращали сложную технику в груду дымящегося железа. Утробно рыча от ярости, фурия прыгала не хуже разогнавшегося тигра, в том числе со стен на потолок, а с потолка на головы роботов. В ее жилах бушевал кипучий огонь. Налившись невиданной мощью, тело превратилось в смертоносную машину, остановить которую не смогла бы даже пуля. Завидев Фростера, фурия изменила траекторию. Снеся двух роботов, она перескочила на стену, одним прыжком сбила еще одного, и вот уже оказалась рядом, сотрясаясь от жажды убивать.

Фростер отчего-то не боялся. Измученный пыткой в капсуле, он уже давно ничего не боялся, но это было нечто другое. Он знал, что фурия не причинит ему вреда. Ее облик будил какие-то ассоциации, а в хриплом рычании слышались на удивление мелодичные нотки. Легко, как во сне, он отклонился в сторону, избегая жужжащего выстрела. Подхватив ближайшего робота, он поднял его в воздух и швырнул в направлении объявившегося патруля. Кувырнувшись словно невесомый, робот с грохотом смял его строй и устроил кучу-малу. Налетая со всех сторон, узники капсул тут же раскурочили машины на части, не оставляя от них ни единого целого модуля. Не обращая на это внимания, Фростер посмотрел на фурию. Ее глаза лучились ровным изумрудным светом. Откликаясь в его сознании, он протягивался бесплотными нитями и переплетался в единую паутину, связывавшую их единым целым.

Фростер понял, почему фурия показалась ему знакомой. Это была Табия. Та, с кем он разговаривал в первый день заточения, и

которая впоследствии вырвалась на свободу. Сливаясь неведомым образом, их сознания сроднились, и все, что знала она, узнал и он. Теперь Фростер видел ее побег будто собственными глазами. В его воображении пронесся вихрь из сцен, где она крушила врагов, бежала напролом, а затем упала, заваленная обломками. Ее память неведомым образом соединялась с его, а их мысли пульсировали в унисон.

Это было странное, но чарующее чувство. Фростер и Табия вроде бы оставались раздельными и при этом составляли единое целое. Они слышали и понимали друг друга так, словно пребывали в ментальной связи. Общей метальной связи, постоянно дополнявшейся всплесками новых очагов. Оглядевшись, Фростер увидел, как все больше подопытных покидают капсулы, как они подавляют охрану и как лучатся, сияют изумрудным светом их глаза. Соединенные незримыми нитями, они сливались в единое пространство, в котором угадывалось лицо Сайлуса Честерсайда. Он звал, он велел, он приказывал. Но это был не Сайлус, это был кто-то еще. Кто-то очень могущественный, принявший его облик и поглотивший саму его суть. Только это не имело значения. Фростер подчинился, не в силах отказать, как подчинялись и все остальные. Развернувшись, он объединился с Табией, и оба скачками понеслись вглубь нижних ярусов. Разгораясь, изумрудный свет становился все ярче. Измученное сознание покорялось чужой властной воле и тихо уходило в небытие.

Охрана была сметена в считанные минуты. Усиленная после инцидентов, она уверенно контролировала ситуацию, но не тогда, когда из капсул освобождались сотни, тысячи узников. Накачанные препаратами, они обретали неукротимую мощь. Их ловкость и реакция поражали молниеносностью, а скорость опережала электронную систему наведения. Сила была под стать. Они разрывали сталь голыми руками, ломали прочные конструкции и крошили машины в труху. Используя обломки как оружие, они швыряли их с пробивной энергией пушечного ядра. Подопытные не чувствовали боли, а многие ранения затягивались на глазах. И они действовали в унисон. Начинаясь как спонтанное, освобождение из капсул принимало упорядоченный характер. Подопытные больше не кидались, кто куда. Следуя единой цели, они объединялись в группы и атаковали вполне осмысленно, словно солдаты под командованием офицера. Нижние ярусы погрузились в хаос только на первый взгляд. Среди паровых завес, чадившего дыма и трескучих искр происходило нечто совсем другое. Это была скоординированная полномасштабная атака, производимая разом на огромной площади.

Подопытных не останавливали даже серьезные увечья. Ничего не ощущая, они аж заходились от прилива энергии, кипевшей в их крови смесью целого ряда препаратов. Ударной смесью, токсичной и избыточной, опасной для жизни самой своей концентрацией. Но жизнь подопытных контролеров не интересовала. Тех контролеров, что направляли их ярость лучистым светом своих изумрудных глаз. На первом и единственном месте был только результат. Ради него вводились вещества, генетически ломавшие организм, ему в угоду приносились любые жертвы. Подопытные играли роль пушечного мяса. Проворного, смертоносного, налитого сверхсилой пушечного мяса, обреченного на гибель, но так, чтобы она принесла как можно больше пользы. Снося заслоны схане'ярвов, узники капсул гибли десятками, но прорывались сотнями; сотнями они падали, заливая пол своей дымящейся кровью, но брали верх тысячами. И число их постоянно прибывало.

Поврежденная и инфицированная, система безопасности искажала передаваемую информацию. Хоть и многоопытный, в первые минуты Карлерих неправильно оценил ситуацию. Решив, что речь идет о значительном, но все же техническом происшествии, он направил на нижние ярусы подкрепление и заблокировал основные шлюзы. Без особого повода, в тотальной зачистке он не усматривал необходимости, пока изумрудное сияние и тысячи пораженных подопытных не сказали ему все. Хоть и с перебоями, видеотрансляторы передавали, как инфекция стремительно распространяется в секторах. Это подтверждали и сообщения от схане'ярвов, пытавшихся сдержать лавины атакующих на местах. Проникнув в Либератику, Ил начал масштабное заражение.

Установив, насколько все серьезно, Карлерих не колебался ни секунды. Сорвав цифровую пломбу, он объявил чрезвычайное положение и подал всеобщий сигнал тревоги. Это позволяло инициировать протокол высшей степени защиты. Введя свой личный код, Карлерих изолировал нижние ярусы от остальной Либератики и активировал тотальную зачистку. Это означало абсолютную дезинфекцию, полное выжигание на атомном уровне. Столь радикальная мера уничтожала все живое и неживое, превращая сектора в пустынный металлолом, однако помогала даже против Ила. Она помогла бы и на этот раз, да только ничего не вышло. Потерянные минуты оказались решающими. Шлюзы и впрямь сомкнулись, а вот система зачистки не сработала. Отрезанная Илом, удаленно она больше не управлялась, а дееспособных схане'ярвов на контрольных узлах уже не было.

Несмотря на всю серьезность ситуации, Карлерих не считал ее непоправимой. Хоть и не включившись, зачистка была лишь

локальным инструментом, вышедшим из строя. Шлюзы по-прежнему изолировали зараженные сектора, и открыть их вот так запросто не получится даже у Ила. Это были огромные шлюзы, под стать орбитальной станции, и предназначались они как раз для полной герметизации. Электронное управление предусмотрительно блокировалось, а ручное оставалось только на безопасной стороне. Илу понадобится время, чтобы пробиться через массивную толщу. Время, которое Карлерих более терять не собирался. Объявив общую тревогу, он объявил и общий сбор. Под его началом было достаточно схане'ярвов и машин, чтобы уничтожить зараженных и вручную. Войдя на нижние ярусы, они станут выжигать все на своем пути, не оставляя врагу ни малейшего шанса.

Отдавая распоряжения командирам, Карлерих уже группировал боевые отряды, когда система безопасности подала новый сигнал тревоги. Бросив взгляд на сообщение, он изменился в лице. Сигнал пришел из научного комплекса, а затем еще, еще и еще. Переходя в режим изоляции, лаборатории закрывались одна за другой, однако утечки продолжали фиксироваться, а их численность стремительно нарастала. Не понимая, как такое возможно, Карлерих прокрутил изображение с ряда видеотрансляторов и потерял дар речи.

Вторая волна атаки была спланирована не менее мастерски, чем первая. Хоть и менее масштабная, она ударяла туда, где никто не ожидал нападения, и уж тем более такого. Будучи вне подозрений, Алия Ферран беспрепятственно прошла в научный комплекс еще до того, как на нижних ярусах началось вторжение. И здесь, как биодроид, она находилась не одна. Юбелла Аперхоун очень трепетно относилась к своему изобретению. Среди сотрудников Карлериха органических компьютеров не было совсем. В научном комплексе их насчитывались тысячи. Исполнительные и надежные, они выполняли самые разные задачи, повсеместно помогая ученым и лаборантам. Пребывая в Алии, Ил не мог заразить схане'ярвов, зато он мог управлять другими биодроидами. У них ведь не было личности, и они программировались как обычные — пусть и уникальные, — машины. Внедряя им свою матрицу мышления, фактически Ил клонировал Алию во множество других единиц, по сути все так же действуя как вирус.

Непродолжительного контакта оказывалось достаточно. Замирая подле Ила, биодроиды несколько секунд стояли будто в ступоре. Потом, словно пробудившись, восстанавливали активность, и вели себя иначе, нежели прежде. Бросая все дела, они отправлялись искать других биодроидов, и этот процесс повторялся снова и снова, пока система безопасности не заметила неладное. Тогда она

перекрыла сектора, а биологические компьютеры принялись за своих хозяев.

Для внедрения требовались носители. В отличие от нижних ярусов, научный комплекс подопытными в капсулах не располагал. Как правило, для экспериментов там использовались непригодные студенты вроде Сайлуса Честерсайда, однако Ил не стал за ними гоняться. Он счел это излишне хлопотным. Ему годились и схане'ярвы, которых более чем хватало. Подчиняясь матрице Алии, биодроиды делали то, что и прежде, только приоритеты у них изменились. Переключив всего лишь один триггер, Ил поменял у них биоматериал и сотрудников местами.

Действующие лица разнились, но схема повторялась однотипная. Подходя к научному персоналу, биодроиды хватали его и уводили с собой. Кого-то мягко брали под руки, кого-то куда грубее, а иных, будто мешки, и вовсе закидывали на плечо. От неожиданности схане'ярвы даже не оказывали решительного сопротивления. Просто не веря в происходящее, они пытались докричаться до биодроидов. Те же молча тащили своих хозяев к оринглоудерам. Вырывавшихся держали крепко. Сила человеческого тела не шла в сравнение с силой биодроида, и освободиться самостоятельно ни у кого не получалось. Пока схане'ярвы недоумевали, полагая, что некий оператор допустил ошибку, их без труда ловили одного за другим. Когда же до них дошло, насколько все серьезно, время было упущено. Дав биодроидам отпор, схане'ярвы лишь спасали себя, но замысел Ила остановить уже не могли.

Система пожаротушения показала себя довольно эффективно. Заведомо невооруженные, ученые и лаборанты пустили в ход хладагенты, отлично поражавшие органическую материю. Морозное дыхание притормаживало рвение биодроидов. Замерзая на ходу, они теряли подвижность, что позволяло схане'ярвам избегать их цепкой хватки. Затем на помощь подоспели сотрудники безопасности. Следуя приказу Карлериха, они уже не церемонились. Открыв огонь на поражение, они расстреливали биодроидов везде, где только видели — даже тех, кто не был заражен матрицей Ила. Многих схане'ярвов они успели освободить, вырвав из рук биологических компьютеров, но для многих же оказалось слишком поздно. Проблема заключалась не в том, что биодроиды убивали своих хозяев. Персонал Либератики сам очутился в роли подопытных. Пристегнутые к ложу, схане'ярвы могли только биться и кричать, пока запускались оринглоудеры. Процесс внедрения много времени не занимал. Приходя из другой Вселенной, изумрудный свет тут же обосновывался в пленнике, парализуя его сознание и захватывая контроль над телом. Биодроиды приковывали

схане'ярвов. Обратно они отпускали Ил.

Очаги заражения стремительно множились. Каждый инфицированный немедленно отправлялся на поиски новой жертвы, а персонала в научном комплексе хватало. Исходное правило не нарушалось — для массового распространения Илу требовалось набрать мощь. Вот только он ее уже набрал. Ведь он представлял собой единое целое, состоявшее из набора отдельных точек, и его критическая масса непрерывно нарастала. Включаясь в общую сущность, каждый носитель сразу становился источником распространения. Полыхнув изумрудным светом, глаза схане'ярвов уже не затухали, и только ярче разгорались, достигая свои жертвы на все большем расстоянии.

В научном комплексе началась паника. Изолируясь автоматически, лаборатории отрезались от внешнего мира, однако распространение заразы это не остановило. Пораженных секций оказалось слишком много, а инфицированных постоянно прибывало. Распознав угрозу, система безопасности перекрывала зону за зоной, но Ил успевал выбраться за их пределы. Инфекция проникала быстрее, чем ее обнаруживали, и проникала масштабно. Сигналы тревоги поступали лавинообразно, а очаги поражений возникали как из рога изобилия. Закончилось это предсказуемо. Сработал единый протокол защиты. Все двери научного комплекса сомкнулись, начиная от магистральных шлюзов и заканчивая переборками в помещениях. Сам же научный комплекс был наглухо отрезан от остальной Либератики, как и нижние ярусы. Вот только проблему инфицирования это не решило.

В каждой Вселенной действовали свои законы, однако принцип распространения Ила оставался неизменным. Он зависел от набранной мощи, и чем больше его оказывалось в каком-либо регионе, тем эффективнее он атаковал. Схане'ярвы не могли вернуться в потерянную часть Вселенной — они заразились бы мгновенно. Их не спасла бы никакая защита. Ил же не мог захватить все сразу, когда ему удавалось образовать очаг внутри защищенного периметра. Какое-то время он набирал критическую массу, и в этот период он оставался уязвим. Но чем больше он заражал, тем сильнее становился, а чем сильнее он становился, тем быстрее заражал. Быстрее, больше и дальше, в прямом смысле этой комбинации слов.

Происходящее в Либератике наглядно иллюстрировало, как Ил захватывал крепости схане'ярвов, а после их падения и регионы. Самым трудным для него было первичное проникновение, инфицирование исходной точки, для чего он изыскивал любые способы, пытался нащупать самые невероятные лазейки. Проник-

нув же, он обретал носителя, однако на первых порах очень слабого, вроде Сайлуса Честерсайда. Как бы ему ни хотелось, взять с места в карьер, сразу же заразить всех и вся он просто не мог. Помимо силы, ему требовался прямой контакт, что занимало время и осложняло распространение. Рывок происходил, когда Ил набирал ту самую критическую массу. Рывок количественный и качественный. И вот тогда инфицирование принимало поистине пугающий характер.

Каждая новая точка увеличивала возможности остальных. Прежде Илу требовалось взаимодействовать с жертвой вплотную. Теперь же все, кто оказывались с ним в одном помещении, немедленно подвергались активному заражению. Вот только понятие помещения было условным, как условным и распространение через глаза. Материальный мир накладывал на Ил ограничения, однако как таковой он для него не существовал. Его излучение уподоблялось Светилам второй экстрадинации, чей свет проходил через любую материю. При этом глаза людей играли роль лишь для самих людей. Привыкнув воспринимать пространство оптически, они передавали свою особенность и Илу, но формально и без всяких недостатков. Изумрудное сияние из глаз было лишь инерционным визуальным эффектом. Слепой человек точно так же инфицировался и распространял заразу, как и зрячий.

Будучи формой бесплотной энергии, Ил пронзал пространство как угодно и через что угодно. Его останавливало лишь расстояние, а не то, из чего оно состояло. Защитные периметры схане'ярвов это учитывали, отделяя пораженные регионы от безопасных. Либератика же, как орбитальная станция, физически не обладала площадями целой звездной системы и тем более галактики. Ее могучие шлюзы, безусловно, были прочны и надежны, но только до известного предела. Тридцать футов энергополей и стали были для Ила препятствием лишь тогда, когда его излучение пробивало на двадцать девять. Когда же оно начинало доставать на тридцать один, герметичность заблокированных зон утрачивалась. Карлерих не упустил это из виду, однако его расчеты базировались на заражении нижних ярусов. Инфицирование научного комплекса резко изменило ситуацию. Критическая масса Ила опасно возросла. Уже готовый начать зачистку, Карлерих отложил этот приказ. Окружив изолированную область, его отряды занимали позиции, но пока ничего не предпринимали.

В отличие от нижних ярусов, полного заражения научного комплекса не произошло. Радоваться, впрочем, этому не приходилось, поскольку оно становилось вопросом времени. Около трети его секторов перешло во власть Ила. Незараженных схане'ярвов

там попросту не осталось. Остальные держались только за счет буферного периметра. Сообразив, что происходит, служба безопасности сумела организовать оборону. Подчинив себе остальной персонал, ее тамошние отряды забаррикадировали все что могли. Любые попытки прорыва встречал интенсивный заградительный огонь. Выдерживая дистанцию, схане'ярвы предпочитали разгромить инфраструктуру, лишь бы не позволить инфицированным подойти. Но они все же подходили.

Выискивая любую брешь, Ил действовал не только пассивно. Пока одни зараженные искали пути через коммуникации, транспортные тоннели и лабиринты переходов, другие лезли напролом. Они прожигали стены плазменными резаками, оплавляли шлюзы и взрывали переборки. Огромные излучатели проедали сквозные бреши, а покорные роботы бурили сталь и взламывали шлюзы. Медленно, но неумолимо, они продвигались вперед чисто физически. И чисто физически у схане'ярвов не всегда получалось им противостоять. Отсеки и коридоры простреливались горизонтально, однако палить в пол или потолок боевые отряды просто не могли. В Либератике происходило то же, что и на войне в их родной Вселенной. Схане'ярвы либо отступали, сокращая защитный периметр, либо попадали в зону поражения и инфицировались.

Трезво оценив ситуацию, Карлерих был вынужден отказаться от решительного контрудара. Сражаться сразу на два фронта у него не хватало сил. Точнее, хватало, но только при правильном применении, что требовало очень точного стратегического расчета. Тот же упирался в рациональную целесообразность. Де-факто Карлерих решал, возможно ли еще спасти кого-то в научном центре, или его следовало считать утраченным. В первом случае основные силы будут брошены на эвакуацию. Пробив безопасный коридор, его отряды выведут всех, кого смогут. Во втором он не станет терять время на спасение, а сразу приступит к тотальному уничтожению.

Анализируя диспозицию, Карлерих понимал, что мешкать не стоило, иначе Ил сделает выбор за него. Отринув всякое сочувствие, он опирался исключительно на цифры и холодную логику. При необходимости, он сжег бы хоть всех ученых, однако излишние жертвы могли навредить Астробиону не хуже врага. Взвесив все за и против, он отдал новый приказ. Заблокированным схане'ярвам следовало отступать в указанный им сектор. Туда же, следуя плану эвакуации, он перебросил часть боевых отрядов.

Когда опустились переборки, Листас и Шелли застряли в научном комплексе точно так же, как Руслана и Руберт на нижних ярусах. Прежде лучась по отдельности, теперь изумрудный свет

виднелся повсюду. Казалось, он насыщал само пространство, а его концентрация постепенно нарастала. Воображая, что так наступали эмиопаты, друзья относились к этому вполне спокойно. Захват Либератики шел по плану, а персонально на них никто не нападал. Они ведь не знали, что Ил щадил своих помощников лишь до поры. Добившись несомненных успехов, он пока не овладел всей орбитальной станцией, а Карлерих еще мог дать ему отпор. Ценой огромных жертв, он был способен переломить ситуацию и даже одержать верх. Захват нескольких юнцов ничего не решал, зато погуби Ил часть из них, другая откажется ему повиноваться. Пренебрегать этим не стоило. Пребывая в незараженной области, она все еще была крайне полезной. Та же, что очутилась в изоляции, тоже помогала ему на совесть, отчего в ее инфицировании отсутствовал всякий смысл.

Оставаясь в экспериментальной зоне, Руберт и Руслана продолжали обрабатывать нижние ярусы, и дел им еще хватало. Листас и Шелли содействовали захвату научного комплекса. Производственная лаборатория штамповала препараты, которые они передавали биодроидам. Не принимая их сами, те потчевали зараженных схане'ярвов, генетически преображая тела в угоду Илу. Успех требовалось развивать. В конечном счете, преображение было фатальным, однако на время оно даровало могучих исполнителей. До того как умереть, они успеют принести пользу, тем более значительную, чем выше окажется концентрация вещества. Снабжая армию Ила, Листас и Шелли работали не покладая рук. В сравнении с ними, Джерри и Сильвертина вообще ничего не делали, однако потому, что до поры именно это им и велели. Согласно плану, каждому был назначен свой черед. Когда настал их, они тут же принялись за дело, а Карлерих получил сигнал тревоги из учебного комплекса.

Необычно модифицированные, скрипка и волынка были официально разрешены, однако позднее Ил привнес в их игру кое-что еще. Страшная сила искусства проявилась во всей красе, ибо именно так музыка и звучала — страшно, словно ее породила сама преисподняя. Воздействовала она таким же образом. Студенты слышали мелодию — гармоничную, но поистине ужасную, будто пение падшего ангела, от которого аж мороз по коже продирал. Она им не вредила, но только им, поскольку схане'ярвы к людям не относились. В их сознании бушевал ментальный кошмар. Мысли путались, восприятие меркло, в ушах стоял пронзительный звон, а нервные клетки испытывали нестерпимый жар — ненастоящий, однако от этого не менее болезненный. Вспыхивая перед глазами, реальность словно разваливалась на части. Она пламене-

ла так, что этот пожар разгорался во внедренном разуме, как будто пытался выжечь его из захваченного тела. В известном смысле, именно это и происходило.

По-настоящему изгнать схане'ярва из человека Ил не мог, однако воздействовать на исходную взаимосвязь энергии и материи у него вполне получалось. Звуковые волны, исторгаемые инструментами Джерри и Сильвертины, были для схане'ярвов как умеренный электрошок. Не убивая, они частично лишали их дееспособности и кратно ослабляли волю к сопротивлению. Но только их. В учебном комплексе хватало и биодроидов, чье восприятие реагировало на мелодию иначе.

Биологический компьютер подлежал программированию, как и любой другой, и кто сказал, что это нельзя сделать звуком? На заре компьютерной техники машины именно так и общались — режущей слух какофонией, имевшей смысл только для них. Хорошенько освоившись в Алии, Ил полностью овладел ее структурой. У него было достаточно времени, чтобы разобраться в ее сущности. В отличие от Юбеллы Аперхоун, он постигал ее детище изнутри, и в кратчайшие сроки сумел такое, о чем та даже не догадывалась. Ил всегда находил уязвимые места. Его создавали для перестроения Вселенной — перепрограммировать биодроида набором звуков ему было гораздо проще.

О полной замене матрицы мышления не шло и речи. Даже сотворенная Илом, мелодия просто не могла вместить такой объем данных. Она ограничивалась короткой инструкцией, зато получавшей высший приоритет. Прерывая любые задачи, биодроиды стремились выполнить именно ее, а этого Илу вполне хватало. Инструкция становилась троянским конем. С нее процесс только начинался. Запущенный звучавшей мелодией, весь алгоритм загружался через терминалы, куда биодроиды подключались один за другим, а схане'ярвы, пребывавшие в ступоре, помешать им не могли.

Тревога, объявленная в Либератике, коснулась только персонала. Как обычно, студенты ни о чем не подозревали. О нижних ярусах они и понятия не имели, а в научный комплекс их не пускали. Одни находились дома, другие гуляли в парке, третьи проводили досуг в развлекательных центрах, а четвертые… Четвертые учились, то есть пребывали в аудиториях, в объятиях виртуальной реальности и под жалами оринглоудеров. Те же излучали им в головы ровно то, что задавала программа. В обычных обстоятельствах она влияла на память, занося туда новые данные, и стимулировала развитие мозга. В известном смысле, студенты и впрямь "учились", то есть непосредственное развитие у них, несомненно,

шло. При этом оринглоудеры могли выполнять и другую задачу, в том числе внедрение, типичное для научного комплекса и нижних ярусов.

Изменив модель поведения, биодроиды тут же начали ей следовать. Доселе безропотные и преданные, формально они таковыми и остались, но стали служить новому хозяину. Они не увеличивали суммарную мощь Ила, однако выполняли все его команды, невзирая на прежние приоритеты. Любимое детище Аперхоун обернулось против своих создателей. Операторов и преподавателей биодроиды не убивали потому, что Илу требовалось как можно больше носителей. Кого получалось, они хватали и обезвреживали. За убежавшими не гонялись. Получив доступ к оринглоудерам, они меняли так называемую учебную программу. Смысл ее был прост. В мозг студентов, вместо новых знаний, прямиком из другой Вселенной внедрялся Ил.

Различная тактика применялась непроста. Захват нижних ярусов происходил по одному сценарию, научного комплекса по другому, а учебного — по третьему. Используя неизменный шаблон, Ил натолкнулся бы на противодействие системы безопасности. Она ведь тоже не дремала. Анализируя происходящее, она училась на своих ошибках и принимала меры. Придержанный до поры, дуэт Джерри и Сильвертины стал для нее неприятной неожиданностью.

Дождавшись своего часа, музыканты воспользовались огромным пространством, примыкавшим к большой лазуритовой лестнице. Выполненная в классическом стиле, она соединяла между собой десяток этажей и всегда была полна народу. Студенты, биодроиды и схане'ярвы постоянно сновали по ней или рядом, в гулких соседних коридорах, фойе и переходах. Слышимость тут была великолепная, как в концертном зале или исполинской пещере. Получив сигнал, Джерри и Сильвертина начали играть, да так, что к их исполнению очень многие не остались равнодушны. Охватывая значительную площадь, их музыка дезориентировала схане'ярвов и запускала троянскую инструкцию у биодроидов. Безучастными оставались только обычные роботы. Они никак не реагировали на мелодию, но персонал Либератики далеко не сразу догадался призвать их на помощь. Потом же стало слишком поздно.

Хватаясь за головы, схане'ярвы застывали, менялись в лице, оседали на пол. Их руки дрожали, как в лихорадке, ноги становились ватными, речь теряла внятность. Из глаз начинала сочиться кровь. Немного, но ее капли, набухавшие у ресниц, производили жутковатое впечатление и сразу отличали человека от схане'ярва.

Преподавателей атака почти не затронула, поскольку большинство из них находилось в аудиториях, однако музыку услышало немало других сотрудников, техников и вспомогательного персонала. Разумеется, ее услышали и биодроиды, прекрасно маскировавшиеся под аспирантов. И тут же откликнулись. Пока дуэт исполнял свою страшную сонату, они обеспечивали вторжение в учебный комплекс.

Предвидеть такое не мог даже многоопытный Карлерих. Разумеется, он сразу же скорректировал систему. Кроме речи, всякая передача звука была запрещена, и ретрансляторы уже не воспроизводили коварную мелодию. Отключенная от всякого вещания, она больше не играла в половине комплекса и теперь гремела только на огромной лестнице. Скрипка и волынка поражали лишь тех, кто слышал их вживую, однако и этого оказалось достаточно. Обширное пространство сделало свое дело. Полнясь музыкальными переливами, перекатываясь их громким эхом, оно стало ловушкой для всех, кто там очутился.

Теперь служба безопасности реагировала куда быстрее, а главное жестче. Она сразу применяла силу, не задавая вопросов и не выясняя причины странного поведения. Пребывая в боевой готовности, она действовала без промедления, даже если это шокировало студентов. Выбирая меньшее из двух зол, схане'ярвы предпочитали публично расстрелять биодроида, нежели позволить ему реализовать некий дурной умысел. Завидев, как охрана палит в безоружных якобы людей, снося им головы и решетя тела, студенты с криками разбегались, однако успокоить их было куда проще, нежели вернуть контроль над учебным комплексом. Не жалея боеприпасов, схане'ярвы стремились уничтожить проблему в зародыше, но дьявольская мелодия создавала им невыносимые помехи. Туманя рассудок, заставляя содрогаться тела, она задержала их достаточно для того, чтобы часть биодроидов перешла на службу к Илу, и хотя бы некоторых из них не успели остановить.

Оринглоудеры перепрограммировались быстро. Добравшись до их консолей, с этим органические компьютеры не затянули, а носителей и искать не понадобилось. Они уже находились в аудиториях, либо в виде учащихся, либо преподавательского состава. Дальнейшее взяла на себя критическая масса. Единичные проникновения были не слишком опасны, случись они в одиночестве. Теперь же они стали не третьим или двадцатым, а влились в череду десятков тысяч. В учебный комплекс проник не слабый Ил, который служба безопасности могла бы оперативно обезвредить — он ворвался туда мощью целой армии, и тут же принялся за дело.

Не будь дураком, Ил позаботился о защите музыкантов, что-

бы тех не скрутила и не застрелила служба безопасности. Пока не началось вторжение, биодроиды прикрывали их любой ценой, в том числе бросаясь на схане'ярвов. Проворные и сильные, даже невооруженные они были прекрасными телохранителями. Оружие же они старались отбирать у охраны, и порой это получалось. Выстрелы загремели обоюдно, а возле лестницы завязалась схватка, разгоравшаяся тем яростнее, чем больше в нее вовлекалось противников.

Отступив в укрытие, Джерри и Сильвертина не переставали играть. Учитывая чувствительность последней, Ил принял необходимые меры. Наушники не позволяли ей слышать крики, а специальные очки видеть дальше нескольких ярдов. Стоя рядом с возлюбленным, она не отрывалась от скрипки и даже не понимала масштаба происходящего. Это понимал Джерри, но его проинструктировал Ил. Сыграв на пылкости юноши, он разъяснил, чем можно и нужно пожертвовать ради спасения Сильвертины. И Джерри пожертвовал, стоически принимая свою роль и сея хаос в учебном комплексе. Хаос, который вскоре перерос в настоящее побоище.

Зародившееся в аудиториях, массовое заражение уже нельзя было остановить. Ил инфицировал всех подряд. Захватывая схане'ярвов, он не брезговал и теми студентами, кто еще не успел убежать. В этом ему помогали биодроиды, чье окончательное обращение также приняло всеобщий характер. Как и прежде, своих помощников он не трогал. Джерри и Сильвертина продолжали исполнять сочиненную им сонату. Достигая схане'ярвов, их музыка существенно упрощала подавление охраны, да и в дальнейшем могла пригодиться. Вокруг все зеленело, начиная распространять характерный свет. Он сочился через перекрытия, насыщал атмосферу и сиял из множества глаз. В этом изумрудном царстве музыканты следовали через учебный комплекс. В сопровождении телохранителей они все шли и шли, все играли и играли. Им открывали двери, для них вскрывали шлюзы, освобождали проходы и расчищали дорогу. Численность их сопровождения росла по мере новых инфицирований Ила. Заливаясь дуэтом, скрипка и волынка несли свою страшную силу искусства, о подлинном смысле которой Джерри и Сильвертина даже не догадывались.

Два пораженных комплекса из пяти стали огромной проблемой для Либератики, и это не считая нижних ярусов. Ее силы безопасности распылялись, кратно снижая свою эффективность. Ил же наоборот, ее непрерывно набирал. Бои, закипевшие в аудиториях, складывались не в пользу схане'ярвов. В научном комплексе все обстояло еще хуже. Скрежеща зубами, Карлерих уже

корил себя за то, что своевременно не прибег к полномасштабной изоляции. Выявив заразу на корню, он давно бы ее уничтожил, пусть и не прояснив каких-то деталей. Увы, сделанного не воротишь, а грядущее представало все более тревожным. Постоянно переоценивая ситуацию, Карлерих начинал понимать, что судьба Либератики висит на волоске.

Шансы Ила на победу стремительно росли. Даже в случае успеха схане'ярвов нанесенный им ущерб становился поистине чрезмерным. Карлерих, однако, не терял уверенности в себе. Он обладал достаточными ресурсами, чтобы справиться с таким кризисом, отчего нулевой вариант, то есть самоуничтожение орбитального комплекса, всерьез пока не рассматривал. Тот грозил отбросить проект Астробиона далеко назад, и прибегать к нему следовало лишь тогда, когда другого выхода не оставалось. А он пока был, и не один.

Перекрыв учебный комплекс, Карлерих продолжал эвакуацию научных сотрудников. Прервав этот процесс, он погубил бы уцелевших ученых, а прийти на помощь преподавателям все равно бы не успел. Какое-то время тем надлежало справляться самим, отбиваясь при помощи тамошних боевых отрядов. Учитывая структуру учебных площадей, более распределенную и открытую, шансы на выживание у них были довольно велики. Отстреливая зараженных издали, служба безопасности хоть немного да продержится, пока подоспеет подкрепление. И оно обязательно подоспело бы, да только замысел Ила на захвате аудиторий не завершался.

Тревога из паркового комплекса поступила в самый разгар спасательной операции. Сдавая позиции, схане'ярвы в научном комплексе ожидали, когда их эвакуируют, и тут Ил нанес очередной удар. Чувствительные сканеры, установленные в парке вместе с видеотрансляторами, уловили присутствие враждебной органики. Ее источники находились в пассажирских капсулах, объявлявшихся из транспортных шахт. Распределяясь по климатическим зонам, они, вероятно, везли десант, который готовился к захвату. Кто находился внутри, Карлерих не видел, но выяснять и не собирался. Приказ на уничтожение действовал повсеместно и дополнять его особо не приходилось.

Доселе сокрытые в бункерах, среди рощ, лугов и джунглей выдвигались турели. Захватывая цель, они тут же открывали ураганный огонь, обращая транспортные капсулы в чадящие костры. Их дополняли волновые пушки, выдвигавшиеся из укрытий таким же образом, многочисленные излучатели и сторожевые дроны. Парк наполнился взрывами, дымом и грохотом. Сверкали треску-

чие молнии, плавился металл, в ложное небо взмывали столбы копоти. Стараясь не задеть студентов, Карлерих эвакуировал их средствами дежурных роботов, но в остальном действовал жестко и беспощадно. Только недолго. Шокируя его до глубины души, система безопасности известила, что заражению подвергся и медицинский комплекс. Пять из шести! Сжав кулаки, Карлерих судорожно сглотнул. Защита Либератики была рассчитана на единовременное поражение половины ее площадей. Практически полное инфицирование делало всякую изоляцию бессмысленной. Впервые дрогнув, Карлерих провел рукой по лицу и как во сне стал вчитываться в стекавшиеся к нему сводки.

Освобожденный, Ярколич не кинулся убивать Эрвину. Он и пальцем ее не тронул. Поглощенный своим делом, он даже не мешал ей заниматься своим, то есть по-прежнему выполнять указания Ила. Тот не должен был заподозрить, что с некоторых пор что-то идет не так. Продолжая считать Эрвину своей помощницей, он становился стратегически уязвим, чем новоявленные союзники и собирались воспользоваться. Ярколич, не будь дураком, прекрасно понимал, что в лоб врага не одолеть. Тут следовало действовать хитростью, пока Ил считал себя хозяином положения. По этой причине он не помешал Эрвине, когда она объявила ложную тревогу в медицинском комплексе. Именно ложную, поскольку, в отличие от остальных, реальному заражению тот не подвергался. С тем же умыслом Ярколич не мешал ей отправлять в парк транспорты-камикадзе.

Никакого десанта в пассажирских капсулах не было, однако некая начинка действительно имелась. Будучи доктором Грайслером, Ил и к этому подготовился хорошо. Биологические образцы принадлежали жертвам экспериментов. Тех, которые проводились схане'ярвами с его же проникновением. Иначе говоря, это были остатки тел, клонированная клеточная масса и прочие органические материалы. Сохраненные для исследований, они лежали в медицинских хранилищах, откуда их и позаимствовали. Роботы не знали, куда и зачем их везли. Система безопасности — тоже. Взбудораженные дальше некуда, теперь ее сканеры реагировали вообще на все. Идентифицировав зараженную органику, она подала сигнал тревоги, не особо выясняя, несет та реальную угрозу или нет. После всего случившегося Карлерих тоже это не выяснял. Проглотив наживку, он принял транспорты за попытку заражения, даже не подумав, зачем Илу сдался парк. Тот же не растрачивал на него ценные ресурсы, а создавал только видимость атаки. Под видом Ярколича, он подстроил ее руками Эрвины. Ее же руками он объявил тревогу в медицинском комплексе, который

оставался чист, но который дополнял впечатление тотального заражения Либератики.

Исходная договоренность была проста — Ил требовалось остановить. Ярколич, в дальнейшем, обещал пересмотреть свою политику насчет людей. Хотя бы частично. Не давая несбыточных обещаний, про спасение всего человечества он даже не заикался. И солги он такое, Эрвина уже знала, что подобные решения не зависели от него одного. Начать, однако, можно было и с малого, когда всеобщую катастрофу удастся предотвратить. Так или иначе, ее НАДО БЫЛО предотвратить, а уж потом и выяснять отношения. Сойдясь на этой очевидной истине, Эрвина и Ярколич стали действовать сообща. Продолжая выполнять указания Ила, Эрвина стала помогать и схане'ярву. Тот же, получив от нее максимум информации, быстро составил план, благо что не зря считался одним из самых выдающихся умов.

В силу физических особенностей, орбитальная станция оставляла не так уж много тактических вариантов. При этом она же делала их уникальными. Модульная конструкция отличалась не только надежной и герметичной изоляцией. Она обладала и другими элементами космической структуры, в том числе аварийной эвакуацией. К последней в Либератике подошли с присущим ей антуражем и размахом.

— Вы уверены, что это сработает? — пытливо спросила Эрвина. — Ошибиться нельзя.

— Обязано сработать, — кивнул, потеснив ее у терминала, Ярколич.

Выйти наружу он не мог, зато здесь, внутри своего узилища, сумел обмануть бдительное внимание врага. Подменять сигнал видеотрансляторов получалось не только у Ила.

— А если он не согласится? — недоверчиво уточнила Эрвина. — Вы сами неоднократно страдали от его упрямства.

— Карлериха я беру на себя, — уверенно заявил Ярколич. — Не сомневайся, все получится.

— Он ничего не должен знать, — напомнила Эрвина. — Готова спорить, он вас и слушать не станет, если уяснит, что сначала я помогала Илу, а потом заключила с вами альянс. Он или проигнорирует ваш союз с человеком, или сочтет инфицированным и вообще пристрелит.

— Разумеется, — криво улыбнулся Ярколич. — Именно поэтому он и сделает то, что нам от него нужно. А теперь не отвлекай. Я переключил терминал на твою дополненную реальность. Продолжай обманывать Ил, пока я веду нашу общую игру. Я выдал тебе официальные полномочия — больше использовать мое тело не придет-

ся.
Сказав так, он тут же углубился в работу. Эрвина молча последовала его примеру.

Практически полное заражение Либератики делало всякую изоляцию бессмысленной. Оно, безусловно, локализовало инфекцию внутри отдельных комплексов, однако нарушенная логистика сводила этот положительный эффект к отрицательному. Силы безопасности оказались разъединены. Не действуя сообща, они воевали малочисленными разрозненными группами. Их ударная сила кратно снижалась, как снижалась и оборонительная. Сконцентрировав удар на нижних ярусах, Карлерих сумел бы зачистить их практически наверняка. Заражение научного комплекса серьезно сузило его возможности. Инфицирование учебного критически их пошатнуло, а проникновение в медицинский комплекс и парк создало совершенно катастрофическую ситуацию.

Распыленные ресурсы кратно уменьшили свой потенциал. Боевые отряды, не способные прийти друг другу на выручку, становились легкой добычей Ила. Мобильность не утратили только те, кто находился в буферной зоне, то есть техническом пространстве между комплексами. Пользуясь его коммуникациями, Карлерих все еще мог их перебрасывать в разные концы станции. Другой вопрос — куда? Скомпрометированная почти целиком, Либератика превратилась в единый инфицированный очаг, где стандартные алгоритмы в принципе не работали. Чтобы отвоевать хоть один комплекс у Карлериха элементарно не хватало сил, а комплексов было много, и каждый звал на помощь.

Эвакуация ученых даже не началась, а в таковой уже нуждались медики и преподаватели. Мучительно выбирая, кем пожертвовать, а кого спасти, Карлерих однозначно решил поступиться парком. Наименее заселенный, особой ценности он не представлял, в отличие от жилого комплекса, тревога из которого ожидалась с минуты на минуту. С учетом развития событий, это выглядело логичным. Карлерих невольно удивлялся, почему тот единственный до сих пор не заражен. Он же не знал, что это было частью уговора между Илом и Эрвиной, а впоследствии и с Ярколичем.

Разумеется, Ил не собирался кого-то щадить, однако до поры придерживался своего образа эмиопата. Того, с кем Эрвина заключила союз, а она заведомо не хотела задействовать студентов. Ее тревожил сам факт внедрения и вероятные побочные эффекты. В отличие от схане'ярвов, жизнями людей она разбрасываться не собиралась. Наткнувшись на ее позицию, Ил усердно втолковывал, что совсем без студентов не получится. Без них захватить

учебный комплекс вряд ли удастся. Он уверял, насколько все не так страшно, как выглядит. В итоге, после долгих препирательств, было решено не трогать жилой комплекс. Нижние ярусы "эмиопат" захватывал полностью, в научном комплексе студентов в принципе не было, а в учебном он пользовался теми, кто подворачивался в аудиториях. Без них захват никак не получался, зато остальным дозволялось убегать куда вздумается.

Придерживаясь обещания, Ил ничего не терял. Критической массы ему хватало, а нарушить договор он мог в любой момент, возникни в том необходимость. Пока ее не было, он выполнял свои обязательства, а обманутые друзья выполняли свои. Ил даже усматривал выгоду в требовании Эрвины. До поры не инфицированный, жилой комплекс становился прибежищем для условно спасенных. Скопившись там в избытке, они достанутся ему всем скопом, едва Ил покажет свое истинное лицо. А он обязательно покажет, когда в лояльности помощников отпадет всякая надобность. Теперь, зная, что к чему, Эрвина прекрасно это понимала. Пока враг добивался своего, она собиралась использовать замысел Ила против самого Ила.

Приняв вызов из медицинского комплекса, Карлерих выглядел не слишком приветливо.

— Помощи не проси. Ее не будет, — сразу же заявил он, завидев лицо Ярколича. — Мне сейчас не до твоих эскулапов. Если ты не в курсе, почти вся Либератика заражена.

— Не вся, а только половина, — сообщил главный медик. — Парк не инфицирован. Жилой комплекс тоже. Как и мой.

— Ты вообще имеешь представление, что творится в твоем хозяйстве? У тебя сигналов тревоги больше чем где-либо! — зло рассмеялся Карлерих. — Странно, что ты сам сих пор цел!

— Потому и цел, что у меня чисто, — спокойно ответил Ярколич. — Это ты явно не в курсе, причем о многом.

— Что ты несешь?! — опешил Карлерих.

— Я сам объявил тревогу. Она ложная. Ила здесь нет, как нет в и парке. Это обман для отвода глаз, — усмехнулся Ярколич. — Мой комплекс стерилен. Я собираюсь эвакуировать сюда всех из жилого комплекса.

Выслушав главного медика, Карлерих радостнее не стал. Оказывается, тот решил сработать на опережение. Взяв дело в свои руки, он имитировал заражение, включил все защитные протоколы и отрезал медицинский комплекс от Либератики. Преследуя шкурный интерес, он разделил этим и службу безопасности, тем самым нарушив ее взаимодействие и планы. Масштабы инфицирования оказались преувеличены, однако спровоцировали

тактический кризис. Само собой, Карлериху это не больно-то понравилось.
— Не слишком ли ты много на себя берешь?! — грозно воскликнул он.
— Кому-то приходится всех спасать, пока конкретно ты садишься в лужу, — невозмутимо парировал Ярколич. — Я сразу понял, что происходит. Если ты не принимаешь меры, их вынужден принять я. Играй и дальше в великого полководца. Давно бы уже зачистил нижние ярусы, так нет — он вообще ничего не сделал.
— Следи за тем, что говоришь! — разъярился Карлерих.
— А ты следи за тем, что делаешь, — фыркнул Ярколич. — Я не намерен сидеть сложа руки. Медицинский комплекс полностью безопасен. Отзови своих солдатиков, пока они тут все не разнесли. Они уже пытаются, выискивая угрозу, которой попросту нет. Вели им охранять транспортный коридор в жилой комплекс. Я выведу всех оттуда, пока не поздно.
— Ты мне указывать будешь?! — аж побагровел Карлерих. — Не переходи границы, иначе очень пожалеешь!
— Серьезно? — поднял бровь Ярколич. — Мне вообще не придется ни о чем жалеть, когда все захватит Ил. А он захватит, если продолжишь в том же духе. Прекрати орать и прислушайся к голосу разума, пока не дошло до самоуничтожения Либератики. Или ты это и задумал?

Хоть и разъяренный, Карлерих все-таки соображал. Вне всяких сомнений, наглость Ярколича заслуживала должной кары, однако с ней можно и повременить. Уяснив, что к чему, он нашел в его словах рациональное зерно. Эвакуация в одно, усиленное как крепость место представлялась неплохой идеей. Выстроив оборону, Карлерих сумеет сдержать Ил, пока боевые отряды наносят контрудар. Спасая незараженных, он одновременно проведет и зачистку. Вот только приоритеты следовало поменять. Это не жилой комплекс переберется к Ярколичу, а персонал Ярколича отправится в жилой комплекс. Туда же доставят спасенных ученых и преподавателей. Теперь, в свете обновленной информации, силы для этого имелись, и служба безопасности сумеет организовать эвакуацию. Вот почему всем командовать должен Карлерих, а не зарвавшийся главный медик! Этот нахал даже не учел, что жилой комплекс задуман как спасательная капсула Либератики, а его холерные бараки нет.

Доходчиво донеся свой приказ, Карлерих не преминул выразить недовольство.
— Больше никакой самодеятельности. Ослушаешься — и я велю считать тебя врагом. Или ты делаешь, как я скажу, или пеняй на

себя, — сурово подытожил он. — Это понятно?
— Предельно, — пожал плечами Ярколич.
— Вот и отлично, — кивнул Карлерих. — Выполняй мои инструкции в точности. Тогда, быть может, впоследствии я забуду о твоем поведении.
Считая разговор оконченным, он демонстративно отключился. Расплывшись в невольной улыбке, Ярколич кивнул Эрвине. Та ответила ему кивком. Это означало, что у нее тоже все идет по плану. Правда, совсем не по тому, который она согласовала с этим схане'ярвом.

Подозрительная активность, проявленная в системах Либератики, просто не могла оставаться незамеченной. По крайней мере, слишком долго, чтобы на нее не обратил внимания вездесущий Ил. Он пока не захватил решительно все, однако и прежде умудрялся отслеживать многое. Обретя свободу, Ярколич предпринял ряд шагов, ставших своеобразными индикаторами. Он следовал плану, составленному на пару с Эрвиной, и это не укрылось от их общего врага. Еще не зная, в чем дело, тот заподозрил неладное и вызвал свою лучшую помощницу.
— Что происходит? — сухо спросил Ил. — Я фиксирую различные процессы, запущенные главным медиком. Процессы, о которых мы не договаривались. Они поступают из твоего терминала. Что ты там творишь?
— Это не я, это Ярколич, — ответила Эрвина. — Я его освободила.
Как и схане'ярвы, они общались в дополненной реальности, поэтому их разговор никто не слышал.
— Что ты сделала?! — опешил Ил.
— Я освободила Ярколича. Просто второпях не успела об этом сообщить, — возбужденно пояснила Эрвина.
— Предательница! — злобно воскликнул Ил. — Ты об этом пожалеешь! Сейчас и все твои друзья об этом пожалеют!
— Не ори, а лучше выслушай. Мне в голову пришла отличная идея, — не моргнув и глазом, предложила Эрвина.
— И какая же? — прищурился Ил. — Вступить в сговор со схане'ярвом?
В запале, он практически выдал, что сам к таковым не относился, но Эрвина и бровью не повела. Понимая, чем грозит разоблачение, она продолжала прикидываться будто разговаривает с эмиопатом. Тому же и в голову не приходило, что в битве титанов эта человеческая девчонка имеет наглость играть с ним в игру.
— Да, — кивнула Эрвина. — Ярколич воображает, что я ему помогаю. Я предлагаю этим воспользоваться и нанести удар в самое сердце Астробиона.

— Я слушаю, — секунду помедлив, сдержанно произнес Ил.

Идея пришла спонтанно, и это была чистая правда. Выкладывая ее суть, Эрвина ничуть не лгала. Исходный замысел предполагал только захват Либератики. На большее Ил не рассчитывал, справедливо полагая, что и такого удара будет вполне достаточно. Инфицировав орбитальную станцию, он получит надежную базу для дальнейшего распространения. Десяток-другой звездных систем плюс зараженные, разлетавшиеся по всей галактике корабли — и дело сделано. Многократно усилившись, он обрел бы мощь перестраивать само пространство, любое составляющее его вещество, и тогда человечество уже не смогло бы его остановить. Схане'ярвы — тоже. Еще недостаточно окрепшие, в этой Вселенной они не сумеют выстроить заслоны, чтобы одолеть своего давнего врага. С другой стороны, в родной Вселенной они оставались достаточно сильны.

Ил был уверен в своей победе, но ее существенное ускорение выглядело весьма заманчиво. Астробион представлял собой не только научно-технический комплекс. Учитывая важность, это был мощнейший оплот, удар в который предполагал вторжение в защитный периметр, глубокий прорыв обороны и потенциально быстрое падение схане'ярвов. Их крах ускорялся на три порядка, не оставляя шансов на спасение. Это был очень перспективный сценарий. Прежде Ил не видел к тому предпосылок, но их — просто под другим углом, — увидела Эрвина. Пленный Ярколич не представлял особой ценности. Освобожденный же, желающий остановить вторжение, он мог поспособствовать тому, чтобы ее смелый замысел осуществился. Реализует его, разумеется, отнюдь не вымышленный эмиопат, однако ей об этом знать не обязательно. Схане'ярв не снизошел до того, чтобы открыть человеку правду, иначе Эрвина прервала бы с Илом всякие контакты. Но даже если снизошел, она ему банально не поверила. Она по-прежнему видела в Иле союзника, и лучшим доказательством тому служила ее неизменная лояльность.

От недавней злобы не осталось и следа. Едва не показав свое лицо, теперь Ил был рад, что не успел этого сделать. Рад, насколько вообще могла радоваться неживая энергия. Внимательно выслушав Эрвину, он нашел ее идею весьма многообещающей.

— Неплохо придумано, — протянул он, быстро оценивая перспективу. — Очень неплохо.

— Теперь ты понимаешь, зачем я отпустила Ярколича? — осторожно уточнила Эрвина. — Уверенный, что пытается нас остановить, этот болван сам кратно усугубит положение схане'ярвов.

— Ты правильно сделала, — одобрил Ил. — Но могла бы мне и

раньше сказать.
— Я же не ты — не успеваю все сразу, — смущенно сказала Эрвина. — Пока одно, пока другое… Ярколичу тут лапшу на уши вешала. Он ведь не сразу купился, пришлось ломать комедию. Он держит меня за дуру. Воображает, что справится с тобой моими руками, а потом вернет все на круги своя. Как бы ни так! Ну что, ты на меня больше не злишься?
— Нет, — ответил Ил. — Действуй. Я помогу. Пусть Ярколич думает, что я ни о чем не догадываюсь. Пусть они все так думают, пока не станет поздно.
— Только не забудь — наступление надо придержать, — напомнила Эрвина. — Нельзя захватить то, что еще понадобится.
— Понял, не дурак, — усмехнулся Ил.
Он отключился так же резко, как прежде Карлерих, и как Карлерих немедленно начал действовать по обновленному плану.

Сайлус Честерсайд был мертв. Мертв уже давно, со дня того эксперимента в лаборатории. Жило только тело, играя для соседей роль их неприятного знакомца. Подавленное Илом, его сознание угасло, а новый хозяин использовал биологическую оболочку как марионетку и как источник для дальнейшего заражения. Юбелла Аперхоун умирать не хотела. Увидев изумрудные глаза, она сразу все поняла. Перепуганная до чертиков, она выполняла все указания врага — лишь бы тот не хлынул в ее разум убийственным сиянием. Обезвредив ее, как и Ярколича, Ил в лице Сайлуса управлял терминалом, пока главная ученая служила лишь куклой для авторизации. Ее судьба была предрешена, однако замысел Эрвины внезапно внес некоторые коррективы. Щадить кого-либо Ил по-прежнему не собирался, однако дать небольшую отсрочку — другое дело, и особенно если эта отсрочка в его собственных интересах. Учитывая, что в научном комплексе шли бои, он уже не опасался обнаружения. Выйдя из кабинета Аперхоун, он явил свой изумрудный свет потрясенным схане'ярвам.

Удерживая периметр, ученые никак не ожидали узреть врага за спиной. Служба безопасности тоже. Грянули выстрелы. Сайлуса едва не расстреляли, но это "едва" не означало попадание. Приемная Аперхоун была достаточно просторна, чтобы в нее вместилось много схане'ярвов, и слишком узка, чтобы хоть кто-нибудь из них избежал заражения Илом. Изумрудные лучи, ударившие из Сайлуса, достигли всех и каждого. Сияя звездой, он проникал в сознание, подавлял его и парализовал. Стрельба велась не прицельно и даже хаотично. На курки нажимали немеющие пальцы, а оружие держали неповиновавшиеся руки. Такого огня Сайлус-Ил легко избежал. Его мощь, струившаяся из глаз, уже не унималась. Он

был един со своей огромной армией. Он поражал не в одиночку, а десятками тысяч носителей, и поражал неотвратимо. Схане'ярвы ничего не смогли ему противопоставить. Укрыться от его излучения оказалось просто негде. Оно пронизывало всю приемную, проникало сквозь гермошлемы и броню, не обращало внимания на силовые поля и вторгалось в бессмертный разум его смертным приговором.

Схане'ярвы погибали не сразу. Охваченные ужасом, они еще какое-то время существовали, как существовали Табия и Лоуди. И они прекрасно понимали, что происходит — что их помыслы уже не их, побуждения внедренные, а все действия продиктованы безжалостной чужеродной волей. Став марионетками Ила, они только и могли наблюдать, как их тела выполняют не их решения, и как они пополняют армию бездушного врага. А еще они увидели Аперхоун. Охваченный торжеством, занятый захватом новых носителей, Сайлус-Ил отвлекся и не заметил, как та выскользнула из кабинета. Трясущаяся от ужаса, с онемевшим лицом она пустилась наутек и убежала быстрее, чем Ил успел ее остановить.

Командный центр службы безопасности располагался в технической зоне, вне какого-либо комплекса. Максимально защищенный, он служил подобием крепости для чрезвычайных ситуаций. Оттуда Карлерих руководил своими подчиненными. По соседству находился административный штаб и зал связи Астробиона. Дель Годро не успел туда прибыть. Оставшись в своем кабинете, он до последнего управлял Либератикой, командуя эвакуацией студентов и персонала. Когда же выяснилось, насколько все серьезно, пути к отступлению оказались отрезаны. Лифты и лестницы контролировал враг. Аэромобили превратились в летающие ловушки.

Высотное здание занял Ил, как занял и многие другие здания учебного комплекса. Он не добрался лишь до верхних этажей. Заблокированные наглухо, те служили буферной зоной и прожигались насквозь. Любой, кто туда проникал, тут же попадал под распылители. Упругое дуновение, короткая вспышка — и вот уже материя обращалась в пылающий факел, а затем и в плазменный пепел. Так работала тотальная зачистка. Увы, теперь она работала далеко не везде, где-то поврежденная, а где-то перехваченная Илом. Верхние этажи высотки оставались незараженными, однако явно ненадолго. Бледный от бессильного гнева, Дель Годро поддерживал связь с Карлерихом. Он получал известия о положении вещей, и звучали они неутешительно.

Ил подбирался не мытьем, так катаньем. Его носители не были безмозглыми зомби, а действовали с полной отдачей. Когда он

использовал их как камикадзе, это не означало их непригодность для чего-то еще. Они умели абсолютно все, что умел единый враг, и становились только умнее с каждой захваченной единицей. В распоряжении Ила были военные и ученые, инженеры и лаборанты, механики и программисты. Они стреляли и вскрывали шлюзы, резали сталь, командовали роботами и карабкались по отвесным стенам. А там, снаружи зданий, распылители никто не устанавливал. Высовываясь из окон, схане'ярвы из охраны ректора вели по врагу огонь, но огонь велся и по ним самим. Управляемые Илом, вокруг верхних этажей кружили дроны и катера. Обстреливая защитников, они прикрывали карабкавшихся зараженных, и те постепенно приближались. Расстояние до убийственного контакта сокращалось.

Оценивая ситуацию, Дель Годро понимал, что осталось ему недолго, когда произошло нечто неожиданное. Изумленный дальше некуда, он принял поступивший вызов и увидел баронессу фон Геннингшафт.

— Сейчас я поднимусь к вам, — сказала Элеонора. — Если вы меня сожжете — лишитесь единственного шанса на спасение и лишите его всю Либератику.

— Это невозможно, — изумился Дель Годро. — Даже если вы не заражены, вас инфицируют по пути, а это смерти подобно.

— Я неуязвима для Ила. Он меня вообще не видит, — твердо ответила Элеонора.

Ректор аж заморгал, силясь уразуметь, что сейчас услышал. Его поразило не столько знание баронессы про Ил, сколько вот это "неуязвима".

— Вы с ума сошли? — только и нашелся он.

— Ни в малейшей степени, — заявил, объявляясь на канале, Ярколич. — Она приняла мой экспериментальный препарат. И он, чтоб меня черная дыра пожрала, действует!

— Какой препарат? — выпучил глаза Дель Годро.

— Она же сказала! Такой, который делает неуязвимым для проникновения Ила! — отчеканил Ярколич. — Или как, по-твоему, она преспокойно дошла до тебя? Ковровую дорожку ей расстелили? Пусти ее, если не хочешь сгинуть. Она сама тебе все объяснит.

Ступив на опаленные этажи, Элеонора мысленно содрогалась. Малейшее сомнение, одно лишь нажатие кнопки — и Дель Годро не оставит от нее даже атома. Инстинкт самосохранения отчаянно верещал не идти сюда, в царство плазменного пепла и бесформенной сажи. Он вообще протестовал, чтобы Элеонора куда-то шла. Шла в это побоище, изумрудную хватку немыслимого врага. Однако это надо было сделать, не столько ради себя, сколько ради

спасения друзей. Собрав волю в кулак, Элеонора превозмогла страх и с вызовом глянула смерти в лицо. И смерть ее пропустила, сперва в виде Ила, а затем и страшных распылителей.

Втащив баронессу в холл, охрана тут же захлопнула оплавленную дверь и подвергла ее глубочайшему сканированию.

— Да бросьте! Будь я заражена, вам бы уже конец, — резонно заметила Элеонора.

Схане'ярвы переглянулись, сраженные столь очевидным доводом.

— Говорите, — объявляясь, коротко предложил Дель Годро. — И поскорее! У нас очень мало времени.

Средство было экспериментальным. Фактически, оно представляло собой прототип, ни разу толком не опробованный образец. Ярколич создал его на пробу, связав воедино несколько разрозненных идей. Заявить он о нем не успел, поскольку банально не знал, сработает его идея хотя бы частично или нет. Это было словно пальцем в небо. Он не хотел раструбить об открытии, как Аперхоун об экстрасенсах, а затем развести руками. Но препарат сработал, и блестяще! Просто от безысходности Ярколич предложил его Элеоноре, запертой в научном комплексе. Ту ждала неминуемая гибель, и терять ей было нечего. Прокравшись в лабораторию, она достала контейнер с ампулами и сделала инъекцию до того, как до нее добрался Ил. Почуяв ее присутствие, он уже направил к ней зараженных, как вдруг потерял из виду и более не нападал. Это было чудо. То самое чудо эволюции, которое позволяет выжить в тисках даже самого смертоносного вируса. Сообразив, что произошло, Ярколич быстро сориентировался в ситуации. Установив, что Ил никак не реагирует на Элеонору, он поведал ей о страшном враге и велел отправляться к ректору Либератики.

Все выглядело настолько фантастично, что Дель Годро отказывался верить. С одной стороны, баронесса служила живым доказательством. С другой, сама мысль о неуязвимости для Ила никак не укладывалась в голове. Тот не просто не атаковал — он даже не видел того, кто принял препарат. Он воспринимал его как бездушную материю, не распознавал как источник сознания.

— Это полный бред! Не может быть! Что-то тут не так! — вынес свой вердикт ректор Либератики.

— Это правда! — внезапно раздался голос Аперхоун. — Не знаю, как Стефано такое удалось, но это правда! Я лично это подтверждаю!

— Ты где? — коротко спросил Дель Годро. — Я думал, ты уже не с нами. Судя по данным, сектор твоего офиса захвачен.

— Он давно захвачен. Я была пленницей Ила, — мрачно заявила Аперхоун. — Все это время он действовал от моего имени. Потом

оставил меня и вышел ударить защитникам в тыл. Ярколич связался со мной и сумел освободить. Мои оковы пали. Пока Ил заражал всех подряд, я смогла сбежать. Не знаю, как. Просто повезло. Я нашла препарат. Там, где и указал Ярколич. Он сделал запасной образец и спрятал в одном из хранилищ. К счастью, недалеко от моего кабинета. Ил не успел меня захватить, а теперь даже не видит. Он тут повсюду. Инфицированные проходят совсем близко и никак не реагируют. Сама не верю, что это говорю, но Ярколич — гений! Мне до него как до нашей родной Вселенной!

— Спасибо, Юбелла, — сдержанно поблагодарил Ярколич. — Жаль, не могу ответить тебе тем же. Я ведь говорил — если твои живые компьютеры взбесятся, мало нам не покажется. Так оно и случилось.

Откровение главной ученой прозвучало ревом приземлявшегося звездолета.

— Вот это новости! — воскликнул пораженный Дель Годро. — Я даже не знаю, что с ними делать!

— Я знаю! — вмешался в разговор Карлерих. — Пусть Аперхоун пробирается к тебе. Если она пройдет через Ил, если окажется чиста, тогда вы все дружно отправляетесь в командный центр. Там уже и решим, как пустить наш новый козырь в оборот!

— Как же я пройду? — пискнула Аперхоун. — Комплексы изолированы. Я в научном, а он в учебном.

— Изоляция между ними уже нарушена. Захватив соседние зоны, Ил вручную открыл шлюзы, — мрачно пояснил Карлерих. — Я укажу тебе маршрут.

— Юбелла, ты поняла? — одобрил предложение Дель Годро.

— Я попробую, — вздохнула Аперхоун.

— Давай живо. А я пока займусь Илом, — деловито сообщил Карлерих. — Его натиск внезапно ослаб. Похоже, он перегруппировывается. Не иначе, что-то готовит.

Пробираясь к ректору, Аперхоун ежесекундно ожидала вспышки убийственного сияния. Ил не обращал на нее внимания. Иногда, от испуга, она на него наталкивалась, теряя равновесие и оступаясь. Ничего плохого с ней не происходило. Враг реагировал на нее не больше, чем на мебель. Его изумрудные глаза лучились смертью, и эта смерть обходила ученую стороной. Поначалу трясясь от страха, под конец она даже приободрилась и, ведомая своей натурой, решилась на эксперимент. Она встала на пути бывшего охранника. Тот следовал прямо на нее, однако в последний момент остановился, посторонился и прошел как мимо фонарного столба. Ошалев от прилива адреналина, естественного для человеческого тела, Аперхоун аж зубами застучала. В таком состоянии —

дрожа как в лихорадке, — она прибыла к Дель Годро, где лично подтвердила эффективность открытия Ярколича. Сборы много времени не заняли. Чудодейственных ампул хватило на всех. Элеонора, Аперхоун, ректор и пятнадцать других схане'ярвов благополучно спустились в подвал, проникли в технический тоннель и направились к командному центру Либератики.

Получив новые указания, Руберт и Руслана покинули экспериментальную зону. Ил им не препятствовал — наоборот, всячески помогал, создавая необходимую иллюзию. То же самое происходило в отношении Шелли и Листаса, а также Джерри и Сильвертины. Их неуязвимость приобрела особый смысл. Теперь, в глазах схане'ярвов, они обладали иммунитетом, порожденным экспериментальным препаратом главного медика. Разгуливая в изумрудном свете, они служили лучшим доказательством его эффективности. Ну или сговором между людьми и Илом, чего ни один разумный схане'ярв и допустить не мог. Истину знал только Ярколич, однако он вел хитрую игру, спасая всю Либератику от неминуемой гибели. Эрвина же спасала людей. Одобрив ее замысел, Ил делал все, что от него требовалось. Каждый из них считал, что обводит вокруг пальца остальных, и каждый был по-своему прав. Правда, в конечном счете выигрывал лишь один.

Перемещения студентов, неподвластных и невидимых Илу, вполне отчетливо отслеживала служба безопасности. Ей, конечно, пришлось объяснить, почему музыканты исполняли свою дьявольскую сонату, а теперь помогают схане'ярвам. Ярколич представил все так, будто они не ведали, что творили. Мол, их ввели в заблуждение, обманули. Звучало это правдоподобно, тем более что по сути соответствовало действительности. Студенты ведь и впрямь не знали про Ил, и даже после объявления всеобщей тревоги ничего не понимали. Удовлетворенный этой версией, Карлерих более не считал музыкантов врагами. Их друзей — тоже. Во всяком случае, до поры, пока те служили интересам схане'ярвов и выполняли важнейшую задачу. Карлерих вычеркнул их из списка целей и наблюдал, как они проникают в сердце зараженных зон, и как беспрепятственно делают все, что вздумается.

Работы у неуязвимых друзей было много. Обходя генераторы, оринглоудеры и стабилизирующие реакторы, они вводили в их электронику небольшие изменения. Формально, совсем небольшие, однако восстанавливавшие доступ схане'ярвов. Весьма впечатленный, Карлерих констатировал, что к нему возвращается контроль над частью оборудования Либератики. Контроль, пользоваться которым он пока не спешил. Если Ил поймет, что происходит, он отреагирует, и тогда кто знает, чем все обернется. Студен-

ты, может, и уцелеют, зато доступ к технике наверняка будет потерян. А терять его было нельзя. Решительная, масштабная контратака застанет Ил врасплох. Последовав с разных сторон, она лишит его притока ресурсов и заставит принять опрометчивые решения. И тогда Карлерих наконец-то сотрет его в порошок! Затаив дыхание, он наблюдал, как молодые диверсанты приближают час его торжества. Он даже проникся к ним симпатией, и за их жизни отдал бы сейчас по тысяче схане'ярвов. Разумеется, именно сейчас, поскольку в будущем, с его точки зрения, человечества во Вселенной в принципе не существовало.

Будто читая мысли Карлериха, Ярколич считал точно так же. Сговорившись с Эрвиной, в душе он ее ненавидел. Ненавидел за то, как она его провела — пусть и с подачи Ила, — и простить такое унижение он не мог. Свое обещание он действительно собирался исполнять. В частности, пересмотреть политику насчет людей. Вот только Ярколич не уточнял, КАК он ее пересмотрит. Теперь он уж точно не будет заводить любимчиков, а рыжая девица и ее друзья станут прекрасным материалом на нижних ярусах. Когда там все восстановят, они окажутся первыми постояльцами, и Ярколич лично проследит, чтобы эти юнцы, вкушая все прелести экспериментов, протянули как можно дольше. Мастерски реализуя план, он общался с другими схане'ярвами, но при этом нет-нет, да и бросал украдкой взгляд на Эрвину. Он выглядел сдержанным и даже доброжелательным, однако суть недоброго огонька в его глазах от нее не утаилась.

Памятуя об эпитетах Ярколича, Эрвина и впрямь чувствовала себя дурой. Дурой, которую использовал Ил, и которая прозевала очевидные нестыковки. При этом применительно к схане'ярвам дурой она не была. Эрвина не верила Ярколичу ни на грош. Она заведомо игнорировала любые его обещания. Намереваясь захватить Вселенную, чужеродный разум вот так запросто своих намерений не изменит. Он пойдет на что угодно, чтобы спасти положение, станет убеждать в своей искренности и взывать к очевидной логике, однако за всем будет стоять только холодный расчет. А расчет этот сосуществования с людьми не подразумевал. Они физически требовались как носители, как спасательные челноки для древней цивилизации. И та от своего спасения не откажется.

Ловя на себе взгляд Ярколича, Эрвина иллюзий не строила. Высокомерный, могущественный схане'ярв никогда не забудет, как она сделала из него идиота. И не простит. Едва все это закончится, он отыграется на Эрвине самым жестоким образом, заставит ее прочувствовать свою месть как можно дольше и до самого конца. Нет, Эрвина дурой не была, хоть и наделала немало глупо-

стей. Напрасно Ярколич улыбался, тая недобрый огонь в глубине своих глаз. Едва в нем отпала надобность, Эрвина шарахнула его нейроблокатором. Затем, хорошенько спеленав, оттащила в уголок, где для верности прикрутила к трубе эластичным кабелем.

Взгляд Ярколича говорил лучше всяких слов. Вторично утратив на собой контроль, он только и мог, что сверлить им Эрвину словно раскаленным буром. Этот взгляд был настоящей квинтэссенцией ненависти. Осознав, что его опять провели, сейчас Ярколич разорвал бы Эрвину в клочья, и даже для виду уже не стал о чем-то там договариваться. Она, однако, и не собиралась. Время дипломатии прошло — наступило время действовать. Главный медик ее больше не интересовал. Оставив его в апартаментах, Эрвина вышла в коридор. Ее полномочия, предоставленные самим Ярколичем, никуда не делись. Используя их, она наглухо заперла дверь, куда теперь и войти просто так никто не мог. Поставив на них запрет, она развернулась и ушла, не вызывая ни малейших подозрений у схане'ярвов.

Пока Эрвина пересекала медицинский комплекс, ее никто не останавливал. Более того, служба безопасности выполнила поступивший приказ. Открывая шлюз в зараженную зону, она готовилась к худшему. Выстроившись в боевой порядок, она собиралась открыть ураганный огонь, испепеляющий все живое и неживое, но стрелять оказалось не в кого. Ил отступил в глубину захваченных комплексов. Почему он отступил — этого никто не знал, сей факт лишь констатировался. Согласно элементарной логике, он явно что-то затевал. Ничего хорошего это не предвещало, однако моментом стоило воспользоваться. Натужно загудев, могучие створы отворились. Держа проход на прицеле, схане'ярвы выпустили Эрвину и тут же сомкнули шлюз за ее спиной. Они выдохнули лишь тогда, когда герметичная изоляция восстановилась. Эрвина же и бровью не повела. Очутившись в тоннеле, лишенном всяких признаков жизни, она вызвала пассажирскую капсулу и направилась вглубь Либератики.

Исключая Ярколича и Брегоунта, в командном центре собрались все высшие схане'ярвы. Убедившись в отсутствии угрозы, Карлерих впустил туда ректора, прибывшего в компании Аперхоун, пятнадцати сопровождающих и баронессы фон Геннингшафт. Вскоре за ними подоспела Мартьяла Дормербруг. Оттягивая силы, Ил оставил часть транспортных коммуникаций, которыми она решила воспользоваться. Терять ей было нечего. Зажатая в одном из корпусов, она лишилась почти всей охраны и отбивалась до последнего, как вдруг атака прекратилась. Зная Ил, радоваться такой паузе не стоило, но и проигнорировать ее было бы глупо. Ре-

шив попытать удачу, Дормербруг погрузилась в транспорт, прикинула маршрут и понеслась к командному центру — туда, где окопался Карлерих и где объявились чудодейственные ампулы. Сама не веря своему счастью, она добралась невредимой и была допущена в крепость, ибо врага вокруг не наблюдалось. Отступив в глубину комплексов, инфицированные перегруппировывались, стягивая захваченную технику и проводя загадочные маневры.

Повезло не только Дормербруг. Пользуясь затишьем, студенты и схане'ярвы эвакуировались в жилой комплекс. Учащимся было объявлено, что Либератику поразила чрезвычайно опасная инфекция. Ее жертвы проявляли неконтролируемую агрессию. Всякий контакт с ними приводил к заражению, которое исцелению не подлежало. Служба безопасности стреляла без предупреждения, но администрация призывала студентов сохранять спокойствие. Всем эвакуированным она обещала защиту, ради чего требовалось беспрекословно выполнять указания персонала. Паники удалось избежать, хотя жилой комплекс гудел как растревоженный улей. Свидетели перестрелки, беглецы и спасенные активно делились впечатлениями, пересказывая совершенно жуткие истории. Оберегая их покой и безопасность, Брегоунт не последовал примеру Дель Годро, Аперхоун и Дормербруг. Ощущая всю полноту ответственности, он не пожелал покидать свой пост и лично командовал спасательной капсулой Либератики.

Ярколич отсутствовал по другой причине. Ее назвала Эрвина. Встреченная боевыми отрядами, она прошла сканирование и была выслушана лично Карлерихом, рядом с которым собрались остальные высшие схане'ярвы.

— Главный медик изолирован наедине с Илом, — огорошила она всех присутствующих.

— Как это понимать? — коротко спросил Дель Годро.

— Этот препарат. Он не все вам рассказал, — помедлив, пояснила Эрвина. — На самом деле, он его испытывал. Вот откуда взялась такая эффективность.

— Испытывал? Но как? — удивилась Аперхоун. — Где он взял материальную базу?

— Об этом я и говорю, — заметила Эрвина. — Ярколич тайно допустил инфицирование носителя и запер у себя Ил. Запер в пустующих апартаментах. Он ставил на нем эксперименты. Он добился потрясающих результатов, но до поры о них не сообщал. Он прекрасно понимал, что ему грозит за такую самодеятельность.

— Ушам не верю! — схватился за голову Дель Годро.

— Идиот! — потряс кулаками Карлерих. — Если бы я только знал, я бы лично свернул ему башку!

В свете всего происходящего, в словах человеческой девчонки никто не усомнился. Налицо были все объективные доказательства: недавнее заявление Ярколича, увязавшее студентов и иммунитет, очевидно эффективный препарат и целый набор странностей в происходящем, ныне представших в новом свете. Теперь они логически сочетались между собой, складываясь в мозаичную картину всей истории.

— Поэтому он и держал свои опыты в тайне. Благодаря им, отныне вы располагаете бесценным препаратом, — выразительно подчеркнула Эрвина.

— Но этот кретин, этот самодовольный осел виновен в заражении Либератики! — побагровел Дель Годро.

— Не он, — мотнула головой Эрвина. — Первым инфицированным был доктор Баюди Грайслер. Ярколич сказал, это произошло на нижних ярусах и осталось незамеченным. Он установил это совсем недавно. Подставив доктора Хасильяни, Грайслер заразил Сайлуса Честерсайда, желая проникнуть в студенческую среду. Сайлус немедленно заразил бы и нас, но здесь у Ила вышла осечка. Я и мои друзья участвовали в эксперименте. Ярколич вколол нам экспериментальный препарат, предоставивший иммунитет. Ил не сумел нас инфицировать, а потом и вовсе потерял из виду. Не ожидав ничего подобного, он изменил свой план. Понимая, что вот-вот будет разоблачен, Ил в облике Сайлуса убежал и нанес удар в научный комплекс. Вероятно, кто-то из его марионеток сумел проникнуть и на нижние ярусы. Ярколич не успел вас предупредить. Все это он понял потом, отчего тут же объявил ложную тревогу и изолировал медицинский комплекс.

Карлерих тихо присвистнул. Теперь многие концы наконец-то увязывались воедино.

— Похоже на правду, — припоминая недавнее прошлое, вздрогнула Аперхоун. — Ил пленил меня именно в лице Честерсайда.

— А на нижние ярусы, видимо, проник кто-то из зараженных биодроидов. Проклятье, я с самого начала твоим куклам не доверял! — прошипел ей Карлерих.

Высшие схане'ярвы обменялись взглядами, как бы спрашивая друг у друга, что каждый из них об этом думает.

— У меня вопрос, — подала голос Дормербруг. — С каких пор студентка, первокурсница, ЧЕЛОВЕК, так хорошо разбирается в подобных вещах? Ты ведешь себя на удивление спокойно. Мне кажется, или ты знаешь обо всем уже давно?

— Так и есть, — кивнула Эрвина. — Я знаю абсолютно все — про схане'ярвов, Ил, вашу Вселенную и Астробион. Ярколич мне все рассказал. Он решил сделать меня личной помощницей. Своими

откровениями я огорошила его месяца три назад. Вы же узнали о них лишь недавно, когда Ярколич придумал, как вывести меня в официальное поле. Он подстроил эту красочную экскурсию по Либератике, о которой раструбил вам во всеуслышание. Кстати, мои друзья тоже многое знают. К сожалению, не все, отчего они наделали ошибок при вторжении Ила. Они не поняли, с кем столкнулись, и сейчас их исправляют. В эксперименте Ярколича мы все участвовали добровольно, ибо таков принцип эффективности Либератики. Он обещал нам блестящее будущее на вершине великой цивилизации.

— Подтверждаю, — кивнула стоявшая рядом Элеонора. — Все так, слово в слово.

Речи Эрвины — этой новоявленной коллаборационистки, — повергли схане'ярвов в смятение. Возможно, в замысле главного медика и было рациональное зерно, однако его выходки переходили всякие границы.

— Ушам не верю! — яростно стукнул тростью Дель Годро. — Это уже ни в какие ворота! Ярколич! Ну попадись он мне! Если его не прикончит Ил, это сделаю я!

— Не прикончит, — мотнула головой Эрвина. — Ярколич успел вколоть себе препарат, но Ил вышел из-под контроля. Ярколич не виноват — в Либератике того разрослось слишком много. Это же так работает — единство во многих лицах и набор критической массы. ЕГО Ил не представлял угрозы, пока не объявилась утечка со стороны. Ярколич все еще удерживает носителя, однако из-за этого он и сам оказался с ним взаперти. Тот стал слишком силен. Ярколич больше не может использовать свой терминал. Он вообще не может использовать связь, иначе выпустит Ил. Выпустит прямо в медицинский комплекс, который пока не заражен. Он успел дать мне указания, снабдить полномочиями и направить сюда к вам. И больше на контакт не выходил.

Молчание главного медика, доселе весьма активного, а теперь вдруг куда-то запропастившегося, наконец-то получило объяснение.

— Прекрасные новости. Просто прекрасные, — скривился Карлерих. — Нам только бомбы замедленного действия не хватало. Оказывается, где-то в медицинском комплексе засел Ил, и в любой момент может вырваться на волю. Тогда ложная тревога тут же станет настоящей, а нам мало не покажется.

— Что за указания? — вычленила суть Дормербруг.

— Ярколич передал мне формулу препарата. Он абсолютно уверен, что теперь Ил удастся остановить, — очень выразительно сообщила Эрвина.

— Возможно. Только толку с этого пока мало, — скептически отозвалась Аперхоун. — Здесь командный центр, а не фармацевтический завод. Тут даже геномного анализатора нет. Чтобы синтезировать вещество, нужны производственные лаборатории, а они заражены. Конечно, теперь мы сможем туда пробраться и худобедно запустить процесс, только на это уйдет время. И еще больше его уйдет, чтобы иммунизировать всю Либератику. Пока мы возимся, Ил будет прорываться. Если он проникнет в жилой комплекс — тогда всему конец. Надо срочно отвоевать хотя бы часть зараженных секторов. Сейчас это и есть главная проблема.
— И я прекрасно знаю, как это сделать, — сообщил Карлерих. — Если выжечь нижние ярусы, угроза значительно уменьшится. Теперь у нас есть лазутчики, способные сделать это изнутри. Они, конечно, погибнут, но на такую жертву я готов пойти.
— А я нет, если вы подразумеваете моих друзей, — прохладно возразила Эрвина. — Я не стану разбрасываться их жизнями.
— Не забывай, с кем разговариваешь, — нахмурился Дель Годро. — Мы допустили тебя в свой круг, но ты здесь ничего не решаешь.
— Предполагается, что я разговариваю с самыми сильными схане'ярвами, то есть наиболее выдающимися умами среди высшего разума, — блеснула глазами Эрвина. — Ярколич сообщил мне формулу совсем для другого. Странно, что вы этого еще не поняли. Не поняли, что он имел в виду, сказав: "Теперь Ил удастся остановить". Остановить там, в вашей родной Вселенной! Вам нужно немедленно связаться с той стороной. Передать формулу туда. Там ее адаптируют под вашу среду и запустят массовую иммунизацию. Это изменит ход войны. Это спасет ваш дом. Это спасет и Либератику.

Канал Астробиона расходовал колоссальное количество энергии. Экстренный контакт потреблял еще больше. Он был бы вообще неосуществим, не окажись в зараженных секторах неуязвимых студентов. Обходя критически важное оборудование, друзья возвращали его под контроль схане'ярвов. Помимо прочего, они восстановили им доступ к стабилизирующим реакторам и сверхмощным генераторам. Реакторы удерживали Либератику вблизи от черной дыры, не позволяя ей сдвинуться даже на дюйм. Каналу Астробиона требовалась астрономическая позиционная точность. Без них она обязательно бы сместилась, ибо генераторы вырабатывали столько энергии, что содрогалось само пространство. Запущенные в экстремальном режиме, они напоминали звездолет на форсаже, только стократ перегруженнее. Машинные залы сотрясала мелкая дрожь, компенсируемая амортизаторами. В работе электроники появились вихревые помехи. Как внутренние, так и

внешние силовые щиты орбитальной станции просели. Электромагнитные поля Либератики охватил настоящий энергетический шторм.

Вокруг главной высотки, то есть огромной, смотрящей в черную дыру антенны объявились спрайты и эльвы. Преображая ложное небо, они освещали его вспышками и молниями, приоткрывали космическую пустоту и окрашивали все вокруг разноцветными огнями. Структура пространства искажалась, позволяя принимать и передавать такое, что считалось физически невозможным. Быстро набирая активность, канал Астробиона соединял две Вселенные. Схане'ярвы по обе стороны входили друг с другом в контакт.

Столь неожиданно, но удачно собравшись в командном центре, четверо высших лиц Либератики быстро согласовали процедуру экстренной связи. Изначально мнения разделились, однако здравый смысл все-таки возобладал. Ярколич, от лица которого выступала Эрвина, был совершенно прав. Формулу важнейшего препарата требовалось передать незамедлительно. Судьба Либератики оставалась в подвешенном состоянии. Недооценивать Ил не стоило. Случись что не так, она вполне могла пасть, и тогда формула будет предана забвению. Владеть ключом к спасению своей Вселенной и потерять его — на этот риск схане'ярвы пойти не могли. Никто из них не отважился брать на себя такую ответственность, ценой которой становилась гибель собственной цивилизации. В итоге предложение Ярколича-Эрвины было принято.

Юбелла Аперхоун занялась присмотром за техникой. Мартьяла Дормербруг взяла на себя нематериальный канал для взаимодействия сознания. Карлерих вернулся на свой пост, чтобы не прозевать атаку Ила. Вергизий Дель Годро отправился в зал Астробиона — готовиться к сеансу связи. В качестве особой милости он допустил туда Эрвину. Милости, впрочем, вынужденной. Находясь в ее памяти, формула была упакована самим Ярколичем, и человеческому восприятию ее спираль оставалась недоступной. Эрвина не могла ни сообщить ее на словах, ни нарисовать. Она извлекалась только техникой схане'ярвов, а в случае Астробиона легко передавалась движением мысли.

Эрвине разрешили взять с собой Элеонору — для моральной поддержки и уверенности в себе. Было отчего. Канал Астробиона задействовал нейроны мозга напрямую, как если бы в каждую клетку тела вводился электрод. Даже для схане'ярвов это было весьма нетривиальное ощущение, и они в принципе не знали, что почувствует человек. Быть здесь и одновременно где-то еще, соединять сознанием две точки пространства, разделенные даже не

расстоянием, а физически не существующей бесконечностью — тут, пожалуй, пригодится дружеская опора. Такая, которая позволит не забыть, кто ты, где ты, и что вообще происходит. А заодно, авось, и убережет от выгорания нейронов, ибо даже у схане'ярвов такие случаи бывали. Редко — у плохо подготовленных, — но бывали. Они выдерживали сеанс связи, однако это было последнее, что с ними происходило в жизни. Терять Эрвину никто не хотел, даже если та благополучно передаст заветную формулу. Во всяком случае, пока. Уникальный экстрасенс в Либератике еще пригодится. Как человек, Эрвина была для схане'ярвов никто, но как полезный инструмент ее очень даже ценили. О ней действительно заботились, отчего обеспечили надлежащий комфорт и максимально возможную безопасность.

Наливаясь призрачным светом, зал Астробиона словно утрачивал материальность. Его стены становились прозрачными, контуры расплывались, и вот уже будто и нет ни пола, ни стен, ни потолка, а есть только две фигуры — Дель Годро и Эрвины, стоявшие в космической пустоте, в лучистом свете далеких звезд. Потом исчезли и звезды, а осталась лишь пустота. Постепенно она подернулась серой дымкой. Наползая из ниоткуда, эта дымка сгущалась все плотнее и плотнее. Застилая бескрайние дали, ее клубы вились и завихрялись, и вскоре вокруг не осталось ничего, кроме их беззвучного бурления. А потом они расступились. В мгновение ока они отхлынули в стороны, осели вниз, ручьями стеклись в одно светившееся место. Туда, в центр несуществующей комнаты, чьи кольцевые ярусы вздымались снизу вверх, и где колыхались, волновались в таинственной игре мироздания квантовые поля.

Руководство Астробиона прибыло в полном составе. Изнурительная война шла полным ходом и забот у него хватало, однако экстренные вызовы из Либератики просто так не поступали. Приняв сигнал, огромный научно-технический комплекс быстро вышел на расчетную мощность. Оставив все дела, шестеро сильнейших схане'ярвов заняли места в контактной зоне. Не покидая ее пределов, их сознание одновременно переместилось вовне, следуя неведомыми путями канала Астробиона. Один за другим, их проекции объявились в несуществующей комнате, сокрытые сумеречными конусами. Спустя некоторое время там же объявился и докладчик, он же Вергизий Дель Годро.

Руководство Астробиона встрепенулось. Сеанс начался явно нестандартно — на сей раз ректор Либератики был не один. Рядом с ним, на соседнем месте, появился кто-то еще — судя по виду, молодая особа лет двадцати. Или двухсот двадцати — с этими человеческими телами и биологическом их бессмертии поди теперь

пойми. Разглядеть ее лицо внутри конуса возможным не представлялось, а неподвижная фигура таких подробностей ну никак не сообщала.

Обретя полноценный контакт, Дель Годро отпустил церемонное приветствие.

— Обойдемся без формальностей, — поморщился Крестерграти-кус.

— По какой причине вы запросили экстренный сеанс связи?

— Разрешите представить вам Эрвину, — повел рукой ректор Либератики. — Того самого уникального экстрасенса, о котором я вам говорил.

— Человек? Вы привели на наше собрание человека?! — ахнул Анджей.

— Человека, которому вы сами рекомендовали уделить особое внимание, — напомнил Дель Годро. — И потенциально привлечь на службу нам.

— Мы этого еще не решили, а лишь допустили такую возможность, — сухо возразил Гекталистрат. — Вы слишком много на себя взяли.

— Ускорить развитие событий меня вынудили чрезвычайные обстоятельства, — ничуть не смутился Дель Годро.

— Говорите. Для вашего же блага, искренне надеюсь, что они и впрямь именно таковы, — прохладно изрек Перспектур.

— В памяти этой девушки находится формула препарата, изобретенного главным медиком Либератики. Его человеческое имя известно вам как Стефано Ярколич, — звучно, но неспешно произнес Дель Годро. — Во Вселенной людей этот препарат дает полный иммунитет от инфицирования Илом. Мы считаем, что он даст полный иммунитет и в нашей Вселенной, изменит ход войны и приведет к победе над врагом.

Шестеро высших схане'ярвов решили, что ослышались. Молчание, установившееся после слов Дель Годро, основательно затянулось.

— Вы отдаете себе отчет в сделанном заявлении? — наконец-то заговорил Крестерграти-кус.

— Абсолютно, — кивнул ректор Либератики. — Я настоятельно рекомендую подключить эту девушку к Астробиону. Человеческая память хрупка. Данные должны быть незамедлительно извлечены и переданы ученым. Они разберутся, что с ними делать.

— Если это шутка или пустышка, я лично позабочусь о вашем незамедлительном снятии с поста, — напряженно предупредил Анджей. — Ваша карьера будет окончена.

— А если нет? — выразительно осведомился Дель Годро.

— Тогда вам будут оказаны величайшие почести! — терзаемый

волнением, заявил Винтомаар.
— Почести можно обсудить потом. Сейчас предлагаю сконцентрироваться на деле, — веско заметил Тредалиур. — Стефано Ярколич — очень авторитетный и сведущий специалист. Если такая информация и впрямь исходит от него, я бы уделил ей самое пристальное внимание.
— Но почему он не доложил об этом сам? — резонно указал Гекталистрат. — Учитывая важность события, он имел полное право сделать это лично.
— Он очень занят работой над препаратом. Для него дело превыше всего, — пояснил Дель Годро.

Лавры Ярколича никто присваивать не собирался. Его отсутствие диктовалось совсем другой причиной, но о событиях в Либератике ее ректор предпочел умолчать. В командном центре с этим согласились все. Узнав, что происходит, руководство Астробиона отреагирует принципиально иначе. Опасаясь заражения, оно наверняка отнесется к формуле с недоверием и может вообще ее не принять. С высокой вероятностью, оно предпочтет обождать, пока в Либератике избавятся от Ила, а гарантии этого не было. Слишком серьезной оказалась ситуация. Карлерих рассчитывал на успех, однако и ложных обещаний не давал. Препарат же доказал свою эффективность, и Дель Годро предпочитал слукавить, нежели лишить схане'ярвов столь непробиваемого козыря. Стращая хрупкостью памяти, на деле он опасался прорыва Ила и отключения от Астробиона. Отключения прежде чем формула из головы Эрвины будет передана. Конечно, подобное сокрытие информации грозило ему плачевными последствиями, однако лишь в том случае, если все закончится катастрофой. Победителей же, как говорится, не судят.

Время шло, а пауза затягивалась. Чем дольше она длилась, тем непредсказуемее становилось решение, и с его принятием следовало подтолкнуть.
— Эрвина добровольно готова поделиться с вами столь бесценной формулой, — проникновенно заявил Дель Годро. — От жизни этой человеческой девушки зависит спасение нашей Вселенной. Как долго оно будет от нее зависеть?
Руководство Астробиона переглянулось, насколько это позволяли сумеречные конусы. Несколько коротких реплик, которыми оно обменялось, решили все.
— Подключайте! — велел Крестергратикус.

Около минуты, пока выполнялся приказ, ничего не происходило. Затем вокруг конуса Эрвины проступили кольца синего света. Проявляясь все яснее, они начали сновать вверх и вниз, напо-

миная сжимавшуюся и разжимавшуюся пружину. Точнее, сразу несколько пружин, вложенных друг в друга и сдвигавшихся в разных направлениях. Сознание Эрвины, пребывавшее в несуществующей комнате, вступило в прямой контакт с энергетическими потоками Астробиона. Квантовые поля отразили цепочки заумных формул, невыразимо длинные цифры и пространные комбинации сложных органических веществ. Они промелькнули целой чередой, запутанными переплетенными видениями, где таилась некая заветная истина. Скрывая суть, она не сразу поддавалась расшифровке и восприятию, будто кто-то нарочно упаковал все столь мудреным образом. Потом появилось кое-что еще. Раскручиваясь из спирали, оно словно воссоздавало некую проекцию, и эта проекция разительно отличалась от набора научных данных.

— Вот и пробил мой час, — произнесла вдруг Эрвина чужим, холодным и совершенно неестественным голосом.

И тут же из ее глаз хлынул слепящий изумрудный свет.

Принцип единства сработал как никогда до сих пор. В новой Вселенной Ил был слаб, но он был другим, познавшим другие законы мироздания и другие же принципы жизни. Объединив их с собой прежним, набравшим колоссальную мощь в умиравшей Вселенной, он стал не просто чудовищем — он стал божественным чудовищем. Гидрой о двенадцати миллиардов голов. Машиной судьбы, перекраивавшей все сущее. Он олицетворял сам рок, порожденный гордыней бессмертного разума, его самые худшие, но при этом невероятно могущественные черты. Мгновенно объединив все свои ипостаси, Ил нанес страшный удар, и остановить его не было никакой возможности.

Лучистая энергия, хлынувшая из Эрвины, поразила всех шестерых руководителей Астробиона. Комната не существовала, их проекции — тоже, а вот сознание было настоящим. Схане'ярвы представляли собой бесплотную форму энергии, способную преодолевать пространство вне ряда физических ограничений. Идентичную природу имело их чудовищное детище. Созданное по их слепку, оно вступало в такой же контакт, но вело себя как неотразимый вирус. Используя канал Астробиона, схане'ярвы общались между собой, а он был подобием схане'ярвов — мертворожденным и по-своему ограниченным, однако при этом гораздо более могущественным. И он проник в самое сердце, самый сокровенный оплот защитного периметра.

Удар был поистине сокрушителен. Известные системы безопасности в несуществующем реализме попросту не работали. Единственной защитной мерой оставалось отключение канала, но только до проникновения. Потом оно просто не имело смысла. Вы-

рвавшись на простор, Ил тут же обрел всю свою накопленную мощь. Инфицирование было молниеносным и неотвратимым. Анджей, Тредалиур, Винтомаар, Перспектур, Гекталистрат и Крестергратикус тут же утратили над собой контроль. Они только и видели изумрудную звезду, лучи которой проникали прямо в их сознание. Парализуя волю, они охватили все их существо, завладели памятью, пронзили мысли и лишили всякой возможности к сопротивлению. Объятые ужасом, теперь они только и наблюдали собственную гибель. Гибель, которая стала лишь началом разразившейся катастрофы.

Ил мог напасть сразу. Инфицировав главных схане'ярвов, он сумел бы развить достигнутый успех, однако проявил недюжинное терпение. Он выжидал, когда ему откроют врата настежь, и их действительно открыли. Проникновение через Эрвину обещало многое. Прямое подключение к каналу Астробиона позволяло поразить разом все. Вообще все, что непосредственно к нему относилось. Когда руководящий состав ощутил на себе хватку смерти, эта смерть уже поражала любую структуру, доступную в сеансе связи. Прорвавшись через Астробион, она полилась как вода, смывшая плотину, только в миллиард раз сильнее, неудержимее и яростнее. Она подчиняла себе все, на что только падал ее изумрудный свет, и тут же распространялась дальше, через зараженные объекты. Она растекалась волнами, порожденными полыхнувшим эпицентром, и сила этих волн не угасала, а нарастала по мере увеличения площади охвата.

В отличие от Либератики, на другой стороне Астробиона находилось громадное и сложное образование. Гордость гения схане'ярвов, научно-технический комплекс занимал целый регион, состоявший из множества взаимосвязанных структурных ансамблей. Инфицирование было повсеместным. Немедленно объявленная, тревога бесплодно содрогала пространство, которое, в свою очередь, уже содрогалось от натиска изумрудной энергии Ила. Изоляция, тотальная зачистка и даже самоуничтожение оказались бесполезны. Враг схане'ярвов проник повсюду. Они сопротивлялись до конца, но очень недолго и без всякой надежды на спасение. Несясь подобно лавине, Ил преодолевал любые заслоны, захватывал технику, порабощал, а затем гасил сознание. Он лился бурной рекой, чьи рукавам текли сразу в разные стороны, растекался по округе, насыщал собой и материю, и пустоту. Пропустив Ил изнутри, схане'ярвы Астробиона обрекли себя на гибель. Но то было лишь начало. Научно-технический комплекс пал, только пал он не один. Передаваясь многими путями, вирусная природа Ила не просто охватила целый регион — она охватила регион в самом

надежном оплоте защитного периметра.

Полыхнув подобно взрыву сверхновой, Ил пустил свои метастазы во все соседние регионы. Инфекция плодилась и множилась. Поражая Светила, она вызывала их стремительный коллапс, что еще больше усугубляло положение схане'ярвов. Свет меркнул. Пространственные аномалии провоцировали серьезные потрясения, невероятно тяжелые на фоне вторжения врага. Крепости и оплоты не выдерживали натиска, логистические цепочки рушились, взаимодействие структур прерывалось. Мощная эшелонированная оборона, тщательно выстроенная схане'ярвами, отлично удерживала Ил снаружи, но практически никак не противодействовала ему изнутри. Во всяком случае, тогда, когда его очаг оказывался настолько неожиданным и огромным. Объявившись в самом сердце защищенной зоны, Ил сносил все промежуточные, никак не рассчитанные на такое заслоны. Его лучи проникали все дальше, и вот уже они достигли внешнего барьера, доселе надежно удерживаемого схане'ярвами. Двусторонний контакт обрушил периметр в мгновение ока. Соединенный напрямую, Ил хлынул в брешь настоящим приговором, и его распространение обрело характер судного дня.

– 14 –

Став эпицентром вселенской катастрофы, Эрвина сияла изумрудным огнем. Канал Астробиона не распался — Ил взял его под свой контроль, управляя техникой и зараженными операторами. Позволяя ему струиться через себя, она ни на мгновение не жалела о своем решении. Схане'ярвы не собирались щадить человечество. Они несли ему погибель, обрекая на участь взращиваемого для забоя скота. Эрвина чувствовала это всей душой. Чувствовала ложь, высокомерность, презрение к людям и принципиальную несовместимость с чужеродным разумом. Она прекрасно понимала, что будет и чем все это закончится. То же самое она понимала, когда пронесла в своем сознании Ил. Пронесла прямо в Астробион. Покинув медицинский комплекс, по пути в командный центр она встретила Алию Ферран.

Стоя рядом с Сайлусом, биодроид не скрывала, насколько интенсивно лучится зеленым. Сказки про свою разумность она тоже более не рассказывала.

— Давай обойдемся без неожиданностей. Ты ведь уже поняла, кто я, — спокойно сказал Ил, глядя Эрвине в глаза.

Глаза, которые он и рад бы захватить, да не получалось.

— Да, — так же спокойно ответила Эрвина. — Я давно все поняла.

Виду не подавала.
— Ты помогаешь мне в той Вселенной. Я не трогаю вашу. Я правильно понял наш негласный уговор? — коротко уточнил Ил.
Эрвина кивнула. Ил мысленно кивнул ей, скрепив эту дьявольскую сделку. Покинув Алию, он проник в ее сознание и затаился там как змея, сокрытый ее неподвластными мыслями.

В командном центре, этом главном оплоте Либератики, троянского коня не узрело даже самое глубокое сканирование. Эрвина уже научилась иметь с ним дело. Она тоже стала сильнее. Развитие, заложенное так называемым учебным процессом, даром не проходило. Тело и мозг продолжали совершенствоваться. Теперь Эрвину опасался сам Ил. Находясь внутри нее он становился беспомощным пленником, и это ему очень не нравилось. Настолько, что он убил бы девушку не задумываясь, любыми захваченными руками. Но не убивал. Ввиду грядущей перспективы Эрвина была ему настолько нужна, что он обещал сделать для нее что угодно. И Эрвина приняла эти обещания. Схане'ярвы хотели извести человечество. Она не считала себя связанной какой-то моралью по отношению к схане'ярвам. Выпустив Ил, она лично стала источником гибели их цивилизации, но даже и глазом не моргнула. Она спасала свою, и ради этого шла на все.

Согласно уговору, Элеонору инфицирование не затронуло. Оставаясь в зале Астробиона, она служила своеобразной гарантией обоим. К Дель Годро это не относилось. Помимо Андждея, Тредалиура, Гекталистрата, Перспектура, Винтомаара, и Крестерграткуса изумрудный свет поразил и его. Он ворвался в его сознание точно так же, как и в шестерых руководителей. Но если те находились в своей Вселенной, то ректор Либератики пребывал именно в Либератике. Более того, в самом защищенном ее месте, командном центре и настоящей крепости. Проникнуть туда снаружи было весьма непросто, вот только пала она изнутри, и пала как прорванная плотина, смытая яростью хлынувшего океана. Озарившись изумрудным сиянием, зал Астробиона так переполнился смертоносной энергией, будто взорвалась атомная бомба. Стенами эта энергия не удерживалась, как и другими заслонами из материи. Лучась сквозь любые препятствия, она искала свои цели и находила. Процесс заражения пошел в геометрической прогрессии.

Первыми жертвами оказались вооруженные схане'ярвы, охранявшие зал по периметру. Их захлестнуло в мгновение ока, сделав беспомощными марионетками Ила. Оружие в их руках стало оружием врага, однако пускать его в ход он не торопился. В этом просто не было необходимости. Пронзая все вокруг, изумрудные

лучи озарили технический персонал, сплетая свою убийственную паутину. Они проникали в инженеров, операторов, солдат и ученых, брали под контроль технические узлы, захватывали компьютеры и не делали разницы между высшим схане'ярвом и рядовым исполнителем. Их устраивало что угодно, и это что угодно они делали частью своей единой беспощадной сущности.

Поддерживая контакт в Астробионе, требовавший постоянной регулировки, Мартьяла Дормербруг только и успела вскрикнуть. Слепящая изумрудная вспышка заполонила все ее существо, лишая воли и дееспособности. Объятая Илом, она могла лишь констатировать окружающее, однако никак на него не влиять. Разрушаясь сознанием, она необратимо угасала, мучительно понимая весь ужас допущенной ошибки. Становясь частью Ила, она становилась и частью его неживых мыслей, что приносило разгадку происходящего. То же самое испытывала Юбелла Аперхоун. Даже хуже. Как действительно выдающийся ученый, она прочувствовала на себе, каково это — оказаться жертвой Ила. Она уподобилась казненному на гильотине — тому, кто успевает ощутить весь ужас отсечения головы, но уже никому не в состоянии об этом рассказать. Дормербруг и Аперхоун до конца осознали, как их провели, и как их надменное величие обернулись против них самих. Осознали так же, как и Дель Годро, зарвавшийся в своем возвышении за счет прогресса Либератики. Затем наступил их собственный конец.

Карлерих и впрямь был очень сильным схане'ярвом. Его сопротивление делало ему честь. Изумрудная волна застала его на посту. Отдавая приказы, он бдительно контролировал обстановку, однако не настолько, чтобы упредить атаку с тыла. Проникая повсеместно, свечение Ила объяло его лучистой хваткой. По-своему это было даже красиво, представляя собой насыщенную и многообразную иллюминацию. Вот только знаменовала она не праздник, а холодную смерть; если и служила кому торжеством, то не жизни, а ее зловещему, лишенному сознания подобию. Овеянный этим сиянием, Карлерих держался дольше всех. Стиснув зубы, он отчаянно сопротивлялся хватке Ила, не желая сдавать ему свой разум. Он видел этого монстра во многих его лицах, начиная от давно погибших схане'ярвов своей Вселенной и заканчивая лицами Сайлуса и Алии Ферран. Ил жег его сознание, воспламенял каждую клетку человеческого тела, а Карлерих все никак не желал угасать, неистово сражаясь за воплощение, даже самые незначительные отголоски своего бессмертного "я". Но победить в этой схватке он не мог. Он мог лишь отстрочить свой конец, чтобы довести уже начатое до конца.

Словно предупрежденный шестым чувством, Карлерих успел запустить защитный протокол. Особый защитный протокол — последний рубеж обороны, не отменявший поражение схане'ярвов, но не позволявший победить и врагу. Буквально за секунды до атаки он подготовил его к действию, чтобы активировать в любой момент. Продержавшись усилием воли, Карлерих не спасся из неумолимых объятий Ила, зато сумел довершить уже начатое. Один завершенный приказ, последняя авторизованная команда — и вдруг по всей Либератике раскатился резкий сигнал тревоги. Как таковая, тревога звучала уже давно, объявленная и для студентов, и для персонала, но то была другая тревога, возвещавшая о чрезвычайной ситуации и проникновении врага. Нынешняя сообщала совсем другое. Своим последним сознательным действием Карлерих инициировал самоуничтожение Либератики.

Орбитальная станция в любом случае была обречена, однако гибель гибели рознь. Тотальное проникновение Ила не оставляло ей ни малейшего шанса, однако при этом она никуда не исчезала. Хоть и ведя себя как вирус, Ил таковым никогда не был. Его жертвы, безвольные носители не вели себя будто безмозглые трупы. Их совместной логике, расчетливости и хитроумности могли бы позавидовать многие схане'ярвы. Они не просто не утрачивали своих возможностей — они становились сильнее с каждой новой захваченной единицей. Поглощенная Илом, Либератика превращалась в его оплот — мощнейший плацдарм и неприступную крепость, несущую погибель всем и каждому. Оставить ее Илу означало погубить Вселенную людей, где еще оставались схане'ярвы, которые вполне могли построить новую Либератику. Уничтожая старую, Карлерих даровал им такой шанс. Да, он отправит столь ценнейшую станцию в небытие, но зато отправит вместе с Илом. Вторичного открытия Астробиона это не гарантировало, зато гарантировало выживание цивилизации схане'ярвов, пусть и в лице совсем небольшого их числа. Погибая, Карлерих точно знал, что делал. Теперь с этим что-то должен был сделать Ил.

Лишившись командного центра, схане'ярвы Либератики оказались сами по себе. Разрозненные, ослабленные, они очутились перед лицом подступавшей гибели, однако все еще могли сопротивляться. Им было ради чего. Жилой и медицинский комплексы по-прежнему оставались незараженными. Ввиду грядущего самоуничтожения последний мало что менял, зато первый увязывался с происходящим напрямую.

Как и любой космический объект, орбитальная станция Либератики предполагала возможность аварийной эвакуации. Ее ценнейшим ресурсом считался пригодный биоматериал, то есть сту-

денты. Знания, техпроцессы и прочие теоретические сведения хранились в памяти многих схане'ярвов, в их базах данных на разных планетах. Студенты же представляли собой ограниченный и уникальный ресурс, и они подлежали эвакуации в первую очередь. Фактически, жилой комплекс Либератики был огромной спасательной капсулой. Он не разделялся на части, не преобразовывался и не сжимался. Он в принципе предполагал абсолютную автономность, причем как в составе орбитальной станции, так и вне ее. Следуя протоколам изоляции, герметичные шлюзы уже были сомкнуты. Теперь их оставалось разъединить физически.

Первая проблема заключалась в том, что отстыковаться слишком рано было нельзя. Это требовалось сделать лишь тогда, когда станет очевидно, что Либератика не уцелеет. В противном случае эвакуация ничего не меняла. Захватив орбитальную станцию, Ил вырвется во Вселенную и спасшиеся схане'ярвы не сумеют ему помешать. Им надлежало убедиться, что процесс самоуничтожения необратим. Отсюда вытекала вторая проблема — излишнее промедление тоже было недопустимо. Гравитационный канал, по которому швартовались звездолеты, требовал точного расчета. Меняясь в структуре, орбитальной станции надлежало перестроить работу стабилизирующих реакторов. Принцип самоуничтожения был предельно прост и никаких ядерных зарядов не предполагал. Последовательно отключаясь, они позволяли законам физики сделать свое дело, но этим законам было безразлично на кого воздействовать. Если жилой комплекс не успеет улететь, то вслед за орбитальной станцией он свалится в черную дыру.

Ил не препятствовал эвакуации. Как хозяин положения, он не усматривал в ней угрозы. Обещав не трогать жилой комплекс, этот уговор он соблюдал, как соблюдал и другой, касательно студентов. Без необходимости он и впрямь их не захватывал, справедливо полагая, что позднее вернет свое. Ему было безразлично, в какой очередности и кого себе подчинить, если в итоге он в любом случае получал все. Ил не видел смысла нарушать свое слово, данное Эрвине, пока это не мешало его планам. Захватив Либератику, он захватит и остальное, пусть даже жилой комплекс на какое-то время останется не заражен. Другое дело, что самоуничтожение в его замысел никак не входило. Хоть и предвидя подобный шаг, Ил не ожидал, что Карлерих все-таки успеет на него пойти. Атакованный с тыла, внезапно и неудержимо, этот схане'ярв просто не мог запустить нулевой протокол. Подготовка к самоуничтожению требовала некоторого времени. И все же он запустил. Это был объективный факт, который Илу очень не нравился. Факт, который в конечном счете ничего не менял, но который объявился как раз

тогда, когда его шансы сводились практически к нулю. Такие случайности выглядели слишком примечательно, чтобы игнорировать их как нечто само собой разумеющееся.

Самоуничтожение предполагало два развития событий: либо Ил его останавливает, сохраняя орбитальную станцию, либо проникает в жилой комплекс и благополучно эвакуируется, пока станция погибает. Его устраивали оба. Эрвину — ни один. Покинув зал Астробиона, более в ней не нуждавшийся, она направилась в новое место развития событий.

— Спасай Либератику! — воскликнула она, появляясь в командном центре.

Тамошний персонал уже находился под контролем Ила. Проворно работая с компьютерами, он дружно собирал информацию со всей доступной аппаратуры.

— Пытаюсь, — хмуро отозвался Ил, традиционно отвечая в лице Алии Ферран. — Отключить самоуничтожение дистанционно не получается. Ни один его контрольный модуль не отзывается. Нет связи. Не знаю, как Карлерих успел так насолить.

Эрвина знала, в чем и заключался смысл ее следующей фразы.

— Я с друзьями бегу в жилой комплекс, на случай эвакуации. Ты бросаешь все силы на спасение Либератики, — блестя глазами, предложила она.

Своими глазами, поскольку изумрудный свет их уже покинул.

— Комплекс заблокирован, — напомнил Ил. — Вам туда не попасть.

— Это ненадолго. Схане'ярвы будут вынуждены его открыть, — убежденно заявила Эрвина. — Им придется. Они ведь хотят тебя остановить.

— Откуда такая уверенность? — удивился Ил.

— У меня ее нет. Но и у них тоже, — выразительно подчеркнула Эрвина. — Они откроют шлюзы и атакуют сразу в нескольких местах. Будут бить напролом, отвлекая твои силы и внимание. Просто для того, чтобы помешать тебе остановить самоуничтожение.

Свежий взгляд со стороны, пусть и исходивший от человека, заставил Ил усомниться в некоторых своих прогнозах. С Карлерихом он уже прокололся. Ему не хотелось повторить это в бо́льших масштабах.

— Думаешь, они атакуют? — с сомнением протянул он.

Ответ пришел сам собой. Пронзительно запиликав, индикаторы на операционных панелях показали вскрытие шлюзов. Изоляция медицинского комплекса была нарушена сразу в пяти местах. Вслед за этим заверещали и другие датчики, возвещавшие о вибрации,

пожаре и различных повреждениях.
— С их точки зрения, стация обречена, — предположила Эрвина. — Они будут уничтожать все подряд, бить из всех калибров и по площади. Они станут крушить направо и налево, чтобы усилить хаос и не подпустить тебя. А чем сильнее хаос, тем сложнее остановить самоуничтожение.

Было довольно странно, что человеческая девчонка прогнозирует события лучше Ила, однако за доказательствами дело не стало. В командный центр посыпались тревожные сигналы. Приборы подтверждали то, что и дозорные из единой изумрудной армии. Нарушив изоляцию, схане'ярвы перешли в массированную атаку.
— Хм. У тебя будто и впрямь дар предвидения, — усмехнулся Ил. — Что ж, так даже лучше. Теперь я очень силен. Я раздавлю их контратакой и захвачу все комплексы.
— И угробишь Либератику! И нас вместе с ней! — возмутилась Эрвина. — Обратный отсчет никто не отменял!

Цифры на табло, бежавшие в обратную сторону, глаз и впрямь не радовали. Показатели стабилизирующих реакторов, которые выходили на новый режим работы — тоже. Ил был почти уверен, что ему удастся удержать станцию на орбите, но вот это "почти" гарантии все же не давало.
— Есть план получше? — размышляя, осведомился он.
Толковая девчонка уже не впервые предлагала недурные идеи. Все-таки хорошо, что он пока ее не убил. Полезная помощница.
— Не наседай сразу, замани их вглубь, подальше от безопасной зоны. Замани всех, кого они вышлют. Там и ударишь, — предложила Эрвина. — Заставь их увязнуть в бою. Под шумок ты потихоньку отключишь самоуничтожение. Я же с друзьями проберусь в жилой комплекс. Пока шлюзы открыты, мы будем задерживать эвакуацию. В итоге станция достанется тебе, как гарантия, что ее уже не получат схане'ярвы. Мы же со всеми студентами улетим. Чем не исполнение нашего с тобой уговора?
— Что ж, это приемлемо, — согласился Ил. — Но как ты собираешься задержать эвакуацию? Схане'ярвы от вас и пепла не оставят.
— Джерри и Сильвертина. Они ведь исполнили только одну сонату. Есть и вторая, — лукаво усмехнулась Эрвина.
— Принято, — одобрил Ил, и одним движением воли решил оказывать ей всяческое содействие.
Такое развитие событий его и впрямь устраивало. Более того, оно существенно упрощало задачу. Он замышлял нечто иное, но если эта девчонка сама решила сунуть голову в петлю, да еще и

схане'ярвов ему на блюдечке подаст — почему бы нет? Отпустив Эрвину, он отпустил и Элеонору. Пусть напоследок порезвятся. Важен лишь конечный результат, а не какие-то промежуточные компромиссы.

В отсутствие других высших схане'ярвов всеми командовал Остиан Брегоунт. Приказ о начале атаки отдал именно он. Открыть герметичные шлюзы, нарушить изоляцию казалось чистейшим безумием, однако не тогда, когда приходилось выбирать меньшее из двух зол. Полученное им послание звучало отнюдь не двусмысленно.

— Когда Карлерих запустит нулевой протокол, ты должен отключить стабилизирующие реакторы жилого комплекса, — отчеканивал каждое слово Ярколич. — Это нарушит процесс. Илу потребуется время, чтобы компенсировать их отсутствие, а это будет непросто, если активировано самоуничтожение. Отключение прикрой массированной атакой. Тебе придется открыть шлюзы и бросить все доступные силы. Уничтожь как можно больше других стабилизирующих реакторов. Каждый выведенный из строя усложнит Илу задачу. Это чрезвычайно опасно, но если будешь сидеть сложа руки, он не позволит станции упасть. Либератика не должна уцелеть. Не сделаешь, как я говорю, ты лишь выиграешь немного времени, но гарантированно потеряешь и жизнь, и эту Вселенную. И погубишь всех.

При иных обстоятельствах Брегоунт и пальцем бы не пошевелил, получив такие указания от главного медика. Теперь же, когда командный центр был потерян, а по Либератике раскатывался сигнал самоликвидации, он смотрел на все иначе. Жару в дюзы поддала Эрвина, от кого и поступила столь неординарная видеозапись. Авторизованная лично Ярколичем, она была наделена широкими полномочиями и официально действовала от его имени.

— Астробион заражен, — коротко сообщила она, когда Брегоунт принял ее входящий вызов. — Ил контролирует его зал и командный центр. Если он предотвратит уничтожение Либератики — всему конец. Ярколич и Карлерих это предвидели. Увы, они больше не с нами. Мне поручили передать вам это послание, если они сами не смогут озвучить его лично. Они не смогли.

— Астробион заражен?! — выдохнул шокированный Брегоунт.

В подлинности Ярколича, говорившего в виде голограммы, он не сомневался. Запись была зашифрована и запечатана всеми протоколами безопасности. На момент ее создания главный медик оставался неинфицированным, а его личность подтверждала система. Квантовую уникальность этой Вселенной не мог обойти даже Ил. Во всяком случае, пока.

— Да, — кивнула Эрвина. — И мы будем следующие, если не исполним приказ Карлериха.
Изменившись в лице, Брегоунт издал неопределенный звук, словно у него вдруг прихватило зуб. Его состояние удивления не вызывало.

Весть о потере Астробиона оглушала. Теперь, когда канал прервался, схане'ярвы из гибнущей Вселенной уже не смогут массово перебраться в новую. Это осознание выбивало из колеи и основательно притупляло остроту мышления. Брегоунт, однако, был действительно сильным схане'ярвом. Он стоически выдержал удар и не устроил истерику. Испытав тяжелейшее потрясение, он сохранил достаточно самообладания, чтобы не утратить воли к сопротивлению. Соображал он, правда, неважно, однако свой пост не бросил и был готов сражаться до конца. Другое дело, как и по чьему приказу.
— Послание исходит от Ярколича, — напряженно напомнил Брегоунт.
— Они вдвоем так и задумали, — мотнула головой Эрвина. — Карлерих перестраховался и был прав. Предвидя многое, он предвидел и то, что может стать жертвой Ила, и что Ил завладеет его памятью. Часть миссии он поручил Ярколичу, с тем расчетом, что враг не сможет узнать все сразу. Он и не узнал. Ярколич не позволил себя заразить. Система выжгла его убежище до того, как он стал жертвой Ила.

Ошеломленный, взбудораженный, Брегоунт пытался увязать концы с концами.
— Ярколич погиб? — переспросил он. — Но если выжила ты, почему не выжил Карлерих? Почему не выжили остальные? Если я правильно понял, у многих теперь был иммунитет. Куда же он делся?
— Он никуда не делся, — возразила Эрвина. — Когда Ил захватил того, кто знал про новый препарат, он узнал и про тех, кто его принял. Он вычислил их по сигнатурам, словно мебель. Иммунитет ограждает от проникновения Ила, делает для него невидимым. Увы, он не защищает от пули, выпущенной роботом. Они застрелили всех.
— Как же ты спаслась? — усомнился Брегоунт.
— Как и вы, Ил не снисходит до людей. Он же ваша копия. Вас действительно это удивляет? — фыркнула Эрвина.
— Понятно, — только и ответил Брегоунт. — Хорошо, я сделаю, как сказал Ярколич. Надеюсь, он и Карлерих не ошиблись.
Последние его слова, тихие и сбивчивые, Эрвина уже не разобрала. Они относились к Астробиону и родной Вселенной. Достойно

приняв удар, Брегоунт сосредоточился на деле, отложив всякие горести на потом. Отключившись, он тут же приступил к выполнению полученных указаний. Покидая зал Астробиона, Эрвина только входила в командный центр, а он уже отдал множество приказов. Разговаривая с Илом, Эрвина не предвидела атаку схане'ярвов — она о ней знала. И воспользовалась ей так, как и планировала.

Когда доходит до крайностей, многое становится несущественным. То, что прежде не допускалось, на пороге гибели предстает совершенно в ином свете. Поставленные перед самим фактом выживания, схане'ярвы более не придерживались каких-либо ограничений. Вынужденные рисковать, отныне они следовали политике "цель оправдывает средства", и касалось это всего, начиная от методов войны и заканчивая личной безопасностью.

Генетические препараты таили огромный потенциал. Их слабым местом оставалась недоработка, чреватая непредсказуемыми последствиями для организма. Только много ли зажатым в угол терять? С другой стороны, физические сверхспособности не даровали особых преимуществ. Не даровали именно в сражении с Илом, поскольку тот, набрав мощь, инфицировал на расстоянии. И все же некоторая польза от них была. Ускоренная реакция позволяла быстрее фиксировать цели, стрелять по ним на упреждение и уж точно не подпускать к себе вплотную. Расплачиваться за это приходилось серьезными последствиями для здоровья и даже гипотетической смертью, но это была цена, которую теперь схане'ярвы соглашались платить. Экспериментальные препараты, созданные Аперхоун, имелись в каждой штатной аптечке. Так, на всякий случай. И вот этот случай настал. Накачанные генными стимуляторами, вооруженные отряды покинули безопасную зону и учинили то еще побоище.

Несмотря на все потери, огневая мощь схане'ярвов по-прежнему была велика. Кроме того, их больше ничто не сдерживало. Они не пытались минимизировать ущерб, избежать потерь и захватить кого-либо живым. Строго наоборот — они наносили максимальный урон, выжигая и органику, и неорганику не хуже пресловутой зачистки. Залогом их тактики было лишь одно — не подпускать к себе Ил. И они его не подпускали. Действуя слаженными группами, они быстро продвигались вперед, превращая некогда технологичную и озелененную Либератику в царство огня и оплавленного металла.

Молниеносность движений, кратно усиленные чувства, запредельная реакция и невероятная выносливость превратила орбитальную станцию в поле боя сверхлюдей. За них, по обе сторо-

ны, сражались целые армии роботов. В ход шло решительно все. Машины, прежде служившие уборщиками, стрелять не умели, однако отлично отвлекали на себя внимание или прикрывали других. Грузовые модули, усиленные электромагнитными щитами, превращались в опасных камикадзе. Дроны, доселе развозившие обеды, теперь доставляли боеприпасы. Бреющий полет, короткий щелчок — и вот уже на голову противнику сыплются гранаты или наскоро модифицированные бомбы. Сбивались они довольно легко, но брали числом, налетая огромными стаями. Делу помогали и аэромобили. Боевые, изначально принадлежавшие Карлериху, дополнялись гражданскими, оборудованными переносными орудиями и ракетными установками. Их эффективность была довольно низка, однако сделать пару выстрелов они обычно успевали. На фоне пользы подобная расточительность выглядела ужасающе, только в обреченной Либератике технику больше никто не считал.

Плазменные турели наносили огромный урон, однако, наиболее грозным оружием оставались волновые пушки. С их помощью Ил рассчитывал вскрыть межкомплексные шлюзы. Точнее, не вскрыть, а продырявить, и вскоре это наверняка бы ему удалось. Эти же пушки пустили в ход схане'ярвы. Они прожигали коридоры насквозь, обращая инфицированных в пепел. Они же усердно дырявили Либератику. Схане'ярвы не пробивались к стабилизирующим реакторам — они к ним пробивали. Пробивали все подряд, прекрасно зная, где что находится. Простреливая окрестности, выжигая все и вся, они занимали плацдармы, опустошали сектора и плавили дыры в переборках орбитальной станции. Направленные под расчетным углом, волновые пушки превращали ее в швейцарский сыр, и вполне успешно.

Один за другим, стабилизирующие реакторы начали выходить из строя. На контрольные узлы, как у Ила, так и у схане'ярвов, тут же посыпались многочисленные сигналы тревоги. Пространственное положение Либератики нарушалось. Компенсируя гравитационное возмущение, другие реакторы распределяли часть нагрузки на себя, однако этот процесс не мог продолжаться бесконечно. Он и не продолжался. Все больше ожесточаясь, Ил уже раз двадцать перезапускал деактивацию самоуничтожения, как вдруг задача критически осложнилась. В один момент — и явно не случайно, — отключились все стабилизирующие реакторы жилого комплекса. ВСЕ, включая те, которые уже были задействованы в перераспределении нагрузки. Дав орбитальный крен, Либератика утратила равновесие и начала сползать в черную дыру.

Дым и грохот, рев пламени и дождь из расплавленного металла служили отличной завесой, но только не для мышления Ила.

Просчитав множество сценариев, он оставался довольно спокоен, однако чем дальше, тем больше ситуация выглядела странной. Казалось, в ней было нечто такое, что укрылось от его многоликого взора; какая-то переменная, которую он позабыл учесть, и которая исподтишка влияла на план, причем все заметнее и все значительнее. Орбитальный крен Либератики стал для Ила крайне неприятным сюрпризом. Его сомнения всколыхнулись с новой силой. Сомнения, будто что-то идет совсем не так, и идет отнюдь не спонтанно. В целом, действия схане'ярвов соответствовали логике. В нынешних обстоятельствах они поступали вполне разумно, тактически обоснованно препятствуя замыслу Ила. Вот только ощущение складывалось такое, будто они знали о нем заранее, отчего и выступили столь слаженно, оперативно и эффективно. Такое допущение, однако, противоречило здравому смыслу, ибо знай схане'ярвы про планы врага, они бы их в принципе не допустили.

Соображая, где тут собака зарыта, Ил оказался в замешательстве, что случалось с ним крайне редко. Налицо выходил какой-то оксюморон. Схане'ярвы делали то, что должны были сделать, но что делать, по идее, никак не могли, потому что заведомо не сделали бы то, что вынудило их теперь сделать то, что они сделали. Хоть и неживой, лишенный настоящих эмоций, Ил уловил алгоритмический всплеск энергии, который имитировал у него ощущение головы кругом. Если так пойдет и дальше, эвакуироваться в жилом комплексе придется ему самому.

— Поднажми! Мои виртуозы сейчас дадут концерт! — словно угадав его сомнения, раздался голос Эрвины.

Выйдя на связь, она не растрачивалась на излишнюю болтовню. Сообразив, о чем речь, Ил тут же ненадолго позабыл о своих подозрениях и усилил натиск. Усилил не везде, а только там, где было условлено.

Удар вышел впечатляющий. Доселе намеренно поддерживая баланс, Ил особо не лез на рожон. Теперь же он проявил безудержную агрессию, в угоду броску не считаясь с потерями. Отвлеченные внезапным напором, схане'ярвы перенаправили орудия на волну атакующих. Усилив периметр, они заняли сплошную оборону и открыли шквальный огонь, раскладывавший все вокруг на молекулы. Свирепо полыхая, атомное пламя испускало плазменные молнии, трещавшие и грохотавшие будто разверзшиеся недра ада. Какое-то время вокруг не было ничего, кроме сплошного ядерного распада, и внезапно все прекратилось. В наступившем затишье гудел лишь огонь, пожиравший остатки материи, да шипел расплавленный металл. Отброшенный прочь, Ил исчез из поля видимости. Вероятно, он решил поберечь ограниченные ресурсы и

сменить неудавшуюся тактику. Пользуясь паузой, схане'ярвы перезаряжали оружие, не слыша ничего, кроме пламени. Они уж было подумали, что прямая опасность миновала, как вдруг, посреди царства хаоса, грянула заливистая, бравурно исполняемая музыка.

Обширные, застилаемые дымом пространства более ничем не перекрывались. Там не было силовых экранов, глушителей и мобильных изоляторов. Отсутствовали герметичные переборки, смыкавшие стены отсеков, лежали в руинах могучие шлюзы, способные выдержать малый ядерный заряд. Соседние ярусы более не разделялись перекрытиями, а сообщались уродливыми тоннелями, прожженными волновыми пушками. Громадные обломки зданий, похожие на горящий швейцарский сыр, уже ничему не служили препятствием. Разносясь далеко окрест, бравурная музыка полнилась и ширилась, лилась и не умолкала. Ее проникновенное звучание, прочувственно бередившее человеческий слух, разяще вгрызалось в слух схане'ярвов.

Экипировка боевых отрядов обладала широким функционалом и позволяла многое. Герметичные костюмы могли изолировать от внешней среды, заглушить грохот взрывов и полностью заблокировать речь. Они позволяли установить почти абсолютную звуконепроницаемость, сравнимую с космической пустотой, однако вибрация оставалась им неподвластной. Вибрация, на которую создатели обмундирования никак не рассчитывали. Не усматривая в ней особой угрозы, они не оснастили бронекостюмы сложными амортизаторами, чтобы излишне не перегружать конструкцию. И теперь наверняка бы об этом пожалели.

При правильном расчете, превратить в звукоизлучатель можно было практически любую поверхность, даже самое обычное вещество. Поражающий эффект сонаты вызывали волновые резонаторы. Заведомо осведомленный, что произойдет, Ил доставил их к центру событий и направил в сторону схане'ярвов. Хоть и предназначенные для других целей, эти тарелкоподобные устройства отлично справлялись с нестандартной задачей. Установленные позади музыкантов, они служили мощным пространственным усилителем, который и вызывал целевую вибрацию. Находясь вне пределов досягаемости, Джерри и Сильвертина исполняли свою сонату номер два. Людям она по-прежнему не вредила. У схане'ярвов она вызывала тяжелейшее поражение нейронов.

Против жестокого членовредительства Эрвина выступала с самого начала. Схане'ярвы или нет, а пугать студентов жуткими зрелищами она не хотела. При захвате учебного комплекса ночные кошмары исключались. Молодежь следовало спасать, а не травми-

ровать ее психику дальше некуда. Пойдя ей навстречу, Ил скорректировал мелодию, попутно внеся в скрипку и волынку изменения. Став более щадящей, она выбивала схане'ярвов из колеи, однако серьезно не вредила. При этом изначальный вариант сонаты никуда не делся. Дуэт все еще мог его исполнить, что и сделал по указанию Эрвины. Отводя подозрения Ила, пользуясь отсутствием студентов, она велела Джерри и Сильвертине играть запретные ноты. И они играли. Играли еще как, сея вокруг симфонию демонических мучений.

Направленные на цель, сведенные пучками в одну область, волновые резонаторы заставляли звучать сами бронекостюмы. Схане'ярвы не могли выключить собственное облачение — они слышали мелодию внутри него, и это была настоящая пытка. Музыка врывалась в их слух битым стеклом, рвущим ушные каналы, резала нервные окончания острейшими лезвиями, пронзала нейроны мозга каленными иглами. Тело испытывало звериную боль, и на сей раз боль вполне настоящую. Кровь больше не выступала в уголках глаз — она заливала их полностью, текла оттуда ручьями и забрызгивала лицевые экраны. Она хлестала из ушей, носа и рта. Падая в судорогах, схане'ярвы задыхались, глотая ее, наполняя ей распухшие легкие. Сосуды раздувались и лопались, капилляры сочились красным. Внутренние и внешние кровотечения множились повсеместно. Кому везло, тот умирал сразу, пораженный инсультом или обширным инфарктом. Иные держались долго. Уже не живя, но и не погибая, они пребывали в некоем аду, терзаемые невыносимым звуковым кошмаром. А музыка все играла. Раскатываясь средь дымящейся Либератики, она гремела на ее руинах гимном разрушения и смерти, и гремела до тех пор, пока не достигла одного из шлюзов.

Эрвина заведомо не знала, позволят ли ей войти. Ей и друзьям. Физически нарушенный, условно карантин никто не отменял. Любая потенциальная угроза уничтожалась незамедлительно. Эрвина действовала наверняка, преследуя две цели разом. Воодушевленный плодами сонаты, Ил пока не сомневался в лояльности своей сообщницы. Побоище, учиненное схане'ярвам, лучше некуда говорило о том, что они не в сговоре. При этом, пользуясь кровавой жатвой, друзья сумели миновать открытый шлюз. Их просто не успели остановить. Его стражи пали, не в силах что-либо предпринять. Невыносимые звуки лишали их дееспособности, воли и даже жизни. Закрыть шлюз вручную было некому, а дистанционное управление не работало уже давно, заведомо отключенное еще Карлерихом. Лишенный удаленного контроля, Брегоунт никак не мог воспрепятствовать проникновению Эрвины сотоварищи. Ве-

роятно, он подумал, что те расчищают дорогу врагу, однако друзья не оставили входную дверь нараспашку. Прорвавшись в жилой комплекс, они тут же сами заперли шлюз, восстановив прежнюю герметичность.

Брегоунт был в ярости. Объявившись в дополненной реальности, он выглядел таким же красным, как и жертвы убийственной сонаты. Тяжело дыша, он пообещал прикончить Эрвину собственноручно. В ответ та лишь включила ему еще одно заготовленное послание.

— Ил должен думать, что Эрвина с ним в сговоре, — сообщил Ярколич. — Это наш козырь. Пока он так считает, мы станем действовать у него под носом. Без жертв не обойдется, однако выбора у нас нет. Поддерживая у Ила иллюзию, мы будем вести свою игру, а когда он поймет, как его провели, окажется поздно.

— Ты хоть знаешь, что натворила?! Знаешь, скольких погубила твоя безумная музыка?! — прорычал Брегоунт.

— Всего лишь часть от тех, кого точно погубил бы Ил, — парировала Эрвина.

Сохранять самообладание ей было чрезвычайно тяжело. Дай она сейчас слабину, позволь себе эмоции или хотя бы слезинку, высший схане'ярв сразу же перестанет терпеть ее выходки. Он уже их не особо терпел.

Шлюз атаковали, но не Ил, а боевые отряды, остававшиеся в резерве. Они хотели добраться до диверсантов и обратить их в атомный пепел. Задачу им осложняло то, что теперь огонь приходилось вести ювелирно, с небольшого и прицельного расстояния. Музыка им этого не позволяла. Продолжая играть, дуэт разил схане'ярвов быстрее, чем те успевали приблизиться. Оттаскивая пострадавших, остальные вели беглый огонь, однако не слишком интенсивно, опасаясь повредить важное оборудование. Режим герметичности они, конечно включили, однако на небольшом расстоянии их бронекостюмы звучали внутри и без всяких резонаторов. В атаку, разумеется, пошли и роботы, однако они были выведены из строя разрядами ЭМИ. Предвидя подобные столкновения, Ил снабдил своих помощников импульсными гранатами.

— Отзовите боевиков. Мы больше не будем играть. Нам надо поговорить, — потребовала Эрвина.

— А если не отзову? — процедил Брегоунт.

— ЭМИ угробит всю здешнюю аппаратуру, а музыка не прекратится. Вскоре сюда явится Ил, и тогда мы дружно послушаем ее вместе, — обрисовала будущее Эрвина.

Сверля ее взглядом, Брегоунт видимо колебался. Затем отдал кому-то указание. Атака немедленно прекратилась. Тогда скомандо-

вала и Эрвина. Оборвавшись на незаконченном аккорде, скрипка и волынка умолкли.

Установилась вдруг ставшая непривычной тишина. Пока схане'ярвы наводили порядок в своих рядах, Джерри и Сильвертина, обессиленные от долгой игры, жадно пили воду.

— Выходите, — холодно предложил Брегоунт.

— Есть еще кое-что, — отозвалась Эрвина. — Вы не должны отключать мою связь с Илом. Я знаю, вы можете изолировать жилой комплекс. Не вздумайте это сделать.

— Зачем тебе связь с врагом? — прищурился Брегоунт.

— Затем же, зачем и раньше. Игра еще не доведена до конца, — заявила Эрвина. — Кстати, не вздумайте расстрелять нас, когда мы выйдем из укрытия, — выразительно добавила она.

— Это еще почему? — практически выдал свое намерение Брегоунт.

— По той же причине, — усмехнулась Эрвина. — Только я знаю, как довести план Ярколича и Карлериха до конца. Если вы меня убьете — всем схане'ярвам конец. Если вы убьете кого-то из моих друзей — всем схане'ярвам конец. Это понятно?

Брегоунт был на распутье. С одной стороны, ему очень хотелось покончить с зарвавшимися юнцами. С другой, он совершенно не желал разрушить некий хитроумный замысел, если тот и впрямь существовал. Разрушить именно сейчас, когда он де-факто стал последней надеждой Ярколича и Карлериха. Цена неправильного выбора была слишком высока.

— Вас сопроводят в мой офис. Попробуете сбежать — уничтожат на месте, и плевать на последствия, — подумав, сообщил Брегоунт.

— Предлагаю дом номер двадцать шесть по Двенадцатой авеню, — мотнула головой Эрвина.

— Почему там? — недоверчиво спросил Брегоунт.

Он прекрасно знал, что это за адрес.

— Это наше жилище. Мы к нему привыкли. Хотите нас запереть? Там нам будем спокойнее, и там я точно сумею закончить начатое. Вы же главный технарь Либератики — я понятия не имею, что за клетка Фарадея в вашем так называемом офисе, — пояснила Эрвина. — Если что-то вовремя не сработает — пиши пропало.

— Не забывай, Эрвина на нашей стороне, — по-прежнему вещая из записи, выступил в ее защиту Ярколич. — Ее действия могут показаться враждебными, но она знает, кто такой Ил, и знает, что с ним нельзя договориться. А больше ей договариваться не с кем.

— Я надеюсь, он точно понимал, о чем говорил, — совладал с собой Брегоунт.

По его лицу было видно, что он не отказался бы пристрелить Эрвину лично. Это выражение он особо и не скрывал, однако сумел принять взвешенное решение. Он ничего не ответил — просто отключился. Через минуту к шлюзу подъехала пассажирская капсула. Вероятно, это означало согласие.

Скрестив пальцы на удачу, Эрвина пошла наружу. Гарантии, что озлобленный схане'ярв не откроет огонь, попросту не было.

— Стой! — удержал ее Руберт.

Эрвина воспротивилась, однако очутилась в цепкой хватке Листаса и Элеоноры. Велев ее придержать, Руберт проследовал к капсуле на пару с Русланой. Они отбыли первыми. Эрвина уехала последней. Конечно, Брегоунт мог перебить их и по отдельности, но если схане'ярвы не стали стрелять сразу, авось они не сделают этого и потом. Так оно и вышло. В воздухе прямо-таки чувствовалось напряжение. Нервы шалили у всех, даже у бессмертного разума, однако обошлось без членовредительства. Дом №26 был неоднократно проверен и надежно окружен. В холле, на лестнице и в коридорах стояли роботы и схане'ярвы. Войдя в гостиную, Эрвина увидела там друзей и Брегоунта. Поигрывая боевым излучателем, тот выглядел весьма недружелюбно.

— Ты выйдешь отсюда живой только в двух случаях. Либо я тебе разрешу, либо буду мертв, — мрачно изрек он, давая понять, что исход как бы очевиден.

Казалось, атмосфера в комнате могла полыхнуть от малейшей искры. Напряжение схане'ярва накаляло ее не хуже реактора, из которого вот-вот произойдет аварийный выброс. Его слова звучали неоднозначно. Он то ли предостерегал, то ли провоцировал. Похоже, Брегоунт только и ждал, чтобы друзья попробовали на него напасть. Скрипку и волынку у них отобрали, но кто знает, что они еще выкинут? Напряженный как хищник, наметивший жертву, Брегоунт искал повод для вынесения приговора. Друзья, однако, вели себя смирно.

— Нам пора объясниться, — предложила Эрвина. — Я не боюсь раскрыть вам замысел. Довести его до конца все равно могу только я.

Брегоунт окинул ее оценивающим взором. И вдруг, покинув кресло, в один момент очутился возле Джерри, а потом и Сильвертины. Еще мгновение — и вот уже его излучатель ткнулся Эрвине прямо в лоб. Он не телепортировался и не искажал пространство. Просто он двигался настолько быстро, что поднимал вихрь упругого воздуха.

— Я накачан лучшей дрянью Аперхоун, — холодно пояснил Брегоунт. — Тебе придется быть чертовски убедительной, иначе я убью

вас всех.
— Сколько осталось времени? — только и спросила Эрвина, хотя отлично видела на своем интерфейсе обратный отсчет.
— Двадцать одна минута сорок секунд, — констатировал Брегоунт.
— Успеваем. Минируй подступы и отводи подчиненных, — твердо сказала Эрвина. — Пришла пора сдать Илу медицинский комплекс.

Эвакуация завершилась — тот ее этап, когда абсолютно все, кто еще мог уцелеть, собрались внутри огромной спасательной капсулы. Небо над жилым комплексом преобразилось. Теперь, из-за массовых разрушений, отключения питания и экономии энергии, оно более не транслировало атмосферу Гальтенузы. Над домами и аллеями, деревьями, газонами и фонтанами распростерлась исполинская черная дыра. Желтея горизонтом событий, она была настолько близка, что вызывала суеверный ужас. Впрочем, студенты ее едва ли видели. Натерпевшиеся, испуганные, запертые по домам, они только и гадали, что произошло. Экраны, опущенные на окна, не позволяли им узнать истину, которую схане'ярвы, разумеется, не сообщали. Благополучно избежав инфицирования, они готовились отстыковаться и улететь. С их точки зрения, в этом противостоянии они одержали верх. Ил, при этом, считал точно так же. Захватив все кроме жилого комплекса, теперь он без сомнения стал хозяином положения.

Контроль над медицинским комплексом окончательно обеспечил абсолютное стратегическое доминирование. Любая техника, которая еще функционировала в Либератике, теперь подчинялась Илу. Это означало, что воспрепятствовать ему отныне не мог никто. Прекратив боевые действия, он отправил все ресурсы на починку орбитальной станции.
— Молодец! — похвалил он Эрвину. — Я уже не жалею, что так и не смог тебя подчинить. Это была бы огромная ошибка. Твои коварство и сообразительность делают тебе честь. Ты умудрилась обмануть Брегоунта, когда у него имелись все основания тебя испепелить!
— В чем же ошибка? — невольно удивилась Эрвина. — Ведь я стала бы частью тебя.
— Не совсем. Это не так работает, — разоткровенничался, на радостях, Ил. — Когда я кого-то захватываю, я получаю доступ к его знаниям, умениям и памяти. Личность же утрачивается. Уникальность принципа мышления — тоже. Я могу овладеть Карлерихом или Аперхоун, но от этого не стану Карлерихом или Аперхоун. Ты забыла? Я един во всех лицах. Нет никого, кроме меня.

— А что будет, когда ты захватишь всех? — не удержалась Эрвина.
— Не понял вопроса, — озадаченно отозвался Ил.
— Ну, что будет, когда ты захватишь и перестроишь всю Вселенную? — пояснила она.
— Я ее перезапущу, — как-то не слишком подробно ответил Ил.
— А что потом? — настаивала на своем Эрвина.
В ответ она не услышала ничего.

Неживой инструмент просто не знал, что будет потом. Он стремился сделать то, ради чего его однажды создали. На этом любая его логическая деятельность заканчивалась. У сверхсовершенных алгоритмов принципиально отсутствовало будущее. Достигнув конечной точки, они остановятся и превратятся в то, чем изначально и были — абсолютно инертное ничто. Практически заглянув в лицо изумрудной пустоте, Эрвина внутренне похолодела. Теперь она по-настоящему поняла, что имеет дело с Апокалипсисом, который преследовал всего одну цель. Он выглядел разумным, эмоциональным и понимающим. Он казался товарищем, союзником и мудрым собеседником. В реальности это была лишь ширма. Ширма, скрывавшая изощренную, уникальную, невероятно могущественную, но при этом заведомо мертвую энергию, направляемую саморазвивающейся программой. И не более! Договориться с ней было невозможно, просто потому, что иного развития событий кроме достижения своей цели она не предусматривала.
— Четыре минуты до самоуничтожения, — только и сказала Эрвина. — Ты взял стабилизирующие реакторы под контроль? Схане'ярвы не улетят, пока не будут уверены, что Либератике конец.

Захватив медицинский комплекс, Ил сразу обрел управление над тем, что гарантировало ему успех. План, составленный на пару с Эрвиной, исполнялся как по часам. Полностью исправные, стабилизирующие реакторы были лучшим подарком обманутых схане'ярвов. Теперь самоликвидация орбитальной станции Илу не грозила. Получив доступ ко всем реакторам, он уже не позволит им выключиться, полностью нивелировав нулевой протокол.
— Твой черед, — напомнила Эрвина. — Ты уж постарайся. Если Брегоунт не поверит, он не отстыкуется, но запустит двигатели на полную мощность. Жилой комплекс деформируется, однако не только он. Разрушения сведут все твои усилия на нет, и мы дружно рухнем вон в ту черноту.
— Я буду очень убедителен, — усмехнулся Ил.
И сделал, как обещал.

Брегоунт, не доверявший Эрвине до последнего, внезапно

получил наглядное подтверждение ее правоты. Протокол Карлериха сработал. Один за другим, стабилизирующие реакторы отключались. Теряя пространственную устойчивость, Либератика приходила в движение. Пребывая в страшной хватке притяжения, она начала сползать в черную дыру.

— Внимание! — рявкнул Брегоунт. — Немедленная отстыковка! Гравитационный канал долго не продержится! У нас меньше трех минут!

Его слова еще гремели в ушах, а жилой комплекс уже сотрясла мелкая дрожь. Это детонировали аварийные заряды, разрывавшие его связь с орбитальной станцией.

Взрывы были столь сильны, что придавали начальное ускорение, отстреливая исполинскую махину от погибавшей Либератики. Пребывая в космическом вакууме, она плавно двинулась в сторону, покидая свое место как отдельный элемент, изъятый из состава конструктора. Сверкнули, наливаясь мощью, маневровые двигатели. Они уводили жилой комплекс вбок, и при этом начинали его разворачивать. Придвигаясь все ближе, черная дыра неторопливо прошла над внешним куполом и скрылась где-то внизу. Ее притяжение ощущалось все сильнее, по мере того, как орбитальная станция продолжала утрачивать пространственную стабильность. Выполняя маневр, жилой комплекс обогнул ее сверху вниз и нырнул под нижние ярусы. Там располагались швартовочные доки для звездолетов. Оттуда же, испускаемый широким лучом, работал гравитационный канал, обеспечивая их прибытие и отбытие в прямой близости от черной дыры. Он создавал единственную возможность покинуть Либератику, и функционировать ему оставалось недолго. Заканчивая разворот, жилой комплекс вошел в зону его действия. Поймав навигационный сигнал, включилась управляющая автоматика. Взревели маршевые двигатели. Набирая тягу, спасательная махина выжала максимум скорости и ринулась прочь.

Ил эвакуации не препятствовал. Он преспокойно дождался, когда схане'ярвы отлетят подальше и станут чувствовать себя в безопасности. Затем сделал то, о чем и условился с Эрвиной. Якобы угасавшие один за другим, стабилизирующие реакторы включились все разом. С учетом потерь, они перераспределили нагрузку, где особенно пригодились реакторы медицинского комплекса. Ил обошелся бы и без них, но так было надежнее. Мощности хватало с лихвой. Прекратив катастрофическое снижение, Либератика стабилизировалась на орбите, а потом постепенно начала подниматься вверх.

Брегоунт не сжег Эрвине голову излучателем. Не тронул он и

ее друзей. Когда приборы подтвердили, что орбитальная станция больше не падает, он и глазом не моргнул. Посвященный в замысел, он этого ожидал. Его рука, сжимавшая оружие, побелела, однако другого проявления эмоций он не выказал. Наступал черед последнего аккорда. План Ярколича в том и заключался, чтобы Ил позволил схане'ярвам улететь. Позволил, воображая, что позднее все равно возьмет свое. Восстановив Либератику на орбите, вскоре он починит звездолеты, намеренно поврежденные Карлерихом, и отправится захватывать Вселенную.

— Надеюсь, Ярколич знал, что делал, — пробормотал Брегоунт.

Оставаясь в гостиной с Эрвиной и ее друзьями, он наблюдал за процессом эвакуации в дополненной реальности.

По мере отдаления, станция становилась все меньше, но меньше становилась и черная дыра. Набирая скорость, жилой комплекс быстро покидал зону ее страшной досягаемости. Ил не выключал гравитационный канал. Осознав невозможность отлета, схане'ярвы могли пойти на таран. Пусть бегут. Вскоре они снова встретятся, и на сей раз иммунитет их не защитит. Придуманного фантазией Эрвины, никакого чудодейственного снадобья просто не существовало.

— Надеюсь, Ярколич точно знал, что делал, — напряженно повторил Брегоунт.

Ярколич, однако, никогда ничего такого не знал. Знала Эрвина. Спасение схане'ярвов в ее планы не входило, однако и победа Ила тоже.

Секунды томительно плелись. Они отсчитывали выживание жилого комплекса, но они же отмеряли и милость самой судьбы. Падая крупицами на ее весы, они устанавливали их хрупкое равновесие. Равновесие, в котором перевес любой чаши все равно означал гибель человечества. Затаив дыхание, с замиранием сердца Эрвина мучительно следила, как возвращается на свою орбиту Либератика. Казалось, это длилось целую вечность, за которую она сотню раз пережила, что ее замысел не удался, и теперь всему конец. Но вдруг подъем Либератики замедлился. Теряя ход, она заметно утрачивала прежний разбег и взмывала все нерешительнее. Потом остановилась. Потом ее медленно потянуло назад.

Убеждая Брегоунта и других, Эрвина по-своему не лгала. Идея с троянским конем и впрямь принадлежала Ярколичу. Оценив положение, он целенаправленно добивался того, чтобы Карлерих собрал всех студентов и схане'ярвов в жилом комплексе. Собрал еще до того, как решится на самоликвидацию Либератики. Подозрительный и упрямый, он ни за что не послушал бы совета Ярколича, и его пришлось спровоцировать на конкретные шаги.

Эрвина всячески содействовала. Посвященная в замысел, она помогала превратить медицинский комплекс в огромную западню. Ил об этом знал. Ярколич был в курсе, что она поддерживает с ним контакт. Этого требовала маскировка, чтобы враг по-прежнему считал ее сообщницей. Вот только он понятия не имел, что Эрвина докладывала о его замысле во всех деталях. Разумеется, при таком шпионаже ни одна из ловушек главного медика не сработала.

Система тотальной зачистки не включилась. Ярколич рассчитывал, что Ил ворвется огромными силами, которые будут выжжены до последней молекулы. Предупрежденный Эрвиной, тот поступил иначе. Когда Брегоунт сдал ему комплекс, он послал туда небольшие бригады биодроидов. Осведомленный, где что настроено, он благополучно деактивировал зачистку, не потеряв ни одной зараженной единицы. Медицинский комплекс перешел к нему без потерь, в полной технической исправности и полным же набором оборудования. Ведь вторая уловка Ярколича тоже не удалась.

Самоуничтожение основывалось на стабилизирующих реакторах. Прекрасно это зная, главный медик заминировал их все до последнего. Искусно сокрытые в конструкции, заряды взорвались бы незамедлительно, попытайся Ил вмешаться в пространственную стабильность. Успех зависел от секретности, которая в нынешних обстоятельствах приобретала особый смысл. Ярколич никому не доверял, и на очень простых основаниях. Инфицированный Илом, любой схане'ярв тут же выдал бы ему весь замысел. Выполнить столь важную задачу вызвалась Эрвина. Как союзница, она находилась рядом и была у врага на хорошем счету. Кроме того, она обладала природным иммунитетом, то есть ее память оставалась для Ила недоступной. Ярколич выдал ей инструкции, которые она добросовестно исполнила. Лично управляя роботами, Эрвина заложила мины в каждый стабилизирующий реактор. Столь же добросовестно она передала схему их установки Илу. Благодаря ей, на удочку Ярколича тот не попался. Обезвредив систему зачистки, его биодроиды обезвредили и заряды. Они обезвредили их везде, где те предусматривались схане'ярвами, и тем самым свели весь замысел с самоуничтожением на нет.

Отпуская жилой комплекс, Ил торжествовал. Он захватил Либератику и уже вовсю чинил ее звездолеты. Сидеть сложа руки он не собирался. Активность командного центра говорила о многом. Незадолго до заражения кто-то — скорее всего, Карлерих, — отправил оттуда множество коротких сообщений. Отправил по всей галактике, не иначе предупреждая остальных схане'ярвов. Вероятно, это были распоряжения на случай инфицирования Либера-

тики. Скорое прибытие бомбардировщиков не исключалось. В отличие от людей, схане'ярвы сумеют поразить свою орбитальную станцию, предпочитая уничтожить ее вместе с Илом, нежели позволить Илу уничтожить их. Дожидаться этого не стоило.

Починку звездолетов Ил начал сразу, едва добрался до швартовочных доков. У наименее неисправных та уже заканчивалась, пока он прикидывался союзником Эрвины и играл в войну со схане'ярвами. Восстановив контроль над реакторами, он возвращал Либератику на орбиту и готовился к вылету. В услугах Эрвины он более не нуждался. Добившись своего, теперь Ил убил бы ее незамедлительно, что вскоре и собирался. Вот только и Эрвина в нем более не нуждалась. Это пугало для схане'ярвов вполне отработало свое, и повторный сход с орбиты произошел не случайно.

Минируя стабилизирующие реакторы, Эрвина сделала это дважды. О зарядах Ярколича она сообщила Илу. О своем небольшом вкладе она скромно умолчала. Оперируя роботами, она вводила в контуры охлаждения нановещество, подсказанное подкованным в этом Джерри. Обезвреживая одну ловушку, намеренно выданную сообщницей, Ил упустил из виду, что может быть и другая. Интенсивная работа реактора порождала усиленный нагрев. Среагировав на рост температуры, нановещество вступило в реакцию с хладагентом, вызывая его загустение и расширение. Результат не заставил себя ждать. Не выдержав давления изнутри, контуры охлаждения лопнули повсеместно. Нагрузка же от взмывавшей Либератики была колоссальной. Моментально перегревшись, реакторы стали плавиться, а это, в свою очередь, вызвало термоядерную детонацию. Атомные вспышки пожрали их вместе с машинными залами.

Несмотря на разрушения в медицинском комплексе, орбитальная станция все еще оставалась в строю. Ее пространственное восстановление замедлилось, а потом и вовсе сошло на нет, однако до падения дело не дошло. Ил и так располагал достаточным числом реакторов. Медицинский комплекс он рассматривал как полезное дополнение. Лишившись его возможностей, в критическое положение он не попал, всего лишь вынужденный опять перераспределить нагрузку. И это ему вполне удалось. Более не взмывая, Либератика и не снижалась. Она сохраняла равновесие, позволявшее ей оставаться в безопасности. Правда, она сохраняла его считанные секунды. С нижних ярусов посыпались сигналы тревоги. Такие же стали поступать из научного и учебного комплексов. Один за другим, их стабилизирующие реакторы сбоили, отказывали и полностью выходили из строя. Гравитационное равновесие нарушилось. Либератику потащило в черную дыру.

Расчет сделал Руберт, чей курс машиностроения прошел не зря. Пригодились и его навыки взлома. О минировании не было и речи. Столь вопиющий саботаж просто не укрылся бы от внимания Ила, тем более что все операции проходили на подконтрольной ему территории. Эрвина сделала ставку на другое. Руберт, Руслана, Шелли, Листас, Джерри и Сильвертина действовали вполне открыто. В глазах схане'ярвов они обладали иммунитетом и восстанавливали для них контроль над оборудованием Либератики. Эту иллюзию старательно поддерживал сам Ил, которому обещали проникновение в Астробион. В Астробион он действительно проник, а друзья, в свою очередь, проникли в систему управления каждого реактора. Ил не возражал, чтобы схане'ярвы вернули к ним доступ. Собираясь захватить командный центр, он вполне логично рассчитывал забрать все назад. Пользуясь его попустительством, в алгоритмы реакторов было внесено крошечное изменение. В штатном режиме работы оно никак себя не проявляло, пока не приключалось нечто поистине экстремальное. Нечто такое, что и задумывалось Эрвиной с самого начала.

В своей основе принцип получился все тот же, только без нановещества и физического саботажа. Чем сильнее была нагрузка, тем большую мощность выдавал реактор, а чем большую мощность он выдавал, тем интенсивнее работало охлаждение. Руберт поменял всего один триггер, сменив вектор действия. Вместо того чтобы наращивать охлаждение, система его снижала, что закономерно вызывало перегрев. Перегрев, в свою очередь, увеличивал нагрузку, а нагрузка увеличивала перегрев. Возникала положительная обратная связь. И без того перегруженные, ректоры немедленно засбоили, а их автоматика применила аварийное отключение. Началась цепная реакция. Чем больше реакторов деактивировалось, тем тяжелее приходилось остальным, а чем тяжелее приходилось им, тем быстрее они выходили из строя.

Процесс, подстроенный Рубертом, вполне можно было обратить. Разобравшись, что к чему, с помощью роботов Ил сумел бы восстановить работу реакторов, вернуть их в строй и вторично обрести контроль над пространственным положением Либератики. Вот только это требовало времени, которого у него именно теперь попросту не оставалось. Лишившись уникальной технологии схане'ярвов, орбитальная станция превратилась в груду обычной материи, подверженной законам физики. И эти законы быстро затягивали ее в черную дыру.

Эрвина прекрасно понимала, с кем имеет дело. Понимала изначально, наслушавшись рассказов о другой Вселенной, и иллюзий не строила. Она была всего лишь девчонкой, запертой в опло-

те могущественной чужеродной цивилизации. Дети не могут воевать со взрослыми. Она не сумеет противостоять ни Илу, ни схане'ярвам даже по отдельности, не говоря уже о том, чтобы схватиться с ними обоими одновременно. Альянс с одной из сторон также ничего не давал. Ил в принципе уничтожал всех. Применительно к людям, схане'ярвы делали то же, только дольше и по-другому. Иными словами, куда ни плюнь — всюду клин. Положение казалось безвыходным, однако Эрвина нашла лазейку. Она не вступила в сражение со взрослыми — она воспользовалась тем, как враги сцепились друг с другом. Сцепились с ожесточением и на совесть, что всегда и делали, а она лишь подливала масла в огонь, подыгрывая обеим сторонам сразу.

Воображая Эрвину своей союзницей, ни Ил, ни схане'ярвы даже не предполагали, что она преследует собственную цель. С их точки зрения, третьего пути у этой девчонки просто не было. Древний бессмертный разум не снисходил до каких-то там жалких человечков. Одна, с несколькими юнцами, что Эрвина могла ему противопоставить, полностью находясь в его могущественных руках? Только безоговорочное подчинение, в надежде на милость и выживание. Будучи своеобразной копией своих создателей, Ил считал точно так же. Он полагал, что выиграет в любом случае. Используя Эрвину как инструмент, он лишь быстрее добивался своего, заполучая куда больше, нежели планировал изначально. При этом, как и Ярколич, ни одного своего обещания он выполнять не собирался. Надменный схане'ярв принципиально не договаривался с тем, кого воспринимал как носителей и домашний скот. Если волк заключит мир с овцой, кого он тогда будет есть? Ил же не мог сдержать слово по определению. Он существовал только ради перестроения Вселенной, и все остальное не имело для него значения. Разыгрывая свою карту, Эрвина учла их очевидные намерения, ловко лавируя между двумя огнями.

Идея с Астробионом сработала идеально. Клюнув на чудодейственный, дарующий иммунитет препарат, схане'ярвы с экстренным каналом связи не затянули. Ситуация, когда они были вынуждены поспешить, впечатляла мастерством режиссуры. Оценив перспективу, Ил позволил Эрвине втянуть себя в ее замысел, перестав обращать внимание на всякие мелочи. При этом она не только подкинула ему приманку, скрывая свои подлинные намерения. Проблема заключалась в том, что само по себе уничтожение Либератики ничего не решало. Отладив технологии, обладая огромной ресурсной базой, схане'ярвы быстро построят новую. Точки соприкосновения Вселенных были заведомо известны, а комплекс на другой стороне оставался невредимым. Их экспансия к людям не-

надолго замедлится — и только. Остановить их одной лишь ликвидацией лже-университета было нереально. Здесь требовалось нечто гораздо большее, на что, учитывая уровень развития, даже все человечество оказывалось неспособно. При всем желании, Эрвина не могла нанести схане'ярвам такой удар, от которого они уже не оправятся. Ил — очень даже мог. Прельщенный перспективой Астробиона, он охотно принял ее план и реализовал его блестяще.

Катастрофа приобретала поистине вселенский характер. Ил сам об этом сказал, делясь с Эрвиной результатами вторжения. Оно, разумеется, только начиналось, но даже самые скромные прогнозы выглядели впечатляюще. Застигнутые врасплох, схане'ярвы теряли наиболее надежные укрепления. Их защитный периметр рассыпался, а доселе стабильные регионы переходили во власть Ила. Светила массово коллапсировали. Вся Вселенная содрогалась. Удар был настолько сокрушительным, что его последствия становились необратимы.

Расчет, сделанный на основе откровений Ила, полностью оправдался. Восстановить свою недавнюю мощь схане'ярвы уже не сумеют. Возможно, они выживут, бросая огромные территории и концентрируя остатки сил где-то вдали. Не исключено, там они протянут еще какое-то время, по человеческим меркам довольно долгое. Астробион, однако, был потерян для них навсегда. Потерян в любом случае, вне зависимости от дальнейшего развития событий. Точка сопряжения Вселенных перешла под контроль Ила, и отвоевать ее обратно схане'ярвы уже не могли. Они лишились ее раз и навсегда. Их дальнейшая судьба оставалась неизвестна, однако достигнутый результат Эрвину вполне устраивал. Руками Ила она сделала так, что вторжение чужеродного разума людям больше не угрожало. Эта проблема благополучно решилась. Теперь ей оставалось решить проблему Ила.

Самой уязвимой частью плана было то, что изумрудная энергия могла нарушить все договоренности в любой момент. Ее удерживала лишь рациональность, наличие некой выгоды и отсутствие прямой необходимости. Эрвина из кожи вон лезла, чтобы угождать Илу. Она постоянно давала понять, что ее незараженные друзья принесут больше пользы, а уцелевший жилой комплекс в его собственных интересах. Жестокие идеи и массовые жертвы претили Эрвине по существу, однако ей требовалось поддерживать впечатление, постоянно подбрасывая Илу нечто новенькое.

Кровавая бойня, учиненная схане'ярвам, поставила Эрвину на грань вражды с Брегоунтом, зато Ил не обуяли подозрения. Постоянно получая большее, в итоге он спокойно отказался от значительно меньшего. Ненадолго, но отказался, прикидываясь союзни-

ком Эрвины и поддерживая, как ему представлялось, в ней собственный интерес. Она старалась ради студентов? Она их получила. Ради эвакуации жилого комплекса она сдала ему все остальное? Жилой комплекс благополучно улетел. До поры. Наверстывая упущенное, Ил рассчитывал вернуть себе и молодежь, якобы спасенную Эрвиной, и захватить спасательную капсулу. Отпуская леску, он ничего не терял, пока внезапно не выяснилось, что ее концы поменялись местами. На одном из них была заглоченная приманка, а на другой рыбак. Когда отказали стабилизирующие реакторы, до Ила внезапно дошло, что рыбу тут ловил отнюдь не он.

Принимая входящий вызов, Эрвина ничего не боялась. Во-первых, персонально ее Ил заразить не мог. Во-вторых, здесь и сейчас он не заражал при таком контакте даже схане'ярвов. Он доставал их лишь в области своего воздействия, прямым изумрудным излучением — и только. Передача цифровой информации, своего изображения и речи никому ничем не грозила.

— Что происходит? — задушенным голосом спросил Ил, объявившись в лице Сайлуса Честерсайда.

Его глаза горели изумрудным огнем, в котором теперь сквозила не только холодная мощь, но и смятенная, искавшая выхода злоба.

— Мы улетаем. Ты остаешься, — констатировала Эрвина, выводя трансляцию в центр гостиной.

Ей требовалось поддерживать лояльность Брегоунта, чтобы тот ни в чем не усомнился.

— Я не остаюсь, я падаю, — полыхнул зеленью Ил.

— Я надеюсь, тебе понравится в черной дыре, — жестко сказала Эрвина. — Насколько мне известно, в нашей Вселенной оттуда еще никто не выходил. Передавай привет эмиопатам.

— Ты!.. Ты предала меня! — прямо-таки зашелся ненавистью Ил.

— Нельзя предать того, кто и не собирался с тобой договариваться, — сухо заметила Эрвина.

Ил неожиданно перекосило. Сперва все решили, что его обуяли эмоции, отлично воспроизводимые сложными алгоритмами. Зайдясь какой-то рябью, он расплылся в контурах и основательно исказился, словно утрачивая принятую форму. Затем послышался смех. Громкий, болезненный, истеричный смех, совершенно необъяснимый в данных обстоятельствах. Изображение Ила еще больше исказилось, и в нем вдруг проявились очертания знакомой фигуры.

— Идиот! Какой же ты жалкий идиот! — хрипло хохотал Ярколич, растворяясь в хватке изумрудного небытия.

Став частью Ила, он еще сохранял остатки былого "Я". Дважды обманутый Эрвиной, доселе он сам питал к ней жгучую ненависть,

но теперь, перед смертью, ощутил настоящий восторг, порожденный оглушительным фиаско непримиримого врага.
— Она тебя провела! Тебя, перед кем трепещут даже схане'ярвы! — буйно гоготал Ярколич. — Эта юная, неопытная, набитая глупостями человеческая девчонка! Хвала Вселенной за эти последние мгновения моей жизни! О великая пустота, как же она тебя провела!

Смятенный, искавший ошибки в своей структуре, Ил сам вызвал остатки сознания Ярколича и теперь испытывал некое раздвоение личности. Становясь Илом, тот знал все, что знал и он. Обратившись к его единице, Ил всколыхнул последнюю искру жизни, позволил выразить нелицеприятную правду для самого себя. В известном смысле, он и разговаривал сам с собой, звуча эхом голоса исчезавшего Ярколича.
— Как ты погиб? — внезапно подал голос Брегоунт.

Эрвина похолодела. Ярколич нашел свою смерть прямо там, где она его оставила. Когда Ил захватил медицинский комплекс, он заполучил и его главу. Для надежности, Эрвине следовало убить этого схане'ярва, но у нее не поднялась рука. Стратегически погубить множество врагов — это одно, а лично прикончить кого-то из них, да еще беспомощного и связанного — совсем другое. Эрвина опасалась того же, чего и сам Ярколич. Любой, кто инфицировался Илом, автоматически передавал ему все свои знания. С другой стороны, Ярколич не знал ничего такого, что выдало бы ее замысел с головой. Выдало именно Илу, а его дальнейшее общение со схане'ярвами исключалось. ДОСЕЛЕ исключалось. Столь некстати объявившись, Ярколич мог сболтнуть лишнего. Эрвина и так едва сумела договориться с Брегоунтом. Узнав, как она поступила с главным медиком, этот высший схане'ярв тут же поймет, что Эрвина предала не только Ил.
— Я… не… Она… им… — неразборчиво заскрежетал Ярколич.
И исчез, рассыпавшись в изумрудную взвесь.

Вместо Ярколича в трансляции неожиданно возник Карлерих, затем Дормербруг, Аперхоун и, наконец, Вергизий Дель Годро. Беснующийся Ил наводил порядок в своей энергии, унимая поднятое им самим возмущение. Усиливая натиск, он окончательно поглощал все эти сознания, чтобы те уже никогда не проявились.
— Вы следующие! — только и прошипел он, подразумевая всех эвакуированных в жилом комплексе.
— В новой Либератике все лаборатории будут в отдельных модулях, далеко за ее пределами. Больше никаких накладок. При малейшем инциденте они сразу отправятся в черную дыру, — про-

цедил Брегоунт. — Так надо было сделать сразу. Именно так мы сделаем в дальнейшем.
Фактически, этим он обрисовал ближайшее будущее. То самое, которое предвидела Эрвина, и которое всячески старалась предотвратить. Его череда, грядущего и несостоявшегося, стремительно пронеслась перед ее глазами, как бы подытоживая сделанное и несделанное. Остальные, разумеется, воспринимали ситуацию иначе.
— И не мечтай! — обращаясь к Илу, громогласно заявила Элеонора. — Из меня тут делали астрофизика, я знаю, о чем говорю. В нашей Вселенной твоей неуязвимости нет. Ты зависишь от органической оболочки, которую занял. Сверхмассивная черная дыра рвет саму основу вещества в нечто бесструктурное. Ты уже ощущаешь ее влияние. Либератика трещит по швам. Ее материя не выдерживает и искажается. Даже не надейся уцелеть. Взгляни туда, в эту непроницаемую черноту — она теперь станет твоим новым пристанищем и вечной могилой.

Это прозвучало излишне возвышенно, но сейчас в лучшей подруге Эрвины говорила не обычная девушка, а баронесса фон Геннингшафт. Та, которая была готова пожертвовать собой, полагая, что уже не покинет зал Астробиона, и которую все-таки удалось оттуда вытащить. Не спасая друзей, Эрвина значительно увеличила бы шансы на итоговый успех. Оставив их в заложниках у Ила, предав в руки схане'ярвов, она бы даже увеличила вероятность благоприятного исхода. Но так поступить она не могла. В отличие от чужеродного разума, не чета его страшному подобию, Эрвина была человеком, со всеми достоинствами и недостатками. И даже ради высшей цели друзей она не бросала.
— Счастливо оставаться, — громко сказала она, церемонно махнув рукой. — Не знаю, что будет дальше, но конкретно с тобой мы больше не увидимся.
— А вот здесь ты ошибаешься, — злобно оскалился Ил, вернувший себе облик Сайлуса. — Эту болтовню я затеял не просто так. Я уже понял, что произошло, но хотел узнать, как с этим обстоят дела у твоих новых друзей схане'ярвов. Ты уже рассказала им про Астробион? Учитывая, что ты еще жива — вряд ли. Интересно, как они поступят, когда узнают…

Трансляция прервалась. Сообразив, что сейчас прозвучит, Эрвина вырубила ее немедленно, но то была лишь одна из проблем, и отнюдь не главная. Всем тут же стало ясно, отчего Ил до сих пор не отключил гравитационный канал. Успев отлететь от черной дыры, жилой комплекс в нем уже не нуждался, однако само его наличие несколько удивляло. Канал потреблял энергию, ко-

торую сейчас, по всей логике вещей, Илу надлежало тратить на стабилизирующие реакторы. Причина тому наконец-то открылась. Получая информацию от всех систем, Брегоунт встревоженно объявил, что из доков Либератики стартовал маломерный почтовый звездолет.

Положение резко осложнялось. В лояльности Эрвины, равно как и ее друзей, до этого момента Брегоунт уже не сомневался. Либератика уходила в небытие вместе с Илом, а его взбешенные откровения только подтвердили результат, который схане'ярв видел собственными глазами. Заявление про Астробион последовало крайне некстати. Правду о гибели сородичей Брегоунт не знал, а Эрвина, не будь дурой, о катастрофе в другой Вселенной ему не рассказала. Даже не подозревая, что та учинила, он не убил ее на месте и не натворил еще каких-нибудь дел, шокированный концом своей цивилизации. Полагая, что Эрвина и впрямь довела план Ярколича до конца, он убрал излучатель и больше не сверлил ее хмурым взглядом. Иными словами, все развивалось просто отлично, пока не Ил не сболтнул лишнего, а от орбитальной станции не отделился звездолет.

Доселе хотя бы не враждебное, лицо Брегоунта отобразило совсем другое выражение.

— Как это понимать? — напряженно осведомился он. — Что подразумевал Ил?

— Он хочет нашего раздора, разве неясно? — мгновенно сориентировавшись, с поразительным хладнокровием ответила Эрвина. — Он попытается обвинить меня во всех грехах. Расчет проще некуда. Пока мы грыземся, он подберется поближе и атакует. Сейчас надо действовать сообща, а не слушать врага и не выяснять отношения.

— Резонно, — кивнул Брегоунт, не поверив в правдивость Ила как раз тогда, когда в нее стоило поверить. — Только от нашей солидарности мало что меняется. Этот звездолет вообще не должен был взлететь. Вряд ли оплошали мои техники. Скорее, Ил умудрился собрать запчасти с других кораблей.

— Разве это такая уж проблема? — осведомилась Эрвина. — Сбейте его чем-нибудь, только и всего.

— Чем? — развел руками схане'ярв. — Мы же не на борту боевой станции.

Сообразив, что к чему, Эрвина смертельно побледнела.

Как спасательная капсула, никаким вооружением жилой комплекс в принципе не располагал. Им не располагала даже Либератика, не оснащенная для стрельбы по вражеским флотилиям. Лучшей защитой ей служило притяжение черной дыры. Благопо-

лучно отлетев, жилой комплекс обладал полной автономностью и мог ожидать помощи сколь угодно долго, однако поразить другой космический объект ему было решительно нечем. Звездолет, начиненный Илом, неумолимо приближался. К счастью, приближался довольно медленно, лишь наскоро залатанный врагом.
— Должен же быть какой-нибудь выход! — закусила губу Руслана.
— Таран, — констатировал Брегоунт. — Если мы пойдем навстречу, столкновение разнесет его в клочья.
— Но тогда мы погибнем! — воскликнул Джерри. — Даже если комплекс уцелеет, его затянет в черную дыру!
— Зато мы спасем Вселенную, — веско заметил Брегоунт, не иначе намереваясь привести свой замысел в действие.
Пользуясь дополненной реальностью, он уже отдавал кому-то приказы, явно не собираясь выпускать Ил на волю.

В целом, Эрвина разделяла точку зрения схане'ярва. Выбирая между жизнью и смертью, она предпочитала смерть, если та приносила спасение человечеству. Проблема заключалась в другом. Изменившиеся обстоятельства в ее план никак не входили. Тот самый план, который не предусматривал выживание Ила, однако не предусматривал он и выживание схане'ярвов. Облизнув пересохшие губы, Эрвина бросила взгляд на часы, гадая, когда наступит роковой момент. И тут услышала странный звук. Подняв глаза, она увидела, как посинел Брегоунт. Хватаясь рукой за горло, он зашатался, будто от порывов ветра. В уголках его рта выступила пена. Белки глаз порозовели. Задыхаясь, он пытался глотать воздух, но только и мог, что хрипеть, более не владея телом. Оно умирало и тащило за собой в могилу бессмертный чужеродный разум. Ничего не понимая, Брегоунт оборотил угасавший взор на Эрвину.
— Ты сам сказал, что я выйду отсюда только в двух случаях, — мрачно напомнила она. — Я не настолько наивна, чтобы поверить в милость схане'ярвов. Ты правда отпустил бы нас, чтобы мы рассказали обо всем людям? О том, что вы живете среди них и используете как скот? Это вряд ли.

В хранилище научного комплекса Листас побывал не просто так. Выполняя задание Ила, он прихватил оттуда множество веществ, которыми позднее напичкали обитателей нижних ярусов. Прихватил он, однако, и кое-что еще. Аперхоун выводила вирус, способный генетически изменять человечество, оставлять пригодных для внедрения и убивать всех непригодных. Перспектива выглядела настолько грандиозно, что даже Дель Годро похвастался ей через Астробион. Похвастался, правда, несколько преждевременно, поскольку эксперименты все еще продолжались и от успеха

были довольно далеки. Продвигаясь шаг за шагом, Аперхоун создавала множество вирусных вариаций, от безобидных пустышек до настоящих монстров. Иные из них творили совсем не то, что должны, порой доходя до ужасающего результата. Одно из лабораторных чудовищ умерщвляло людей, вместо того, чтобы их преобразовывать. Другое, учитывая генетическую идентичность, убивало самих схане'ярвов.

Несмотря на кажущуюся необходимость, Аперхоун не уничтожила опасную модификацию. Она же была ученой. Она сочла, что эта разновидность вируса еще пригодится. Изученный и исправленный, в теории он мог научиться различать носителей, как уже различал людей и схане'ярвов. Если его усовершенствовать, он станет находить и уничтожать зараженных Илом, автоматически становясь своеобразной прививкой от его проникновения. По-своему, Аперхоун была права, и имела серьезные шансы преуспеть. Добейся она своего на данный момент, весь нынешний кризис в Либератике оказался бы еще в зародыше предотвращен. Ей ведь и в голову не приходило, как все обернется, причем это не приходило в голову никому вообще.

Допустив Эрвину в жилой комплекс, Брегоунт проверил ее досконально, включая компанию друзей. Никакой угрозы он не нашел, но просто потому, что той в них и не было. Соблюдая все меры предосторожности, он и подумать не мог, что эта угроза давно внутри, и просто дожидается своего часа. Дом №26 Эрвина упомянула не случайно. Согласился бы Брегоунт доставить ее туда или нет — значения не имело. Учитывая обстоятельства, она закономерно рассчитывала на одно. Услышав адрес, взбудораженные схане'ярвы наверняка перевернут его вверх дном. Заглянут они и комнату. В ту, что пустовала на первом этаже, аккурат напротив комнаты Эрвины и Элеоноры. По большому счету там не было ничего. Ну, почти ничего, если не считать заранее распыленного вируса. Справедливо не ожидая такой западни, схане'ярвы вряд ли войдут туда в герметичных комбинезонах, что и произошло. Распространяясь будто споры сибирской язвы, вирус проникал с мельчайшими частичками пыли. Гарантированно попадая через легкие, он тут же начинал размножаться, быстро превращая носителя в новый источник инфицирования.

Заразились все, кто вошел в роковой дом, куда прибыл и Брегоунт. Воображая, что Эрвина в его руках, он повел себя довольно неосмотрительно, опираясь на оружие и стимуляторы, и теперь за это расплачивался. До поры вирус никак себя не проявлял, но когда активировался, то становился беспощаден. Он убивал за полминуты, уподобляясь воздействию цианида. Как новей-

шая разработка Либератики, он не был известен ни одной медицинской системе. До решающего момента он практически не обнаруживался, и даже в самых совершенных аптечках лекарства от него не существовало. Цепляясь за жизнь, Брегоунт уже ничего не мог сделать, и только смотрел угасающим взором на Эрвину. Затем упал на ковер, несколько раз содрогнулся и более не шевелился. И там, за дверями гостиной — на лестнице, в комнатах и коридорах точно так же падали сраженные вирусом схане'ярвы.

Замысел, в котором хватало переменных, увенчался полным успехом. Эрвина и сама не очень-то верила, что у нее получится. Она лишь надеялась, не видя другого выхода из положения. Она исходила из логики задействованных лиц, их интересов, страстей и наиболее вероятных решений. Со стороны могло показаться, что для простой девчонки нечто подобное просто неосуществимо. Ведь именно так полагали схане'ярвы. Точно так же относился к ней Ил. Не считая человека себе ровней, они допустили ошибку, но именно в том, что таковым Эрвина уже не была. Точнее не была прежним человеком, обретя новые, доселе недоступные возможности.

Развитие головного мозга ускоряли сами схане'ярвы. В этом состоял один из принципов их так называемого обучения. Они готовили его для себя, однако суть от этого не менялась. Как и у других студентов, умственный коэффициент Эрвины многократно вырос, включая набор поступивших знаний. Это давало огромное мыслительное преимущество, которого впрочем, самого по себе тоже оказывалось недостаточно. До того, до чего додумалась Эрвина, не сумел бы додуматься никто иной, однако по очень простой причине. Лишь у нее в голове находился Ил. Деля с ним вместилище своего сознания, Эрвина слышала его мысли, ощущала намерения, видела замыслы. Не сразу, разумеется, а хорошенько адаптировавшись к происходящему. Могущественная энергия, он оперировал своими колоссальными возможностями и невольно делился ими с человеческим существом. Эрвина сохранила это в тайне. Она уподобилась шахматисту, который знает замысел соперника, его расчет и ходы, и делает это основой своей стратегии. Зная схане'ярвов, Ил отлично рассчитал, как их победить. Исходя из его плана, Эрвина составила свой, используя собственное могущество обоих врагов сразу.

Конечно, любые, даже самые точные вычисления никогда не гарантировали успех. Эрвина прекрасно понимала, что все могло сорваться в любой момент. Наполненная случайностями, жизнь была способна на что угодно, в лице заартачившегося схане'ярва или перестраховавшегося Ила. Или просто засбоившим оборудо-

ванием, приводящим к нештатной ситуации и внезапному разоблачению. К счастью, обошлось, хотя Эрвина несколько раз и оказывалась на грани. Сумев проскочить между молотом и наковальней, она довела свой план до логического конца, и довела с хронологической точностью. Проблема заключалась в том, что этот логический конец наступил крайне некстати.

Выпущенный на волю, вирус Аперхоун уверенно поражал всех схане'ярвов подряд. Людям он не вредил. Те были только носителями, а их дыхание превращалось в летучую смерть для инородных захватчиков. Распространяясь через вентиляцию, он уже проник в соседние кварталы и тамошние дома, продолжая наращивать площадь распространения. Как естественные инкубаторы, все студенты Либератики становились биологическим оружием. В замкнутом пространстве жилого комплекса скорая гибель схане'ярвов была практически неизбежна. Формально, они могли спастись в полной изоляции, однако любой контакт с людьми оказывался для них фатальным. То же касалось и схане'ярвов по всей галактике, в чем и заключался последний и решающий штрих всей идеи. Очутившись на просторе, вирус постепенно инфицирует все человечество. Не причиняя ему вреда, он будет дремать до тех пор, пока не наткнется на схане'ярвов. А вот их он выкосит до конца. Это была поистине убийственная взаимосвязь, в самой своей основе предвосхищавшая результат. Чтобы выжить, схане'ярвам требовались люди, но именно люди становились смертью для схане'ярвов.

Замысел Эрвины поражал своей логичной эффективностью, вот только его успеху она ничуть не радовалось. Начиная с Брегоунта, схане'ярвы Либератики умирали один за другим. Умирали в тот самый момент, когда к жилому комплексу неторопливо, но уверенно приближался звездолет с изумрудным Армагеддоном. И решись друзья на таран, кто его осуществит? Все управление было сосредоточено в руках Брегоунта и его подчиненных. Автономность жилого комплекса даровала выживание, но никак не активное маневрирование.

— Ну и что теперь делать? — стараясь не терять самообладания, осведомилась Элеонора.

Выведенная Брегоунтом в гостиную, системная трансляция все еще велась. На голографической проекции был хорошо виден звездолет, подлетавший со стороны Либератики и черной дыры.

— Я все еще могу командовать роботами, — неуверенно протянула Эрвина. — Полномочия, выданные мне Ярколичем, никуда не делись. Брегоунт их приостановил, но с его смертью они восстановились. В известном смысле, я теперь самый главный схане'ярв.

Только много ли с того толку?..

Толк, разумеется, был. Находившиеся неподалеку, роботы охраны не напали на друзей, поскольку подчинялись старшему по званию. Эрвина, однако, подразумевала другое. Ни она, ни остальные и понятия не имели, как управлять исполинской спасательной капсулой.

— Биодроиды! — воскликнула Шелли. — Есть на этой космической болванке биодроиды?!

— М-м-м... Должны быть, — кивнула Эрвина. — Когда все началось, схане'ярвы поняли, что не могут им доверять. Они наверняка постарались их обезвредить, но вряд ли перебить. Скорее всего, Брегоунт согнал их куда-то в одно место, где и запер.

— Ты можешь точно это узнать? — пытливо спросил Джерри.

— Я могу! — вызвался Руберт. — Только мне нужен подходящий интерфейс.

— Комната Сайлуса! — воскликнула Эрвина. — Часть подготовки Ил мог вести оттуда!

В коридоре лежали тела вооруженных схане'ярвов. Огибая их и перепрыгивая, друзья подбежали к заветной двери и обнаружили, что она заперта. Сгоряча Листас попытался высадить ее и не преуспел.

— Отойди! — крикнула Руслана.

Подхватив ближайшую винтовку, она сняла ее с предохранителя и нажала на спуск. Не разобравшись в работе оружия, она едва не прикончила Джерри и Элеонору. Полыхнув плазменной очередью, винтовка дернулась наискось, каким-то чудом никого не убив. Обуглив часть стены, заряды спалили косяк и проделали в двери дымящуюся брешь. Не зная, хвалить Руслану или ругать, друзья отложили это суждение на потом. Пробравшись в комнату, они немедленно включили персональный студенческий терминал.

Догадка Эрвины подтвердилась. Еще будучи Баюди Грайслером, многоликий Ил использовал как Алию, так и Сайлуса. Единый во всех лицах, он оперировал сразу из нескольких мест, в том числе из этой комнаты.

— Есть! — воскликнул Руберт, убедившись, что студенческий терминал может гораздо больше, чем ему полагалось.

Полномочия Эрвины довершили дело. Проникнув в систему, Руберт быстро нашел нужную информацию.

Массовый расстрел биодроидов в методы Брегоунта не входил. Скомпрометированные, эти органические компьютеры представляли потенциальную опасность, однако не такую, чтобы тут же давать им бой. К тому же, тогда и других забот хватало. Как глава жилого комплекса, он же главный инженер Либератики,

Брегоунт и впрямь поступил оптимально. Своих и чужих, он собрал всех биодроидов и надежно изолировал, отложив решение их судьбы на более подходящий момент. Этот момент наступил сейчас. Определив, где содержатся пленники, друзья направились прямиком туда.

Наибольшую и почти единственную угрозу представляли уцелевшие схане'ярвы. Распространяясь повсеместно, вирус выкашивал их ряды, но это занимало некоторое время. Уразумев, насколько все серьезно, они пытались как-то реагировать, и эта реакция была довольно хаотичной. Лишившись руководства, они разделились на обособленные группы с разными лидерами. Одни возглавляли помощники Брегоунта, то есть инженеры и мастера, другими командовали офицеры службы безопасности, спасшиеся вместе со своими подчиненными. Их поведение разнилось. Кто-то искал убежище, запираясь в технических помещениях; иные выставляли блокпосты и вели круговую оборону в домах; третьи сбивались в патрули, выискивая источник угрозы. Вирус разил их везде. Пройдя инкубационный период, он убивал скоротечно и неумолимо. Проносясь в транспортной капсуле, друзья видели, как падают, лежат прямо на улицах схане'ярвы, и как выжившие начинают разбегаться, не понимая, куда и от чего бегут.

Хаос порождает панику. Паника приводит к агрессии и неконтролируемому насилию. Раздались первые выстрелы. Учащаясь, они гремели то здесь, то там, разносясь промеж кварталов жилого комплекса. Кто-то обстрелял капсулу с друзьями. Целенаправленно или нет — неизвестно, но уцелели они за счет ручного управления. Собственноручно ведя транспорт, Руберт направлял его к большому административному зданию, в подвале которого томились запертые биодроиды. Он поспел вовремя. Из-за схане'ярвов, любое перемещение снаружи стало попросту опасно. Шарахаясь от всего, они палили в любую цель, и просто потому, что та двигалась. Свирепствуя все сильнее, подступавшая смерть вызывала у них массовый психоз.

Оставаясь в системе, Эрвина отмечала многочисленные переговоры, которых постепенно становилось все меньше. На открытых каналах звучала откровенная истерика. Закрытые, вероятно, посвящались ей же, однако об этом оставалось лишь догадываться. Принцип квантовой связи подслушивания не подразумевал. В нее не мог проникнуть даже Ил, что и позволяло Эрвине воплощать свой замысел прямо у него под носом. Он видел ее абонентов, которых лично одобрял, однако и понятия не имел, что именно те обсуждали. Сотрясая эфир, схане'ярвы, вероятно, пытались дружно найти выход из внезапного кризиса, и не находили. Ак-

тивных трансляций становилось все меньше, а координаты их источников Эрвина сообщала Руберту. Управляя капсулой, тот вел ее так, чтобы держаться поодаль от противника, и лишь дважды попал под обстрел. На третий раз обошлось. Охрана биодроидов сбежала. Ударившись в панику, она искала спасения где-то в недрах жилого комплекса, изолируясь друг от друга и смертоносного вируса. Выскочив из капсулы, друзья ринулись освобождать ни в чем не повинных пленников.

Схане'ярвы заведомо не представляли, чего ожидать от взбунтовавшихся биодроидов. Эрвина знала это наверняка. В жилом комплексе Ила не было, хотя бы потому, что иначе он давно перешел бы в атаку, а не бесновался и не грозил ей издали. Вручную открыв стальные двери, друзья отключили электромагнитные поля, сняли силовые барьеры и выпустили биодроидов на свободу. Не оспаривая полномочия Эрвины, те подчинились ей сразу и безоговорочно. Их было сотни две — механиков, операторов, администраторов и других представителей обслуживающего персонала. Вот только необычного персонала, обладавшего совершенно уникальными характеристиками. Вооружив их подручными средствами, Эрвина сотоварищи обрели весьма недурных телохранителей. Затем, сопровождаемые новоявленной охраной, направились в центр управления комплексом.

Панике и дезорганизации поддались не все схане'ярвы. Довольно многие сохраняли выдержку до конца. Центр управления сторожили именно такие. Они не покинули свой пост, а вирус еще не успел до них добраться. Прибегая к спасительной герметичности, в своих бронекостюмах они были изолированы от внешней среды. Они никого не пропускали, игнорируя полномочия Эрвины, и вот здесь, даже с поддержкой роботов, без биодроидов было не обойтись. Исключая вмешательство Ила, те никогда не восставали против своих хозяев, однако именно как компьютеры они сейчас считали главной Эрвину. А главному они подчинялись безоговорочно. Пытаясь их вразумить, схане'ярвы могли сколь угодно орать, что это человек и предатель. Биодроиды видели допуск Ярколича, одного из пяти высших лиц Либератики, уровня которых больше никого не осталось. Приказы Эрвины они выполняли без колебаний, и тут же атаковали охрану, раз уж в том возникла необходимость.

Бой был жестоким и скоротечным. Пусть и серьезно вооруженные, схане'ярвы просто не могли противостоять двум сотням сверхлюдей, то есть чрезвычайно сильных и проворных биодроидов. Хоть и понеся потери, те перебили недавних хозяев, не испытывая ни жалости, ни сожаления. Будучи из того же теста, что и

Алия Ферран, сознанием они никогда не обладали, так и оставаясь уникальными, но всего лишь компьютерами. И идеальными исполнителями. Снарядив их оружием схане'ярвов, Элеонора, Листас, Шелли и Руслана, отныне наделенные статусом офицеров, возглавили четыре отряда. Пятый перешел под начало Джерри и Сильвертины. Их скрипка и волынка нашлись прямо в центре управления, конфискованные еще Брегоунтом. Убийственная музыка отлично дополняла смертоносный вирус, не оставляя схане'ярвам ни малейшего шанса. Поддерживая контакт с Эрвиной, все отряды распределились по окрестностям, зачищая их от уцелевших поработителей человечества. Эрвина же вместе с Рубертом занялась проблемой Ила.

Звездолет приближался. Он еще не достиг жилого комплекса потому, что тот и сам продолжал движение. Совпадая направлением, оно разнилось лишь в скорости. Громадная махина не рассчитывалась на космические гонки, в чем однозначно уступала почтовому судну. К счастью, поврежденному, что несколько уменьшало его проворное преимущество, и все же роковой момент подступал. Подобравшись вплотную, Ил изыщет способ для контакта, а стоит ему заразить хоть одного — жилой комплекс будет обречен. Прекрасно это понимая, Эрвина передала центр управления в руки биодроидов. Как уникальные компьютеры, они обладали невероятным потенциалом к обучению. Быстро разобравшись в аппаратуре, они уподобились профессиональному экипажу. Тому, что обычно дежурит на мостике космического корабля, капитаном которого выступила Эрвина.

Оценив ситуацию, биодроиды подтвердили неутешительные слова Брегоунта. Атаковать звездолет было решительно нечем. Оружием жилой комплекс не располагал, и сбрасывать балласт навстречу врагу физически не мог. Он не мог даже ускориться, не позволяя себя догнать. Последнее, впрочем, принципиально ничего не решало. С высокой вероятностью, Ил не станет играть в кошки-мышки, а улетит в обитаемую звездную систему. Туда, где немедленно начнет роковое и уже неудержимое заражение. Следуя холодной логике, отомстить он сумеет и потом, встретив Эрвину позднее, на сияющих изумрудным просторах. И месть эта будет тем страшнее, чем больше Вселенной успеет погубить Ил.

— Что с тараном? — проглотив комок, коротко спросила Эрвина.

— Вероятность успеха около восьмидесяти шести процентов, — тут же доложил один из биодроидов, округляя значения до целого.

— Вероятность уничтожения звездолета девяносто восемь процентов. Вероятность частичного выживания жилого комплекса сорок семь процентов. Вероятность полного — меньше двух процентов.

— Иначе говоря, с шансами пятьдесят на пятьдесят нам конец, — подытожил Руберт столь нехитрую математику.
— Идем на таран! — приказала Эрвина.
Оставаясь на связи, друзья были с ней полностью солидарны. А что им еще оставалось?

Биодроиды работали на славу. Будучи технарями Брегоунта, они изначально разбирались в оборудовании жилого комплекса, а как суперкомпьютеры очень быстро обучались чему-то новому. Действуя как единый экипаж, они развернули спасательную махину и направили ее встречным курсом на звездолет. Теперь Эрвина могла лишь наблюдать. Сидя в кресле Брегоунта, она смотрела на экраны, где приближалось инфицированное судно, и надеялась на счастливый исход. Надеялась, что жилые кварталы не сорвет в холодный вакуум, и что с Илом все же удастся покончить раз и навсегда. Увы, Ил тоже был не лыком шит. Прекрасно понимая, что задумано, он не собирался подставляться просто так.

Отслеживая схане'ярвов, друзья не позволяли им приблизиться к центру управления. Бои шли сразу в нескольких местах. Это были позиционные бои, то есть бои на удержание, поскольку вирус Аперхоун работал на людей. Им только и оставалось, что выставлять заслоны из роботов и биодроидов, которые оперировали оружием получше заправских наемников. Тем временем другие биодроиды исполняли маневр, и поистине мастерски. В расчетный момент они запустили разворот, чтобы удар звездолета пришелся не в защитный купол. Это была чистая физика. Огромная махина поворачивалась в сторону, но при этом сила инерции по-прежнему тащила ее прежним курсом. Отклоняясь зенитом от врага, она подставляла ему стальной бок, куда тот и должен был врезаться с куда меньшими последствиями. К сожалению, звездолетом управляла не какая-нибудь автоматика и даже не опытный экипаж. Им командовал Ил, в лице захваченных схане'ярвов и множества таких же расторопных биодроидов. Любые траектории жилого комплекса он заведомо просчитал на раз-два. Столкновения не последовало. Звездолет выжал тягу и нырнул вбок, включив маневровые двигатели и одновременно выполняя всем корпусом разворот.

Противники разошлись, так и не войдя в физический контакт, однако это было еще не все. Эрвина и ее биоэкипаж тоже предвидели подобный исход. Математические выкладки позволяли смоделировать грядущее развитие ситуации.
— Ну же, ну! — воскликнула, подавшись вперед, Эрвина.
На одном лишь таране тактический замысел не заканчивался. Согласно расчетам, звездолет и впрямь мог его избежать, но тогда он

выходил за пределы узкого гравитационного канала и тут же попадал в притяжение черной дыры. Учитывая расстояние, его не превозмогла бы никакая тяга.
— Ну же! Давай! — вскрикивала, тяжело дыша, Эрвина.
И вдруг мучительно застонала. Время, потраченное на захват центра управления, сыграло роковую роль. Они отлетели слишком далеко. Всякая необходимость в гравитационном канале отпала. Действительно уйдя за его пределы, звездолет даже не шелохнулся. Выжав форсаж, он компенсировал им силу тяжести и начал разворачиваться в сторону жилого комплекса.

Самым тяжелым, самым мучительным было поражение, которое наступало буквально в одном шаге от победы. Столь хитроумный замысел, такая искусная игра, делавшие честь уму, самообладанию и расчету, разбились о потерю всего нескольких минут. Вмешалась и простая случайность, позволившая Илу починить звездолет быстрее, чем предполагала предосторожность Карлериха. Входящий вызов означал только одно — торжество врага. Эрвина не стала его отклонять. Пустая гордыня не приносила пользы, а излишнее бахвальство губило даже сильнейших мира сего.
— Я решил, что с тобой сделаю, — объявляясь на большом экране, осклабился Сайлус-Ил. — Я позволю тебе жить. Ты увидишь, как я захвачу твоих друзей. Ты станешь свидетелем, как я поглощаю твою цивилизацию, а затем и всю Вселенную. Лишь тогда, когда я стану сиять повсеместно, я позволю тебе умереть. Быть может, к тому моменту я сумею найти, как сделать тебя частью себя, и тогда мое торжество станет абсолютным.

В правдивости услышанного посула можно было не сомневаться. С точки зрения мстительности, для неживой формы энергии Ил вел себя довольно странно, однако объяснение тому имелось простое. На его месте так поступили бы высшие схане'ярвы, которым презренная человеческая девчонка насолила дальше некуда. А Ил был подобием схане'ярвов. Его рациональность зависела от ситуации. К примеру, он позволял дуэту играть убийственную сонату, но инструменты не копировал и сам их в ход не пускал. Не снисходил, да и в масштабах всего противостояния тактического преимущества в них не усматривал. При этом Ил не чурался изощренного мщения, которое не очень-то вязалось с беспристрастной логикой. Как и живое, не лишенное страстей существо, он позволял себе поступок, который объективно ничего не давал. Правда, позволял не в ущерб общему замыслу, поскольку был уверен, что теперь его не остановить.

Ощущая подступавшее отчаяние, Эрвина вскочила, сжимая кулаки добела.

— Мы будем сражаться! — крикнула она. — Внимание всем! Собрать боевые отряды! Держать звездолет по правому борту! Убрать оттуда всех студентов и схане'ярвов! Чтобы заразить, Илу нужна дистанция! Мы встретим его огнем! Земля, даже сталь станет гореть у него под ногами!
— На иное я и не рассчитывал, — полыхнул глазами Ил. — Давай, сопротивляйся. Тем приятнее мне будет вас уничтожить.
Единый во многих лицах, он без труда вел издевательский диалог и управлял своей изумрудной армией — всеми, кто поместился в почтовый звездолет. Физически, большая ее часть осталась в Либератике, однако Ил это ничуть не волновало. Он состоял из сонма отдельных единиц, и потеря любого их количества никак его не меняла. Он был как змея, сбрасывающая старую кожу, или как ящерица, отращивающая новый хвост, только в миллиард раз живучее и универсальнее.

Страсти накалялись, а их драматизм поистине зашкаливал. Разворачиваясь, враг снова приближался, и ему решительно нечего было противопоставить.
— Если перегрузить реакторы, мы сможем взорвать жилой комплекс? — ища хоть какой-нибудь выход, спросила у биодроидов Эрвина. — Взорвать так, чтобы прихватить это чудовище с собой?
— Это вам ничего не даст, — оставаясь на связи, ответил за них Ил. — Ты провела меня — да, но я не позволю сделать это дважды. Часть меня останется на борту почтового корабля. Я высажу десант и отлечу подальше. Взрывайтесь сколько хотите — вам меня не достать.
— Зачем же ты это говоришь? — процедил Руберт.
— Затем, что я хочу заполучить эту рыжую бестию живой, — без обиняков заявил Ил. — Пусть знает, что самопожертвование ничего ей не даст.
— Это мы еще посмотрим! — ухватившись за эту идею, воскликнула Эрвина. — Я пойду в первых рядах! Инфицировать меня ты не можешь, а я встречу тебя с оружием в руках! Я стану закрывать друзей своим телом! Я буду живым щитом! Вот и попробуй меня не убить!
— Умно, — усмехнулся Ил. — Что ж, до скорой встречи на поле боя.
— Держать корабль по правому борту! — повторила свой приказ Эрвина. — Всем боевым отрядам собраться у зоны предполагаемого контакта!
— Какой корабль? — неожиданно спросил один из биодроидов.
— Что значит, какой? — невольно растерялась Эрвина.
— Какой из двух? — флегматично уточнил биодроид. — Из космо-

са к нам приближается еще один звездолет.

Слова органической машины прозвучали столь же ошеломительно, как если бы грянула труба архангела Гавриила. Издав неопределенное восклицание, Эрвина впилась глазами в экран. Туда, куда биодроиды вывели изображение неизвестного судна. Обладая галактической базой данных, системы его не идентифицировали, однако недавний инцидент на Гальтенузе предоставил им кое-какую информацию. Сверив сигнатуру, отметив ключевые особенности и боевые, хитроумно замаскированные настройки, центральный компьютер безошибочно узнал недавнего агрессора. Объявившись из глубины космоса, к жилому комплексу быстро приближался Трайберглосс.

В своих предположениях Ил не ошибся. Незадолго до падения командного центра, Карлерих действительно отправил множество сообщений другим схане'ярвам. Традиционно осторожный, он готовился к худшему, отчего заранее подготовил систему самоуничтожения. По совету Эрвины, внушенному с помощью Ярколича, он замкнул ее на себя. Его заражение означало немедленную активацию, что в итоге и произошло. Помимо этого, Карлерих разослал по галактике инструкции, на случай, если Либератика уцелеет и перейдет во власть Ила. Коротких межзвездных трансляций было много, и среди них легко укрылась еще одна. Пользуясь разрешением Дель Годро, второпях так и не отозванным, Элеонора отправила короткое послание, однако не своему поверенному, а кое-кому другому. Эрвина прекрасно понимала, что улететь в жилом комплексе было недостаточно, хотя бы и включая заражение схане'ярвов. Эвакуацию требовалось полноценно завершить. Направленное вполне конкретному адресату, послание Элеоноры содержало координаты подлинной Либератики.

Появление Ши Меурга выглядело настоящим чудом, но только на первый взгляд. Не желая мириться с фиаско, вызванным обманом поддельного университета, он самостоятельно разыскивал оригинал. Подозрения Карлериха соответствовали действительности. Успев собрать уйму данных, Ши Меург сумел определить, в какую область галактики велась уникальная трансляция. Когда поступило сообщение, он уже рыскал неподалеку. Получив координаты, он не удержался от соблазна и примчался на всех парах, чем и объяснялось его скорое, даже Эрвиной не предвиденное прибытие.

— Назовитесь! — потребовал Ши Меург, приняв входящий вызов.

— Вы меня узнаете?! Я — Годрициан Инглтон, единственный наследник "Инглтон мехатроникс инкорпорейтед"! Вы получили заказ на пять миллиардов от моего отца! — объявился на экране мо-

лодой властно заговоривший человек.
Сообразив, как следует поступить, Эрвина мгновенно подключила его к трансляции, а что говорить Джерри знал и сам.
— А. Так это вас я должен был эвакуировать? — мгновенно догадался Ши Меург.
— Именно так! — подтвердил Джерри. — А теперь прошу вас сделать как я скажу! Сделать незамедлительно и не задавая лишних вопросов! — добавил он твердым, прямо-таки стальным тоном.
— И что же это? — поднял бровь Ши Меург.
— Видите этот звездолет? — указал Джерри. — На его борту самый смертоносный вирус во Вселенной! Мы позвали вас на помощь именно из-за него. В Либератике проводили опаснейшие эксперименты. Вот почему оригинал прятали за подделкой. Произошла утечка, и теперь она вся заражена. Мы успели спастись, но нас преследует этот звездолет. Его экипаж тоже заражен, и он способен погубить все человечество.

Тон младшего Инглтона выражал семейную властность и незыблемую уверенность. Вместе с тем, как бы ни звучали его слова, их суть не очень-то укладывалась в голове.
— Гм, — усомнился Ши Меург, глядя на небольшой почтовый корабль. — И я должен этому поверить?
Разумеется, никто и не воображал убедить его вот так сразу, а время поджимало. Ставка традиционно делалась на другое.
— Вы уже атаковали ложную Либератику, чтобы помочь мне спастись, — напомнил Джерри. — Вы не остановились перед уничтожением ее орбитальной группировки и наземной охраны. Вы согласились сделать это за пять миллиардов. Даю слово Инглтонов — вы получите еще десять, если немедленно уничтожите этот звездолет! Уничтожите так, чтобы от него не осталось даже пепла!
Лицо Ши Меурга озарила слабая улыбка. Чуть повернувшись, он сделал знак кому-то из подчиненных, и на трансляции с почтового корабля внимания уже не обращал. Трансляции того, кто некогда сам помогал привлечь этого наемника, а теперь очень сильно об этом сожалел.

Способный схватиться со множеством противников, Трайберглосс располагал подходящим вооружением, чтобы оперативно исполнить просьбу щедрого заказчика. В принадлежности одинокой цели он не сомневался. На ее бортах, как и у военных звездолетов Гальтенузы, красовалась двойная галактическая спираль. Синяя шла в одну сторону, красная в другую, и обе переплетались как нити в тканом ковре. Переплетались в олицетворении Астробиона, символизируя, как энергетически-синяя Вселенная схане'ярвов поглощает жертвенно-красную Вселенную людей. И

это олицетворение сгинуло в ярости ядерного распада. Захватив звездолет Либератики, крейсер Ши Меурга выпустил по нему сразу четыре ракеты. Заведомо предупрежденный, экипаж жилого комплекса включил щиты на полную мощность. Ее едва хватило, когда атомные вспышки пожрали корабль Ила без остатка.

Когда слепящий огонь погас, на его месте не осталось ничего, что могло бы содержать органическую материю. Там была лишь космическая тьма, без всякого проблеска изумрудного сияния.

— У нас на борту несколько тысяч молодых людей и сотни вооруженных врагов, — сообщила Эрвина, подразумевая студентов и пока живых схане'ярвов. — Первых надо эвакуировать, вторых уничтожить. Вы можете высадить команду зачистки?

— Принято, — отозвался Ши Меург. — Что-нибудь еще?

Собравшись в центре управления, друзья обменялись заблестевшими взглядами. Затем, следуя единому порыву, крепко взялись за руки.

— Нет, — озарилась улыбкой Эрвина. — Теперь — нет.

Участь схане'ярвов, скрывавшихся по всей галактике, была предрешена. Вернувшись в обитаемые миры, их несостоявшиеся носители распространят неотразимый вирус, и тот поставит жирную точку в бессмертии чужеродных захватчиков. Точку, которая уже ставилась здесь и сейчас. Эрвина, Руберт, Элеонора, Листас, Шелли, Руслана, Джерри и Сильвертина прошли свой путь достойно и до конца. Глядя на экран, где раскинулась огромная внешняя панорама, они безмолвно наблюдали, как Либератика — эта зловещая кузница кадров — в последний раз сверкнула огнями и провалилась в черную дыру.

К О Н Е Ц